Собрание творений. Том 1
На Богочеловеческом пути. Путь Богопознания
преподобный Иустин (Попович), Челийский

Жизнеописание отца Иустина

иеромонах Афанасий

Божественный апостол заповедует: *Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр.13:7–8).

И воистину Господь Иисус Христос, вечное Слово Божие – Логос Божий, и вечная Премудрость Божия, – и вчера и сегодня и во веки Тот же, от вечности и до вечности Тот же, неизменный Единородный Сын Божий и Бог Спаситель наш. Как вечная Любовь Божия и вечный Человеколюбец Он в начале сотворил род человеческий, призвал его из небытия в бытие, а в последние времена Он, Тот же и неизменный, преизобилуя любовью и человеколюбием, воплотился от Святой Богородицы «нас ради человек и нашего ради спасения». Он, как глаголет премудрый Соломон, *сотворил и малого и великого, и одинаково промышляет о всех* (Прем.6:7), и поэтому дал Он пророков и праведников в Ветхом Завете поучать и наставлять народ Божий; Он избрал и святых апостолов Своих и послал их в мир проповедовать слово Евангелия ради спасения всякого человека и всякой твари; Он и поныне непрестанно дает и поставляет учителей, и наставников, и отцов, и пастырей в Церкви Своей святой и ими руководствует нас и учит Божественному Своему слову, и они нам Духом Святым из рода в род свидетельствуют о Боге Живом и Истинном, о вечной Истине и Правде Божией, о вечном спасении и вечной жизни в Нем – Едином Боге и Спасителе нашем, и здесь, на земле, и в вечном Царстве Небесном.

Об этом пророчествовал и говорил премудрый Соломон, глаголя: Премудрость Божия, Творец и Украситель всего, *Она – одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет и, переходя из рода в род в святые души, приуготовляет друзей Божиих и пророков; ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью* (Прем.7:27–28). Христос Господь, Божия Сила и Божия Премудрость, Божия Любовь и Человеколюбие, дарует нам в мире, через Церковь Свою, пророков и апостолов, учителей и наставников, отцов и пастырей, которые нам Духом Святым свидетельствуют и проповедуют Слово Божие, свидетельствуют и утверждают православную Божию веру, предварительно сами ее переживая и осуществляя в своей жизни и делах, в своем богоугодном подвизании, в делах человеколюбия. Поэтому завещание и заповедь

святого апостола Павла о постоянном поминании наших наставников и о постоянном воззрении на их жизнь и подражании их вере – для нас, православных христиан, есть заповедь Самого Христа, ибо Христос и через Павла говорил, как говорил и говорит и нам: через наставников и отцов наших, верных служителей, учеников и друзей Его.

В древние времена истории Христианской Церкви Христос, будучи Главой Своей Святой Церкви, после святых апостолов давал роду человеческому великих и славных отцов и учителей Церкви, во всяком роде и роде, проповедующих Евангелие роду человеческому и путеводствующих его ко спасению. Непоколебимо пребывая в любви Своей, Он, Тот же, по неложному обещанию Своему (см.: Мф.28:20), совершает это и поныне через наследников святых апостолов и святых отцов: через святых епископов и пастырей, священников и наставников, духовников, подвижников и исповедников Православия, от древних святых отцов до святых Кирилла и Мефодия, святого Фотия, святого Саввы и святого Григория Паламы, до святого Марка Ефесского и святого Тихона Задонского, до святых Василия Острожского и Нектария Эгинского, до новых святых священномучеников, исповедников и подвижников православной веры и жизни.

Таким святым учителем и наставником, апостольским отцом и святоотеческим пастырем, христолюбивым подвижником и духоносным исповедником Христовым был в наши дни в святой Православной Церкви верный раб и угодник Божий – отец Иустин. Ибо если кто по апостольской заповеди в наши дни проповедовал слово Божие, жил и почил достойно проповеданного Евангелия спасения, то это поистине был блаженно усопший отец Иустин. Потому и остался он нам образом и примером для подражания: и в слове Евангелия, и в деле евангельской жизни, и в подвиге православной веры во Христа Богочеловека – вчера, сегодня и во веки Того же и Неизменного, и в любом христианском подвиге святой веры и святых добродетелей. Ибо, по премудрому Соломону, *свято хранящие святое освятятся* (Прем.6:10), – так и этот верный слуга и друг Божий, верно и свято сохраняя и совершая самые великие святыни на земле – веру и жизнь Евангелия Христова – и сам освятился, стал святым и, как таковой, остался от Бога нам данным образцом и примером, для нашего следования ему и подражания.

И потому, исполняя указанную заповедь святого первоверховного апостола Павла, мы приступаем здесь к краткому изложению евангельской жизни и подвигов отца Иустина, отчасти кому-то известных, но для многих малоизвестных или неизвестных вообще. Ибо и мы, знавшие его и

хотя недостойные, но по безграничному милосердию Божию и великому снисхождению этого блаженного отца бывшие его учениками и духовными чадами, – и мы сами, вплоть до его блаженного преставления ко Господу, не достаточно знали, кем и каким Божиим человеком он был.

Но как приступить к описанию жизни какого-либо человека, богоподобного человеческого существа, тем более такого угодника Божия, не исполнив предварительно того, что сам отец Иустин всю свою жизнь выполнял и другим советовал: «К любому человеческому существу, к любому Божьему творению приступать прежде всего с молитвой, чтобы молитва Господу опосредствовала наше приступание к каждому существу, к святой тайне каждой иной души, к каждой богоподобной личности, ибо только посредством призываемого в молитве Господа Иисуса Христа можно правильно и безгрешно встретить, узнать и полюбить творение Божие, каждое богоподобное и христоподобное человеческое существо». По этой основной причине и наш подход к жизни и трудам блаженно упокоенного отца Иустина будет здесь – постараемся, чтобы был, – молитвенным подходом. Ибо таким был и его подход к нам во время его земной жизни, и мы уверены – мы в это веруем, это знаем и чувствуем, – что так он и сейчас призирает на нас с неба, из Небесного Царства Христова, где *молитва* – вечная жизнь и вечное дыхание в Духе Святом и Духом Святым.

Отец Иустин родился в день святого Благовещения Пресвятой Богородицы (25 марта по старому стилю) 1894 года в старинном сербском городе Вране[2] от благочестивых православных родителей сербского рода – Спиридона и Анастасии. Отец Спиридона (известный отец Алексий) был седьмым по счету священником (а по другим источникам, даже тринадцатым) в древней семье Поповичей, о священническом происхождении которой свидетельствует сама ее фамилия. Один из давних священников этой семьи переселился, как говорят, из южных краев в окрестности Вране, привезя с собой в корзинках на лошади детей и имущество[3]. Из священников до отца Алексия известны нам имена остроумного отца Наки[4] и еще четырех других: отца Георгия, отца Величка, отца Марка и отца Антония, – хранившиеся в диптихах отца Иустина, ибо благодарный внук и потомок поминал их на каждодневных святых литургиях. Известно об этих священниках еще и то, что во время болгарской экзархии, будучи чистокровными сербами, они больше тянулись к православным братьям-грекам, потому турки и называли их «грекоманами», ибо именоваться сербом было запрещено, особенно во время сербско-турецких войн, вплоть до окончательного освобождения

Вране и его окрестностей 19 января 1878 года.

Отец Алексий в то время был священником в селе Горне Жапско (южнее Вране, за Моравой), где был монастырь св. Стефана (подчиненный монастырю св. Прохора Пчиньского), и при нем – монастырская школа, так называемая «псалтирская богословия»[5], где сын отца Алексия Спиридон учил Закон Божий, но лишь два года, поскольку после этого отец вернул его домой. Так на нем священство в доме Поповичей прервалось, чтобы сын Спиридона и внук отца Алексия – Благое (мирское имя отца Иустина) – вновь его продолжил и, таким образом, поистине возобновил. Спиридон не утратил знаний, приобретенных в монастырской школе, и впоследствии прислуживал и помогал священникам во время священнодействий в храме и на дому, так что и он, и его семья сохранили священную обстановку церковного благочестия, и в такой среде родился и рос маленький Благое.

По освобождении Вране отец Алексий сумел построить там два дома для своих сыновей Спиридона и Драгутина. С этого времени в город переселилась и вся его семья. Спиридон, державший хозяйство, был честным и набожным юношей и вскоре вступил в супружество с такой же честной и набожной девушкой Анастасией из одного из окрестных сел. Однако в начале их супружеской жизни дети у них никак не могли подняться на ноги и постоянно умирали. Из восьми детей в живых осталось лишь трое: прежде всего дочь Стойна (названа так по договоренности со священником Костой Йовановичем, чтобы окрепла и **стояла,** т. е. осталась жить), затем на два года ее моложе Стоядин (назван так по той же причине) и, наконец, двумя годами моложе Стоядина Благое, названный так в честь праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, в день которого он рожден.

Нет сомнения, что в рождении Благое в день святого Благовещения и в том, что он остался третьим живым ребенком (после него в семье умер еще один новорожденный), было указание на то основное знамение, под которым будет проходить весь его жизненный путь на земле: со дня своего рождения благовещенный Благое жил и подвизался, нося на себе знамение величайшей **благой вести,** когда-либо данной роду человеческому, – благовещения Боговоплощения Сына Божия от Пресвятой Богородицы, «нас ради человек и нашего ради спасения», и благовещения о тайне Святой и Животворящей Троицы, во имя Которой и в храме во имя Которой крещен маленький Благое[6]. Подвигнутый всетворящей волей Божией «из небытия ко Всебытию», как он позже напишет в своей «Догматике», он со дня святого Благовещения 1894 года до дня святого

Благовещения 1979 года, когда оставил мир и переселился в вечную жизнь, был неизменным вестником, благо-вестником, непревзойденным богословом тайны воплощения Сына Божия – Богочеловека Христа – от Святой Богородицы и тайны Святой Троицы, Единого Живого и Истинного Бога нашего.

В кругу своей благочестивой, православной и священнической семьи юный Благое вырастал и вместе со своими старшими братом и сестрой воспитывался только во всем том, что честно и благочестиво и Сладчайшему Богу угодно. Особенно много доброго он почерпнул от своей любимой бабушки Станы (Анастасии), вдовы почившего отца Алексия, жившей до 105 лет, а также и от своей набожной матери Анастасии, и, таким образом, в этом отношении его детство было похоже на детство святого Василия Великого, который сам о себе свидетельствует (в письмах 204 и 223), что веру православную и благочестие он прежде всего принял и научился им от своей матери Емилии и своей бабки Макрины, ученицы св. Григория Чудотворца, епископа града Неокесарии, места рождения св. Василия Великого. Мать и бабушка молодого Благое не имели учителем св. Григория, но зато в их местности находился монастырь чудотворца Христова – святого Прохора Пчиньского[7]. Они, как и другие набожные жители города Вране, часто ходили в монастырь и водили с собой детей и внуков. О том, какова была набожность благочестивых горожан[8], а также их приверженность святому Прохору и его монастырю, свидетельствует нам и самое имя, которым они и сегодня называют св. Прохора, именуя его общим именем **святой отец** и сказуя этими словами свое отношение к нему и его к ним. Ибо древний неманичский («неманичский» – назван так по имени первого сербского великого жупана Стефана Немани (годы царствования 1168–1196), положившего начало самостоятельному сербскому государству. – *Примеч. пер.*) монастырь с его святым покровителем и чудотворцем – святым Прохором Мироточивым – был общим отцовским духовным домом и духовной колыбелью, в которой родились, или, лучше сказать, возродились, многие благочестивые души, среди которых был и юный Благое Попович.

Приходя в монастырь со своими родителями, он часто бывал свидетелем чудесных исцелений, происходивших у мощей этого святителя Божия. Много лет спустя он сам рассказывал нам, что был очевидцем благодатного исцеления своей матери (в 1929 г.), у которой сильно разболелась нога, и врачи признали болезнь неизлечимой. Однако когда перед ракой св. Прохора Пчиньского был отслужен молебен и нога

помазана целебным миром, истекающим от его святых мощей, сей святой отец исцелил ее, и нога стала здоровой[9]. И впоследствии, через всю свою жизнь и странствия, искренний и смиренный почитатель святого отца Прохора Пчиньского, Благое-Иустин по возможности не пропускал случая вновь прийти к святителю родного края на поклонение и благословение, а особенно в то время, когда, будучи уже профессором университета и в то же время монахом, принадлежал к братии монастыря святого Прохора[10].

У своей глубоко верующей матери молодой Благое научался и основным истинам православного евангельского благочестия – молитве и посту. Он часто рассказывал, как его мать вместе с другими набожными жительницами Вране каждый год в Великий пост содержала строгое «тримирие», т. е. строгий пост без какой-либо пищи и воды в течение первых трех дней поста. Отец Иустин через всю свою постническую жизнь не только верно сохранил соблюдение «тримирия», но и намного увеличил постнический подвиг, как мы это увидим из дальнейшего изложения его жизни. О глубокой вере и благочестии отца Благое – Спиридона – свидетельствуют слова многих людей, лично его знавших, ибо это поистине был Божий человек по доброте сердца и благости души, а также по богоданной рассудительности и мудрости.

А о том, какова была мать Благое – Анастасия – оставил нам свидетельство сам ее сын. Это свидетельство, записанное спустя несколько месяцев после ее блаженного преставления, лучше привести здесь полностью. На полях своего толкования Святого Евангелия от Иоанна (в пасхальные дни 1945 г.) отец Иустин под заглавием «Физическое ощущение бессмертия» отметил следующее: «Я сам пережил это чувство возле мертвой матери. Она, любезная мне, уснула в Господе в день св. Гавриила Лесновского (15*28 января 1945 г.), в воскресенье, в 22 ч. 30 мин. Погребена на следующий день в 16 часов. По ее лицу была разлита бесконечно умилительная благость и доброта. Расставаясь с ее иссохшим от постов телом, душа оставила на ее лице свою бессмертную благость и красоту. Поистине лишь бессмертная благость и бессмертная красота могут быть так умилительны. И то, и другое преисполнено бессмертной добротой. И все это постоянно усиливало мое молитвенное состояние. Просто некое физическое ощущение бессмертия разливалось от этого по моему существу. И я сам действительно возле мертвой матери пережил самое очевидное доказательство ее бессмертия – физическое (опытное) доказательство. Это парадоксально, но по-евангельски истинно: “Зерно пшеничное, если не умрет – останется одно, а умрет – принесет много плода”. На смертном лице – такое очевидное бессмертие! Бессмертие*

души, бессмертие всего существа моей милой матери... И я плакал от скорби и умиления, и до сих пор те чувства обладают всем моим существом. Ее чудесное лицо было таким естественным физическим переходом в ее бессмертие. А что же я? С тех пор я всегда думаю о ней с молитвой: каждое чувство, каждая мысль о ней незаметно претворяются в умиленную молитву... Мои мысли источают слезы и преисполняются молитвами. Какое блаженство – быть человеком с ощущением, с опытным ощущением бессмертия. Это последний дар, который моя матушка, моя бессмертная дарительница оставила мне на земле... По возбужденной душе проносится сладкое дамаскиновское веяние вечной истины: "Образ есмь неизреченный Твоея славы..." Искры воскресных сил преизобильно источаются из благого и милого лица моей уснувшей матушки, чтобы в день Конечного Суда радостно слиться в свет воскресения, и тогда в вечном слиянии заблистает она – послушница Божия Анастасия-Воскресение...»

Подобная запись сына о матери ясно свидетельствует нам о добродетелях и благочестии такой матери, вырастившей такого сына; но в то же время само описанное переживание бессмертия намного больше говорит о вере и благочестии сына такой матери, Благое-Иустина, человека, через всю свою жизнь свидетельствовавшего вместе со св. Исааком Сириным о том, что бессмертие – это не что иное, как **ощущение Бога.** «Ощущать Господа Иисуса Христа в самом себе – это то же, что ощущать бессмертие, ощущать себя бессмертным», – исповеднически написал он в своей книге «Бездны философии». Со смиренным сознанием своей греховности и полного недостоинства можем и мы сегодня засвидетельствовать, что такое или подобное такому ощущение его бессмертия и вечности, но по нашему духовному недостоинству во много меньшей мере, он – блаженный и бессмертный угодник Христов Иустин – даровал и нам, грешным и недостойным, в день Святого Благовещения Богоматери, в час своего блаженного преставления в Господе и во время посмертного почивания его духоносного тела в монастырском храме в течение всех трех дней до погребения.

Много еще можно было бы сказать о детстве и воспитании молодого Благое, но уже время перейти к дальнейшему описанию его жизни. Во всяком случае, нужно здесь сразу отметить в качестве весьма значительного духовного явления в наше смутное и зараженное маловерием время появление личности отца Иустина; причем его детскую набожность и благочестие, по чудесным и неисповедимым путям Промысла Божия, мы можем засвидетельствовать, начиная с его

тринадцатилетнего возраста и далее через всю жизнь. Об этом свидетельствует и он сам, когда говорит, что с тринадцати лет он начал сознательно читать и изучать Евангелие Христово, и с искренностью святого апостола Павла утверждает и признает: «Если бы я тогда не встретил Лик Господа Иисуса Христа, не знаю, что бы от меня было». Одно все-таки остается несомненным с самого начала до конца земной жизни отца Иустина Враненско-Челийского: с отроческих лет и до восьмидесятипятилетнего старца он был истинным и настоящим, целостным и неповторимым **богоподобным человеком,** и потому – человеком **веры** и **любви Божией** во Христе Иисусе, Господе нашем. И кажется нам сейчас, когда мы пытаемся описать земную его жизнь с самого детства до последнего дня, что весь его жизненный путь лучше всего заключают в себе и выражают слова любимого им святого апостола, не менее любимого, чем его незаменимый святой апостол Павел, – святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова: *Ибо это есть любовь к Богу,* – благовествует святой Воанергес («сын грома», как иногда подписывался и сам отец Иустин), – *чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди его нетяжки, Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий? Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровию и Духом, не водою только, но водою и кровию, и Дух свидетельствует о Нем, потому что Дух есть истина* (1Ин.5:3–6). В этих святых словах, в заключенном и вмещаемом в них смысле содержится вся тайна жизненного пути отца Иустина Поповича, вся тайна его истинно человеческой и потому христоподобной и богоподобной личности. Любовью Божией и соблюдением Его заповедей он сохранил веру Христову до конца и потому победил мир и засвидетельствован Духом Истины.

Но возвратимся опять в его детство.

Все дети Спиридона и Анастасии закончили среднюю школу во Вране на «отлично». Стойна затем осталась дома, Стоядин поступил в городскую гимназию и по ее окончании уехал изучать право в Белград, а Благое после четырех классов, законченных в 1905 году с отличным успехом, пошел в 9-классную семинарию св. Саввы в Белграде, где учился с 1905 по 1914 год[11]. И для юного Благое, и для его родителей его поступление в семинарию решилось «как-то само собой», как об этом говорила его родная сестра, что означает, что его воля и воля родителей здесь взаимно сошлись. Поступить в Белградскую Свято-Саввскую семинарию в то время было нелегко, так как из нескольких тысяч кандидатов принимали лишь

около ста, а потому приемные экзамены были сложными. Благое эти экзамены сдал на «отлично» и был также отличником на всех курсах. Жили в семинарии святого Саввы по-братски, одной семьей. Профессора, среди которых для молодого и даровитого Благое и для других учеников самым значительным наставником и воспитателем был о. Николай Велимирович, в то время иеромонах и доктор философии и богословия[12], обучали и наставляли молодых богословов. Ученики, в свою очередь, имели свои литературно-духовные братства, где друг другу помогали в приобретении знаний, духовно возрастали и укреплялись в православной вере и благочестии[13]. Сам отец Иустин позднее рассказывал, что эти ученические братства, особенно личности отдельных, более опытных в духовном отношении семинаристов, сильно способствовали его духовному пробуждению и развитию, поэтому до конца жизни он оставался благодарным тем старшим его по возрасту семинаристам и постоянно поминал их в молитвах, особенно на святых литургиях.

В этих литературных братствах молодой Благое блистал красноречием и стилем, своей рассудительностью и уже тогда отличным знанием мировой литературы и ее проблем. Вообще он был любим своими товарищами, из которых многие звали его побратимом, о чем свидетельствует ряд сохранившихся фотографий и записок его друзей. Но молодой Благое был не только веселым и добрым другом. Уже в то время не земные, не временные, а вечные грусти и стремления занимали эту душу, жаждущую Бога[14]. Как раз на эти молодые семинарские годы падает и то время, четырнадцатый год от роду, когда он начал регулярно читать Святое Евангелие (по-видимому, с того времени он и завел для себя и для других, желающих того, правило: каждый день читать по три главы Нового Завета; это правило он содержал до конца жизни). Это было время сознательного юношеского пробуждения перед тайной жизни и смыслом существования, когда молодой Благое, подобно евангельскому юноше, поставил перед собой самый серьезный вопрос: как приобрести жизнь вечную? К этому основному евангельскому вопросу (см.: Мф.19:16; Мк.10:17) он неоднократно возвращался в течение всей своей жизни, особенно на встречах и в разговорах с молодыми людьми, со студентами. Он говорил им тогда: «Никто Господу Иисусу Христу не ставил такого важного и рокового для человека вопроса, как этот евангельский юноша». Поэтому он всегда искренне любил молодость и молодые души и отдавал им много свободного времени и любви, как будучи профессором, так и впоследствии, будучи духовником. Таким образом, сознательный интерес Благое к святому и живому слову Божию в Священном Писании выходил

за рамки семинарских предметов и экзаменационных требований; для него это было исканием насущного хлеба для жизни и подвигов, поисками ответа и духовной пищи для своей души, алчущей и жаждущей Бога, алчущей и жаждущей полноты и смысла жизни как здесь, на земле, так и в вечности. О том, что насколько для него лично значило и представляло живое и действенное слово Божие, которое *острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр.4:12), – свидетельствуют нам и все последующие его подвиги, и вся его подвижническая и богословская жизнь. О том, что святое и вдохновенное Духом Божиим слово Евангелия, слово истины и вечного спасения действительно было таким значительным и в молодости, и впоследствии для боголюбивого и христолюбивого Благое-Иустина, говорит нам и то, что он – по природе исключительно одаренный незаурядным даром разума и рассуждения, редким и таким многосторонним и многочувствительным, а потому временами и горьким соломоновым даром мудрости, – все мысли и помыслы сердца и ума своего беспощадно выносил на суд истины и премудрости Духа Святого, Духа жизни, обитающего в Православной Церкви Христовой, на суд живого Предания и церковного опыта, лишь частично записанного в Священном Писании. Об этом нам вновь свидетельствуют все его записи, начиная с сохранившихся семинарских тетрадок и листков и кончая последними крупными опубликованными и неопубликованными трудами. Просто-напросто отец Иустин вырастал, жил и дышал Евангелием и Священным Писанием. В этом, возможно, и заключена одна из тайн его особой любви к святому Иоанну Златоусту и святому апостолу Павлу.

К этому времени, к семинарским годам, относится и его живой интерес к проблемам мировой литературы и философии, особенно к тем глубинным вопросам, какие затрагивал в своих трудах великий славянский православный писатель Достоевский. Нужно сразу сказать, что в этом отношении отец Иустин был подобен великим отцам Православной Церкви, особенно св. мученику Иустину Философу, св. Василию Великому и св. Григорию Богослову. Эти святые, в свое время лучше других изучившие греческую литературу и философию, на самом деле познали всю ничтожность и суетность человеческой мудрости без Христа, почувствовали мучительное и безвыходное положение, немощь человеческого существа, его неспособность дойти до последней истины, до смысла этой жизни и бытия всего сущего, а потому еще более и ревностнее предали и посвятили себя Христу и начали свидетельствовать

и проповедовать, богомудро изъяснять и богословски истолковывать всему миру и всем людям единственную и ничем незаменимую Истину Евангелия Христова как науки и премудрости, единственно спасительной для человека. Взирая на этих святых отцов и шествуя в наше время их путем, и отец Иустин в молодости внимательно изучал мирскую мудрость и *философию по преданию человеческому* (ср.: Кол.2:8), как классическую греческую, так и новую, современную, европейскую и славянскую, посему и в этом отношении он был всесторонне образованным человеком, будучи одаренным по природе, как это редко бывает в наши дни. Будучи глубоко философски и всесторонне развитым (одаренным) человеком, чутким и отзывчивым на все вечные проблемы, он ощутил и познал все тайны и лабиринты человеческого духа и существа в этом мире и в этой жизни, но все-таки на всех путях и распутиях человеческого духа и мысли он, как об этом сам говорил, подобно святым отцам, оставался подобным святому и богомудрому **философу,** т. е. был верным и ненасытным любителем истинной и непреходящей премудрости. Ибо, обладая беспощадной к самому себе искренностью, своей душой, любящей истину, ищущей Бога и жаждущей Христа, по дару благодати Божией, он сразу в начале жизни поставил себя на верный и единственно спасительный путь – на путь самой Истины, ведущей и вводящей в Жизнь Вечную, а Таковым является лишь Господь Христос, Богочеловек – Путь, Истина и Жизнь, единственный Человеколюбец и единственный Спаситель человека на земле и на Небе, во временной и вечной жизни. Отсюда в молодом Благое возгорелась такая пламенная любовь ко Господу Христу, что неугасимо светилась она в его сердце вплоть до последнего вздоха его земной жизни. Дивные исповеди и свидетельства этой бескрайней любви ко Господу Христу мы находим во всех его трудах и записях, но несравненно более мы видели и пережили эту его любовь ко Христу в нем самом, во время его жизненного пути и подвигов.

Интерес молодого Благое, а впоследствии молодого монаха Иустина, к Достоевскому и другим выдающимся мыслителям, пытающимся решать полные трагизма человеческие проблемы, появился у него, прежде всего, по собственным внутренним побуждениям. Достоевский в известном смысле был действительно его своеобразным «учителем и мучителем», как он сам об этом говорил, и это именно потому, что оба они встретились и столкнулись с теми же самыми вечными проблемами и оба лишь во Христе нашли, открыли и пережили решение своих мучительных вопросов, обрели единственный спасительный выход из всех безвыходных положений и трагизма человеческой жизни. Человеческую драму

Достоевского отец Иустин переживал как свою собственную, т. е. как неизбежную и необходимую драму каждого сколько-нибудь глубокого и искреннего человеческого существа, а поскольку Достоевский пошел за Господом Христом как своего рода современный православный пророк и апостол, молодой Благое в этом же смысле последовал за Достоевским, более в качестве его спутника на пути в вечный Эммаус, ибо на этом пути человека обязательно встречает и сопутствует ему Благий и Воскресший Господь Иисус Христос, как некогда Луке и Клеопе, и открывается ему в горении сердца верой и любовью и в преломлении хлеба жизни и бессмертного смысла[15].

Однако было бы ошибкой переоценивать влияние Достоевского на молодого Благое-Иустина, так же как и влияние любого другого мирового писателя, философа или богослова (как, например, отца Павла Флоренского). И это просто потому, что нам верно и несомненно известно намного более сильное, решающее и постоянное влияние на его личность, со дней богословской молодости и вплоть до конца жизни – влияние, которое следует называть даже не влиянием, а духовным родительством и рождением, духовным возрождением и вообразованием, образованием по образу и подобию Христову, подобным тому, о котором говорил апостол Павел своим духовным чадам: *Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!* (Гал.4:19). Это влияние и водительство святых отцов Православной Церкви, особенно святого Иоанна Златоуста, святого Макария Египетского, святых Афанасия и Василия Великих, святого Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова. Они для Благое-Иустина, а вместе с ними, разумеется, и все другие Божии святые, были постоянными и каждодневными путеводителями и учителями, нисколько не меньшими святых апостолов и евангелистов, описание жизни и подвигов во Христе которых он каждый день читал в Священном Писании. Эти святые были живым олицетворением Христовым; они жизнь Христову и образ Его делами носили и являли в своей душе, во всем своем жизненном опыте и подвигах. Этим они открывали и являли каждому искреннему человеческому существу, что одна и единственная тайна человеческой личности – Богочеловек Иисус Христос. Поэтому за ними всем своим сердцем, тоскующим по Богу, всей своей душой, всем своим существом, устремленным ко Христу, последовал молодой Благое, ибо в них он обрел и открыл вседрагоценный и присноживой образ Христов. «В каждом святом, – напишет он немного позднее (в предисловии к Житию святого Саввы – личности, также представляющей для него определяющее значение), – Господь Иисус Христос – все и вся и в его душе, и в его

совести, и в его сердце, и в его жизни, и в его трудах. Это и есть психология и онтология святости вообще и каждого святого в отдельности. Отсюда (добавляет он далее для себя) и сегодняшний христианин может быть настоящим христианином лишь тогда, если будет руководим святыми изо дня в день».

Молодой и христолюбивый Благое, так же как и впоследствии монах Иустин, предавал поистине всего себя в каждодневное руководство святым Христовым, особенно и исключительно святому Иоанну Златоусту, которого с детства необычайно любил и которому, будучи отроком, постоянно молился с искренностью и умилением. Приведем лишь некоторые его молитвы ко святому Златоусту, проникнутые чувством любви: «Чувство какой-то милостивой близости святого Златоуста ко мне всегрешному. Вырывается душа моя к нему молитвой: о-молитви меня твоею молитвенностью, удостой меня подвизаться твоими подвигами. Тишина неба проходит мою душу и радость меня объемлет, ибо я имею святого Златоуста» (запись в дневнике, 1923). Или это: «Любезный отче Златоусте, всякий помысел о тебе – праздник для меня, и радость для меня, и рай, и восхищение, и помощь, и исцеление, и воскресение... Святый Златоуст – вечная заря моей души и всей Православной Церкви. Он – самый любезный посредник; он – самый речистый, богоданный язык земли к небу, которым земля сказует небу свои воздыхания, свои болезни, свои надежды, свои молитвы». Существуют, несомненно, какие-то скрытые тайны в жизни отца Иустина, в его отношении ко Господу Иисусу Христу, опосредствованном Пресвятой Богоматерью и святым Иоанном Златоустом. (И свт. Савва Сербский, будучи еще юным, после Пресвятой Богоматери больше всего любил святого Златоуста и ему первому воздвиг храм; точно так же и отец Иустин воздвиг храм святому Златоусту, или точнее, Господу Иисусу Христу, Который в этом святителе жил и через него действовал и говорил.) Явление святого Златоуста отцу Иустину во сне, происшедшее уже спустя много лет, сказует нам часть той внутренней духовной и святительской тайны; об этом нам осталась запись (в его личном Малом Требнике) как личное свидетельство отца Иустина: «Накануне святого пророка Иеремии, 1*14 мая 1955 года, в полночь в Лесковце видел во сне: святый Златоуст в дивном золотом архиерейском облачении, с роскошным золотым Евангелием в руках идет ко мне; я ему поспешил навстречу, пал к его ногам и целовал его ноги и края одежды; он возлагает мне архиерейский орарь на голову, кладет поверх него Святое Евангелие и читает. Когда он окончил чтение, я его с радостью спросил, что он читал. Он мне ответил: “Из моего Евхологиона”. Умиление,*

радость несказанная в душе. С таким настроением проснулся. И долго мною владело радостное восхищение и несказанное умиление»[16].

Так этот жаждущий Бога Христолюбец прежде всех других наставников и учителей был руководим, просвещаем и наставляем и наконец ко Христу Богу приведен и Ему предан святыми отцами Церкви Православной, святителями Божиими, к которым он поэтому и имел такую любовь и почтение, что посвятил им всю свою жизнь, изучая и проповедуя их веру, и опыт, и благовестие о Христе Богочеловеке, описывая и переводя их жития и подвиги и вообще их богоданную православную науку и богословие. Именно поэтому он с них, прежде всех других, и брал пример и под их духовным влиянием и руководством возрастал и развивался. Потому и стал он близок к ним, подобен им, ибо еще в молодости вступил в благодатный молитвенный союз с ними и с тех пор всю свою жизнь прожил вместе «со всеми святыми», как он это с апостолом Павлом (см.: Еф.3:18) постоянно говорил и всем заповедовал и свидетельствовал[17].

Этот свой союз со святителями Христовыми, а через них и с ними – с Господом Иисусом Христом, намного яснее и определеннее осуществил молодой Благое позднее, при известных событиях, случившихся, когда он оканчивал свое обучение в семинарии. Эти события, возможно, и были решающими для его жизненного пути, хотя, точнее говоря, они лишь содействовали осуществлению того, к чему он сам стремился и что таил в глубине своей души. Ибо хотя и через события людям говорит Бог, все-таки в жизни и истории каждого человека является определяющей та внутренняя тайна каждой отдельной личности, о которой знает лишь Всеведущий Дух Божий и отчасти дух человеческий.

Благое был живым и темпераментным мальчиком. Подвижным и активным он был не только в детстве, но и остался таким до конца своей жизни. В детстве, как рассказывают его школьные друзья, он бегал быстро, словно заяц, обгоняя своих приятелей. Будучи преподавателем семинарии, он шел по коридорам, словно не касаясь земли, и в класс влетал стремительно, как будто на крыльях[18]. Монахом он тысячами клал земные поклоны без передышки и усталости. И будучи уже в пожилых летах, вплоть до последних лет перед смертью, оставался живым и бодрым, быстрым в движениях и при земных поклонах, даже в то время, когда постился целыми днями и слабел от многодневного непринятия пищи.

Живость его духа, какая-то постоянная внутренняя молодость отражалась в его поведении на протяжении всей жизни. Такой юркий и темпераментный, Благое в отрочестве, как и все дети на свете, иногда

проказничал, но всегда с простодушием и незлобием. Умел он сердиться, изредка случалось и поссориться, но ссоры были короткими. Он всегда быстро первым преодолевал самого себя и просил прощения у товарища, если даже и не был виноват.

Он был внешне красив и изящен, всегда опрятен и чист – благородство души отражалось и во внешности. Многие девушки в пору его молодости во Вране хотели, чтобы он попросил их руки, а одна из них, очень красивая и богатая, даже настаивала через своих и его родителей на том, чтобы вступить с ним в брак. Это было уже перед окончанием семинарии, так что родители Благое начали было помышлять о женитьбе сына, как только он закончит свою учебу. Благое, будучи юношей, а впоследствии и взрослым человеком, монахом и духовником, всегда был любезным ко всем и каждому: к каждому существу и творению Божию – начиная от цветка и муравья и кончая человеком и Херувимом – он приступал искренне и с любовью, так что его такое отношение ко всему сущему, вероятно, и пробуждало у этой девушки известные надежды на любовь и брак с ним. Однако сердце молодого Благое Господь возгревал иной любовью, любовью к подвижнической жизни и девственности, и он таил в себе желание вступить на монашеский путь, подобно сонмам святых девственников и подвижников. Трагическая смерть брата Стоядина, случившаяся в это время, окончательно определила его выбор[19], утвердила его в тайном желании, дотоле скрытом в сердце Христова юноши: восемнадцатилетний Благое тогда откровенно сказал всем, что жизнь свою он посвятит Христу как монах, чтобы теснее соединиться с Ним и так быть как можно ближе к брату своему. В этом твердом решении он уже никогда впоследствии не поколебался.

Когда родители узнали о твердой решимости Благое принять монашество, особенно когда он, окончив в июне 1914 года последний класс семинарии, решил сразу же принять постриг, то сделали со своей стороны все возможное, чтобы удержать его от этого. Они ходили к епископу Нишскому, написали письмо митрополиту Белградскому Димитрию, причем просили обоих и умоляли воспрепятствовать Благое в принятии пострига. Митрополит обещал это родителям, а поскольку в то время, в августе 1914 года, выходила замуж сестра Стойна, до пострига дело так и не дошло. Вскоре после того началась война Австро-Венгрии против Сербии, т. е. Первая мировая войнами сверстники Благое были мобилизованы в армию. Как окончивший семинарию он вместе со своими товарищами по классу был определен в медицинскую роту при военном госпитале в городе Ниш. Как только началась его служба в армии, из

нишского военного лагеря он написал пространное и трогательное письмо родителям, в котором сообщил им, что твердо решился жить только для Христа, и просил благословения на постриг. Богобоязненный Благое очень любил своих родителей и не хотел вскоре после смерти брата вновь их огорчить. Родители в ответ на это срочно послали к нему сестру и зятя, чтобы каким бы то ни было образом отговорить его от монашества, что им Благое пока и пообещал. Данное им обещание было не чем иным, как только временным откладыванием принятия пострига, хотя в сердце своем Благое уже был Христовым монахом. Резкая перемена – какая-то замкнутость в себе и тихая молитвенность – была заметна и в его внешности, так что родственники и знакомые удивлялись происходящему с ним. Известные признаки свидетельствуют о том, что в то время он в душе пережил какой-то внутренний переворот и возрождение, оставившее в нем неизгладимый след, ибо с тех пор и до конца своей жизни он возложил на себя великие подвиги, особенно поста и молитвы, как мы это увидим впоследствии.

Ужасная военная трагедия, охватившая весь сербский народ, не миновала и Благое. Он, обслуживая раненых и больных в госпитале, разделял скорби и страдания своего народа, а в конце 1914 года и сам заболел страшной болезнью – сыпным тифом, который тогда свирепствовал в изнуренной сербской армии и многострадальном народе[20]. Милостью Божией он перенес кризис этой смертоносной болезни[21] и был выписан на несколько дней домой, чтобы немного оправиться. Уже 8 января 1915 года он вновь служит санитаром в Нише, где остается вплоть до отхода сербской армии к Косову и перехода через Албанию.

В то время, когда война велась с переменным успехом, сербское правительство, и особенно митрополит Белградский Димитрий, будущий первый сербский Патриарх в восстановленной Патриархии, имели намерение сохранить молодых богословов от гибели и послать их из Ниша в Россию для обучения в духовных академиях, чтобы по окончании войны они принесли больше пользы своему народу[22]. Это намерение, впрочем, в то время осуществить не удалось, потому что вскоре началось всеобщее отступление сербской армии к славному и горестному Косову и далее через скалистую и непроходимую Албанию до Скадара и острова Корфу. И Благое Попович с группой своих школьных друзей и санитаров прошел тернистый путь от Печи до Скадара... Путь, унесший жизни около ста тысяч сербских солдат.

После таких мучений и страданий на всесербской албанской голгофе

Благое и его спутники прибыли в город Скадар накануне праздника святителя Николая в 1915 году. После отдыха и частичной поправки христолюбивый Благое обратился к митрополиту Сербскому Димитрию, который вместе с сербским правительством и армией также покинул Сербию, с просьбой разрешить по крайней мере теперь принять постриг. «Ибо, – говорил он, – Вы меня сейчас можете свободно благословить на постриг: ведь моих родителей здесь нет. Кто знает, увидимся ли мы еще живыми. Им будет лишь отрадно слышать о том, что я жив, а о том, монах ли я или нет, они и не спросят». По его неотступности митрополит дал свое благословение, а архимандрит Вениамин, будущий владыка Браничевский, постриг в монахи Благое и его друга Милана Джорджевича (впоследствии епископа Далматинского Иринея) накануне праздника святого Василия Великого 31 декабря/1 января 1915/1916 года, в православном храме в Скадаре. При постриге Благое было наречено имя святого мученика Иустина Философа. Этим именем Благое выразил двойное желание своей любомудрой и христолюбивой души: быть философом Духа Святого, подобно святым Христовым любомудрам, каким был и святой Иустин Философ, и в то же время быть мучеником и свидетелем Христовым в этом мире и жизни (ибо греческое слово μάρτυς – мученик – означает, прежде всего, быть верным свидетелем, свидетелем до самой смерти – свидетелем, готовым и самой своей жизнью утвердить свое свидетельство). То, что монах Иустин действительно стал философом Иустином, т. е. любителем истинной **Премудрости** Божией – Христа Господа, мы знаем, и в этом мог увериться каждый близко с ним знакомый. Ибо будучи по натуре любомудром-философом, он всю жизнь им оставался, всегда живо ощущая существенные философские проблемы и проникаясь ими, о чем свидетельствуют его «Философские главы» и «Православная философия Истины». Только его философия, положивши своим основанием **смиренномудрие** (как и у святого Златоуста, который говорит: «Основание нашей христианской философии есть смиренномудрие», ибо «без него истина слепа»), превзошла философию *по преданию человеческому, по стихиям мира* (Кол.2:8) и стала «философией по Христу» – философией не по человеку, а по Богочеловеку, изливаясь из ума и души в молитву и славословие, в созерцание и Боговидение. Поэтому он всегда говорил: «Тяжело каждой моей мысли, которая не выливается, не преобразуется в молитву». А в том, что монах Иустин стал и мучеником по желанию и намерению – правда, не мучеником крови, но **мучеником совести,** как святые отцы называют монашескую и подвижническую жизнь, всецело жертвенно принеся себя

самого Христу ради совершенного соединения с Ним, – в этом мы также убедились, и об этом нам свидетельствует весь его самоотреченный подвиг и жизнь перед Христом, полная смирения[23]. Нелегко было принести своего Благое, своего Иустина в жертву смирения себя Христу Богу, а он сделал это с радостью, как праотец Авраам принес в жертву своего первенца, как великий Павел своего Савла.

Вскоре после совершенного пострига митрополит Димитрий добивается от сербского правительства, а последнее от союзников согласия направить группу молодых и наиболее одаренных сербских богословов из Скадара на академическое обучение в Россию, ибо неотложными были заботы о будущем Сербии и ее народа. И действительно, в январе 1916 года из Скадара в Петроград отправились монах Иустин, Ириней Джорджевич, Душан (Иоанн) Стоянович и Павел Евтич. На старом, обветшалом итальянском судне они переправились в Бари, затем на поезде через Париж прибыли в Лондон, где их ожидал иеромонах Николай (Велимирович), предложивший им остаться здесь, предчувствуя уже известные события в России. Но они все-таки поступили по благословению митрополита и через Норвегию, Швецию и Финляндию достигли Петрограда. В Петрограде они поступили в духовную академию (где в то время учился синкел Дамаскин, будущий митрополит Загребский[24]), но вскоре трое спутников монаха Иустина покинули Россию и отбыли в Англию, тогда как он оставался там вплоть до июня 1916 года. За это относительно короткое время он, несмотря ни на что, хорошо узнал и еще больше полюбил православную Россию, не менее, чем свою родину Сербию или соседнюю с ней православную Грецию. Его всеправославная, соборная и вселенская любовь ко всем православным, особенно к русским и греческим братьям, была и осталась на всю жизнь одним из его главных качеств. Всю свою подвижническую жизнь он одинаково молился за всех православных, особенно же за братьев-греков и русских, нисколько не умаляя этим любви к своему сербскому народу. Бог дал ему познать лицом к лицу и православную Россию, и православную Грецию, как мы это увидим в дальнейшем, и он всегда любовью смирялся перед Православием Византии и Святой Руси и точно так же любил свою православную святую Сербию.

В России отец Иустин имел возможность изучать не только русское православное богословие, стоявшее до революции на высоте, не только читать в оригинале Достоевского и других русских писателей, но прежде всего и больше всего – узнать православную душу русского народа, познать ее рай и ад, как позднее он сам говорил[25]; узнать прежде всего

святыни русской души, ее святых. Несомненно, с этого времени он проникается глубокой любовью к святым Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Иоанну Кронштадтскому и новым исповедникам: патриарху Тихону, митрополиту Антонию и другим. Для него уже тогда было ясно, что узнать народ, его веру и душу – это значит узнать его святых, ибо истинное Православие – в святости, в духоносничестве, в стяжании Духа Святого, в чем и заключается цель человеческой жизни на земле, как об этом собственным опытом свидетельствовал святой Серафим Саровский, благодатно явившийся однажды отцу Иустину в один из последующих периодов его жизни[26].

Однако из-за известных бурных событий того времени отец Иустин не смог надолго остаться в России и в июне 1916 года выехал в Англию, где его принял иеромонах Николай и поместил в один из оксфордских колледжей (жил в St. Stephen's House – доме, предоставленном сербским студентам, которых тогда в Англии было много). Здесь он как внеколледжский студент прошел восемь семестров теологии (с ноября 1916 по май 1919 г.), сдавая регулярно все экзамены и к тому же много читая и исследуя: об этом свидетельствуют некоторые сохранившиеся тетради, а также приобретенные им или переписанные книги[27]. По окончании обучения он все-таки не получил диплома, поскольку его докторская диссертация на тему «Философия и религия Ф. М. Достоевского» не была принята к защите. И вот почему.

Отец Иустин ездил и в другие места Англии, слушал знаменитых профессоров, был читателем самых известных библиотек, а особенно знакомился с самим западноевропейским человеком в непосредственных контактах, познавая его душу и жизненную философию. Проникая в глубины европейской культуры, он сердцем и умом восточного православного подвижника не мог ее принять без радикальной и беспощадной критики ее антропоцентризма и человекопоклонничества. Кто хоть сколько-нибудь искренне знал блаженно почившего отца Иустина, не только через его книги, но еще более лично, тот мог ощутить и понять, почему он так сильно и столько раз подчеркивал существование глубокого различия, даже непримиримого противоречия, между православным пониманием Евангелия, православным подвижническо-благодатным опытом и переживанием Христа Богочеловека и западной гуманистической, или, как он сам говорил, «хоминистической» (от лат. homo – «человек»), культурой, то есть западным антропоцентризмом в различных его проявлениях: в науке, философии, теологии, церкви, культуре, цивилизации.

Не столько противился он западной учености и науке как таковой, сколько ее болезненному, проникнутому грехом рационализму, разлагающему самого человека, солипсизирующему его и замыкающему его в самом себе, привязывая лишь к этому миру и к этой жизни. Не менее сего он противился и «мистике» далекого Востока, ибо и она убийственна для человека, поскольку дегенерирует его и растлевает. Для отца Иустина человек – всегда **богочеловеческое существо,** откровенно богоподобное и Христо-центричное; ибо лишь в Богочеловеке Господе Иисусе Христе человек – настоящий человек, осуществленный и явленный таковым. Вот почему этот человеколюбивый и христолюбивый подвижник и в то время, и всю свою жизнь боролся за такого истинного человека во всех его неограниченных и бессмертных, божественных и богочеловеческих размерах и возможностях во Христе Богочеловеке. Поэтому горячо выступал он и против всякого гуманизма, даже в самых лучших его проявлениях, но все это во имя богочеловечества (тео-гуманизма), во имя богочеловечности человека. «Мы во имя настоящего человека остаемся с Богочеловёком, – напишет он и засвидетельствует. – Ибо православная борьба за Богочеловека есть в сущности борьба за человека», за человека божественного и богочеловечного, не отчужденного от себя, но возведенного во Христе к наивысшей, какая только возможна, славе и достоинству, блаженству и совершенству.

Очевидно, здесь отец Иустин был учеником прежде всего апостола Павла и апостола Иоанна Богослова, а также учеником святых православных отцов, благодатный опыт и учение которых о трагической безысходности эгоцентрического, зараженного грехом и невозрожденного человека он сам на себе горько вынес и выносил постоянно, как опять-таки на себе и в себе пережил и постоянно переживал благодатный опыт исцеления и спасения человека от рабства греху и смерти через благодатное возрождение, преображение и обожение во Христе Богочеловеке. Тайну человеческого спасения во Христе Боге он переживал не только как исправление и просто улучшение ветхого человека – как об этом главным образом учит и проповедует западное христианство, и римо-католическое, и протестантское, – но и как совершенно **новую жизнь** нового человека в Богочеловеке. В этом отношении в Достоевском он нашел лишь подтверждение своему личному переживанию человека как переживает его восточное Православие и как искажает западное христианство. Поэтому в последней главе упомянутой диссертации о Достоевском отец Иустин выступил с резкой критикой западного гуманизма и антропоцентризма, особенно римо-католического.

Английские профессора требовали от него изменения таких взглядов, но Иустин не был бы Иустином, если бы на это согласился. Поэтому он и покинул Оксфорд без диплома[28].

Одно событие, происшедшее во время пребывания отца Иустина в Англии, лучше всего и проще всего показывает нам то, в чем заключается существенное различие между западным, гуманистическим, христианством и христианством православным – Богочеловеческим. Один молодой англиканский монах, познакомившись с юным и необычным для всех монахом Иустином, полюбил его и сблизился с ним. Наблюдая непосредственно за его подвижнической жизнью и особенно за его непрестанными молитвами и обильными слезами – подвигами, характеризовавшими жизнь отца Иустина до конца его пребывания на земле, – он однажды, искренне признался этому православному подвижнику среди Запада: «Я только сейчас понял, что у вас покаяние и вера – это нечто иное, нежели как понимаем это мы на Западе и как нас об этом учили. Сейчас я вижу, что мы на Западе не знаем, что такое покаяние». Англиканский монах был прав. В монахе Иустине он видел то, что на Западе видят редко или уже не видят с давних пор: живую веру и покаяние как основание евангельской жизни, прежде всего другого и во всем другом. Ибо в этом, как говорят святые отцы, заключено Святое Евангелие, этим очищается и возрождается человек, и в нем зачинается новая жизнь в Духе Святом. Отец Иустин принял Христово Евангелие со всей серьезностью и последовательностью: как свой личный подвиг, как подвиг, исходящий прежде всего от себя самого, ибо в противном случае все остается теорией и наукой на бумаге. Его жизненным, подвижническим правилом было то, что св. Григорий Богослов выразил следующими истинными словами: «Нужно прежде себя очистить, а затем других учить чистоте; нужно прежде себя умудрить, а затем других учить мудрости; нужно прежде самому стать светом, а затем других просвещать; нужно прежде самому приблизиться к Богу, а затем других приводить к Нему; нужно прежде самому стать святым, а затем других освящать». Эти слова отец Иустин имел написанными на первой странице своего Евангелия, которое ежедневно читал.

В начале лета 1919 года отец Иустин и оксфордская группа богословов возвращаются на родину, теперь уже освобожденную от врагов. Впервые после долгих лет войны и страданий он увиделся со своими родителями, но уже не как Благое, а как монах Иустин. Еще молодой, но слишком серьезный для своих лет, проникнутый печальной задумчивостью и покаянным плачем, он казался им теперь каким-то

чудным и таинственным. Как родители они знали его доброе и нежное сердце, но тайну этого сердца не могли понять. В это время он был постоянным любителем молитвы и тихих слез, так что, как свидетельствуют его сестра и племянница, часто уходил в свою комнату и часами проводил там время в непонятной для них тишине. Мать и сестра беспокоились, не случилось ли чего-нибудь с ним, а он и вида не подавал и о своей внутренней жизни ничего им не говорил. Однако его подвиги не могли остаться незамеченными, и племянница по этому поводу говорила: «Он не был бы Иустином, если бы сам себе не досаждал», – имея, очевидно, в виду его подвиги, непонятные тогда для нее и для всех окружающих.

А подвиги молодого монаха Иустина все были суровыми и самоотверженными, особенно подвиги поста и молитвы. Всю душу и все тело свое, все свои духовные и телесные силы он через подвиги очищения и самораспятия приносил Сладчайшему Господу Христу, как он тогда Господа чаще всего называл, показывая этим свой глубокую алчбу и жажду спасения, жажду Бога Живого и Истинного, Единого Человеколюбца. «Что мне очи над черной пропастью этой грешной жизни, – говорил он и записывал в одном из своих поздних писем, – если в них нет слез? Душа, что мне душа, если она не Христова? Ибо без Него она – бессмертный ад. А что не ад, где нет Господа Христа?» Или вновь говорил: «Очи мои, вы – не мои, а Господни, и потому – служите Господу! Уши мои, тело мое, совесть моя, душа моя, мысли мои, чувства мои, вы – не мои, а Господни, а потому – служите Господу! Или – умрите смертью, после которой нет воскресения»[29]. Беспощадными, самоотреченными подвигами он перерождал себя в великого подвижника нашего времени и в наши неподвижнические дни явил себя во всем подобным святым отцам, подвижникам и истинным Христовым богословам.

Тем не менее, когда отец Иустин и его товарищи из Оксфорда явились к митрополиту, тогда уже Святейшему Патриарху Сербскому, Димитрию, он благословил их сразу же, осенью того же года, поехать в православную Грецию, «чтобы там стать православными», как говорил Святейший, показывая этим, что у него нет доверия к западному христианству и образованию. Отец Иустин с друзьями как стипендиат Священного Синода Сербской Церкви отправился в Афины в конце сентября 1919 года и был там до 31 мая 1921 года. За это время он учился на Богословском факультете Афинского Университета, сдал все необходимые экзамены, дающие ему право защиты докторской диссертации по православному богословию[30]. Докторскую диссертацию он готовил теперь с самого

начала и на еще более православную тему: «Учение святого Макария Египетского о тайне человеческой личности и тайне ее познания». То есть – какова, по святому Макарию, человеческая личность в состоянии падшем и греховном, а какова – в состоянии возрожденном и облагодатствованном; какое там рабство и какая здесь свобода; какое там нечистое и ошибочное знание и самопознание и какое здесь святое, светлое и спасительное познание человека и Бога. Когда все было сделано и сданы необходимые для защиты диссертации экзамены по догматике и сравнительному богословию, Святейший Сербский Синод неожиданно отказал ему в дальнейшей выплате стипендии, а она была необходима для печатания работы, и иеродиакон Иустин[31] должен был немедленно возвратиться на родину, вновь не доведя работу до конца. Дело защиты докторской диссертации он закончит позже (с января по июнь 1926 г.) по той же теме, также в Афинах, у профессора Диовуниотиса, однако и здесь его будут ждать искушения: работу ему придется наскоро написать вновь, ибо человеческая злоба и зависть украли у него в Сремских Карловцах готовую работу со стола, чтобы этим помешать его дальнейшему богословскому возрастанию и совершенству, а потомство лишить его таких богомудрых и душеполезных книг.

Но, независимо от работы над докторской диссертацией по православному богословию, двухлетнее пребывание отца Иустина в православной Греции имело огромную важность и пользу и для него самого, и для дела Церкви Божией в Сербии и Греции. В Афинах он непосредственно узнал греческий православный народ, его вековое благочестие и живую церковную жизнь и этим обогатил себя и свой народ. С обычным ему смирением он рассказывал нам впоследствии, что, проживая у одной набожной греческой старушки, он от нее больше научился благочестию, нежели от многих в университете. «Она, – как говорил он, – знала наизусть почти все Жития святых, и я, как монах, горел стыдом и дивился ее благочестию». Именно тогда отец Иустин и приобрел в Афинах некоторые издания Житий святых и привез их с собой в Сербию, чтобы впоследствии использовать их при работе над переводами Житий святых на сербский язык.

В Афинах он узнал и пережил дивные византийские богослужения в византийских храмах, полных верующего народа. В одном из таких древних византийских храмов в центре Афин, в котором служили тогда православные русские братья (в основном беженцы из России, прибывшие в Афины через Царьград и принятые братьями-греками), он как иеродиакон чаще всего служил и там больше всего молился.

С того дня, когда отец Иустин был рукоположен во иеродиакона и начал служить святую литургию, он, можем об этом сказать смело, вступил на путь обновления в себе самом той древней, святоотеческой, литургической жизни, которая вся и во всем сосредоточена на святой Божественной литургии. Ибо, по словам святых отцов, вся христианская православная мораль и характер духовной жизни заключаются в «молитвенной собранности с благочестием», причем эта собранность – не только лишь личная самособранность, но и собранность (соборность) всех верных на Святой литургии, в Церкви как Теле Христовом; таким образом, Святая литургия воистину бывает сердцем и легкими, которыми живет и дышит вся Церковь и каждый христианин. Со Святой литургией как богочеловеческим сердцем Церкви отец Иустин и в то время, и через всю свою жизнь молитвенно и благодатно весь сливался и соединялся и этим жил и дышал и в храме, и вне храма, в повседневной жизни. Поэтому с тех пор и до конца жизни на земле он с неустанным усердием и радостью служил Святую литургию, в которой – и Крест, и Воскресение, которая вся кресто-воскресная Пасха Христова; ее духом он проникался и ее благоухание источал[32].

Об этом своем служении в Афинской церкви со своими многострадальными русскими братьями, а также о своих каждодневных и денно-нощных молитвах и слезах в своей келлии во все время пребывания в Афинах с потрясающей трогательностью свидетельствует нам сам отец Иустин в своем более кратком «Молитвенном дневнике»[33]. По существу, здесь он отмечал свое ежедневное монашеское правило, которое практиковал изо дня в день и из ночи в ночь; записывал число и характер своих молитв и свои известные молитвенные размышления и настроения, приходившие в течение необычного подвига этих дней и лет. Этот дневник раскрывает нам все величие и усердие богоустремленных подвигов молодого иеродиакона Иустина, который и ради себя, и ради других подъял такие молитвенные и слезные подвиги, так что нам сегодня уже нисколько не кажется удивительным, что впоследствии в нем воссияло такое изобилие духовных даров и добродетелей. Он тогда, по ясному свидетельству, денно и нощно молился со слезами – **за всех и за вся:** за братьев своих в немалых скорбях и искушениях, за всех страждущих и мучимых, за блудниц и самоубийц, за тех, о ком некому помолиться, за цветы и растения, за птиц и животных, за всю поднебесную тварь. И все это он делал, бесконечно смиряя себя перед Сладчайшим Господом Иисусом, источая тихие и обильные потоки теплых слез. Хотя все это он мудро и скрывал, но окружавшие его люди, особенно в русской церкви в

Афинах, замечали это и дивились его слезам и молитвам, и обращались к нему с просьбой помолиться о них Богу в их скорбях, которые тогда были немалыми. Этот христолюбивый и братолюбивый подвижник еще усерднее молился тогда за всех них и за каждого в отдельности, а некоторым помогал и иным образом, насколько и как только мог. Лишь малая часть всего этого записана в указанном дневнике.

Об этом «Молитвенном дневнике» блаженный старец нам никогда ничего не говорил, а по-видимому, и сам больше о нем не вспоминал, поскольку эта тетрадь после его смерти была найдена затерявшейся среди книг. То, что он тогда ежедневно записывал свое молитвенное правило, оставив нам волей-неволей свидетельство о своих подвигах, не должно нас удивлять. В этом он не был одинок среди святых православных подвижников. Нечто подобное делал и святой Симеон Новый Богослов, который как никто иной из святых до него откровенно говорил о своих благодатных подвигах и переживаниях, но всегда с бесконечным смирением и самоосуждением. В новое же время подобное делали некоторые из святых подвижников Оптиной пустыни в России, а также святые подвижники Иоанн Кронштадтский и Силуан Святогорец. Молитволюбивый отец Иустин делал это лишь в начале своих подвигов и исключительно только для себя как некий вид ежедневной исповеди, исследования своих помыслов и самоиспытания своей совести. Впоследствии он прекратил вести дневник, разве что еще иногда отмечал известные свои мысли и чувства на мелких листочках бумаги и вкладывал их в свои книги и тетради как памятки или как материал для нового труда, который намеревался писать.

При всем этом надо еще иметь в виду и ту необычайную способность к мышлению и редкое философское чутье, которыми обладал отец Иустин и часто являл нам не только глубокую мудрость Иова и Соломона, но и «томление духа», поэтому нет ничего странного в том, что и он, подобно мудрому и многострадальному Иову, захотел нечто от этих умных и духовных мук своего рождения, в которых зарождался новый человек и зачинался в нем новый духовный разум, записать в книгу, как некогда глаголал многострадальный Иов: *О если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге резцом железным с оловом, – на вечное время на камне вырезаны были!* (Иов.19:23–24)[34].

В «Молитвенном дневнике» отмечено много печалей и скорбей отца Иустина, но все это были печали и скорби ради Бога, а они неизбежны на пути странствования всякой боголюбивой души по этому растленному грехом миру, преисполненному горечью зла и страданий, тенет и

искушений ада. Этой скорби и печали не миновали и великие отцы Церкви, преодолевая ее с великим трудом. Отец Иустин, молодая невинность и чуткое ко всем людским болезням и страданиям естество, созданное и на редкость одаренное любовью Божией, подвижнически мужественно прошел через известный закон духовной жизни, по которому в этом мире именно такие души больше всего проверяются и искушаются, чтобы в долгих и мучительных подвигах сгорело в них все чуждое любви Христовой. При всем этом из православного векового опыта известно и то, что подвиг человеческого спасения – это подвиг каждодневного добровольного умирания и распятия ветхого человека, чтобы постепенно благодатно рождался и вырастал новый человек во Христе, *который обновляется в познании по образу Создавшего его* (Кол.3:9–10). Этот скорбный и продолжительный духовный подвиг бывает через самоотверженное соблюдение всех евангельских заповедей, а успешнее всего его проходят в молитвенных и покаянных слезах, в которых перегорает и растапливается ветхое сердце и ветхий разум в человеке, а зачинается и образуется новое сердце и новый ум, как об этом непревзойденно говорит св. Макарий Египетский, труды которого во время своего пребывания в Афинах отец Иустин особо изучал и духовное учение и опыт которого применял к самому себе.

Нам кажется, что к молодому отцу Иустину и к его евангельским монашеским подвигам можно и должно было бы отнести его же собственные слова, которые он несколько лет спустя написал о молодом монахе Растко[35] по его уходе на Святую Гору: «Восстал Растко против зла в себе и в мире, против смерти в себе и в мире. Поэтому вся его монашеская жизнь была непрестанной борьбой со злом и смертью, препобеждением греха и смерти молитвой, постом, бдением, слезами, милостыней, смирением, кротостью, боголюбием, братолюбием и прочими евангельскими добродетелями». «Нет искушения или греха, – напишет авва в другом месте, – который не сгорит в молитвенном пожаре нашей души; нет страсти, которая не окончит тем же; нет демона, который не испепелится в пламени нашей непрестанной и слезной молитвенности». «Почти никогда я не сходил в себя, – отмечает он в дневнике, – чтобы не оплакать себя, чтобы не разлиться слезами и рыданиями... Через ужасы зараженной грехом жизни в мире только молитвой и слезами человек может пробиваться к Сладчайшему Образу Христову... Исполни, Господи, сердце мое Собой, но прежде очисти его от всего мирского и от всех пожеланий вообще».

Из всего сказанного одно является несомненным: молитвенный и

покаянный подвиг отца Иустина во время жизни в Афинах был исключительно усиленным и всесторонним, что являлось верным знамением благодатного посещения Господня, какое было на всех угодниках Божиих, ибо *благодать и милость со святыми Его и промышление об избранных Его* (Прем.4:15). По неведомым для нас путям всеблагого Промысла Божия, это несомненно и должно было сбыться с ним, чтобы сей редкий подвижник Христов прошел через все сражения и оказался непобедимым, да умножатся ему через это подвижнические венцы и награды. Господь, по словам пророка, *испытующий сердца и утробы* (Иер.11:20), бодрствовал над верным рабом Своим в его подвигах и борьбе против греха вплоть до самой крови, как повелевает святой апостол (см.: Евр.12:4)[36], и благодатию Своею явил его светлым победителем и искусным хранителем тайн духовной брани, чтобы затем своим богатым опытом послужил он другим к духовной пользе и спасению.

В одном из своих сочинений он сам вкратце отметил и описал главные моменты и ступени этой духовной борьбы, а также ее благодатные и благотворные плоды в следующих потрясающе истинных словах: «Чтобы он перестал отдавать тлением, сколько лет человеку нужно в закваску своего существа вносить благоухание Неба, сколько лет перерабатывать себя евангельскими подвигами? Из мрачной пещеры тела своего взираю на Тебя, Господи, и всматриваюсь – и никак не увижу. А знаю, предчувствую и знаю, что Ты единственный Зодчий, Господи, могущий построить вечный дом моей души. А строители суть: молитва, слезы, пост, любовь, смирение, кротость, терпение, надежда, сострадание... Тогда все человеческое приходит в движение, в возбуждение, в приятный трепет, в созидающий страх. Как на солнце и внутри его – все в бушующем хаосе и шторме: постоянные извержения, огненные фонтаны, раскаленные вихри, многокилометровые протуберанцы. И такое клокочущее солнце изливает в наш земной мир тихий, мирный и животворный свет, не знающий ни бури, ни грозы. Подобны этому и Христовы люди, особенно святые: они в пламенном молитвенном восхищении любви и веры переплавляют самих себя и из бурных переживаний своих, связующих землю с небом, источают тихие и спокойные лучи, благой свет и нежное тепло которых смиряет строптивые сердца человеческие и укрощает их одичавшие души... Человек! Небо – это покров земной. Посмотри, насколько тебе дано расти в высоту! И настолько же – спуститься в глубину! Это чтобы высота вершины не входила в несоответствие с глубиной корня». («Вниз по бурному водопаду

времени».)

Весь этот афинский подвиг отца Иустина, продолжавшийся, по существу, до конца его жизни на земле, был излиянием и проявлением его живой веры и безмерной любви, которую он имел к Сладчайшему Господу Христу. Его он любил выше всего и ради Него жил и умирал в подвигах своих, особенно в молитве и слезах. Поэтому у него, как и у стольких православных святых, молитва была не только исканием прощения и спасения, но и – что намного выше сего – выражением и излиянием любви и боголюбия, о чем свидетельствуют и эти поистине достойные святого слова: «Господи, разве я лишь для того человек, чтобы грешить, и Ты лишь для того Бог, чтобы меня прощать!» Отец Иустин был действительно исключительно редким христолюбцем, воистину боголюбцем Единого Человеколюбца, и потому все его подвиги можно объяснить лишь любовью ко Христу. На самом деле только Божие человеколюбие и человеческая любовь ко Христу могут до конца объяснить эту сокровенную тайну, существующую между Христом и Его святыми на небе и на земле.

Много лет спустя его школьный друг и близкий приятель, родом из Афин, сейчас профессор богословия и известный православный богослов, рассказывал нам, что в Афинах молодой отец Иустин произвел на него наибольшее впечатление тем, что прежде всего он был человеком **живой веры** и человеком **молитвы,** настоящим евангельским человеком. И действительно, живая вера и молитвенность аввы Иустина, его внутреннее самораспятие ради Христа, его смиренномудрие среди горькой тайны мира и погрязшей во грехе жизни отражались и на его печальном и одухотворенном лице как в то время, так и впоследствии. Поэтому его друг и проникся к нему любовью.

Своими подвигами и добродетелями отец Иустин привлекал к себе множество людей, хотя некоторые и чуждались его. Этим последним казалось, что он непомерно увеличивает свои духовные подвиги и требования: они в своей духовной косности не имели ни воли, ни ревности следовать за ним в подвижничестве. Так и на нем повторялась та общеизвестная истина, которая подтверждалась в истории со всеми Божьими людьми, т. е. что «многи скорби праведнику» в мире сем, ибо его святая жизнь по Богу тягостна и отвратительна для” людей мира сего. Но психологию людей, не принимающих и гонящих праведников, давно провидел и описал Премудрый Соломон следующими словами: *Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего*

воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами – обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его (Прем.2:12–15). Судьба почти всех святых и ревностных людей Божиих в этом мире такова, как это показано на примере святого Златоуста, что они людей вокруг себя или пробуждают, или раздражают; во всяком случае – не оставляют равнодушными. В этом смысле они еще во время земной жизни – суд миру сему (см.: Ин.3:19; 1Кор.6:2).

Отец Иустин вернулся из Афин на родину перед праздником Святой Троицы в 1921 году. Сначала он заехал к родителям во Вране, а затем явился к Патриарху в Белград и в Сремски Карловцы. Патриарх Димитрий принял его тепло, ибо всегда по-отечески любил, и благословил преподавать в Свято-Саввской семинарии, перемещенной тогда из Белграда в Карловцы. Летом того же года перед вступлением в должность преподавателя отец Иустин с друзьями объехал некоторые сербские монастыри, что делал и до конца своей жизни, ибо монастыри всегда были как бы частью его сердца.

С октября 1921 года отец Иустин начал учительствовать в семинарии, преподавая Священное Писание Нового Завета, а затем и догматику и патрологию. О том, как он преподавал и как вдохновенно истолковывал Святое Евангелие Спасителя, лучше всего свидетельствуют его толкования, усердно в то время собираемые и распространяемые его учениками, а сейчас уже частично и опубликованные[37]. Перед каждой лекцией по Новому Завету он тепло и со слезами молился, произнося следующие слова: «Господи Сладчайший, святым евангелистом и апостолом Твоим, исполни благовестия меня, всегрешного, и научи меня, что и как нужно говорить». Этой или иной подобной ей краткой молитвой он молился, когда ему необходимо было проповедовать в храме или же прочитать где-нибудь лекцию по Священному Писанию или по другим богословским предметам[38].

А о том, как он преподавал догматику и патрологию, опять-таки лучше всего свидетельствуют его размножаемые и публикуемые «Догматики», в которых ясно видно его знание святых отцов и их богомудрой науки и богословия. То, что для него значили святые отцы и их догматическое богословие, лучше всего выражено следующими его словами, которые нельзя здесь не привести: «Православие – это православие святостью (святительством). Святость – это жизнь в Духе Святом и Духом Святым. Нет Православия вне святости, вне духоносничества. В мире человеческой вещественности святость – это

мерило Православия. Православно только то, что от духоносных святителей, от святых отцов Церкви. Православное богословие – это единственное евангельское богословие, ибо оно от Духа Святого, ибо оно от духоносных апостолов и святых отцов – “Святым Духом богословие...” Да, истинное, евангельское богословие бывает только Духом Святым, приобретается только Им и только Им создается. Поэтому для нас православные духоносные отцы Церкви – единственные истинные богословы, единственные хранители тайны богословия, единственные учители вечной истины о Трисолнечном Боге. Они – наши вожди, они – Православия наставники, они – трубы Духа Святого, они – таинники Святой Троицы, они – очи Христовы. По всему этому они – и мерило, и критерий всего православного, всего евангельского. То, что не от них, что не в их духе – то неправославно. Только то, что можно проверить их духом, согласовать с их учением, только то – православно, вечно и соответствует духу Евангелия. Следовательно, изучение святых отцов – это первое дело православного богослова. Здесь мысль крещается в живой воде и вся истекает в жизнь вечную. Душа омолаживается, чувства становятся бессмертными, мысль окрыляется и подобно орлу парит по чистым высотам. И возрастает в Божественной бесконечности, побуждаемая своим устремленным к Богу богоподобием».

По своей величайшей любви к святым и святоотеческому православному богословию отец Иустин вскоре по прибытии в Карловацкую семинарию вместе с иеромонахом Иринеем (Джорджевичем) потребовал обычным порядком, чтобы в семинарии были введены **жития святых** в качестве обязательного предмета программы обучения[39]. Ибо с самого начала он боролся против схоластически безжизненного и по-протестантски рационалистического метода обучения молодых душ, поэтому и требовал, чтобы православная наука и церковность преподавались и изучались с православным и святоотеческим подходом. И вообще, можно сказать, для отца Иустина истинная христианская наука и просвещение всегда были связаны со святостью и святительством, а это значит – с подвигом и подвижничеством. «Святость – это подвиг, поэтому и просвещение – подвиг». Поэтому в области церковного просвещения у него часто возникали трудности, ибо он натыкался на явное непонимание окружающих, сопровождающееся и частыми перемещениями из одной школы в другую, и своего рода гонениями, и пренебрежением. Но он не колебался, а и жизнью своей, и учением, и преподаванием, и воспитанием – свидетельствовал о Богочеловеке Господе Иисусе Христе и Его Богочеловеческом деле

спасения, учения, просвещения и преображения людей. Поэтому для многих и многих своих учеников отец Иустин был и по сей день остается идеалом учителя и педагога семинарии, а также университета, где он впоследствии преподавал.

В семинарии отец Иустин был и воспитателем. Многие поколения богословов, теологов и клириков он по-евангельски православно воспитал и направил на церковное служение и в богословскую науку. Он был не учителем и профессором «кафедры», но, прежде всего, живым и истинным **свидетелем** Христовым, и поэтому вся его профессорская и воспитательская жизнь и работа были «добрым свидетельством» о Христе Спасителе, к Которому он умел так удивительно воспламенить любовь сначала семинаристов, а затем студентов университета. Бесчисленны свидетельства об этом его дорогих учеников, из которых мы здесь приводим лишь одно. «Человеческий лик нашего воспитателя, отца Иустина, – пишет один из его учеников, – и путь, которым он нас вводил в тайны Евангелия, были тем, что нас захватило и привязало к нему. Самое драгоценное, чему он нас научил, – это **любить Христа.** Любовь ко Христу, по-юношески чистая и вдохновенная, была тем, что нас связывало с нашим воспитателем, который быстро стал нашим духовным отцом. Все мы его называли **отцом** Иустином». Свою воспитательную работу с учениками отец Иустин понимал как подготовку их к вечной жизни, ибо как однажды в одной из проповедей он сказал, так поступал и сам. «Кто не учит вечной жизни, – возгласил он, – тот – ложный воспитатель». Методом его воспитательной работы было только Святое Евангелие и целью – евангельская цель: стать совершенным, как совершен Отец наш Небесный (см.: Мф.5:48). Это достигается с помощью православной церковности и духовности, а он был живым олицетворением и того, и другого. У учеников он особенно воспитывал православное молитвенное настроение, в частности, неопустительное посещение храма, добровольное прохождение православных подвигов и стяжание добродетелей.

Не все ученики одинаково воспринимали его воспитательный труд и его попечение о них и об их душах, но все были уверены, что он питает к ним любовь и одинаково за всех них молится. Один из его отчетов[40] о воспитании лучше всего нам говорит, что оно для него значило и каким было его отношение к ученикам. Отец Иустин пишет: «Обучение воспитанников жизни по Евангелию – это цель воспитания в православной семинарии. Только это и ничто другое. Кто навяжет иную цель, тот христоборец. Досточудный Господь Иисус и пришел в этот мир ужаса и смерти, чтобы быть всем во всем. Приходящие без Него, минуя Его, против

Него – воры и разбойники. Сознание о Нем как о Единственном и незаменимом Боге и Господе присутствует в каждой истинно православной душе. Если нечто в воспитании не ведет к Нему, то, несомненно, уводит к антихристу. Православное воспитание стремится к тому, чтобы Евангелие Спасителя охватило каждую человеческую душу, все ее бескрайности и бесконечности, и таким образом преобразило бы человека в существо вечное и богочеловеческое. Значит, православное воспитание – это всесторонний личный подвиг. Оно не может быть навязано ни силой, ни механически. От начала до конца оно – добровольное, личное дело человека как обладателя и носителя своей собственной души. Поэтому необходимо непрестанное духовное усилие, личный подвиг. Воспитание в духе Евангелия – это не что иное, как евангельское сослужение воспитателя и воспитанника во всем, что Христово. В этом есть и радость, и скорбь: радость, ибо человек причащается единой истинной радости – Евангелию; скорбь – ибо тяжело одолеть душу и добровольно ее подчинить Божественным евангельским законам... Начало евангельского самовоспитания человека – это беспощадное самоосуждение. И причем самоосуждение евангельское, что опять-таки значит – непрестанно и беспощадно подчинять Евангелию каждую свою мысль, каждое свое желание, каждое свое чувство, каждый свой поступок. Все это богомудро выражено в следующих святоотеческих словах: “Самоосуждение – начало спасения”... Судьбу всего евангельского в мире Господь Иисус Христос выразил Своей чудесной, пророческой притчей о сеятеле и семени. Эта притча... осуществилась и в воспитательной работе в нашей семинарии. Добрая земля принесла евангельскому семени шестидесятикратный, сторичный плод, а было и терние, которое много евангельских семян заглушило, и камень, который к семени относился равнодушно. Но эта последняя является особым основанием, усиливающим наши молитвы и молитвенные чаяния: да умножит чудесный Небесный Сеятель добрую землю в душах наших воспитанников».

Особенно много молился отец Иустин за своих учеников как за своих духовных чад, хлопотал об их телесных и духовных заботах и нуждах. Он помогал им сколько мог и духовно, и материально, а по окончании обучения провожал их с благословением, молитвами и слезами на работу в винограднике Господнем[41]. И вообще в это время служения в семинарии он очень часто и много молился, подобно тому как и ранее в Афинах. В это время он был рукоположен в иеромонаха и начал служить еще чаще и усердно молиться за других, особенно на святой литургии. А

рукоположение его произошло следующим образом.

В 1922 году праздник Усекновения главы святого Иоанна Предтечи попадал на понедельник. Накануне, в воскресенье, Патриарх Димитрий рукоположил иеродиакона Иринея, друга отца Иустина, в иеромонаха. В субботу перед этим воскресеньем Патриарх объявил и ему, что он может в день Усекновения посвятить его в иеромонаха. Желая по глубокому смирению и далее остаться иеродиаконом – к тому же он искренне любил этот сан и это служение, – он попросил Патриарха не делать этого, а оставить его в том же чине. В ту ночь он усердно и слезно молился Сладчайшему Господу и Пресвятой Богородице, а также святому Иоанну Златоусту, прося просветить его и научить, что ему надлежит делать. На следующий же день, в воскресенье пополудни, в Карловацкой семинарии читал как всегда интересную лекцию епископ Николай, так что семинаристы, а вместе с ними и отец Иустин, опоздали в церковь к вечерне. Когда отец Иустин прибежал в храм, он увидел, что сам седой Патриарх взял епитрахиль, надел ее на себя и начал служить вечерню. «Это меня тогда, – как он сам об этом говорил, – так поразило, что я сам в себе почувствовал перелом и сказал: приму рукоположение и послушание». Так его Святейший Димитрий на следующий день, в праздник Усекновения главы Иоанна Крестителя, и рукоположил. Во время рукоположения в священнический сан он плакал перед святым престолом, как малое дитя, ибо велико Таинство Священства.

Он чувствовал, что прошло время любезной ему диаконской службы и теперь на его плечи возлагается намного более тяжелое служение и ответственность – благодатное пастырское служение, которое не оставит ему времени молиться и заботиться только о своей душе, а обяжет пасти и спасать души других.

И воистину, приняв иеромонашество, он стал не только священнослужителем, но и пастырем многих душ. Для многих он вскоре станет духовным отцом: как для учеников семинарий, где он преподавал, так и для многих других верных душ Сербской Церкви. Особенно много заботился он о молодых людях, у которых возникали серьезные духовные вопросы. Его, священномонаха, часто приглашали в монастыри и приходские церкви служить и проповедовать. Не менее часто просили принять участие в духовных вечерах учебных заведений, а также в различных совещаниях духовенства. Особенно любил он набожных братьев-богомольцев, всесторонне им помогал и поддерживал, а также предупреждал их от возможных опасностей[42]. Православное Богомольческое движение он рассматривал как свято-саввскую реакцию

простых народных душ, алчущих и жаждущих Бога, на чуждую европейскую культуру, которая вместо православного поклонения Христу навязывает народу человекопоклонство. «К нашей народной душе не прикладывается рационалистическо-схоластическое просвещение римо-католической и протестантской Европы», – говорил он и писал, поэтому в народе и появилось Богомольческое движение как восстание против «плотского и механического европейского просвещения». «Велик голод нашей души, – писал он далее, – он проникает намного глубже, нежели это могут предполагать наши интеллигенты... И никто этот голод, кроме Господа Иисуса Христа и Его святых, не может утолить». Братья-богомольцы и в то время, и впоследствии так любили отца Иустина, что считали его, после епископа Николая, своим вождем, духовным отцом и учителем.

К владыке Николаю отец Иустин относился так, как сын и ученик относится к своему отцу и учителю, как когда-то взаимную любовь друг ко другу питали святые Антоний и Афанасий Великие. Трогательное событие произошло с ними в те первые годы, проведенные в Карловцах. Когда вышли из печати «Молитвы на озере» епископа Николая, отец Иустин откликнулся на них с исключительным воодушевлением и благодарением Богу за дарование сербскому народу такого молитвенника и исповедника. Свой отклик на книгу он закончил молитвой: «Господи Человеколюбие, о-молитви меня молитвенностью преосвященного отца Николая»[43]. Тогда преосвященный охридский пустынник и апостол своего времени «составил и иеромонаху Иустину посвятил» дивный *Акафист Иисусу, Победителю смерти.* Акафист он написал своей рукой и под ним скромно подписался именем «монах Николай». Это событие отец Иустин отметил в «Молитвенном дневнике» следующими словами: «Когда писал отклик на “Молитвы на озере”, плакал, сам свидетельствуя о себе, как я заключен в чувства и слячен узами; чувствовал радость, что нам Многомилостивый Господь даровал преосвященного Николая, предорогого... А когда получил его Акафист, рыдал от ощущения своей всегрешности и немолитвенности». Поистине дивна и трогательна до слез эта взаимная любовь и великое смирение одного перед другим, учителя и ученика, которые оправдали Премудрость Божию и Человеколюбие Божие о нас (см.: Мф.11:19, 25–26).

И еще с одним великим Божиим человеком был отец Иустин в то время в особо тесных духовных отношениях. Это был православный русский иерарх и богослов митрополит Антоний (Храповицкий), который тогда находился в Сремских Карловцах. Отец Иустин часто его посещал, у

него исповедовался и с ним служил – и почерпнул у него много духовной мудрости и подвижнического опыта. О нем он неоднократно писал, особенно после блаженного упокоения митрополита Антония[44]. Свое отношение к нему он кратко выразил следующими словами, которые сохранились в его записях: «Митрополит Антоний стал у нас уже преданием, и это, главным образом, священное предание. Он писал немного, но жил жизнью из Житий святых, и потому все драгоценное, оставшееся от него, – написано».

Кроме митрополита Антония, отец Иустин находился в духовной дружбе с Преосвященным архиепископом Кишиневским Анастасием, которого особенно ценил за его поистине ангельскую молитвенность. В таких же тесных духовных отношениях он был и с отцом протоиереем Алексеем Нелюбовым, фамилия которого, как говорил отец Иустин, была абсолютно противоположной тому, чем он в действительности был: он был весь любовь и молитвенная теплота. У него он также исповедовался. Другими словами, отец Иустин очень любил православных русских братьев, как любил он также православных братьев-греков и болгар. Позднее он посещал и Болгарию: будучи уже профессором Богословского факультета, он возил своих студентов по святыням и монастырям Болгарии. Духовная любовь и дружба связывали его и с еще одной значительной личностью нашего времени: будучи профессором в Битоле, он был сослуживцем и собратом угодника Божия отца Иоанна (Максимовича), будущего епископа Шанхайского, который свою богоугодную жизнь, полную молитвенности и самоотвержения, окончил в Сан-Франциско (США), будучи еще во время жизни на земле прославленным от Бога изобилием даров Святого Духа.

И кого только не любил любвеобильный отец Иустин? Скорби и печали других он воспринимал как свои собственные, плакал с плачущими и молитвенно вопиял за них к Богу, делая это втайне, скрываясь от людских глаз. Поэтому словно о себе самом свидетельствует он и исповедуется, когда говорит: «В этом горестном и печальном мире дар слез – это самый трогательный и самый удивительный дар. Плакать над скорбной тайной мира дано лишь избранным. И через своих избранных проплакала вся тварь, проплакала через сраствореные с молитвой, скорбные очи святых печальников рода человеческого». Поистине он и был одним из таких редких святых печальников и молитвенных посредников пред Богом за весь многострадальный человеческий род, за каждое богоподобное и христоподобное человеческое существо и за всякую тварь.

Иногда эта соболезнующая всем и всякому молитвенная печаль отца Иустина порождала – вследствие его, с одной стороны, личного смирения и сокрушения, а с другой стороны, из-за каждодневного перенапряжения и загруженности делами и заботами в семинарии и на всяком месте – сильное желание оставить мир и уйти в какой-либо монастырь или даже на Святую Гору Афонскую. Стесненный хлопотами и заботами, преподаванием в семинарии и в других местах, и к тому же изданием журнала, который он в те годы выпускал вместе со своими друзьями[45], он, как когда-то святой Савва, мучительно сожалел о времени, отнятом у молитвы и молитвенной тишины. Отсюда вполне естественно то, что в нем появлялось желание оставить все это и затвориться где-нибудь в монастыре или уйти в пустынь для ревностного упражнения в молитве и прохождения подвигов. Из «Молитвенного дневника» видно, что в эти дни он часто себя укорял и плакал, как будто «пренебрег» своим монашеским подвигом и «совсем его оставил». Так, в дневнике в 1922 году, накануне праздника святого Златоуста – святителя, которого он исключительно любил и которому непрестанно молился всю жизнь, – он в молитвенном плаче и с самоосуждением говорит: «Разве я монах? Все мои подвиги опущены... Надо все это оставить и уйти в пустыню, на Афон (на Святую Гору) и отдаться молитве и посту... Когда же я наконец весь пойду за Сладчайшим Господом через подвижническую жизнь в монастыре?» В конце того же года, подводя итоги году прошедшему, он смиренно считает, что весь его подвиг поста и молитвы – умер, и поэтому со слезами молится святому Василию Великому: «Святый отче Василие Великий, воскреси моего мертвеца в новом году». В ту же ночь, на исходе 1922 года и в преддверии нового года, он совершает около двух тысяч поклонов и молитв и смиренно заканчивает собирание духовных плодов прошедшего года евангельским словом: «Как обычно – терплю», – которое не меньше, чем его молитвы и слезы, раскрывает его подвиг. Сколь же необходима и благотворна святая добродетель христоподобного терпения на Богочеловеческом пути духовной жизни и спасения православного человека, знают лишь те, кто опытно пережил эти истинные слова Спасителя во Святом Евангелии: *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк.21:19), а также благовестие апостола о том, что Бог наш называется и есть не только *Бог любви*, но и *Бог терпения и утешения* (Рим.15:5). И воистину в подвиге евангельского терпения ради Бога и ради Христовой Церкви обязанностей пастыря, которые он свято исполнял и поэтому остался на общественном служении, отец Иустин победоносно выстоял и воспринял награду от Бога. Поистине терпением он спас свою душу.

Оставаясь в мире на апостольском служении, он старался свою работу и каждодневные хлопоты исполнить и освятить умно-сердечной Иисусовой молитвой. Он, очевидно, желал отдаться этой молитве еще более, и это пламенное желание влекло его в монастырь и тишину пустыни. То, что эта молитва еще в то время срослась с его сердцем, видно из его «Молитвенного дневника», где во многих местах, например, в течение 1923 года, он отмечал, что ежедневно творил по пятьсот, тысяче и две тысячи Иисусовых молитв. Это видно и из того, что он ревностно читал труды святых подвижников, подвизавшихся в пустыне, а также сочинения свт. Игнатия Брянчанинова о важности святой молитвы, гласящей: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!* – которой с незапамятных времен духовно питались бесчисленные боголюбивые души.

Преподавание отца Иустина в Карловацкой семинарии продолжалось до 1927 года. Именно в марте этого года он сдал экзамен на звание профессора, диссертация была написана на исключительно глубокую православную аскетическо-богословскую тему: «Гносеология св. Исаака Сирина». В этом труде вкратце описаны все тайны и глубины православного подвижничества на пути духовного возрождения и спасения: от растленного грехом ветхого до возрожденного и обоженного нового человека во Христе.

В это же самое время он со своими друзьями, главным образом, с соучениками из Оксфорда, издавал и редактировал «Христианскую жизнь» – журнал, описывающий церковную жизнь и изучающий христианскую культуру. Подвижник и ревнитель во всяком богоугодном подвиге, отец Иустин оставался таким в работе по просвещению церковного сознания в нашем народе и по выработке у него критериев православной церковности. С детства любитель правды, а тем более сейчас, будучи монахом-подвижником и святоотечески просвещенным богословом, он, по любви к истине и правде, подобно любезным ему святителям, особенно св. Иоанну Златоусту или святым студийским монахам, откровенно высказывал свои мнения, а иногда и критические суждения, о событиях церковной жизни и поступках отдельных церковных личностей или властей[46]. Ставя и оценивая горячие вопросы церковной жизни, иеромонах Иустин, редактор журнала, не только «критиковал», как некоторые тогда и впоследствии злонамеренно говорили. Была, разумеется, и критика, но в основном это была положительная православная оценка или же переоценка событий и времени, в которое он жил и работал; это были братские и сыновние предупреждения и мольбы,

была поддержка и благодарность, где это требовалось, были и вдохновенные пророческие прозрения. Все его публикации того времени, а особенно статьи, и по сей день нисколько не утратили своей свежести и актуальности, ибо все они проникнуты святоотеческим, благодатно-свободным духом и любовью к Церкви Христовой и спасению людей. Все истинно человеческое, истинно церковное и православное, хотя бы оно и казалось тяжким и горьким, находило свой отклик и поддержку в журнале отца Иустина и его сотрудников. «Легко быть римо-католиком, – писал он в то время, – еще легче быть протестантом, но тяжело, очень тяжело быть православным. Ибо быть православным – значит быть в непрестанном подвиге от человека к Богочеловеку, быть в непрестанном устроении себя богочеловеческими подвигами».

Между тем некоторым служителям Церкви, включая и высокопоставленных, эта деятельность не нравилась. Надо было обладать духовным мужеством и подвижническим самоотвержением и самообличением, чтобы взять на себя бремя указывать людям на истину и напоминать о ней, вскрывать любую неистину и неправду, что никогда людьми легко не воспринималось. Раздались реплики недовольства в адрес «Христианской жизни» и ее сотрудников, т. е. в основном в адрес отца Иустина. Отец Иустин сам сознавал и чувствовал, что вокруг него происходит, но от своей любви к истине и правде в служении Церкви Христовой не отступал никогда в жизни. Вот что он сам пишет о «Христианской жизни» спустя два года после начала издания журнала[47]: «“Христианская жизнь” изобилует благословениями многих читателей, но есть и такие, которые ее бранят. Если бы не было этих последних, “Христианская жизнь” не была бы христианской, ибо все, что Христово, – “камень преткновения”, “камень соблазна”. “Христианская жизнь” знает, что хочет, а хочет она того, чего хочет Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь, поэтому она и встревожила тех, которые этого, по крайней мере отчасти, не хотят. Православная Церковь – это нечто столь святое, столь пречистое, столь вышеестественное и благодатное, что ко всему церковному должно приступать “со страхом Божиим и верою”, ибо приступаем мы к живому Господу Иисусу. “Христианская жизнь” непрестанно взывает к такому священному, православному образу служения в Церкви... Она непрестанно исповедует, что Господь Иисус Христос Духом Святым через святых отцов управляет Церковью. Мы не себя проповедуем, а Господа Иисуса Христа через святых отцов, поэтому “Христианскую жизнь” не любят те, кто проповедует сам себя, кто восхищает себе место святых отцов, кто вечно потворствует духу

времени... Мы не перестаем подчеркивать, что в Церкви лучше всех мыслят святые отцы, ибо они мыслят Духом Святым... Есть и такие, которые призывают к реформам в Церкви, не чувствуя того, что все реформы в духе времени губительны для Православной Церкви. “Христианская жизнь” выступает против этого; она выражает православное мнение, когда утверждает, что в святых нам показан православный путь преображения личности и преобразования общества: преобрази прежде всего себя благодатью Духа Святого, а Господь Сам через тебя преобразит других. Мы обращаемся за помощью к реформам потому, что отступили от наших незаменимых святых отцов и подвижников, заразились поверхностным западным реформизмом. Мы забыли заповедь: *Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим.12:2)».

Из-за такой честной и откровенной позиции отец Иустин имел неприятности еще тогда, когда заботился о материальном и духовном благосостоянии и росте своих учеников в семинарии. Однажды даже известные архиереи, почувствовавшие себя задетыми в статьях иеромонаха Иустина, хотели его вывести на суд Священного Синода[48]. От суда освободил его Святейший Патриарх Димитрий, ответив архипастырям, что все написанное отцом Иустином есть сущая истина. Патриарх Димитрий, кстати сказать, любил и ценил иеромонаха Иустина и по этому поводу, вызвав его к себе, с отеческой добротой сказал ему: «Знаешь, сынко, ты хороший монах и все хорошо, только писать тебе надо поменьше, потому что перо у тебя острое и некоторые люди на это обижаются».

Однако и Святейший Патриарх не мог помешать тому, чтобы на верном слуге Христовом – отце Иустине – исполнилась евангельская и святоотеческая истина о том, что «правда в этом мире ступает ногами страданий». Все Божии люди, а особенно горячие и ревностные делатели в винограднике Господнем, с апостольских времен до наших дней, всегда проходили через горести, искушения и страдания. Неся и свидетельствуя истину Божию, они всегда вокруг себя встречали противодействие и противление. Ибо добро тяготит и уязвляет людей, не готовых ради него понести самоотверженный труд и жертву. Поэтому судьба всех добродетельных и ревностных в деле Божием людей – это сопротивление окружающих и в конце концов гонение. Так случилось и с отцом Иустином. И он летом 1927 года, хотя формально был лишь «перемещен», на самом деле – изгнан в Призрен[49].

За этим «перемещением» стояло ясное намерение изгнавших отца

Иустина прекратить деятельность журнала «Христианская жизнь», что действительно и было достигнуто, поскольку в Призрене отсутствовали условия для его издания. В статье, написанной по этому поводу[50], отец Иустин не печалится и не сожалеет о собственном гонении и страданиях. «Человек человека гонит, моль гонит моль, – писал он. – Что в этом страшного? Ничего». Не скорбит он даже и о журнале «Христианская жизнь». Но живо ощущает необходимость защищать свой православный путь, ибо этим он защищает Истину. В этой связи он пишет: «Я должен защищать путь, по которому иду: не потому, что это мой путь, а потому, что это путь Христов, Он его открыл, Он его проложил, Он его обезопасил. Это первый и единственный путь из смердящей бездны земли к вершинам благоухающего неба.

Первый и единственный – другого нет. Все остальные пути сворачиваются в кольцо безысходных ужасов. Его путь – это Его бескрайняя и бесконечная Богочеловеческая Личность. Как только человек вступает на него, он вступает в вечную Истину и в вечную Жизнь, ибо Путь, Истина и Жизнь единосущны в Господе Иисусе Христе... Жалка человеческая душа и прежде смерти, и после смерти, если чудотворящий Господь не выведет ее на Свой Богочеловеческий путь. Этот путь Христов сохраняется в Православной Церкви Духом Святым через святых отцов... Если я – Иона на корабле Сербской Церкви, то бросьте меня в море, только пусть утихнет буря, только пусть спасется корабль. А меня, может быть, какой-нибудь гостеприимный кит примет в свою утробу и, когда нужно, выбросит на берег... Всякое страдание благо ради незаменимого Господа. Чем больше страданий ополчаются против веры моей, тем глубже она зарывается в мое сердце. Для христианина страдания – это очищение, весна для души, освежение, омоложение... В борьбе за Православие я святоотеческим путем прямо следовал православной Истине Христовой и никогда не угождал людям, ибо если бы я еще и людям угождал, то не был бы и самым последним рабом Христовым. Я непрестанно убеждаюсь, что лишь усвоением святоотеческого сознания и подвижнического понимания Православия может ожить наше замершее, наше парализованное чувство церковности... И пока в нашем разуме кипит мир и грехи наши живут в нас, христолюбивая православная душа тоскует по соборной со всеми святыми жизни в Господе Христе, по соборным со всеми святыми трудам и подвигам в нашей многострадальной Церкви, тоскует и молитвенно вопиет: “Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувше, сами себя, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу

предадим. Тебе, Господи!”»

И на самом деле, можно только сожалеть, что «Христианская жизнь» так быстро и таким образом прекратила свое существование. Ибо в ней многие, особенно молодые подвижнические и миссионерски настроенные пастыри, находили богатый православный материал, поддержку и воодушевление к своей работе. На мнение редактора этого строго церковного и православного журнала многие обращали внимание и не только почерпали знания, но и постигали широту Вселенского Православия и христианской любви ко всем своим православным братьям в мире, особенно к страдальцам и исповедникам в России, угнетенным новым Диоклетианом. Кроме того, журнал регулярно следил за всеми церковными и богословскими жизненными процессами в Православии и в основном соглашался с мнением Священного Архиерейского Собора о всех реформаторских нововведениях, исходящих от правивших в то время Константинопольских патриархов и их «всеправославных конгрессов» или от готовящихся «вселенских соборов» (о чем отец Иустин и тогда, и вплоть до недавнего времени обличительно писал), или же от антиправославных русских «живоцерковников»[51]. Точно так же и в то время, и впоследствии отец Иустин указывал на опасности от римской и униатской пропаганды и от неприемлемых для православного человека папизма и протестантизма[52]. В конце каждого номера «Христианской жизни» располагались отличные богословские – как теоретические, так и практические – статьи по разнообразной тематике, а также переводы святоотеческих трудов, которые в основном готовил сам отец Иустин (Беседы св. Златоуста, св. Макария Египетского, свв. Ефрема и Исаака Сирина, несколько позже **«Лавсаик»** еп. Палладия, вышедший как самостоятельная книга в двух частях). Это духовное чтение живо интересовало и отца Иустина, и наш православный народ, поддерживающий и приветствующий все, что у нас появлялось из этой области. Хотя ему самому так и не удалось уйти на Святую Гору Афонскую[53], он всегда советовал и мирянам, и священству, а особенно монахам, паломнически посещать Святую Гору и учиться святогорскому благочестию и ревности в подвижничестве.

В Призренской семинарии отец Иустин оставался лишь год (с августа 1927 до июня 1928 г.) и вновь был возвращен в Сремские Карловцы. За этот год он успел снискать всеобщую любовь семинаристов и учителей, ибо своей жизнью и трудами воистину показал, что «богословие – это не диалектика и не умелое цитирование текстов Священного Писания, а живое и деятельное врастание в великую тайну Христа и Церкви», как

напишет о нем один из его призренских учеников. Так было и несколько лет спустя в Битольской семинарии, где он был профессором с 1932 по 1934 год, о чем повествуют и письма его учеников, и их живые свидетельства.

Новые искушения для отца Иустина наступили в Карловцах после смерти ректора семинарии, протоиерея Добросава Ковачевича († 9 октября 1929 г.). Отец Иустин указом Священного Синода был назначен исполняющим обязанности ректора. Потом он сам нам говорил, что тогда и в самом деле хотел стать ректором семинарии: не по любви к славе, но желая лучше организовать жизнь и труд молодых богословов, к вящей пользе Сербской Церкви. Однако уже в марте 1930 года ректором был поставлен преподаватель женской гимназии из Белграда, не входивший в число профессоров семинарии h придерживающийся совсем других понятий и мнений, нежели отец Иустин и большинство семинарских преподавателей. Не замедлили и столкновения между самоотверженным подвижником и самоугодливым господином. Это отразилось на известном разделении учеников, и новый ректор начал выгонять учеников, любивших отца Иустина и оставшихся ему духовно приверженными. Сильные мира сего и власть имущие были на стороне ректора, и отец Иустин вновь был удален из Карловацкой семинарии. На этот раз он был направлен на нелегкую работу за границу, но в конце концов лишь умножил свои подвиги к большей славе Божией и на пользу Православной Церкви.

По решению Священного Архиерейского Синода Сербской Церкви в декабре 1930 года отец Иустин был направлен в Прикарпатскую Русь в Чехословакии в качестве сопроводителя и помощника епископа Битольского Иосифа (Цвиевич). Их задачей было способствовать лучшему разъяснению Православия и улучшению церковной организации православных в Чехословакии, особенно в Прикарпатских областях, где в последние десять лет христиане начали возвращаться в Православие из насильно навязанной им унии с Римом. Такой помощи у Сербской Церкви просили и сами чешские христиане, поэтому там уже находился и работал епископ Нишский Досифей. Сейчас было нужно опять ненавязчиво и более конкретно помочь этим православным братьям, тем более что церковная обстановка в Чехословакии из-за разрозненности самих православных была сложной. Сербская Церковь отозвалась на это с апостольской любовью, направив туда епископа Иосифа и отца Иустина.

В Праге их встретил и братски принял православный епископ Горазд, а затем представители чешских властей, поскольку все должно было быть непринужденным и законным. 17 декабря 1930 года они отправились на

апостольское, миссионерское дело в Прикарпатье и прежде всего посетили города Ужгород, Хуст, Изу (где Православие появилось еще в 1904 г.), Врио, Мукачево, Владимирово, Прешов и Краков, а затем многочисленные села как на равнине, так и в горных районах Карпат[54]. Останавливались они также в недавно открытых православных монастырях: в мужском монастыре святителя Николая (вблизи города Иза) и женском монастыре Липши, где было свыше семидесяти сестер, которые, как отметил отец Иустин, были «богаты нищетою и простотою».

Эти два апостольских миссионера везде, где только были православные, ревностно путешествовали в дождь и снег, служили святые литургии и проповедовали Евангелие Христово и науку Православия, как некогда святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий. Они самоотверженно, подвижнически совершали дело миссионерства, а в особенности отец Иустин (ибо митрополит Иосиф после нескольких месяцев возвратился в Белград по синодальным делам), всевозможно укрепляя эту молодую и недостаточно утвержденную в Православии паству. Народ, по общему впечатлению отца Иустина, был простым и набожным, много потерпевшим от униатов, тогда как среди священства, помимо честных и ревностных, были неорганизованные и модернистски настроенные. Миссионерская деятельность отца Иустина заключалась в служении и проповедании, в поучении и духовном руководстве, в организации церковно-приходской и монашеской жизни, регулярных богослужений и в других делах православного благодатного и канонического порядка. С помощью всего этого нужно было укрепить народ Божий, укоренить его в благодатных глубинах Святого Православия, насадить его, как масличные деревья и виноградные лозы, в духовном раю Единой Святой Соборно-Кафолической и Апостольской Церкви Христовой. Другими словами, необходимо было устроить и приуготовить самостоятельную Православную Поместную Церковь в Чехословакии. •

В этом тяжком, но богоугодном деле иеромонах, а затем протосингел Иустин (ибо ему митрополит Иосиф от Священного Синода дал это отличие и выразил благодарность) оказывал сыновнее послушание и всеусердно помогал владыке Иосифу, так что даже этот владыка впоследствии с искренним благодарением сообщал Священному Синоду и Патриарху о том, что никогда в жизни никто его так не слушался и никто ему так не служил, как отец Иустин. За апостольский самоотверженный труд в Чехословакии митрополит Иосиф предложил Архиерейскому Собору Сербской Церкви рукоположить отца Иустина во епископа Мукачевского на возобновленную кафедру. Об этом между отцом

Иустином и владыкой Иосифом велась долгая переписка, но в конце концов отец Иустин все-таки не согласился принять епископский сан и кафедру.

На эту тему сохранилось его письмо к Преосвященному Иосифу, написанное 2 сентября (ст. ст.) 1931 года в Мукачеве и доставленное в переписанном виде Патриарху Варнаве и епископу Николаю, в котором отец Иустин так объясняет свой отказ от кафедры: «Испрашиваю у Вашего Преосвященства извинения и прощения за то, что так поступаю. Я пишу это под неодолимую диктовку моей совести. Под вопросом путь, которым душу свою веду через этот мир к миру оному... Ваше Преосвященство неоднократно доводило до моего сведения, а особенно в эти дни перед поездкой на Священный Архиерейский Собор, что должно мне остаться епископом в Прикарпатской Руси. Я от этого отказывался и отказываюсь сейчас. И этот мой отказ является не результатом минутного настроения, а плодом долгих размышлений, и что самое главное – плодом моего постоянного и неизменного чувства, что я не гожусь быть епископом... Я долго и серьезно наблюдал за собой из Евангелия, просматривал себя через Евангелие, судил себя Евангелием и пришел к неизменному выводу и непоколебимому решению: я ни в коем случае не могу и не смею принять епископский сан, ибо у меня нет для этого основных евангельских качеств. Если бы я, будучи таковым, принял этот сан, то сознательно и потому непростительно подвел бы себя под осуждение притчи Спасителя о человеке, который необдуманно начал строить башню, но не мог ее закончить, так как не сел перед этим и не исчислил всего, что это ему будет стоить и имеет ли он силы и средства для ее завершения. Я отлично знаю себя: мне очень тяжело и свою собственную душу удерживать в границах Христова добра, а тем более сотни тысяч чужих душ. И отвечать за них перед Богом! Измеряя себя евангельским мерилом, судя себя страшным судом Евангелия, я повсюду нахожу в себе отчаянные недостатки и пагубные изъяны и поэтому я всем сердцем, всей душой, всем существом принял неизменное решение: ни за что не принимать епископского сана... И еще к тому же: Мукачевская епархия такова, что в ней едва с великим трудом может освоиться человек с огромным епископским опытом, а куда уж мне – неопытному, неискусному, неумелому. Здесь все в хаотичном движении, еще ничто не вылилось ни в определенные законные (канонические) нормы, ни в религиозно-церковные навыки и обычаи... Поэтому сюда нужен искусный, проверенный епископ, располагающий большим благодатный опытом и закаленным деловым умением. Без этого здесь все может потерпеть крах и

пропасть»[55].

Хотя митрополит Иосиф всячески убеждал и располагал отца Иустина к принятию епископства («Не упускайте из виду и того, – писал он ему, – что светильник не ставится под спуд... поэтому примиритесь с тем, чту Вам надлежит»), смиренный авва не поколебался в своем решении, На все обоснования владыки он обычно отвечал доводами из Священного Писания, и митрополит Иосиф, питавший к нему любовь, наполовину в шутку, а наполовину всерьез однажды ему ответил: «Вся беда в том, что ты так знаешь Священное Писание!» Связи же отца Иустина с верными из Прикарпатья не прервались и после его возвращения из Чехословакии в начале 1932 года, потому что не только многие писали ему оттуда, называя его своим духовным отцом, и не только он отвечал им из Сербии и помогал, чем мог, но и имел достаточное число своих учеников, а впоследствии – студентов из прикарпатских краев, которые Сербскую Церковь считали для себя Церковью-Матерью.

По возвращении с дела миссионерства в Чехословакии отец Иустин не сразу получил работу в семинарии, что, возможно, было результатом его отказа от принятия епископского сана, который ему уже никогда больше не предлагали. Он, однако, в это время ускоренно пишет свой первый том **«Догматики»,** который опубликовал в октябре того же года. Только в августе 1932 года он получит должность профессора в Битольской семинарии, где будет не покладая рук работать два года. Как и везде, в Битоле он вложил много труда и любви в богословское образование и евангельское воспитание молодых богословов, преподавая здесь Священное Писание и догматику. Как профессора и наставники, так и семинаристы и здесь его весьма любили и ценили, и, когда спустя два года он был переведен из Битоля в Белград доцентом богословского факультета, его провожала вся семинария и огромное число благочестивых горожан.

Хотя отец Иустин был давно известен в мире как святоотеческий православный богослов, тем не менее его избрание профессором Богословского факультета в Белграде не прошло без трудностей, но таких трудностей, которые свидетельствуют лишь о его величии и о малодушии и злобе некоторых людей. Большинство профессоров Богословского факультета – и причем лучших и по человеческим качествам, и по теологическим познаниям – уже давно поддерживали такое избрание отца Иустина и прилагали к тому усилия. Ибо было уже известно, что еще в течение 1928 года православный митрополит Польской Церкви и Варшавский Университет неоднократно приглашали доктора Иустина Поповича принять кафедру Догматического богословия на отделении

этого университета для преподавания курса православной теологии[56]. В этом же направлении действовал и известный русский богослов Николай Глубоковский, преподававший в то время в Софийском Университете и еще в 1932 году писавший Сербскому Патриарху Варнаве, что отцу Иустину нужно дать возможность работать по специальности в области православного богословия, применяя свои знания, энергию и духовный опыт[57]. Патриарх на это письмо не ответил, и не нам делать выводы о том, помог ли он так или иначе приходу отца Иустина на Богословский факультет. Интриги же известных профессоров и других посторонних лиц (к которым подключился и упомянутый ректор Карловацкой семинарии), пытавшихся поставить под вопрос даже дипломы или самые богословские работы отца Иустина, мы не желаем здесь исследовать, ибо зачем отягощать себя человеческой суетой и вникать в человеческую низость[58].

Слава Богу, рассудительность восторжествовала, а тем самым был сохранен и даже еще более возрос авторитет Богословского факультета в Белграде; и тем, кто его прославил, был его доцент, а затем профессор, архимандрит Иустин Попович, православный догматист. Уже в 1935 году он публикует второй, огромный по объему, том своей **«Догматики»,** в которой неповторимым со времени святых отцов образом излагает всесвятую истину Православия: о **Богочеловеке и Его деле спасения мира** (христология и сотериология). По его «Догматике» началось преподавание в богословских и теологических школах и на факультетах Греции, Болгарии и США[59], и мы можем с уверенностью сказать, что сербская православная теология до настоящего времени ничем так не знаменита, как **«Православной философией Истины»** Иустина Поповича (как он сам назвал свою «Догматику»).

После положительного доклада двух профессоров богословского факультета (1 февраля 1934 г.) отец Иустин был избран доцентом кафедры сравнительного богословия и вступил в должность 21 декабря того же года. (Впоследствии он был избран профессором догматики.) 16 января 1935 года он прочитал на богословском факультете свою вступительную лекцию на тему «О сущности православной аксиологии и критериологии», представляющую собой замечательное в своем роде православное богословское исповедание веры в Богочеловека Христа и Его Святую Православную Церковь, какого не слышно было, особенно в университетах, со времени святого Саввы Сербского и святого Григория Паламы: «Господь Иисус Христос как Богочеловеческая Личность – это наивысшая ценность и непогрешимое мерило; как таковая Личность Он в то же время является и наивысшим критерием всех настоящих ценностей...

Ибо нет Бога вне Богочеловека, нет и человека вне Богочеловека... Все свое учение и деяния Господь Иисус Христос сводит к Своей Богочеловеческой Личности и объясняет ею. Поэтому и Апостольская, Православная Церковь Христова все в христианстве сводит к Животворящей Личности Богочеловека: и учение, и истину, и правду, и добро, и жизнь. Образ Богочеловека Христа – это ее высшая значимость и самая большая, ни с чем не сравнимая ценность. Ибо христианство – это христианство Богочеловеком; в этом его исключительное значение, и сущность, и сила. Господь Иисус Христос Себя Самого, Свою Богочеловеческую Личность оставил как Церковь; отсюда Церковь – Церковь лишь Богочеловеком и в Богочеловеке. Богочеловек – сущность, и цель, и смысл, и всеценность Церкви; Он – и ее душа, и ее сердце, и ее жизнь; Он – это сама Церковь в своей Богочеловеческой полноте, ибо Церковь есть не что иное, как Богочеловек Христос, живущий во веки веков». После такого апостольского и святоотеческого исповедания Богочеловека отец Иустин говорил о Церкви как Теле Христовом и о верных как о живых клетках и членах этого Богочеловеческого Тела. Затем он критически остановился на западных гуманистических исповеданиях, римо-католицизме и протестантизме, в которых «основание христианства перенесено с вечного Богочеловека на тленного человека», и тем самым произведена «болезненная и скорбная» корректировка Богочеловека, Его дела спасения и Его учения. Только Апостольская Православная Церковь сохранила истинный Образ и Личность Богочеловека Христа. «Поэтому не может быть христианина без веры в Богочеловека Христа и Его Богочеловеческое Тело – Церковь, которой Он оставил всю Свою досточудную Личность».

В это же самое время, когда отец Иустин так исповедовал Богочеловека Господа Иисуса Христа с университетской кафедры, не в меньшей мере он исповедал Его на судах и перед князьями мира сего. Один безбожник Драголюб Дамьянович опубликовал в Белграде книгу «Жизнь Иисуса Назарянина», которую отец Иустин рецензировал в журнале «Христианская мысль» (№ 1 за 1935 г.) и разоблачил как поистине «разбойничью книгу» о Господе Иисусе, показав ее ненаучный, памфлетический и антихристианский характер. По этому поводу упомянутый Дамьянович обвинял отца Иустина в суде, и последний отвечал перед судом и по-апостольски защищал возлюбленного своего Бога и Господа. Свое ответное слово на суде он начал следующими исповедническими и святомученическими словами: «Господа, хотя г-н Дамьянович отрицает Господа Христа и Его Святое Евангелие, тем не менее сегодня вновь перед всеми нами сбывается Христово пророчество:

Будут отдавать вас в судилища... и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками (Мф.10:17–18). Так вот, Евангелие Христово непрестанно сбывается и являет свою истинность... Что касается меня, я на земле не боюсь никакого осуждения, кроме Христова. Если мне нужно пострадать ради Господа Христа, я готов на это с радостью». Этот суд закончился во славу Христову, победой Его верного слуги и исповедника, на посрамление безбожника, которых у нас в то время становилось как-то все больше[60].

Отец Иустин публично и неустрашимо исповедовал Богочеловека Господа Христа и в других собраниях, как, например, в лекциях в Коларчевом народном университете (где в 1939 г. прочитал блестящую лекцию о Воскресении Богочеловека Христа) или в обществе сербских интеллигентов, с которыми общался и дружил. Обладая проницательным умом, будучи незаурядно образованным и культурным человеком, он пользовался авторитетом в среде истинной интеллигенции нашего народа, но главным и самым важным, что они в нем ощущали, была его духовность, ибо духовное вытесняло в нем все мирское и благодатное господствовало над интеллектуальным. Он был и одним из основателей Сербского философского общества (основано 22 октября 1938 г. по инициативе философа Бранислава Петрониевича), участвовал в различных культурных, литературных и научных собраниях (особенно дружил с Б. Нушичем), но везде проповедовал не себя, а Христа, свидетельствовал о Нем, а не о себе или о каком-либо ином человеке. По поводу поведения известной части нашей интеллигенции он еще в 1926 году выпустил статью под заглавием «Наша интеллигенция и наша Церковь», где уделил внимание той части интеллигенции, которая не замечает богочеловеческих размеров человека и тем самым его сужает, сокращает и унижает; и наоборот, в этой статье он приветствует ту часть интеллигенции, которая пробуждается к человеку более широкому, более глубокому и высокому, к человеку менее смертному, а более бессмертному во Христе Богочеловеке[61].

Другими словами, отец Иустин всегда был открыт и исполнен любви к каждому человеческому существу, а тем более к искренно ищущей и жаждущей истины интеллигенции, особенно к студенческой молодежи. Студенты активно посещали и охотно слушали его лекции, читали его книги и статьи; и сейчас труды отца Иустина читаются не только как литературные или богословские произведения, по прежде всего как хлеб насущный и как сладостная духовная пища. Студенты и интеллигенция особо интересовались, да и поныне интересуются, его книгой о

Достоевском (которую он перед самой войной переработал и переиздал, посвятив ее новым исповедникам Православия: Святейшим Патриархам Варнаве Сербскому и Тихону Российскому, что свидетельствует о его постоянной близости и открытости общечеловеческим проблемам).

В смутной и злополучной борьбе вокруг конкордата[62] отец Иустин, как и всегда, был ясным и недвусмысленным защитником Святой Православной Церкви, стражем свободы души и духа нашего православного народа, особенно молодых Христовых последователей и тружеников в винограднике Господнем. Из-за этого он испортил отношения с некоторыми высокопоставленными церковными и государственными лицами, но этого никогда не страшился, ибо никогда не угождал людям, а угождал только Господу Иисусу Христу и Его Святой Церкви ради спасения человека и своего народа. Насколько он чувствовал и переживал трагизм своего времени и обстоятельства, в которых людям приходится жить, видно по одному видению, которого он удостоился в те дни, перед самой войной, и о котором оставил нам письменное свидетельство: он увидел монаха-странника, обросшего волосами и бородой, в короткой мантии и с посохом в руке. И затем, когда видение монаха прекратилось, перед глазами его появляется голова Спасителя в терновом венце, которая на мгновение исчезает, а затем появляется вновь.

Такое же настроение от его переживания этих дней и лет передается и в отрывке из его письма школьному другу, написанного 2 апреля (ст. ст.) 1938 года: «Что касается меня, я здесь (в Белграде) чувствую себя, как Иона во чреве кита. Нисколько нет воздуха вечности; легкие души готовы иссохнуть. Чьи-то руки сметают раскаленные угли на молодую Христову поросль в запущенном и оставленном винограднике Господнем. Святой Савва, взирая на землю, потрясает своим плачем небеса. А мы плачем еще больше и сильнее, ибо живем на земле. Никогда не было так нужно вооружиться всеоружием Божиим, как сейчас. А превыше всего должно вооружиться молитвой, которую нам Сладчайший Господь преизрядно и преизобильно даровал!.. И надобно мне, чтобы мои ближние бодрствовали вокруг души моей в своих молитвах и подвигах».

Отец Иустин прибыл в монастырь святых Архангелов – Челие[63] недалеко от Валева 14 мая (ст. ст.) 1948 года и здесь остался священнослужителем и духовником. Об этом периоде его жизни не будем говорить ничего, кроме сих слов: «Когда жизнь благодатью Христовой перейдет в священное житие, тогда ее уже нельзя объять словами».

В Челиях отец Иустин и окончил течение своей земной жизни, сподобившись блаженной кончины праведника и угодника Божия; а

произошло это как раз в день Благовещения Пресвятой Богородицы в 1979 году. Никому ничего не навязывая, но лишь веру свою в Господа и Его святых молитвенно исповедуя, молитвой начатое молитвой и заканчиваем:

Преподобне отче Иустине, моли Бога о нас!

Погребение отца Иустина и сорокадневное поминовение

По исходе блаженной души отца Иустина из его богозданного и Богу преданного тела ученики-священномонахи совершили его уставное облачение в голубые священнические одежды, в которых он служил святую Божественную литургию и сейчас в этих сраствореннных со святой литургией одеждах отошел в Собор небесных Священнослужителей, где в нерукотворенном храме небесном истее и совершеннее вечно причащается Христу. По завершении облачения, благодатью богоподобное и теплое его тело опущено в новый ковчег, и над телом в его же келлии отслужена малая панихида. Торжественным собранием всех сестер монастыря Челие и огромного числа верующих, поскольку одни еще не уехали из монастыря с праздника Благовещения, а другие уже начали прибывать – ибо весть о упокоении отца Иустина быстро разнеслась и в тот же вечер достигла Святой Горы и Афин[64], – тело аввы было перенесено в монастырскую церковь святых Архангелов и здесь положено в притворе.

Чтение Святых Евангелий, начиная с Евангелия от Иоанна, было начато еще во время исхода души блаженного старца и не прекращалось во все время облачения, а затем продолжалось в храме в течение трех дней и трех ночей, вплоть до отпевания. Чтение Четвероевангелия прекращалось лишь во время святых богослужений и панихид и временами сменялось чтением Псалтири сестрами-монахинями или благочестивыми верующими, которые в монастырской церкви, сменяя друг друга, проводили все дни и ночи, вплоть до отпевания и погребения блаженного тела. Верные со всех уголков Югославии и из-за границы начали прибывать в тот же самый вечер, чтобы всем вместе, молодым и старым, особенно семинарской и студенческой молодежи, совместно с сестрами-монахинями пободрствовать возле гроба блаженного аввы и поучаствовать в слушании и чтении святого слова Божия, неумолкающим благовестником и толкователем которого был этот новый сербский Златоуст.

А блаженный старец телом своим почивал перед нами, с блаженным миром Божиим на лице своем, которое сияло нам, благословляя и утешая нас духом своим, сопричастным Духу Святому. Благодатное благословение его преизобильнее проявлялось в тихих и обильных молитвенных слезах, изливаемых из сердец и очей наших с волнами печали и радости, необъяснимо сменяющимися и переливающимися в

душах наших. Поистине мы в те три дня и три ночи, да и после этого, вплоть до сорокадневного поминовения, переживали на собственном опыте истину святых православных отцов и подвижников о том, что существует благодатный **радостотворный плач** (называемый по-гречески **хармолипи**), который в то же время – и истинный **плач,** и истинная **радость.** Возле гроба отца Иустина именно это мы и чувствовали во все те дни: слезы нельзя было остановить, но это были печально-радостные и крестно-воскресные слезы, переживаемые только в часы истинного, сраствореннного с благодатью покаяния. Все здесь было тихо и кротко, не было воплей или рыданий – только тихий дождь печали и умиления, проникнутый благодатным утешением и райскими воздыханиями – чувствами, столь свойственными святому авве, и поэтому, возможно, дарованными нам по его молитвам. Как будто праздновали мы Святую Пасху, совершив перед этим чин погребения; именно так об этом сказал один святогорец: «Погребение отца Иустина было праздником Пасхи!» Это ощущалось в те три дня и три ночи в самой обстановке вокруг гроба отца Иустина: блаженно уснувший угодник Божий, почивая от трудов подвигов своих в мире Господа своего, как будто тихо дышал во гробе – что, по словам прозорливого отца Порфирия из Греции, также было знаком богоугодничества и осенения благодатью, – и это его мирное и миротворящее дыхание, лучше сказать, дыхание Духа Святого, передавалось нам. Мы не чувствовали никакой боли и усталости, мы лишь грустно радовались печалью по Боге, в живой надежде воскресения, в ясном чувстве неумирания и бессмертия аввы. Не смеем сказать, что в той же мере, но, разумеется, отчасти и «мы возле его гроба почувствовали то же, что и он когда-то ощутил возле гроба своей матери: истинное и действенное ощущение бессмертия. Христос Воскресший и общее воскресение было действительностью, наступившей здесь и сейчас, не только для почившего аввы, но и для нас, стоящих вокруг его святого и благоухающего тела. Пусть и за этот дар возносится слава Всемилостивому Господу и Его угоднику, который и по смерти засвидетельствовал то, о чем проповедовал и свидетельствовал всю свою жизнь: Воскресение Христово и наше воскресение в Нем суть альфа и омега христианства, и «райская радость бытия переживается воскресением».

Чудесным было и то, о чем нам и другие засвидетельствовали, как в эти дни и часы наши молитвы за отца Иустина постепенно и неприметно переходили и изменялись в молитвы к нему и Господу его и нашему: за нас, грешных и недостойных.

В тот первый вечер, в субботу, было отслужено всенощное воскресное бдение с 10 часов вечера до 3 часов ночи, а утром – святая литургия святого Василия Великого. После чтения Святого Евангелия и заупокойной ектении над гробом отца Иустина говорил иеромонах Афанасий о целожизненном проповедании Благовестия-Евангелия этим Христовым благовестником Благое-Иустином – единственного истинного **благовестия,** вопреки частому проповеданию зла в этом мире и жизни. По святой литургии, за которой все сестры причастились Святых Христовых Таин, в монастыре была поставлена трапеза любви для всех присутствующих в память почившего отца-гостеприимца. И в следующие два дня до отпевания вновь всю ночь служились бдения, а днем – святые литургии...

В день отпевания в монастырь прибыло огромное количество духовенства со всей страны и из других Поместных Православных Церквей. Присутствовали все, духовно связанные с отцом Иустином, свидетельствуя о том, что его духовное свечение уже давно стало всеправославным и вселенским... Единство Православия, которое отец Иустин во время земной жизни живо чувствовал и о котором верой, любовью, молитвой и богословием свидетельствовал, благодатно проявилось здесь, на его погребении – в единстве общей веры и любви, в единстве соборных молитв и песнопений. Погребальные песнопения, заупокойные ектении, возгласы и молитвы, а прежде всего слово Евангелия, были слышны на его погребении на многих языках православных. Челийские сестры пели на сербском, сербское и русское священство – на церковно-славянском, а братья из Греции – на греческом... Собор народа Божьего в этот святой день вокруг храма святых Архангелов и священного тела старца Иустина вдыхал благоухание неповторимости и неуничтожимой вечности и слезно встречал прощальные слова собравшегося духовенства.

По окончании отпевания ковчег с телом троекратно был обнесен вокруг монастырской церкви, а затем тело, по изначальной заповеди Господней, предано праху земному – опущено в землю на южной стороне от алтаря Челийской церкви.

После последних надгробных песнопений и молитв, когда смиренные могильщики – в основном окрестные крестьяне и богомольцы, эти дивные и простые наши люди, которые так горячо любили отца Иустина и которых и он так по-братски и по-отечески любил – начали закапывать этот бесценный ковчег, над могилой на многих языках разнеслось смиренное и радостное: **«Христос воскресе из мертвых, смертию**

смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». И пока челийская земля покрывала эту новооткровенную сокровищницу мудрости, откуда-то донесся неожиданный, но ясный глас поэта:

«Он ступал, ведомый правдой
И любовию Твоею хранимый, Христе!
Вечная тебе память,
Христианский новый евангелисте!..»

Поскольку тогда были великопостные дни, по Уставу не положено было каждый день служить заупокойные литургии (сорок святых литургий было отслужено непрестанно только со дня Святой Пасхи), но зато гробница отца Иустина стала составной частью святого Челийского храма, так как на ней начали совершаться регулярные каждения и молитвы, поминовения и парастасы, воспеваться песнопения и тропари, – совсем как в древней Христовой Церкви на гробницах святых мучеников и исповедников. Ибо каждый Христов верный, почивший в общении с Церковью, а тем более угодник Христов, никогда не уходит и не выходит из Церкви, но остается в ней как в вечноживом небо-земном Теле Христовом.

Сорокадневное поминовение блаженного аввы совпало с праздником Преполовения Пятидесятницы (3 мая). Вновь была отслужена в Челиях святая литургия архиерейским служением при огромном стечении народа. После окончания богослужения вновь была всем предложена монастырская трапеза любви...

Господь Человеколюбивый да имеет его в вечном поминовении Своем со всеми святыми Своими, а нас да помилует и спасет его и их святыми молитвами.

Иеромонах Афанасий

Речь архимандрита Марка из г. Висбаден на погребении отца Иустина

Когда я несколько лет тому назад приехал в Белград, мое сердце возрадовалось, ибо тогда я впервые приехал в православную страну. Это великое событие для человека, живущего в диаспоре, где православных меньшинство. Между тем, когда я впервые приехал в Челие, сердце мое поистине взыграло, ибо я знал, что пришел к источнику православной, святоотеческой, богословской мысли в нашем веке. После этого я стал приезжать к нему (о. Иустину. – *Примеч. ред.*) чаще и несколько раз сам себя спрашивал: знают ли люди здесь, в этом святом монастыре, в его окрестностях, в этой стране, об этом великом богатстве, пребывающем среди них, и ценят ли его? Во всяком случае, не в такой мере, в какой мы за границей ценили отца Иустина, который для нас был и остался синонимом Православия. Он был столпом Православия!

Но в нынешний день я не буду долго оглядываться назад, а загляну немного вперед. Я спрошу себя: какое завещание оставил нам наш авва? Мы видим среди нас его учеников, которые, если Бог даст и молитвами нашего аввы, продолжат его труды. Для нас это возможность и обязанность – продолжать его мысль. И от нас зависит, насколько мы будем ценить эту возможность.

Когда я смотрю на самого себя и на всех вас, собравшихся здесь православных христиан, я вновь себя спрашиваю: какое завещание оставил нам наш отец Иустин? Думаю, что не будет ошибкой, если я скажу, что его завещание нам заключается в том, чтобы мы защищали и хранили святое Православие от всех дьявольских нападений, со всех сторон обрушивающихся на нашу святую Церковь в наше время. Иногда кажется, что этих искушений, этих напастей больше внутри нашей святой Церкви, нежели вне ее. От нас зависит, насколько мы сохраним чистоту своего сердца и чистоту Святого Православия. И в этом заступником и помощником нам будет отец Иустин своими молитвами.

Вечная ему память. Аминь.

Проповедь игумена Святогорского монастыря Григориат архимандрита Георгия на сорокадневном поминовении отца Иустина

Преосвященные архиереи, святые отцы и братия.

Вспомоществуемый вашими святыми молитвами, я сказал бы несколько слов, которые будут много недостойны того, что все мы сегодня чувствуем.

Благословенна земля святой Сербин, блаженна земля, принимающая в недра свои блаженного отца Иустина, мужа, несущего в себе семена воскресения. Да будет прославлен воскресший Господь, даровавший нам в наши тяжелые времена человека, посланного от Бога, имя которому – Иустин. Да будет благословен Господь и Бог наш, не оставляющий неутешный народ свой, но во всякое время воздвигающий людей-пророков, утешающих сердце Иерусалима.

Отец Иустин утешил сердце земного и небесного Иерусалима. Мы, все православные во всем мире, чувствуем, что отец Иустин не говорил от себя, но говорил устами Церкви; он выразил совесть Церкви, веру Церкви, жил болью и страданиями Церкви, возложил на плечн свои крест Святой Церкви. Поэтому и соделался он радостью и надеждой Церкви. Поэтому и чувствуем мы сегодня, что здесь его могилу окружает и на нее опирается вся православная Сербия, вся православная Греция, Святая Гора и все Православие.

Мы смиренно пришли из Святой Горы Афонской, из вертограда Пресвятой Девы Богородицы, из Святой Горы святого Саввы и святого Симеона Хиландарских и многих других святых из разных племен и народов, чтобы преклонить колени на могиле отца Иустина и возблагодарить его, ибо в наши тяжкие времена он возродил проповедь святых апостолов и святых отцов Церкви. Он всем нам напомнил, что:

– только Богочеловек Господь Иисус Христос – Единый Спаситель наш и нет другого упования для человека вне Богочеловека Христа;

– спасение обретается только в Теле Богочеловека Христа, в Церкви Его, а Тело это – Святая Православная Церковь;

– что единство Церквей может произойти лишь тогда, когда прочие христиане, иных конфессий, не исповедующие истинную веру Христову, возвратятся к истинному Богочеловеку Христу.

Мы благодарны отцу Иустину за то, что он победил дух мира сего и

дух времени. Он являет собой великий дар Божий, могучее утверждение против духа обмирщения, грозящего охватить богословие и нашу жизнь.

В нашей совести и чувстве отец Иустин – это отец Вселенской Православной Церкви.

Мы пришли сюда, чтобы принять его молитвы, чтобы испросить у него благословения и молитв за Святую Гору, за отцов монастыря Григориат, из которого мы пришли, и за всех православных, дабы благодатию Божиею смогли мы пребыть верными до смерти Богу своему, вере в Богочеловека Христа и Святой Кафолической Православной Церкви. Лишь со временем сможем мы понять, что проповедь отца Иустина – это истинное и естественное продолжение проповеди святых отцов и одного последнего из них – святого отца Григория Паламы, архиепископа Солунского.

Своими молитвами он будет помогать нам, чтобы мы все глубже чувствовали и понимали единственность Православной Кафолической Церкви и истину о том, что только Православие сохранило неповрежденной и неискаженной веру евангельскую, Евангелие Богочеловека, Господа Иисуса Христа.

Испрашиваю благословения и молитв к Богу у присутствующих здесь святых архиереев, да не будем неблагодарными за духовное наследие, которое всем нам оставляет отец Иустин.

Блаженному старцу Иустину да будет вечная память.

Могучий дуб Православия

Донеслась и до нас печальная весть о том, что кормчий православных богословов, старый, но непобедимый поборник наших церковных канонов и преданий, отошел из сей временной жизни в жизнь вечную.

Пал могучий дуб Православия и потряс землю соседней нам Сербии, и символически рухнули стены безбожного материализма, и завеса атеизма разодралась сверху донизу.

Пал воевода воинствующей на земле Церкви, и верные чада его рыдают, ибо лишились искренне любящего отца и учителя.

«Пал еси, о первый столпе духовной борьбы, и смерть безболезненно берет одного за другим поборников нашей веры».

Загнанный в четыре стены святого монастыря, ты засвидетельствовал вместе с блаженным Павлом, что «слово Божие не вяжется», ибо твое православное догматическое богословие и твои мудрые наставления будут свидетельствовать через все века, что «сия есть победа, победившая мир, вера наша» православная.

В довершение ко всему, ты понес, чего не подобало: нападения от своих, – чтобы и на тебе исполнились Божественные слова, что враг нашего спасения, как только может, жалит избранных в пяту, и чтобы еще раз сбылась общеизвестная пословица, что «высокие горы обдуваются многими ветрами».

Вечная ти память.

Проигумен Архимандрит Гавриил *В св. монастыре Дионисиате 2*15.4.1979 *Святая Гора*[65]

Преподобному отцу Иустину

Православия сладость и нектар, отче преподобне, излиял еси в сердца верных, яко богатство; житием своим и учением явил еси себя живой книгой Духа, Иустине Богомудре, моли Христа Бога Слова, да о-логосит тя почитающих[66].

Иеромонах Афанасий Симонопетритский

Правда о Сербской Православной Церкви в коммунистической Югославии

В память об отце Иустине

31 мая 1979 г. Святая Гора

Изгнанный из Университета в 1945 году, переживший арест и допросы и вновь изгнанный, отец Иустин в 1948 году приехал в небольшой расположенный в горах монастырь Челие, где и пребывал вплоть до конца своей жизни как несвободный узник коммунистического режима.

Доверяя ему, как никому другому в Сербской Православной Церкви, верующий сербский народ приходил к нему и изливал свои скорби и печали, терзаясь душой из-за общей несвободы, из-за гонения на веру и Церковь, на «крестную славу», на души православных христиан – на все то, что и было, и есть сербское, православное, свято-саввское, свято-косовское.

Лишенный возможности сделать нечто большее – причем ни сербские Патриархи, ни епископы к нему, как правило, не прислушивались (а некоторые из епископов были даже изгнаны с кафедр за связь с ним), – отец Иустин и свои собственные, и народные муки под коммунистическим игом изливал в плаче, подобном плачу Иеремии, и в молитвенных воплях ко Христу Распятому.

За каждое смелое слово или проповедь, за каждый текст или богословскую книгу, которые появлялись за границей, он имел неоднократные приводы в валевское или белградское Управление госбезопасности, где был допрашиваем и «переубеждаем», а затем вновь отправляем на заточение в Челие без права выхода из него на целые месяцы. И так все это продолжалось из года в год. Сестры Челийского монастыря и паломники постоянно претерпевали разного рода угрозы и запугивания, изощренность которых всем нам хорошо известна.

Как «сокровенная совесть Сербской Церкви», как назвал его греческий академик Кармирис, он не мог не написать такого поистине мученического текста, как свидетельство о правде о Сербской Православной Церкви под коммунизмом Иосипа Броза и окружающих его «богов и божков, больших и малых идолов»: Ранковича, Пенезича, Бакарича, Карделя, Фадиля Ходжи... и разных иуд.

Текст был составлен в январе 1960 года и подготовлен к обнародованию «самиздатом» в стране и в печатных изданиях за границей. С текстом ознакомились некоторые епископы и – кивки головой, отмашки, замыкание в себе – «страха ради горшего»...

Сам отец Иустин всегда был готов к мученичеству. Но знал он и то,

что Церковь – это не только он один. Не только он один и пострадает. Преследованиям подвергнутся в первую очередь Челийское сестричество, а затем все к нему приходившие и рассказывавшие ему о своих страданиях за веру (по этой причине их имена мы здесь не указываем).

Разрешился он от мира сего до смерти Броза. Текст остался для опубликования.

и. А. Евтич

I. Об отношении Церкви к властям

Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам. Деян.5:29

Это – душа, это – сердце Православной Церкви; это – ее главное благовестие, заключающее в себе все другие благовестия, т. е. всеблаговестие. Она живет этим и ради этого. В этом – ее бессмертие и вечность; в этом ее непреходящая всеценность и всезначимость. *Повиноваться больше Богу, нежели человекам,* – это принцип всех ее принципов, святыня всех ее святынь, мерило всех ее мерил.

Это все-благовестие является сущностью всех святых догматов и всех святых канонов Православной Церкви. Здесь абсолютно недопустимо, ценой чего бы то ни было, делать со стороны Церкви какие-либо уступки каким бы то ни было политическим режимам или же идти на компромиссы с людьми или с демонами, а также, еще в большей степени – с неприкрытыми гонителями Церкви, церкво-борцами, стремящимися во что бы то ни стало ее уничтожить.

Повиноваться больше Богу, нежели человекам, – это устав Православной Церкви, Устав вечный и неизменный, Устав всех уставов, а также вечная и неизменная ее позиция, в соответствии с которой должны вырабатываться все другие ее позиции (в сербском языке слова «устав» и «позиция» (сербск. – «став»), являются однокоренными. – *Примеч. пер.)*. В этом содержится и первый ответ Церкви первым ее гонителям (см.: Деян.5:29); но это – ответ и всем последующим ее гонителям во все последующие века, вплоть до Страшного Суда. Для Церкви Бог всегда на первом месте, а человек – всегда на втором. Поэтому людям можно и должно повиноваться до тех пор, пока они не ополчаются против Бога и Божиих законов. Но как только они начинают противиться Богу и Его законам, Церковь должна против них выступить и им воспротивиться. Если же она этого не делает, то остается ли она Церковью? И представители Церкви, если они так не поступают, остаются ли они апостольскими представителями Церкви? И оправдываться при этом так

называемой «церковной икономией» – не есть ли это не что иное, как прикровенно предавать Бога и Церковь? Такая «икономия» – это просто-напросто предательство Церкви Христовой.

Церковь – это вечность во времени, в этом временном мире. Мир претерпевает изменения, но не изменяется Церковь; не изменяется ее вечная Божественная истина, ее вечная Божественная правда, ее вечное Божественное Евангелие, ее вечные Божественные средства ко спасению верующих. Они не изменяются, потому что не изменяется Господь Иисус Христос, Который и делает ее таковой. Во всю вечность действует и не стареет евангельская истина: *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр.13:8). Церковью вечность присутствует во времени, чтобы время ею освящалось, обновлялось, сраствoрялось с вечностью и равнялось на нее. Не она должна ориентироваться на время или потворствовать духу времени, а, напротив, время должно руководствоваться ею как Вечной и дух времени должен ей покоряться как носителю Духа вечности, Духа Богочеловечности. Ибо она – всегда Божественная, всегда Святая, всегда Апостольская, всегда Соборная, и поэтому никогда нельзя жертвовать Вечным ради временного, Божиим ради человеческого, Небесным ради земного. Нельзя и приноравливаться к духу времени. Напротив, в задачу Церкви входит: вводить время в Вечность, преобразовывать временное, дабы оно стало способным воспринять в себя Вечное, возрождать все человеческое Богочеловеческим. Ее вечный путь в этом мире – это сначала Бог, а затем человек; впереди Бог, а за ним человек, дабы Господу Иисусу Христу *иметь во всем первенство* (Кол.1:18).

Власть в принципе – от Бога (см.: Рим.13:1–6): и иерархия ценностей, и иерархия порядка имеют бытие от Бога. Поэтому в принципе должно повиноваться власти как своего рода регулятору и как хранителю этого переданного Богом, Божественного порядка в мире. В противном случае все низвергается в без-властие, в анархию.

Властям надлежит покоряться, пока они поддерживают Божественный порядок в мире, пока они – *слуги Божии* и пока они и в самой жизни поступают как *слуги Божии*. Покоряться властям подобает, потому что они как *слуги Божии* носят меч, наказывающий зло и защищающий добро. Покоряться властям подобает, потому что они *слуги Божии* – отмстители *в наказание делающему злое*, а не доброе. Но если власти нагнетают страх и мстят делающим доброе, если власти преследуют Божие добро, если гонят они самое величайшее Благо, Все-Благо мира сего – Господа Иисуса Христа, а тем самым – и Его Церковь, то таким властям повиноваться не следует, нельзя даже слушать их. С такими

властями христианин должен бороться: бороться святыми, евангельскими средствами. Никогда не должен христианин повиноваться больше людям, нежели Богу, а особенно тем людям, которые против Истинного Бога и против Его Евангелия.

Власть в своем начале, в принципе – от Бога. Однако если власть отрекается от Бога и начинает выступать против Бога, то она превращается в сплошное олицетворенное насилие и тем самым перестает быть от Бога, становясь властью от дьявола. Таким образом, мы, христиане, знаем и тайну власти, и тайну насилия: власть благословлена Богом, насилие же Богом проклято. Все, что от Бога – добро, но стоит этим злоупотребить, как оно тут же становится от дьявола. Злоупотребление Божиим – в этом весь дьявол, в этом весь дьяволизм всех миров, включая и человеческий. Власть – от Бога; и пока она действует в Боге и ходит под Богом и с Богом – она благословенна. Но как только она оставит Бога, то становится тиранией, свирепым насилием – и тем самым переносит себя под власть антибога, противобога, дьявола.

Таково евангельское, апостольское, святомученическое, святоотеческое, православное учение о природе и значимости власти. Таково об этом святое и непогрешимое учение Православной Христовой Церкви, таково оно от начала до сего дня, таким пребудет оно и от сего дня во все последующие века. Свидетели сему? – Все святые апостолы, все святые отцы, все святые мученики. Особенно – святые мученики, начиная от святого первомученика Стефана и вплоть до нашего святого дьякона Аввакума и всех прочих святых мучеников, пострадавших уже в наши дни. Все они пострадали за Господа Иисуса Христа, по большей части – от царей, королей и тиранов, одним словом – от богоборческих властей мира сего. И количество этих святых мучеников и исповедников исчисляется даже не тысячами, а миллионами. Все они – святые и бессмертные свидетели Богочеловеческой истины, заключающейся в следующем: христиане должны противиться безбожным и богопротивным указам и постановлениям царей, начальств и властителей мира сего, кем бы они ни являлись и где бы ни находились. Каждый святой мученик, каждый святой исповедник – это живое и бессмертное воплощение пресвятого все-благовестия Православной Церкви: *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам.* Каждый из них всей душой, всем сердцем, всей своей силой, всем умом исполнял это Божественное все-благовестие. И потому все они были мучимы, подвергаемы пыткам и издевательствам и приняли смерть от богоборческих правителей в те или иные века истории.

Вот известное число этих Бесчисленных святых и Бессмертных

свидетелей:

1. Святой мученик **Гликерий,** пресвитер († 303), говорил царю Максимиану в никомидийском храме, переполненном христианами, которых царь намеревался сжечь вместе с храмом – что и сделал, – если не отрекутся от Христа: «Царь, мы не хотим обещанных тобою нам даров и не боимся твоих угроз, потому что все, что в мире, – для нас как бы сон, и считаем мы наказанием и ущербом – не претерпеть лютейших мук за Христа... Нисколько не страшимся мы и твоего гонения, ибо имеем оружие, врученное нам Небесным Царем; Его оружием мы вооружаемся и Его оруженосцами мы ограждены, как ты теперь огражден своими воинами. И твердо надеемся мы на то, что, ведя с тобою брань, одержим мы чудесную победу: ибо мы, будучи поражаемы – превозмогаем, и, падая – побеждаем».

2. Святой мученик **Иаков Персянин** († 421) и царь Издигерд. Царь обращается к мученику: «Знай, что я осуждаю тебя на смерть. Но не поражу тебя мечом, а буду долго подвергать различным мукам, чтобы умер ты горькой смертью». – Святой Иаков отвечает: «Царь, делай немедленно все то, чем хвалишься, что будешь делать. Однако знай: не испугают меня твои слова, подобные ветру, дующему на камень, и не устрашат меня твои угрозы; не боюсь я смерти, потому что знаю, что временная смерть – не смерть, а сон: ибо при страшном Пришествии Христа моего все люди восстанут из гробов, как ото сна» (т.е. воскреснут).

3. Святой мученик **Тивуртий** († 230) говорит царскому епарху в Риме Флавиану: «Ты грозишь нам мучениями? Но разве нам, христианам, страшно страдать за Бога нашего? Угрожаешь мечом? Но ведь он лишь освободит нас из этой темницы плоти, и мы получим небесную свободу. Грозишь огнем? Но мы угасили великий пламень похоти в нашей плоти, и нам ли после этого бояться огня вещественного? Угрожаешь изгнанием? Но Бог наш – повсюду; и где бы мы ни находились с Богом нашим, там нам и место».

4. Святой мученик **Мина** († 304) и царский наместник Ермоген, мучитель христиан. – Ермоген требует от святого Мины выполнения царского указа. Святой Мина отвечает: «Святое это дело – почитать царей за власть и порядок. Но когда цари неправильно и неблагочестиво почитают Бога, Который и есть Верховная Власть, и не воздают Ему должного поклонения, тогда их чтить не подобает».

5. Царский наместник Агриппин предупреждает святого мученика **Платона** († 306) и угрожает ему, если он не исполнит царских повелений. Но святой Платон ему отвечает: «Я знаю повеления Бога моего и поступаю

так, как предписывают мне Его святые и животворящие заповеди».

6. Святые мученики – епископ **Акепсим,** пресвитер **Иосиф** и диакон **Аифал** (пострадали около 376 г.) – и их мучитель, князь персидских магов. Святым мученикам, которых он подвергает мучениям, князь советует: «Не противьтесь царской воле». А они ему отвечают: «Всякий исполняющий волю вашего беззаконного царя – противится Богу».

7. Святой мученик **Трофим** († около 300 г.) и судья Аттик, царский наместник. Судья Аттик спрашивает мученика: «Читал ли ты царские указы относительно христиан?» – Святой же ему отвечает: «Да, я их прочитал. Но что они для нас? Между верой и демонским заблуждением существует такое же различие, как между днем и ночью».

8. Святой преподобномученик **Андрей Критский** († 767) отвечает царю Константину Копрониму: «Не дай Бог, чтобы отрекся я от Христа моего... Лучше тебе, царь, заниматься делами военными и управлять народом, нежели гнать Христа и Его служителей».

9. Святая великомученица **Евфимия** и с ней **сорок восемь мучеников** († 304) – и царский наместник Приск. Приск их спрашивает: «Это вы противитесь царскому и нашему распоряжению, пренебрегая приношением жертв великому богу Арею?» – Мученики ответили: «Царскому или твоему повелению, царский наместник, надлежит повиноваться, если оно не противно Небесному Богу; если же оно противно Богу, то ему не только не следует повиноваться, но, напротив, надобно ему воспротивиться. Если бы вы нам приказали то, в чем мы должны покоряться властям, то мы бы отдали кесарево кесарю (см.: Мф.22:21). Но так как ваше распоряжение богопротивно и богомерзко, потому что повелеваете вы почитать тварь более Творца, поклониться и принести жертву демону, а не Богу Всевышнему – то мы этого распоряжения никогда не послушаем, ибо мы – истинные поклонники Истинного Бога, живущего на небесах».

10. Святая мученица **Нимфодора** и ее святые сестры **Минодора** и **Митродора** (пострадали около 305–311 гг.) говорят своему мучителю, князю Фронтону, вельможе царя Максимиана: «Неужели думаешь ты испугать нас мучениями и лютыми ранами? Собери же из всей вселенной орудия мучений: мечи, колья, железные ногти; созови всех мучителей со всего мира; соедини все виды мучений и обрушь их на наше слабое тело – и ты увидишь, что скорее сломаются все орудия, и у всех мучителей устанут руки, и все виды мучений будут исчерпаны, нежели отречемся мы от Христа нашего, за Которого горькие муки окажутся для нас сладким раем, а времена смерти – вечной жизнью».

11. Святой священномученик **Филипп,** епископ († 304), отвечает царскому наместнику Иустину: «Я – христианин; и не могу совершить того, что ты требуешь; ты можешь меня мучить, но победить ты меня не сможешь».

Спустя семь месяцев тот же наместник спрашивает того же святого: «Почему ты так неразумно противишься царской воле?» – А он ему отвечает: «Не поступаю я неразумно, но исполняю волю Бога, Творца и Судии всяческих. Священное Писание говорит: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу*. Это я и исполняю. Справедливым царским повелениям я всегда покорялся».

12. Насмехаясь над мучителем-князем и мучениями, которым он его подвергает, святой мученик **Каллиник** († 250) громко ему выкрикивает: «Угрожал ты мне большими муками, а налагаешь на меня весьма малые. Причини же мне величайшие раны, отдай меня на самые лютые мучения, ибо ни огня я не боюсь, ни меча не страшусь и смеюсь в лицо смерти, ожидая получить вечную жизнь от Господа моего».

13. Святой великомученик **Пантелеймон** († 305) отвечает люто мучащему его царю Максимиану: «Царь, умершие за Христа, кто бы они ни были, не погибли, но оказались в вечной жизни... И считаю я для себя потерей не умереть за Христа, а прибылью – умереть за Него».

14. Святые мученицы, **монахини-девственницы** (пострадали около 305 г.) отвечают предающему их на мучения архимагу: «Мы поклоняемся Господу нашему Иисусу Христу, а царского повеления мы не слушаем; делай с нами, что хочешь».

15. Святой священномученик **Антипа,** епископ **Пергамский** (ученик святого апостола Иоанна Богослова, пострадал в конце I в.), отвечает царскому воеводе: «Воевода, знай следующее: я – христианин, и поэтому безумному и безбожному царскому указу я не покорюсь».

16. Царский наместник Евпсихий спрашивает святого мученика **Феодула** (около 300 г.): «Разве ты не знаешь, что это справедливо – слушаться распоряжений царей, правящих вселенной?» Святой Феодул отвечает: «Воистину справедливо и благочестиво послушаться и на деле исполнить то, что повелевает Господь неба и земли, а распоряжений временно правящих царей хорошо послушаться только тогда, когда они праведны и не противны небесному Творцу; если же они неправедны, то их ни в коем случае нельзя исполнять».

17. Севастиан, военачальник римского императора Антонина, сообщает святому мученику **Виктору,** воину (около 150 г.): «Мы получили от императора распоряжение, в котором он приказывает вам, христианам,

принести жертвы нашим богам; непослушных же подвергнуть тяжким мучениям». Святой Виктор отвечает: «Этому безбожному повелению смертного царя не окажу я никакого послушания и не исполню его воли, потому что есть у меня Бессмертный Царь и Спаситель мой Иисус, Царство Его бесконечно, и творящий волю Его получит жизнь вечную; а у смертного царя вашего и царство временно, и исполняющие его безбожную волю погибнут навеки».

18. Святая мученица **Иулиана** (пострадала около 275 г.) отвечает императору Аврелиану: «Ни мучений твоих я не боюсь, ни угрозы твои меня не беспокоят. Ибо есть на небеси Бог, могущий избавить нас и от твоих безбожных рук. Все мучения, которые имеешь ты в своем распоряжении, наложи на меня, дабы по ним познал ты помощь Господа моего Иисуса Христа».

19. Святой мученик **Кодрат Никомидийский** († 250) и царский наместник Перений. – Перений приказывает святому Кодрату: «Покорись законам царским, а не Христовым!» Святой же отвечает: «Покоряюсь я законам Небесного Царя, а не безбожным указам людей, не знающих Бога».

20. Святой священномученик **Власий,** епископ Севастийский († 316) говорит царскому игемону Агриколаю: «Не боюсь я твоих угроз; мучь меня, как хочешь. Вот, за Христа моего предаю я тебе тело мое, а Бог имеет власть над моей душой».

21. Военачальник Нерона, святой мученик **Виктор** (около 64 г.), говорит князю Нерона Севастиану: «Я буду творить волю Небесного и Бессмертного Царя Христа, а об указе земного царя Нерона, чтобы воздвиг я гонение на христиан, не хочу и слышать».

22. Святой священномученик **Климент Анкирский,** епископ († 312), говорит царскому наместнику Домициану: «Наместник царя, ваши дары считаю я ущербом, ваши награды – позором и высокое положение – каторжной работой; а поношения, угрозы, мучения считаем мы наслаждением и утешением; более того, с их помощью мы соединяемся с Богом. Зная это, не надейся, что сможешь чем-либо отвратить нас от веры. Не добьешься ты этого, ни обещая награды и дары, ни угрожая мучениями».

23. Царскому епарху Аквилину, мучащему святого Трифона († 250) и предлагающему ему поклониться царской статуе, святой мученик отвечает: «Презрел я и самого царя, и оплевал его безумные повеления; неужели поклониться мне теперь его бездыханной статуе?»

24. Царскому наместнику Кинтиану, обещающему свободу

заключенной в темницу святой мученице **Агафье** († 302), она отвечает: «Для нас свобода – это служить Христу». Затем на суде тот же наместник требует от нее повиновения царскому указу, а она ему на это отвечает: «Слова твои ничтожны, и повеление царя твоего неправедно; оно и самый воздух оскверняет».

25. Епарху царя Траяна Тертиллу святой апостол **Онисим** († в I в.) говорит: «Все те мучения, которым ты меня подвергнешь, будь они и самыми ужасными, не устрашат меня, ибо, утешаемый чаянием будущих благ и укрепляемый силою Христа моего, я перенесу их легко».

26. Святым мученикам **Евтропию, Клеонику** и **Василиску** († 308) является Господь и говорит им: «Когда мучили вас, Я стоял там, рядом с вами, взирая на ваше терпение. И так как начало мучений вы мужественно перенесли, то буду Я вам помощником, пока не закончите вы подвиг свой. Имена ваши будут записаны в книге жизни».

27. Святой преподобномученик **Конон** († около 275 г.) говорит воеводе императора Аврелиана Дометиану: «Умереть за Христа – это не смерть, а обретение вечной жизни».

28. Святой священномученик **Зиновий,** епископ († около 303 г.), говорит Лицию, наместнику императора Диоклетиана: «Жизнь временная без Христа – это не жизнь, а смерть; а смерть ради Христа – это не смерть, а жизнь вечная».

29. От святого великомученика **Феодора Тирона** († 306) царский наместник Публий требует исполнения царского богопротивного повеления и угрожает ему, а он ему на это отвечает: «Не боюсь я ни тебя, ни твоих мучений, будь они и самыми страшными. Давай, делай, что хочешь. Ибо ожидание будущих благ, уготованных у Бога моего, располагает меня быть храбрым, в уповании на эти блага и на венец, сплетенный мне Богом... Мучения же, которым ты меня подвергаешь, – это для меня не мучения. Ибо рядом со мной Господь мой и Царь Иисус Христос, избавляющий меня от твоих мучений. Но ты Его не видишь, ибо очи ума твоего слепы».

30. Святой священномученик **Садок,** епископ Персидский († около 343 г.), и царь Сапор. Святой Садок и вместе с ним сто двадцать восемь мучеников, принуждаемые к исполнению богопротивного царского указа и подвергаемые мучениям, не желают ему повиноваться. И святой Садок говорит: «Мы – христиане; и кланяемся единому Богу, Творцу неба и земли; и Ему служим мы всей своей душой и всей своей силой; а солнцу, которое Он сотворил, мы не поклоняемся и не обожаем мы огонь, ибо Бог сотворил их, чтобы они служили людям. Поэтому не будем мы

повиноваться царскому об этом повелению и не станем отступниками от Бога нашего. Не боимся мы и смерти, переводящей нас из этой временной и суетной жизни в жизнь вечную. Посему не медлите ни минуты, но всех нас немедленно убейте! Не щадите нашей крови, которая будет проливаться перед вашими глазами!»

Тогда сам царь говорит мученикам: «Если не послушаете моего повеления и не исполните моей воли, то вот, наступил страшный час вашей погибели». – На это святые мученики как бы едиными устами ответили: «Не погибнем мы, благодаря Богу нашему, и не умрем во Христе Его, ибо оживляет Он нас блаженной и вечной жизнью и дает нам в наследие и упокоение бессмертное царство. Давай же, скорее предай нас смерти, ибо все мы всем сердцем*готовы умереть за Бога нашего, но солнцу и огню мы не поклонимся и не послушаем безбожных царских повелений, исполненных смерти и погибели*».

31. Императору Антонину Пию и Римскому сенату святой мученик **Иустин Философ** († 157), первый философ, ставший христианином, пишет в своей знаменитой Апологии следующее: «Вы можете нас убивать, но повредить вы нам не сможете».

32. Царским посланникам-вельможам и среди них – епископу Феодосию, святой **Максим Исповедник,** игумен († 662), заявляет: «Охотно соглашусь я на все, что повелит мне царь, если это не противно Богу и не наносит вреда вечному спасению души».

33. Святой **Феодор Студит,** игумен (упокоился в 826 г.), говорит императору Льву Армянину: «Бог поставил в Церкви *одних Апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых* (Еф.4:11–12). Апостол не сказал: “и царями”. Тебе, царь, вверено управлять мирскими делами, городскими работами и военной силой. Об этом ты и прилагай попечение, а церковные дела оставь пастырям и учителям, как учит об этом апостол. Если же нет, то знай, что мы не примем учения, противного нашей православной вере, если бы принес его даже Ангел с неба, а тем более не послушаем мы тебя, земного, бренного человека».

Тот же святой Феодор Студит говорит тому же императору в царских палатах перед вельможами и епископами: «Царь, пойми и внимательно послушай: не твое это – обсуждать и исследовать церковные правила; твоей власти принадлежит решение мирских дел и управление ими, а церковные дела принадлежат епископам и церковным учителям; тебе же повелено последовать за ними и им повиноваться. Так, святой апостол сказал: *Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых,*

пророками, в-третьих, учителями (ср.: 1Кор.12:28), а не царями. И в других местах Священное Писание заповедует, чтобы церковными делами управляли церковные учители, а не цари».

34. Император Лев V Армянин, гонитель Православной Церкви, направляет посланников к святому **Феофану Сигриану,** Исповеднику († 818), и через их посредство требует от него, прибегая и к обещаниям, и к угрозам, чтобы святой Феофан поддержал его, царя-иконоборца. Святой Исповедник отвечает посланным: «Почему это царь пытается запугать меня угрозами, как малое дитя розгой? Пусть приготовит для меня разного рода мучения, пусть разожжет огонь, и я, хотя, как видите, не могу идти своими ногами, все-таки брошусь в огонь за Православие».

Тот же святой исповедник пишет царю из темницы: «Твое, царь, – это ратовать с иноплеменниками. Церковные же догматы и законы должны рассматривать святые отцы, а не цари».

35. Святой **Михаил Исповедник,** епископ Синадский († 818), говорит императору Льву V Армянину: «Я почитаю святые иконы Спасителя моего Иисуса Христа и Пречистой Девы, Матери Его, и поклоняюсь им, а твое повеление презираю и вменяю его ни во что».

36. Неустрашимый исповедник Истины, учитель вселенной, святой **Иоанн Златоуст** († 407) отвечает посланникам царицы Евдоксии: «Пусть негодует царица, сколько хочет, но я не перестану говорить истину. Ибо лучше для меня прогневлять людей, нежели Бога; и если бы я угождал людям, то не был бы рабом Христовым».

37. Солнечный столп Православной Церкви, святой **Василий Великий** († 379), говорит угрожающему ему царскому наместнику Модесту: «Ты заберешь у меня имение? Этим ты ни себя не обогатишь, ни меня не сделаешь бедным. Думаю, что не нужны тебе и эти мои ветхие одежды, и немного книг, составляющих все мое богатство. Изгнания я не боюсь, ибо вся земля – Божия. На мучения и не взираю, ибо они приведут меня к желанному концу, и тем самым ты мне сделаешь благо, потому что скорее пошлешь меня к Богу моему».

Модест сказал ему на это: «Никто не говорил со мной так смело». Святитель на это ответил: «Ибо не приходилось тебе разговаривать с епископом. Мы во всем прочем ведем себя смиренно и кротко, но когда некто хочет забрать у нас Бога и правду Его, тогда мы не взираем на лица».

Наконец Модест сказал: «Размысли до завтра, потому что предам я тебя на казнь». Святой Василий ответил: «Завтра я буду тот же самый, но хочу, чтобы и ты остался при своем слове».

38. Богозрачное солнце Православной Истины, херувимский

ревнитель православной веры, пресвятое око Православной Церкви, святой **Симеон Новый Богослов,** игумен (почил в 1020 г.), говорит в глаза своему правящему епископу, патриарху Цареградскому, отправляющему его в изгнание и гонящему его подло и лукаво: «Согласись учить нас в соответствии со Священным Писанием, последуя бывшим прежде тебя святым отцам, и мы примем тебя как равного апостолам и будем землей и прахом под твоими святыми ногами; и, будучи попираемы тобою, станем считать это посвящением, хиротонией. И не только это, но и распоряжения твои будем мы исполнять до смерти. Но если не будешь ты нас учить так, как побудил бы ты нас покоряться твоим повелениям... в этом случае мы не сможем сказать тебе ничего другого, как только то, что сказали некогда и ученики Христовы: *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян.5:29)».

Такова позиция, таков путь, такова истина Православной Христовой Церкви, начиная от святых апостолов и до сего дня, и от сего дня до скончания земного мира. За счет этой позиции, т. е. в ущерб этому пути и этой истине, недопустимы ни уступки, ни компромиссы, ни отступления, кто бы их ни делал, будь это хоть сам «Вселенский Собор», если бы он собрался.

II. Сербская Православная Церковь в коммунистической Югославии

Впервые в своей истории Сербская Православная Церковь находится под властью принципиальных безбожников, принципиальных богоборцев, принципиальных противников веры вообще, а особенно христианства как такового. И вот уже в течение полных пятнадцати лет безбожный коммунистический режим ведет запланированную и систематическую войну против Сербской Православной Церкви. С конечной идеологической целью – полностью ее уничтожить. Свидетельства об этом многочисленны, подтверждены фактами и весьма ясны. И всегда потрясают до ужаса. Факты – это самые достоверные свидетели для всех имеющих очи и хотящих видеть и для всех имеющих уши и хотящих слышать. И таких свидетелей – бесконечное множество. Достаточно указать лишь на некоторые факты из этого фактологического «легиона», чтобы сразу можно было почувствовать и воочию убедиться, чем стали небо и поднебесье, земля и подземелье для Сербской Православной Церкви под коммунистической, богоборческой властью.

Вот некоторые из этих свидетелей-фактов:

1. Школа. Повсюду, от начальной до высшей школы, идет систематический процесс обезбоживания учеников. Это составляет самую суть школьного образования (под коммунизмом). Прямо и косвенно ведется запланированная война против Христа и Церкви. Программой предписано и законом «узаконено» богоборческое и христоборческое безбожие. Диктатура безбожия в полном размахе, тщательно разработанная и продуманная. При этом для достижения поставленной цели допустимы все средства; все они используются в полном объеме. Бесконечные вереницы гнусных вымыслов и лжи о Господе Иисусе Христе, все – в «одеянии» научности. Какое гнусное изгнание Христа из душ детей и молодежи! Какие гонения на все связанное с верой: на крестики, на иконки, на хождение в храм, на Причащение, на пост! Какие ругательства, насмешки и хуления Церкви, священства, веры! Какие наказания детей из-за декламирования о святом Савве в церкви! Какие преследования всего, что так или иначе связано со Христом, с Евангелием, со святым Саввой! Одним словом – диктатура безбожия властвует над школой.

2. Просвещение с самого начального до высшего – все не только без Христа, но обязательно и против Христа, против Бога, против Церкви. Обезбожить просвещение – в этом цель всей «просветительской» коммунистической деятельности. И в этом направлении диктатура безбожия действует всеми средствами. Особенно путем публичных лекций и печати. Основным догматом коммунистическо-безбожного «просвещения» является вульгарный лозунг: «Религия – опиум для народа», яд для народа! Поэтому – бороться без передышки с любой верой, особенно с христианской, потому что ее опиумом «отравлено» больше всего людей.

3. Армия. И здесь главный предмет – борьба против Бога, веры, Церкви. Диктатура безбожия прилагает свои неустанные труды к тому, чтобы каждого солдата «перевоспитать» в ратника против Бога, против Господа Иисуса Христа. Здесь и самые средства являются более неприкрытыми и суровыми. Не может быть и речи о правах воинов-христиан: чтобы они ходили в церковь, причащались, постились, торжествовали в день своей «крестной славы» (день святых покровителей рода. – *Примеч. пер.),* имели Священное Писание, крестик, благочестивые книги, иконки или что бы то ни было другое как признак своей христианской веры.

4. Работники просвещения. Состоят ли они в партии или не состоят, всем так или иначе запрещено обнаруживать свою веру: они не могут

посещать храм, не могут причащаться, не могут прославлять «крестную славу», не могут отмечать церковные праздники, не имеют права крестить детей, венчаться в церкви, быть крестными, не имеют права входить в храм даже по случаю отпевания своих родственников и друзей, не могут присутствовать в храме на панихидах. Одним словом – они лишены всех прав, которые должны иметь как христиане. Диктатура безбожия достигает здесь верха своего бесстыдства.

5. Государственные служащие. И они почти все лишены возможности деятельно исповедовать свою веру. В качестве средства «перевоспитания» здесь применяются тайные и явные угрозы, взыскания, «неприятности», различные формы давления, запугивание, иногда перевод на другую работу и – увольнение.

6. Вообще все граждане этой страны. Христоборческая диктатура безбожия косо и мрачно смотрит и на тех граждан, которые хотя и не заняты в сфере государственной службы, однако открыто проявляют свои религиозные чувства и убеждения. Как средство борьбы здесь по большей мере применяются надругательства, насмешки, публичные осмеяния, да и угрозы, если в семье у христианина кто-либо занят на государственной службе.

7. Государственная религия. Если все эти факты собрать воедино, то вся полученная их совокупность, с какой бы стороны мы ее ни рассматривали, неминуемо направляет любой нормальный человеческий разум к следующему выводу: в коммунистической Югославии безбожие – это, по существу, государственная религия, которую диктатура безбожия всеми возможными способами пытается навязать гражданам этой страны.

8. Ренессанс языческого идолопоклонства. Придумано новое верховное божество, новый верховный идол: государство (коммунистическое). Диктатура безбожия требует, чтобы этому идолу было принесено в жертву все: и совесть, и вера, и разум, и тело, и все видимое и невидимое. Новый верховный идол, новый верховный бог, новый Зевс окружен новыми богами, новыми идолами, каковыми являются: позитивистская «наука», материалистическая «философия», коммунистическая «этика», анархистская «эстетика», «соцреалистическая литература» и... иже с ними. Этим новым идолам должен поклоняться каждый и приносить им в жертву самого себя и все свое.

Что это? – Вампирическое идолопоклонство, вампирическое безбожное многобожие, вампирический фетишизм. Вместо одного и единственного Истинного Бога и Господа Иисуса Христа – все наполнено самозваными богами и божками, идолами и истуканами. Стараются быть

безбожниками, а на самом деле – многобожники, политеисты, идолопоклонники. Непрестанно вымышляются новые идолы, их провозглашают богами и вносят в новый пантеон с шумными ритуальными церемониями. Диктатура же безбожия всеми возможными способами старается «убедить» или принудить каждого поклониться новым богам и принести им жертву и поддержать «культ личности». Через все это совершается следующее: вампиризация языческо-политеистической жизни, вампиризация языческого образа мышления, языческого образа понимания, языческого образа действий, языческого образа жизни. И, таким образом, вся жизнь протекает в богомерзких языческих сквернах (см.: 1Пет.4:3).

Постепенная ликвидация Церкви

Конечной же, всеобъемлющей целью всей деятельности диктатуры безбожия является полная ликвидация Церкви. В этом направлении ведется запланированная, систематическая «работа»: Церковь постепенно разрушается изнутри и снаружи, идеологически и организационно; употребляются все средства: ведомые и неведомые, явные и тайные, утонченные и откровенно грубые, салонные и тиранические, циничные и фарисейские, диоклетиановские и пилатовские, нероновские и иудины. И все это искусно перемешано, но на самом деле – повсюду одни яд рядом с другим, только в сахариновых оболочках. Диктатура безбожия через все это лишает Церковь ее основных прав. И каждый христианин в изумлении спрашивает: «Являемся ли мы, православные христиане, полноправными гражданами этой страны? Конституцией «гарантирована свобода совести и религии», точно также и Законом о правовом положении религиозных объединений; но где же эта «свобода» для нас, православных?» Свобода – это обеспечение возможностей для осуществления прав. Без этого свобода – не более, чем сказка, басня, сухая абстракция и преступная утопия.

1. Церковное просвещение. На самом деле церковного просвещения и не существует, так как диктатура безбожия практически полностью свела его на нет. Против Церкви и веры пишутся отвратительные, всегда памфлетические, полные грязных инсинуаций бессовестные вымыслы, однако Церкви не разрешено защищаться ни посредством печати, ни с помощью публичных лекций, ни в атмосфере свободных дискуссий. И даже – увы! – не может она этого делать и с церковного амвона! Нападают на нас со всех сторон, но не дают нам защищаться. Если только посмеешь ты встать на защиту Церкви, тут же становишься политическим «врагом» государства, народа, свободы, «братства», «единства»...

Что касается издания церковных книг, здесь мы возвращены в Средневековье, в эпоху до появления первой типографии. Все нам необходимое мы переписываем. Церковной же литературы в широком смысле слова не существует. Цензура здесь беспощадна. Разрешат время от времени лишь нечто самое обычное и самое элементарное, и опять-таки с пропагандистской целью: чтобы не сказали, что выпуск церковной литературы полностью запрещен.

2. Семинарии. Существуют только две. Едва сводят концы с концами. Во многом существуют на подаяние. Семинаристы лишены всех прав, которыми обладают ученики всех прочих школ, от начальных до высших.

В армии на семинаристов оказывается постоянное давление, налицо недостойные принуждения и неприличные издевательства: все направлено на то, чтобы заставить их отказаться от принятия священного сана.

3. Богословский факультет. «Плач, рыдание и стон». Здесь диктатура безбожия бессовестно навязала свое право вето при отборе учителей, хотя в соответствии с Конституцией Церковь отделена от государства. Поэтому есть там и «наши», и «ваши». Кто «наши», а кто «ваши»? Это, наверное, знают те, кто находится на самой высшей точке церковного «наблюдательного пункта» и кто неусыпно бодрствует на башне богоборческой диктатуры.

4. Религиозное обучение. «Религиозное обучение (катехизация) в церквах, храмах и, соответственно, в других предназначенных для этого помещениях – свободно». Так гласит статья 4 Закона о правовом положении религиозных объединений. Так она гласит для пропагандистского экспорта за границу, тогда как на самом деле христоборческая диктатура безбожия сделала невозможным религиозное обучение где бы то ни было в нашей стране. Применяются все средства к запугиванию и родителей, и детей, чтобы только дети не посещали уроков основ веры.

5. Церковные хоры – где они? А было их немало до войны по всей стране. Все это разогнала диктатура безбожия разными способами. Сейчас несколько хоров существует в Белграде, преимущественно напоказ иностранцам. И еще, может быть, какие-нибудь слабенькие хорчики где-нибудь в городках внутри страны.

6. Монастыри – вековечные хранители сербского народа, святые твердыни, неусыпные и проницательные стражи сербской совести, живые святыни народной веры, неоспоримые правовые свидетельства сербской земли. Что с ними теперь? Диктатура безбожников постепенно превращает их в «памятники культуры» и в музеи мертвой старины. А это значит – в кладбища, в гробницы. «Памятники культуры?» – надгробные памятники. Какой цинизм еще при живом Сербском народе, еще при живой Сербской православной вере и Церкви!

Пусть это будет ясно всем: для православных сербов монастыри – это живые храмы Живому Богу, святые дома молитвы, святые места, где проливаются наши слезы, святые сокровищницы молитв, и воздыханий, и воплей, и радостных восклицаний наших через все века. Когда же безбожная диктатура превращает эти святые дома молитвы в музеи, то тем самым она делает их вертепами разбойников. Ибо *дом молитвы*, лишенный молитвы, становится, по слову Всеистинного Бога (Мф.21:13),

вертепом разбойников. О, какая трагедия сербского народа! Входишь в святые Сопочаны и платишь сорок динаров за билет в музей! Потому что Сопочаны – уже музей, и нет там святых богослужений. Но увы! Увы! Увы! И еще бесконечное число раз: увы! Входишь в святую Лавру Студеницу – и опять платишь за билет в музей! «О, несчастное угасшее Сербство!»

Создается все больше и больше препятствий для жительства монахов в монастырях. Налоги баснословные. Монастырских послушников-учеников диктатура безбожия разными способами буквально вытаскивает из монастырей, прибегая и к обещаниям, и к угрозам, а также увозя их в другие школы, в ремесленные училища и оказывая давление на родителей.

7. Объединение священников. Просто-напросто – агентура Управления госбезопасности (УДБ). Собрания, обеды, командировки, банкеты, разъезды и путешествия оплачиваются диктатурой безбожия. И газета Объединения «Весник» тоже. Сто процентов состоящих в Объединении священников вступило в него под давлением УДБ, за исключением разве что возглавляющей его продажной клики, т. е. «священников-коммунистов». Это Объединение абсолютно противодогматическое и противоканоническое, противоевангельское и противоцерковное: это – уродливое чудище, это – апокалиптический зверь, переоблаченный в «социального» ангела. А его газета «Весник» – это не что иное, как «лже-евангелие» замаскированного сатаны, чаша яда, залитая сверху тонкой пенкой ложного меда. Это Объединение и по аппарату своему, и по деятельности не принадлежит к Церкви, потому что самим своим существованием действует оно против Церкви, позорит Церковь и разрушает Церковь. Несмотря на то, что это самозваное Объединение осуществляет свою деятельность от имени Церкви, в Церкви оно является не более чем коммунистическим троянским конем.

8. Социальное страхование священников. Это наркоз, которому «хирурги» безбожной диктатуры преднамеренно подвергают пациента, чтобы лишить чувствительности и его совесть, и его душу, пока операционный нож безбожия и церковоборчества не нанесет ему смертельную рану. Под наркозом «социального страхования» легче, более безболезненно будет проведена операция на жертве, осужденной «хирургами» на смерть. Социальное страхование – это слащавая, но предсмертная инъекция тайного яда, впрыскиваемого жертве, приговоренной диктатурой безбожия к смерти. И еще: это – усыпление, это – наркоз, способствующий тому, чтобы жертва не осознавала своей погибели под сложным операционным инструментарием искусных

хирургов безбожия.

9. Выборы Патриарха. Диктатура безбожия до настоящего времени «избирала» двух Патриархов... И таким образом цинично попрала святые права Церкви, а тем самым – и святые догматы.

10. Македонская Православная Церковь. Таким катастрофически неправославным и роковым «решением» вопроса «Македонской православной церкви» – святой Савва вновь сожжен[67]. А вместе с ним сожжены и все святые догматы, и все святые каноны Православной Христовой Церкви. Поэтому в самой заявке о так называемой «Македонской православной церкви» – ее исчезновение и погибель...

11. Раскол в Сербской Церкви[68]. Смерть и ад следуют за этим Расколом и ненасытно пожирают сербские души. О, пиршество демонов, пиршество антихриста, впервые устроенное за тысячу лет истории Сербского народа! Устроили его коммунистические богоборцы со своими сообщниками, цинично поврав святые догматы и святые каноны Православной Церкви. О, грех, который, по святому глаголу святого Златоуста, не может быть смыт даже мученической кровью! Этим Расколом натравлены на сербский народ все апокалиптические христоборческие звери. «Помрачилось солнце и небо» над несчастным сербским народом. О, невиданная резня сербских душ, особенно в Америке, где из-за этого Раскола сербы и ссорятся, и бьют друг друга, а часто и кровь проливают.

Гонение на Сербскую Православную Церковь

Если все эти факты и бесчисленное множество других им подобных вы соберете в один вопрос: что это? – то ответ может быть один, только один: это гонение на Церковь, какого еще не было со времен святых апостолов и доныне. По существу, это – непрестанная пятнадцатилетняя война против Сербской Православной Церкви, ведущаяся всеми средствами во всех сферах жизни как открыто и всенародно, так и тайно и вероломно. Цель этой войны – антихристианская, антихристова: уничтожение Церкви. Это очевидно и для слепых, если только они будут беспристрастными.

Полностью истребить христианство было целью гонения Диоклетиана, самого свирепого и самого организованного гонения в первые века христианства. Это же самое является и целью христоборческого коммунизма у нас. В каждом коммунисте таится по одному Диоклетиану, а иногда и по Нерону. Невидимый, но словно вездесущий Диоклетиан – здесь, возле тебя, близ тебя, он прикровен, он затаился. Отсюда у нас – рабство страху, а перед безбожниками как раз и стоит задача: страхом превращать людей в безвольных рабов; да, увы! – в таких безвольных рабов, которые даже не имеют права и не смеют знать Бога или же служить Богу. Сколько мудрости и человеколюбия в Уставе Объединенных Наций, требующем для людей «свободы от страха».

Из страха перед гонителями Христа многие у нас и крещаются, и венчаются, и причащаются, и отмечают «крестную славу» тайно, да и во всех прочих таинствах своей веры участвуют тайком, как во времена Декия и Диоклетиана. Многие тайно уходят в далекие церкви, как некогда в катакомбы. Да, да, наш XX век – это катакомбное для нас время, время атомной культуры и первобытной этики!

За эти пятнадцать лет диктатуры безбожия совершена самая грандиозная резня сербских душ, какой не было с тех пор, как сербский народ выступил на поприще истории. Школа – это бойня сербских душ, армия – бойня сербских душ, любое ведомство – бойня сербских душ, любая региональная община – то же самое; вся страна на всем ее протяжении – это огромная бойня сербских душ. Да, огромная бойня, ибо на ней бессовестно убиваются и попираются все святыни сербской православной души и уничтожаются все ее ценности. И эта резня изо дня в день становится все более ожесточенной, все более бесцеремонной, все более жуткой... Вся страна превращена в страшный диоклетиановский

амфитеатр, в котором безжалостно гонят, преследуют, мучают и убивают души за православную веру. Православным людям запрещают креститься, венчаться, причащаться, ходить в церковь, – разве это не избиение душ? Сербу запрещают торжествовать в день святого покровителя рода, «крестной славы», – разве это не диоклетиановское место истязаний для сербских душ? Запрещают литии, не дают восстанавливать храмы – разве это не избиение душ? Из около трехсот храмов, разрушенных во время войны в бывшей «Независной државе Хрватской», восстановлено лишь несколько, да и на это едва-едва было получено разрешение от богоборческих властей. А что творят со множеством храмов на Косове и в Метохии и Черногории? О, жуткое и потрясающее избиение православных душ на Косове и на родине владыки Негоша (т.е. в Черногории. – *Примеч. пер.*)!

Ни один служащий Церкви не имеет права свободно выражать свои религиозные чувства и убеждения. И поэтому его служение – постоянно в опасности. Что это? Диоклетиан с того света уступает первенство в гонении на христиан сегодняшним безбожникам-коммунистам. Вот еще пример: как только осужденный переступит порог места заключения, он автоматически утрачивает все свои христианские права, словно он перестал быть человеческим существом: не имеет он права поститься, нельзя его ни исповедать, ни причастить, а в случае его смерти – отпеть. Что это такое, что, что, что – если не беспримерная ликвидация сербских душ?

Для православного серба под диктатурой коммунистического безбожия все дни превращены в Великую Пятницу: ибо совершается постоянное хуление Христа, надругательство над Ним, постоянное осмеяние, оплевывание, распятие Спасителя. Это осознанно и запланировано делает каждый христоборец и христоубийца. А за ними семенят известные христопродавцы и христоубийцы в рясах: иуды. И содействуют им! В чем? – В оплевании Христа, в истязаниях Христа, в распятии Христа, в убийстве, в возложении терновых, бесчисленного множества терновых венцов на предивную Божественную Главу, драгоценнейшую всех миров и всех вселенных вкупе; да, всех, всех, всех миров – и видимых, и невидимых!

Раскаленная вавилонская печь – вот что такое безбожный коммунистический режим для Сербской Православной Церкви. В этой новой вавилонской печи не сгорят лишь люди крепкой веры, веры свято-саввской. Денно и нощно ходим мы посреди огня. И то, что мы еще живы, – это дело милости Божией и силы Божией. А вокруг нас в бурном вихре

носится узаконенная в безбожном просвещении самая гнусная ложь земного мира: «Христос – это миф», «Христос не существовал», «Христос – это обман». В этом заключается вся программа «просвещения». И значит, нужно это признать и этому содействовать – и в то же время считать себя христианином? Нет! Вот, мы открыто свидетельствуем и во всеуслышание заявляем: это – самая низкая, самая подлая, самая бесстыдная и самая отвратительная хула, которую только могли изречь человеческие уста против самого совершенного, самого досточудного и самого человеколюбивого Существа (Сына) Человеческого под небом, Которое ходило по этой прокаженной планете, именуемой землей. И мы всем сердцем, всей душой, всем умом, всей своей силой стоим вместе с Ним, за Него и последуем Ему ценой всех смертей, каким только могут подвергнуть нас все богоборцы и христоборцы мира сего, а не только те, что родом с нашей земли..

Диктатура безбожников-христоборцев и христопродавцев-ияуд – вот наша скорбная, наша мученическая действительность и мученическая жизнь. Диктатура Иуды! Может ли быть нечто более омерзительное, нежели это, для Церкви Христовой и для человека-христианина?..

Самая элементарная и самая рудиментарная логика открывает и доказывает, что «со-трудничество» между откровенными безбожниками, заклятыми христоборцами с одной стороны и Православной Христовой Церковью с другой стороны является абсолютно нелогичным, противоречит всякому здравому смыслу. Тех же, кто желает такого «со-трудничества», или способствует ему, или – horribile dictu[69] – даже и принуждает к нему, мы спрашиваем вместе со святым апостолом: *Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и велиаром?* (2Кор.6:14–15). Не слышите ли Христо-носного апостола, который громоглашает: *Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал.1:8)! Неужели вы под гулом диктатуры безбожия полностью оглохли и не слышите Христовой Божественной истины и заповеди: *Не можете служить Богу и маммоне* (Мф.6:24).

Вы сделаете нам замечание: но ведь существует Конституция, существует и Закон о правовом положении религиозных объединений, и им «гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания». Да, гарантируется, но не осуществляется на практике. Все вышеуказанные факты показывают и свидетельствуют о том, что упомянутые «гарантии» имеют лишь декларативный, пропагандистский, «экспортный» характер: для наивных и легковерных людей по ту сторону нашего «железного

занавеса».

Не сотрудничество – а сосуществование

Богу Божие – кесарю кесарево. Вот принцип евангельского сосуществования Церкви и государства, определенный и заповеданный Самим безгрешным и Всеведущим Господом и Спасителем Иисусом Христом (ср.: Мф.22:21). Поэтому для Церкви он неизменно и вечно обязателен.

Кесарю: динарии, деньги, – на них и изображение кесаря. А Богу? – и душу, и тело: ибо на душе и в душе – образ Божий, а через душу – и на теле и в теле, ибо оно живет богообразной душой и является носителем богообразной души. Поэтому и то, и другое принадлежит Богу вечности, вечной жизни Вечной Истине, Вечной Правде, Вечному Разуму, Вечному Смыслу. Поэтому Божиим нельзя жертвовать в интересах кесарева. Первенство и здесь всегда принадлежит Богу.

В Богочеловеке и Его деле, а также в Его Теле – Церкви: Бог всегда на первом месте, а человек на втором; всегда все решается Богом, а не человеком. Это всеценность и всемерило Вселенской Церкви. Поэтому к каждой проблеме должно приступать «со страхом Божиим, верою и любовью». Церковь – это Богочеловеческий организм, а уже затем – организация. Она – Тело Богочеловека: поэтому все в ней сначала должно рассматриваться, наблюдаться и измеряться Богом, а затем человеком, т. е. человеком из Богочеловека. Но никогда – лишь человеком, никогда – «по человеку». Поэтому всегда и еще раз всегда: *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам.* Когда же это ставится подвопрос, тогда и первоверховного апостола Петра надобно обличить *при всех* (Гал.2:14). Здесь вечно и непреложно действует апостольский принцип деятельности Церкви: *Угодно Святому Духу и нам* (церк.-слав. *Изволися бо Святому Духу и нам* – Деян.15:28); сначала – Дух Святой, потом – мы: мы после Духа Святого, и в Духе Святом и с Духом Святым.

Богу Божие – кесарю кесарево – евангельский принцип сосуществования Церкви и государства. Не со-трудничества, а со-существования. Не со-трудничества, тем более что «кесарь» попирает все Божие, и не желает ничего Божиего, и хочет уничтожить все Божие. Здесь нет даже самых изначальных условий для сотрудничества. Или сосуществование равноправных учреждений и входящих в них человеческих существ, или же страдание Церкви от гонителей, от мучителей, от насильников, которые отвергают и гонят Бога и все Божие, а диктатурой навязывают анти-Бога и анти-Божие. Церковь и государство

отделены друг от друга; и то, и другое само для себя, в себе и по себе. Не вмешиваться во внутренние дела Церкви, не посягать на ее вечные и святые евангельские обязанности и права. Ясно, что при любом режиме, не исключая и безбожного, Церковь должна найти свой modus vivendi[70], однако это всегда должно быть в духе и пределах евангельского принципа сосуществования: *Богу Божие – кесарю кесарево.* И еще: под верховным контролем и другого всеобъемлющего принципа христианского благовестия: *Повиноваться больше Богу, нежели человекам.* Если же все это отсутствует, то для Церкви как единственный евангельский modus vivendi остается – страдать за Господа Иисуса Христа, терпеть все происходящее, мужественно переносить бедствия и лишения и, таким образом, бороться за основные права веры и за человеческие души.

Наши коммунисты urbi et orbi[71] проповедуют и даже как бы поддерживают сосуществование разных идеологий, разных идеологических систем и режимов. Так вот же для них самое непосредственное поле деятельности для проявления этого самого «сосуществования» на нашей земле, и причем для проявления не теоретического, не абстрактного, не пропагандистского, не «экспортного», а весьма реального. Однако вместо сосуществования вы требуете от Церкви сотрудничества и навязываете его. А это значит – требуете и заставляете нас слушаться вас более, нежели Бога и – страшно и сказать! – ради вас, в ваших интересах действовать против Бога, против Господа Иисуса Христа! Но на эти ваши требования и притязания – вот неизменный и вечный ответ Церкви устами богоносного апостола: *Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?* (Деян.4:19). Всегда и неустанно мы проповедуем: *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян.5:29).

Если же не состоится такое «сосуществование» на нашей югославской земле для Сербской Православной Церкви, то все разглагольствования наших коммунистов о том же самом «сосуществовании» на межгосударственном и межконтинентальном уровне остаются голой абстракцией, мертвой схемой, экспортным мифом, сладкоглаголивой и притягательной рекламой сирен нового века, пропагандистской басней, сказкой из коммунистической «Тысячи и одной ночи».

Космическая ложь

Все сербские сердца в земной и Небесной Сербии заныли от боли и ужаса – и страшны эти их непрестанные терзания; и все сербские лица от стыда и срама покраснели – и постоянно заливает их краска, когда из сербской земли выпущена – и постоянно выпускается – космическая ложь о том, что Сербская Православная Церковь в коммунистической Югославии свободна и что ее отношения с государством хороши и прекрасны, даже более чем прекрасны, оптимальны, лучше и быть не могут. Эту космическую ложь распространили и по земному, и по небесному миру коммунисты и их лакеи; и все громогласнее и бесстыднее навязывают они беспрестанно эту ложь и Востоку, и Западу, и Северу, и Югу, и земле, и небу – как будто весь Иуда вселился в них.

А факты из каждого квадратного метра и сантиметра нашей земли просто вопиют и рыкают против этой иудиной бессовестной и бесцеремонной лжи. И во всеуслышание возвещают они скорбную и выливающуюся в непрестанные рыдания истину для всех имеющих уши слышать: истину о том, что Сербская Православная Церковь постоянно находится в застенке диктатуры коммунистического безбожия, претерпевая нескончаемые мучения от новых Диоклетианов.

Знаю, знаю, знаю:

С этого момента (когда это будет опубликовано) для меня по всей Югославии откроются все тюрьмы и темницы, все каторги, все лагеря смерти. Но прежде чем мне отправиться туда, я всеусердно прошу наших богоборцев и христоборцев: в алхимической лаборатории своей церквоборческой диктатуры умножьте меня в тысячу раз и пошлите по одному в каждую вашу каторжную тюрьму – на вечную каторгу, в каждую вашу темницу – на вечное заключение, в каждый ваш лагерь смерти – на вечное умирание. И я с радостью тысячу раз буду ежедневно умирать в них за незаменимого Господа и Бога моего Иисуса Христа: Единого Истинного Бога и единого истинного Человека во всех мирах, в которых только обращается человеческая мысль и куда только досягает человеческое чувство.

Слава досточудному и чудотворящему Господу моему Сладчайшему: ничего я не боюсь, потому что стою в свободе, которую даровал мне Христос: в свободе от страха, в свободе от ада, в свободе от дьявола. Ничего этого я не боюсь: ни страха, ни ада, ни дьявола, – все это мертво пред Господом моим, для Которого живу я и для Которого всей душой,

всем сердцем, всем существом моим стою[72].

Январь 1960 года. *Архим. др. Иустин Попович*

Дописано в августе 1969 года

Все вышеуказанное действительно и поныне, действительно в полном объеме и после двадцати пяти лет коммунистического владычества в Югославии. Ужасное избиение сербских душ и далее планомерно продолжается. Повсюду, на всем протяжении страны – трупы сербских душ. О, сколько уже некрещеных студентов в университетах! Сколько некрещеных учеников в прочих школах! Сколько некрещеных рабочих на предприятиях, на полях, в горах, в городах и селах некогда святой, свято-саввской Сербии! В самом буквальном смысле Сербская Православная Церковь загнана в страшные катакомбы...

За всю тысячелетнюю историю Сербской Православной Церкви никогда не было более трудного положения, нежели сегодня; как будто некий больной находится на смертном одре, испуская хрипы последней агонии. Нужно его немедленно, как можно скорее лечить. Есть и лекарь, врачующий любой недуг, и есть и средство от всякого недуга. Это – богочеловеческий путь святых апостолов и святых отцов, а вслед за ними и вместе с ними – и святых сербских угодников Божиих, во главе со святым Саввой. Без этого всеврачующего лекарства все прочие средства являются не более чем бесполезными пластырями. Ибо лакейское служение богоборческой, христоборческой диктатуре – разрушительнице Церкви, диктатуре преступной утопии – коммунизма, неизбежно ведет к смерти, и причем к смерти вечной, из которой нет воскресения.

Архим. Иустин

На Богочеловеческом пути

Серна в потерянном рае[73]. Исповедь

Я – серна. Во вселенной я чувствую скорбь. Давным-давно Кто-то «изгнал на землю все скорбное во всех мирах и из этого отлил мое сердце. И с тех пор я – живое чувство скорби. Живу тем, что из всех существ и из всей твари высасываю скорбь. Черными каплями скорби изливается в мое сердце каждое существо, как только я к нему приступаю. И черная роса скорби, подобно тонкой ниточке, струится в моих венах. И там, в моем сердце, черная роса скорби переплавляется в бледно-голубоватую.

По моему существу разлита какая-то магнетическая сила скорби. И все скорбное в мире она неодолимо привлекает и слагает в моем сердце. Поэтому я – самое скорбное из всех творений. У меня есть слезы на боль каждого... Не смейтесь обо мне, о, смеющиеся! Я изумлена сознанием того, что в этом горестном мире есть существа, которые смеются. О, проклятый и самый проклятый дар: смеяться в мире, в котором кипит скорбь, клокочет боль, опустошает смерть! Какой дар обреченных!.. Я от печали никогда не смеюсь. Да и как мне смеяться, если вы настолько грубы и суровы, вы – смеющиеся, если вы так злы и отвратительны! А отвратительны и безобразны вы от лукавства. Ибо только лукавство обезображивает красоту земных и небесных творений... Я вспоминаю, припоминаю: эта земля когда-то была раем, а я – райской серной. О, воспоминания, от которых я восхищенно понесусь из радости в радость, из бессмертия в бессмертие, из вечности в вечность!..

А сейчас? – Мрак плотно покрыл мои очи. На всех путях, по которым я хожу, лежит густая тьма. Мои мысли каплют слезами. А чувства кипят скорбями. Все мое существо охвачено каким-то неугасимым пламенем скорби. Все во мне горит скорбью и никак не сгорает. И я несчастна уже потому, что есмь: вечно сжигаемая жертва на вселенском жертвеннике скорби. А вселенский жертвенник скорби – это земля, серая и угрюмая, бледная и сумрачная планета...

Мое сердце – это неприступный остров в бескрайнем океане печали. Неприступный для радости. Неужели каждое сердце – неприступный остров? Скажите мне, имеющие сердце! Знаете ли, чем окружены ваши сердца? А мое – океанскими впадинами и безднами. И постоянно утопает в них. И никак не выберется из них, не выйдет отсюда. Все, за что ни ухватится – мягкое, как вода. Поэтому глаза мои затуманены слезами, а сердце разрывается от воздыханий. Больны зеницы мои, ибо непроглядная полночная тьма спустилась в них. Вчера вечером солнце зашло в глазах

моих, а сегодня утром не родилось. Оно утонуло во мраке моей скорби. Нечто страшное и жуткое проходит через мое существо. Страшит меня все, что вокруг меня и надо мной. О, если бы я убежала от ужасов мира сего! Но существует ли какой-либо мир без ужасов? Я замурована мучениями, одурманена полынью, пресыщена желчью. Испуганно пробуждаю сердце мое от опьянения скорбью, а оно все более насыщается. Душе своей, перепуганной и расточенной ужасами мира сего, кричу, чтобы она ко мне вернулась, а она еще все дерзновеннее убегает от меня, горестной и печальной.

Я – серна. Но чем? Не знаю. Вижу, но как – и это не разумею. Живу, но что такое жизнь – не понимаю. Люблю, но что такое любовь, не могу постигнуть. Стражду, но как во мне возникает, растет и созревает страдание – этого никак не уразумею. И вообще, очень мало понимаю того, что во мне и вокруг меня. И жизнь, и любовь, и страдание – все это шире, глубже и бесконечнее моего знания, разумения и понимания. Кто-то спустил меня в этот мир и в мое существо вложил немного разума, потому и разумею я нечто от мира вокруг себя и нечто от мира в самом себе. Все что-то непонятное и необычное смотрит на меня из каждой вещи, потому и боюсь. А мои большие глаза, потому ли они большие, чтобы как можно больше вместить в себя невмещаемого, охватить необъятного, узреть незримого?

Конец скорби; кто-то разлил во мне, и сделал бессмертным, и увековечил нечто такое, что продолжительно, как бессмертие, и огромно, как вечность. Это – внутреннее чувство любви. В нем – нечто всемощное и непреодолимое. Оно разливается через все мои чувства, через все мои мысли и обладает всецелым моим существом. Мое существо подобно маленькому, крохотному острову, а вокруг него бесконечно простирается, разливается и переливается она, загадка моей души – любовь. Куда бы я ни двинулась в своем существе, везде наталкиваюсь на нее. Это нечто вездесущее во мне и в то же время самое близкое. Во мне «я существую» равно тому, что «я люблю». Любовью есмь то, что есмь. Быть, существовать для меня значит то же, что любить. И разве может быть существо без любви? О таком существе не ведает мое сердце – сердце серны.

Не оскорбляйте любовь во мне. Ибо вы оскорбляете мое единственное бессмертие, мою единственную вечность. А вместе с тем – и мою единственную бессмертную и вечную ценность. Ибо что такое ценность, если не то, что бессмертно и вечно? А я бессмертна и вечна лишь любовью. Это для меня все. Этим и чувствую, и мыслю, и смотрю, и

слышу, и вижу, и знаю, и живу, и пребываю в бессмертии. Когда говорю «люблю», я этим охватываю все свои бессмертные мысли, все свои бессмертные чувства, все свои бессмертные стремления, всю свою бессмертную жизнь. С этим я выше всех смертей, выше всего небытия, и это я – серебристая, нежная, пугливая серна...

По ужасным пропастям и страшным безднам проходит любовь моя к тебе – голубое небо, к тебе – благий человек, к тебе – цветущая дубрава, к тебе – благоухающая трава, к тебе – Всеблагий и Вселюбящий! Через мириады смертей пробивается любовь моя к Тебе, о мое сладкое Бессмертие! И потому скорбь – это мой постоянный спутник. Любая грубость – для меня целая смерть. Больше всего грубостей в этом мире я претерпела от того существа, которое зовется человеком. О, иногда он приносит смерть всем моим радостям. Очи мои, смотрите мимо него и выше него, к Тому – Вседоброму и Всемилующему! Доброта и нежность – это для меня жизнь, это бессмертие, это вечность. Без доброты и нежности жизнь – это ад. Чувствуя доброту Вседоброго и благость Всеблагого, я вся нахожусь в раю. Нагрянет на меня грубость человеческая – о, тогда наваливается ад со всеми своими ужасами. Потому я и боюсь человека, каждого человека, кроме доброго и нежного.

Я на краю потока, берега которого украшены голубыми цветами. А поток этот из моих слез. Ранили меня люди в сердце, а вместо крови потекли слезы. Нежные небеса, вот, я сказую вам свою тайну: вместо крови в сердце у меня слезы. В этом моя жизнь, в этом моя тайна. Потому и плачу я за всех скорбящих, за всех невинных, за всех униженных, за всех оскорбленных, за всех голодных, за всех беспризорных, за всех огорченных, за всех измученных, за всех опечаленных. Мои мысли от скорби быстро путаются и превращаются в чувства, а чувства изливаются в слезы. Да, чувства мои бесконечны, а слезы бесчисленны. И почти каждое мое чувство скорбит и плачет, ибо стоит ему выйти из меня в окружающий мир, как сразу оно натыкается на какую-нибудь человеческую грубость. О, и есть ли существо более грубое и суровое, нежели человек?..

Зачем я заброшена в этот мир, зачем оказалась среди людей? Ах, когда-то давным-давно, когда в своих густых и бескрайних лесах я не знала о людях, мир был для меня радостью и раем. И свои райские настроения и восхищения я радостно сплетала среди благоуханных цветов и стройных берез, среди тихих дубрав и голубых небес. Но в мой рай вступил он, грубый, суровый и заносчивый, он – человек. Он потоптал мои цветы, вырубил дубравы, помрачил небо. И вот, мой рай превратился в ад... О, я не питаю к нему ненависти за это, но мне жаль его. Жаль потому, что

у него нет понятия о рае. А большего, нежели этот, нет ужаса для творений, какими бы они ни были. Знаете, серна не может ненавидеть; она может только жалеть и сострадать. Все обиды, все грубости она отсекает скорбью и состраданием. Скорбь – вот ее мщение. Скорбь, проникнутая состраданием... О, люди, как вы суровы и жестоки! Я слышала, что существуют демоны. Неужели возможно, чтобы они были хуже людей? Я молю только об одном, одного желаю – чтобы не быть душой в человеке, чувством в человеке, мыслью в человеке...

Всякую человеческую грубость я переживаю как тяжелый удар в сердце. Оттого на сердце появилась язва. О, сколько язв у меня на сердце. О, сколько ударов!.. Ах, да! Я же в потерянном рае, серна в потерянном рае! О, смилуйся надо мной, Всеблагий и Вселюбезный! Целое скопище язв, одна возле другой, одна на другой – и так образовалась глубокая рана в сердце! О, спаси меня от людей, от грубых и злых людей! Этим ты мой мир претворишь в рай и мою скорбь в радость...

Больше всего, что можно любить, люблю – свободу. Она заключается в доброте, в нежности, в любви. А зло, грубость, ненависть – это рабство в своем самом худшем облике. Рабствующие им рабствуют смерти. А есть ли более страшное рабство, чем смерть? В такое рабство уводят людей те, кто измыслил и сотворил зло, жестокость и ненависть. А меня послали в мир, сказали и прорекли, определили и предначертали – будь скорбью и любовью. И я всем существом исполняю свое назначение – скорблю и люблю. Скорблю через любовь, люблю через скорбь – да и могу ли иначе в мире, населенном людьми? Моя жизнь заключена в этих пределах, в этих рамках.

Я вся – сердце, вся – око, вся – скорбь, вся – любовь, и потому меня потрясает страх, тот умиленный страх, о котором знает лишь печальная серна...

В своем высокомерии люди даже и не подозревают, какие многообразные и чудесные чувства носим в себе мы, серны. Между нами и вами, люди, зияет пропасть, и ни мы не можем к вам перейти, ни вы к нам. У вас нет органа чувств для нашего мира. Если бы мы, серны, сердцем перешли в вас, то перешли бы в ад. Когда-то мы были в раю. Вы, люди, превратили нам его в ад. Что демоны для вас, то вы, люди, для нас. Рассказывали нам березы: «Мы видели сатану, спадшего с неба на землю: он ниспал посреди людей и – остался там. Он, отпавший от небес, заявил: “Приятнее всего мне быть среди людей; у меня есть свой рай – это они, люди...”»

Знаю и предчувствую: меня ожидает бессмертие – лучшее, чем

человеческое. Для вас, людей, там, на том свете, существует и ад. А для нас, серн – только рай. Ибо вы, люди, сознательно и добровольно замыслили грех, зло и смерть, да и нас, без нашего на то согласия, повлекли туда своей мерзостью и злобой, поскольку имели над нами власть. Поэтому вы будете отвечать и за нас: за все наши муки, горести, страдания и смерть. Вы понесете кару за нас и из-за нас... Я слушала, как голубое небо шептало черной земле эту вечную истину: «Люди в день Суда дадут ответ за все муки, за все страдания, за все беды, за все смерти земных существ и тварей. Все животные, все птицы, все растения встанут и обвинят род человеческий во всех болях, во всех обидах, во всем сотворенном зле и во всех смертях, которые он им причинил в своем гордом грехолюбии. Ибо с родом человеческим, перед ним и за ним шествуют грех, смерть и ад».

Если бы я выбирала между творениями, я бы скорее выбрала тигра, чем человека, ибо он менее кровожаден, нежели человек; я бы скорее выбрала льва, ибо он менее свиреп, нежели человек; я бы скорее избрала гиену, ибо она менее отвратительна, чем человек; я бы скорее выбрала рысь, ибо в ней меньше зла, чем в человеке; я бы скорее избрала змею, ибо в ней меньше лукавства, нежели в человеке; я бы скорее выбрала любое чудовище, чем человека, ибо и самое страшное чудовище менее страшно, нежели человек... О, истину говорю, говорю из самого сердца. Ибо человек измыслил и сотворил грех, смерть и ад. А это хуже самого плохого, чудовищнее самого чудовищного, страшнее самого страшного на небе и на земле.

Я услышала, как поток слез прожурчал: «Люди хвалятся каким-то разумом». А я взираю на них по их главным делам – греху, злу и смерти. И делаю вывод: «Если их разум исчерпывает себя тем, что придумал и сотворил грех, зло и смерть, тогда это не дар, а проклятие. Разум, живущий и выражающий себя через грех, – это наказание Божие. Великий разум – великое наказание. Если бы мне сказали, что я разумна – разумна по человеческому понятию, – то этим бы меня оскорбили. Если такой разум составляет единственную похвалу людей, то я не только отрекаюсь от него, но и проклинаю его. Если бы от него зависели даже мой рай и мое бессмертие, я бы навсегда отреклась от рая и от бессмертия. Разум без доброты – это наказание Божие. А великий разум без великой доброты – это невыносимое проклятие.

С разумом, но без доброты и нежности человек – это законченный демон. Слышала я от небесных Ангелов, омывающих крылья в моих слезах: дьявол – это великий разум, нисколько не имеющий доброты и

любви. И человек – именно это, когда у него нет доброты и любви. Человек разумен, но без доброты и милосердия он – ад для моей нежной души, ад для моего печального сердца, ад для моих незлобивых очей, ад для моего кроткого существа. К одному желанию возлетает моя душа: чтобы не жить мне ни на этом, ни на том свете рядом с разумным человеком, не имеющим ни доброты, ни сострадательной нежности. Только так я соглашаюсь на бессмертие и вечность. Если же нет, то истреби меня, Боже, и претвори в небытие!»

«В давние времена, – повествовали белые серны, – по земле прошел Он, Всеблагий и Всемилостивый, и землю превратил в рай. Где ступали Его ноги, тут наступил рай. На все существа и на всю тварь из Него изливалась бесконечная доброта, и любовь, и нежность, и милость, и благость, и премудрость. Он ходил по земле и низводил на землю небо. Звали Его Иисус. О, в Нем мы видели, что человек может быть дивным и прекрасным только тогда, когда он безгрешен. Он скорбел нашей скорбью и с нами оплакивал те злодеяния, которые причинили нам люди. Он был с нами, равно как и против плодов человеческого преслушания – греха, зла и смерти. Он любил все творения нежно и сострадательно, любил их какой-то Божественной грустью и защищал от человеческого греха, от человеческого зла, от человеческой смерти. Он был и навсегда остался – нашим Богом, Богом скорбных и опечаленных тварей, от самых малых до самых больших.

Только те люди, которые похожи на Него, – любезны нам. Они – наш род, наше бессмертие и наша любовь. Душа этих людей соткана из Его доброты, и милосердия, и любви, и нежности, и благости, и праведности, и премудрости. Их разум божественно мудр, божественно добр, божественно кроток, божественно милосерд. Они подобны светлым и святым Ангелам. Ибо великий разум и великая доброта, соединенные воедино, – это и есть Ангел.

Поэтому вся наша любовь устремляется и спешит к Иисусу: Всеблагому, Вседоброму, Всемилостивому, Всемилосердому. Он – Бог наш, и Бессмертие наше, и Вечность наша. Его Евангелие – больше наше, нежели человеческое, ибо в нас больше Его доброты, Его любви, Его милосердия... Он, о, благословен Он во всех сердцах на Небе и на земле! Он – Господь и Бог наш! Он – наше сладкое утешение в этом горьком мире, который проходит, и наша вечная радость в том бессмертном мире, который грядет...»

Молитвенный дневник[74]

В ночь на **1 января 1921 года.** In summa[75]: Иисусе Сладчайший, милостив буди мне, всегрешному! Возрастание молитвенности до слезной агапичности (от ἀγάπη – любовь: преизобильная, безмерная любовь. – *Примеч. ред. оригинала*) к тому, «кого Иисус любил». Последняя четверть до двенадцати часов – чувства оживают и часты слезы. Слезное, молитвенное познание святого Иоанна Богослова и Магдалины. Вместе с тем все естество проникается состраданием к брату. В сердце молитва: «Господи, удостой нас любить Тебя всей душой своей и помышлением и творить во всем волю Твою». – Лично: «Господи, удостой меня мучиться мукой всех измученных; Господи, удостой меня страдать страданием всех страдальцев». Внутреннее срастание с молитвенными воплями святого Златоуста: «Господи, святым Златоустом дай мне слезы, и память о смерти, и умиление; Господи, святым Златоустом дай мне смирение, целомудрие и послушание; Господи, дай мне терпение, великодушие и кротость». – Страстный порыв очистить орудия познания: «Иисусе, святым Златоустом, святым Василием и всеми святыми просвети мои чувства, помраченные страстями; Иисусе, святым Антонием очисти ум мой от праздных и суетных помыслов; Иисусе, святым Макарием соблюди сердце мое от худых желаний». – Бесконечное углубление любви молитвой: трагизм жизни произнес непредвиденные слова; вселенная, охваченная злом, становится все ужаснее; отзвук этого – непрестанная молитва. Таинство твари и жизни так изумляет, что невозможен никакой путевождь по сетям, запутанным до невозможности, – только молитва, только она.

1921 г. 1 января. Святой Василий Великий. – Полуночная служба: молитвенная встреча Нового Года. На входе в Новый год образ святого Василия. От половины первого до 2-х пополуночи: акафист, каноны, слезы. Литургия: исполняет меня страданием. Пополудни:... Церковь Святого Георгия: встреча с образом Христовым сотрясает мою душу, исполненную страданием. Слезы многие, слезы надгробные. Молитвенное рассмотрение прошедшего года. Рыдающие молитвы: «Господи, научи нас творити волю Твою»; «Господи, Ты знаешь, что делаешь, как Ты любишь, да будет воля Твоя и на нас, грешных, молитвами святого отца нашего Василия Великого, ибо Ты благословен во веки. Аминь». «Господи, прими нас к Себе святым Василием»; «Господи, не остави нас». «Господи, спаси нашу Церковь». – Ириней (по возвращении с 1 часа): «Я редко зажигаю

свечи; но когда зажгу, то тогда поистине и во мне что-то зажигается. Зажигая сегодня свечу, я чувствовал, что зажигаю сотни своих жизней». – Вечер: от 12-ти до часа – плач.

2 января. – Весь день сраствoрен с трагизмом. Углубляется чувство того, что отчаянная бессмыслица трехмерной жизни спасается от безумия только непрестанной молитвой. Нагота ужаса на всем человеческом. Человеческие лица – бездны несказанной бессмыслицы и червоточивого ужаса и скверны. Смотри, человеческие лица разбухли и покрылись струпьями, источающими гной и злосмрадие существа. Видел я мертвеца – какая красота на лице! Видимо, душа оставила свой богообразный лик на лице покойника, чтобы при воскресении опознать свое телесное орудие. Мертвое лицо – учебник экспериментальной психологии. Тело совершенно владело душой; через каждую пору и каждый атом душа вышла из тела и погрузилась в тайну метафизического. – Умирание травы и листьев – это выселение живой души из них, не некой бездушной энергии. Красота осени – красота мертвенная и болезненная. Вечер: огненные чувства страданий воскипели чрезмерно, сожгли мое тело; все тело набухло слезами, чтобы воззрение на образ Христов выманило их и излило в молитву. Час молитвы и плача. Молитва – это некий вид сгорания и самосожжения: принесение себя в жертву всесожжения: и не желаешь ничего своего, и молишься, чтобы все, что есть в тебе немолитвенного, исчезло и угасло. Молитва – это единственный путь существенного самопознания самоотрицания; вне молитвы всякое познание поверхностно, подобно проказе на коже.

3 января. – Воскресенье. – Литургия коленопреклоненна вся. Иисусе Сладчайший, омолитви меня святым Златоустом. – Постоянное ощущение того, что мною обладает кто-то святой и молитвенный. Он владеет оком и душой моей; вся моя душа обессилела, через рыдающие очи вырываясь к образу Сладчайшего и Богоматери. Рыдание и слезные молитвы за всех и за вся. «Господи, спаси все растения, и траву, и животных: их молитвами помилуй мя»[76]. – Мне и брату моему: «Скажи нам, Господи, путь в оньже пойдем». – Бесконечное и крестное умосмирение через молитвенное слияние с литургическими Тайнами, сладко-таинственными Таинствами. Молитва, особенно литургическая, – самый тонкий воспитатель ума, сердца и всей личности.

4 января. – Человек носит в себе духовную сущность твари, обретающую свою телесную часть, физическую половину через молитву. Молитвенное слияние в единую сущность человека и твари, ожидающее «сынов Божиих». Человек весь соткан из всех тварей микрокосм. Каждая

тварь представлена в человеке: оправдывается человеком, проживает с человеком его жизнь – ее жизнь является подобием жизни человека. О, как застыдился бы человек, если бы ощутил, что каждое его движение и помысел струится через всю тварь, отпечатывается, оставляет образ. Человек заражает тварь проказой.

Утренняя молитва: плач и рыдание. Имя святого Златоуста, преизобилующее теплотой для христолюбивой души, изливается в слезы. Самый любезный посредник между мною, всеужасным и всегрешным, и Иисусом Сладчайшим. Какое-то таинственное вплетение молитвенной души в чудную тайну личности святого Златоуста. И рыдание, и молитва: Господи, пусть моей душой, и умом, и сердцем, и телом обладает святой Златоуст.

5 января. Крещенский сочельник. – Самораспятие, смирение себя молитвой – необходимость из необходимостей в организации жизни. Разъедает меня чувство моего несмирения. «Господи, святым Макарием даждь ми смирение, целомудрие и послушание». Необходимо смирять себя до действительного ощущения того, что ты ниже всякого человека и всякой твари. «Господи, спаси меня этими листьями (молится душа моя окаянная)»; «Господи, спаси меня страданием этого страдальца (проходя мимо ликов мучеников)». «Господи, спаси меня их взглядом (взирая на прохожих)». Смирение себя – это физический закон: смирение листа перед корнем, и корня перед землей, и земли перед солнцем. «Господи, спаси всех и вся, и меня, всегрешного».

Дома: час молитвы и рыданий – акафист; 550 поклонов (метаний). Святой Златоуст – самый главный заступник, его имя источает слезы. Разрушились границы трехмерных категорий; только молитвой можем мы преодолеть расселины между временем и Вечностью, вечным Образом Христовым. Эпилог: Христос, только Христос неотвергаем, только Он достоин обожания, только Он – верный якорь. – «Иисусе Сладчайший, милостив буди мне, всегрешному и всемерзкому».

Богоявление. – Зараженный грехом мир: калейдоскоп бесовских явлений. Луч безгрешности – Явление Христа – Явление Святой Троицы: понятие смирения и голубиного незлобия и кротости. Голубь – посредник между Духом Святым и духом человеческим. Таинство Духо-явления – голубиный взор на мир. Позаимствовать голубиное тело, душу, око, незлобие и жизнь. Голубиный характер души мира: душа твари – голубиное незлобие[77].

Литургия – коленопреклоненна. «Молитесь да не внидите в напасть». Многие слезы через молитвенные вопли. «Пресвятую, Пречистую...

Богородицу и Приснодеву Марию...» – чувство материнства: «Матерь Всечестная, спаси нас, сынов матерей наших... » «Со всеми святыми...» составление собора... «Сами себя и друг друга и весь живот Христу...» – соборное предание себя Христу. Огонь молитвы испаряет мои чувства в слезы. Особое присутствие святого Златоуста: все принадлежит ему ради (брата). – Освящение воды, освящение твари, вхождение в вечность, нетление вечное: воскресение твари – очищение от греха: таинство воды – Дух Святый – очищение от греха.

Безумие? – Всецелое отторжение себя от корня Жизни – Христа; онтологическое отпадение от Единственного Сущего, погрязание в несущественном, нехристоподобном. Быть мучимым бескрайностью, бесконечностью чего бы то ни было и обойти Христа – безумие, бунт. Бунт расчленяет самосознание и сознание твари; распыляет познание на легионы частиц. Полный, законченный бунт: гореть в пламени сознания того, что ни ум, ни сердце, ни воля, ни тело, ни какой бы то ни было атом моего существа нельзя взять за мерило чего-либо; результат: безумие или вера – tertium non datur[78]. Вера означает: принять мир прежде всякой логики, прежде миропознания – смирить себя крайним умосмирением - μετάνοια (смирение и преображение **ума,** прежде всего, и вообще – преобразующее покаяние всего человека, умно-духовное и психофизическое возрождение. – *Примеч. ред. оригинала*), – признать то, что своей глубиной и грандиозными размерами мир превосходит все наши орудия и системы познания и возвышается над ними. Подвиг веры: отречение от своего самосознания, от своей совести и тем самым отречение от сознания тварного. Выйти из тесной оболочки самосознания и погрузиться в иное сознание, в сознание Христово. С верой начинается истинный критицизм гносеологических сил в человеке. In ultima linea[79] – субстанциональный критицизм чистого разума принадлежит не кантовской рассудочной философии, а вере. Проводить критику чистого разума самим разумом – это чистейшая глупость и contradictio in adjecto[80]: одну и ту же вещь делать субъектом и объектом, оператором и оперируемым.

Полночь: с часу до 2-х часов молитва, 500 метаний.

Святой Иоанн Предтеча. – Наука, рассудок не исчерпывают понятия веры; бесы знают о Боге и на основании этого веруют, но не целостным существом, не лично; вера – личное укоренение, соединение с Богом всецелого содержания личности. В конечной онтологической глубине ничто не является абсолютным грехом, ибо ничто не заключено в самом себе настолько, чтобы быть абсолютно отторженным от Бога:

самосознание чего бы то ни было и кого бы то ни было находит свое первоначальное укоренение в Боге. Самосознание сатаны грехо-сознание, в своей метафизической сущности есть дар Божий. Никто более четко не сознает существование Бога, нежели сатана, но это ни на один атом не делает его веру жизненно-упорядоченной; необходима сущность – любовь, надежда. Человек может быть атеистом, диавол – никогда. Сам факт познания невозможен без богопознания; самосознание в последней своей сущности – это Бого-сознание.

Богоборцы и ненавистники Церкви обычно изучают внешнюю одежду христианства, его наружную оболочку, плевелы, терния и прочие наносы; их вывод: мертва Церковь, мертв Христос! Сущность Богочеловечества - любовь – ее можно почувствовать, познать кровным родством, кровным единением, ее же сущностью: любовью. Сущностью Бога названы не премудрость, не всемогущество, а любовь.

Молитва: слезы – пламенное ощущение всегреховности. «Иисусе Сладчайший, милостив буди мне, всегрешному и всескверному». – «Иисусе Сладчайший, омолитви меня, всегрешного». – Поклонов 400. Литургия коленопреклоненна.

8 января. – Желания просветить чувства сливаются воедино. Мое лицо – это непрестанный снимок с моей души: души злой и души, молитвой устремляющейся ко Христу. Все во мне подло, все ужасно. «Господи, милостив буди мне, всеужасному и всеподлому. О, я – ужасный и всемерзкий человек!» «Иисусе Сладчайший, (святым Макарием) просвети мои чувства, потемненные страстьми». – Акафист Сладчайшему Иисусу окрыляет мою всегрешную, мою бескрылую душу. Я – самый горький из людей, я – весь полынь; предугадываю чувством молитвы, насколько Христом услаждены мир, и жизнь, и тварь. Момент Благовещения – это момент, когда благовестная кровь впрыснута в артерии жизни. Человек сам по себе – несчастный онтологический вестник горечи. Человек – это загоркшая тварь, воссмердевшая и осквернённая. Молитвомыслие (молитвенная, омолитвенная мысль, мысль, соединенная с молитвой. – *Примеч. ред. оригинала*) – путь к познанию полноты Благовещения. Высокоумие, гордоумие – расточитель познания; зловещее познание. – восемьсот поклонов.

9 января. – Болезненное молитвенное настроение: все существо дышит молитвой. «Господи, дай мне слезы... Иисусе Сладчайший, (св. Макарием) дай мне смирение... Иисусе Сладчайший, (св. Макарием) просвети мои чувства, потемненные страстьми...» – От трехсот поклонов с молитвенным призыванием святого Златоуста сердце мое возгорается и

льются слезы. Имя святого Златоуста все глубже проникает в меня и объемлет меня. О, Господи, удостой, чтобы святой Златоуст устроял меня и обладал мною. – Вечер: долгие молитвы с поклонами: тысяча молитвенных поклонов. «Иисусе Сладчайший, св. Златоустом и св. Григорием Нисским омолитви меня, всегрешного». Лег в половине четвертого.

10 января. – Святой Григорий Нисский. – Перед литургией 300 поклонов: «Иисусе Сладчайший, св. Григорием Нисским, св. Златоустом омолитви меня, всегрешного». – Усиленное смирение себя во время святой литургии. Пламенное ощущение всегреховности во время освящения Святых Даров. – Благодарственные молитвы после Святого Причащения: Господи, «украси мя»... Украшение человека через совоплощение Христу, причащением Его Святых и Пречистых Тела и Крови. – Прекрасный Образ Христов да отражается на лице любящих Его. Христообразие – через единение со Христом.

Пополуночи – 300 метаний с плачем: «Иисусе Сладчайший, спаси нас (моего милого брата) от отчаяния; имиже веси судьбами спаси нас!» (из молитвы Святой Троице в Часослове).

11 января. – Преподобный Феодосий Великий, общих житий начальник (ὁ κοινοβιάρχης). – Молитвы возносятся через него. «Господи, святым Феодосием скажи нам путь, воньже пойдем». – Всецелое чувство всеобщего сращивания со всеми тварями, всеобщей взаимосвязи, какое имел Адам до падения. Всякую тварь человек прежде своего падения ощущал как живую, органическую часть своего существа. Мир звезд был целостной, единосущной частью его сознания и самопознания. После грехопадения: каждый человек и тварь – осколки раздробленной грехом души всеобщей души и всеобщего тела. Через Христа-Церковь совершается постепенное зарастание ран существа, срастание, слияние в единую сущность существенно разъединенных грехом частей. Печаль за всех и вся любовь, объединяющая всех и приводящая ко Христу. Гносеологический характер агапичной силы любви: приятное чувство при взгляде на луну, листья – это остаток нашего кровного, органического, духовного сродства с ними, доказательство нашей единотелесности, единодушности, нашей единой сущности. Грех солипсизм; Христос - агапичное всепримирение. – Вечером и днем 1200 молитв и 300 поклонов.

12 января. – Вся молитвенность сводится к «Иисусе Сладчайший, (св. Макарием, св. Златоустом) просвети мои чувства, помраченные страстьми; Иисусе Сладчайший, очисти ум мой от помыслов суетных; Иисусе Сладчайший, соблюди сердце мое от похотей лукавых» и к молитве

святого Златоуста: «Господи, даждь ми смирение...» Многострунная отзывчивость моей природы на все злое и доброе только усиливает молитвенное настроение. Не смею никого и ничто: ни один глаз, ни одно лицо, ни одну тварь, – ничто встречать без молитвы. Она – мой единственный посредник; она поставляет прекрасный Образ Христов между мною, всескверным, и всеми другими людьми и тварью. «Иисусе Сладчайший, помилуй мою милую сестру... моего милого брата... Иисусе Сладчайший, помилуй меня, всегрешного, оком брата, сестры; страданием этого прохожего...» – Вечером результат: ощущение моей всегрешности преобладает над всем: тоска по кроткому Христу ненасытима. 500 поклонов и 1100 молитв.

13 января. – Утренние молитвы выливаются в горячие молитвенные вопли: «Иисусе Сладчайший, (св. Макарием) просвети мои чувства, потемненные страстьми; Иисусе Сладчайший, соблюди ум мой; Иисусе Сладчайший, удостой меня любить Тебя всею душою моею и всею мыслию и во всем творить волю Твою. Иисусе Сладчайший, сокрый меня от некоторых людей, и от демонов, и страстей, и от всякой худой и непотребной вещи». – Молитвенные посредники: святой Макарий, святой Антоний, Серафим Саровский, Златоуст, апостол Павел, апостол Иоанн, святой Савва. 500 молитв; при этом 400 поклонов; 200 поклонов: «Воспеваю благодать Твою, Владычице, молю Тя, ум мой облагодати». – Полдень: «Иисусе Сладчайший, (св. Макарием) ум мой облагодати»; «Иисусе Сладчайший, св. Макарием око мое облагодати, сердце». 150: «Воспеваю благодать...» – Под вечер известие: Николай Филиппович Мышкин умер. Панихида. Красота лица его. – Вечер: полночь: 1000 молитв; полночь: полтора часа молитвы с поклонами: 1000 поклонов: «Иисусе Сладчайший, святым Саввой помилуй меня, всегрешного, с моим милым братом; Иисусе Сладчайший, удостой нас любить Тя; научи нас творити волю Твою, Иисусе Сладчайший, дай нам смирение... Иисусе Сладчайший, святым Саввой утверди нас в монашеском подвиге; Иисусе Сладчайший, св. Саввой просвети наши чувствия...; наш ум очисти; Иисусе Сладчайший, св. Саввой соблюди сердце мое... Иисусе Сладчайший, молю Тя св. Саввой, ум мой облагодати; око мое облагодати; Иисусе Сладчайший, св. Саввой омолитви меня, всегрешного; омолитви ум мой всегрешный. Иисусе Сладчайший, молю Тя, св. Саввой обладай мною, всегрешный». – Главное молитвенное желание, чтобы меня Сладчайший Господь омолитвил, всегрешного, святым Саввой.

Святой Савва . Молитвенное настроение перед литургией: 300 поклонов. «Иисусе Сладчайший, св. Саввой облагодати око мое

всегрешное; Иисусе Сладчайший, св. Саввой омолитви меня, всегрешного»... и т. д. и 300 молитв... Заупокойная лития по Мышкину. «Господи, смирись смирению моему. Кто я, – о, я, всезлосмрадный, чтобы принять Тебя, Благоухание, в тело свое?» Где ум, могущий представить большее смирение, нежели тайна Христова – евхаристическое смирение Себя? – Полночь: в течение дня 1100 молитв. Преподобный Павел Фивейский: очистительно-гносеологические молитвы. Особенно: «Иисусе Сладчайший, (св. Павлом Фивейским) дай нам молитвенное отношение к миру; Иисусе Сладчайший, (св. Павлом) облагодати ум наш, всегрешный; облагодати сердце наше, всегрешное; Иисусе Сладчайший, (св. Павлом) просвети наши помраченные чувства... Полночь: Акафист Иисусу Сладчайшему и Канон Честному Кресту и 700 поклонов – сводятся к восприятию благодати умом и сердцем, к срастворению ума с молитвой. «Воспеваю благодать Твою, Владычице (Богородице), молю Тя, ум мой облагодати».

15 января. – Преподобный Павел Фиваидский. – 200 молитв после утреннего правила: «Иисусе Сладчайший, святым Павлом омолитви меня, всегрешного. 300 поклонов: «Иисусе Сладчайший, молю Тя...» (и т. д. и т. д.)... – Около 5 часов, полчаса – 300 поклонов с горьким плачем за всех и вся: мое личное чувство всегрешности, всецелой ответственности за всех и за вся (за всех людей и за всю тварь). И самый воздух я повреждаю, всякую тварь, всякое существо присутствием своим заражаю грехом, загаживаю, оскверняю. «Иисусе Сладчайший, милостив буди мне, всегрешному и всемерзкому». – Полночь: 300 поклонов: святый Златоуст – главный заступник. Акафист. In summä 1000 поклонов и 1150 молитв...

Далее в «Молитвенном дневнике» следуют дни: св. Антония Великого, св. Афанасия Великого (к которому обращена молитва: «Утверди нас в православной вере»), преп. Макария Великого, преп. Евфимия Великого, св. Максима Исповедника, св. Григория Богослова, и каждый день – от 500 до 1000 поклонов и около 1000–2000 молитв. Накануне же св. Иоанна Златоуста (27 января 1921 года) – 400 поклонов и 1700 молитв и еще 400 поклонов. Накануне святых Трех Святителей (30 января 1921 года) – 1100 поклонов и 1160 молитв (помимо других характерна молитва: «Утвердите меня в монашеском подвиге»). Точно так же и накануне Сретения.

При наступлении Великого поста число молитв и поклонов увеличивается и в Страстную неделю становится самым большим: накануне Великой Пятницы – 3200 поклонов и 1800 молитв.

В 1922–1925 годы (позднее дневник не велся) все в основном

оставалось так же, как и в 1921 году, по крайней мере что касается числа молитв и молитвенных слез (поклоны из-за болезни в основном оставляются). В отношении же молитвенных размышлений дневник становится все более аскетическим и сдержанным. – Примеч. ред. оригинала.

Подвижнические и Богословские главы

Стословие первое[81]

1. Все – все остальные религии – предписывали быть над человеком, чтобы избежать человеческих грехов; быть над миром, без мира, без земли, дабы не осквернриться и не сотворить зла. Только Христос требует быть в мире зла, но без зла; среди лукавых людей, но без лукавства; в грязи, но не осквернриться. Быть в злом мире, но не быть злом, – вот сила, которую дает Христос. И поэтому Христос – вноситель борьбы, меча, отделяющего и отсекающего зло от мира. – (4 января 1915 г. Владычин Хан.)

2. Любовь – новое во Христе, единственно новое. Любовью Христос – нов и Бог. «Кто во Христе, тот новая тварь». Кто любви не имеет, тот еще в Ветхом Завете. Признак Христов – это любовь. – (Лондон. 21 августа 1916 г.)

3. Любовь – это единственное равенство, возможное на земле: равенство человека с человеком, человека с лилией; воробья с человеком; равенство всего со всем, всего на земле со всем, что на небе; равенство всеобщее, ибо оно на Боге основано, а Бог един на небе и на земле, в лилии и в человеке. Богом мы равны чрез любовь. – (21 августа 1916 г.)

4. Страдание – это вино, которым Христос причащает человека из потира любви. – (21 августа 1916 г.)

5. Молитва – это просфора, замешанная из слез и сердца. – (26 августа 1916 г.)

6. Прости меня, Боже, но я больше всего люблю Бога плачущего. Не потому ли я больше всего люблю Христа? – (26 августа 1916 г.)

7. *Ибо все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь»* (2Кор.1:20). В Нем – да; в Нем – Христе Богочеловеке – все обетования Божии, – в Нем, а не в человеке, не в культуре, не в цивилизации. Его – **«да»**, всё остальное прилагается; всякая боль – исполнена обетованием. В Нем – всё.

8. Молитва – дистиллятор мысли, сито, кузница, горнило, выплавляющее образ.

9. *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс.50– из Молитвенника).

10. Достоевский и святой Павел: *Наша брань против духов злобы поднебесных* (Еф.6:12). – В Достоевском постоянно чувствуешь себя как бы между двух Заветов – между Ветхим и Новым; всегда вопли Исаии по

Мессии, по Господу, не по человеку, не по вере в человека: никто да не верует в человека – в этом Достоевский. Вся западная литература верует в человека и пресмыкается перед ним. Достоевский же всегда воздевает руки ко Христу из своего Содома и Гоморры. – (Оксфорд, 1917)

11. Все вы, ратующие против Христа, похожи на восковых воинов, нападающих на огонь. – Ницше растаял в безумии, когда его коснулся раскаленный перст небесной огненной премудрости. *Яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия* (Пс.67:3).

12. Вся планета смердит грехом, смертью, дьяволом и человеком. В полночь – сладкодышащими молитвами душа возносится из злосмрадия в надмирное сладкое благоухание твари во Христе. – (Полночь 21 сентября 1919 г. в Афинах.)

Полночь я носил в зенице души своей, полночь во всяком чувстве моем, и Он всемилостиво вывел меня из ядовитых жизненных дебрей и ужасов на Свой чудесный путь, где всякая полночь претворяется в трисолнечный полдень и всякая смерть – в бессмертную жизнь. Поэтому Ему обязаны мы тысячами жизней; обладай я тысячей вечностей – никогда не смог бы с Ним расплатиться; пусть у меня будет тысяча душ – только бы Он все повел чудесным, прекрасным путем Своим.

13. 2Кор.6:16: *Вы церковь Бога Живаго:* ναός, temple, храм. *Дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников* (Мф.21:13). Ты – Церковь: душа постоянно на коленях (на молитве), все существо в постоянном богослужении; если перестанет молитва, то как я буду жить завтра? – Входишь в разбойничьи расчеты, в вертеп, в который превратили церковь. Церковь для молитвы, не для разбоя. Разбойничает с душой культура, цивилизация, ибо она вносит в душу вещественное, царство вещей: деньги, яства, голубей, книги (см.: Ин.2:14), – и из дома Отчего делает вертеп разбойников... Вещи мы внесли в душу, о, Господи, в дом Твой. Ведем разбойничьи расчеты... Твои вещи мы выкрали, на все налепили свои ярлыки, образ наш – человеческий, разбойнический. Господи, да приидет Царствие Твое и да изгонит разбойников из души моей.

14. «Господи, даждь ми слезы и память смертную» – молитва святого Златоуста. – (Оксфорд, 1917)

15. «Святым Духом всяка душа живится, и чистотою возвышается, светлеется, Троическим единством, священнотайне». – Оживляемая и очищаемая Духом душа воображается в образ Святой Троицы. – (Оксфорд, 1918)

16. О постепенном распространении благодати через все члены тела и

духа и вытеснении греховности см.: святой Макарий Египетский «О хранении сердца».

17. «Поэтому во всех наших действиях, и прежде всего, когда это касается приступания к вещам Божественным, нужно начинать с молитвы». – Дионисий Ареопагит, «Об именах Божиих», III, 1. – (Оксфорд, 1918)

18. «Радуйся, Богородице, светлое благодати познание», вокруг этого молитвенного восклицания сосредоточиваются все вопли зараженной и проникнутой грехом разумной личности, когда она молитвенно взывает о помощи. Вырваться из безблагодатного и потому мрачного познания и укорениться в познании благовестно-благодатном. Девственность ума у Пресвятой Девы... Здесь отдохновение, здесь пристанище после бури внеблагодатного неведения, утверждающее свою сущность в самоуничиженном и смиренном молитвенном вопле: «Иисусе Сладчайший, очищение ума моего». «Умири жизнь мою», Миро-родице, ибо Ты еси Богородица. – (3 октября 1920 г. Скопье.)

19. Личность: целостность самосознание богообразное самосознание богосознание, – проникает через все физические составы личности, которая до падения органически простиралась на весь мир твари: всю совокупную тварь Адам ощущает как свое тело, как свое расширенное естество, оживляемое, поддерживаемое космической, всеединящей благодатью богообразного самосознания. Грехопадение (Адама): разрыв, отторжение, умаление личности, расстройство: тварь становится не своей, неличной, безличной, чужой... (Вранье, 8. IX. 1920)

20. **«Начало премудрости – страх Господень», страх Божий** (Притч.1:7). В Премудрость Божию входят стопами молитвы. Всякая тварь – Господня: как я войду в Господне без страха, чтобы не осквернить, не унизить Господа, чтобы не лишить Его творение премудрости и смысла? С молитвенного страха начинается премудрость. Страшно мне, Господи, когда глаз мой вглядывается в лист розы, ибо лист живет Тобой и в Тебе. Страх премудрости, трепет премудрости тайны Божии окружают меня, – ибо Ты еси Владыка премудрости; Ты еси Господин, Господи, а я нищий, которому жутко входить с истлевшей душой, одетому в лохмотья, в сокровищницы Твоей премудрости. Отсутствие страха пред Богом - отсутствие мудрости, безумие и глупость; дьявол – лишение страха пред Богом воплощение глупости, лжи и безумия. Без страха перед вещами и явлениями пишут сегодня писатели, и потому нет в них мудрости.

21. Страдание – это отрицание жизни, отрицание смысла, Бога; страдание отвергает жизнь, человека – так говорят все Петровы ученики,

не ведущие воскресения (см.: Мф.16:22). Достоевский в страдании видит утверждение, самое глубокое, человеческое – жизни, оправдание жизни. («В пытке корчусь» – но «Я есмь».) Оправдание страдания возможно только воскресением; воскресение – единственное око, провидящее тайну смерти; вхождение в вечность. Как возможно оправдание страдания для тех, которые завершаются могилой, не идут далее, все сливают в нее? – (Оксфорд, 1917)

22. 10 мая 1917 года. Полночь (Оксфорд). – Крайности все более расходятся, один берег бежит от другого, своим взглядом человек все более их отодвигает; зло огромно, добро огромно, человек в бездне между ними; не настолько он широк ни духом, чтобы их охватить, ни телом, чтобы их привлечь, – и отчаяние растет, и крайности разрастаются, и человек в великом вопле умаляется, умаляется, умаляется... О, ничто; о, облеченное в свет отчаяние; о, зрячая болезнь; о, глубокая смерть, – немощь, ничтожество, собрат червю. – Господи, помилуй мя... и Бог придвигает берег к берегу, Добро воплощается, неся на Себе человеческое зло; только Бог, только Христос, только Он соединяет разъединенное...

23. **Евангелие от Иоанна 3, 8:** *Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от духа.* – Дух неизмерим, не подпадает ни под какую категорию. *Не мерою дает Бог Духа* (Ин.3:34). *Всякий, рожденный от Духа* – неизмерим, выше логики и знания, недосягаем, выше любого определения; Дух и духовное выше всякого человеческого выражения: юродство; жизненность – жизнь – *Бог есть дух* (Ин.4:24): *Где Дух Господень, там свобода* (2Кор.3:17). Жизнь не выражается единой формулой: всякая формулировка жизни означает схизматичность, отсечение, частичность, усеченность, обрубок – *Я есмь жизнь* (Ин.14:6). – Крещение Духом Святым: всего человека: ума, рассудка (разума), сердца, духа, тела: *Приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый* (Деян.19:2). Смотри 2Кор.3:5: *Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога. – Дух Истины* (Ин.15:26) – (Оксфорд, 1918)

24. *Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир.* – Святой апостол Павел (Рим.8:6).

25. Христианство новая гносеология, ибо новый дух, новая душа, новое сердце новая психология. *Не вливают вина молодого в мехи ветхие* (Мф.9:17). Дух христианства не вмещается даже и через посредство какой бы то ни было категории в тленные сосуды ограниченного сознания и ума.

26. Где Христос (в Европе): где родится Христос? В железной ли колыбели, в которой родилось немецкое детище – европейская война? Христианство здесь, христианство там; в пустыне и в городе; в пушках и убийствах, – но Христа моего нет: *Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его* (Ин.20:2, 13). Многие пришли одетые в одежды Христовы, но неся в себе волка. Многие пришли ко мне под именем Христовым, говоря: «Я – Христос», и я познал их, что любви Христовой не имеют они в себе...» (8.VIII.1916 – Mills Hotel, Лондон.)

27. Дети – это Царствие Божие на земле. Если бы нас вели дети, то мы давно уже пришли бы в Божие Царство. Но не дастся нам Царство, пока ведут нас книжники (букв. «книго-еды», «книго-пожиратели». – *Примеч. пер.*) и буквоеды. Если бы не было детей, то нас давно бы уже поглотила могила. Дети нас оправдывают пред Богом, дети и цветы... Стяжать детский дух в себе, ведь только детский дух взыскует Духа Отчего, чтобы вел Он его и поддерживал. И отсюда: *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф.18:3). – (17.VIII.1916)

28. Пища моя – книги; буквы поедаю, буквами питаюсь. Книжник и буквоед, – поэтому всегда меня терзают голод и жажда. Как будто уши мои убежали от меня, чтобы не слышать Его слова: *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его* (Ин.4:34)... Буква убивает, дух животворит. Вся мудрость человеческая, вся наука не суть ли лишь четки из букв? Человек разложился на буквы, человек стал алфавитом; и он считает, что стал азбукой всего мира и Бога. Наша культура родилась в типографии. И все культурное поклонствует буквам, этим мелким идолам. И буквы суть ценность и критерии всякой ценности; и даже Бога начали печатать буквами, ибо Он перестал жить для людей и восприниматься ими. Типографии стали храмами; царство буквы – вот наша культура. И воцарилась буква, и сейчас убивает она Европу, но только *буква убивает, а дух животворит* (2Кор.3:6). – (20.VIII.1916)

29. **Рим.10:10:** *Сердцем веруют,* – это означает, что оно – орган веры, и поэтому человек им или спасается, или губит себя. Вся наша судьба – в нашем сердце. Сердцем и не веруют – это значит: сердцем выбирают Бога или дьявола, живут Тем или другим, живут для Одного или для другого. От этого зависит наш рай или наш ад.

30. **Грех?** – Человек захотел и попытался сделаться с помощью дьявола Богом. Обманул самого себя: сознательно оставаясь на богоустановленной цели – обожении, о-Богочеловечении, – он практически стал причастен дьяволу, дьяволо-человеком: внес в себя силу смерти, делающую причастником дьявола. Отсюда – распад человеческой

личности: *Кто не собирает со Мною, тот расточает* (Мф.12:30).

31. «Удостой меня, Господи, истинным светом Твоим и просвещенным сердцем творити волю Твою» (Канонник).

32. «Просвещение во тме лежащих, спасение отчаянных, Христе... просвети мя сиянием Твоим» (Акафист Иисусу Сладчайшему).

33. «Церковность: мир разума, сердца; это – новая жизнь, над-разумная». – Свящ. Павел Флоренский («Столп и утверждение Истины»).

34. Святой Нил: начало веры – презрение себя, оставление себя, умирание в невидимом. Дает все: Алеша: пойдем за мной, продай все. Переход из Ветхого в Новый Завет. Граница между верой и умом – Иоанн Креститель. Ин.1:27: *Я недостоин развязать ремень у обуви Его.* Переход из Ветхого в Новый Завет: принять все как свет, не отрывать сердце от ока Христова: страх и покаяние; не исследованием, но бесконечным сознанием ничтожества нашего и мессианством ремня от обуви Христовой. Ремень Христов: Мессия больше Иоанна. Иоанн: переход из Ветхого в Новый Завет. Коленопреклоненно, окаивая себя: обожаясь, не меряя самого себя. Не подходи ко Христу, требуя знамения; но лишь будучи жаждущим, и алчущим, и нищим.

35. *Кто будет веровать и крестится, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк.16:16). **Вера крест;** уверовать – распять себя всего: и тело, и душу, и ум, и волю: креститься *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф.28:20): отроичить себя, выйти из своего естества и войти в Божие; распять себя во имя Христа (см.: Рим.6:3)... Атмосфера и граница веры: Святая Троица: весь смысл и цель Христова – возвести людей верой в догматическо-этическую Троичность: Мк.16:16; Мф.28:19–20. – (Афины, 1920)

36. «Христианство – это подражание Божественному естеству» (св. Григорий Нисский).

37. Во время митрополита Филарета жил Иван Яковлевич Корейша, юродивый. При кончине последними его словами были: «Спасайтесь, спасайтесь, спасена буди вся земля».

38. Ипостасное соединение человеческого естества с Божественным в Лице Иисуса Христа: уверяет в том, что естество человеческое приходит к своей определенной ипостасности только в Богочеловеке, и в том, что это – последняя, заключительная стадия человеческой природы. С вознесенным Христом – вознесение человека: вечное присутствие в Святой Троице: отроичение и наполнение смыслом всего человеческого: последнее оправдание человека в ипостасном единстве с Богочеловеком. Поэтому все жительство наше – на Небесах, где Христос сидит одесную

Отца: здесь центр нашей личности, здесь центр познавательный, и этический, и социальный; здесь **обоженность** человека, его истинное – безгрешное естество; только здесь человек человечен, естественен, ибо здесь он богообразен, сообразен Христу, здесь он – по образу Святой Троицы; только здесь возможна вечная истина – ипостасное единство Бога и человека критерий – (это) **Лицо Христово,** воскресшее, вознесенное – всегда, вечно одно и То же; всегда вечная истина Божьего и человеческого, единящая Бога с человеком, ведь это единение нарушил грех, соделав человека средоточием и критерием всего. **Богочеловечность** – основание, и широта, и возрастание истинного познания; Лицо Богочеловека – неизменная истина (критерий): Божие – Богу, человеческое – человеку. Весь смысл человека: **совоплотиться Христу и через Него отроичиться**[82]. Во всем этом просиявает и над всем царствует Лицо Богочеловека, Которому *дадеся всяка власть на небе и на земли* (Мф.28:18; ср.: Рим.1:4). – (Афины, 1920 – Белград, 1935)

39. «Твердая уверенность в надежде обожения человеческой природы – это вочеловечение Бога, которое настолько соделывает человека богом, насколько Бог стал человеком». – Святой Максим Исповедник.

40. О церковном патриотизме: Бог Отец: Сын сыны Божии – борцы за Небесную отчизну, Горний Иерусалим – Церковь.

41. **1Кор.12:4–6:** Различны служения – один Господь Служитель всех – содержание всех служений и служащих. Сойди на дно своего христианского служения, и ты обрящешь Его – Слугу всех слуг; Он - источник служения, сила динамис. В самом малом служении Господь такой же, как и в самом большом. Служения и дары взаимно следуют друг за другом: как Сын и Дух Святой. – Различны действия: из различных служений и даров: Бог производит все во всем в твоем весьма трудном христианском служении действует Бог – и ты не ослабеешь; если же ослаб, значит, в надмении помыслил, как будто действуешь сам, исключил Бога из делания. Дух: Господь: Бог дары, служения, действия. Человеку преподается дар, чтобы совершал он им служение Господу. Печать троичности – знамение христианства. – (Афины, 24.11.1920)

42. **Еф.4:11–16:** Соборность жизни в Церкви: соборное единение всех и всего: дело служения созидание Тела – Церкви. Соборным усилием *всех святых* входят: 1) в *единство веры*, 2) в *познание Сына Божия*, 3) *в мужа совершенного*, 4) *в меру полного возраста Христова*, 5) во *главу* – ум Церкви; через отделение выходят из единства веры и познания и входят в ересь, в раскол, в неведение и незнание. Соборность Церкви и личность - личность расцветает в соборности. Соборное единство веры и познания

единственное средство от того, *дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения* (Еф.4:14).

43. **Апок.1:1–4:** Вхождение в Апокалипсис: на вратах – Христос Откровения: Альфа и Омега Апокалипсиса – Христос. Апокалипсис возвещен лишь Церквам; Евангелие – всей твари. Церковь – единственное око, которым человечество смотрит и зрит последнее откровение; единственное ухо, слышащее слова Христовы. Свыше ниспосылается мир Церквам, мир вышний: «О свышнем мире...»; мир и благодать - благовестие; через Церковь, как через уста, входит в сердце святая благодать и мир. Sub specie[83] Апокалипсиса, Церквам постоянно недостает благодати и мира; много жаждущих благодати и мира, много жаждущих Христа и ищущих мира. Мир Апокалипсиса удивительное начало для вулканических извержений и потрясений в недрах Апокалипсиса. Мир Церквам от Того, *Который есть и был и грядет*; непрестанная мироточивость, ибо она необходима для Церкви, против которой постоянно ратуют богоборцы и церковоненавистники; мир и благодать, чтобы благодать источала она на головы ратующих против нее.

44. «Молитва с плачем и в духе – пища для ума, как хлеб – пища для тела». – «Беседа о молитве» Антиоха монаха.

45. «Только тот, кто познал Триединого Бога, может любить истинной любовью». – Павел Флоренский («Столп и утверждение Истины»).

46. *Кто не собирает со Мною, тот расточает* (Мф.12:30). Собирание себя, своей личности – Христом, т. е. сочетание со Христом в единую плоть, в единое подобие, в единую сущность, вхождение в Его Я – в Меня: *со Мною* человек может прийти в самого себя, обрести себя, собрать себя, рассыпанного вне Христа, без Христа. Кто не становится членом Тела Христова Церкви, тот пребывает вовне, расточает себя, не имеет *совокупности совершенства – любви;* ибо лишь новозаветность сплачивает кровью, соединяет разъединенное ветхой жизнью – человеком прежде, если не против, Христа. Вне Христа человек *разделился* (Мф.12:25–26); он – всегда царство, разделившееся *само в себе*. Дух Святой – собиратель личности: отсюда в стихе 31 (Мф.12:31) единственным путем собирания самого себя, возвращения к целостному образу является – не творить греха и не допускать хулы на Святого Духа, не обособлять себя от Него. – (Оксфорд–Афины, 1918–1921)

47. **Литургическое познание Церкви:** «Только тот понимает Церковь, кто понимает литургию». – А. С. Хомяков «Церковь одна».

48. **Деян.2:44–46.** Вера обще-житие, общение святости; вера –

обобществляет, слияет в единую сущность ощущение святости; Кровию (Христовой) соединены одно Тело; кровный завет общежитие все члены одного Тела. – *И имели все общее* – по единой вере. Единая вера единая сущность – единое имущество, все общее; святое общежитие, где краеугольный камень – Христос, атмосфера – смиренномудренная любовь... Церковность, воцерковленность идеал общественный. (См.: Деян.4:32) – (Афины, 1919)

49. **Иов.1:6, 12.** Путь сатаны: вещи, тварь – тварь поставить вместо Творца: заслонить вещами Создателя... осквернить творение, чтобы и Творец был осквернен; уничтожить тварь, чтобы уничтожить Творца. – (Оксфорд, 1918)

50. **Мк.16:17:** Два знамения Нового Завета – любовь и изгнание бесов. Знамение: изгнать бесов, не дать им места. Изгнать, ибо насильно они вошли, вселились. Очистить и освободить землю и человека от бесов. – (Оксфорд, 1918)

51. **1Тим.3:15–16.** Церковь – столп и утверждение всей Истины, которую Бог насадил во всей твари и во всех людях. *Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе*: оправдание твари – в Духе Святом, Духом Святым, в Церкви, в Доме Божием: столп всякой твари и утверждение, основание твари оправдывается в Духе. Оправдание мира, всего сотворенного, каждого творения – в Церкви – Духом Святым... (Оксфорд, 1918)

52. **1Ин.2:15–17:** Бог да водит твое око, Он да будет источником, которым око твое смотрит и видит; да смотрит Бог оком твоим и да хочет (соизволяет) Он волей твоей; да будет корень всех твоих чувств, и дел, и мыслей в Боге, да произрастает все из Него: да будет Он лозой, а ты и все твое – гроздием. Человек – не источник, не основание, не корень, – не по себе, но по Богу, из Бога. Мир отринут от Бога: он измельчал, он – обман, он – *похоть.* Мир без Бога *проходит...* (Оксфорд, 1918)

53. **Ис.1:18, 59:2; Иез.39:23–24.** Грех тьма, мгла, нечистота, покрывало, чешуя, облако: сокрывает лице Божие от человеческого глаза; помрачение не только глаза, но и атмосферы; грех испарение зла: человек помрачает всю тварь; во грехе своем человек сквернит природу: заразность греха. Грех устрояет свой дом из сердца человеческого и окружает его тьмой, как стражей, чтобы никто не беспокоил его в его труде: сокрыть себя от Бога. Грех подобен медузе, он окрашивает все человеческое существо и сам скрывается в этом блефе.

54. Любовь к молитве непрестанно усиливает нашу любовь к Богу.

55. Слава Ти, Господи, что Ты связал нас с тем миром (небесным, ангельским, с миром святых. – *Примеч. ред. оригинала*) и прежде всего –

молитвой, а затем верой, надеждой, любовью и прочими евангельскими добродетелями. Чувства несказанного блаженства... Воистину я не один, но весь вошел в мир оный. Не могу без него. Я – весь, целый – только в них и с ними («со всеми святыми». – *Примеч. пер.)*. Освобождение личности от сетей и вплетение ее в мир оный. Самая широкая личность и – самая глубокая. Радость оттого, что святые близки Сладчайшему Господу, что они молятся за нас, ходатайствуют за нас, что все исполнено лучшими, нежели я, существами, несравненно лучшими, ибо они святы. – (29 октября*12 ноября 1943 г., в церкви – во время утрени)*

56. Грех – это единственная неестественность в природе; со грехом – смерть и дьявол. Эти трое суть единственное неестественное в природе и противное ей. Здесь неестественность провозгласила себя естеством. И еще: смерть провозгласила себя жизнью, а дьявол провозгласил себя Богом. – (Во время последней войны.)

57. **Церковь.** «Все собравши пастырское искусство...» – Отцы Святых Вселенских Соборов: приняли решения на Соборах. Так поется в стихире на хвалитех в Неделю Святых Отцов Шести Вселенских Соборов. На живом, святом и священном опыте зиждется все церковное сознание и опыт. Иерархи – носители сего, как и все остальные, все тело Церкви. Все как бы органы этого тела: или органы чувств, или клеточки, – по апостолу Павлу: Церковь – Тело Христово (см.: 1Кор.12). Все необходимы каждому и каждый всем, – пример сему члены тела. – (Во время последней войны.)

58. **Целостный человек.** Это человек, сраствори́вшийся с целомудрием, стяжавший и хранящий цельность и здравие ума. «Исцели душу мою, яко согреших Ти»: грех разбивает, расточает душу, человеческую личность. Только с удалением греха из души человек «исцеляется» делается целым, самим собой, целостным. Поэтому: только безгрешным Богочеловеком человек совершенно целостен. И все Им исцелены; Церковь – врачебница. Весь смысл Богочеловеческого домостроительства спасения – это восстановить целостность личности человека, которую он имел до падения. Средства? – Церковь, Святые Таинства и все, что в ней. Об этом целостном, полноценном человеке говорит и святой апостол Иаков: *Чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка* (Иак.1:4). – (Во время последней войны.)

59. Каков размах твоей главной жизненной мысли, основной мысли, осевой мысли, на которой утверждается твоя личность? От человека до Бога, от человека до Богочеловека. Трагедия человека наступает тогда, когда его мысль оканчивается чем-либо другим, а не Богом. – Мысль: от человека до Бога – это значит, человек разветвляется и искусно вплетается

(букв. «входит в ткань». – *Примеч. пер.*) во все Божественные бесконечности, во все Божественные, Богочеловеческие совершенства. – (Во время последней войны.)

60. Когда вхожу в комнату, где нет икон, она мне кажется слепой, безобразной (безликой), без окна к небу.

61. **Мф.5:3:** *Блаженны нищие духом.* – По духу святых отцов: нищета духа потому блаженство, что она постоянно жаждет обогатиться и непрестанно обогащается Духом Святым: а Дух Святой и есть Царство Небесное; богоподобная природа человеческого духа в силу самого своего естества устремлена к Богу, алчет и жаждет Святого Духа, поэтому жизнь христианина – это не что иное, как непрестанный День Сошествия Святого Духа. Нищий духом обогащается Духом Святым. Как? – С помощью Святых Таинств и святых добродетелей. – (Монастырь Челие, 3.IX.1966)

62. Для чего существует время? Каков смысл времени? – Воплотить вечность – через воплощение Бога – в человеке и через Богочеловека совершить обожение человека, а через человека – обожение времени и пространства, мира (см.: Рим.8; Еф.1; 4; Кол.2:1–10). – Воплощение Бога Слова, вочеловечение: центр времени и материи, человека как психофизического существа.

63. **Газеты.** С тех пор, как у нас газеты, т. е. чтение газет, стали «утренней молитвой современного человека», «современный» человек стремительно дегенерирует в «недо-человека», первый предок и последний потомок которого – не-человек.

Полный рас-человек: все рас-человечилось и тем самым о-бес-человечилось. Ибо все преобразило себя в антихриста.

64. Мое больное человеческое ощущение взвивается в радостное богоощущение, и моя проникнутая смертью человеческая мысль воскрыляет в неболетное богомыслие.

65. У нас, христиан, все вечно: вечна душа, вечно и тело – Воскресение Господа Иисуса Христа это являет и доказывает. – Вечно наше добро, вечно и наше зло: свидетельство и доказательство сему – богатый и Лазарь. Все у нас бессмертно, и мы бессмертны – все христиане, а прежде всего – монахи. Кто такой монах? Он – не имеющий смерти на земле: живет только бессмертным и вечным, для бессмертного и вечного.

66. В экуменизме все слабости, уклонения, ошибки происходят от злоупотребления Духом Святым. Здесь необходимо провести самые решительные разграничения, нужна святоотеческая проницательность: Дух Святый подается только Церкви Богочеловека, вере в Богочеловека.

Доказательство тому – Святая Пятидесятница. Дух не подается вне Церкви, вне Богочеловека. Все уклонения от этого – это гуманистические заблуждения. – Таково апостольское Предание и апостольское наследие. – Другими словами, все западные «церкви», ереси оправдывают себя тем, что все сваливают на Святого Духа. Шествуют же они «по человеку»: вместо пути Спасителя – пути внутреннего возрождения человека – идут гуманистическими, европейскими стезями, пытаясь обществом преображать личность. Путь же Спасителя – это Богом спасать человека, а не обществом.

67. Христианин мыслит светом; в силу этого он является как бы первооткрывателем: ведает глубины человеческие, как Дух Святой знает *глубины Божии.* И еще: он чувствует светом, и действует, и шествует. То же самое и святой: все его существо источает свет. Светом живет, существует. Нимб, ореол: светит добродетелями Богочеловеческими, логосными, ибо Слово (Логос) – *Свет истинный,* насажденный во всей твари и приумноженный в святых. Зачатки Его – во всяком человеке и во всякой твари: Он разлит по всей твари, это Он – над-космический и над-солнечный свет, всегда сиявший и ныне сияющий независимо от физических светил. – На самом деле, вся тварь стоит светом. Свечу – следовательно, существую. То же самое: все сущее живет светом. Живу – следовательно, существую.

Все это – пролог Евангелия от Иоанна.

68. Ни по какому пути в этом мире не шествуй в одиночку, но всегда имей проводником Господа Иисуса Христа, или молитву ко Господу Иисусу Христу, или веру в Него, или любовь к Нему, или воздыхание, или слезу, или вопль к Нему – и тогда без оглядки будут бежать от тебя все смерти и все искушения; впрочем не от тебя самого, а от Него, тебе предшествующего.

69. Господи, мало очей имеет человек, чтобы мог достаточно выплакать скорбь свою над этими Твоими мирами.

70. **Молитва святого Саввы:**

Благий Боже, даждь ми ходить стопами Твоими!
Дух Твой Святый да будет мне Путевождем!
Осиявай душу мою вечными лучами любви!
Излей доброту Твою, да согреет она мою душу!
Правда Твоя да воцарится в душах всех людей!
Царство Твое да будет нашим домом!
Слава Твоя да воссияет людям, да познают они Тебя
и любовь вечную!

Песнь радости Твоей да звучит вечно в наших сердцах!

Молю Тя, Боже великий, услыши мои мольбы! Аминь!

71. Господь за пост подает молитву постящемуся; и за молитву подает пост.

72. Христос – Посредник между Богом и людьми и между человеком и людьми. Между тобой и какой бы то ни было тварью Христос – Посредник, переход, путь, способ, средство. Не входи словом в ухо какого-либо человека, если слово твое не опосредствовано Христом; взгляд твой да не падет ни на какую тварь, не пройдя через Христа. Тяжело миру от посредничества дьявола: дьявол – посредник между адом и людьми...

73. **Рим.14:17:** *Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе.* «Христианский» социализм или коммунизм выдвигает обратный лозунг: «Царство Божие – это пища и питие».

74. Человек? – Только как Богочеловек: освященный, обоженный, довершенный, законченный, совершенный; так оправдан и Бог (теодицея), и человек (антроподицея). Человек? Непрестанное уподобление Богу на основе богоподобия, путем перихоресиса (взаимообращения, взаимообщения, взаимообитания. – *Примеч. пер.*) Божественных и человеческих свойств в Богочеловеке, в Богочеловеческом Теле Церкви: на основании ипостасного соединения двух естеств в Теле Христовой Церкви.

75. Всякая добродетель – это добродетель всеобъемлющая, ибо она несет в себе зачатки всех прочих добродетелей. – По святому Григорию Нисскому, «Бог есть совершенная добродетель». А святой Максим Исповедник благовествует: «Сущность всех добродетелей есть Сам Господь наш Иисус Христос».

76. Вера – это в то же время и благочестие εὐσέβεια. Вера жизнь по Богу, в Боге, с Богом: вочленение себя во всеживотворящее Богочеловеческое Тело Церковь воцерковление. Всеобъемлющий подвиг благодати и воли непрестанное возрастание в Богочеловека.

77. В Богочеловеке и пространство, и время обретают свою вечность, и обожение, и осмысление, и преображение в Слове (логосность). Ведь и их Господь спасает от греха и дьявола.

78. Во Святом Крещении каждый приемлет в себя начатки святости. А святые – опытно прошли весь жизненный путь, заповеданный им во Святом Крещении и насажденный в них.

79. «Глас Ти приносим разбойнич и молимся: Помяни нас, Спасе, во Царствии Твоем» (Осмогласник, Блаженны, гл. 2). Нам свойственно переживать покаяние разбойника, ибо мы – одно тело. Каждый – во всех, и

все – в каждом. Нет большей тайны, чем «Тело Христово» – Церковь, Богочеловек.

80. Спасение – во всецелом Богочеловеческом домостроительстве спасения – в Лице Богочеловека – становится нашим: моим, твоим, чьим бы то ни было: в живом Христовом Теле – в Церкви: молитвой, богослужением. Нужно и должно вымолить[84] и прощение грехов, и спасение, и обожение, и каждый дар, приносимый нам Господом Иисусом Христом. Поэтому в Православной Церкви богослужения непрестанны, молитвенные воззвания день и ночь: всем людям, миллионам душ это необходимо, молитвы за всех и за вся никогда не достает. Тем более, что только Бого-человек имеет **власть отпускать грехи.**

81. Двуединый догмат: примат и непогрешимость папы, – это все и вся в римо-католицизме. Этот догмат все, включая и самую теологию, превращает в папское и папистское.

82. «Добрая мысль красит человека», – это слышал я от старых жителей Вране, и в этом глубочайшая истина бытия: настоящая красота всегда зависит от настоящей доброты и с ней едина: едина по существу, даже если внешне это и не проявляется.

83. Жернов благодати перемелет то, что не по силам жернову логики... Молитва постепенно делает душу изящной: перемалывает грубость, изгоняет нечистые помыслы и чувства; «Превысшая Ангел – превыше мира сотвори»; плотские помышления отступают перед духовными – в сердце водворяется чистота. Тело наконец становится храмом Духа Святого, – это путь христианина: от себя к Богу, то есть от дьявола к Богу. Если Господь и убрал все чудеса с этой помраченной планеты, превратившейся в свалку, то не взял еще самого изумительного чуда – терпения и милости. Он возьмет его позднее – в день Страшного Суда. (Карпаты, 1932)

84. **Церковь: Священное Писание и Священное Предание.** Священное Писание и Священное Предание суть одно, они подобны двум легким в одном теле: они суть одно в Богочеловеке Христе – одно в Его Теле, Церкви, – и Им, через святых апостолов и святых отцов. Кто Его имеет и хранит, тот православный. А кто это? – Единая Святая Православная Церковь.

85. **Церковь – оцерковление: отроичение.** Все, что есть Церковь, от индивидуально малого до космически грандиозного, пребывает, и есть, и существует, и живет во Святой Троице: от Отца через Сына в Духе Святом, ибо Церковь и есть Церковь Святой Троицы и во Святой Троице (см.: 1Фес.1:1).

86. Спасение переживание, непрестанное восприятие Богочеловека во всех Его свойствах: непрестанное жительство Им в Его Теле Церкви.

87. **О соборности.** Литургия переживание благодатной соборности, самое широкое и самое глубокое, ибо всё это: от Святой Троицы до последней твари – переживает одно и то же таинство – Богочеловеческое.

88. Ecclesia reformata, semper reformanda[85]. Этот протестантский лозунг во многом стал римо-католическим. Действительно, этот девиз по существу и прежде всего – папистский, заразивший свое рожденное исчадие – протестантизм. Ибо в папизме в первую очередь – в самом его корне – все зависит от папы, человека. Это – всепроникающий и всеохватывающий протестантизм.

89. Что такое «Жития святых»? – Догматы, претворенные в жизнь. Что такое догматы? – Осуществленные «Жития святых».

90. **Раскол.** Народная катастрофа. Самое ужасное землетрясение в истории сербского православного народа: под его развалинами и по сей день гибнут тысячи душ... Спасение – в покаянии. Покаяние – самое целительное средство и против самого страшного – всепоглощающего – греха.

91. **Добродетели.** Добродетели мертвы, если они не питаются от Святых Таинств, особенно от Святых Таинств Покаяния и Причащения. Они – *девы неразумные* (ср.: Мф.25:1–12), не вливающие небесного, благодатного, Божественного елея в богоподобный светильник своей души. – Покаяние судьбоносно во всем; оно очищает каждую добродетель от греха: от суеты, от высокомерия, от самодовольства, – каковыми проникнуты благодеяния философские, «культурные», политические. – Святые же Таинства с избытком источают из себя святые добродетели. А святые добродетели поощряют к Святым Таинствам, насыщаются ими. И наоборот.

92. **Мистицизм.** Православие не знает мистицизма. Оно знает богочеловеческую реальность: богочеловеческое восприятие, опыт, жизнь. Никакой мистицизм вне Богочеловеческого реализма не несет в себе ценности. Единственный Посредник между Богом и людьми – Богочеловек Христос. Все другие – самозванцы, лжехристы, лжепророки, лжеучители. Нет никакого внеблагодатного мистицизма. Все в Православии – это благодатно-добродетельная действительность, реальность, подвиг, переживание. Все в категории богочеловечности.

93. Любовью ко Христу надобно подавить в себе самолюбие, и тогда всей душой, всем сердцем, всем умом, всей силой ты подвигнешься к братолюбию. Да, всегда святое двуединство: боголюбие, а затем

человеколюбие; всегда первая и вторая заповедь – заповедь двуединая: одна в другой, вместе с другой, через другую, – в этом их вечность, их богочеловечность.

94. **Апостольское Предание.** Что это такое? – Сам Господь Иисус Христос, Богочеловек. *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается* (Лк.10:16). А после них, святых апостолов, – это их святые преемники – епископы, законные наследники, «мужи апостольские» (св. Игнатий Богоносец, св. Ириней, св. Киприан). Святой Игнатий в Послании к смирнянам пишет: «Где епископ, там пусть будет и все множество верных, подобно тому, как где Иисус Христос, тамо и Кафолическая, Соборная Церковь». – [*Пребудьте во Мне, и Я в вас... Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин.15:4–5). – *Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино* (Ин.17:20–21, 23). – *Полный текст цитат введен переводчиком*.] – Апостольское преемство в каждый момент времени передает Самого Богочеловека, Господа Иисуса Христа, по истинному слову Самой Истины: *И се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь* (Мф.28:20). Это вечная, временно-вечная Истина: *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр.13:8).

95. Святый Иустин Мученик и Философ: «Истинный христианин – это истинный философ».

96. Святой Савва Сербский: «Молитва к Богу для меня всегда была самым великим блаженством на свете».

97. Молитва святого Макария Великого (Египетского): «Господи, имиже веси судьбами, помилуй мя!»

98. Святой Варсануфий Великий: «Покаяние – это врачевство от любой страсти и от любого греха».

99. Молитвенное отношение к миру, ко всему, к каждому человеческому существу как к святыне, как к живому образу Божию, ибо все мы, все, все, каждый человек – созданы по образу Божию, по подобию Божию.

100. Святая литургия – это непрестанное осуществление спасения и обожения человеческого существа: совершается величественное домостроительство спасения домостроительство обожения, обогочеловечения.

Стословие второе

1. Каждая мысль да будет испытана молитвой и рождена из молитвы; чувство, мысль, которые не молятся, – не от Бога, не из дома Божия, не из Церкви. Смиренная философия, молитвенная философия – единственный путь постижения философии по Христу. Знамение Православия. – (20.I.1921)

2. Когда сила благодати повлечет душу в горний мир, тогда человек претворяется как бы в молитвенную стрелу, которая молниеносно проходит все пространства. Гром благодати ударяет в сердце за многие подвиги и труды.

3. Господи, как величественна тайна Твоих миров! Я здесь произношу свои молитовки, а они разносятся по бесконечным пространствам Твоих миров и разливаются по всей твари, – и это в силу логосности всей твари, ибо Ты во всем и через все; и все мое через Твое, подобно нитям, вплетается в Твой мир, – все мое, кроме грехов моих и зол моих, которые под тяжестью своей срываются и скатываются в ад. (Суббота св. вмч. Феодора Тирона, 1958. Монастырь Челие.)

4. Евангелие – это воспевание сверхъестественного в естественном, Божиего в человеческом. – Евангелие все, как кристалл: и самая малая, и самая большая его часть блистает, и сияет, и искрится светом. Через все и во всем преломляется Вечная Божия Истина, Вечная Правда, Вечная Любовь, Вечная Жизнь. Во всем и через все – Бог Слово: и в бесконечно малом, и в бесконечно великом.

5. «Основание нашей (христианской) философии – это смиренномудрие», – говорит святой Иоанн Златоуст. – А святой Максим Исповедник: «Истина без смиренномудрия слепа».

6. Святой Иоанн Лествичник: «Монах – бездна смирения... Гордость – крайняя беда души».

7. Какая-то необыкновенная волна спокойствия выбросила меня на скалы поверх времени. Чувствую себя целым, не разбитым на осколки. Время – это самый страшный тиран, когда оно воюет с вечностью. Здесь они заключили мир или какое-то перемирие. Это увеселяет мою душу. Сколько бы ни любил человек грозы и бури, ему все-таки захочется хоть на мгновение успокоиться в тихом пристанище. А чудные вереницы мыслей печально утопают в необратимых синих глубинах. Хочется не иметь мыслей, заключить всю душу в чувства, ибо мысли, мысли – это рассадники бури, вызыватели грозы, творцы бунта. Уже человек без мыслей, но безопаснее; всегда найдет камень, на который можно опереться; а разыгравшаяся мысль нигде не может остановиться, смириться, найти опору, хотя бы прикоснуться к своему пределу. Не

знаете ли, что зачастую это кошмарно невыносимо – иметь мысли, не чувствующие границ, не любящие никакого предела, никакой меры. Поэтому я предал такие мысли сну, полуночную темноту возложил на их зеницы, и вот во мне замерло ощущение времени. Нет более тяжкого бремени, чем время. Победивший время не скинул ли с души самую тяжелую ношу? Вообще в мире происходит грандиозный процесс: на бурном водопаде времени Господь запечатляет бесчисленные миры и созвездия, бесчисленные тела и души, и все это с шумом спешит и мчится к какому-то дну, которое – да и существует ли оно? Хотелось бы мне отдохнуть от самого себя. Поэтому я напряженно затворяю себя в чувства, не любящие переходить в мысли. В них я провожу ночь, вдалеке от ощущений и ёще дальше от мыслей. Там, на самом глубоком дне, никогда нет бури, ведь буря приходит через чувства, а исходит от мыслей. – (Вране, 10 июня 1927 г.)

8. Единственный надежный критерий распознавания духов, философий, мыслителей, от Бога ли они или от дьявола – *Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в* мире (1Ин.4:2–3). От Бога – тот, кто признает Боговоплощение: и как ипостасный, и как космический акт, а кто не признает – тот антихристов.

9. Быть индийским богом – это ад. Я никогда не пожелал бы быть таким богом над таким миром. Космическое безумие.

10. Добродетель: настроение души, составленное из со-действия воли и благодати. – Но Христос – это все и вся: ни добродетели... никто и ничто: ни одно существо и ни одна добродетель – не имеют ни ценности, ни смысла без Христа.

11. Молитвой иссушить страсти своего ума, постом иссушить страсти своего тела. Ведь через эти две святые добродетели действуют и все остальные святые добродетели.

12. **Грех – болезнь.** Грех и зло нужно понимать как болезнь человеческого естества, а не как естественную неизбежность, рок; грех – это несчастье, болезнь, совокупность всех болезней: это – смерть, которую нужно лечить.

13. Святой Златоуст: «Грех и есть самый худший из бесов».

14. **Ощущение бессмертия.** Ни смерть не есть необходимость, ни рабство греху и лукавству не есть необходимость, ни служение дьяволу не есть необходимость. Кто иначе мыслит, или учит, или утверждает – тот не

христианин. Более того, он – христоборец, ибо отвергает сущность христианства и спасительный подвиг Господа Иисуса Христа: спасение. Ибо Он пришел спасти нас от смерти, от греха, от дьявола. Поэтому христианство для очень многих перестало быть подвигом и необходимостью, а стало или украшением, или национальным обычаем, или народной традицией, или стариной, или моралью, или философствованием, – всем, но только не коренным преображением человека: из смертного в бессмертного, из грешного в безгрешного, из дьявольского в Божьего.

Измельчали, так измельчали «христиане», что сами уготовляют себе погибель. Поэтому материальная культура стала все и вся. Главное в том, что утрачено чувство бессмертия, а значит – и благочестия, и богоподобия, чувство всего небесного, включая и небесное происхождение человека.

15. **Ad**[86] **1Пет.1:3:** Без Христова Воскресения из мертвых ни мысль наша не препобеждает нашу смерть, ни чувство, ни ум, ни душа, ни вера, ни любовь, ни надежда, ни что-либо иное человеческое: все умирает, прекращается, исчезает. Только Господь Иисус Христос возродил нас Своим Воскресением *из мертвых к упованию живому* (1Пет.1:3): к упованию, преодолевающему смерть, поглощающему смерть жизнью, входящему в бессмертие и самому обретающему бессмертие в Едином Бессмертном, Итак, только Его Воскресением возрождена и мысль, и душа наша, и вера, и любовь, и все наше; ибо все сие приобщилось, совоплотилось Воскресшему, совоскресло с Ним: так и только так мы – и все наше – преодолеваем смерть и все смертное, справляемся со смертью и становимся бессмертными всем, что наше, всем – кроме греха.

16. **Ad 1Ин.3:14:** Любовь делает бессмертными в человеке и душу, и чувства: преображает их из смертных в бессмертные, из временных в вечные. Почему? Потому что любовь и приходит от Бога, Который есть любовь, и возвращается к Богу; любовь – это боготворящая, обожающая, дарующая бессмертие сила, ибо вся она от Бога. Поэтому апостол любви ясно и решительно благовествует: *Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти* (1Ин.3:14). Любовь – это, собственно говоря, воскресение души из мертвых, восстание от смерти. Не имеющий любви всем существом находится в безысходной темнице смерти без окон, без дверей, без каких-либо просветов: вся его душа, и мысль, и чувство заключены в смерть. Поэтому превыше всего необходима деятельная любовь. Без нее нет воскресения души.

17. **Грех и зло.** Где нет ни греха, ни добродетели, там все дозволено,

ибо все пребывает по ту сторону добра и зла. Значит – в сфере божественного и демонического. Если и этого человек не признает, то – в сфере неопределенного: кругом сплошные иксы и уравнения со многими неизвестными. Грех – это грех для совести; у кого нет совести, как для того может существовать грех? Зло – это зло в глазах Бога и перед Богом; для не имеющего Бога не существует зла, – все дозволено! Разве не так? Грех не признается, когда не признается Бог. Не признается тогда и зло. Тогда человек задыхается в каком-то тяжелом, как свинец, релятивизме.

Порок, грех, расположение ко греху вначале подобны неприметному наркозу, приятному опиуму, пока не приведут они человека в бредовое состояние: тогда он начинает творить грех и зло без сознания и зазрения совести.

18. **Страсти.** Вначале душа не может вся войти ни в одну страсть. Всегда ее намного больше остается, нежели входит. Но когда человек предает страстям всю свою волю, когда его воля срастворяется со страстями, тогда первая страсть приводит, привлекает и семь прочих страстей, горших себя (см.: Мф.12:43–45). Иуда: бес, сатана вошел в него.

Путь заражения человека страстями – долгий, ибо нелегко возобладать над богоподобной душой. Покаяние отсекает правую руку, если она соблазняет, и вырывает правый глаз, если соблазняет он. Без покаяния все тело заражается от зараженного члена и бывает ввержено в преисподнюю. Ад для всецело предавших себя страстям и порокам. Между началом и концом зла есть много ступеней, остановок, оттенков, переходов. Всякое лукавство возрастает в свое первобытное зло – в дьявола: сладострастие – в демона сладострастия, сребролюбие – в демона сребролюбия.

Зараженный страстями человек не видит в другом человеке Христа, Слово, не замечает богоподобия – того, что Божие, например, Мф.25:31–46 и ленивый раб с талантом (см.: Мф.25:24–28): не видит он и не признает ничего Божьего в мире вокруг себя.

19. **Срастворение мысли с дьяволом** (лукавство и мысль). Если человеческая мысль отринется от Бога – то обезумеет. Забыть Бога мыслью лишиться рассудка. Когда мысль «гуманизируется», очеловечивается – она утрачивает разум. Действительно, первообразная мысленная, мыслящая сила человеческой мысли приходит от Бога.

Полное отчуждение духа от Бога – это дьявол. Ни в чем не желаю Бога, не желаю быть подобным Богу, – в этом весь дьявол. Процесс превращения человека в беса показан на примере ленивого раба, который один талант («Божие») полностью отвергает и зарывает в своей

чувственной, эмпирической жизни.

Все это – благовестие апостола Павла: Рим.1:21–32.

В гордости своей человеческая мысль, отринутая от Бога, считает себя мудрой. Это переоценка ценностей в худшую сторону: псевдомудрость, лжемудрость, анти-мудрость (по аналогии с этим – антихрист). Творчество такой мысли выражается в атеизме, т. е. во многобожии, в создании и измышлении лжебогов, в грубом или более тонком идолопоклонстве (см.: Рим.1:23–25). Из грубого, вещественного идолопоклонства сопричастившаяся демону мысль переходит в идолопоклонство духовное: идеи, страсти, похоти превращает в богов (см.: Рим.1:26); превращает *превратный ум.* в божество, а затем и его порождения *(из сердца исходят злые мысли»):* блуд, злобу, любостяжание, злорадство, зависть, убийство... (см.: Рим.1:28–31), *упорствует и не покоряется истине* (Рим.2:8).

20. **Победа над смертью.** Пролог Евангелия от Иоанна: Слово бытие жизнь свет. Небытие тьма. Логосность – это и есть жизнь; жизнь – это свет, ибо жизнь светит; живя – светим и светя – живем (см.: Мф.5:16). Небытие похищает наш свет логосность. Это – грех, зло. Зло оттесняет свет в нас и вокруг нас. Только Бог Слово не может быть объят, побежден тьмой – небытием (см.: Ин.1:5).

По Прологу бытие – это свет, и жизнь, и познание. Сущность всего существующего – свет: и человек, и тварь, и все сущее соткано из света. Зернышки света – фотоны – в современной физике являются основным субстратом вселенной, материи. Материя – тонирование света, его переливы.

Откуда в нас зло? – От сознательного и вольного отступления от Слова, от противления Слову. Только бытие и осознание бытия – от Слова, а все сознание и вся воля противятся Ему, – отсюда вечность зла, ада, дьявола. Поэтому в Слове – воскресение людей, сила, побеждающая смерть во всех формах и сферах жизни. Поэтому Тело Слова – Церковь – вводит людей в бессмертие, ибо они причащаются Слову, общаются в Его Бытии, Вечности, Бессмертии.

Зло разлило в мире и человеке тьму небытия, так что и мир, и человек выглядят нереальными, тленными, смертными. Это и есть источник пессимизма – отвержения мира и человека, причина и оправдание бунта. Но стоит только миру и человеку проникнуться светом Слова, как обретают они истинный смысл: тогда являют они в себе нетление, бессмертие и вечность, которыми и связаны с Вечным и Нетленным. Только в этом усматривается та сторона, которой мир привязан к Вечному,

привит к Богу и склоняется к Нему, как ветвь к лозе. Окруженный со всех сторон тьмою зла, истинный человек и не зрится: не видно его богоподобия – того, чем его существо погружено во Всебытии. Но человек опосредствован Христом. Христос возвестил об этом: *Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Ин.8:12). Возвестил Он об этом после того, как Своим светом осиял существо блудницы, взятой во грехе, и сказал: *Кто из вас без греха, первый брось на нее камень* (Ин.8:7). Видеть человека и его смысл можно только во свете (букв. серб. «в ви-де-ле»[87]. – *Примеч. пер.*) Слова, ибо словесность (логосность) мира и человека открывается Словом. *Во свете Твоем узрим свет* – во свете Слова можно зреть словесность мира и человека, свет мира и человека. Иначе и мир, и человек утопают в самой конечной тьме. – Вера во Христа открывает этот свет (см.: Ин.12:35–36, 46).

21. **Экономическая проблема этическая.** Спаситель показал, что это этическая проблема. Всеблагий Господь решает ее полностью – не по желанию дьявола («повели этому камню сделаться хлебом»), но по Своей безмерной любви – умножает пять хлебов и две рыбы: Безгрешный властвует над этим, разрешает это. Значит, чем больше греха, тем меньше хлеба. Безгрешный справляется с этой проблемой легко. Так и люди, если бы они остались без греха, решали бы эту проблему Христом, Словом. И отсюда то Божие изречение после грехопадения первых людей: *В поте лица твоего будешь есть хлеб,* и земля – *терния и волчцы произрастит она тебе* (Быт.3:19–18). Физический голод – близнец духовного; физическое мучение – близнец духовного; физическая болезнь – близнец духовной.

Общежитие святых апостолов и всех святых: решение экономической проблемы проистекает из решения проблемы духовной, нравственной и подается через выздоровление души. Только здоровые души способны это решать. *Для чистых все чисто:* чисто и в отношении познания, нет неразрешимых проблем.

22. Шелкопряд выпрядает из себя шелк, а паук – паутину. От природы зависят средства, от дерева – плод. *Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе; а злой человек из злого сокровища выносит злое* (Мф.12:35). – Добрый человек из доброго сердца выносит свое добро, а зло изливается из злого сердца. Невозможно ни через зло быть добрым, ни наоборот. Змея не может источать из себя мед, но извергает яд. Имея худые, нечистые помыслы, не может человек быть добрым. Иметь и быть – это всегда единосущно.

23. **Рим.1:28:** Ум человеческий, подобно мясу без соли, повреждается от неимения в себе Бога и Божественного. Ум от нечестия, безбожия, от неведения Бога и неверия гниет, разлагается, расточается: *Кто не собирает со Мною, тот расточает* (Мф.12:30).

24. **1Тим.4:4–8.** Молитва – дыхание души; ею вдыхается небесный воздух, небесное благо, все божественное, бессмертное и вечное. Она – первое условие здравия души; без нее проказа души разъедает душевную ткань, и она тлеет, пока совсем не растлит себя в лукавстве, во грехе.

Все освящается молитвой: всецелое человеческое существо, ибо молитва низводит и вселяет все остальные святые добродетели, которые благодатью своей освящают всего человека. Молитва освящает и весь окружающий человека мир: молитвенное отношение к миру. – О Боге лучше всего мыслить молитвой: и наиболее глубоко, и наиболее совершенно.

25. Как отвратительно быть человеком, но не быть христианином. Каждый христианин – чудотворец. Разве не чудотворец, ибо он перерабатывает себя крещением из смертного в бессмертного, из тленного в нетленного, из временного в вечного? Разве не чудотворец, ибо он молитвой, постом, милостыней, смирением, кротостью привлекает благодать Божию в свою душу? Где Бог являет Себя, к чему прикасается, там совершается чудо, там все изобилует знамениями. Ибо и атом Божий подобен улью, в котором чудеса роятся подобно пчелам.

26. **Любовь ко Христу.** Любовь ко Христу – это все и вся для человеческого существа на земле и на Небе. Ибо в любви ко Христу – и человеколюбие, и боголюбие, и любовь к истине, и любовь к добру, и любовь к правде, и любовь ко всей твари. Да, в любви ко Христу заключена любовь ко всему, кроме греха и зла, кроме смерти и дьявола. С любовью ко Христу можно жить вечно и блаженно на земле и на Небе, везде, кроме царства греха и зла, смерти и диавола – ада.

27. **Покаяние.** Как только Всемилостивый Господь разбудит в человеке чувство греха, Он вводит его в борьбу с грехом.

28. **Покаяние.** И самая вера, ее всецелостность, рассматривается как покаяние: покаяние – вера в Господа Христа (см.: Деян.2:27–38; ср.: Деян.3:19). Покаяние – это глубоко, и всесторонне, и всесовершенно личный подвиг; оно захватывает и объемлет всю душу, всю личность. Вся свобода в этом подвиге, и совесть, и ум, и сердце. Поэтому в вере нет ничего механического, декретированного. Покаяние – преображение: небесная, богочеловеческая очистительная, преображающая сила. Покаяние прощение грехов (см.: Лк.24:47), а это и преображение, и

воскресение, и обожение, и усвоение себя Христу, и обогочеловечение, и отроичение.

29. **Покаяние.** Всестороннее потрясение человеческого существа. В зараженное смертью, смертное существо вливаются Божественные, бессмертные силы Вечной Жизни и Вечной Истины, Правды все обновляется в человеке: ум, воля, сердце, совесть, – обновляется душа: ум новый, сердце новое, новые мысли бессмертные, чувства бессмертные. Святой Макарий Великий: новые очи, новое зрение, новый дух: древнее прошло – смотри, все новое настало (см.: 2Кор.5:17).

Покаяние преобразование преображение воскресение второе крещение вознесение, а все это бывает Господом Иисусом Христом, Богочеловеком, и потому это – сочетание со Христом, обогочеловечение, обожение.

30. **Вечная молодость.** Богоподобие души и есть вечная молодость каждого человека; это его вечная весна. Она никогда не стареет. Только зима греха вторгается в эту вечную весну, нарушает ее, но не уничтожает, ибо не может, – в человеке остается вечное, бессмертное. Грех предает душу старению; покрывает ее морщинами; она не умирает, но мертвеет: это ее ад, ибо отделенной от Бога ей нечем себя питать, нет *живой воды*, она всегда голодна, вкушает грех и никогда не насыщается, ведь пища души – Бог. Богочеловек Христос – «сладчайшая весна» человеческого существа. Он пришел в мир, чтобы «вечную весну» обновить, освежить, привести в совершенство. Новый человек настоящий человек – *небесный человек: Каков небесный, таковы и небесные* (1Кор.15:48). – Вечная молодость, вечная весна – безгрешность. Освободить человека от греха, тем самым от смерти, этой вечной зимы, и через все это – от дьявола, который и есть ад: прежде всего он как личность, а затем и все, что от него, и в нем, и около него. Вечно юный человек Богочеловек, ибо Он бессмертен, Он вечен; ибо Он победил и грех, и смерть, и дьявола.

31. Святой Григорий Богослов благовествует: «Вчера я сораспялся со Христом, сегодня спрославляюсь с Ним; вчера соумертвился с Ним, ныне со-оживаю; вчера спогребохся Ему, сегодня совоскресаю».

32. Свобода возрастает, сраствояясь с благодатью.

33. Свобода наша – богообразна: можно избрать рай или ад, Бога или дьявола. Человек создан для того, чтобы возрастить себя в Богочеловека. *Агнец, закланный прежде создания мира* – не необходимость, но по предвидению Божию человеческого падения: Сын Божий из любви решился на крестную Жертву. Все по свободе и любви. По Божественной любви.

34. **Совершенный закон свободы:** человек создан для того, чтобы соделаться богом по благодати. – В этом заключается совершенный закон свободы. Человек в этой свободе может стать богом по благодати, но может стать и дьяволом по добровольному лукавству (см.: Иак.1:25, 2:12).

35. Спасение всегда совершается благодатью в нашей свободе. Обладая богообразной и потому жаждущей Бога свободой, мы постоянно пребываем в стремлении к Господу.

36. В действительности существует лишь одна свобода – святая свобода. Это та Христова свобода, которой Он нас освободил от греха, от зла, от дьявола. Она привязывает к Богу Единому и Истинному. Все другие свободы неистинны, призрачны, ложны, т. е. на самом деле все они – рабство, каторга. *Обещают... свободу, будучи сами рабы тления* (2Пет.2:19).

37. **Со-действие благодати и свободы.** Во мне постоянно присутствует и сознание, и ощущение того, что для моего спасения (да и для человеческого спасения вообще) необходимы и Божия благодать, и вся моя свободная воля; и одно, и другое присутствует во мне; все я должен дать и давать от себя через святые добродетели и все принимать от благодати через Святые Таинства. Спасение мое полностью зависит от Божией благодати; но точно так же мое спасение всецело зависит от моих подвигов. (В день святых апостолов Петра и Павла, 1962. Монастырь Челие.)

38. Каждая евангельская **добродетель** соткана из действия благодати Божией и человеческой свободы; **каждая из них – это Бого-человеческое действие, Бого-человеческий факт.**

39. **Благодать и свободная воля.** Благодать, осенив человека, расширяет его богообразную свободу, углубляет, распростирает ее на все богообразные способности. Благодать – это свобода, по слову святого Симеона Нового Богослова. Процесс богообразного вхождения в бесконечность и безграничность той человеческой свободы, которая в начатке дана ему при его сотворении, в силу богообразия души. Сраствореna, объединена человеческая свобода с благодатью: благодать ее обоживает ее, возводит на богообразные высоты, вводит в богообразные глубины и бесконечности. Это – Христова свобода, богочеловеческая; в Теле Христовом Церкви – она становится нашей, каждого из нас, ибо все мы – живые клеточки Тела Христова, Пресвятого и все-чудоносного.

40. **Жизнь человеческая** на всех ступенях – это **богочеловеческий синергизм:** со-жительствование Бога и человека, благодати и свободы, сослужение человека Богу, восполнение человека Богом, возлияние

небесного елея в светильник души. Человек – всегда небоземное существо, отсюда и жизнь его – это небоземной подвиг.

41. **Богочеловеческое сослужение благодати и свободы.** – Всегда Богочеловеческое равновесие – условие спасения. В действительности, и душа, и тело – дар от Бога (а также и благодать), а с ними, и в них, и над ними – свобода воли. Свобода воли – это, по существу, единственное наше (святой Симеон Новый Богослов). Богоподобная свобода над богообразными душой и телом. Главное – это привести свою волю к подобию Божию, обогочеловечить ее, чтобы богочеловеческий синергизм стал ее правилом, и навыком, и ревностью. Через устремленную к Богу и послушную Богу свободу преображать себя, душу и тело, в богоподобное существо. Это притча о талантах...

42. *Стойте в свободе, которую даровал нам Христос* (Гал.5:1), – в свободе от греха, от смерти, от дьявола. Здесь нет ничего насильного, ибо христообразная по естеству душа того и желает. Стояние в этой свободе и делание совершается в Духе Святом и Духом Святым.

43. **Соработничество благодати и свободы** исключительно сильно выражено в Кол.1:29: *Для чего я и тружусь и подвизаюсь силою Его* (т. е. Христа), *действующею во мне могущественно.*

44. **Человек – спасение и свобода.** Апостольское, святоотеческое и богочеловеческое учение: Господь может сделать все, но не может спасти человека без самого человека, ибо Он сотворил человека с богоподобной свободой. Господь Сам Себе бы противоречил, если бы спасал человека механически, вопреки его богоподобной свободе, составляющей сущность его бытия.

45. Истина Церкви – это не доктрина, не учение, не силлогический вывод, не логический прием, а Живая Личность, Богочеловек Иисус Христос; Ой присутствует всегда, Он – всегда Тело и Глава Церкви...

46. Православие не доказывается, а являет себя: *прииди и виждь* (Ин.1:46); в этом вся апология – *прииди и виждь:* сначала – Христа Богочеловека, затем всех святителей, мучеников...

47. **Самое совершенное богословие** – в Священном Предании; Священное Предание – в святых богослужениях. Оно передается как святое вероучение, по которому надобно жить. В самой сути – это живая каждодневная жизнь, открывающая нам спасительное богопознание.

48. В святые праздники, особенно в Великий Пяток, в Святую Пасху и в другие, время приемлет в себя содержание вечности, ибо изливает тогда Господь на время особую благодать; рамки времени наполняются Божественным, бессмертным содержанием благодатью. Так время

искупается, обретает свой вечный смысл и содержание.

49. **Богочеловек есть все и вся** – в Церкви. Ибо Он – Глава Церкви: Он Своей Ипостасью содержит в органическом единстве человеческую природу и, будучи Телом Церкви, носит нас, людей, в Своей вечной Ипостаси.

50. Экклезиология – это соборная, кафолическая, осуществляемая во всех верных христология; это причащение Христу, прививание ко Христу, усвоение Христу... Экклезиология – это прикладная христология и в ней вся сотериология. Опытная христология – это экклезиология.

51. **Апостольское Предание.** Бог во плоти – Богочеловек Иисус Христос: об этом мы вам свидетельствуем, в это веруем, это передаем: *что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни...* Этого Бога во плоти мы возвещаем, и в Нем Жизнь вечная: Он Тело Церкви и Глава.

52. Не только учение о Духе Святом, но и учение о Святой Троице обусловлено учением о Христе. И все учение о Церкви. Бог Слово и есть Слово, сказующее нам как Богочеловек самым истинным и самым совершенным образом все необходимые нам тайны и постоянно научающее нас этим тайнам через **Богочеловеческое Тело** Церкви.

53. Боговоплощение: смысл и цель бытия всех сотворенных существ. Все существа сотворены с тем намерением, чтобы как можно полнее, преизряднее воплотить в себе Бога Слово, обожиться, сопричаститься Слову и стать едино с Ним. Поэтому и все создано *Им и ради Него...*

54. Святой Ириней, святой Афанасий Великий и все святые отцы благовествуют: Слово воплотилось, чтобы человек обожился. Бог стал человеком, чтобы человек стал богом по благодати.

55. Изучать Священное Писание через святых отцов и при этом подражать святым отцам в их жизни.

56. Храм – частица неба на земле, чтобы онебесить землю; пристанище бессмертия... райская обитель в море земного ада.

57. Пусть наша жизнь вне храма будет продолжением нашего богослужения в храме: продолжением нашей молитвы, нашего умиления, нашего смирения...

58. **Молитвенное богословие.** В богослужениях повторяется все Богочеловеческое домостроительство спасения. Все догматы, все истины Откровения Предания выражены в молитве, преображены в молитвенные прошения (эпиклеза) для привлечения с неба благодати к своему осуществлению. Все облечено в Святые Таинства и богослужения. Отсюда: святые праздники святые службы – источники сил для восприятия святых

истин. Вера – вся в молитве; молитва – вся в прочих святых добродетелях, ибо без нее нет осуществления, переживания святых истин.

Сердце всех молитв и богослужений – святая литургия. Стихиры, тропари, кондаки, молитвы, богослужебный опыт – все суть воплощенные догматы, переложенные в песнопения, воспеваемое Евангелие, опытно прожитое, пережитое. Здесь нет раскола между жизнью веры и истинами веры – все едино, Бого-человеческо. Вера и богословие суть одно. Этому нас учит и к этому возвращает вся молитвенная, богочеловеческая жизнь Церкви. И таким образом она спасает нас от раскола веры и догматов, который обильно процветает в схоластицизме и папистско-протестантском рационализме.

59. Молитва – сердце Богочеловеческого Тела Церкви. Она приводит в порядок внутреннее течение всецелой жизни каждого члена Церкви при его добродетельном соработничестве во всех подвигах жизни Церкви.

60. Святой Савва – вечный источник и вечная колыбель сербских душ.

61. Как Богочеловеческое Тело Православная Церковь, освящая национальность, сама – наднациональна.

62. **Почему Церковь – Апостольско-святоотеческая?** Почему святоотеческая? Потому что святые отцы полностью отождествили себя со святыми апостолами. А святые апостолы? – Христо-носцы. Ничего не знают и не имеют, кроме Господа распятого и воскресшего. Он весь в них, весь с ними: *И се, Я с вами во все дни до скончания века... Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же.* Церковь через апостолов – продолжение воскресшего Господа Иисуса Христа: Тело Христово, а апостолы – первые в этом Теле; и они – воскресшее тело Церкви, и отцы с ними и через них: прежде всего, апостольские ученики. Одно Тело одна Глава, а это значит: одна жизнь, одно бессмертие, одна вечность. *Храни преданное тебе* (1Тим.6:20), поэтому Предание – все и вся; и оно есть всецелое Откровение.

63. Вся жизнь христианина – не что иное, как восприятие всех благ крещения: совершенствование, возделывание, умножение благодати, полученной в Святом Таинстве Крещения через все остальные Святые Таинства и через все святые добродетели.

64. Наша скорбь – и земная, и райская: древо познания добра и зла – это не древо жизни. Это два различных, отделенных друг от друга древа. Значит, знание не необходимо для жизни. Во всяком случае для вечного блаженства не нужно опытное познание зла.

65. Господи, тело мое – не мое, пока я его постом и молитвой не соделаю Твоим; душа моя, совесть моя – не мои, пока я их евангельскими

подвигами не соделаю Твоими; глаза мои – не мои, и уши мои – не мои, пока и их благодатной жизнью не соделаю Твоими.

66. *Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела* (1Кор.6:13): чтобы в тело вселился, чтобы в нем воплотился Господь – в этом высшая, окончательная и единственная цель человеческого тела. Дабы Господь и человек объединились, стали одним: Богочеловеческое соединение, причем Господь остается Господом, а тело остается телом по своей природе и сущности, хотя и в полном благодатном единстве с Господом. Поэтому путь тела твоего и моего – это путь тела Христова: обожение, обогочеловечение.

67. **Монастыри:** сторожевые башни сербской совести. Наблюдатели – святые; здесь – святой Архангел Михаил[88]. Всевидящее Божие око. Святая херувимская совесть. Соделать совесть херувимской.

68. **Святая Гора.** – Святая насадительница бессмертия. Святой алтарь Балкан. Ей мы обязаны и нашей святой совестью, и нашей святой душой, и нашим святым просвещением, и нашей святой культурой, и нашим святым умом, и нашей святой державой.

69. Дечаны[89] – Евангелие в красках, в иконах. Каждая икона – это жажда Спасителя; все они устремляются и восходят к Нему. В алтаре: святой Василий, святой Златоуст, святой Афанасий и прочие – все воскрыляют и воспаряют к Спасителю: они победили материю, преодолели все преграды между собой и Им.

70. **Святые монахи.** Все наилучшее, что мы имеем в сербском роде, дали нам святые монахи: святой Савва, святой Симеон и все святые Неманичи: а) устроили нам все святые храмы и монастыри, дали всех святых патриархов, архиепископов, епископов; б) преподали и передали нам святую православную веру, а это значит: спасение души, Царство Небесное, вечную жизнь.

В новое время – вновь святые монахи: Хаджи-Джера – Хаджи-Рувим; архидиакон Аввакум Святой; и в наши дни: святой монах – блаженно-упокоенный владыка Николай. Что нам дал владыка Николай, что он для нас значит? – Владыка Николай продолжил подвиг святых Неманичей, святых сербских монахов; Он – апостол, благовестник, просветитель и величайший учитель рода сербского после святого Саввы. Он – и мученик. Владыка Николай обновил наше монашество: все нынешние монахи и монахини – духовные дети (чада) святого владыки Николая и святого Саввы.

Все – от святых монахов. Они всегда были и ныне являются спасителями сербского рода. Монахи – молитвенники не только за себя,

но и за весь сербский род, и на небе, и на земле. Один монах спасает семь поколений своих сродников (святой Серафим Саровский).

Эта жизнь дарована нам от Бога для того, чтобы ею приобрести нам жизнь вечную, войти в Небесное Царство. Поэтому душа – это самая важная и самая большая драгоценность.

71. Во всем – тайна, святая тайна Божия. Лепесток фиалки? – Какая святая Божия тайна! Мотылек? – Какая святая Божия тайна! Человек? – Какая святая Божия тайна – тайна всех тайн!

72. **Молитвы за усопших.** Все мы – одно тело, и на небе, и на земле, все – сопричастники Животворящего Богочеловеческого Тела Церкви и Церковью; жизнь Церкви одна – и на земле, и на небе, ибо – один Господь, одна вера, одно крещение, одно Причащение, одни добродетели, одна благодать.

73. **Церковь, тварь и время.** Бог Слово стал человеком, воплотился, чтобы стать Церковью, ибо она – Тело Его, а Он – ее Глава. Цель боговоплощения – Церковь, Тело Христово, Тело Богочеловека. *Слово стало плотию* Слово стало Церковью, став человеком, соделавшись Богочеловеком.

Время имеет в себе нечто вечное, ибо, если не так, то как тогда мог бы человек приобрести вечную жизнь и вообще – вечное. И еще: как в мире времени и пространства мог бы жить Богочеловек, вечный Бог Слово во плоти, и это – в пространстве и времени? И в атоме времени есть что-то вечное, как и в электроне. Нам некуда деваться: со всех сторон мы окружены вечностью. А Церковь – это единство, Богочеловеческое единство времени и вечности: они здесь соединены неслиянно, нераздельно, неизменно, неразлучно. *Времени не будет,* оно перельется в вечность: вечная жизнь и для праведников и для грешников – «вечное блаженство» и «вечное мучение». Настоящее подобно мельнице, на которой перемалывается будущее и становится прошлым. А кто знает конец будущего, и имеет ли оно конец? Это же самое значит, что ни у прошлого нет конца, ни у настоящего. Отсюда в Церкви все – настоящее: все прошлое выливается в настоящее, и все будущее в нем соединяется с прошлым. Что такое христианство, Церковь? – Во времени устроенная вечность, вечное. Кем? – Богочеловеком. Здесь Бог человеком соединяет все с Собой, Ипостасным Богом Словом. Посредством человеческого в Богочеловеке все становится вечным и бессмертным.

74. Почему мы не ощущаем страданий, мучений и несчастий наших ближних, как чувствуем свои собственные? – Потому что каждый отделился от целого, откололся, отторгнулся от общечеловеческого, от

всечеловеческого, от общелюдского, от Адамова. Это приводит к тому, что мы утрачиваем способность ко всеобщему состраданию, которое бы проникло в людей и объяло многих, да и всех их; мы теряем способность ко всеобщему мышлению, которое бы мыслило за всех и обо всех; становимся неспособными к той всеобщей любви, которая бы любила все человечество как единое целое.

Единственный в роде человеческом, в полноте обладающий этим всеобщим состраданием, всеобщим мышлением и всеобщей любовью, – это Богочеловек, Господь Иисус Христос. Поэтому все Его было общелюдским, общечеловеческим, вселюдским, всечеловеческим: и Крест, и Воскресение, и Вознесение, и тело, и дух, и слово, и каждое движение. Он вновь соединил, совокупил в Себе все человеческое естество, которое грехом было разбито, расчленено, разъединено, рассеяно. Этот процесс исцеления человеческого естества – чисто Богочеловеческий: осуществляется непрестанно в Богочеловеческом Теле – Церкви: насколько человек воцерковится и станет едино с Церковью, сопричастится Богочеловеку и соделается едино с Ним, настолько в нем восстанавливаются эти всеобщее сострадание, всеобщее мышление, всеобщая любовь. Ведь только для пребывающих в Церкви каждодневная действительность и бессмертная реальность – то, ременное в Деяниях Апостольских: *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа... все у них было общее* (Деян.4:32; ср.: Деян.2:44). Это всеобщее сострадание, всеобщее мышление, всеобъемлющая любовь свойственны новому человеку, новому человечеству, богочеловечеству, составляющему Церковь и находящемуся только в Церкви, но не вне ее. – (Дучаловичи, 2*15 апреля 1945 г.)*

75. Мысль подобна острому шипу; стоять на ней невозможно. Только молитва может быть тем крепким камнем, на котором я весь могу стоять – и выстоять.

76. **За синей птицей:** Исповедь синей птицы: о европейском человеке после войны. «Европейский человек», «человек» – стал пугалом и для демонов в аду, для всех видимых и невидимых существ. Глаз синей птицы: ничего страшнее и ужаснее человека я не увидела на этой планете. Он – страх и ужас для всех, изобретатель и производитель смерти: фабрика смерти, и как мне – синей птице – здесь не почернеть? Свился человек в самое страшное чудовище, это – недочеловек, человеко-зверь, повинующийся только собственным инстинктам.

77. Безбожие стало составной частью государственной идеологии, гражданского мировоззрения, обязанностью гражданина, подданного. Все

отклоняющееся от этой линии – анти-государственно, анти-гражданско. Это и есть «гражданская лояльность». Противник безбожия - государственный изменник. Анти-бог – фундамент безбожных тоталитарных государств. И все-таки этот фундамент религиозный, теократический. Безбожна сама основа государства, тип государства. Безбожие стало верой утопистов социализма.

78. Святые Божии, отвяжите меня от мира и привяжите к Небу!

79. Отрешиться от мира самоотверженным подвигом веры, жаждущей небесного и Божественного, и прилепиться к небу молитвой, любовью...

80. Расширение души: верой, любовью, молитвой – непрестанно – во все Божественные бесконечности.

81. *Прежде сокрушения предваряет досаждение, прежде же падения злопомышление,* т. е. падение предваряется злою мыслью и гордостью, – говорится в Притчах Соломоновых (Притч.16:18), которые читаются как паремии в четверг Великого канона.

82. **Борьба со страстями.** Познание – это маленький островок в океане человеческого бытия. Всплеск какой бы то ни было страсти моментально заливает его своими разыгравшимися волнами. И только тогда человек чувствует, как мало он утвердил, углубил, примирил, укоренил свое познание в Господе Христе. Например, страсть гнева – мгновенно помрачает это малое познание в человеке. Точно так же и страсти сребролюбия, блудной похоти, зависти, чревоугодия.

Что новое у святых? – То, что они свое познание расширили, углубили и укоренили Христом, во Христе. Их не может опьянить страсть, она может лишь искушать их. Они всегда пребывают в трезвении души и сердца, поэтому никогда не знают отдохновения в подвигах.

83. В грехолюбивом, нераскаянном человеке грехи настолько укореняются, что через навык, по святому Макарию Великому, образуют в нем особую «душу греха», имеющую свой ум, свое сердце, свои чувства.

84. Человек живет, но не знает, что такое жизнь, потому что жизнь его – *по образу Божию* и потому – превыше всего ограниченного ограниченным. Человек имеет душу и живет ею, но не ведает, что такое душа, – по тем же причинам.

85. Грехами земля ратует с Небом, человек – с Богом.

86. **Молитва** (Господня). В Боге с людьми (вместе с Богом и людьми) против дьявола вот смысл и цель молитвы Господней. Бог везде присутствует милосердием и по милосердию, люди же стоят в Боге, когда они сострадательны, когда они прощают другим людям грехи, делают им добро, подобно милосердному Отцу Небесному.

Люди: между Богом и дьяволом. В этом вся жизнь на земле. Об этом нам сказует молитва Господня. Это две самые высшие реальности для людей, на которых человек основывает свое бытие.

Победа людей над дьяволом, если они с Богом и в Боге, обеспечена, ибо Его «Царство, и сила, и слава во веки веков». Равно как неминуемо поражение, если они с дьяволом воюют против Бога. Они, несомненно, – с дьяволом, если не прощают согрешений ближним.

87. **Молитвенное предание.** Все богослужебные книги, т. е. все молитвы (богослужения), – это и есть живая, благодатная жизнь Церкви. Это догматы, выраженные словами молитвы, а молитвой они преображаются в душу нашей души, в жизнь нашей веры. Это – православная педагогика; это – поток живой, неумирающей, апостольской жизни, жизни Священного Предания. Навсегда открыт путь к созиданию христианской личности, на все времена неизменны духовные законы; путь к совершенству только один, указанный святыми отцами, ибо истина неизменна. *Иисус Христос вчера и сегодня иво веки Тот же* (Евр.13:8).

88. **Молитва.** Молитва – содержание жизни, вся жизнь всех святых Ангелов на небе и всех святых и праведников. Вся их жизнь при воззрении на нас на земле – молитва; такова же и наша жизнь на земле по отношению к небу и к ним. Поэтому святая молитва – это сердце всех добродетелей, а прежде всего – веры; она – их язык и жизнь. Да, всецелая жизнь. *Фимиам с молитвами* (Откр.8:4). Молитва – это регент в хоре добродетелей: она задает тон, она придает гармонию действию каждой добродетели.

89. **Молитва любовь.** Что такое молитва к Богу? – Выражение нашей любви к Богу, т. е. боголюбие, первая заповедь. Что такое наша молитва к святым? – Выражение нашей любви, язык нашей любви к ним, наше смирение перед ними, наша вера в них и наша надежда. Другими словами, вторая заповедь, т. е. человеколюбие: любовь к святому, вечному, небесному человеку; евангельское человеколюбие: любовь к обоженному человеку, о-Бого-браженному, сочетавшемуся со Христом и преображенному во Христе. Это отверзает дверь и всем прочим святым добродетелям и Таинствам и воспламеняет нашу любовь к ним. *Бог есть любовь;* как стяжем мы эту любовь, как войдем в нее, если прежде всего не молитвой, ибо она связывает и соединяет нас с Богом Любовью. От этой Любви и все на земле и на Небе дышит любовью.

90. **Святая литургия.** Это всегда лествица, мост на небо. Каждый день ты на Небе. Все, что в ней – мгновенно возносит тебя в оный мир и поставляет среди Ангелов и святых. Каждая молитва – разве это не

лествица души на небо? Какое может быть уныние, когда есть святая литургия!

91. **Святая Евхаристия.** Святое благодарение за Воплощение Господа Иисуса Христа, за Преображение, за Воскресение, за Вознесение, за крестную Жертву, – за всю жизнь Богочеловека: одна единственная Жертва постоянно приносится, повторяется ради нашего усвоения Христу и единения со Христом.

92. Святой Варсануфий Великий: «Если человек не имеет терпения, он не войдет в жизнь вечную».

93. **Кафоличность Соборность.** Антропология Богочеловеческой Церкви: только Церковь знает, что необходимо человеку на земле и на небе, ибо Она Христос, ведающий, что в человеке, из чего и для чего человек (см.: Ин.2:25). Ибо только Богочеловек, т. е. Творец человека, как Бог Слово знает, что такое человек, из чего он и для чего он. А такого человека знает и Церковь: знает Христом и спасает от греха, который повсюду тот же, в каждом один и тот же; спасает его от смерти, которая везде одна и та же; спасает и от дьявола: спасает святостью от греха, воскресением – от смерти, Богом – от дьявола.

94. **Евхаристическая соборность.** «Возлюбим друг друга да единомыслием исповемы». – Любовь – Богочеловеческая, обогочеловечивающая сила. Ею осуществляется богочеловеческая соборность. Это молитвенно и всесторонне переживается в Святой Евхаристии. Богочеловеческая любовь сплачивает нас *со всеми святыми – союз совершенства,* – связывает нас со всеми богоподобными, устремленными ко Христу душами, сочетавает нас с Господом Христом, Богочеловеком на всю вечность. В Нем альфа и омега Богочеловеческой соборности, святой и троичной.

95. Современный экуменизм: все зиждется на предположении, на гуманистической предпосылке о том, что Церковь не одна, но многие. Как будто Церковь разделилась. Но она не может разделиться, можно только отпадать от нее и выпадать из нее. Ибо Церковь – это Богочеловеческий организм, Богочеловеческое Тело, Богочеловеческая Личность, и потому она всегда одна, – одна на небе и на земле. В этом ее вселенскость, экуменизм[90]. Современный экуменизм: «лжехристы» – «лжемессии», «лжепророки». Здесь – разноверие, полу-верие, маловерие, почти безверие. Проблематика современного экуменизма чисто мирская, политиканская, поистине коммунистическо-папистская: все сведено к «социальным» ценностям, т. е. к земным, к преходящим. Здесь нет Богочеловеческого центра, не ставятся евангельские вопросы, не ищется *прежде Царствие*

Божие и *правда Его*, а восхищается царство мира сего и все, что от него.

Проблема соединения не может решиться никаким «диалогом», а только покаянием перед Богочеловеком, Который есть Церковь. *Вспомни, откуда ты ниспал, и покайся...* (Откр.2:5). Без Богочеловека так называемые «церкви» не суть иное что, как *сборище сатанинское* (Откр.2:9). Из ереси выход – *покайся* (Откр.2:16). Это относится к любой ереси. Ко всем «232» ересям[91]. – См.: Откр.3:3: *Вспомни, что ты принял* (-Святое Предание Истины) *и слышал, и храни и покайся...* – Через экуменизм чисто мирская, международная, атеистическо-коммунистическая проблематика вошла в Церковь и завладела ею... Сегодня истинная Церковь не может свободно о себе свидетельствовать... (Где ее настоящие свидетели – мученики, и ее истинные богословы?) – Отсюда назойливость поверхностных, прогуманистических, пропапистских, проеретических, протестантствующих богословов...

96. **Причащение – Церковь.** Святое Причащение – это святое общение в Богочеловеке. Причащением христианин участвует в Нем. Причастник есть и участник. Это относится и к Святому Телу Христову, и к Святому Его Телу, Которое есть Церковь. Причащением человек действительно во-церковляется и о-церковляется, входит в жизнь Богочеловека...

97. Семя всех добродетелей – в богоподобии: все они произрастают из него, пока не преобразятся в святые добродетели – в дары Духа Святого. Грех помрачил, расслабил богоподобие – богоподобие воли, ума, сердца, всецелой души. Поэтому необходимо Боговоплощение, явление Духа. – (Монастырь Челие, 20.VIII.1963)

98. Каждая душа благоухает Богом: только преисполняй, насыщай ее изобильно Божественной любовью, и в конце концов и самая грешная заблагоухает своим богодухновенным богоподобием, заблагоухает Богом. Не забывай: *мы Христово благоухание Богу*. Об этом так удивительно говорит святой Андрей Юродивый, т. е. что Божество несказанно благоухает.

99. Господи, Ты лишь перстом коснулся моей души, моей мысли – и из нее по каплям источились, потекли, излились благоухания.

100. **Церковь.** Единственная история Церкви Православной – это Деяния Апостольские. Они непрестанно записываются в ней и ею. Все здесь – небоземное, Бого-человеческое, Бого-человечное. И реальность здесь только одна – Бого-человеческая. Один Зодчий и Устроитель Церкви – Дух Святой, излившийся во Святую Пятидесятницу. Здесь во всем соприсутствуют время и вечность. Каждый христианин – это всегда только

одно: повторенный Господь Иисус Христос, всегда – в бесчисленности богочеловеческих бесконечностей.

Стословие третье

1. Каждое мгновение моей жизни – Божие. Зачем же тогда бояться кого бы то ни было и чего бы то ни было, кроме Бога?

2. Святой Златоуст: «Послушай Бога в заповедях, чтобы Он услышал тебя в молитвах».

3. Для чего мне дано тело? Чтобы оно было храмом Господу. А душа? Чтобы была священнослужителем, молитвенницей в этом храме. А глаза? – Светильники.

Человек, гонящийся за ветром, что поймает? – Свое падение.

Сердце да горит пред Богом, как пожар; чтобы в огне своей ревности и любви к Богу расплавиться и очиститься.

4. Богоматерь. – Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим, ибо Она всецелого Бога вместила и родила, а этого – вместить всецелого Бога – не может ни одно из созданных существ, ведь и Серафимы, и Херувимы суть образы Божии. Бог известным образом и в них, а в Ней – весь Господь всецелым Своим Божеством.

5. Если бы не было Пресвятой Богородицы, все люди давно бы стали демонами. Ибо Она – Бога Спасителя родила.

6. Всем гонителям Господа Иисуса Христа: когда мы падаем – побеждаем. Что такое верная победа? – Смерть за Христа. Смерть за воскресшего Христа. Святой Иустин Философ и Мученик: «Вы можете нас убить, но не можете повредить нам».

7. Слышал я крестьян, жителей Вране, в поезде: «Люди, не бойтесь, Бог устрашает – Бог и освобождает». (Едут на учения, мобилизация 5*18.IV.1939.)*

8. **Проверка совести.** – Рим.9:1: Единственная проверка совести – Дух Святой. Самой по себе человеческой совести недостаточно, ибо она всегда погрешима. Она становится непогрешимой и совершенной, если освятится, просветится, одухотворится, станет одно со Христом, обожится. Совершенная и завершенная совесть – только Духом Святым. По существу, необходимо – отроичение совести: в этом ее божественная, безграничная свобода.

9. Каждый человек – христианин по богообразию души. Каждый человек рождается как потенциальный христианин и как действительный Христоносец, ибо в своей богообразной душе он уже сообразен Христу:

Ин.1:9.

10. **Гуманизм богочеловечность.** Гуманизм в своей основе богообразен: богообразие – это сущность, онтология человеческого бытия; в этом богообразии – сущность человека, человеческого, человечного. Человек – весь трансцендентен, весь «вышеестествен», весь – из мира оного. Его естество имеет вышеестественное происхождение: оно – от Троичного Бога. Естественно, что Бог становится человеком, Богочеловеком: единственным истинным, единственным «естественным», единственным совершенным человеком. Ибо Он без греха, без смерти, без лукавства, без демонизма. Только теогуманизм (богочеловечность) – истинный гуманизм. Только Богочеловек – настоящий человек. Без Бога человек – как без головы.

11. **Теогуманизм. Не** гуманизм как смысл, как направление, как метод человеческого бытия и существования. Любой гуманизм болезнен, потому что исходит из зараженного грехом человека: сам по себе он всегда причастен демонизму, дьяволизму, ибо нет человека, чье богообразие не было бы «истлевшим страстьми». Исключение: Богочеловек поэтому богочеловечность, теогуманизм единственный путь *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф.4:13).

12. **Богочеловек – образ Бога и человека.** Богочеловек – это единственный совершенный Божий образ в нашем человеческом мире. В Нем дан и первый истинный образ совершенного человека. Богообразие – это сущность, сердцевина, вечность и богочеловечность человека на земле и на небе. «Образ Божий» – это на самом деле единственный истинный образ человека. Новый человек – это Богочеловек – *Господь с неба* (1Кор.15:47).

13. **Любовь к Богу и ближнему.** Как луна не может светить без солнца, так и человек не может любить без Бога. Из Бога, Который есть любовь, струится и источается наша настоящая, святая и истинная любовь к ближнему. Люди, все люди суть наши ближние – опять-таки Богом, ибо Он сотворил нас по образу Своему, поэтому в глубине существа все мы одинаковы и всякий из нас есть близкий и ближний другому.

14. **Боговоплощение.** Через Боговоплощение Бог становится близким к человеку, настолько близким, что Он ближе к нему, нежели сам человек к самому себе. Совершил же Он это на онтологическом (бытийном) основании человека – на богообразии. Что ближе к богообразию, нежели Сам Бог. Он – его оригинал, его εἶναι, его бытие – при свободе воли, которая делает человека самостоятельным от Бога существом: личностью. Да, личность – это прежде всего свобода по отношению к Творцу, от

Творца, пред Творцом.

15. Господь господствует – дьявол творит свои дьявольские дела; Бог Божественно владычествует над всем сущим и промышляет обо всем сущем как Единый Сущий. Но одинаково страшно, когда человек или, самовольно уподобляясь Богу (см.: Быт.3:5), желает владычествовать над всем и быть Богом, или же, уподобляясь дьяволу, начинает творить дела сего последнего. Он всегда выходит из самого себя, падает вовне себя: бездна падения, когда человек произвольно уподобляет себя Богу; бездна падения, когда он добровольно соединяется с дьяволом и творит его дела. В одном случае – размах сатанизма; в другом – фарисейство: иметь вид благочестия, силы же его отречься (см.: 2Тим.3:5). (Во время последней войны.)

16. Через индустриализацию наступает каменный век. Поклонение камню европейская культура и ее суррогаты. Строители идолов: окаменелые души создают каменных идолов, каменные идеалы. Все засыхает, увядает, превращается в камень в реторте европейской веще-поклоннической культуры. Зодчие каменного века – все гуманистические силы Европы. (30.VII.1957 в поезде.)

17. **Радость – быть человеком!** Потому что Бог стал Бого-человеком. Этим открыты и даны человеку все Божественные силы, и совершенства, и бесконечности. Следовательно, нет отчаяния для человека с тех пор, как Бог стал человеком, ибо из всякой горести и отчаяния – Божественный выход, и взлет, и восхождение в Царство Божественной вечной Жизни, вечной Истины, вечной Любви, вечной Радости. Поэтому непрестанно: через всю вечность, и привлекательно – в божественной таинственности, и радостно быть человеком, ибо все наше завершается Богом, Божественным, Божиим, а это значит – бесконечно радостным и блаженным. – (28.VII.1958)

18. Бесконечности мои устремляют меня к Тебе, о, Всебесконечный! Бескрайности мои возносят меня к Тебе, о, Всебескрайний! Безграничности мои воскрыляют меня к Тебе, о, Всебезграничный! – Меня интересует земля не как культурная колыбель, цивилизация, а как небесное гнездо, в котором возлягут небесные синие птицы человеческие души и существа, которые, окрыляясь, воспарят в небесную, вечную свою родину.

19. Что такое человек – мы познали Богочеловеком. Поэтому происхождение, возрастание, усвоение Христу, обожение, совершенствование человека дано в Богочеловеке. Следовательно, в христологии – единственная истинная антропология. Человек – человек

Богочеловеком. Только Им он становится самим собой, достигает первоначальной, безгрешной, божественной человечности: и той, которая в Божием замысле о человеке, и той, которая в богоподобии. Ведь Божий замысел о человеке представлен в сотворении человека богоподобным. Поэтому все человеческое обращается вокруг этого как вокруг своего центра.

Значит, спасение человека – это прежде всего освобождение от греха, смерти и зла, но в то же время оно совершается через опытное восприятие всех Богочеловеческих сил, идей, свойств, истин, добродетелей.

20. **О-христовление (усвоение себя Христу).** Несводимость Бога к твари; несводимость человека к чувствам. И все-таки: вселенная сводима к атому! Макрокосм – к микрокосму! И Бог к человеку – в Богочеловеке.

21. Как прожить эту жизнь – не это ли основная проблема человека? Для того Бог и стал человеком, чтобы научить нас этому. Это самая трудная наука: настолько она трудна и на земле и на небе, что не умел ей научить нас и самый премудрый Серафим, и самый прозорливый Херувим. Что только не входит в ткань того, что мы называем жизнью, человеком! Мириады логосных волокон, частиц, нитей! Жизнь: соединение всего этого и еще многого невидимого, неизвестного, неприметного. И какой нужно иметь ум, чтобы все это соткать, сплести воедино, и какое сердце, чтобы все это прочувствовать, и какую силу – чтобы пережить! Человек, человек – о, самое трагичное существо, засмотревшееся в бездну небытия! Ты переживаешь рай и ад, небытие, Бога и дьявола, смерть и жизнь. Человек, ты – самый большой, самый несчастный мученик, твоим мучениям нет меры!.. В этих твоих мучениях повреждается и гибнет твое сознание, твой разум, мысли становятся безумными, чувства каменеют. Нет существа шире, глубже и ужаснее человека. Поэтому на всех ступенях бытия ему необходим Бог – Бог всего бытия, Богочеловек, Слово. Без Него все человеческое срывается в кромешную тьму, где плач и скрежет зубов.

22. Каждый христианин в Теле Христовом, Церкви – это продолжение Христова воплощения, всецелого Богочеловеческого домостроительства спасения, переживание всецелого Богочеловека: непрестанное добровольно-благодатное обогочеловечение и преображение себя во Христе. И это всегда *со всеми святыми*, первая среди которых – Пречистая Богоматерь. Отсюда: каждый христианин – это церковь в малом, а через это и Церковь в великом. Поэтому христианин имеет *свидетельство в себе*: в переживании себя как *члена Тела* Христова, а тем самым – как вечного, как богочеловечного, как о-троиченного, как «бога по благодати». Итак, для христианина свято все Священное Предание. Все, что испокон

веков, исстари в Церкви – существенно и благодатно принадлежит человеку как клеточке вечноживого Богочеловеческого организма, Церкви.

23. Ни одна букашка на земле не может жить без целого неба над ней. Нет ни одного творения на земле, которое могло бы существовать без всей вселенной, без бесчисленных звезд. А человек? – И ему все это необходимо, но нужно и несравненно большее. Почему? Потому что человек – это живой образ Божий; потому что он сотворен по образу и подобию Божию. Поэтому ему, помимо всей вселенной, необходим Сам Бог. Ради этого творения, ради такого человека Бог и сошел на землю. Он стал человеком, чтобы дать человеку все необходимое для богоподобной жизни на земле и на небе. И даровал человеку Вечную Истину, Вечную Правду, Вечную Жизнь. Для того и воскрес Он из мертвых, и победил смерть, чтобы открыть нам вход в вечную жизнь. Человек драгоценнее всего в мире. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* Бессмертие души – естественно, бессмертие тела – по воскресении из мертвых. Ради всего этого Бог стал человеком: чтобы нас, Людей, обогатить вечной жизнью, ...дабы мы, путеводимые и предводимые Богоматерью и всеми святыми, удостоились Вечной Жизни на небе и жили, служа Господу Иисусу Христу – Богочеловеку, Который ради нас стал человеком. – (Пяток первой седмицы Великого поста, на святой литургии Преждеосвященных Даров.)

24. Правило: помолиться Богу за каждого человека, которого ты посетил, встретил или с которым расстался. Пусть он от тебя уйдет с твоей молитвой – это самый лучший спутник.

25. Всякое воспоминание о тебе – праздник для меня, любезный отче Златоусте, и радость для меня, и рай, и восхищение, и помощь, и здравие, и воскресение.

26. Тяжело любой мысли, которая не выльется, не преобразится в молитву.

27. Святые богоугодные дела рождаются в Святых Таинствах, источаются из них. Святые Таинства суть таланты. Таланты даны для того, чтобы употребить их в дело и приобрести на них иные с избытком (см.: Мф.25:16). Благодать преподана, но мы должны ее усвоять, умножать в себе, преобразовывать в святые добродетели.

28. Очи мои, вы не мои, а Господни, и потому – служите Господу! Уши мои, тело мое, совесть моя, мысли мои, чувства мои, вы не мои, а Господни, и потому – служите Господу! Если же нет, то умрите смертью, после которой нет воскресения. – (Монастырь Челие, 6.XII.1948)

29. Мы полностью сознаем правовое положение Церкви в нашем

государстве, но сознаем мы также и апостольское положение Церкви в мире. Если правовое положение Церкви закрывает двери ее апостольству, то неужели допустимо сущностью Церкви – ее апостольством – пожертвовать ради ее правового положения? (Март 1922 г.)

30. Любовь – Единое Божество добродетель? Нет, сначала вера, а за веру даруется любовь. Святой Максим Исповедник: «Христос – сущность каждой добродетели». Что такое ересь? Прежде всего и в основном – отпадение от веры. Вере все возможно, включая и богочеловеческую любовь.

31. Человек – это небо-земное, богочеловеческое существо и в данной нам реальности, и в своих возможностях, и в многогранности. Так это я чувствую и так смотрю на дорогого мне друга...

32. Исполни, Господи, Собою сердце мое, но прежде очисти его от всего мирского и от всех желаний вообще.

33. «Нужно прежде себя очистить, а затем других учить чистоте; нужно прежде себя умудрить, а затем других учить мудрости; нужно прежде самому стать светом, а затем других просвещать; нужно прежде самому приблизиться к Богу, а затем других приводить к Нему; нужно прежде самому стать святым, а затем других освящать». – Святой Григорий Богослов (Слово 2, 71).

34. У дьявола только одно хотение, одно постоянное стремление: представить грех необходимостью, явлением естественным, т. е. чтобы оправдать самого себя. Грех – логика сатаны (святой Макарий Египетский); грех имеет свою логику, свою философию, свою апологетику, чтобы оправдывать себя, чтобы представлять себя неизбежным, естественным. Это дьявол постоянно и делает. А Христос – это единственное истинное Слово (Логос) мира, Божия Логика мира. Христос – логика-добра, Божия логика добра. Логосность – в сущности мира.

35. О, Господи, разве я только для того человек, чтобы грешить, а Ты – только для того Бог, чтобы меня прощать?

36. Молитва должна стать сознательным и умиляющим навыком.

37. Личность – это все. Весь Ветхий Завет опирается на личность: на Илию Пророка, на Моисея, на Давида. Личность – носитель всего (в мире, в истории); идеи суть ничто, личность – вот носитель идей. Христос – Личность; Христос – Истина, Жизнь; Личность Христова – это все.

38. Кто бы ни встретился с Господом Иисусом Христом искренне, все в нем от этого изменяется. Вспомните: с Ним встретился крестьянин, рыбак, и что вышло от этой встречи? Вышел апостол Петр. Встретился с

Ним Савл, ученейший муж своего времени, встретил Бога во Христе – и стал славнейшим среди людей. Ибо кто даровал ему эти силы, если не Господь Иисус Христос? Встретились с Господом Закхей и Вартимей – слепец и грешный мытарь, – и вся их душа, душа каждого из них, преобразилась. И одержимая демонами Магдалина со своими семью бесами при встрече с Господом делается мироносицей. И разбойник на кресте встретился с Богом – и сразу вошел в рай. Встретился с Господом святой Иустин Философ и стал Христовым Мучеником, и святой Василий Великий, и владыка Николай, и Растко[92] – Савва.

Таким образом, встреча с Господом Иисусом Христом всегда была для каждого человека самым важным событием, от которого зависело, пойдет ли он **за** Господом Иисусом Христом или же **против** Него.

39. Если человек живет только для себя и собою, то есть если не требует ничего от Бога, – то это не человек. Чистый гуманизм и есть самый большой грех, ибо в нем – полное отвержение Бога и всего Божьего. Грех Адама не в том, что он совершил какое-то преступление, а в том, что это было желанием и шагом к отделению человека от Бога, т. е. гуманизмом. Человеческий дух не может существовать и действовать сам собой. Ему необходимо постоянное вдохновение с Неба, от Божественного Духа. Адам, согрешив, перестал получать эту небесную пищу от Духа Божия и поэтому ощутил свою наготу. После схождения Святого Духа на апостолов эта возводящая к совершенству духовная пища вновь начала ниспосылаться – и она вечно преподается в Церкви. Человеческий дух носит в себе пустоту, которую нужно восполнить Духом Божиим, чтобы человек стал совершенным, целостным. Отнюдь не существует и чисто человеческая мысль. Человек мыслит или Богом, или дьяволом. Это показывает Достоевский в лице Ивана Карамазова, бросающего в дьявола чернильницу за то, что тот утверждает, что подсказал, шепнул ему некую идею. – (Зима 1961 г., монастырь Челие.)

40. Святые отцы – святые, бессмертные путевожди и учители вечной жизни; бессмертные архистратиги в бессмертном воинстве Господнем. Святые Вселенские отцы: только последуя им и шествуя вместе с ними, мы, нынешние христиане, можем победить, т. е. соблюсти свою веру. Мы, христиане, – истинные христиане до тех пор, пока храним веру святых отцов. Без этой веры нет нам ни спасения, ни вечной жизни. Только так можем мы иметь благодатное чувство православности, подаваемое через молитвенное общение со святыми.

41. Мы спасаемся только через все Святые Таинства и все святые добродетели; спасаемся только **со всеми святыми.** Каждый святой

прославился той или иной святой добродетелью, через которую шел ко спасению, но спасался он всегда со всеми святыми. Ибо не мог он быть милостивым, если не был человеколюбивым; не мог и удержать этого деятельного милостивого расположения души, если не молился Богу. – Человек спасается соборно в Церкви, с Господом Иисусом Христом как средоточием, с Пресвятой Богородицей, со всеми небесными Ангелами и Архангелами, со всеми святыми. Это и есть Церковь: здесь всё вкупе со всеми, всё соборно... Мы не ведаем, как спасаемся. Мы молимся, творим дела милосердия, но что мы знаем о том, насколько это способствует нашему спасению: ум человеческий не может этого охватить и вместить. Что мы знаем о том, насколько сегодня святой Антоний Великий своими молитвами поддерживает вселенную. Ибо все святые молятся, непрестанно молятся за нас Богу. Кто знает, сколько святых угодников своими молитвами спасает нас... Человек – это бесконечное существо и восполняется оно только бесконечным, Божественным, Богочеловеческим.

42. Каждый Богородичный праздник – это малый рай на земле, который сраствоpяется с тем вечным, с тем небесным раем.

43. В Богочеловеке, в Его действовании и Его Теле – Церкви – Бог всегда на первом месте, а человек – на втором; все всегда решается Богом, а не человеком. В этом сущность и всеобщее мерило Вселенской Церкви. Поэтому к каждому вопросу должно приступать «со страхом Божиим, верою и любовью». Церковь – это Богочеловеческий организм, и только после этого – организация. Она – Тело Богочеловека, поэтому в ней на все нужно прежде всего смотреть, все видеть и все измерять Богом, а затем человеком и, наконец, человеком из Богочеловека. Но никогда – только человеком, никогда «по человеку». Значит, всегда, всегда и всегда *должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян.5:29). Когда это ставится под вопрос, тогда и первоверховному апостолу Петру – *лично противостоим* (см.: Гал.2:11). Здесь вечно и неизменно действует Богодухновенное, апостольское начало созидания и жизни Церкви: *Угодно Духу Святому и нам* (Деян.15:28), т. е. сначала Дух Святой, а затем мы; мы после Духа Святого, и в Духе Святом, и с Духом Святым.

44. Господи, о, Господи, дай мне себя ощущать Тобою, себя мыслить Тобою, себя руководствовать Тобою, жить Тобою, воскрешать себя Тобою, себя ведать Тобою.

45. История Православной Церкви нас учит, что литургия всегда была центром и сердцевиной каждой поистине православной души. Загляните в души православных святых подвижников, и вы увидите, что они сотканы из литургических чувств. Переживание литургических Таин как сущности

своей личности – это единственный путь созидания из обычных людей – бого-людей, из несвятых – святых. Кто не понимает литургии, тот не может понимать Православия. Это говорю не я, а глубокомысленный апостол Православия – Хомяков. – (1922)

46. Не могу представить, чтобы в эти дни (Светлое Христово Воскресение и Светлая седмица) не было богослужения – пасхальной утрени, вечерни, святой литургии. Богослужения всей этой седмицы – это нечто самое прекрасное. Просто чувствую себя непрестанно на богослужении всю эту неделю. Я в каком-то восхищении, воодушевлении, радости... Это две антитезы, если сравнить Светлую седмицу с первой седмицей Великого поста. – (На второй день Святой Пасхи, 1962, в алтаре монастыря Челие, после святой литургии, устно.)

47. **Священнослужитель.** Священнослужитель ежедневно переживает всю тайну мироздания, выраженную в святой литургии, – переживает ее через свою священнослужительскую деятельность. Здесь всё: от Ангела до червя, от Адама до Страшного Суда; и грехопадение, и Голгофа, и Вифлеем, и Воскресение, и Вознесение, и обожение, и спасение, словом – Церковь, ее Богочеловеческая жизнь. Все от Бога до последнего человека, Страшный Суд; рай и ад. Нет никого более близкого, чем священнослужитель, к человеку, к миру, к Богу, к птице, к травинке, к муравью, к соловью – ко всей твари, где бы она ни была, видимой и невидимой; во всем и через все это ведет его Господь Иисус Христос Духом Святым, ибо все Им и для Него создано, и все в Нем, и Он во всем, а через Него и Им – и священник, и каждый христианин. Поэтому мы, христиане, и облекаемся во Христа – *облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа* (Рим.13:14; ср.: Гал.3:27); поэтому постоянно и воображаемся во образ Христов, *доколе не изобразится* (в нас) *Христос* (Гал.4:19). Усвоение Христу, преображение во Христе – вот наш непрестанный подвиг, который мы осуществляем через Святые Таинства и святые добродетели. О, как широк и глубок каждый христианин, он шире и глубже чего бы то ни было: он вмещает в себя небо и землю, он словно разливает себя по всему сущему. Воистину всецелый и совершенный Человек, заключающий в Себе всю тварь, – Богочеловек, Господь Иисус Христос. – (Монастырь Челие, 11.VII.1957)

48. Когда Ты, Господи, рядом со мной, тогда мысль претворяется в рай; и все естество мое возрастает в малого бога по благодати.

В ночь моего сердца Ты, Господи, вошел, подобно солнцу, подобно хору светил.

49. Святое Православие и поныне неустанно пишет Святое Евангелие

Спасителя и будет писать его вплоть до Страшного Суда. – (14.III.1964)

50. **Евангелие пишется непрестанно.** Каждая тварь как логосное творение непрестанно пишет Евангелие Слова Господа Иисуса Христа. Его пишет каждый цветок, каждая травинка, каждый мотылек, каждая птичка, а тем более человек – существо богоподобное, сообразное Христу.

Эту истину открывает в своем Евангелии святой Иоанн Богослов, благовествуя: *Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь* (Ин.21:25).

Из писем

1. Христообразное сердце мира[93]

И здесь люди трудятся, но трудятся без молитвы, и здесь мыслят, но не молитвой. Кажется, что все, сознательно или не сознательно, пытаются изменить данный Христом порядок церковной жизни, сотворить ее по своему образу и подобию, поставить свой образ на место образа Христова, занять место Христово. Все это, так или иначе, близко к разбойничеству; изгнали назначенного Христом эконома – молитву – из дома молитвы и судорожно протаскивают своих законническо-указных и научно-философских управителей, безблагодатных и немолитвенных. Страстно и благоговейно многие, очень многие, обожают «дух времени», воцаряют его на престоле ума своего, поклоняются ему как царю и богу, приносят себя ему в жертву всесожжения и мнят себя творящими службу Христу. Время у них – критерий Вечности, но никак не Вечность – критерий времени. Не чувствуют они, что время без Вечности – это самое ужасное метафизическое чудовище, вылепляющее из физического пространства уродливые фигуры жизни, замешивающее материю, как тесто, и ненасытно ее поглощающее и попирающее. А Христос? Досточудный Христос? Это притча, которую в бреду изрекли нетрезвые уста нашей опоенной трагизмом планеты, – так заявляет христоборческое гордоумие. Это самозваный кающийся Бог, заключенный в пять человеческих чувств, Который постоянно пребывал в мучительном бреду, взирая через свою пятерицу чувств на все ужасы жизни, на все вопиющее убожество человека и твари, – вторит ему в христоборческой какофонии хриплый, брюзжащий голос Европы, воздвигшей гонение на Христа.

А для меня, ничтожного и мизерного, Христос – это чудесное и прекрасное Все. Без Него вся жизнь была бы неоправданным ужасом; наша земля, солнце, все сущее казалось бы безумным экспериментом, неопровержимо свидетельствующим о банкротстве всего творения. Со Христом, Сладчайшим и Вселюбезнейшим, повсюду сияет благовестие, каждая тварь получает новое, благое сердце. В Нем, только в Нем, тайна физического и метафизического раскрывается через благовестие, становится благовестием; горькая тайна жизни соделывается сладкой; время венчается с Вечностью; пространство сливается с вечной безграничностью.

Дорогой мой, как сердце воздыхает и скорбит, когда Господа моего, Господа нашего разрушают, развоплощают, говоря, что Он несовременен и в Нем нет жизни. Нет вящей хулы, нежели эта; Он – современен, Он всегда

живет во времени и в вечности, Он дарует времени вечность, придает ему смысл; каждое Его движение, каждая Его мысль, и деяние, и чувство знаменуются и во времени, и в вечности; в Нем и через Него время возрастает в Вечность, срастается с Вечностью, приобретает свой конечный, заключительный смысл. Все христоборцы не суть в Вечности, не со-вечны, – в этом их трагедия и корень заблуждений; они ножницами греховного рационализма отсекли время от Вечности, провозгласили его самостоятельным организмом. Не впитывая своими корнями сок из сердца Вечности, время засыхает, воспаляется, солипсизируется и – умирает, и все христоборческое с ним. Не Христос несовременен, а христоборцы не со-вечны, – в этом мое чувство, в этом моя мысль и убеждение.

Дорогой мой, ради кроткого Христа, прости мне мое многословие. Я осмеливаюсь писать тебе много, потому что пишу частицу своего Символа (веры). Ты желаешь знать, чем живет твой друг, брат. Если бы я хотел подвести итог моей жизни в этом году, я точнее всего выразил бы его следующими словами: молитва – это моя жизнь и моя философия. Молиться, с молитвой приступать к каждому человеку, к каждой твари – в этом вся моя «социология». Созидать себя на молитве как на основании – к этому направлены все мои усилия. Голубиными ногами молитвы входить в каждую болящую тварь, в больную душу каждой твари – в этом все мое внутреннее желание.

Каждая тварь для меня – символ Бесконечного, символ Бескрайнего, ибо каждая тварь завершается бесконечностью, всякая конечная тварь одной своей ногой вступает в бесконечность. Нет ничего конечного, ничего собственно своего, все таинственно и бесконечно. Мне кажется, что всякая тварь сказует некую тайну Божию, тайну Слова. Необъяснимо, удивительно, но каждая моя мысль о какой бы то ни было твари как-то самопроизвольно заканчивается молитвой; неприметным образом каждая мысль переходит в молитву. Я чувствую и знаю, что могу мыслить о твари, но до-мыслить недомыслимую тайну твари – это не мое, не принадлежит мне; мысль моя изливается в молитву. Все так сложно, все так чудесно, каждая тварь имеет сердце, живое и воздыхающее сердце, и как мне тяжело, что я не омолитвил себя, чтобы приступить к каждой твари коленопреклоненно и испросить у нее молитв, чтобы проникнуться любовью к ее христообразному сердцу. Если бы не мой Сладчайший Иисус, я не имел бы точки опоры на этой планете и душа моя истощилась бы в безумии. Ясно мне, молитвенно ясно, что Христу было необходимо назвать Себя и Свою проповедь Евангелием – Благовестием. Поистине до Христа и без Христа весь мир до самого дна был отравлен горечью зла,

имя ему было горько-вестие; от Христа доныне и вовек мир проникается благовестием, сладостью, очищается от греха, становится безгрешным.

Дорогой мой Христос, Его близкое присутствие, Его любезнейшее Лицо – для меня самая первейшая необходимость. В непрестанной жажде Его – как не исчезнет душа в молитве? И могу ли я обращаться к Нему иначе, нежели через молитву? Кто я, чтобы философствовать о Нем?

2. Любодейство или самоотверженная любовь[94]

В наше время существует немного людей с живым ощущением истории. Обычно события оцениваются фрагментарно, вне их органической целостности. Эгоистическое ослепление, будь то индивидуального, национального или классового характера, заключает человеческий дух в беспросветные норы, где он мучается в своем собственном аду. Выхода оттуда нет, потому что нет человеколюбия. Европейцы быстро дегенерируют в людоедов, ибо своим самолюбием лишили себя живого чувства евангельской любви. Только евангельская, христообразная любовь побеждает все порождения человеческого эгоизма и себялюбия. Эта любовь всегда сопряжена с самопожертвованием. Не может человек выйти из своего адского солипсизма, если подвигом самоотверженной любви не перенесет душу свою в других людей, служа им по-евангельски преданно и искренно.

Меня всегда радует, когда среди интеллигентов я встречаю человеческое существо, обладающее здоровым чувствованием истории, не подверженным животным инстинктам. Простите за парадоксальное сравнение: оно полностью основано на моем опыте. Вы – очень приятное исключение. В Вас все человеческое восходит к своим светлым высотам...

3. Не дышать без молитвы[95]

Мой весьма дорогой отче Киприане. Самый лучший признак христианской дружбы – это вспоминать своего духовного приятеля в ежедневных молитвах. Я всегда имею Вас в грешных молитвах моих. Пусть это будет извинением за мое молчание. Кроме того, Вы по деликатности своей не указали обратного адреса в Вашем пасхальном поздравлении. Но я его все-таки узнал. К тому же этот год прошел у меня в написании лекций по догматике для IV и V класса семинарии. Вы знаете, какой это труд, особенно если писать на сербском языке, на котором нет литературы и в котором не разработана богословско-догматическая терминология. Если Бог даст, вспомоществуемый молитвами своих близких, в этом году я их закончу. В эту работу я вошел целиком, так что не мог выделить времени для занятий с другой литературой. Было у меня и желание, и намерение разобрать «Охридский Пролог» епископа Николая, Ваши «Молитвенные лилии» и «Умиления» епископа Николая, но не мог найти времени. Если Бог даст здравия, то как-нибудь и это сделаю.

Что касается моей внутренней жизни, то она пуста. Если и есть какое добро во мне, то оно от молитвенных моих братьев. Все более и более чувствую, что нужно как-нибудь положить конец такой компромиссной жизни, какую веду я, монах. Необходимо ради спасения души своей мне всему пойти – всему: всем существом, всем временем своим, всеми днями и ночами, – по пути монашеских подвигов, оставить мир и жить в монастыре. В этом сокровенное желание моей многогрешной души. Молитесь за меня Господу Иисусу Христу, любезный отче Киприане, чтобы дал мне Господь силу сделать это как можно скорее.

Эти летние каникулы я провел возле больной матери. Если Бог даст, послезавтра еду в Сремские Карловцы, поскольку занятия в семинарии начинаются с 1 сентября. В Карловцах мое утешение – русская церковка, и моя радость – милейший митрополит Антоний...

Меня весьма интересует Ваша жизнь в Святой Земле. Несомненно, там все напоминает о Сладчайшем Господе, все воскрыляет душу к небу. Там, конечно, и дышать нельзя без молитвы. Ваша миссия, сколько у Вас собратий? По какому уставу монастырская жизнь? Как переносите климат?

По-братски Вас прошу: пусть не пройдет ни одного дня, в который Вы не помянули бы меня в святых молитвах своих. Так же Вас прошу помолиться о моей больной матери – Анастасии.

Желая Вам от Господа духовной радости и неустанности в молитве, приветствует Вас братски и целует в Господе Иисусе Христе

Ваш многогрешный иеромонах Иустин.

Прошу Вас, передайте Высокопреосвященнейшему архиепископу Анастасию мой нижайший поклон и препоручите меня его пресвятым молитвам. Каждое известие от Вас будет для меня всегда приятным и утешительным.

4. Православная вера – наивысшее богатство[96]

Дорогая сестра. Самый большой богач пишет самой большой богачке: я – Вам. А неизмеримое и неистощимое наше богатство – это православная вера наша. Ею все небеса – наши, все Божьи миры – наши, а что драгоценнее всего: Сам Всесладчайший Господь Иисус Христос – наш, а с Ним наши все вечные блаженства и все вечные радости. Вот сегодня святым парастасом мы были на небе с Вашей дивной мамой, с ее неботканной и боголепной душой. Ибо с тех пор как Господь Иисус Христос на земле – нет пропасти между землей и небом, между Богом и человеком; соединено Божие с человеческим, небесное с земным, вечное с временным. Богочеловеческое Тело Христово – Церковь – и есть небоземной чертог, в котором живут вечной Богочеловеческой жизнью через правую, истинную, апостольскую, Богочеловеческую, святоотеческую православную веру в Господа Иисуса Христа. Нет мертвых в Церкви Христовой, все живые, причем – бессмертно живые; еще на земле бессмертны благодатью, а по преселении из этого в тот мир еще совершеннее, еще сильнее, еще неодолимее, еще бессмертнее бессмертны. Здесь, в Церкви, Ангелы живут среди людей, здесь радость встречается с Истиной, здесь время объемлется Вечностью, здесь вера сочетается с Бессмертием. И человек среди всех этих святынь причащается бессмертию и вечности, живя Святыми Христовыми Таинствами и святыми Христовыми добродетелями; кормчий у всех бессмертнее самого бессмертия – святая Православная апостольская и святоотеческая вера. Обогатиться ею в этом мире – это самое большое и нерасточимое богатство человеческого существа на небе и на земле. Молитвенно всей душой желаю, чтобы Вы обогатились этим неиссякаемым богатством...

Радостный раб Ваших святых молитв – отец Иустин

5. Кьеркегор и евангельское смиренномудрие[97]

Я должен начать по-монашески: падая перед Вами на колени, весьма дорогой мой друг, испрашиваю у Вас прощения. Преклоняю перед Вами колени всего сердца и всего существа... Окруженный неотложными делами, я не мог отыскать ни минуты, чтобы поблагодарить Вас за исключительно приятный для меня дар – первую серию Вашей библиотеки. Сегодня меня как бы захватило маленькое свободное мгновение времени, неукротимо стремящееся в Вашей душе преобразиться в малую вечность. И вот я к Вам обращаюсь с несколькими словами, а в них – со всецелой душой.

Прежде всего безмерно благодарю за подарок! Даже по художественной обработке книги у Вас интересны и привлекательны. Среди авторов меня больше всех заинтересовал Кьеркегор. Это тот «ницше», который поднялся на одинокий ледник покаяния и свою человекопоклонническую, европейскую мысль крестил, частично крестил, в чистых водах евангельского смирения. Только жаль, что свою мысль он не до конца крестил Христом. Если бы он был нашим современником, я решился бы направить ему письмо лишь с одним предложением, а именно – со словами святого философа Иоанна Златоуста: «Истина слепа без смиренномудрия». Болен был Кьеркегор, трагически болен эпидемической европейской болезнью – гордоумием.

С Вашей библиотекой Вы, дорогой М., вступили в многосторонний подвиг. И куда-то он Вас приведет? Не минуют Вас бездны человечности, а в них всегда – бездны вечности. И как то Вы их перейдете, мой дорогой молодой и – вечный друг? Несомненно, вечный. Прежде всего перед нами стоят вечные вопросы. А носитель вечных вопросов может ли быть невечным? Как редко кого из моих молодых друзей, я Вас, дорогой М., ощущаю как небоземное существо. Хотели Вы того или нет, но Вы больше с неба, чем от земли. Это должен почувствовать тот, а может быть, и чувствует постоянно, чья душа мучается и терзается небоземными проблемами. Человек, настоящий человек? – Он всегда окружен небоземными вопросами, но никогда лишь только земными и никогда лишь только небесными. А все небоземные вопросы, последовательно доведенные до конца, всегда приводят к Богочеловеку. А затем? – Только после этого перед нами возникает наш общий вопрос, святой вопрос, наша общая тайна, святая тайна – тайна богочеловечества человека. Этот вопрос мы совместно решаем, имея перед собой на земле чудесный Образ

исторического Богочеловека Христа. А на небе мы будем решать его мысленно, и слова мыслей наших будут подобны солнцу, всей вселенной. Вселенная? – Только одно слово в небоземной азбуке Богочеловека и в Нем – совершенного и завершенного человека...

Всех благ от Господа всякого блага желает Вам всей душой о. архим. Иустин.

6. Образ истинного священника[98]

Любезный отче. Радость тебе от Господа! Радость в каждой скорби, в каждой напасти, в каждой смерти Его ради. Ибо в этом печальном мире нет истинной радости вне Его. Сколько же раз, без всякого сомнения, Ои, Всемилостивый, сходил в самый мой ад и исторгал меня из самой страшной смерти моей, из моего умирания. Это, наверное, Он и для тебя много раз делал. И разливал чудесную радость по душе моей и твоей. Так всегда и всюду в человеческом мире Он успевает на помощь к нам и приходит к нам со Своей Божественной истиной, Божественной правдой, Божественной радостью. И кто тогда богаче нас! Воистину мы всегда с пресветлым апостолом *ничего не имеем, но всем обладаем.* Несомненно, обладаем всем, если имеем Господа Иисуса Христа. Поэтому мы в этом малом и тесном мире всегда имеем добрую волю: с нею мы в мучениях, в напастях, в гонениях, в страданиях и во всех смертях, ибо над всем этим и во всем этом чудесный и благий Господь шествует от сердца моего до сердца твоего и приходит в сердце каждого страдальца. Кто имеет очи видеть, тот всегда видит; кто имеет уши слышать, тот всегда слышит. Нет такой моей скорби, такой болезни, такой смерти, которые бы человеколюбивый Господь не взял всемилостивно на Себя. Точно также и у тебя. Это ты должен был почувствовать.

По твоему письму разлита какая-то печаль, которая как бы тонкими струйками преисполняется отчаянием. А отчаяние? Это самый большой враг человека на земле. Ибо он самый сильный: совсем легко свергнуть душу человеческую в смерть. А когда душа в человеке умирает, зачем ему тогда весь мир, вся вселенная? Тогда вся вселенная превращается в смердящее гноище и человек в мучениях становится близнецом диаволу и ангелам его. Нет! Нет места отчаянию у христианина на земле, ибо когда Господь сошел в мир сей и Церковью весь остался в нем, – как тогда можно уступить место отчаянию в душе своей? Ведь весь Господь здесь, рядом с нами, посреди нас! Только возопий к Нему и, смотри – ты уже весь в Его объятиях. И кто тебя тогда может изъять из руки Его – какой враг, какой человек, какой диавол, какой ад? Да ни одна сила, никакая сила зла не может отлучить нас от Его любви. Им мы всегда сильнее всякого зла, всякого греха, всякого ада, всякого демона и всех их вместе взятых. Вся мудрость христианина заключается в следующем: держаться непрестанно за Господа Иисуса Христа, держаться молитвой, держаться постом, держаться милостыней, держаться любовью, держаться

кротостью, держаться смирением, держаться терпением, держаться покаянием, держаться Святым Причащением, держаться святой исповедью, – всем этим держаться за Него, неизменного, ничем и никем не заменимого Бога и Господа – каждым Святым Таинством и каждым святым богоугодным делом. И что тогда? – Тогда над всеми смертями, над всеми мучениями ты всегда восторжествуешь радостью: радостью веры, радостью спасения...

Истинного священника не могут соблазнить ни худые священники, ни худые архиереи. Он всегда смотрит выше их, всегда взирает на святых священников и святых архиереев: взирает на святого Златоуста, святого Савву, святого диакона Аввакума и на несметный сонм других святых. И к ним он простирается всей душой, ими воодушевляется, ими руководится. А они? Все они и поныне живут в Церкви, как и вчера, как и тысячу лет тому назад. Живы все святые апостолы, живы все святые мученики, живы все святые отцы, святые исповедники, и они каждодневно сослужат на святой литургии и нам, недостойным священнослужителям Божиим. Разве не сильнее мы тогда всякой смерти, всякого зла, всякого греха? И можем ли мы иметь оправдание отчаянию, если мы в священническом звании? Ведь и ангельское служение не выше служения священнического! Священник наделен божественной властью над раем и адом, над смертью и жизнью, над бессмертием и вечностью. А ты, дорогой мой, как бы вдруг усомнился в этом и поник духом. Эх, горе ты мое! Ведь никто в роде человеческом не имеет того, что имеет священник Христов. Главное – верою, молитвою и любовью припади к Чудесному Господу, Господу Сладчайшему, и все смерти побегут от тебя, а тем более отчаяние и его исчадия.

Всякого тебе блага от Господа желает, препоручаясь *твоим святым молитвам, твой отец Иустин.*

7. Благодать священства[99]

Предрагое мое во Христе чадо. Благословен Господь! Господь, возвращающий в тебе ангельскую благодать. Началось все с малого, а сейчас возрастает из благодати в благодать. Благодать священства? – Огромная, над-ангельская: каждый священник по своему призванию чудотворец. Самое великое чудо на земле – святая литургия; ее священнодействует, чино-совершает православный священник; Бог снова воплощается; причастники принимают в себя всецелого Бога. А священник, что он здесь дает от себя? – Чистую душу: душу, очищенную от грехов и страстей, святые подвиги евангельских добродетелей; веры, молитвы, поста, любви, милосердия... Поэтому священнику никогда не достаточно ни веры, ни молитвы, ни поста, ни милости, ни Истины, ни Правды, ни Любви, ни Жизни. Разумеется, во всем этом его ведет и путеводит вера; она – сердце каждой евангельской добродетели.

А Господь? «Господь творит все, чего желает вера», – говорит святой Исаак Сирин. Вера, возращенная и умноженная через все остальные святые добродетели, – вот то, что мы должны дать от себя, если Хотим спасения своей души. Поэтому священнику всегда необходимо быть стражем над собой, очищая себя постоянно от всякой страсти, от каждого нечистого помысла, от любого непристойного чувства. Наилучший воспитатель в этом деле – молитвенное правило перед Святым Причащением. Оно прежде всего требует трепетного молитвенного настроения и произволения, которое ты, дорогой мой сынко, имеешь в доброй мере. Оно так и светит из двух твоих последних писем, особенно из того, что написано после рукоположения; оно пришло вчера. Ты это блюди и возращай в себе, ибо без этого нет преуспеяния в духовной жизни. Надобно нам каждый день исполнять то святое апостольское благовестие и заповедь: *Со страхом и трепетом совершайте свое спасение* (Флп.2:12).

Препоручаясь твоим святым молитвам, всех благ тебе *от Господа желает – твой отец Иустин*.

8. Загадочная притча Спасителя[100]

Предрагий мой в Господе брат. От Господа Вам здравие и спасение, здравие для как можно более ревностного служения Господу, в Котором мы имеем спасение души и тела при всеобщем воскресении. Поистине, служа Господу, мы в конечном счете служим себе, вечному и бессмертному в себе, богоподобному и святому в себе, и так побеждаем всякий грех, всякое зло, всякий ад. Господу мы служим, служа нашим ближним, служа тому, что в них божественно и свято – любя их и ненавидя их грех, их зло. И так мы исполняем две самые главные заповеди Господни, на коих зиждется и от коих зависит весь закон Божий в человечестве, – заповеди о любви к Богу и ближнему. Ибо, по учению святых Божиих угодников, мы спасаемся Богом через ближних.

Ваше дорогое письмо я получил в светлый день Рождества Христова – воистину ангельская радость для меня. Сейчас мне понятно Ваше долгое молчание. Вы боролись за душу свою и за души ближних своих. Не удивительно, что Вы понесли достаточно скорбей и ран. Но Вы богомудро использовали их для своего спасения. И тем послужили, по-евангельски послужили своим ближним, а через них и себе самому. Нет сомнений, Вы сказали небо-земную истину: «Сребролюбие – это душегубство».

У Вас было богоугодное намерение помочь некоторым нашим святыням и Челиям в том числе. Но не удалось. Прошу Вас, не жалейте об этом. Бог и желание принимает, как самое дело, Он «и намерение целует». Вы и без того столько помогли нашей скромной обители, что все мы долго будем помнить эту Вашу духовную жертву! Главное – Ваша святая, евангельская любовь к нам, *она никогда не перестает:* ни на земле, ни на небе. А это Вам великий дар от Бога, богатство неиссякаемое и неистощимое, постоянно возрастающее.

В сотый раз сопереживаю, мой милый брат, Ваши святые переживания в святом Хиландаре. Поистине Пресвятая Богородица удостоила Вас одной из величайших радостей, которую свято-саввский серб может испытать в этом мире. Это, несомненно, Ее исключительная милость к Вам. Доказательство? – Доказательство – это то, что в Вашей христолюбивой душе загорелось богоугодное желание «как можно скорее присоединиться к нашим святым хиландарским старцам». Дай Бог, чтобы это Ваше желание скоро осуществилось по милости Пресвятой Богородицы и по молитвам святого Саввы, и святого Симеона, и всех наших святых хиландарцев!..

А теперь несколько слов о загадочной притче Спасителя: Лк.16:1–12. Вас смущает 9-й стих. Человек богатый – это Бог; «управитель» (эконом, пристав, надсмотрщик) – человек, каждый человек; человек – управитель в Божьем имении, на самом деле он не имеет ничего своего: мир вокруг него – это Божье имение, да и душа с телом даны ему от Бога. Вся обязанность пристава состоит в том, чтобы мудро управлять этим Божьим имением. Бог как Господин и Владетель делает расчет, требует отчета: «Дай отчет в управлении твоем», т. е. как ты управлял своим телом и душой, как относился к другим людям и к миру вообще, как ты распоряжался в доме своего тела и своей души, как ты относился к душам других людей. Управитель сознает то, что Бог – Господин – может в любой момент отнять у него «управление» домом (т. е. так или иначе, отнимет у него управление домом тела и домом души в час смерти). Управитель также знает и то, что и другие люди суть должники Божии, должники «Господина» – Бога (ст. 5); должники и душой, и телом, и всем тем, что они делают с душой и телом, особенно грехами. Особенно грехами своими люди становятся должниками Богу, они не должны управителю, ибо грех в первую очередь есть грех пред Богом, Он один может за грехи *и душу и тело погубить в геенне* (Мф.10:28). И что же делает управитель? – Он призывает «должников Господина своего» и списывает их грехи, прощает их грехи (ст. 5–7); однако только Бог имеет право прощать грехи, ибо лишь Он в состоянии отпускать грехи, т. е. стирать, выглаживать, уничтожать их. Списывая грехи (т. е. долги) должников Божиих, управитель творит неправду, творит то, на что не имеет права. Этим он становится «неправедным пред Господом, ибо восхищает Божие право. Вук (Караджич. – *Примеч. пер.*) неправильно перевел «неверный»; τῆς ἀδικίας значит «неправедный». Господин хвалит «управителя неправедного, что догадливо поступил» (ст. 8), – хвалит его за прощение грехов другим людям, за то, что управитель не осуждает их за грехи, но покрывает их грехи снисходительным прощением и смиренной любовью. Спаситель заповедует всем нам: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (ст. 9). Живя на земле, люди своими евангельскими, богоугодными делами созидают себе вечные обители на небе, что ясно видно из 2Кор.5:1–4. В житии святого апостола Фомы ясно показано, что люди своей милостыней на земле устрояют себе величественные палаты на небе. А в житии преподобного Василия Нового (26 марта) мы видим, что преподобная Феодора, служившая преподобному Василию на земле как угоднику Божию, и сама после смерти награждена Богом тем, что по молитвам

преподобного Василия Нового Господь поселяет ее в роскошных чертогах, которые преподобный Василий Новый построил себе на небе своими земными подвигами.

Вот и все о притче. Не знаю, дорогой брат мой, удовлетворит ли это Вас хотя бы в малейшей степени.

Всех непреходящих времен от Господа всякого блага *молитвенно Вам желает и обнимает Вас в Господе, препоручаясь Вашим святым молитвам, Ваш брат и о. Иустин.*

9. Святая печаль по усопшим[101]

Дорогой Михаил, Вы поставили мне серьезный евангельский вопрос, каждой своей стороной устремляющийся в вечность. А вечность страшна без Богочеловечности, ибо человек без Богочеловека – это страшилище. Все человеческое имеет свое конечное и логосное (словесное) объяснение только в Богочеловеке. Без Чудесного Господа Иисуса Христа все человеческое неминуемо превращается в хаос, в ужас, в смерть, в ад: ум – в безумие, чувство – в отчаяние, воля – в саморасточение через самообожение или самопрезрение.

«Печаль человека по его умершим»? – Совсем естественна, ибо жизнь от Бога, а смерть от диавола. Человеку, имеющему богоподобную душу, влекущую его бесчисленными путями к Богу, к Божьему бессмертию и вечности, смерть всегда и везде – «последний враг». Этого врага мог уничтожить и действительно уничтожил Богочеловек Христос Своим Воскресением. И нашу исконную, изначальную печаль обратил в радость – в радость, которую у нас никто отнять не может: никто из людей, никто из Ангелов, никто из бесов, да и сам диавол. А в эту радость каждого человека, кто бы он ни был, вводит лишь вера в воскресшего и вечноживого Богочеловека.

Эта вера вселяет в человека чувство и чувственное познание того, что смерть побеждена во всей вселенной и человеческому естеству уготована вечная жизнь с Чудесным Господом Иисусом Христом и в ней – вечная радость. Поэтому христиане не скорбят о своих усопших, как *прочие, не имеющие надежды*. Наша скорбь постепенно переходит в молитвенную печаль и радость: печаль временного расставания, радость вечной жизни.

Вера в воскресшего Господа освящает все человеческое, все – кроме греха. Освящает его мысли, его чувства, его намерения и самые дела, а что самое главное – освящает его ум, его сердце, его волю. И наша печаль по усопшим также освящается и становится святой. А святая печаль живет и дышит молитвой. Поэтому нужно больше, как можно больше и всегда только больше молиться воскресшему Господу!

Верою в Воскресшего и наш плач преображается в святой плач, и наши слезы – в святые слезы, и наши воздыхания – в святые воздыхания. «Дар слез» преподается лишь мужественным и боголюбивым подвижникам. Они плачут, с надеждой плачут и над собой, и над каждой тварью, живо ощущая присутствие греха в нашем человеческом мире. Но они не боятся греха, всегда побеждая его Безгрешным; не боятся смерти,

всегда побеждая ее Бессмертным; не боятся диавола, всегда побеждая его Богом.

Христос воскресе! Какую только радость не принес Он человеку? Какую только смерть не попрал? Какого только демона не победил? Поэтому подобает скорбящей человеческой душе предать себя, особенно когда смерть нападает со всех сторон, Единому Утешителю, благовествующему: *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте* (Ин.14:1). – И через краткое время человеческое сердце исполняется чувством и сознанием своего личного бессмертия и вечности в Богочеловеке и с Богочеловеком – и вместе с апостолом Божественной любви уверенно, радостно и восхищенно возглашает; *Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь* (1Ин.3:14). Поэтому для нас, христиан, нет смерти, но везде и всюду бесконечная и вечная жизнь.

Итак, нет ни одного истинного человеческого вопроса, который человек мог бы решить сам, без Богочеловека, ибо человек и создан для того, чтобы быть богочеловеком.

От Благого Господа всякое Вам утешение и всякая непреходящая радость.

Ваш о. Иустин

P.S.: Скоро вышлю Вам свою книгу о «вечных вопросах».

10. Будущему монаху о соединении ума с молитвой и о Всеправославном Соборе[102]

Дорогое чадо. Ваше письмо – воистину благовестие для меня! Самый главный вопрос своего существа Вы решили поистине самым совершенным образом, совершеннее которого нет ни на небе, ни на земле. Решая его, Вы смотрели на себя с неба и увидели себя – небесным, вечным, бессмертным, а внутри себя – богоподобную и богоустремленную сущность своего небоземного естества. И этим Вы обрадовали весь небесный мир, с любовью бдящий над каждым человеческим существом на земле. По моему чувству, чувству всеобъемлющему, для Вас сейчас основное и самое главное – соединить ум с молитвой: так, чтобы каждая мысль сама собой выливалась в молитву, заканчивалась молитвой. Из ума, соединенного и сраствореного с молитвой, как из чистого и светлого источника всегда будут исходить и изливаться чистые и святые мысли: он будет мыслить Богом, Христом. Для христолюбивого труженика уже на земле достижим идеал: каждую мысль закончить и совершить Богом, Господом Иисусом Христом – Богочеловеком. С этой целью нужно вначале молиться по четкам короткими молитвами, как то: 1) Господи Всеблагий, омолитви меня, грешного; 2) Господи Всемилостивый, научи меня молиться; 3) Господи, дай мне молитвой взирать на мир. Такие и подобные им молитвы нужно воссылать к Пресвятой Богородице, к великим святым, особенно к святому Златоусту. Особенно часто нужно молиться той молитвой, которая прилепится к сердцу или согреет его. Пока все.

Вы поставили передо мною многие вопросы; о них можно написать целые книги, поэтому буду краток. 1) Отношение к неправославному христианству. Прежде всего утвердить себя умом, и сердцем, и жизнью в Православии, в его Святых Таинствах и святых добродетелях – этим сделать соборным всего себя: свой ум, свое сердце, свою жизнь; жить постоянно «со всеми святыми», ибо только так можно познать Богочеловеческие глубины, и высоты, и широты всего, что Христово: жить «со всеми святыми» мыслить «со всеми святыми» чувствовать «со всеми святыми» молиться «со всеми святыми» любить «со всеми святыми». Только так достигается святое и непогрешимое мерило Истины Церкви Христовой, которая всегда есть Ипостасная Истина Богочеловека Христа, никого и ничего другого, – *полнота Наполняющего все во всем* (Еф.1:23).

2) Как сербские богословы думают о Всеправославном Соборе? Знали

бы мы, если бы они сказали, что думают. Вы справедливо упоминаете Гранича. В исторической ретроспективе, от Карагеоргия до наших дней, об этом говорилось мало или вообще ничего. В действительности для «Всеправославного Собора» необходимы долгие и долгие приготовления. Такой Собор мог бы вытекать, органически и преемственно, из Всеправославного Предания святых апостолов и святых отцов – как Богочеловеческий поток Богочеловеческой Всеистины, которая начинается с Господа Иисуса Христа и Духом Святым, через святых апостолов и святых отцов, живет Церковью чрез все века из рода в род, живет и поныне, и будет жить отныне до Страшного Суда. Конкретно: в нынешнем анархическом отрезке времени онтологически, исторически и географически невозможно состояться Всеправославному Собору. Для нашего поколения это может быть только молитвенным желанием, причем богомудрым молитвенным желанием[103].

«Экуменизмы» вошли в моду. Но при этом, как мне кажется, упускается из виду самое существенное: экуменизм (вселенскость) Богочеловеческой истины – это сердце Богочеловеческой Православной вселенскости, которая всегда есть Ипостась Богочеловека Христа и в ее космической, и всекосмической, и над-космической и всеобъемлющей целостности, и в земной исторической конкретности. Никогда ни человек, ни что-либо человеческое не может быть ни мерилом, ни символом, ни сущностью вселенскости (экуменизма). Им может быть только Богочеловек. Вся трагедия Запада в том, что он через свои разнообразные «хоминизмы» (от «homo» – «человек») и гуманизмы отверг Христово Богочеловечество...

А пока: Христос родился! На земле родился как Богочеловек, чтобы нас Своим Святым Евангелием возвести на небо и научить нас, людей, на земле жить небом и Богом, небесной Истиной и Правдой, вообразованной навсегда в досточудной и незаменимой Личности Богочеловека Христа, воистину Единого Истинного Бога и Единого Истинного Человека во всем мире, видимом и невидимом, где только движется человеческая мысль, где только живет человеческое чувство и где только стоит на страже человеческая совесть.

Этого Вам как Рождественского подарка от Всемилостивого Богомладенца всем сердцем молитвенно желает и посылает радостные Рождественские поздравления.

Ваш о. Иустин

11. Святость Камю без Бога[104]

Предрагое мое в Господе чадо. Какая радость быть человеком. Она познается, как только человек почувствует другого человека Христом, ибо всегда ощутит его как собрата, причем как вечного собрата, собрата с богоподобным естеством. А это радость, непреходящая радость – разве не так? И эта радость выражена в Вечном Евангелии Спасителя, в том восторженном клике святого апостола: *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Флп.4:4). – Господь Иисус Христос, Богочеловек – единственная истинная и непреходящая радость рода человеческого в этом мире, а в Нем и Им каждый человек становится другому человеку первой после Христа истинной и непреходящей радостью. Если бы Евангелие Христово о человеке можно было бы свести к нескольким словам, они бы могли гласить: человек есть радость человеку – Богочеловеком.

Эти мысли нахлынули на меня, когда я сел написать ответ на Ваше письмо от 4.1.1965. Особенно когда я почувствовал всю остроту антитезы между богомудрой молитвой Вашего деда[105] и до уродства искаженным желанием Камю – без Бога стать святым. – На самом деле, как только человек прозрит духовно, он очень быстро убеждается в том, что в этом мире существуют две самые главные реальности – Бог и человек. Что есть человек перед Богом? – Человек начинает быть самим собой только молитвой. Молитва – это признак того, что в человеке зачался истинный человек: человек бессмертный и вечный. Когда это случилось с крайне анархичным и сатанински христоборческим Савлом, Господь является святому апостолу Анании и говорит ему: *Встань и пойди на улицу, так называемую прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла; он теперь молится* (Деян.9:11). – Если бы Камю шире и глубже постиг трагедию человека без Богочеловека, то нашел бы в себе смирение возопить молитвою к Богу, хотя бы и неведомому. Святой Златоуст словесно выразил свой и всех святых богомудрых мужей опыт, когда произнес это благовестие: «Смиренномудрие – это основа нашей философии», нашей христианской философии, философии по Христу Богочеловеку, вопреки всем философиям «по человеку». Конечно, это значит: каждую мысль свою нужно довести до Бога, совершить и устроить Богом. Это ее естественный рост и возрастание в совершенство. Каждое уклонение мысли от Бога или против Бога неминуемо уводит ее в безысходность, в отчаяние, в сатанинский солипсизм.

Человек, каждый человек, будь то Камю или Ницше, Сартр или

Хайдеггер, если он не связывает свою мысль с Богом, – беспомощно задыхается в своем ядовитом солипсизме (самозамкнутости). Наподобие сатаны. Ибо что есть сатана? – Мысль, дух, полностью отринувший, отделивший себя от Бога. А чем мысль связывается с Богом? Смирением. А язык смирения – молитва. И мысль мученически возопиет: Господи, заверши меня Тобою! Устрой меня Тобою! Без Тебя я – мертвец, постоянно умирающий и никак не могущий умереть. – Смиренномудрие, что это? – Ум мой, ум человеческий всегда незакончен, несовершен без Бога, Который есть Вечный Ум. Это в действительности святая тайна праздника Сошествия Святого Духа: дух человеческий нужно совершить и достроить Духом Святым, чтобы он освятился, просветился, обожился Духом Святым. Эта святая тайна непрестанно совершается в Церкви Христовой, поэтому Церковь – это поистине непрестанный Духов День. Эту святую истину благовествует нам и первое блаженство, первая святая евангельская добродетель – смирение. Вопреки первородному и всеобъемлющему греху – гордости. От святого Духова Дня в Церкви Христовой каждая богоподобная душа – это купина несгораемая: постоянно горит и пламенеет к Богу и Богом – в ней и над ней всегда пламенный язык...

Простите меня за это многословие. Но Вы вдумчивый юноша и поймете. «Слово Божие не вяжется» – не так ли? А мысль еще меньше. А Бог меньше всего.

Предлагаете выслать мне новейшие решения Ватиканского собора. Буду Вам весьма признателен. Через них, несомненно, говорит вся Западная Европа, хотела ли она того или нет. Папизм – это, без сомнений, источник и пристанище всех ее истин. В нем и ее modus vivendi[106] и ее modus cognoscendi![107]

От Бога Вам всех благ – и небесных и земных! Пусть не прилепляется к Вашей душе ничто «человеческое – слишком человеческое»![108]

Свято Вас приветствую и обнимаю в Господе.

Архим. Иустин

12. Философия по Христу[109]

Предрагое мне в Господе чадо Григорие. Всякого тебе блага от Господа всяческих благ! А в нашем человеческом мире всякое благо человеку – от Богочеловека, от веры в Него. Отсюда благовестие всех благовестий: *Все, что не по вере, грех* (Рим.14:23), то есть все, что не от Богочеловека и не по Богочеловеку – грех. Человек и сотворен христообразным, чтобы с помощью этого христообразия и на основе этого христообразия своей христообразной свободой привести себя «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (полноты Христовой). А все это бывает, все это происходит в бессмертно живом и животворящем Богочеловеческом Теле Христовом – Церкви. Только в ней и ею человек переживает христообразную полноту своего существа (см.: Еф.4:1–32). В Богочеловеке человек постепенно обогочеловечивается с помощью святых таинств и святых добродетелей и всем существом переживает евангельскую истину: Богочеловек – это ценность, все-ценность всех существ и вещей, видимых и невидимых; Богочеловек – это мера, все-мера всех видимых и невидимых существ и вещей.

Чадо мое милое, почему я тебе это пишу? – Потому что ты – философ. А во всех философиях всех времен основная проблема – это гносеология. Богочеловек и здесь творит все новое. «Философия по Христу» отвечает по-богочеловечески совершенно на все основные вопросы всех философий всех времен. Истина? – Он: Его Богочеловеческая Личность. Мерило Он; Значимость, ценность всего Он; Благо Он; Красота Он; Вечная Жизнь - Он; Все совершенное и все совершенства Он. Ибо Он – Единый Истинный Бог в человеке, в человеческом теле, а тем самым – Единый Истинный Человек во всей вселенной. И мы верой в Него, жизнью в Нем сопереживаем благодатную богочеловеческую полноту своего человеческого существа, поэтому и раздается громогласное благовестие величайшего громовержца всей вселенной: *А мы имеем ум Христов* (1Кор.2:16). В действительности христианство – это не «теология» в философском, «научном» смысле, а новая жизнь, жизнь Богочеловеческая: человек всей душой, всем сердцем, всем умом, всею крепостью переносит себя в Бога: святой любовью и другими святыми добродетелями. Прежде всего святой молитвой. Ибо «любовь – от молитвы». Это святое благовестие принадлежит православному философу, стяжавшему опытное знание, – святому Исааку Сирину. Поэтому для нас, христиан, молитва является первейшим и самым необходимым

богоугодным делом. Она вводит нас во все святые добродетели: она их в нас насаждает, она и совершенствует, делает их бессмертными и вечными. Отсюда евангельская заповедь и благовестие: *Непрестанно молитесь* (1Фес.5:17). Омолитвить себя, омолитвить весь ум, всю душу, все сердце, всю волю, – пусть это будет нашим каждодневным подвигом. «Молитва – это регент в хоре добродетелей», – таково благовестие святых отцов. Святая молитва исправляет и освящает в нас каждую добродетель, стремясь довести ее до конечного совершенства. Поэтому истинному христианину всегда недостает молитвы. Пусть сердце бдит и когда тело спит... Когда ум полностью соединится с молитвой, в нем наступает вечная весна. Молитва – вечная весна ума. Молитва – вечная весна и души, и сердца, и воли. Молитва изгоняет из человека зиму греха, зиму страстей, зиму всякого сладкого самообмана, сладкой прелести и воцаряет в нем непреходящую райскую весну Вечной Истины Христовой, Истины Богочеловека, Истины Человека...

В этом земном потерянном рае, желая тебе, чадо мое милое, *всех вечных радостей от Господа всех радостей, сердечно тебя приветствует и обнимает в Господе твой отец Иустин.*

13. Превращение дня в святые четки[110]

Предрагое мое во Христе чадо. Завтра Прощеное воскресенье. И птицы в лесу просят друг у друга прощения, – так говорили наши отцы и так передали нам евангельское и апостольское Предание. Несомненно, евангельское и апостольское. И так Святое Православие и поныне неустанно пишет Евангелие Спасителя, пишет и будет писать его вплоть до Страшного Суда. Простите мне, дорогое мое чадо, за все, чем в жизни согрешил я против неба и земли, против каждой птички и каждой травинки, ибо ад каждого греха моего страшен и ужасен для каждой Божией твари. А каждая тварь безгрешна, ибо в сущности своей причастна Слову (логосна). Поэтому всякая тварь воздыхает и скорбит с нами и из-за нас; скорбит и скорбью своей обличает нас как убийц, совершивших и совершающих непрестанно избиение безгрешных Божьих тварей, введших в земной мир трех ненасытных мучителей: грех, смерть и диавола, а с ними и за ними – ад.

Благо Вашей душе, что Господь удостоил Вас поклониться святым мощам святого Златоуста. Прошу Вас, положите за меня три поклона перед ним с молитвой: «Пресвятый отче Златоусте, помози всегрешному чаду твоему – архимандриту Иустину – и прости его!» Как блаженно каждое чувство во мне, когда я молитвенно простираю его перед чудесным и милым святым Златоустом! А мысль? О, она сразу же расцветает райским цветом и вся благоухает бессмертием и вечной жизнью. Сладко душе молиться: «О, любезный отче Златоусте, удостой меня сегодня чувствовать тобою!» И день мой превращается в святой день, и дни мои – в святые четки, которые в слезной молитве сказуют ему мои болезни и скорби, мои каждодневные умирания и воскресения. Воззреть на себя святым Златоустом, увидеть все язвы души своей, язвы, подобные безднам, – это смерть для всех смертей, живущих в них. Это смерть и для самого изобретателя смерти – сатаны. Так человек постепенно превращается в благовестие Божие, в благовестие, которому Херувимы благоговейно поклоняются в Лице Пресвятой и Всечудесной Богоматери. И человек постепенно переживает православную антроподицею...

Всякого блага, и всего лучшего, и всего самого наилучшего *желает Вам от Господа всей душой Ваш отец Иустин.*

14. Жизнь преображать в жизнь во Христе[111]

Предрагое мое в Господе чадо. Пусть будет под вечным благословением Спасителя и твоя совесть, и твоя душа, и твой ум, и твое сердце, и все, что в них бывает и с ними происходит. Словом, всецелое существо твое и вся твоя жизнь. Ибо для чего мы, люди, на земле? Мы, самые загадочные существа из всех творений. Для чего? – Чтобы соделать себя христоносными и христоподобными. Чтобы стал нам досточудный Господь Иисус Христос все и вся и в душе, и в теле, и в совести, и в воле, и в каждом проявлении нашего человеческого существа, жаждущего Христа. Оно жаждет Христа, ибо Богом сотворено по образу Христа. Наша вечность и богочеловечность еще здесь на земле – в каждое мгновение устремляться, простираться к Сладчайшему Господу через святые добродетели. Прежде всего и больше всего через молитву. Ибо вера – путеводит, молитва руководит и возращает все святые добродетели, преображая их в бессмертную и всеобъемлющую добродетель – любовь ко Христу. Каждую мысль, каждое воззрение преобразить в мысль во Христе, в воззрение во Христе, чтобы для нас Всеблагий и Всебогатый Господь всегда был все и вся во всем нашем, чтобы в нас не было ничего нашего, но все было Его, или же чтобы все наше было нашим через Него и Им. А это значит: своей жизнью на земле непрестанно переживать себя как бессмертное и вечное христоподобное существо. Для всего этого у нас есть бесчисленное множество богочеловеческих средств в Пресвятой Всетайне Спасителя – Церкви. Потому Церковь и есть Тело Его, чтобы каждый из нас и все в нас управлялось и оживлялось Главою Церкви – Им Самим, Господом Всечудным. Этого всем Вам молитвенно от всей души желаю, наперед радуясь Вашим подвигам, ожидающим Вас в нашей Церкви.

Наше призвание: непрестанно трудиться в святых богоугодных делах и через их посредство каждую свою мысль преображать в мысль во Христе, каждое чувство – в чувство во Христе, каждое желание – в желание во Христе. Одним словом, всю жизнь денно и нощно преображать в жизнь во Христе. Так мы во всех бранях устоим и навсегда останемся всепобеждающими победителями. И врата адовы не одолеют нас. А для всего этого нам нужно одно – решимость воли. Пусть она прежде всего проникнется жаждой Христа, любовью ко Христу, и не будет для нас ничего невозможного: каждый апостольский подвиг будет нашим, каждая бессмертная добродетель будет нашей. И никто и ничто не разлучит нас от

любви Христовой. А когда мы в любви Христовой, ею носимы и хранимы, что тогда могут сделать нам люди, какой бы то ни было человек, что могут сделать страсти, что – искушения, что – и сами демоны? Ничего, ничего, ничего! Ибо все победы – наши на земле и на небе, когда мы Христовы. А принадлежим мы Ему тогда, когда непрестанно живем Им через Святые Таинства и святые добродетели. Это наше непобедимое «всеоружие Божие». Им мы каждый день будем совершать избиение «духов злобы поднебесных» – бесов. Ибо во всем побеждаем Тем, Который один нас любит бессмертной и вечной любовью. Каждодневная действительность: христолюбивой душе Предивный Господь дарует все победы, бессмертные и вечные. И из этого проистекает каждая наша победа над грехами, над страстями, над искушениями.

О, чадо мое милое и все мои любезные чада, простите мне, всегрешному, что осмеливаюсь учить Вас... Тебя и всех Вас нераздельно, бессмертно обнимаю в Господе с любовью, которая никогда не перестает.

15. Богочеловеческое развитие (эволюция)[112]

Предрагое мое чадо в Господе. Ты желаешь, чтобы я тебе сказал, какими вопросами занимается «Богословский кружок». Вот они: можно ли научное понимание эволюции мира примирить с основанным на Божественном Откровении православным чувством и сознанием? Как об этом говорили святые отцы? Есть ли вообще нужда в таком примирении?

Коротко. Новозаветная антропология неразрывна с ветхозаветной. Все благовестие Ветхого Завета: человек – образ Божий; все Евангелие Нового Завета: Богочеловек – образ человека. Небесное, божественное, бессмертное, вечное, неизменное человеческое в человеке – это образ Божий: богообразие. Это богообразие человеческого существа обезображено добровольным человеческим грехом, его союзом с диаволом через грех и его последствие – смерть. Бог потому и стал человеком, «да Свой паки обновит образ, истлевший страстьми». Бог потому и стал человеком, и остался в человеческом мире как Богочеловек, как Церковь, чтобы дать человеку – образу Божию – все необходимые средства: Святые Таинства и святые добродетели, с помощью которых обезображенный и в то же время богообразный человек в Богочеловеческом Теле Церкви возрастал бы *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (-полноты Христовой). – Вот богочеловеческое развитие (эволюция) человека, вот богочеловеческая антропология. Цель богообразного человеческого существа: постепенно стать «совершенным, как Бог» Отец, стать «богом по благодати», богочеловеком по благодати, достигнуть обожения, обогочеловечения, сраствoрения со Христом, отроичения. Святые отцы говорят: «Бог становится человеком, чтобы человек стал Богом».

Между тем так называемые «научные» антропологии вообще не признают богообразия человеческого существа. Они тем самым наперед отрицают богочеловеческое развитие этого существа. Если человек – не образ Божий, то Богочеловек и Его Святое Евангелие неестественны для такого человека, тогда они неосуществимы и носят лишь механический характер. Тогда Богочеловек Христос – это как бы современный робот, творящий роботов, тогда Богочеловек – насильник, ибо насильно хочет создать из человека существо, «совершенное, как Бог». На самом деле это и есть законническая утопия, иллюзия, неосуществимый «идеал». В конце концов, это легенда, сказка. И еще: если человек не богоподобное существо, тогда и Сам Богочеловек не нужен. Ибо научные эволюции не

признают ни греха, ни Спасителя от греха. В этом земном мире «эволюции» все естественно и нет места греху. Поэтому и излишне говорить о Спасителе и спасении от греха. In ultima linea[113] все естественно: и грех, и зло, и смерть. Ибо если все приходит к человеку и подается ему через эволюцию, тогда что нужно в нем спасать, если нет в нем ничего бессмертного и нетленного, а все от земли, земное, земляное и как таковое – преходящее, тленное, смертное. В таком мире «эволюции» нет места и Церкви, которая есть Тело Богочеловека Христа. Та теология, которая свою антропологию основывает на теории «научной» эволюции, есть не что иное, как contradictio in adjecto[114]. На самом деле это теология без Бога и антропология без человека. Если человек – не бессмертный, вечный и богочеловеческий образ Божий, тогда все теологии и антропологии не суть иное что, как трагические бессмыслицы.

Ваш отец Иустин

16. Человек и Богочеловек[115]

Предрагое мое в Господе чадо. Православное богословие и наше отношение к святым отцам – это путь восхождения к Богочеловеческой православной всеистине. Это нужно разработать, ибо это – для тех, кто на этой планете ставит перед собой евангельские вопросы. А все евангельские вопросы в сущности сводятся к вопросу о человеке. В то же время все вопросы о человеке сводятся к вопросу о Богочеловеке. Только в Богочеловеке раскрывается всецелая тайна человека. Без Богочеловека и вне Богочеловека человек всегда, сознательно или несознательно, дегенерирует в недочеловека, в над-человека, в сверхчеловека, в дьяволо-человека. Доказательства? – Вся история рода человеческого.

Когда речь идет о Богочеловеке и богочеловеческом реализме, то нет места мистицизму. Основной факт: Бог стал человеком, весь Бог стал человеком, весь человек исполнен Богом; здесь нет ничего абстрактного, ничего воображаемого, здесь все дано конкретно: весь Бог вочеловечился и стал совершенным человеком; здесь «вся полнота Божества» обитает σωματικῶς (телесно – Кол.2:9) в нашем земном мире. Мистицизм свойственен всякой религии и всякой философии «по человеку». Религия «по человеку»? – Да: папизм, протестантство, буддизм, ислам и разнообразный политеизм, фетишизм, антропотеизм во всех своих вариантах. А мы – богочеловеческие, новозаветные реалисты? – Знаем благодать, а не мистику. Да, у нас Духом Святым все благодатно. Это реализм и гносеология Нового Завета (см.: 1Кор.1–16 гл.) – богочеловеческий реализм и богочеловеческая гносеология. А когда некоторые святые отцы употребляют слово «мистика», то всегда употребляют его в богочеловеческом смысле: в смысле благодатного переживания Богочеловека Христа Духом Святым. Это мистика благодатная, а не сухая человеческая, гуманистическая, «хоминистическая». Все Богочеловеческие реальности переживаются в Святых Таинствах и святых добродетелях – Духом Святым. Да, Духом Святым, ибо Он наставляет *на всякую истину* (Ин.16:13) Христову и на самую Всеистину – Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Богочеловеческий опыт Тела Христова – Церкви – это опыт всецелый, всеобъемлющий, небоземной, неделимый, всегда Богочеловеческий: все человеческое непосредственно восходит к Богу, и все Божие нисходит к человеку. Здесь нет места для так называемой мистики, то есть опыта «чисто» человеческого, «чисто» по-«хоминистически»

транссубъективного, экстатического, отделенного от Бога, от Божьего. Это не есть некий обособленный опыт, но всегда опыт органически всеблагодатный, Богочеловеческий, ибо он – всегда «со всеми святыми». И всегда в согласии со святыми определениями Святого Четвертого Вселенского Собора: «нераздельно, неизменно, неразлучно, неслиянно». Весь этот благодатный, богочеловеческий опыт и есть Священное Предание – святая жизнь, единая и неделимая...

Под светом воскресшего Господа все земное переливается в небесное, сливается с небесным. Растапливаются и исчезают границы между небом и землей. Земля поистине стала небом, ибо перед тем небо стало землей. И человек на наших глазах становится «Богом», ибо перед тем Бог стал человеком и навсегда остался Богочеловеком – «нас ради человек и нашего ради спасения» обогочеловечения обожения.

Да, хотели мы того или нет, но мы, люди, бесконечны в каждом нашем желании. Каждое наше желание, куда бы оно ни устремилось, простирается в необозримые бесконечности: или своим благом спешит к Источнику всяческих благ – Сладчайшему Господу, или своим лукавством – к царству зла. В первом случае – бесконечное умиление, во втором – скорбь, отчаяние, мучение, бунт, тоже бесконечные. И если человек царствует над этими бесконечностями, то он принадлежит к святым. У них, только у них мы можем учиться и с помощью Божией научаться. Господи, «мысль мою Твоим смирением огради». Без этого никто не может войти в покой Божий. Если этого нет, то в душе не перестает анархия, так как все в ней утратило свой центр, стало относительным, и поэтому она самоубийственно рассыпается на атомы. Это тот ад, который предсказан и описан Господом: *Кто не собирает со Мною, тот расточает.* Смиренным дает Господь благодать богомудро обладать всеми богоподобными бесконечностями своей свободы. Поэтому у святых отцов это – «искусство всех искусств», «наука всех наук». Это самая экспериментальная наука из всех наук. В этом самосмирении, самоумалении и заключается наш кенозис[116] перед Богом: человеку надобно в своем самоощущении и самопознании умалить себя до изначальной точки своего бытия, до небытия. Ибо оттуда он подвигнут Богом в бытие к Нему Всебытию. Только таким образом руководимая наша воля, наше познание, наше чувство, наше всецелое существо может удержаться в святых границах богообразия и постепенно восходить к безграничному богоуподоблению. В этом и святость, в этом и подвиг святых добродетелей. В этом богоделании и их блаженство, вечное, восходящее от силы в силу. *Блажен... в своем действовании* – кто? – *кто*

вникнет в закон совершенный, закон свободы (Иак.1:25), богоподобной свободы в психофизической закваске богоподобия человеческого существа. Каждый человек – из небытия. Это должно быть главным поводом к нашему смирению. Достигнуть же Богочеловеческого величия, осуществленного в Вознесении, – это дар Единого Человеколюбца. А переход этот полон всех богоподобных бесконечностей. Утвердить всю свою волю в Господе, – в этом единственный путь выздоровления и исцеления нашей воли от всякого зла, и греха, и смерти, и ада; а через волю – и всецелого нашего человеческого существа, в состав которого входят бесчисленные таинственные стихии, известные и неизвестные...

Я стараюсь постоянно проверять свои мысли и сочинения святыми отцами. Прошу и Вас все приходящее от меня строго проверять святыми отцами. Это чтобы душа моя не грешила умом, не поползнулась бы умом в какой-нибудь грех и не согрешила бы таким образом против всесвятой тайны Пресвятой Троицы. Поэтому не переставайте молиться за меня, чтобы ум мой всегда был радостным рабом святого смиренномудрия и святой молитвы, всегда непрестанной и всегда неболетной.

Христос родися!

Твой отец архим. Иустин

17. Монашеская жизнь: пост и молитва[117]

Дорогие отцы и святая во Христе братия. Надеюсь, что вы с радостью и великой душевной пользой совместно уже прочитали «Монашескую жизнь». Радостно и с любовью исполнил я послушание, которое вы со столькими смиренными молитвами на меня возложили. Этим вы щедро и изобильно обогатили мою душу непогрешимым богатством. Теперь и я и вы по-святоотечески знаем, что такое монашеская жизнь, и нет нам извинения, если мы не начнем жить такой жизнью.

Я часто размышляю о том, почему у нас на самом деле нет настоящего монашества. И пришел я к скорбному, но неопровержимому выводу, что его нет потому, что на нашем монашестве нет благословения Божия. А благословения Божия нет потому, что наш монах, как только постригается, сразу же в первый или во второй день нарушит и так всю жизнь нарушает первый и основной монашеский обет – постничество. Или, лучше сказать, пост по Типикону: в скоромные дни есть масло, сыр и яйца; в постные дни – растительное масло, когда оно разрешено, также и рыбу в дозволенные дни, а в остальные дни вкушать пищу без елея и рыбы.

Нарушив так первую монашескую заповедь, сербский монах раньше или позже нарушает и вторую заповедь, которая находится в органической связи и зависимости от первой, – молитву. Не исполняя православного, святоотеческого молитвенного правила, так богомудро составленного и записанного в наших святых богослужебных книгах, сербский монах никогда не станет тем, что составляет сущность его святого призвания, – молитвенником. Поэтому наши мужские монастыри давно перестали быть домами молитвы. Отсюда у нас монахи почти не имеют никакого келейного правила. Да и как им иметь келейное, когда не совершается и храмовое, церковное. А об умной молитве мне и говорить не приходится. Между тем монах без поста и непрестанной молитвы, разве это монах?

Знаю ваше давнее желание, проникнутое молитвой и воздыханиями, – желание обновления нашего монашества. Обновление возможно только в буквальном, святоотеческом исполнении монашеских обетов. Это единственный путь, освященный и засвидетельствованный двухтысячелетним опытом православных монахов-подвижников. Этот путь и дал бесчисленное множество святых и праведных монахов. На других путях монаху нет спасения.

Зная ваши христолюбивые сердца, любезная мне братия, я дерзаю – в любви Христовой к вам – предложить вам то, что давно имею в душе о вас.

Вот что: начните в вашей святой обители поститься по святому Типикону, перестаньте употреблять мясо и сало. Так исполните и беспрерывно исполняйте первую монашескую заповедь. Не говорите, что-де не можем содержать того из-за тяжелой физической работы. Разве менее тяжелыми трудами занимались святой Феодор Студит, святой Пахомий Великий, святой Феодосий Великий и их многочисленная братия? Читайте их жития и правила, и увидите, что труды у них были еще тяжелее наших и посты намного строже. И сегодня? Посмотрите на некоторые наши образцовые женские монастыри: сестры без устали занимаются тяжелой работой, хотя постнически питаются по Типикону. – Такое оправдание происходит или от маловерия, или от полу-верия, или от неверия.

К такому посту неопустительно добавляйте богослужения по Типикону: все по ряду, венец которому – ежедневная литургия. И умная молитва пусть не перестает в сердцах ваших ни днем, ни ночью.

Если так поступите, моя христолюбивая братия, то благословение Божие, несомненно, начнет изливаться на вашу святую обитель. И Господь чудесным образом начнет умножать ваше братство, приводя к вам пробужденных монахов и жаждущих Христа послушников. В такой образцовый монастырь в нашей Церкви со всех сторон начнут стекаться души, алчущие правды и истины Божией.

Усердно вас всех прошу размыслить обо всем соборно, и всегда собираться с молитвой, и принять богомудрое решение. Буду вам весьма признателен, если о своем решении известите меня. И безмерно обрадуете.

Препоручаясь святым молитвам всех вас, мои предрагие *отцы и братия, прошу вашего святого прощения и сердечно вас всех приветствую, ваш отец Иустин.*

18. Херувимская бдительность и проницательность[118]

Многоуважаемая и дорогая во Христе Мать и любезные сестры. От Господа вам всем благодать, милость и спасение! А через все это и молитвенное воспоминание обо мне, недостойном и многогрешном. Прошу вас всем сердцем, пусть и я буду всегда вторым в ряду ваших святых молитв. А если меня забудете вторым, то пусть неопустительно я буду хотя бы последним. Главное, не опускайте меня ни в одной из ваших дивных молитв. Через ваши чистые сердца и мое имя на крылах ваших святых молитв легко будет воспарять в святой небесный мир, и Сладчайший Господь омоет и меня Своим Божественным светом. В этом земном мире многие вещи приковывают наши сердца к земле – к временному и смертному. Но чтобы земля и ее временные сласти не умертвили нас соблазнительными искушениями, необходимо постоянно пробуждать себя от духовного сна. Как? Прежде всего – молитвой. Ибо искренняя молитва, исходящая от чистого сердца, имеет всепобедную воскрешающую силу, которой воскресают наши умершие души из всех духовных смертей. Как только встанешь всем существом на молитву, сразу ощутишь, как твоя душа, подобно молнии, возлетает с земли на небо, в сонмы святых Ангелов и Архангелов и бесчисленных Божиих святых. И каждый из нас тогда всем сердцем почувствует то истинное слово святого апостола Павла, что наше жительство на небесах, во Христе Иисусе – Чудесном Господе и Спасителе нашем. А когда мы нашу молитву усилим постом, любовью, благостью, послушанием, о! – тогда она воистину становится всемощной и всепобеждающей во всех наших сражениях со всеми искушениями сего мира: настолько всемощной и всепобеждающей, что ее пламенем и огнем пожигаются все бесы, с какой бы стороны в искушениях они на нас ни нападали. Только да пребудем с помощью Божией твердо и неустанно в предстоянии и молитве! Тогда наше спасение будет уготовано благодатью Божией, по неизменной Божией милости, а не по каким-то нашим заслугам, ибо как человеческие существа мы всегда слабы, немощны и поползновенны.

Чем дальше нахожусь я от нашей дивной обители, которую чудотворно окрыляет и хранит пресвятой Архистратиг Небесных Сил, тем я сильнее чувствую, что она – чудесный и святой остров нашего бессмертия. В ней наша душа так крепко защищена от всех духовных смертей, со всех сторон нападающих на святых служительниц и помощниц Божиих. А в миру так легко стать пленником разнообразных

духовных смертей, всегда предлагающих нам свой яд в чаше, полной меда. Поэтому нам, когда мы вынуждены день-другой провести в миру, вне святых монастырских стен, необходимо быть бдительными и проницательными, как Херувимы, чтобы сон греховный не соблазнил нас и не увлек в духовную смерть. Быть стражем над собой и вокруг себя непрестанной умной молитвой – это единственное средство для монаха соблюстись от соблазнов мира сего, лежащего во зле. Поэтому особенно молитесь, чтобы Всеблагий Господь умножил во всех нас прежде всего умную молитву, чтобы она никогда не переставала в нашем сердце: ни днем, ни ночью, ни во сне, ни наяву. Только так мы очистим и душу, и тело, и совесть, и волю от всякой нечистоты и освободим их от всякой слабости и немощи, которые влекут нас в смерть и ад.

Всех вечных благ желает всем от Господа, *препоручаясь вашим святым молитвам и сердечно всех приветствуя, ваш недостойный отец Иустин.*

19. Под покровительством святого Красника Девичского[119]

Многопочтенная и дорогая Мати и любезные сестры.

Слава Богу, святой Красник Девичский принял нас под свое покровительство. Прибыли мы в понедельник, в половине третьего пополудни. В Кралеве нас по-евангельски сердечно и тепло приняли брат Милисав и сестра Любица. Лечили меня со всеусердным вниманием. Слава Богу, почувствовал улучшение. Тогда мы и двинулись дальше. Здесь вечером у нас было бдение: такое, по-нашему. Мы представляли себе и вас – там, в наших скромных Челиях. Здешняя новая церковь, когда служу в ней, меня просто обновляет. Не говорю уже и о той величайшей благодати, которую денно и нощно источают святые мощи дивного Чудотворца и преисполняют ею наши грешные сердца. О, какое блаженство для души – быть под живо ощущаемой молитвенной защитой святого Красника, прекрасного душой.

И здесь жизнь монастырская идет вдохновенно, полным ходом. Все везде строится и обновляется и снаружи, и внутри. Достаточно молитвенного воздыхания, и смотри – солнечный луч небесной благодати уже коснулся твоей душе. Да что и говорить о денно-нощных трудах здешних сестер, воистину небоземных? Настоящие подвижницы. Между ними и небом такое короткое расстояние.

А я? – Без подвига, но всем существом радуюсь подвигам этих святых сестер. Кроме того, борюсь с простудой, которая меня, как упорный неприятель, медленно покидает. Лечусь испытанным средством – горячим красным вином. Если Бог даст, сегодня вечером приму это лекарство в последний раз.

Впрочем, служу я с радостью. Вчера вечером у нас было бдение, сегодня отслужили святую литургию...

Мать игумения духовно очень бодра и свежа, только телесное здравие слабовато. Но Господь вершит Свое через Своего человеколюбивого чудотворца, ведущего свою верную ктиторицу евангельскими трудами к Небесному Царствию.

Если Бог даст, в конце грядущей недели двинемся к Белграду. А до тех пор? Пусть сонмы ваших святых молитв возносятся к Чудесному Господу, чтобы имел Он нас всегда в милости Своей.

От всех вам поздравления и пожелания спасения всех вас и нас: прежде всего, от м. Игумении, от всех ее во Христе сестер, и от меня –

многогрешного и недостойного вашего отца архим. Иустина.

20. Человек на девяносто девять процентов с неба[120]

Предрагие мои во Христе чада. От Господа вам каждый день благословение с неба, ведь человеческому естеству на земле, в каждое мгновение, небо необходимее, нежели вся земля и что на ней, ибо человек на девяносто девять процентов с неба и лишь на один процент от земли. Поэтому мы должны в каждую минуту взбираться к небу, ползти к небу, бежать к небу, лететь к небу. Этому нас до мельчайших подробностей научает Святое Евангелие досточудного Господа Иисуса Христа и каждое святое житие каждого святого, прославленного Спасителем нашим. Как небесные духовные дети на земле мы прежде всего учимся ползти к небу, затем идти, затем бежать, затем лететь. А при этом что мы даем от себя? – Нашу ревность, наше христолюбивое произволение: даем его через нашу ревность в молитвах, в посте, в любви, в доброте, в смирении, в кротости, в терпении, в благости. Когда мы ревнуем о всех святых добродетелях и через них путеводствуем все наши мысли, наши чувства, наши соизволения, то несомненно спешим к небу и все ближе и ближе приближаемся к нему, пока наконец с преизобильной благодатной помощью Утешителя Благого не приведем душу к небесному берегу и всю жизнь свою не перенесем на небо. Тогда во всей полноте своей начинается *наше жительство на небесах*, хотя телом мы пока на земле. Тогда мы становимся поистине выше всего земного, выше всех земных сластей и страстей. И тогда все вечности Христовы начинают быть нашими: мы по дару благодати Божией начинаем чувствовать, что и Вечная Истина – наша, и Вечная Правда, и Вечная Любовь, и Вечная Жизнь. И в этом сладостном и радостном нашем жительстве мы всей душой, всем сердцем, всей волей, всем умом восходим из подвига в подвиг, из добродетели в добродетель. Восходим и через скорби, и через радости; восходим и днем, и ночью, пока наконец в бесконечном восхищении не почувствуем, что мы полностью Христовы, что мы всем существом молитвенно простерты перед Ним: Ему служим, Ему одному живем.

Что значит быть христианином? – Быть христианином значит быть без греха. А это значит, во всем быть Христовым: всей душой, всем сердцем, всем умом, всей волей. Этого достигаем, когда верой, любовью, молитвой, надеждой и другими святыми добродетелями предадим Сладчайшему Господу и ум свой, и душу, и сердце, и волю. И Он тогда их облагодатствует и преобразит в новую душу, в новое сердце, в новый ум, в новую волю...

Чада мои и любезные сестры, вы так много раз ощутили победу над грехом и смертью и преизобильно пережили от этого несказанную радость по благодати Божией. Дай Бог переживать вам эту радость как можно чаще, чтобы превратилась она в бессмертного кормчего всех ваших мыслей, и чувств, и произволений. Благий Господь во веки со всеми вами.

Ваш в Господе отец архим. Иустин

Непрестанно молиться[121]

Милые мои в Господе боголюбивые пчелки. От Господа да будет вам всякая небесная помощь в ваших евангельских подвигах. Всякая жизненная скорбь смиренным послушанием претворяется в непреходящую небесную радость. В этом мире мы на брани: боремся за вечную жизнь святыми добродетелями, особенно молитвою и терпением. Поэтому наша главная задача – вооружиться непрестанной молитвой. А это достигается беспрерывным понуждением себя – всей своей духовной силы – к непрестанной молитве. И так – пока молитва не станет ежесекундным дыханием нашей души. Каждое свободное мгновение своей жизни превратим хотя бы в молитвенное воздыхание, в молитвенный вопль, в молитвенный плач. Евангельская всеспасительная заповедь – молиться непрестанно. Хочешь, чтобы мысли твои были чистыми и святыми? Каждую мысль окончи молитвой. Для всего этого нужно непрестанно понуждать себя к молитве и ко всякому добру. Да не забудем никогда: мы в этом мире боремся за вечную жизнь. И побеждаем, если вооружаемся «всеоружием Божиим». А всеоружие Божие – это святые евангельские добродетели во главе с верой и молитвой. Вооруженные всеоружием Божиим, мы всепобедно будем побеждать во всех земных бранях...

Милые неболетные пчелки Спасовы, наш монашеский подвиг – это каждую земную скорбь и муку превратить в медоносный цвет небесного бессмертия и горести мира сего услаждать евангельским благовестием...

Всем вам всех вечных благ и в мире сем, *и в небесных селениях от Всеблагого Господа, ваш в Господе отец Иустин.*

22. Святое иконописное Евангелие Византии[122]

Милое мое в Господе чадо. Ты занимаешься святым и великим трудом: учишь Евангелие Спасителя переводить в краски и выражать в святых иконах. Такое благовестие – это апостольский подвиг. Благо тебе, что Благий Господь избрал тебя Своим апостольским благовестником. Обогащай себя как можно усерднее этим святым искусством, чтобы Евангелие твоих святых икон было чудесным образом понятным и для самых простых, и для самых ученых. Так ты многим поможешь на их пути спасения, ибо, приводя их своим иконописным Евангелием ко Господу Иисусу Христу, к Пресвятой Богоматери и Божиим святым, ты многих воодушевишь на различные евангельские подвиги и надежно будешь устроять и свое спасение. В Церкви Христовой было много святых иконописцев, и сегодня они есть. Что в них самое главное? То, что они душу свою превратили в око, в бесчисленное множество очей. Каждая добродетель – это око души: молитва – око, пост – око, любовь – око, милосердие – око, целомудрие – око, смирение – око, терпение – око, каждая святая добродетель – око. Да, святые добродетели – это очи души. Такая душа по благодати Божией зрит и незримое, невидимое в видимом и невидимом мире. Так и ты, чадо мое милое, наполняй свою душу святыми добродетелями, и святая иконопись будет спасать многих и многих. А через них спасешь и себя, и нас в нашей ; духовной семье. Благий Господь да ограждает тебя каждый день и каждую ночь святыми Своими Ангелами, чтобы налеты демонских искушений не смогли ни душе твоей повредить, ни совесть усыпить.

Слава Господу, что Он осыпает нас столькими милостями от наших греческих братьев и сестер. За такие милости Божии к нам мы не перестаем возрастать во всем ко Господу, непрестанно благодаря Его за это и молясь Ему за наших неустанных евангельских благодетельниц – христолюбивых сестер. Среди них ты – уже в Царстве Небесном, ибо ты среди «мудрых дев». Всем им – бесконечное множество поклонов моей благодарности за все несказанные блага, которые они творят нам через тебя. Особые поклоны благодарности – уважаемому и весьма мне дорогому профессору твоему, брату Василию. Обучая тебя святой иконописи, он, несомненно, пишет вечную фреску своей души в величественном нерукотворенном храме Божием на небесах. Господа молю, на Господа надеюсь, чтобы святое иконописное Евангелие Византии, которому ты там научаешься, было всем нам на радость, всем

нам – и на земле, и на небе. Поэтому, чадо мое милое, пусть все в твоей работе будет молитвенно и свято, чтобы всем существом ты возросла в богодухновенного изографа святой православной иконописи и чтобы каждой своей иконой руководствовала и приводила души наши в Царство Небесное. Никогда не забывай, незабвенное мое чадо, что наука, которую ты там изучаешь, есть подвиг евангельский, ибо переводить Святое Евангелие спасения в краски и служить этим спасению людей – это труд евангелиста, святого евангелиста.

От Господа тебе, чадо мое, просветление и просвещение, чтобы ты как можно лучше изучила искусство запечатления в красках несказанной красоты Лика Господня. Неописуемый, Он дал Себя описать, взяв на Себя человеческое тело. Он – «Неприступный Свет» – сошел к нам, стал нам, людям, доступным через «завесу тела». Выразить это в красках и есть святое искусство иконописи. Это особое, иконописное подвижничество, всегда спасительное для каждого иконописца, если он подвизается с любовью и благочестием. Моя безмерная, коленопреклоненная благодарность, чадо мое милое, за иконописный лик святого Дамаскина. Поистине он и должен как-то так выглядеть, как будто едва удерживает свою поэтическую и мыслящую душу, чтобы она не вырвалась из тела в своем непреодолимом устремлении к Сладчайшему Господу. Вглядываясь в этот его иконописный лик, человек провидит все те Божественные, чудесные миры, в которых обитала его любящая истину мысль, окрыленная бесчисленными крыльями непрестанной, устремленной ко Христу молитвенности.

Твой о. архим. Иустин

23. Искание себя, богочеловеческого[123]

Предорогое мое чадо в Господе. Всю жизнь я копаю и рою самого себя, чтобы найти себя: того бессмертного, того логосного, того вечного, того богочеловечного. И никак не могу настичь себя, поймать, охватить. Знаю и чувствую, что этого я могу достигнуть только Чудесным Господом Христом, в Его Божественных объятиях, ибо только в Нем и Им я становлюсь вечно своим, божественно и вечно своим. А без этого я и самому себе не нужен. Только Им я и переживаю себя, свое человеческое существо как радость и как вечное благовестие. Без Него человек не что иное, как собственный немилосердный мучитель, неотвратимый убийца всего себя, демонический самоубийца. Поэтому для человека необходимо в этом мире и во всяком другом – найти Всечеловеколюбивого Господа Иисуса Христа, Богочеловека, предать Ему себя с помощью Святых Таинств и святых добродетелей, обогочеловечить себя: ум свой исполнить Богом, Господом Иисусом Христом, и преобразить в бого-ум, сердце – в бого-сердце, волю – в бого-волю, совесть – в бого-совесть, жизнь – в бого-жизнь. И тогда все человеческое будет чувствовать себя в Боге, и мыслить в Боге, и хотеть в Боге, и делать в Боге, и жить в Боге. И так весь человек, во всех своих составах и во всецелом своем существе, постепенно преображается в человека, причастного богочеловечеству – в богочеловека. Ничто не исчезает, все становится бессмертным, вечным, богочеловечным и достигает своего богочеловеческого совершенства.

А без вседивного и все преображающего Господа Иисуса Христа, без Его Святых Таинств, без Его святых добродетелей без Его Святой Церкви, человек дегенерирует в недочеловека. И все человеческое неприметно, в силу нераскаянных грехов и низких страстей, превращается в дьяволо-человеческое. И человек однажды просыпается уродливым дьяволо-человеком, вместо того чтобы заблистать благодатным богочеловеком, вечным и богочеловечным во всех своих мыслях, во всех своих чувствах, во всех своих хотениях, во всех своих переживаниях, во всех своих делах – во всей своей жизни. Всего этого может он достигнуть, достигнуть несомненно, ибо Всесладчайший и Всечудотворящий Господь *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр.13:8): Тот же для апостола Павла, Тот же для тебя, Тот же для каждого человеческого существа, Тот же для каждого творения – от первого ангела до червя. И человек, каким бы он ни был, держась за незаменимого Господа верою и другими Святыми Таинствами и святыми добродетелями, *взирая на начальника и*

совершителя веры Иисуса, легко будет одерживать победу над всеми грехами и страстями во всех бранях и на всех поприщах мира сего (ср.: Евр.12:1–7).

Во всех этих святых бранях за душу свою мы постоянно находимся в святом и непобедимом воинстве Господа Иисуса Христа; здесь наши вожди и военачальники: святые апостолы, святые пророки, святые евангелисты, святые пастыри, святые учители; и они одерживают в нас и нами все победы над грехами, и страстями, и смертями, и бесами (см.: Еф.4:11–15, 6:10–18). Полагаю и всем существом чувствую, что главное для человека, для каждого человека на земле – это искать прежде всего и превыше всего Царствия Божия и правды Его; и, несомненно, приложится и прибавится ему все вечно необходимое и в этой, и в будущей жизни; и на земле, и на небе – повсюду, где только живет и движется ищущее Бога человеческое существо... Да, нет человека без Богочеловека. Но точно также (после пришествия Сына Божия во плоти. – *Примеч. пер.*) нет истинного Бога без исторического Богочеловека – Господа Иисуса Христа. А всесмертный и всеадский рок европейской культуры как раз и заключается в том, что хотят человека без Богочеловека и Бога без Богочеловека...

Всех благ небесных и земных, чадо мое возлюбленное, *желает тебе от Господа всяческих благ твой о. архим. Иустин.*

24. Евангельская забота о ближних[124]

Воистину Господь родился! Чтобы возродить весь мир Церковью, дорогой мой отче С., через Святые Божественные Таинства и святые евангельские добродетели. Нет сомнений в том, что и дыхание, и дух твоего дорогого письма источаются из «Вечного Евангелия». Сначала твой перевод привел меня в недоумение, но письмо рассеяло все мои смущения, ибо по доброте своей ты приписал мне то, что я, убогий, вам, моим бывшим ученикам и воспитанникам, как наставник и воспитатель говорил из «Вечного Евангелия» Спасителя. Пусть всем нам это будет во спасение и в мире сем, и в грядущей жизни! Только бы Он, Всесладчайший Господь, был у нас всегда в душе и в сердце, был оком души и сердца, был всегда в нас и с нами во всех наших вечностях!

В этот раз особенно благодарю тебя и многих моих учеников за вашу евангельскую любовь ко мне. Это то, что от мира сего остается в нас в мире горнем, по чему все узнают нас, что мы Христовы. Поистине в нашем земном мире ничто так не благоухает небом, как евангельская забота о ближних. Благодарю за эту радость. Благий Господь пусть все стези твоей жизни засыплет неувядаемыми небесными цветами и пусть всегда имеет в милости Своей и тебя, и всех твоих милых и дорогих.

Для меня было бы исключительной радостью, если бы ты в этом году как-нибудь приехал погостить у меня, увидеть нашу скромную обитель и почувствовать ее жизнь.

Препоручаясь твоим святым молитвам, сердечно тебя *приветствует твой отец Иустин.*

25. Прощание с родной сестрой[125]

На святого Иоанна 1979 г. Монастырь Челие.

Милые мои сестра и племянница Нада. Пишу вам во время нынешней зимы, такой зимы, какие бывали только в старые времена. Снег выпал перед (днем) святого Николая, остался на земле и падал все эти дни. Я блаженствовал, как некий «норманн», блаженствую и сегодня. Вся природа облеклась в величественную, духовную красоту. Надеюсь, что и у вас снега будет в изобилии.

Мы отлично провели праздники. Мое давление и зима – это друзья. Было у нас и много гостей – все наши близкие братья. Я, слава Богу, выполняю свою работу с «разделом». Не могу иначе. Это мое сердце жизни. Разумеется, наша любезная Мать игумения с сестрами делают все, чтобы моя работа была как можно приятнее. Все работают, как самые трудолюбивые пчелки. Благий Господь да обогатит их за это и да наградит всяким небесным благом, а прежде всего – Царством Небесным.

Как у вас дела? Как мама переносит суровую зиму? Благодарите Бога, когда у вас достаточно топлива и когда вас посещают друзья. Особая благодарность доктору Боро, что вас навещает и оказывает медицинскую и дружескую помощь. Разумеется, изрядно благодарю и Мирьяну, за то что она к вам часто приходит. Передайте им большой привет. Благий Господь воздаст им за их добро к вам.

Особенно радуюсь тому, что вы так хорошо прославили Славу и освятили масло. Для меня исключительно дорого то, что вы хвалитесь своим приходским священником. Большой ему привет...

Приветствует вас и целует ваш брат и дядя *БлагоеИустин.*

Из проповедей

Проповедь о двух наибольших заповедях[126]

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Каждый святой воскресный день – это святое и дивное благовестие из Евангелия, и в нем вся истина неба и земли. Всегда. В каждом слове Евангелия это так.

В сегодняшнем Святом Евангелии: люди на земле искушают Бога! Как смеешь, как можешь ты, человек, искушать Бога?.. Говорится в Святом Евангелии: Законник некий приступил к Иисусу и, *искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (ср.: Мф.22:35–40). – Воистину весь закон неба и земли. Нет другого закона после этих двух заповедей. Да, в этом земном мире нет другого закона, кроме этих двух самых главных заповедей, данных через Господа Христа. Первая заповедь – боголюбие, вторая – человеколюбие.

Что такое боголюбие? – *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим.* Почему Господь поставил эту любовь как первую и наибольшую заповедь, охватывающую все заповеди и все законы неба и земли? Потому что Он ответил на вопрос: что есть Бог? Никто людям не мог ответить на вопрос, что есть Бог. А Спаситель Христос через всю Свою жизнь, через каждое Свое деяние, через каждое Свое слово отвечал на этот вопрос: Бог есть любовь. В этом все благовестие. – А что такое человек? На этот вопрос Спаситель ответил: и человек есть любовь. – Неужели? – скажет кто-нибудь, – что ты говоришь? – Да, и человек есть любовь, ибо он создан по образу Божию. Человек – это отблеск, отражение любви Божией. Бог есть любовь. И человек есть любовь. Значит, в этом мире существуют только двое: Бог и человек – и для меня, и для тебя. Нет ничего более важного в этом мире, кроме Бога и меня, кроме Бога и тебя.

Но как может Иисус из Назарета требовать, чтобы человек имел первой заповедью на земле и на небе: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим*? Как может требовать Бог, чтобы человек любил Его всею душею своею и всем существом своим, если, посмотри, в этом мире существует смерть, зло, дьявол? – Я не могу, говорит человек, любить Бога, потому что грех,

потому что зло в мире. – Да, все эти вопросы остались бы без ответа, если бы Господь Христос не стал человеком. Человек мог сказать Богу: если я раб греха, зла, смерти, ада, то не могу Тебя любить. Так мог сказать человек до Христа. Но с тех пор, как Господь Иисус Христос сошел в наш мир, с тех пор, как Он воскрес и победил смерть, с тех пор – человек уже не может так говорить. Христос явил миру истину о том, что Бог есть воистину любовь.

Для людей самая худшая смерть – это превратиться в гной, в червей, в грязь, в брение! Разве достойно быть человеком?! – За что я Тебя возлюблю, Боже, если завтра превращусь в червей, в гной? – Но вот, Господь Иисус Христос спасает от смерти Воскресением Своим, уготовляет жизнь вечную душе твоей и твоему телу, когда оно воскреснет в сиянии и соединится с душой. Поэтому Господь Иисус Христос и может именоваться Единым Человеколюбцем. Поэтому только Он, от сотворения мира до Страшного Суда, – Единый Человеколюбец. Только победивший смерть, только Он – Единый Человеколюбец. Все другое – это россказни. Все культуры, цивилизации, науки, искусства? – Какой смех! Наука, техника – что они мне могут дать, если превращают меня в червя, в гной. Тот только человеколюбив, Кто освобождает от греха, смерти и дьявола. Дьявол и есть творец греха, а тем самым – и творец смерти. Господь освободил от дьявола, и поэтому Он может требовать от человека любить Бога: всем существом, всем сердцем, всем умом, всей душой...

Что бывает с человеком, который исполнит эту первую и наибольшую заповедь, то есть боголюбие? Что значит боголюбие? Это значит: перенести сердце свое к Богу, в Бога, всю душу свою перенести к Богу, всю мысль, всю силу; возвратить Богу образ Божий; возвратить образ Первообразу – то, что в тебе Божие, возвратить Богу. Итак, боголюбие это возвратить себя, человека, Богу. Сказать: Господи, вот я – весь от Тебя, образ Твой; вот душа моя, вот все мое существо: это – Твое. Следовательно, эта заповедь есть полное приношение себя Богу, посвящение себя Богу. А откуда возвращается человек, когда предает себя Богу? Возвращается из страны далекой, как блудный сын, возвращается из греха, из смерти; воскресает духовно, как блудный сын, через покаяние. Каждый человек, исполняющий первую заповедь, возвращает себя Богу из царства лукавства и смерти, из царства дьявольского возвращает себя Богу и Царствию Божию.

А как это происходит? – Жизнью по Евангелию, соблюдением евангельских заповедей. В самом деле, это возвращение к Богу бывает через исполнение заповедей Божиих. Спаситель сказал: *Кто любит Меня,*

тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим (Ин.14:23, ср.: Ин.14:21). Это не я сказал, это Божественные слова Господа Иисуса Христа. Когда соблюдаешь заповеди Спасителя, то душу свою переносишь к Нему; передаешь Ему себя самого; будь всегда ревностным в исполнении этих заповедей. Святой Иоанн Богослов, названный апостолом любви, говорит: *Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его* (1Ин.5:3). Это свидетельство того, что любишь Бога, если заповеди Его соблюдаешь... Не лги, что любишь Бога, если творишь мерзость и злобу. Ты лжешь самому себе, обманываешь себя.

Что такое человеколюбие? Спасти Божий образ от того, что не от Бога, против Бога, а таковы – порок, грех, смерть и дьявол. Освободить человека от самого большого врага – дьявола, смерти. Такое человеколюбие проявил Господь Христос. А какое человеколюбие требуется от самого человека? – Вот какое: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф.22:39). Это ответ на вопрос: что такое человеколюбие, как мы с тобой должны относиться к людям? Это непогрешимый закон Божий: после Бога – человек; после любви Божией, любви Христовой – любовь к человеку; после боголюбия – человеколюбие. Любовь к человеку действует тогда, когда освобождает его от самого грозного противника – греха и смерти. Это Христова любовь к человеку – освобождение от смерти. Вторая заповедь гласит: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя.* Когда мы любим человека, когда его истинно любим? – Тогда, когда спасаем его от его греха, от ада... Это настоящая любовь к человеку. Ты лжешь себе, если думаешь, что любишь человека, но угождаешь его греху, его страстям: тогда ты любишь его смерть, а не его самого. Лишь когда любишь человека во Христе: всей душой своей, всей силой своей, – только тогда ты его истинно любишь.

Вопрос: а любовь родителей к детям? А любовь супругов? А любовь человека к отечеству? Разве это не любовь? – Мы это называем любовью, но любовь ли это? Все это не любовь, если Христос не есть та сила, которой мы любим. Если отец не любит детей Христовой любовью, если их не воспитывает в добре, если их не наставляет на добрый путь, чтобы они спаслись от греха, а только их обхаживает и балует, то он их ненавидит, убивает. И если супруги любят друг друга только телесно, то они – убийцы друг друга. Такова и всякая другая земная, плотская любовь.

Когда мы проникнемся любовью к человеку, имея посредником Господа, тогда любовь обретает вечность и бессмертие, тогда это христолюбив. – Если имеешь друга и думаешь, что любишь его, однако

потакаешь ему во грехе, то ты становишься его убийцей. И если желаешь любить его, то скажи ему: «Друг, тот грех твой, говорю тебе, убивает тебя, отторгает тебя от Бога». Если этого не сделаешь, то ты – убийца. Лжешь себе...

Вторая заповедь подобна первой. Только когда душа вся во Христе, обрати ее к человеку и знай, что будешь любить его вечной любовью... Без этого твоя любовь ложна и убийственна... Только христолюбив – сущность и источник истинной любви. Если человек не любит Господа Христа, то не может любить никого... – Это дивное и страшное благовестие. Дивное, ибо человека возносит на небо, в вечность. Страшное, ибо если его не соблюдаем, то любим бога ненависти – дьявола. Бог – это любовь, дьявол – это ненависть. Вот тогда в чьих ты объятиях. Тогда – ужасно быть человеком, ибо он себя преображает в дьявола. Сегодня Европа гудит от так называемой «любви к человеку»... И что же мы видим? Что натворили без Христа, без Христовой любви: резня, войны, столкновения, уничтожения. Что представляет собой сегодняшняя Европа без Христа? Ведь дьявол, бог ненависти, не дает, чтобы люди, восставшие против Христа, возлюбили друг друга. Клевещут таковые и на себя, и на человека, ибо не любят человека.

А мы, христиане, знаем это благовестие, закон неба и земли, закон Ангелов и человеков: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим» и «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Вот на этом утверждается весь закон, от этого зависит все на небе и на земле. – А ты не хочешь испытать себя, соблюдаешь ли ты эти заповеди? Кому ты тогда служишь? Я и ты, кому мы тогда служим?

Некий человек пришел к одному подвижнику и попросил его прочитать нечто из Священного Писания. Тот прочел ему именно эти две заповеди. Когда человек услышал их, то сказал подвижнику: «Когда это исполню, приду к тебе опять», – и ушел от него. Прошел год – его нет; прошло два, три года, десять, пятнадцать лет, и только тогда вновь пришел тот человек и сказал: «Вот я, святый отче». – «Где ты был до сих пор?» – спрашивает его подвижник. «Пробовал исполнить те две заповеди, и вот – пятнадцать лет упражняюсь и, по молитвам твоим, нечто, нечто исполнил». Вот что значит Евангелие Господа Христа, когда человек хочет его исполнить. Он силен его исполнить только тогда, когда всем сердцем идет за Господом Христом. Как мы идем за Господом Христом? – Прежде всего верою. Да вселится Христос *верою... в сердца ваши* – говорит святой апостол Павел (Еф.3:17). И Он вселяется через каждую святую

добродетель... Мы первые вселяем любовью – этой святой добродетелью – душу свою в Него, в Его добро, и тогда Он вселяется в нас.

Кто такие святые? Святые те, кто исполнил эти две заповеди: любви к Богу и к человеку; эти две добродетели – христолюбив и человеколюбие. Все они стяжали эти две добродетели. Они их имели в себе, и ничто им больше не требовалось.

Наука Евангелия Христова: нет любви к человеку без любви к Богу. Только любовь к Богу дает силы любить и человека, любить его и во грехе его, но ненавидеть грех. Это и есть наука Евангелия, и христианин есть тот, кто исполняет эти две заповеди. В сих двух заповедях заключено все Евангелие. Спросим себя, насколько мы соблюли эти две заповеди Господа Иисуса Христа. Где сердце наше? Спроси себя, соблюл ли ты эти заповеди сегодня? И если нет, то скажи себе: значит, сегодня я не был христианином. Господи, дай мне силы быть христианином завтра, чтобы всей силой любить Тебя, Господа Бога моего, и брата моего.

Служа Господу, любя Господа Иисуса Христа, человек не может не любить людей. Не люби грех человека, но люби самого человека, молись за него, чтобы грех его был изглажен и сам он спасен от греха. Это истинная любовь. Нет другой любви. Человек – это образ Божий: Бог есть любовь, и человек есть любовь. Ты – христианин, если содержишь эти две истины и живешь по ним. Скажи себе: я – образ Божий, Бог любит, и я должен любить. – Это Евангелие Господа Иисуса Христа и для Ангелов, и для людей, и для неба, и для земли – единственная Благая весть во всей вселенной.

Поэтому будем стараться днем и ночью исполнять эти две заповеди, чтобы с помощью Божией спасти себя от дьявола, греха и смерти и стяжать любовь ко Господу Иисусу Христу и веру в Него, ибо христообразная любовь живет и действует верою, молитвою, милосердием, каждой святой добродетелью. Любовь ко Господу Христу есть содержание и осуществление и исполнение обеих этих заповедей. Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Проповедь в день Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна[127]

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня – малая Великая Пятница, вторая Великая Пятница. Ибо сегодня принял смерть наибольший из всех рожденных женами – святой Предтеча и Креститель Господень Иоанн. В Великую Пятницу люди убили Бога, распяли Бога. В день сегодняшнего святого великого праздника люди убили наибольшего из людей. Наибольшего – это говорю не я. Чего стоят мои похвалы великому и славному Предтече Господню, которого уста Господни восхвалили более, чем кого-либо из людей, более, чем кого-либо из апостолов, из Ангелов, из пророков, из праведников, из мудрецов. Ибо уста Господни изрекли о нем: *Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя* (Мф.11:11). Нет большей похвалы во всей вселенной.

И потому сегодняшний день – малая Великая Пятница. Смотри, безумные люди убивают величайшего между праведниками. Он мешает им? Да, мешает развратному царю Ироду и распутной Иродиаде. Правда Божия и Истина Божия мешают беззаконникам, мешают убогим грешникам, мешают всем, одурманенным разными страстями. Смотри, разве и сегодня христоборцы не кричат: «Распни, распни его!» Разве и сегодня христоборцы не требуют главы Иисуса из Назарета? Его главы требуют, а тем более главы Иоанна Крестителя.

Что это? Неужели этот мир превратился в сумасшедший дом? Люди ие хотят Бога, не хотят наибольшего Праведника в этом мире. Кого вы хотите? Кого желаете? Кем вы замените Христа? Кем замените святого Иоанна Крестителя? Собою?! О, моль! О, букашки смертные! Да, люди, когда обезумеют от гордости, когда от самолюбия лишатся рассудка, тогда им Бог не нужен, тогда не нужна им правда Божия. Они себя провозглашают богами. Они свое мелкое, лживое подобие истины выставляют истиной великой и спасительной. Они свои мелкие, земные, тленные подобия правды провозглашают самой великой правдой; Христова, мол, Правда не нужна нам, Божией Правды мы не хотим. Да, люди, ослепленные умом, ослепленные душой, не видят и не хотят видеть того, что в этом мире человек, истинный человек, не может прожить без Бога. Почему? Потому что мир сей полон иродов, полон фарисеев. Ироды требуют главы Иоанна Крестителя, ироды требуют главы всех праведников земли, а фарисеи, лживые книжники, лживые мудрецы мира сего, требуют

смерти Богочеловека Христа.

Да, сегодняшний праздник – это вторая Великая Пятница. Почему? Потому что нет больших преступлений, нежели совершенное в день Великой Пятницы и совершенное ныне, когда Ирод погубил наибольшего среди рожденных женами. Почему Спаситель так возвеличил святого великого Иоанна Крестителя, как никого из людей? Почему? Потому, братия, что святой Предтеча в себе, в лице своем, вместил все добродетели неба: все добродетели всех пророков, всех апостолов, всех мучеников, всех Ангелов небесных, всех исповедников. Смотри, сегодня мы прославляем предание на смерть, усекновение первого апостола среди святых апостолов, ибо Предтеча Господень первым был послан от Бога, чтобы видеть и возвестить миру Спасителя мира. Намного раньше апостола Петра, раньше апостола Нафанаила, раньше кого бы то ни было, он засвидетельствовал и открыл миру Бога воплотившегося, Господа Иисуса Христа. Первый апостол, узревший Духа Святого, сходившего с неба на Господа Иисуса, когда крестил Его во Иордане, объявляет Его Сыном Божиим и Спасителем мира. Он – и первый Евангелист среди Евангелистов. Он первым явил миру и указал на Носителя всех благих вестей для рода человеческого – на Господа Иисуса Христа.

Сам Господь Иисус Христос – вот Евангелие неба и земли, Евангелие Божие для людей в этом мире. – *Вот Агнец Божий, вземлющий на Себя грех мира.* Все Евангелие святой Предтеча выразил в нескольких словах.

Взглянув на восток, он всему роду человеческому, от Адама до наших дней, говорил: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.* Царство Небесное? Вот Оно: Господь Иисус с неба. В Нем – Царство Небесное. Оглянувшись на запад и увидев людей, потопленных грехами и смертью, он и к ним воззвал: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.* Посмотрел и на север, и на юг – те же люди, все рабы греха, рабы смерти, рабы дьявола. Всем возвестил славное, святое и спасительное Евангелие: люди, *покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное.* Такой имеющий великую силу Евангелист!

Когда Господь начал проповедь Своего Евангелия, проповедь с силою, Он положил эти слова в начало и совершение Своего Евангелия: *С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф.4:17). Потому святой Предтеча и есть первый Евангелист между Евангелистами Христовыми.

Сегодня люди ощутили Ангела во плоти, земного Ангела и небесного человека – святого Иоанна Крестителя. Не только ветхозаветный пророк назвал Предтечу Ангелом Господним, но и Сам Господь сказал, что это

Ангел, посланный пред Ним, чтобы приготовить Ему путь (см.: Мф.11:10; ср.: Ис.40:3). Не только пророк – сказал Спаситель о Крестителе, – но и больший пророка: Ангел Господень. И его, его люди не хотят, гонят его из этого мира! Итак, святой Предтеча – это поистине первый ангел во плоти, среди будущих многочисленных ангелов во плоти, светильников Божиих, которые на земле жили, как небесные Ангелы: были и на земле Ангелами, и на небе остались людьми Божьими, людьми святыми.

Сегодня мы со славою отмечаем великий праздник первого среди новозаветных пророков. Он объявил людям, что Господь Иисус Христос является миру не только как Спаситель, но и как Освящающий мир, и как Судия мира. В Его руке и секира, и лопата: очистит Господь гумно земное в день Страшного Суда и отделит пшеницу от плевел, праведников от грешников. Все это провидел великий и славный Пророк, Предтеча и Креститель Господень. Потому сегодня и прославляем его как святого новозаветного пророка, убитого злочестивым и преступным царем Иродом.

Святой Предтеча получил свидетельство Господне о том, что он наибольший среди рожденных женами, еще и потому, что он стал первым новозаветным мучеником между всеми святыми мучениками. – Смотри, как пострадал он за правду Божию в этом мире! Пострадал радуяся! В сегодняшнем главном церковном песнопении и молитве к нему говорится, что он, радуясь, пошел на смерть и пострадал, радуясь. И тем самым он стал первым примером и первым вдохновителем всех святых новозаветных мучеников, от первомученика Стефана до сего дня. Все святые мученики идут на смерть, радуясь о Господе Иисусе Христе, идут на смерть, зная, что смерть не может удержать их в своих узах, зная, что смерть – это лишь врата, раскрытые врата в Царство Небесное для их святых душ. Как иначе, братья и сестры, объяснить радость святого великомученика Георгия, когда разрывают его тело, в колесе перемалывают кости, а он восклицает от радости в Господе, ибо зрит Его, зрит Ангелов Божиих, стоящих вокруг Него, и Ангелы останавливают колесо. Смотри, какая радость в этих страшных муках! И святой великомученик встает целым и невредимым перед безбожным царем Диоклетианом. Первым же почувствовал эту святую радость в мученичестве святой Предтеча и Креститель Господень Иоанн.

Сегодня мы также прославляем и первого исповедника Евангельского и христианского, первого исповедника Божия в этом новозаветном мире. Смотри, он бесстрашно, в глаза, говорил и исповедовал истину Божию: царь, не должно тебе иметь жены брата твоего, живого брата. Увел ты

жену у брата своего. Все законы неба и земли против тебя, и я, я тебе возвещаю эти законы неба и земли, ибо я на то послан. Царь, не можешь ты иметь жены брата своего. Неустрашим, как бессмертный лев, неустрашим, как Херувим во плоти. Вот, это первый Исповедник Христовой веры, а после него – сонмы, лики славных исповедников Христовых в этом мире: исповедников, свидетельствующих и исповедующих перед всем миром, перед востоком и западом, севером и югом, что Господь Христос – Единый Истинный Бог на небе и на земле. И это вопреки всем гонениям, всей лжи тех, кто силится восставать против Христа в мире сем, вопреки всем ересям, вопреки всем богоборцам, всем гонителям Христа, – неустрашимые всепобедители, бесчисленный их сонм, начиная от святого Предтечи до наших дней. Они свидетельствуют и возвещают всей вселенной сию истину: Христос прежде всего и превыше всего! Он – Единый Истинный Бог. Вы, лже-боги, маски, личины, скверные и отвратительные личины ложных богов, скрывайтесь! Душе человеческой в этом земном мире необходим Истинный Бог. Кто вы, самозванцы! Кто? В могилы, в тысячи смертей вы сами себя увлекаете, и это вы хотите Господа Христа заменить? Как вы нищи, как убоги! Увы, ни над чем так не смеется весь ад, как над вами. Громко смеются над вами демоны, но вы их не слышите, а мы их слышим, – мы, христиане.

Да, святой Креститель – это первый христианский Исповедник, и за ним, как за кормчим, устремились тысячи и тысячи славных исповедников Христовых в этом мире.

Братья мои, великая тайна проходит через этот праздник, подобно тому, как нити простираются по ткани и составляют ее, – великая тайна Божия. Вы слышали из сегодняшнего Святого Евангелия: ученики возвещают Спасителю о том, что Предтеча усечен. Умолкли уста, возвещающие миру Тебя, Господи! (Авва плачет.) Что теперь? Кто мы, по сравнению с Твоим великим Крестителем? Спаситель молчит. И что необычно, Он призывает учеников Своих и удаляется с ними в пустынное место. Что это? Неужели Господь бежит, неужели Он бежит от Ирода? Смотри, Он, Всемилостивый Чудотворец, взирая на несчастную мать-вдовицу, воскрешает ее сына, никому не ведомого, кроме матери и Его Самого. Но вот, Господи, Предтеча Твой лежит мертвый, усеченный, почему Ты его не воскресишь? Ты воскресил дочь начальника синагоги Иаира. Но вот тот, кого Ты нарек наибольшим среди рожденных женами, усечен злодеем-царем. Господи, соблюди правду Твою, защити Твоего первого апостола, Твоего первого мученика, первого евангелиста, первого Ангела во плоти, первого пророка, первого исповедника. Воскреси его!

Спаситель молчит, удаляется в пустынное место и молится Богу. Почему, Господи?

Потому, что святой Предтеча должен стать первым апостолом и в аду, в царстве смерти, куда отходили души всех людей от Адама до пришествия Спасителя в этот мир. В этом царстве смерти, называемом адом, т. е. местом непроглядным, где никто никого не видит, мраком, в этом царстве смерти были все, праведники и грешники, все ветхозаветные люди до пришествия Господа Иисуса Христа. Грех ввел смерть в этот земной мир, смерть в среду людей. И царство смерти было единственным обиталищем человеческих душ после их телесной смерти в этом мире. Предтеча должен был стать Предтечей и в аду, в царстве смерти, чтобы и там проповедать душам всех людей: вот, пришел на землю Тот, Кого вы ожидали, Кого вы жаждали увидеть. Вы, все праведники: Моисей, Авраам, Давид, все святые пророки и праведники. Вот Он пришел на землю как человек, как Спаситель и творит такие знамения и чудеса, которых вы, все вы вкупе, не видели никогда. Его взор исцеляет от всех болезней, Его слово воскрешает из всех смертей, Его глас изгоняет бесов из одержимых ими людей. Поистине пришел Спаситель мира на землю, Господь Иисус Христос. И вот, я предшествую Ему, чтобы и вам проповедать эту преблагую весть, эту радостную весть: сойдет Он и сюда к нам. Вскоре сойдет, и вы Его увидите. Вы увидите, какова Его человеческая душа, вся исполненная Богом и блистающая бесконечным светом.

Святой Предтеча явился в царстве смерти и как первый евангелист, чтобы проповедать Евангелие Христово всем душам в царстве смерти. Явился всем им и как первый мученик, чтобы показать, как за Истинного Бога, Господа Иисуса Христа, Спасителя мира, люди радостно пойдут на смерть, пока она не будет побеждена и попрана. Они не будут бояться смерти, ибо будут сильнее ее. Господь дарует победу над телесной смертью Своим Воскресением во плоти. И вошел славный Предтеча в царство смерти как Предтеча всех истинных исповедников Христовых в мире, всех истинных пророков в мире, чтобы возвестить всем душам в царстве смерти: вот, смерть побеждена, бесы попраны, царство смерти будет разрушено, когда Господь явится здесь через короткое время. И вы будете выведены из этого ужаса в небесные радости, в мир горний.

Поэтому Господь и молчал, поэтому и не воскресил наибольшего между рожденных женами, ибо тому надлежало совершить свой апостольский, свой евангельский, свой мученический, свой исповеднический подвиг в аду, в царстве смерти.

Итак, сегодняшний день для нас, христиан, подобен Великой

Пятнице. И как для Спасителя после Великой Пятницы наступает Воскресение, так к Предтеча радостно умирает, входит в смерть, ибо видит победу над смертью и знает, что Господь и ему уготовляет вечную жизнь и воскресение из мертвых в день Страшного Суда.

Когда через шесть месяцев Господь был распят, то сошел в преисподнюю, в ад, в царство смерти, со своей человеческой душой. Тело Его лежало во гробе, Он душой Своей, полной Бога, сошел в царство смерти. И каково же было удивление всех человеческих душ в аду, когда они узрели Бога в душе человеческой, как блистает она неизреченным светом, который человеку невозможно вообразить. Кто бы не уверовал в Него, кто, когда Он является в царстве смерти настолько преисполненным Вечной Истины, Вечной Жизни, Вечной Правды. Является как Победитель смерти. И поскольку царство смерти не могло удерживать Бога, Который был в душе Иисусовой, держать Бога в своих руках, то распалось царство смерти от Божества Христова, от Его пресвятой души, в которой был весь Бог. И Господь вывел из царства смерти всех поверивших до того Предтече и уверовавших в Него, Господа Иисуса Христа, что Он воистину Истинный Бог на небе и на земле.

Вывел их Господь и ввел в Царство Небесное. Вот почему Господь Иисус Христос не воскресил святого Иоанна Предтечу и Крестителя.

Мы сегодня, прославляя этого великого и славного первого апостола, первого мученика, первого Евангелиста и Предтечу всех от века истинных христиан, поклоняемся его радостному страданию за Истину Христову и его святому благовестию, святому апостольству, святому мученичеству. Вот уже две тысячи лет тот, который допустил, чтобы его усекнул беззаконный царь, творит бесчисленные чудеса в земном мире, живя в нем рядом с Господом Иисусом Христом. Две тысячи лет он непрестанно чудотворит всем душам, обращающимся к нему с молитвой.

Братья и сестры, когда вы в великой скорби, обратитесь к этому первому апостолу Христову, и он поможет вам во всех ваших тяготах. И если случится какая-либо напасть, то обратитесь к этому первому евангелисту. Какой бы горечью ни была исполнена твоя душа, он усладит ее Христовой благодатью, которую таинственно ниспослет из горнего мира в твою измученную душу. И когда ты в искушениях и ужасах этой земной жизни, то прибегни к нему, святому исповеднику, скажи ему то, что на сердце твоем, излей скорби и нужды душевные и будь уверен: он таинственным, Божественным образом сойдет в душу твою и спасет тебя, и избавит от всех искушений и бед. Но если тебе нужно пострадать за Господа Иисуса Христа в этом мире – на тебя со всех сторон нападают

люди, безбожники и христоборцы, хотят тебя поглотить, уничтожить за то, что ты Христов, желают, чтобы умолкли уста твои, говорящие о Христе, – то вспомни тогда о нем, первом мученике, возопий к нему: о, святый мучениче, первый евангельский мучениче Христов, поспеши мне на помощь! Дай мне, чтобы и я умер за Господа Иисуса Христа, оставил тело, как временную одежду, и двинулся в Царство Христово святым мученическим путем! И он умолит Господа, чтобы и ты вошел в лик святых.

Так сегодняшняя малая Великая Пятница превращается для нас в великую воскресную радость. Пятница малая, а воскресение великое – воскресение для всех христиан всех веков. И для нас – и для меня, и для тебя, и для каждого нынешнего христианина – сегодняшняя Великая Пятница в то же время и воскресение, ибо мы славим вечноживого на небесах святого Иоанна, Крестителя Господня, как победил он смерть, причиненную ему Иродом, как возлетел в небесный мир, чтобы быть первым после Богоматери рядом с Господом Иисусом Христом. Вы видели икону, называемую «Деисис», т. е. моление: Господь сидит на престоле славы – Царь Небесный, с правой стороны Его – Пресвятая Богоматерь, а с левой – святой Предтеча. Они молятся Ему за род человеческий.

О, пусть бы его святые молитвы вознеслись и сегодня, и завтра, и всегда, и возносились бы за нас, христиан-сербов, и за всех людей мира сего, чтобы всех Господь привел к покаянию, всех помиловал, всех спас, – чтобы все люди, предводимые славным Предтечей, вечно прославляли Единого Истинного Бога на небе и на земле, Господа Иисуса Христа, Которому подобает честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Проповедь в день святого Благовещения Пресвятой Богородицы и Входа Господня в Иерусалим[128]

Вот два праздника – Благовещение Пресвятой Богородицы и Вход Господень в Иерусалим – объясняют нам, кто мы такие есть: что есть человек, кто он и для чего он в этом мире. Господь пришел в мир сей, для чего? – Для того, чтобы смерть превратить в сон. Поймите вы это хорошо. И сегодняшний праздник, Вербное воскресенье, возвещает нам, что Господь на самом деле превратил смерть в сон, из которого Он пробуждает каждого человека.

Что это? Какая это сила пришла в этот мир? Пришел Сам Бог – это единственный ответ, ибо сегодня мы это слышали в Святом Евангелии, где говорится, что и Лазарь, которого Он воскресил из мертвых, был на вечери, и народ собрался, чтобы видеть того, кого Господь воскресил из мертвых, как ото сна. Ибо когда пришла весть, что Лазарь болен и что он уже умер, Спаситель говорит ученикам Своим: *Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его* (Ин.11:11). А ученики в удивлении отвечают: *Господи, если уснул, то выздоровеет,* ведь каждый человек, засыпающий сном, проснется от него. Тогда Господь им сказал: *Лазарь умер.* Чего от этого ждать? Люди перед смертью немощны, как мотыльки, как букашки. Чем хвалитесь вы, люди? – Имением, наукой, философией, культурой? Все это мусор. Ты и я – рабы смерти. Каждый человек – раб греха, раб смерти. Может ли человек быть радостным в этом мире? Нет! Человеку, который осознает себя со всей серьезностью, зрит смерть как последнюю станцию своей жизни, – не до ликования в этом мире, не до наслаждений в нем. Все наслаждения – ложь, если и для тебя, и для меня они оканчиваются смертью.

Смотри, Спаситель действительно пришел, и сестры Лазаря предупреждают Его и говорят: *Господи! Уже смердит.* А Спаситель отвечает Марфе: *Не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?.. Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин.11:40, 25). И говорит: *Отнимите камень,* – и когда отняли, то вознес молитву благодарения к Богу и *воззвал громким голосом: Лазарь! Иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком* (Ин.11:43–44). И этот Лазарь, четыре дня бывший во гробе, четыре дня бывший на том свете, вновь возвратился в свое тело. Для чего? Чтобы истинно показать, что по силе и крепости Господа Иисуса Христа смерть – это сон

для Господа. Он пришел, чтобы мучение смерти, ужас смерти удалились от нас, людей, чтобы спасти нас от смерти. Эту победу никто не мог дать людям, никто не смог бы и до сего дня. О, сколько сейчас «спасителей мира» на всех пяти континентах, и кто только не предлагает себя в «спасители мира»? Кто только не обещает рай на земле – а создали ад.

Вы слышали в Святом Евангелии, что первосвященники положили убить не только Господа Иисуса Христа, но и Лазаря, свидетеля воскресения. Народ видит, удивляется и говорит: мы – свидетели, вчера Он вывел его из гроба – и воскрес человек. Что это? Хотят и Лазаря убить, убить свидетеля? – *Потому что ради него многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса* (Ин.12:11). И это непрестанно происходит в Церкви Христовой вот уже две тысячи лет: противники Креста, противники Христа Господа, стараются убрать из мира всех Его свидетелей, подобных Лазарю, чтобы они не свидетельствовали. Но как вы отмахнетесь от свидетельств святого Василия Острожского, святого Прохора Пчиньского, святого Стефана Дечанского, святого Наума Охридского? Вот в Церкви непрестанно происходят евангельские чудеса, свидетельства о силе воскресшего Господа Иисуса Христа, силе, превращающей смерть в сон, болезнь – в здравие.

Да, Господь Своим Воскресением открыл всем нам путь к воскресению от смерти, к победе над смертью. Поэтому сегодня и поем мы славный и преславный тропарь «Общее воскресение», т. е. то, что Господь накануне Своих страданий делом явил, что все люди воскреснут из мертвых, – после того, как воскреснет Он и уготовит воскресение каждому человеческому существу. Это и есть сила, влекущая ко Господу Христу. Без Христа никому из нас не поможет ни имение, ни наука, ни философия, ни культура, ибо все проходит. А что Он предлагает тебе и мне? – Вечную жизнь, Вечную истину, Вечную правду, Вечную любовь, – то, что никто не может предлагать. И это Он предлагает Церковью через века, поэтому она неуничтожима: не потому, что некий архимандрит Иустин ее охраняет или лик священников, но потому, что Церковь Христова – это Сам Господь Иисус Христос, потому что Его, Бессмертного Бога, никто не может убить, никто не может Ему повредить. А нас, свидетелей Его, пусть отсылают на сотни смертей, – все это для нас сон, сон, сон, из которого Господь пробуждает, когда хочет. Поэтому мы не боимся смерти. Поэтому мы идем на смерть как на победу. Святой Григорий Нисский говорит: «Вы, враги наши, чем вы нам угрожаете? Смертью? Но знайте, смерть за Господа Христа – это наша победа. Когда мы умираем – побеждаем». Умирая за Него, мы побеждаем всех вас и не

страшимся: перед нами открыто Царство Небесное, нам уготована Вечная Жизнь, Вечная Истина, Вечная Правда. Что сотворят нам люди?

И сегодняшнее Благовещение поистине осуществилось: Бог стал человеком, чтобы человека исполнить Богом и всем Божественным. Так поется в дивном церковном песнопении: Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом, т.е. Господь пришел в этот мир как Истинный Бог и жил в нем тридцать три с половиной года как человек, чтобы показать нам, какой должна быть жизнь человека в этом мире. Ибо Он, не забудем этого, единственный совершенный и безгрешный Человек. Какова Его жизнь, такой должна быть жизнь каждого христианина, каждого Его последователя, т. е. мы должны стараться и прилагать усилия идти Его стопами и жить Его жизнью.

Сегодняшняя благая весть, изреченная святым Архангелом Гавриилом Пресвятой Богородице – это весть о том, что Она родит Сына, зачнет Его от Духа Святого, и Он спасет людей от греха; от греха – значит от смерти. Ибо кто ввел смерть в этот мир? – Грех, грех. Человек, к сожалению, сыграл в этой жизни ту постыдную роль, что ввел в мир сей и грех, и смерть, и дьявола. Это сделали не звери, не птицы, а человек. И потому человек должен испытывать чувство стыда перед всеми животными, птицами и растениями; пусть стыдится человек и пусть просит прощения у каждой птицы в том, что он ввел в этот мир смерть, ввел ее и в птиц, и в животных, и в растения[129]. Все тлеет и умирает, доколе? – До воскресения мертвых. Когда Господь будет судить мир и вместо ветхой земли создаст новую, тогда на ней все будет бессмертно. Этого мы не можем и не умеем себе представить, но это благовестие Господа Иисуса Христа.

Мы, христиане, не только смерть, но и грех считаем сном. Нет такого греха, каким бы страшным и ужасным он ни был, который христианин верой в Господа Иисуса Христа не мог бы изгнать из себя, освободить себя от него. Точно также Всемогущий Господь даровал нам Собой и в Церкви Своей еще и то, что и дьявол стал сном. Этот пакостник, это ничтожество становится сном! Так что мы силой Господа Христа побеждаем дьявола везде и всюду и как во всеоружие Божие – во всеоружие Божие! – облекаемся в Господа Христа, как говорит святой апостол Павел. И этим всеоружием Божиим мы побеждаем дьявола во всех бранях. А что такое это наше оружие? – Вера в Господа Иисуса Христа, Который воплотился: Бог стал человеком, жил на земле, Своим Воскресением, Своими Страданиями, Своим Преображением и Своим Вознесением спас людей от греха, смерти и диавола, т.е. предложил им спасение. Спаситель никому не навязывает спасения, никого не заставляет идти за Собой; если кто

хочет идти за Мною, пусть идет, – так говорит Спаситель.

Итак, мы, христиане, имеем в себе и вокруг себя, в Церкви Божией, бесчисленный сонм свидетелей, которые ясно, непрестанно и неумолчно свидетельствуют, что Господь Иисус Христос, основав Церковь, преподав нам Святые Таинства и святые добродетели, преобразил грех, смерть и дьявола в сон и что Им мы побеждаем все те доселе и до некоего времени страшные силы, побеждавшие весь мир.

Итак, два сегодняшних благовестия, благовестия святых праздников Благовещения Пресвятой Богородицы и Входа Господня в Иерусалим, вещают нам всю тайну нашей человеческой жизни, всю цель нашей жизни: для чего мы живем и для чего нужно жить. Жить нужно для вечной жизни, для победы над смертью, в силу чего достигаем мы вечной жизни. Чем? – Живя по Вечной Истине Христова Евангелия. Еще чем? – Евангельской любовью. Еще чем? – Милосердием, смирением, кротостью, благостью и всеми святыми добродетелями. Каждая из святых добродетелей – это оружие Божие, данное тебе и мне для победы над тем самым страшным, отторгающим нас от Вечной жизни, отнимающим у нас Вечную истину и Вечную правду. Поэтому мы, христиане, до последнего издыхания своего боремся за свои души. Мы, христиане, верим слову Спасителя, рекшего: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?*

Какая польза от того, что Европа, Америка и все континенты стремятся завоевать мир, вселенную, Луну, Марс, звезды? Ведь то, что мы называем Млечным путем, как те же самые ученые утверждают, – это около 200 миллиардов таких же солнечных систем. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* – Да, мы хотим это завоевать. У кого вы отвоевываете Луну? У кого отвоевываете звезды? – У Господа, рассеявшего их, как цветы, по бесконечному пространству. Как нищ европейский человек, бросающийся на небо, как на врага.

Но мы, христиане, жизнью своей вносим в этот мир благовестие. Благовестие о том, что Бог стал человеком и остался в нашем мире, остался в Церкви Своей и подает нам все средства, чтобы мы победили все восстающее на человека, на нас: грех, смерть и дьявола. Силу победы над этим дарует нам Воскресший Господь Иисус Христос, к Воскресению Которого мы спешим и Им хвалимся. Поэтому мы, когда и тысячи смертей устремляются на нас, повторяем с апостолом Павлом его совет и наказ христианам: *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь.* Кто больше перестрадал и претерпел, чем апостол Павел? Но сопровождает его по этому миру постоянная радость. Это вера в Господа Иисуса Христа. Это

сила той веры. Это свидетельство всех святых и прежде всего – Пресвятой Богоматери, родившей нам Господа.

Родив Господа Иисуса Христа, Она уготовала всем нам спасение. Поэтому праздник Благовещения – Ее праздник, ибо если бы Ее не было, то и Господь не пришел бы в этот мир. Единая Пречистая, единая Всебезгрешная, единая Всесовершенная в роде человеческом, Пресвятая Богоматерь, Она ведет нас, Она руководствует, Она – все и вся для нас, христиан. Она во главе всех святых, которые в Церкви Христовой и через Церковь Христову каждый день, каждую ночь помогают всем нам на тернистом пути через этот мир, крестоносном пути к Царству Небесному, где Она со всеми святыми славит Досточудного Сына Своего, Которого нам родила по бескрайней милости Своей и всечистоте Своей.

Да примет Она в день сегодняшнего праздника все наши молитвы, все воздыхания, все наши видимые и невидимые слезы, да вспомоществует Она каждому человеческому существу, да поможет каждому неверному и заблудшему, чтобы нашел он свой путь в этом мире, чтобы очнулся, чтобы пришел в себя от безумия, чтобы понял, что он только тогда человек, когда верует в Господа Иисуса Христа и живет Его вечной Истиной, вечной Правдой, вечной Любовью. Да путеводит Он нас, молитвами Пресвятой Богородицы и всех святых, из немощи в силу, из смерти в бессмертие, из кратковременной в вечную жизнь. Аминь.

Проповедь на освящении обновленного храма[130]

И это наше местечко имеет свое небо – этот святой храм. Ибо каждый святой храм – это частица неба на земле. И когда ты в храме, то, смотри, ты уже на небе. Когда земля измучит тебя своим адом, ты поспеши в храм, войди в него, и вот – вошел ты в рай. Если люди досадят тебе своим злом, ты прибегни к храму, припади к Богу, и Он примет тебя под Свою благую и всемогущую защиту. И если случится, что на тебя нападут целые легионы бесов, ты беги в храм – стань среди святых Ангелов, ибо храм всегда полон Ангелов, и Ангелы Божии охранят тебя от всех бесов мира сего. И ничто не сможет тебе повредить. Не забывайте, братья: мы, христиане, сильны Богом. Кто тогда может быть сильнее нас? Никто, никто! Никто из людей, никто из бесов! А без Бога – кто мы, люди, в этом мире? Игрушки греха, игрушки зла, игрушки в руках дьявола. О, брате; о, человече, стоит только какому-либо греху побороть тебя, как дьявол начинает над тобой смеяться. И если он низвергает тебя во многие грехи, то легионы бесов злорадствуют над твоим падением, и смех их разносится во все стороны.

Человек, когда он не с Богом, – всегда игрушка дьявола. И дьявол с ним забавляется: то наполняет душу его нечистыми помыслами, то насаждает в его сердце худые пожелания, то зажигает его язык сквернословием, то склоняет его к клевете, к сплетням, к воровству, к блуду и к любому другому худому делу. И так продолжается до тех пор, пока человек не вспомнит о Боге, не прибегнет к храму Божию и не припадет к Богу. Тогда – тогда он весь на небе, и не могут его достать ни грехи, ни бесы, ни человеческое земное зло. Тогда он огражден Ангелами, огражден Божиими святыми, которые огнем молитв своих попаляют всякое зло, восстающее на него из мира, от людей, от дьявола, из ада.

Знаете ли, братья, какое самое грозное человеческое оружие на земле, оружие непобедимое и всепобеждающее? Молитва! Да, молитва! И еще раз – молитва! Ибо молитвой человек всю свою душу, все свое сердце, всю свою жизнь предает Богу, и Бог становится его защитителем и хранителем. Что могут тогда сделать ему люди, что бесы? Ничего! Ничего! Ничего! Потому нам Господь и заповедует в Своем Евангелии: *Непрестанно молитесь.*

Почему сегодня так много зла в мире? Потому что люди сложили с себя самое надежное оружие, всепобедное оружие, во всех бранях побеждающее всякое зло, всякий грех, всякого демона. А это оружие и

есть молитва. Молитва и пост. Оно – самое надежное, ибо оно – Божие оружие; все им побеждается, ибо сие есть оружие Христово, оружие Единого Истинного Бога на небе и на земле. А Он? – Он вручил это оружие нам, христианам; оно хранится в Церкви и вручается в Церкви. Божественные уста Спасителя открыли всем жителям земли истину, величайшую истину о том, что молитвой и постом изгоняется из людей всякая нечистота, всякий грех, всякое зло, всякий демон.

Когда люди отвергают это Христово оружие, они легко становятся пленниками всякого зла, всякого греха и, увы! – становятся пленниками любого беса. Почему сегодняшняя Европа впала в такую бездну зла, из которой нет выхода? Потому что она отвергла Христа, отвергла Его Святое Евангелие, сбросила с себя Его всепобедное оружие – молитву и пост. Отказалась от всего этого и пытается без Христа решать свои проблемы. И не только без Христа, но и наперекор Христу. А кто ратует против Христа Бога, тот товарищ бесам. И что от него останется в этой брани? – Труп! Труп! Только труп!

А мы, сербы, что сделали с этим всеоружием Христовым? – В большинстве своем мы его также отвергли и слепо бежим вслед за Европой, и потому заблудились мы в дебрях европейских христоборческих стремлений и планов и погрязаем в тине ее зол и грехов. И умирает наша сербская душа в пустыне европейского христоборческого безбожия, ибо она оставила свято-саввское Евангелие Христово, оставила молитву и пост.

Пока мы молились и соблюдали пост, пока мы были вооружены этим всепобедным оружием Христовым, мы, сербы, выходили победителями во всех духовных бранях. Победителями, ведомыми и предводимыми кем? – Самым великим сербским молитвенником и постником – святым Саввой. Ибо в сербском роде святой Савва стал и навсегда остался непобедимым, всепобеждающим победителем во всех духовных бранях, которые вели сербы. Почему? Потому, что он всегда вооружался всепобедным оружием Христовым – молитвой и постом. Он из царских палат убежал на Святую Гору и там молитвой и постом после долгих трудов сподобился благодати праведника, святителя, христоносца, богоносца. И так стал самым великим подвижником, первым бессмертным подвижником сербского народа, сербской истории. И этим всепобедным оружием он вооружил и своего отца-правителя, и своего брата-короля, и весь тот сербский народ, и всех своих святых и славных потомков, которые жили и погибали за Честный Крест и за Христову свободу.

А мы, нынешние сербы? – Мы бросили это оружие святого Саввы; и

занедужили наши души всеми европейскими «культурными» болезнями, и началось вымирание сербских душ, чего никогда не знала сербская история. Вымирание душ? – Да! Ибо душа умирает без молитвы и поста. Душу, которая насыщает себя, но не защищает молитвой и постом, легко побеждает всякий грех, всякое зло. А когда сойдутся вместе многие грехи и многие виды лукавства, то они в согласии насылают на нас, сербов, все смерти и хотят погубить нашу душу, отнять у нас Бога, умертвить нашу совесть, превратить наш рай в ад. О, братья мои, евангельская это истина: как только человек отвергает молитву и пост, он оставляет врата своей души настежь открытыми для всякого зла, всякого греха, всякой смерти. Что относится к отдельному человеку, относится и ко всему народу в целом.

Сегодня, слава Богу, мы освятили этот обновленный храм. А для чего храм? – Для молитвы к Богу, для служения Богу в правде и святости истины. В храме, в церкви Христовой, мы молитвой поверяем себя Богу – и Он научает нас Своей вечной Божественной правде, Своей вечной Божественной истине, Своему вечному Божественному благу. И так мы облекаемся во всеоружие Христово: Его Божественной правдой мы препобеждаем всякую земную неправду; Его Божественной истиной мы ограждаем себя от всякой земной лжи; Его Божественным благом попираем всякое земное зло. И чем больше человек молится Богу, тем больше чувствует он себя сильнейшим всякого зла, всякого греха, всякого демона. А это происходит оттого, что через молитву человек все более возрастает во всяком Божием благе, во всякой Божией истине и правде. И во всякой духовной радости. И этой радости, этого блаженства никто не может отнять у него ни на небе, ни на земле. Вспомните, святой Савва говорил и писал: «Для меня молитва есть самое величайшее блаженство на свете».

Поэтому он, а с ним и после него и все святые Неманичи, созидали дома молитвы – святые церкви и монастыри – по всей сербской земле и жертвовали им свои имения. И в этих построенных ими святых церквах и монастырях они оставили нам все, что только есть бессмертного, вечного и божественного в нашей истории, в нашем народе. Смотрите, мы и сегодня гордимся этим перед всем миром как своим бессмертным богатством. Поэтому и для нас, нынешних сербов, имеет силу завещание святого Саввы: воздвигать храмы, служить Истинному Богу, жить ради вечной Истины и Правды Христовой и умирать за них. Ибо кто сербы без Христа Бога, без Православия, кто, кто, кто? – Лишь жуткая вереница трупов и ничего более!

А с Христом Богом кто такие сербы? – Бессмертная нация, бессмертный народ, Божий народ; народ, сильнейший всякой смерти, ибо он сильнее любого греха и демона. А ко Христу Богу кто нас ведет, кто приводит? – Святой Савва, Свято-Саввская Церковь Христова. Отсюда вытекает и сюда стекается все вечное, бессмертное и божественное в сербском роде, в сербском народе.

И вы, братья мои, соплеменники мои, хотите ли быть достойными преемниками и потомками святого Саввы? Тогда – держитесь за этот святой храм, держитесь душой за эту его святую церковь. Когда напасти и мучения нахлынут на тебя, – вот для тебя свято-саввская крепость: укройся в ней, и душа твоя останется целой и здравой и на земле, и на небе. Когда ложь и заблуждения мира сего гнетут твой ум, – вот святая свято-саввская школа: войди в нее и обучайся в ней святой Истине Божией, святой жизни, бессмертной и вечной. Ибо в этом земном мире только Церковь Христова научает нас и только она вводит нас в вечную жизнь через вечную истину и правду. Этим обладает только она, потому только она и может дать. Все другое в мире сем увлекает и ввергает душу в бездны смерти, тления и ада.

Когда вы слышите звон с этой вашей святой церкви, говорите себе: вот, Господь нас зовет к Себе, Господь нас учит, чтобы мы были добрыми, праведными, святыми, бессмертными и вечными! Господь нас зовет на молитву, чтобы с помощью молитвы очистились мы от греха и зла и вооружились вечной истиной и вечным добром, дабы могли выстоять, когда ополчатся на нас напасти, горести и неправды мира сего.

Что? Ты сомневаешься? Да разве Господь Иисус Христос тебя обманет? Разве Он тебя подведет? Прислушайся к тому, что тебе говорят твои святые предки: святой Савва, святые витязи сербские, веками погибавшие за Честный Крест и святую свободу во Христе. Слушай, что тебе заповедует почти что наш современник – молодой воин евангельской правды Христовой, святой иеродиакон Аввакум: вот идет он по белградским улицам, неся на себе кол, на котором турки его уморят, идет, турки неистовствуют вокруг него, а он радостно воспевает:

Серб Христов – радуется смерти! Нет веры лучше христианской!

А ты? Ты боишься смерти? Ты боишься исповедовать свою веру в Господа Иисуса Христа! Значит, не силен ты верой, не силен молитвой: душа твоя усыплена маловерием или неверием! Восстани, спящий душой, воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос, и даст тебе вечную правду, а через нее и вечную жизнь. И тогда ты как бессмертный герой ринешься в битву против всех смертей, нападающих в мире сем на душу твою, и победишь их окончательно и навсегда. Сего ради Господу нашему Иисусу

Христу, Единому Истинному Богу на небе и на земле, подобает вечная честь и слава, а на всех вас Его вечное благословение – ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Проповедь на отпевании доброй христианки[131]

Братья и сестры, пока Господь Иисус Христос не явился в нашем земном мире со Своим Святым Евангелием, мы, люди, не знали ни что такое добро, ни что такое зло, ни что такое истина, ни что такое ложь, ни что такое правда, ни что такое неправда. А что самое главное, мы не знали ни что такое добрый муж (человек), ни что такое добрая жена. Только от Господа Иисуса Христа мы узнали все это: добро – это только то, что приходит от Христа и приводит ко Христу. А что такое добрый муж? – Только Христов муж – добрый муж. Другими словами, только христианин – это поистине добрый муж и истинный муж; и только христианка – это поистине добрая жена и истинная жена. Почему это? – Потому что только Христово добро – нетленно, бессмертно и вечно; только Христова истина – нетленна, бессмертна и вечна; только Христова правда – нетленна, бессмертна и вечна. Поэтому и добро этой усопшей христианки – бессмертно и вечно, поэтому и истина ее – бессмертна и вечна, и правда ее – бессмертна и вечна. Да, вот ее добро, ее истина, ее правда – в детях ее. Это вечно и бессмертно и в ней, и в ее детях.

Поэтому, дорогие братья и сестры, эта добродетельная покойница – пример доброй христианки, а это значит – единственной поистине доброй жены в нашем земном мире. Ибо что такое добрая христианка? – Добрая христианка – это жена, которая денно и нощно воплощает в своей жизни евангельское добро, евангельскую истину, евангельскую правду. Нет такого зла, которое не может она преодолеть своим добром; нет такой лжи, которую не может она развеять своей истиной; нет такой неправды, которой не может она воспротивиться своей правдой. За оскорбление воздает она не оскорблением, а прощением; за зло воздает не злом, а добром; на ненависть отвечает не ненавистью, а любовью. Против всякого человеческого зла она выводит божественное добро – и так всегда одерживает победу Христом.

Каждая мать – мученица, а прежде всего – мать-христианка. Почему? Потому что она день и ночь неустанно печется и страдает о телесном и духовном здравии своих детей. В этой своей непрестанной заботе она каждый день умирает за своих детей. Это истина нашего земного мира – истина, которой удивляются небожители. Ибо если и есть что на земле, чему дивятся Ангелы небесные, так это добрая христианка, добрая мать, добрая жена. Нет ничего более тяжелого и ответственного в нашем земном мире, нежели служение матери-христианки. Почему? Потому что ее

главная обязанность – это приготовить детей своих к бессмертию и вечной жизни. Если приготовила она их к этому, то тем самым она и себя приготовила к небесному раю. А если не приготовила, то ее душа низвергнется в преисподнюю, где вечный плач и скрежет зубов. Как добрая мать-христианка приготовляет детей своих к бессмертию и вечной жизни? – Научая и воодушевляя их жить по Христову Евангелию, ибо в Христовом Евангелии все бессмертно и вечно. И сия усопшая истинная христианка трудилась над этим всю жизнь: научала своих детей Евангелию, воодушевляла Евангелием, по Евангелию воспитывала, по Евангелию растила. Вот перед нами истинная воспитательница. Ибо только истинная христианка – истинная воспитательница; в преходящем земном мире христианская мать – единственная истинная воспитательница, ибо детям своим она уготовала бессмертие и вечность. Да, ибо детей своих научила она вечной и бессмертной евангельской истине, вечной и бессмертной евангельской правде, доброте, молитве, кротости, смирению, надежде. А это именно то, что вводит детей в бессмертие и вечность. Такое воспитание поистине вечно, ибо этим и ради этого люди и живут и в этом земном, и в том небесном мире. Разве истиной Христовой не живут и Ангелы на небе, и люди на земле? Разве любовью Христовой и молитвой не живут и святые на небе, и христиане на земле? Дорогие дети дорогой покойницы, храните в себе бессмертие, которое ваша мать насадила в вашей душе! Возращайте его, заботьтесь о нем, ибо только заботой оно стоит и заботой совершенствуется. И все бессмертное в вас выстоит, укрепится, если живете и будете жить по-евангельски, если будете жить евангельским добром, истиной и правдой. А если оставите евангельскую истину, евангельское добро, евангельскую правду, то потеряете бессмертие, которое оставила вам ваша достохвальная мать, и не удостоитесь вы видеть в оном мире блаженную и бессмертную душу своей предивной, достойной всякого подражания матери, когда придет час оставить этот мир.

Эта добрая мать, эта добрая христианка, отходящая ныне в небесный мир, – пример самопожертвования. Смотрите, не умирала ли она каждый день за детей своих, не жертвовала ли собой день и ночь непрестанно, чтобы только было им хорошо, их душе, их бессмертию? И вы, дети, сослужите достойную службу своей незабвенной матери и воздадите ей должное, если каждый день будете воскрешать в душе своей воспоминание о ней, молитвы за нее, и любовь, и почтение.

Нет сомнений, братья и сестры, сейчас Ангелы небесные с радостью встречают эту дивную мать в горнем мире и вводят ее в Царство Небесное,

которого да удостоит и нас Всемилостивый Господь молитвами этой усопшей доброй христианки. Аминь.

Рождественские и пасхальные поздравления

Совершенный Бог и совершенный Человек. Христос родися![132]

Бог на земле родился, родился как человек: совершенный Бог и совершенный Человек – единый Богочеловек. И навсегда остался Богочеловеком на земле и на небе. Вот Богочеловек – это первый совершенный Человек на земле. Совершенный Человек? – Да, ибо только в Богочеловеке человек без греха, без лукавства, без смерти, весь исполнен Богом, а тем самым и всеми Божественными совершенствами. Богочеловек самым убедительным образом явил и засвидетельствовал следующее: человек – только тогда истинный человек, когда полностью соединен с Богом, весь, во всем и по всему живет с Богом: Богом мыслит, Богом чувствует, Богом действует, Богом творит добрые дела, Богом входит в бессмертие и вечность. Человек – лишь Богом человек, истинный человек, совершенный человек, человек, в котором обитает вся полнота Божества. Расчленим эту основную евангельскую, Богочеловеческую истину о человеке. Душа человеческая? Только как Бого-душа в Богочеловеке она становится и навсегда остается безгрешной, бессмертной, богообразной, святой, совершенной, вечной. Ум человеческий? Только как Бого-ум в Богочеловеке ум становится и навсегда остается безгрешным, бессмертным, богообразным, святым, совершенным, вечным. Сердце человеческое? Только как Богосердце в Богочеловеке оно становится и навсегда остается безгрешным, бессмертным, богообразным, святым, совершенным, вечным. Совесть человеческая? Только как Бого-совесть в Богочеловеке она становится и навсегда остается безгрешной, бессмертной, богообразной, святой, совершенной, вечной. Воля человеческая? Только как Бого-воля в Богочеловеке воля наша становится и навсегда остается безгрешной, бессмертной, богообразной, святой, совершенной, вечной. Тело человеческое? Только как Бого-тело в Богочеловеке тело становится и навсегда остается безгрешным, бессмертным, богообразным, святым, совершенным, вечным. Жизнь человеческая? Только как Бого-жизнь в Богочеловеке жизнь наша становится и навсегда остается безгрешной, бессмертной, богообразной, святой, совершенной, вечной.

Все, что есть человек, все человеческое совершенно живет, трудится, мыслит, чувствует, становится истинно-человеческим, входит в бессмертие и вечность, сопричащается Богу, обоживается, – только в Богочеловеке и Богочеловеком. Человек только Богочеловеком Христом

являет собой божественное величие и наибольшую ценность после Бога на небе и на земле. Ради этого Бог и стал человеком и на всю вечность остался Богочеловеком. С Богочеловеком Христом все Божие стало человеческим, людским, нашим, чтобы каждый из нас в отдельности и все мы вместе, вкупе, в Богочеловеческом Теле Христовом – Церкви – стали богочеловеками, пришли *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф.4:12–13).

Поэтому день рождения Богочеловека Господа Иисуса Христа – Рождество Христово – самый великий и самый важный день в истории всего мира, где только движется и живет человек. Воистину – «радость велия»; воистину – единая истинная радость, единая вечная радость человеческого существа на небе и на земле. Богочеловек? – Это всеобщая Истина всего человеческого мира, Истина всего сущего. Богочеловек? – Это самое важное событие во всей человеческой истории, преобразившее все сущее. Богочеловек? – Это самая совершенная Правда во всей вселенной, торжествующая над всем. Богочеловек? – Это преизобилующая Любовь во всей вселенной, присутствующая во всем. Богочеловек? – Это всесильное Благо во всей вселенной, побеждающее все злое. Богочеловек? – Это самый важный Человек во всей вселенной, всеобъемлющий Человек. Богочеловек? – Это Единый Истинный Бог, Бог вездесущий, превознесенный над всеми богами.

Поэтому праздник Рождества Христова – это наша единственная вечная Радость, Радость всего сущего, Радость всех радостей, Радость над всеми радостями. Поэтому вновь и вновь: Христос родился! Богочеловек родился! Спаситель наш родился! Спасение наше родилось! Освящение наше родилось! Обожение наше родилось! Обогочеловечение наше родилось!

Бог вошел в недра человеческой жизни[133]

Христос родися!

Воистину Бог как человек на земле родился! Для чего? – *Чтобы мы получили жизнь через Него* (1Ин.4:9). Ибо без Богочеловека Господа Иисуса Христа жизнь человеческая – целиком и полностью самоубийственная бессмыслица, смерть, поистине самая явная и самая ужасная бессмыслица иа земле. Наполнить смерть смыслом – это значит придать смысл жизни во всех ее глубинах, высотах, бесконечностях. А совершает это только всечеловеколюбивый Господь, Который по безмерной любви становится человеком и навсегда остается Богочеловеком в человеческом мире. Жизнь человеческая только как Бого-жизнь, жизнь в Боге, приобретает свой вечный смысл. А вне Бога жизнь – это самый нелепый абсурд, преисполненный обиды и горечи. Твоя жизнь, человек, только в Боге обретает свой единственно разумный, единственно логосный, единственно логический смысл. И мысль твоя, брат, твоя человеческая мысль обретает свой божественный и бессмертный смысл только в Боге, только как Бого-мысль. Мысль человеческая только в Богочеловеке Господе Иисусе Христе становится Бого-мыслью. Также и чувства твои, человек, только в Боге находят свой божественный, свой бессмертный смысл. Без этого твои чувства – это твой самый безжалостный мучитель, постоянно распинающий тебя на вечном кресте, после которого нет воскресения. А совесть? Откуда этот свирепый незнакомец в нас, людях? И она только как Бого-совесть приемлет свой божественный и вечный смысл. Без этого и совесть человеческая – это свирепая и жуткая бессмыслица. А смерть моя, и твоя, и всех людей вообще не есть ли самое жестокое мучение для человеческого существа во всей вселенной? Да, это истинно так. Но и она только как смерть Богочеловека обретает свой вечный смысл в Воскресении Богочеловека, Господа Иисуса Христа, ибо Им, только Им, осуществляется победа над смертью и смерть в человеческом мире приобретает смысл. Так и все человеческое, весь человек со всеми своими бесчисленными бесконечностями только как благодатный Богочеловек в обогочеловечивающем и всеоживляющем Теле Богочеловека Христа – Церкви – обретает свой божественный, свой вечный, свой богочеловеческий высший смысл.

Воплощением, вочеловечением и о-человечением Своим Бог самым очевидным образом вошел в самую утробу, в недра человеческой жизни,

вошел в кровь, в сердце, в центр всего сущего. Вытесненный добровольным человеческим грехом из мира, из тела, из человеческой души Бог воплощением, вочеловечением возвращается в мир, в тело, в душу, Весь становится человеком и, будучи им, трудится для человека, вселяется в мир и среди твари промышляет о твари, освящает тварь, спасает тварь, преображает тварь, обоживает тварь. Воплощение Бога – это самое крупное потрясение и самое промыслительное событие как на земле, так и на небе, ибо здесь осуществилось чудо всех чудес. Если дотоле самым большим чудом было сотворение мира из ничего, то воплощение Бога в человека[134], несомненно, превзошло его своей чудесностью. Если при сотворении мира слова Божии облеклись в вещество, то при воплощении Господа нашего Иисуса Христа Сам Бог облекся в тело, в вещество, во плоть. Поэтому воплощение Бога стало промыслительным во всей вселенной: для каждой личности, для каждого существа, для каждой твари.

И ты живи Им – живи Богочеловеком, и исцелишься от всех смертей, от всех грехов, от всех страстей, от всякой бесовщины. Жизнь твоя пусть станет Бого-жизнью. В этом вся твоя небоземная тайна, о человек, как только станешь ты членом Церкви – членом Богочеловеческого Тела Христова. А как жить в Церкви Христовой? – Жить Святыми Таинствами и святыми добродетелями. Поэтому перед Рождеством – пост. Пост как первая добродетель, и с ним всегда молитва. Эти две основные добродетели приводят человека к Богочеловеку и богомудро научают его, как жить Им и в Нем. Что делать с телом, данным тебе от Бога? – Очистить его, освободить его от всякой нечистоты, от всякой страсти, от всякого зла, от всякого демона. А что это значит? – Это значит очистить его от всякого греха, ибо во всяком грехе скрывается дьявол, во всяком грехе действует дьявол наряду с твоей свободной волей. В великом грехе – князь бесовский, в малом – бесенок. И тебе, и мне, и каждому человеку даны все средства победить этих бесов, все страсти, все грехи, все смерти в нас и в окружающем нас мире. На первом месте молитва и пост. Всеистинные уста Всеистинного Господа Иисуса Христа изрекли и эту животворящую истину: *Сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф.17:21), – род всех видов грехов, всех видов страстей, всех видов бесов.

Рождество пред тобой, предо мной, пред всеми нами, братья и сестры: Бог рождается как человек, «чтобы мы жили Им» и тем самым наполнили Богом и душу, и тело. А этого удобнее всего достигаем молитвою и постом. Они чистят, очищают и тело, и душу, чтобы в них радостно вселился Чудесный и Пресладкий Богомладенец, Господь Иисус, и

исполнил Богом всецелое наше человеческое существо, все его бесчисленные бесконечности. Ибо для того и сотворены, человек, и твое тело, и твоя душа, чтобы исполниться Богом и жить Богом в горнем Божием мире. Нашими богоданными учителями в этом являются смиренная молитва и смиренный пост – эти святые и основные евангельские добродетели. Пусть они летят с нами, пусть предваряют нас и всем людям во всей вселенной неумолчно возвещают всеспасительное и всерадостное благовестие: Христос родился! Христос родился! Христос родился!

Христово воскресение – победа над смертью[135]

Христос воскресе! Воистину воскресе! Свидетель сему – ты, свидетель – я, свидетель – каждый христианин, начиная от святых апостолов и вплоть до Страшного Суда. Ибо только сила Воскресшего Богочеловека Господа Иисуса Христа могла дать, и подает, и всегда будет подавать каждому христианину, от первого до последнего, силу победить все смертное – и самую смерть, все греховное – и самый грех, все дьявольское – и самого дьявола. Ибо только Воскресением Своим Господь всепобедительно явил и засвидетельствовал то, что Его жизнь – Вечная жизнь, Его истина – Вечная Истина, Его любовь – воистину Вечная Любовь, Его благо – Вечное Благо, Его радость – Вечная Радость и что все это Он, по Своему беспримерному человеколюбию, дарует каждому христианину во все времена. При этом нет такого события, не только в Святом Евангелии, но и в истории рода человеческого, которое было бы так убедительно, так неодолимо, так неопровержимо засвидетельствовано, как Воскресение Христово.

Несомненно, во всей своей исторической действительности, исторической мощи и всемогуществе христианство основано на факте Воскресения Христова, а это значит – на присноживой Личности Богочеловека Христа. Об этом свидетельствует вся многовековая и непрестанно чудотворящая история христианства. Ибо если есть такое событие, к которому можно свести все события из жизни Господа Иисуса Христа, святых апостолов и вообще всецелого христианства, то это событие – Воскресение Христово. Точно также если есть такая истина, к которой можно свести все евангельские истины, то эта истина – Воскресение Христово. И еще: если есть такая реальность, к которой можно свести все новозаветные реальности, то эта реальность – Воскресение Христово. И наконец, если есть такое евангельское чудо, к которому можно свести все новозаветные чудеса, то это чудо – Воскресение Христово. Только в свете Воскресения Христова становятся чудесно ясными и Образ Богочеловека Христа, и Его дело спасения людей. Только в Воскресении Христовом обретают полное объяснение все чудеса Христовы, все Его истины, все Его слова, все новозаветные события.

До Своего Воскресения Господь Иисус Христос учил о вечной жизни, а в Воскресении показал, что Он – воистину вечная жизнь. До Своего Воскресения Он учил о воскресении мертвых, а Воскресением явил, что Он – поистине воскресение мертвых. До Своего Воскресения Он учил, что

вера в Него переводит из смерти в жизнь, а Воскресением Своим явил, что победил смерть и плененным смертью людям уготовал переход из смерти в бессмертие. Да, да, да: Господь Иисус Христос Воскресением Своим явил и засвидетельствовал, что Он – Единый Истинный Бог, Единый Истинный Богочеловек во всей вселенной.

Без Воскресения Богочеловека нельзя было бы объяснить ни апостольства апостолов, ни мученичества мучеников, ни исповедничества исповедников, ни святительства святителей, ни подвижничества подвижников, ни чудотворения чудотворцев, ни веры верующих, ни любви любящих, ни надежды надеющихся, ни поста постников, ни молитвы молитвенников, ни кротости кротких, ни милости милостивых, ни вообще какого-либо христианского подвига. Если бы Господь не воскрес и как Таковой не исполнил Своих учеников всеживотворящей силой и чудотворной премудростью, кто бы их, бежавших от страха и оставивших своего Учителя, собрал и дал им смелость, силу и мудрость так неустрашимо, с такой силой и рассудительностью проповедовать и исповедовать Воскресшего Господа и с такой радостью идти на смерть за Него? И если бы Воскресший Спаситель не исполнил их Божественной силы и премудрости, как бы они тогда зажгли мир неугасимым огнем новозаветной веры, они – люди простые, некнижные, неученые, бедные? Если вера христианская не есть вера в Воскресшего и поэтому вечно-живого и животворящего Господа Иисуса Христа, кто бы воодушевил мучеников на подвиг мученичества, исповедников на подвиг исповедничества, подвижников на подвиг подвижничества, бессребреников на подвиг бессребреничества, постников на подвиг постничества и вообще любого христианина на любой евангельский подвиг?

Все это истинно и для меня, и для тебя, и для каждого человека, ибо Чудесный и Всесладчайший Господь Иисус Христос, Воскресший Богочеловек – это единственное Существо под небом, Которым человек на земле может победить и смерть, и грех, и дьявола, и стать блаженным и бессмертным в Вечном Царстве Любви Христовой. Поэтому еще и еще бесчисленное множество раз – Христос воскресе!

Люди – это вечные братья, вечные собратья[136]

Христос воскресе! – Воистину воскресе!

Братья мои бессмертные, собратья мои вечные!

Воистину бессмертные и воистину вечные. Ибо это дар, воскресный дар Воскресшего Господа Иисуса Христа: Им мы все стали бессмертными и вечными. Я бессмертен и вечен для Вас, Вы бессмертны и вечны для меня. Поэтому все наше бессмертно и вечно, имеет бессмертную и вечную значимость. Будем жить как бессмертные и вечные существа! Ради этого человеколюбивый Господь и пришел в наш земной мир, и воскрес, и преподал нам свое вечное Евангелие, и основал Свою вечную Церковь. И этим Он уготовал нам бессмертие и вечную жизнь. Поэтому пусть все у нас будет для Него, Воскресшего и Вечного! А через Него – для нашей бессмертной и вечной жизни.

Всеславным Воскресением Своим Господь соделал нам и воскресение души, и воскресение тела. Воскресение души из греха, ибо грех – смерть души, могила души; воскресение тела из тления, которое через грех овладело человеческим естеством. Ненависть – смерть и могила души; сребролюбие – смерть и могила души; гордость – смерть и могила души; злоба, пересуды, клевета, гнев, похоть, леность, уныние, вообще всякий грех, всякая страсть – это смерть и могила души.

Через все наши нераскаянные грехи и непобежденные страсти – тлеет наша душа, умирает наша совесть, грубеет наш ум.

Христос воскресе! – Для того воскрес, чтобы и мы Его воскресной благодатью, Его воскресной силой воскресили себя из всех смертей наших, из всех наших гробов. И мы это можем, если того возжелаем. Все зависит от меня, от тебя, от нашего личного усилия, от нашей веры и ревности. *Восстань, спящий* – во грехе, в каком бы то ни было грехе; в страстях, в каких бы то ни было страстях; восстань, ибо грехи усыпили твою душу сном смерти, ибо страсти умертвили твою душу! Восстань *и воскресни из мертвых* – покаянием! Пробуди себя от смерти – верой, пробуди – молитвой, пробуди – милостыней, пробуди – постом! И – *осветит тебя Христос!* Несомненно, осветит тебя, если только приступишь к Нему с покаянием, с молитвой, с надеждой, с воздыханиями и слезами! Знай, нет такого греха, нет такой страсти, нет такой смерти, которых не могли бы победить и я, и ты, и все мы: победить силой Воскресшего Господа Иисуса Христа, Единого Победителя всех смертей во всей вселенной.

Когда я, ты, мы воскресим себя из мертвых и станем ходить в новой

жизни, тогда Воскресший Господь и паству нашу приведет к новой жизни за нашу веру, за наши молитвы, за наши подвиги, за наши вопли. И на наших глазах сбудется в нас и в братьях наших евангельская истина: *древнее прошло, теперь все новое* – новый ум и у тебя, и у меня, и у всех нас, новая душа, новое сердце, новая совесть, и в них новые мысли, новые чувства, новые произволения, новая жизнь – все евангельское, все бессмертное, все вечное, все богочеловечное.

Каждый человек – это твой вечный брат, твой бессмертный собрат. Следи за тем, как ты с ним поступаешь! Рассмотри, что мыслишь о нем! Исследуй, что о нем говоришь! Вникни в то, чего ты ему желаешь! Ибо и в вечности тебе придется с ним жить. Поэтому пусть все у нас будет бессмертно и вечно: и наша любовь к человеку, и наше добро, и наша истина, и наша правда. Да не постыдимся в оном мире ни своей любви пред Господом Вечной Любви, ни своего добра пред Господом Вечного Добра, ни своей истины пред Господом Вечной Истины, ни своей правды пред Господом Вечной Правды. Ведь вечный Бог и Господь для того и стал человеком, чтобы все Свое соделать нашим: и Вечную Истину, и Вечную Правду, и Вечную Любовь, и Вечную Жизнь. Словом, святоотеческим словом, Бог стал человеком, чтобы человека соделать богом по благодати. Прежде всего, тебя и меня, брат-сослужитель, священнослужитель Воскресшего Господа Иисуса Христа! Поэтому будь весь Его, каждый день и каждую ночь весь Его: всем сердцем, всею душой, всею мыслью, всею силою. И ты пребудешь таким, если начнешь понуждать себя к святой евангельской молитве, к святой евангельской любви, к святой евангельской правде, к святому евангельскому добру, к святому евангельскому посту, к святому евангельскому милосердию, к святой евангельской жизни. Если же мы не будем этого делать, то расточат нас страсти и похоти мира сего. И тогда с чем мы встретим Господа? С чем, если не со сворой диких зверей наших – нераскаянных грехов и вскормленных страстей. О, брат и сослужитель, вечно наше добро, вечно и наше зло. Потрудимся в этой жизни выбросить из себя всякое зло и утвердить себя в Христовом добре.

Ты – священник? Призвание превыше ангельского и архангельского, но и более ответственное. Каким тебе нужно быть по своей жизни? Как священник ты самый великий богач в земном мире, богаче всех самых богатых. Ибо тебе вверены человеческие души, а каждая из них стоит больше, нежели вся видимая вселенная. Тебе же вверено столько душ! Поэтому твое священническое призвание ответственнее архангельского: ты должен заботиться о каждой вверенной тебе душе, о каждой дать отчет

Владыке и Творцу всех богообразных душ, вверенных тебе на хранение, на освящение, на обожение, на спасение. Пусть все твое возводит к небу: сперва тебя, а вместе с тобой и вслед за тобой – и всех твоих прихожан. А впереди них твою семью, «домашнюю твою церковь». Вспомните исключительно страшные слова благого Господа: *Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф.18:6).

Кто-то из святых сказал: «Никто не спасается сам», т. е., спасая себя от греха и лукавства, человек тем самым вспомоществует и спасению своих ближних. Ибо все люди составляют одну духовную семью, одно духовное тело. Хотел ли ты того или нет, ты самой своей жизнью и воздвигаешь людей вокруг тебя, и низвергаешь их: воздвигаешь их, привлекаешь их к себе каждой своей добродетелью, однако каждым своим грехом низвергаешь их в ад. А из вечного благовестия Спасителя исходит трогательное вечное благовестие: *Братия, если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов* (Иак.5:19–20).

Святые братья и святые собратья, вера наша – вера вечной радости, ибо она через победу над каждой смертью приводит нас в объятия Воскресшего Господа Иисуса Христа. Имейте эту веру, насаждайте и возращайте ее сначала в себе, затем и в своих ближних.

Любовь наша – любовь вечной радости, ибо она божественная, святая, вечная, ибо нас верой, молитвой, постом, милостыней, смирением, незлобием, истиной, правдой, надеждой, терпением – приводит в вечное царство любви Христовой, где люди и Ангелы как братья живут в объятиях вечной радости.

Молитва наша наполнена вечной радостью, и пост наш преисполнен вечной радости, и милосердие наше, и истина наша, и правда наша, и страдание наше, – все это преисполнено вечной радостью, ибо все это приводит нас в объятия воистину Единого Человеколюбца: чудесного и чудотворящего Господа нашего Иисуса Христа, чтобы мы с Ним вечно царствовали на небе, если Он предварительно воцарится в душах наших на земле через Святые Таинства и святые добродетели.

Христос воскресе! И все Его стало нашим, лично моим и лично твоим: нашей верой в Него, нашей любовью к Нему, нашей молитвой к Нему, нашей жизнью в Нем и ради Него. Ему Воскресшему, Ему Всепобеждающему, Ему – единственной нашей Вечной Радости,

единственной нашей Вечной Истине, единственной нашей Вечной Жизни, единственному нашему Вечному Блаженству, единственной нашей Вечной Надежде, единственной нашей вечной Любви – предаем со всеми святыми всю свою жизнь, все свое бессмертие, всю свою вечность. Аминь! Аминь! Аминь!

Из статей

Внутренняя миссия нашей Церкви. (Осуществление Православия)[137]

Тяжело, неимоверно тяжело в узкую человеческую душу и в еще более узкое человеческое тело вместить, втиснуть бесконечную, вечную жизнь. Заключенные как бы в стенах жители этой земли подозрительно относятся ко всему потустороннему. Заключенные во время и пространство, они не терпят, вероятно по инерции, чтобы нечто над-временное и над-пространственное, нечто потустороннее и вечное разорвало эту оболочку, проникло в их среду. Они это считают нападением, на которое отвечают войной. Разъедаемый молью времени человек не любит вмешательства вечности в эту жизнь и трудно привыкает к нему. Чаще всего он считает это насилием и непростительной неучтивостью. Иногда он сурово бунтует против вечности, так как выглядит слишком малым, крошечным по сравнению с ней. Неоднократно восстает на нее и доходит до дикой ненависти, потому что понимает ее слишком по-человечески, по-земному, мысля о ней разумом мира сего. Вросший телом в материю, прикованный тяжестью ко времени и пространству, отринутый духом от вечности, житель земли не любит тягостных для него восхождений в потустороннее и вечное. Пропасть, зияющая между временем и вечностью, для него непреодолима; ему недостает силы и крепости. Окруженный смертью со всех сторон, человек с усмешкой относится к тем, кто говорит: человек – бессмертен и вечен. Чем бессмертен? Смертным ли телом? Чем вечен? Немощным ли духом?

Чтобы быть бессмертным, человек должен в центре своего самоощущения чувствовать себя бессмертным; чтобы быть вечным, он должен в центре своего самосознания сознавать себя вечным. Без этого и бессмертие, и вечность – это лишь навязанные предположения. Если человек когда и имел это чувство бессмертия и это сознание вечности, то это было так давно, что атрофировалось под осадком смерти. Несомненно, атрофировалось: об этом свидетельствует вся таинственная структура человеческого существа. Все мучение наше сводится к этому вопросу: как оживить это атрофированное чувство; как воскресить это атрофированное сознание? Не могут этого сделать люди, не могут и трансцендентные боги. Это может сделать только Бог, Который Себя, бессмертного, воплотил в человеческое самоощущение и Себя, вечного, воплотил в человеческое самосознание. Это соделал Христос, воплотившись в человека и став Богочеловеком. Только в Нем человек **действительно** ощутил себя

бессмертным, осознал себя вечным. Богочеловек в Лице Своем преодолел пропасть между временем и вечностью и восстановил между ними связь. Отсюда, только тот человек действительно чувствует себя бессмертным и действительно сознает себя вечным, который органически соединился с Личностью Богочеловека Христа, с Его Телом, с Церковью. Поэтому для человека и человечества **Личность Христа** стала единственным переходом и путем из времени в вечность. Поэтому в Церкви, в Православной Церкви, Личность Богочеловека Христа стала и осталась единственным путем и путевождем из времени в вечность, из самоощущения смертности в самоощущение бессмертия, из самосознания временности и тленности в самосознание вечности и нетления.

Вечноживая Личность Богочеловека Христа и есть в самой сущности Церковь. Церковь – это всегда Личность, причем Богочеловеческая Личность, Богочеловеческий Дух и Тело. Сущность Церкви, жизнь Церкви, цель, дух, учение, пути – даны в досточудной Личности Богочеловека Христа. Отсюда и миссия Церкви заключается в том, чтобы всех своих верных **органически** и лично соединить с Личностью Христовой чтобы их самоощущение соделать Христо-ощущением и их самосознание – Христо-сознанием, чтобы их жизнь была жизнью во Христе, чтобы их личность была личностью во Христе, чтобы в них жили не они, а Христос (см.: Гал.2:20). Миссия Церкви – своих членов возрастить в бессмертие и вечность, соделывая их причастниками Божеского естества (см.: 2Пет.1:4). Еще миссия Церкви состоит в том, чтобы в каждом члене своем возрастить веру в то, что именно бессмертие и вечность – это нормальное состояние человеческой личности, а не временность и смертность, что человек – это странник, шествующий через смертность и временность в бессмертие и вечность.

Церковь – это Богочеловеческая вечность, воплощенная в границах времени и пространства. Она в этом мире, но не от мира сего (Ин.18:36). В этом мире она для того, чтобы воздвигнуть его до мира горнего, откуда и она сама. Она – Вселенская, Соборная, Богочеловеческая, вечная, поэтому хула, непростительная хула на Христа и Духа Святого – делать из нее национальный институт, сужать ее до мелких, преходящих, временных национальных целей. Цель ее над-национальная, вселенская, всечеловеческая: соединить всех людей во Христе – всех, невзирая на национальность, расу, класс. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе (Гал.3:28), ибо все и во всем Христос (Кол.3:11).

Пути этого всечеловеческо-богочеловеческого соединения всех людей

во Христе сообщаются Церкви в Святых Таинствах и богочеловеческих подвигах. В самом деле, Святое Таинство Евхаристии, Причащения, представляет собой, определяет, составляет Христов путь со-единения всех людей: в нем человек органически соединяется со Христом и со всеми верными. А через личное подвижничество в богочеловеческих подвигах – в вере, молитве, посте, любви, кротости, милосердии – человек утверждает себя в этом единстве, соблюдает себя в этой святыни, сам лично переживая Христа как единство своей личности и как сущность своего единства с прочими членами Святого Тела Христова – Церкви.

Церковь – это Личность Богочеловека Христа, Богочеловеческий организм, а не человеческая организация. Церковь неделима и как Личность Богочеловека, и как Тело Христово. Поэтому в самой основе ошибочно подразделять неделимый Богочеловеческий организм Церкви на мелкие национальные организации. На своем историческом пути многие Поместные Церкви подклонялись под ярмо национализма, под гнет национальных целей. Многие Церкви, и среди них – наша. Церковь устрояла свою жизнь, взирая на народ, хотя естественным является обратное: народ должен устроять свою жизнь, взирая на Церковь. И в нашей Церкви часто допускалась эта ошибка. Но мы знали, что это плевелы нашей церковной жизни, плевелы, которые Господь не выдергивает, а оставляет до жатвы расти вместе с пшеницей (см.: Мф.13:29–30). Мы точно знаем также (Господь нас научил), что эти плевелы – от исконного врага нашего и врага Христова, от дьявола (см.: Мф.13:25–28). Но это наше знание бесполезно, если оно не перейдет в молитву о том, чтобы Господь Иисус Христос сохранил нас в будущем и чтобы мы не стали сеятелями и питателями плевел.

Уже время, уже пошел двенадцатый час, пора нашим отдельным церковным представителям перестать быть исключительно рабами национализма и политики, все равно какой и чьей, и стать первосвященниками и священниками **Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви**. Заповеданная Христом и осуществляемая святыми отцами миссия Церкви состоит в следующем: насаждать и возращать в душе народной чувство и сознание того, что каждый член Православной Церкви – личность соборная и вселенская, личность вечная и богочеловечная, что он – Христов, и поэтому – брат всех людей и служитель всех людей и всей твари. Это поставленная Христом цель Церкви, и всякая другая цель не от Христа, а от антихриста. Чтобы быть Христовой, Соборной и Вселенской, наша Поместная Церковь должна непрестанно осуществлять эту цель в нашем народе. Какими средствами

может она осуществлять эту богочеловеческую цель? – Никакими иными, как только богочеловеческими, ибо богочеловеческая цель может достигаться исключительно богочеловеческими средствами, но никогда не человеческими и никакими другими. В этом Церковь существенно отличается от всего человеческого, земного.

Богочеловеческие средства суть не иное что, как богочеловеческие подвиги. Их с успехом могут проходить только богочеловеческие, христоносные подвижники. Богочеловеческие подвиги находятся между собой в органической связи: один зарождается в другом, один другой дополняет. Первый среди всех подвигов – подвиг веры. Через него нужно пронести народную душу, предать ее Христу без всякого сомнения и компромисса, углубить ее до богочеловеческих глубин, расширить ее до богочеловеческих широт, возвысить ее до богочеловеческих высот. Нужно выработать в народе чувство того, что Христова вера – подвиг над-национальный, вселенский, троичный и что веровать во Христа – значит служить Христу и только Христу через всю свою жизнь.

Второй подвиг – богочеловеческий подвиг молитвы и поста. Этот подвиг необходимо сделать правилом жизни нашего православного народа, сделать его душой души народной, ибо молитва и пост – всемогущие, данные Самим Христом средства очищения от всякой нечистоты не только личности, но и общества, и народа, и человечества, средства очищения нашей народной души от нашей скверны и от наших грехов (см.: Мф.17:19–21; Лк.9:17–29). Нужно омолитвить душу народную православной молитвенностью. Молитва и пост должны быть не только за одного человека, не только за народ, но и за всех и за вся: за друзей и недругов, за наших благодетелей и за наших гонителей и убийц, ибо этим христианин отличается от язычника (см.: Мф.5:44–45).

Третий подвиг – богочеловеческий подвиг любви. Эта любовь не имеет границ, не вопрошает, кто достоин, а кто нет, но любит всех и вся: любит друзей и врагов, любит грешников и преступников, но не любит их грехи и злые дела; она благословляет проклинающих ее, подобно тому как солнце светит и злым, и добрым (см.: Мф.5:45–46). Эту богочеловеческую любовь необходимо возращать в народе, ибо этой соборностью и вселенскостью христианская любовь отличается от всех других видов самозваной и условной любви: фарисейской, гуманистической, альтруистской, национальной, животной. Любовь Христова – это всегда совершенная любовь. Эта любовь достигается молитвой, ибо она – дар Христов. И православное сердце с восхищением молится: Господи Вселюбезный, дай мне любовь Твою за всех и вся.

Четвертый подвиг – богочеловеческий подвиг кротости и смирения. Только кроткий сердцем укрощает бурные и дикие сердца; только смиренный сердцем смиряет гордые и надменные души. *Оказывать всякую кротость ко всем человекам* (Тит.3:2) – обязанность каждого истинного христианина. Но человек становится истинно кротким и смиренным, когда сердцем сердца своего соделает кроткого и смиренного Господа Иисуса, Который есть един поистине *кроток и смирен сердцем* (ср.: Мф.11:29). Нужно душу народную укрощать кротостью Христовой, нужно каждого учить молитве: Кроткий Господи, укроти дикую душу мою. Господь смирил Себя самым величайшим смирением: воплотился, стал человеком[138]. Если ты Христов, то смири себя до червя: воплоти себя в боль всякого болящего, в печаль всякого печального, в страдание всякого страдальца, в мучения каждого животного и птицы. Смири себя ниже всех: будь всем для всех, но Христом, по Христу. Когда ты один, молись: Смиренный Господи, смири меня Твоим смирением.

Пятый подвиг – богочеловеческий подвиг терпения. Терпеть, претерпевать зло, не воздавать злом за зло; всемилостиво прощать обиды, клеветы, раны. Христу свойственно чувствовать себя постоянно как бы распятым в мире, гонимым миром, оплеванным и поруганным. Мир не терпит христоносцев, как не терпел и Христа. В страдании христианин лучше всего шествует к совершенству – этому нужно учить народ. Для православных страдание очистительно. Христианин должен не только радостно переносить страдания, но и всемилостиво прощать тем, которые их нам причиняют, всемилостиво за них молиться Богу, как это делали Господь Иисус Христос и ангелоподобный архидиакон Стефан. Поэтому ты и молись: Долготерпеливый Господи, дай мне долготерпение, великодушие и кротость.

Миссия нашей Церкви: богочеловеческие подвиги соделать правилом народной жизни; душу народную соткать из христианских добродетелей. В этом – спасение души от мира, от всех его душепагубных, людоедских, безбожных движений и организаций. Культурному атеизму и политизированному людоедству современной цивилизации необходимо противопоставить сонм христоносных подвижников, которые будут агнчей кротостью побеждать разъяренные волчьи страсти и голубиным незлобием спасать народную душу от культурного и политического злосмрадия. Подвижничество во имя Христа нужно противопоставить культурному героизму во имя человека, во имя истлевшего и обезображенного европейца, во имя атеизма, во имя цивилизации, во имя антихриста. Поэтому самая главная обязанность нашей Церкви –

возращать христоносных подвижников. Правилом ее современности должно быть: идти к христоносным подвижникам – к святым отцам! Подвизаться подвигами святых отцов! Идти вслед подвигов святого Саввы, святого Прохора Пчиньского, святого Гавриила Лесновского, Василия Острожского, диакона Аввакума! Ибо только эти богочеловеческие подвиги из Саввы создали святого Савву, из Прохора – святого Прохора, из Гавриила – святого Гавриила и т. д. И сегодня только эти православные подвиги могут соделать каждую душу святой, только они и могут освятить, привести к святости душу нашего народа. Ибо богочеловеческая цель вечна и неизменна, и средства к ее достижению вечны и неизменны, потому что *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр.13:8). В этом различие между всем человеческим и Христовым: человеческое изменяемо и временно, Христово неизменно и вечно. Православие как единственный носитель и хранитель совершенного и пресветлого образа Богочеловека Христа осуществляется исключительно богочеловеческо-православными средствами – подвигами, а не средствами, заимствованными от римо-католицизма и протестантизма, ибо там христианство проникнуто духом гордого европейца, а не смиренного Богочеловека.

Это бремя нашей Церкви облегчено Самим Богом, ибо в народе существует целое подвижническое движение. Это – Богомольческое движение. Через это движение наша народная душа высказывает себя, свои духовные нужды и свои надежды; она устремляется к святым отцам, к православным подвижникам, к подвигам святого Саввы. Это движение представляет собой подвижничество в массе, что и делает его исключительным в истории нашей Церкви. У истинных богомольцев все сводится к личному подвижничеству, особенно к молитве и посту. И в этом, как раз в этом, они – именно Христовы и именно православные, ибо, по заповеди Господа Иисуса Христа, они воплощают Евангелие в этих двух подвигах: в молитве и посте – и убеждены, что всякую нечистоту, всякий скверный помысел, всякое нечистое похотение, всякого нечистого духа можно изгнать из человека *только молитвою и постом* (Мф.17:21). Богомольческое движение свидетельствует о том, что наш народ сердцем знает Христа и Православие, сердцем знает, что православного человека делает православным. Возрождение это – подвижническое, и потому оно православное, ибо Православие не признает никакого другого возрождения, кроме подвижнического. Официальные представители нашей Церкви должны с подвижническим воодушевлением поддержать это подвижническое движение, направить его в русло подвижничества

святоотеческого, чтобы не совратилось оно в пучины ересей и расколов.

Подвижники – это единственные миссионеры Православия; подвижничество – единственная миссионерская школа Православия. Православие – это подвиг и жизнь, поэтому и проповедуется оно только жизнью и подвигом. Воспламенить подвижничество личное и соборное – это должно быть внутренней миссией нашей Церкви в нашем народе. Приходы нужно соделать центрами подвижничества, но сделать это может только пастырь-подвижник. Необходимо усилить молитву и пост, украситься церковным благолепием, ибо оно – главное средство Православия, благодатно действующее на каждого человека, особенно на славянина, и возрождающее его. В связи с этим нужно основать православные братства при каждом приходе, которые бы христолюбием и братолюбием смиренно служили Христу и всем людям, служили кротко, смиренно, жертвуя собой до самозабвения. И служение срастворить с молитвой. Это главное, это необходимо. Но все это предполагает, что наши священники и монахи и сами станут подвижниками, и об этом Господу Богу помолимся.

Основная истина Православия – Богочеловек[139]

Все истины Православия проистекают из одной истины и сводятся к одной Истине, безграничной и вечной. Эта Истина – Богочеловек Христос. Если вы до конца опытно проследите за какой бы то ни было истиной Православия, то так или иначе обретете ее сердце – Богочеловека Христа. По существу, все истины Православия – это не что иное, как разные проявления одной Истины: Богочеловека Христа. Православие – это Православие Богочеловеком. И ничем другим и никем иным. Отсюда второе имя Православия – Богочеловечество. В нем ничего не бывает по человеку и от человека, но все приходит от Богочеловека и бывает по Богочеловеку. А это значит, основную, вечную истину жизни и мира человек переживает и познает только с помощью Богочеловека, в Богочеловеке. И еще: всецелую истину о человеке, о цели и смысле его бытия человек постигает только через Богочеловека. Без Него и вне Его нет истинного человека, ибо человек истинен только Богочеловеком и в Богочеловеке. Вне Его человек превращается в привидение, в чудовище, в бессмыслицу. И вместо человека вы находите лишь его останки, обломки, прах. Поэтому истинное человечество только в богочеловечестве. И нет другого под небом.

Почему Богочеловек – основная истина Православия? Потому что Он решил все вопросы, мучающие и терзающие человеческий дух: вопрос жизни и смерти, вопрос добра и зла, вопрос земли и неба, вопрос истины и лжи, вопрос любви и ненависти, вопрос правды и неправды. Одним словом – вопрос человека и Бога.

Почему Богочеловек – основная истина Православия? Потому что Своей земной жизнью Он самым явным образом показал, что Он – воплощенная, вочеловечившаяся, вообразованная вечная Истина, вечная Правда, вечная Любовь, вечная Радость, вечная Сила: Все-истина, Все-правда, Все-любовь, Все-радость, Все-сила. Все Божественные совершенства Он свел с неба на землю. И не только свел, но и научил нас им, и преподал нам благодатные силы претворять их в нашу жизнь, в наши мысли, в наши чувства, в наши дела. Отсюда наше призвание – воплотить их в себе и в окружающем нас мире.

Посмотрите на наилучших представителей человеческого рода. Во всех них Богочеловек – это самое лучшее, самое главное, вечное. Ибо Он – святость святых, мученичество мучеников, праведность праведников, апостольство апостолов, доброта добрых, милосердие милосердных,

любовь любящих.

Почему Богочеловек – все и вся в Православии? Потому что Он как Един от Святой Троицы – воплощенный Сын Божий, незаменимый и как Бог, и как Утешитель, и как Защититель, и как Учитель, и как Спаситель. Измученный трагичностью земной жизни человек только в Нем, всемилостивом Господе Иисусе Христе, обретает Бога, могущего наполнить страдания истинным смыслом, Утешителя, могущего истинно утешить во всякой скорби и печали, Защитителя, могущего истинно защитить от всякого зла, Спасителя, могущего истинно спасти от смерти и греха, Учителя, могущего истинно научить вечной Истине и Правде.

Богочеловек – все и вся в Православии, ибо Он безмерно возвеличил человека: воздвиг его до Бога, соделал его богом по благодати. И это осуществил, не умаляя человека за счет Бога, а исполняя его всеми Божественными совершенствами. Богочеловек прославил человека как никто другой: Он даровал ему вечную жизнь, вечную Истину, вечную Любовь, вечную Правду, вечную Радость, вечное Благо, вечное Блаженство. И человек в Богочеловеке достиг Божественного величия.

Если основная истина Православия – Богочеловек, то основная истина любого ино-славия – человек или же отдельные крупицы его существа: разум, воля, чувства, душа, тело, вещество. Нет нигде полного человека в инославии; там он весь раздроблен на атомы, на отдельные частички. И это все во славу величия человеческого. Но насколько бессмысленно «искусство ради искусства», настолько бессмыслен и «человек ради человека». Этот путь уводит в самый несчастный пандемониум, где верховный идол – человек. И нет нигде более жалкого идола, нежели этот.

Исходная, изначальная истина Православия: человек не ради человека, а ради Бога. Или еще полнёе: ради Богочеловека. Поэтому мы во имя человека остаемся с Богочеловеком. Только в Нем возможна разумность человеческого существа и оправдание его бытия. К этой истине стекаются все тайны неба и земли, все ценности всех миров, о которых человек только может помыслить, все радости всех совершенств, которых может он только достичь. Так или иначе, в Православии Богочеловек – все, и в Нем тогда и человек, а в инославии – только голый человек.

В самом деле, Православие – не что иное, как досточудная Личность Богочеловека Христа, продолженная через все века, продолженная как Церковь. Православие имеет свою печать и свой отличительный признак. Это светлый Образ Богочеловека Иисуса Христа. Все не имеющее этого Образа – неправославно. Неправославно и все не имеющее

Богочеловеческой правды, истины, любви, вечности. Неправославно и все стремящееся Евангелие Богочеловека осуществить в этом мире методами мира сего и царства мира сего; это означает рабствование третьему диавольскому искушению.

Быть православным – значит постоянно иметь Богочеловека в душе, Им жить, Им мыслить, Им чувствовать, Им совершать поступки. Другими словами, быть православным – значит быть христоносцем и духоносцем. Человек достигает этого, если в Теле Христовом – Церкви – всецелое свое существо исполнит Богочеловеком Христом без всякого остатка. Поэтому православный человек постоянно распят молитвами между небом и землей, подобно радуге, связующей вершину неба с бездной земли. И тогда как телом он молитвенно ходит по скорбному земному муравейнику, душой пребывает горе, где Христос сидит одесную Бога, ибо жизнь его *сокрыта со Христом в Боге* (ср.: Кол.3:1–3).

Богочеловек – ось всех миров: от мира атомов до мира Херувимов. И если какое бы то ни было существо отпадет от этой оси, то увлекается в ужас, в мучения, в страдания. Отпал Люцифер и стал сатаной; отторглись Ангелы и стали бесами; отринулся во многом человек и утратил свой человеческий образ. Отпадет ли от нее какая бы то ни было тварь – она неминуемо низвергается в хаос и скорбь. А если отрекается от Богочеловека целый народ, то история его превращается в шествие по аду и его ужасам.

Богочеловек – не только основная истина Православия, но и сила, и всемогущество Православия, ибо только Он спасает человека от смерти, греха и дьявола. Этого никогда не мог, не может и не сможет сделать ни какой бы то ни было человек, ни все человечество в целом. Поражение – вот всегда исход человеческой борьбы со смертью, грехом и дьяволом, если человеком не руководит Богочеловек. Только Богочеловеком Христом человек препобеждает и смерть, и грех, и дьявола. Отсюда смысл человека: исполниться Богочеловеком в Теле Его – в Православной Церкви, преобразиться Им через благодатные подвиги, стать в Нем всемогущим силою Духа Святого, войти в бессмертие, обожиться, стать богочеловеком. Это смысл, истинный смысл и всецелого человеческого рода. Это и радость, единственная радость в этом мире безмерной печали и ядовитой горечи.

Православие – это Православие Богочеловеком. И мы, православные, исповедуя Богочеловека, в Нем исповедуем христообразие человека, божественное происхождение человека, божественное величие человека, а тем самым и божественную значимость и неприкосновенность

человеческой личности. Действительно, борьба за Богочеловека – это борьба за человека. Не гуманисты, а люди православной, Богочеловеческой веры и жизни борются за истинного человека, за человека богообразного и христообразного.

Подвижник наших горьких дней[140] (В память почившего отца Сретена Вунчича)

В самый день Благовещения Пресвятой Богородицы Господь ниспослал его в этот горький мир. Благую душу разлил Господь в его теле и через первый благой день в кругу дней года ввел его в эту горькую и загадочную жизнь. Это было Божиим знамением и Божиим предсказанием: знамением того, что он будет благ, как тот день, в который родился; предсказанием же того, что будет он благовестником «великой радости». И поистине таким он и был; он, как никто другой из нас, являл «великую радость» – Господа Иисуса Христа. Тихо и благо наш кроткий благовестник проносил эту сладчайшую весть через наше горькое окружение. И тот благовещенский образ жизни, который даровал ему Господь, посылая его в мир в день Благовещения, он светло осуществил. Он полностью оправдал предсказание: в его устах Христова весть воистину была благой вестью. Жизнь его – не только жизнь, но и священное и благодатное житие. Благодать священства пронес он через всю свою личность, через всю свою деятельность: через всю душу и тело, через все мысли и дела – жил он священно и свято. Благодать стала душой его души – и светил он благодатной кротостью и смирением. Слепые духовными, благодатными очами не могли видеть того, что велико пред Господом. И они не заметили его, а кто и заметил – не мог его понять, для него он казался странным и, увы, смешным.

Когда жизнь благодатию Христовой перейдет в священное житие, тогда ее невозможно выразить словами. Всегда остается больше, несравненно больше несказанного, непереданного. Это относится и к житиям святых православных подвижников, и к житию нашего кроткого отца Сретена. Ибо как можно заключить в слова его жизнь, которая Христом сраствориласъ с вечностью? Его чувство, которое никогда не пребывало во временном и тленном, но всегда было вечным? Его мысль, которая никогда не рабствовала времени, но всегда мыслила о том, что Христово? Кто опишет так тщательно скрываемые его подвиги, кто – кроме его Ангела хранителя? Кто может выразить словами его ночь, полную молитв и слез за всех и за вся?

Он мучился над собой и над миром; он знал, что жизнь православного христианина – это крест и сораспятие Господу Иисусу Христу. Много необходимо было подвигов для того, чтобы жизнь, которая сама по себе есть мучение, стала для него мучением священным, мучением радостным.

Плакал он над собой, день и ночь созидая себя Христовыми подвигами. Как только оком Христовым узрел он себя, то не мог над собой не плакать. Стоит только человеку увидеть себя Христом – и не может он не разлиться слезами. Страшна тайна сердца человеческого, ибо «сердце – бездна бесконечная», как говорил богомудрый святой Макарий Великий.

И в измученном христолюбивом сердце отца Сретена Господь открыл главный, основной подвиг – подвиг, вводящий христианина во все другие подвиги: открыл и даровал ему молитву. Он пережил самую главную православную истину: истину о том, что молитва – самое первое дело христианина, ибо она ставит человека в правильное, единственно правильное отношение к Господу Иисусу Христу и к миру. Он опытно познал великую подвижническую истину о том, что молитвою православному христианину должно и жить, и мыслить. Он весь вошел в молитву: вошел и сердцем, и телом, – и сподобился достигнуть молитвенного предстояния пред Господом Иисусом Христом и через это – молитвенного отношения к миру. Силою благодати Божией и его облагодатствованной воли бренное его тело смогло понести великие молитвенные подвиги. Как правило, подвижники свои подвиги скрывают, скрывал их и он. И если Бог открывает нам какой-нибудь из них, то это бывает для нашего назидания. Я знаю один из его подвигов: один год в первую седмицу Великого поста он ничего не вкушал и не пил, а остальные дни этого поста прожил на хлебе и воде. К тому же и молитва его была непрестанной.

Будучи великим молитвенником, наш возлюбленный Богом отец Сретен не мог не быть и великим постником, ибо эти два подвига – молитва и пост – близнецы. Таковыми открыл их Господь Иисус Христос (см.: Мф.17:21; Мк.9:29). Молитвою и постом отец Сретен утончил свою душу до святой чуткости ко всему и до подвижнической преизобилующей любви. С молитвенной кротостью и благодатной нежностью приступал он к каждому. Молитвою стяжал он любовь к людям. Сам голодал, чтобы накормить голодных. Голодал в Афинах, чтобы изряднее помочь своим голодным братьям – русским эмигрантам. Во время голода в Далмации щедрость его была подобна щедрости евангельской вдовицы. У него было огромное число друзей, особенно среди бедняков и нищих. Ходил он почти нагой, но нагих одевал. Об этом знают карловацкие нищие. Немощи немощных, тяготы отягощенных, бремя обремененных брал он на себя с молитвенной любовью. Чем больше он раздавал, тем больших дарований от Господа сподоблялся. Как никто другой почувствовал он, что значит *блаженнее давать, нежели принимать*[141]; это блаженство – его

блаженство.

Благодать в нем не была напрасной. Ею облагодатствовал он всю свою волю, весь свой ум, все свои мысли, все свои дела, и явил себя рабом Божиим: в терпении многом, в напастях, в бедах, в теснотах, в трудах, во бдении, в посте, в чистоте, в мужестве, в доброте, в Духе Святом, в любви неизмерной; явил себя нищим, но многих обогащающим, ничего не имеющим, но всем обладающим.

Молитвою и постом наш смиренный отец Сретен пробудил себя ко всему, что Христово. Тогда как в духе времени все ищут своего, он непрестанно искал того, что Христово. Он воистину был бессребреником нашего времени. За его бессребреничеством скрывается несказанная красота его христолюбивой души. Из одного подвига он входил в другой. Молитвою и бдением непрестанно возгревал он дар Божий, бывший в нем. Корабль души своей он управил в «необуреваемое пристанище» воли Христовой: все сносил, всему веровал, на все надеялся, все претерпевал как волю Божию. За все благодарил.

Радостно расточил он себя в подвигах: и тело, и душу свою предал в жертву живую, святую, благоугодную Богу; это было его духовным богоносничеством. И в теле своем, и в душе он прославил Бога. Никогда не рабствовал он ни вещам, ни людям, но всегда был рабом Христовым. Он жил и умирал не для себя, а для Господа Иисуса Христа. Как благоухающая свеча, дух и тело его горели любовью к Господу. Не себе он угождал, а Господу, и через Господа – ближним. Сам он не был своим, принадлежал не себе, а Господу Иисусу; проповедовал не себя, а Христа Господа; ничего не знал, кроме Господа Иисуса Христа, и причем распятого. Никогда не уставал он в деле Христовом; много мог в Господе Иисусе Христе, Который исполнял его силой в бренном и болезненном теле так подвижнически служить Господу.

Как Христа ради юродивый, он прямо шел ко Господу Иисусу Христу, не вступая в компромиссы с духом мира сего, который «лежит во зле». Своей подвижнической жизнью он был выразительным борцом против такого мира и такой жизни, особенно в нашей Церкви. Жил он в мире, но был не от мира сего. Взирал не на видимое, а на невидимое, вечное: через грубую оболочку времени усматривал вечность, слушал ее неслышно и зрел незримо. Неустанно воинствовал он за жизнь вечную и поэтому от всего воздерживался, ибо *все подвижники воздерживаются от всего* (1Кор.9:25). Но в то же время он не превозносился, а думал о себе смиренно; чувство личной безмерной греховности было у него развитым, как у святых. Каждый день его был, по преимуществу, днем апостола

Павла, так как этого апостола любил он исключительной любовью. Каждый день его был воплощением какой-либо мысли апостола Павла. Изряднее всего воспитывал он себя апостолом Павлом, жил им, воодушевлял себя им, руководствовался им, все его Послания знал наизусть, причем на греческом; и не только Послания, но и весь Новый Завет. По-апостольски суровым был он к себе и благим к другим, благим и милостивым, и милосердным. Об этом знают те, кто у него исповедовался. Но к стыду нашему, нашлись и такие люди, которые на него и словесно нападали, и письма писали, да сбудутся слова, реченные Господом Христом Своим ученикам: *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!* (Лк.6:26). Он был священником, горению и свечению которого радовался каждый добрый человек. Если вы хотели видеть святого наших дней – то могли видеть его в нем.

И его такого – его, несказанно дивного – Господь вдруг взял к Себе. Не потому ли, что с Господом быть ему несравненно лучше, нежели с нами? Должен вам признаться, меня ужасно смутило и опечалило такое безвременное оставление им этого мира. Я не мог проникнуть в промыслительное значение этого скорбного события. Он был так необходим нам, и причем сегодня, особенно сегодня, когда у нас Православие стремительно низводится к мелкому протестантизму и теплохладному рационализму. Он был живым примером православного подвижничества, и оправданием этого подвижничества, и свидетельством тому, что могут православные подвиги соделать из человека двадцатого века. Он был драгоценным бисером в грязи нашей современности, и Господь взял его к Себе из этой грязи. Один богомолец, услышав о его смерти, сказал: «Может быть, он там нужнее, чем здесь». Утешительно ухватиться за эту чудную мысль и добавить: да, оттуда он еще лучше будет видеть все наши страдания и скорби, и беды, .и невзгоды – и день и ночь сможет беспрепятственно молиться за нас Господу. Один наш богомудрый владыка пишет мне: «Смерть о. Сретена – хотя и внезапный удар для нас, оставшихся здесь, – весьма полезна для него. Послана же она, чтобы приносить пользу и другим, т. е. всем вам, его друзьям и приятелям. Нужно еще решительнее и как можно быстрее отрезвляться от опьянения мира сего и все более и более преисполняться (да, и упиваться) Христовым Духом, силою и славою».

Наш христолюбивый отец Сретен жил как подвижник и умер как подвижник. Тихо, без единого сотрясения и судороги, без единого стона и хрипа почил он на молитве. На крыльях молитвы послал он душу свою в горний мир. Видимо, сонмы Ангелов тихо, кротко и неслышно извлекли

святую душу его из его тела и отнесли ее к Сладчайшему Господу нашему Иисусу Христу. Вместе с любезным отцом Сретеном отошел ко Господу Иисусу самый лучший и самый даровитый ученик семинарии святого Саввы Димитрий Якшич, кроткий и нежный, благочестивый и мудрый, талантливый и усердный, христолюбивый и человеколюбивый. Это для того, чтобы таинство смерти и жизни было еще более чудесным и еще более непостижимым для нашего плотского ума, дабы мы, оставшиеся до времени в теле, без остатка предали себя подвигам Христовым.

Малая свеча на могиле большого друга[142] (Памяти Бранислава Нушича)

Личность – это нечто самое бесконечное на небе и на земле и поэтому самое таинственное. Если Бог хотел загадать загадку, которую нельзя разгадать в рамках человеческого разума, то эта загадка – личность[143]. Каждому человеку ничто так не близко, как его собственная личность, но при всем этом личность незаключима в человеческие понятия, представления, картины, символы. Человек и ближе всего к самому себе, и дальше всего от себя: ближе всего, ибо чувствует себя как нечто самое непосредственное, данное в себе самом; дальше всего, ибо никак не может охватить все бесконечности своей личности. Поиски конечной тайны личности заводят человеческую мысль в безысходные лабиринты, где она блуждает по страшным тайнам вселенной.

Тайна, обитающая в самом человеке, превосходит все тайны окружающего его мира. Поэтому люди охотно убегают в мир вещей, копошатся в них, зарываются в них, влюбляются в них, обожают их и боготворят – и всех этих своих идолов называют общим именем: культура, цивилизация. Убегая от своей внутренней тайны, люди прибегают к вещам, смешиваются с ними и даже превращаются в них. В этом их главное падение и отпадение от Бога; в этом и сущность их трагедии испокон веков. Вся истина об этом выражена словами Священного Писания: *И скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая* (Быт.3:8). И это происходит непрестанно: люди скрываются среди вещей, убегая от Бога в самом себе и в окружающем мире.

Но когда человек с ужасом встрепенется, взирая на обожествление вещей, и по-подвижнически заглянет в себя, тогда он найдет в себе такую удивительную, необычную и чудесную тайну, что с радостью разобьет о землю всех своих внешних идолов и решительно пойдет за тайной своей личности как за тем, что стоит больше, чем все вещи мира сего. Такой человек становится мучеником великой и священной тайны. Ради такого мученичества и стоит жить в этом многострадальном мире.

Когда человек искренно мучается священной тайной своей личности, ему даются трепетные минуты прозрения. В эти минуты он достигает и касается конечной глубины своей личности, открывает ее главный источник – логосность. Из этого источника струится живая вода, напояющая человеческое существо бессмертием. В этой логосности и заключается источник неисчерпаемой силы человеческой личности,

проявляющейся в многосторонней деятельности человеческого духа.

Логосная, Божественная сила – это конечная основа, первооснова человеческой личности. Как таковая она предшествует и человеческой мысли, и человеческому чувству, и человеческой воле, и поэтому она необъятна и непонятна для человеческой мысли и чувства. К вопросу человеческой личности И ее исконной логосной силы относятся следующие многозначительные слова Спасителя: *Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа* (Ин.3:8). Это – самая непосредственная действительность и в то же время самая отдаленная. Это – некое далекое подобие Божьего свойства – вездесущести – да и всех других свойств Божиих. Человек стоит изумленный среди них. И в восхищении утопает в бесконечной таинственности Божиих совершенств.

На такие мысли наводит меня размышление о необычной личности моего дорогого друга, покойного Бранислава Нушича. Если бы осмелился я охарактеризовать его в нескольких словах, то эта характеристика гласила бы: Нушич – это добровольный мученик великой и священной тайны, называемой человеком.

Во всем, о чем он писал, он решал проблему человека. С какой бы стороны и в какой бы момент времени мы к нему ни приступили, мы всегда нашли бы его размышляющим о тайне человека. Он переживал человека широко, во многих его оттенках, причем и юмористически, и трагически, потому что во всем его смехе и во всех улыбках проглядывала трагичность как основной тон его творчества.

Человек – это существо смеющееся. Это могло бы быть одним из многих определений человека. Есть ли смеющиеся существа выше или ниже человека? Я бы сказал, что нет. Ангелы не смеются, но пристально смотрят и непрестанно бодрствуют над нашим скорбным миром, лежащим во зле. Животные не смеются, ибо не сознают зла в мире – зла, создающего болезненно-комичные ситуации, над которыми смеется человек: смеется, превозмогая скорбь, смеется с укоризной самому себе, смеется безумно.

Только человек смеется. В этом заключена некая великая тайна. Возможно, жуткая и страшная. Эту тайну человека и раскрывал Нушич. Вам никогда не приходилось думать о смехе? Что такое смех? Здесь есть нечто, уводящее в первозданные и бездонные глубины человеческого существа. Да и в своем чисто физическом выражении смех – это нечто такое, чего не удается объяснить до конца.

Смех, что есть смех как чисто психическое переживание человеческого существа? Какая это тайна человеческого духа? Здесь есть

некая космическая загадка. Что только не входит в состав смеха как его компонент! Помните смех Мефистофеля в «Фаусте»? Есть в смехе нечто люциферианское. По всей вероятности, смех так же древен, как и грех...

Необычна философия смеха. Это нам так или иначе, и причем весьма искусно, показывает наш величайший философ смеха – Нушич. Почему человек смеется? Смеется от радости, от печали, от страха, от отчаяния... Одним словом, человек смеется оттого, что он есть существо смеющееся. Нушич талантливо рассуждает о многих мотивах смеха. Если вы о них поразмыслите, то почувствуете, как много тайн ввержено в человека: они растеклись по всему его существу, и никто не может их примирить, собрать, заставить замолчать. Велико творение Божие – человек; и когда он падает, то чувствуется, что падает нечто великое – нечто, чему падать не приличествует; и когда смеется, то по логосным глубинам его существа разливается какая-то космическая печаль. А там, в горнем мире, рыдают Ангелы, взирая на горести мира сего и на людей, погрязших во грехе и – в смехе... И великий человеколюбец Нушич учит: любите человека и в грехе его, и в смехе его...

Вглядываясь в себя и в мистерию окружающего мира, Нушич был трагично серьезным. Помню, с какой редкой серьезностью говорил он о последних тайнах мира и человека. В этом руководствовался он Священным Писанием. Любил его читать, особенно пророка Исаию, святого евангелиста Иоанна, Нагорную проповедь. Это заметно и в его «Риторике». Когда я ему однажды подарил Новый Завет, он сказал мне: «Отец Иустин, не думайте, что у меня нет Библии и что я ее не читаю. Она всегда на моем столе».

Человек с широкой и теплой душой, покойный Нушич исключительно любил Спасителя и веровал в Него. Много раз мы вместе изумлялись истинам Спасителя. Помню, с каким глубоким пониманием говорил он о прологе к Евангелию от Иоанна. Когда я ему по случаю семидесятилетия подарил икону Спасителя, он повел меня в свою спальню и показал икону Спасителя, которая всегда висела над его постелью.

Религиозность Нушича является типично нашей, то есть святосаввско-косовской. Она глаголала из него пламенным языком его рыцарского патриотизма. Надлежит вспомнить его статью о смысле Видовдана (Нушич посвятил эту статью отцу Иустину. – *Примеч. ред. оригинала*), о Царствии Небесном как главном устремлении нашей народной души и о непреходящей ценности косовской этики. Самый трогательный гимн нашему святосаввско-косовскому патриотизму он пропел в своей эпопее «Тысяча девятьсот пятнадцатый»...

Покойный Нушич исключительно любил и ценил святого Савву. В нем он усматривал самую значительную личность нашей истории и величайшую драгоценность нашего народа. Для него личность святого Саввы была и осталась главной творческой силой нашей народной жизни. Хотя я часто посещал покойного Нушича и подолгу с ним оставался, но никогда не видел, чтобы он вспылил или рассердился. И все-таки однажды это случилось. Речь шла о святом Савве. Некий профессор сравнил одну личность из новейшего времени со святым Саввой. Услышав это, Нушич вскипел, вскочил со стула и повышенным тоном, сердито сказал этому профессору: «Не оскорбляйте святого Савву, не оскорбляйте нашу гордость, никто не может даже близко с ним сравниться, так как он создал и нашу Церковь, и наше государство, и нашу школу, и нашу культуру. Стыдно профессору так говорить!»

Сам вырастая на святосаввско-косовском эпосе и этике, Нушич в этом духе воспитал и своего единственного сына, который во время Мировой войны возложил жизнь свою на алтарь нашего священного патриотизма. Везде и во всем Нушич был непревзойденным патриотом. У него было очень развитое чувство нашей истории, нашей народной души. Как редко кто другой, он чувствовал все ее волнения и изгибы, все ее приливы и отливы. Убеждение его заключалось в следующем: на нашем славном прошлом наше настоящее должно созидать будущее нашего народа. Это он особенно подчеркнул в письме ученицам III класса 5 отделения Второй женской гимназии в Белграде, в ответ на поздравление, которое они ему направили по случаю его семидесятилетия. В этом письме, наряду с прочим, он говорит: «Признательность – это самый благородный цветок, который может произрасти в детской душе, а уважение к прошлому – это самая надежная основа, на которой устрояется будущее».

Это сильное чувство нашей истории, это многогранное вживание Нушича в душу нашего народа придало ему силу в его литературной деятельности взять нечто из всех областей нашей исторической жизни и показать нам нас самих, какими мы были в нашем прошлом, какие мы в настоящем и какими можем быть в нашем будущем.

Можно было бы много писать об этом выдающемся человеке, ныне покойном Бранславе Нушиче. Я сказал только несколько слов. Пусть они будут малой свечой, которую я смиренно и молитвенно зажигаю на могиле своего большого друга в знак искренней любви и глубокого почтения.

Об убийстве[144]

«Не убий» – это простая и категорическая ветхозаветная заповедь для грубого ветхозаветного человека.

«Не гневайся» – это новозаветная заповедь для нового человека; она уничтожает самое расположение, могущее привести к убийству: гнев, злобу, ярость, свирепость; она в корне посекает зло, убивает самый зародыш зла, самую бациллу убийства; она запрещает гнев, ибо гнев – это болезнь души, которая, если охватит всю душу, может привести к убийству.

Средство от гнева? Кротость, благость, молитва, пост, самоосуждение, – это суть евангельские творческие силы, очищающие и преображающие душу, исполняющие ее святой Божественной любовью; а Божественная евангельская любовь – только она совершенно управляет отношением человека к другим людям, ко всем людям вообще, какими бы они ни были.

Согласно евангельскому, православному пониманию, в земном мире человек – это самая большая значимость после Бога: верховная божественная значимость, верховное божественное величие; душа его стоит больше, нежели весь совокупный физический мир. Почему? – Потому, что она богообразна: в этом богообразии в зародыше, в семени заключены все божественные силы, могущие возрастить человека в совершенное богочеловеческое существо, в бога по благодати, тогда как Господь Иисус Христос есть и остается Единым Богом по естеству. Поэтому над человеческой жизнью верховную и окончательную власть имеет только Бог – Господь Иисус Христос. Сотворив человека богоподобным, Он сотворил его для бессмертия и вечной жизни. Он сошел в человеческий мир и как Богочеловек Своим Божественным Евангелием преподал человеку все святые средства, с помощью которых человек может стяжать эту вечную жизнь. Эти святые средства суть Святые Таинства и святые добродетели; Святые Таинства: Крещение, Миропомазание, Покаяние, Причащение, Брак, Священство, Елеосвящение; святые добродетели: вера, любовь, надежда, молитва, пост, милосердие, кротость, смирение, терпение, прощение, покаяние... Живя Святыми Таинствами и святыми добродетелями, христианин еще здесь на земле чувствует себя бессмертным и вечным. Вечная жизнь для него начинается на земле. Поэтому он не боится смерти, никакой смерти, ибо с каждой смертью он становится еще сильнее Воскресшим Господом Иисусом Христом, Единым Победителем смерти во всей вселенной.

Убить человека значит отнять у него время, данное ему от Бога для того, чтобы он своей земной, временной жизнью стяжал вечную жизнь. Это еще значит: посягнуть на бесценное Божие творение в видимом мире. В конечном счете это означает: посягнуть на Самого Бога, ибо все, что имеет человек – и тело, и душу, – дано ему от Бога. В самом деле, человек – не свой, не принадлежит себе: *вы не свои,* а Христовы, Божии, и душа, и тело даны вам, чтобы быть живым храмом Живого Бога, чтобы Бог обитал и действовал в них и через них и, таким образом, сделал их способными к принятию Божественного совершенства (см.: 1Кор.6:19–20, 3:23, 4:7). Отсюда ясна и решительна заповедь Христа Бога: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный* (Мф.5:48). А отсюда и эта, еще более решительная заповедь: *Не делайтесь рабами человеков* (1Кор.7:23), ибо вы – Божии. Добровольно служите Богу – это верховная свобода человека: свобода от греха, от смерти, от дьявола. Только тогда и только так человек – истинный человек, полноценный человек, богоподобный человек, и этим он истинно свободен: свободен бессмертной, вечной, святой свободой. Эту свободу от греха, свободу от смерти, свободу от дьявола, может дать и действительно подает только Господь Иисус Христос, единственное человеческое Существо в человеческом мире, по Божеству Своему сильнейшее всякого греха, всякой смерти, всякого беса и самого дьявола; а это значит – и сильнейшее всякого зла (см.: Ин.8:31–47). Отсюда императивная заповедь: *Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, у не подвергайтесь опять игу рабства* (Гал.5:1).

Итак, убить человека – это грех всех грехов, нет ничего безумнее этого. И еще нечто: каждое убийство есть в то же время и самоубийство, ибо убивающий самим актом убийства совершает самоубийство: убивает в себе душу.

Грешник и грех. Самый горячий вопрос для человеческой совести во все времена: убивать ли грешника за грех?

Этот вопрос испокон веков решали и основатели человеческих религий, и философы, и ученые, и древние писатели, и мудрецы, и простые люди, – и своими бесчисленными ответами еще более запутали его. Единственный, кто дал Божественно совершенный и по-человечески реальный ответ на этот роковой вопрос – это Богочеловек, Господь Иисус Христос. Этот Его ответ, несомненно, означает самый решительный и промыслительный поворот в истории земли и всего человечества.

Этот ответ гласит: не убивать грешника за грех, а спасать грешника от греха; не отождествлять грешника со грехом, а различать грешника и грех; любить грешника – ненавидеть грех; осуждать грех – миловать грешника.

Классический тому пример – это отношение Спасителя к женщине, взятой в прелюбодеянии: Он осуждает ее грех, но не осуждает ее саму; от нее как от богообразного творения Божия, созданного для бессмертия и вечной жизни, Он требует больше не грешить: *Иди и впредь не греши* (Ин.8:11), – и, таким образом, вести на земле святую евангельскую жизнь, которая приведет ее к бессмертию и вечной жизни в Царстве Небесном.

Спасать грешника от греха, излечивая его от греха, – это Богочеловеческий труд Православной Церкви Христовой через все века. Она, святая лечебница для всякого рода грешников, имеет средства против любого греха, и причем средства святые. Все ее средства имеют Божественное происхождение и исполнены Божественной силы. Это – Святые Таинства и святые добродетели. Врачевание грешников разнообразно и зависит от природы греха и состояния самого грешника. Если грешник пребывает в покаянном смирении, то врачевание всегда успешное. Покаяние – это средство против любого греха, это – «второе крещение». Оно омывает человека от всякого греха. Так Церковь исцеляет и любовью врачует грешника, никогда и никого не убивая за грех. Лечит она и разбойников, и убийц, и блудников, и прелюбодеев, и злодеев, и воров, и ненавистников, и гордецов, и завистников, и клеветников, и сребролюбцев, и самолюбцев, и сладострастников, и грабителей, и насильников, и хищников, и кровопийц, и льстецов, и немилосердых, и всех прочих грешников. Ибо в каждом из них она видит падшее Божие творение, заболевшее Божие чадо; в каждом из них под тиной грехов и зол зрит она неугасимую Божественную искру, которая покаянием может воспламениться и разгореться в солнце новой жизни, бессмертной и вечной.

В Церкви Христовой все средства имеют духовную природу; ее наказания, епитимии, – все духовны и имеют одну всеобъемлющую цель: излечить грешника от греха. Поэтому в святом регистре ее епитимий не существует смертной казни.

Папизм в наивысшей мере – особенно в нравственном плане, ибо прежде того и в догматическом плане – отпал от Христа и восстал против Христа. В средние века он ввел и узаконил антиевангельский принцип и практику – убивать грешника за грех: сжигать еретиков за ересь, чародеев за их чародейство, мыслителей за известные новые идеи – ad majorem Dei gloriam[145].

Этот антиевангельский новый принцип заимствовали у папизма как религиозного европейского гуманизма и все прочие направления европейского гуманизма: и философский, и научный, и художественный, и

государственный, и политический, и социальный. В основной своей сущности все эти направления европейского гуманизма были и остаются родными исчадиями папизма; правда, некоторые законными, а некоторые незаконными, некоторые послушными, а некоторые своевольными. Эти направления гуманизма имеют разные сферы деятельности, но повсюду действуют объединенными усилиями и всегда предводимы, сознательно или несознательно, volens или nolens[146], папистическим гуманизмом. Они возвратили европейский римо-католический и протестантский мир к языческим мерилам и понятиям: убивать грешника за грех, уничтожать преступника за преступление.

Так Европа идеологически и прагматически утонула в языческом, антиевангельском образе жизни, мысли и деятельности и начала переживать свой языческий ренессанс. Людоедство – в природе язычества. По всей Европе дымятся, курятся и пламенеют огнем языческие жертвенники, растлевая своими отравляющими испарениями человеческие души и опьяняя их совесть. И происходит на наших глазах невиданное избиение душ человеческих, которое своей бунтующей диалектикой неизбежно выливается и в уничтожение их тел. Совсем логично и нормально, что кровожадное язычество опустошает Европу и влечет ее из одной агонии в другую, которым, кто знает, будет ли конец.

Из-за подобной языческой антропологии человек в Европе перестал быть наивысшей земной значимостью, верховным божественным величием, которым он является и вечно остается для Господа Иисуса Христа и Его Православной Церкви. В философии, науке, искусстве, литературе, культуре, религии, этике, цивилизации, окунувшихся в язычество и проникнувшихся его духом, человек становится и остается лишь средством для разнообразных целей. Только для Богочеловека Иисуса Христа и Его Православной Церкви человек представляет собой верховную божественную значимость и ценность в земном мире, и ему должно служить всё и вся.

Из богослужебных текстов

Молитва святому Архангелу Михаилу[147]

Весь еси огнь и ревность, святый Архистратиже Михаиле, и сего ради молимся тебе: воздремавшие души наши зажги огнем ревности твоей, да всегда радостно и бодренной совестью служим Единому Господу нашему, всем сердцем взирая на тебя, безгрешного и святого брата нашего, и верховного Архистратига нашего, верховного Архистратига всего небесного и земного воинства Христова. Всечудный Господь Иисус Христос устроил Единую Церковь из Ангелов и людей[148], да взираем мы, люди, таинственно собой образующие Херувимов на земле, на святую небесную братию нашу, во главе которой стоишь ты, лучезарный и дивный Архистратиже Михаиле. Ты на небе победил всезлейшего сатану и сбросил его с неба на дно ада, – помогай и нам всегда, молимся тебе, всемощный Архангеле, да и мы всепобедной силой твоей побеждаем вселукавого сатану, нападающего на нас со всех сторон и искушающего нас через безбожных людей, через нечистые помыслы, через земные похоти, через одурманивающие страсти.

Весь еси свят, чист и безгрешен, дивный Первоангеле Божий; молимся тебе, всесвятый, молимся тебе, всечистый, молимся тебе, всебезгрешный, научай и нас день и ночь жити свято, чисто и безгрешно, и даруй нам твои херувимские силы, да живем истинно и херувимски на земле мы, по безмерному человеколюбию Божию образующие собой Херувимов на земле. Не остави нас в ядовитом болоте наших сластолюбивых земных похотей, но воздвигни нас в небесные ангельские высоты и созижди нас, да ангельски свято и чисто поживем в теле на земле. Милостиво воззри на нас, всепобедный Архангеле, ниспустись до нас и нас, уснувших во грехах, пробуди на борьбу с лукавством, с грехом, со смертью, с дьяволом, да побеждаем мы легко, путеводимые и вспомоществуемые тобою, всякий грех, всякую страсть, всякую смерть, всякого беса и самого дьявола. Вемы, богоносный Архангеле, яко имаши власть над нечистыми духами, над болезнями, над смертью, над грехами. Исполни души наши божественною силою своею, да ратуем мы неустрашимо и да побеждаем херувимски всех врагов спасения нашего, веры нашей, души нашей.

Всепобедный Воеводо Небесных Сил, ты очистил небо от сатаны и черных ангелов его, – очисти и души наши от всякого греха, ибо грехи наши отверзают врата душ наших и входят в нас ими нечистые, демонские

силы, оскверняя и умерщвляя души наши, имеющие быть ангельски чистыми и ангельски бессмертными. Без твоей всепобедной помощи, Небесный Воеводо, мы легко становимся добычей нечистых сил; сего ради от всего сердца молимся тебе: прими нас в свое непобедимое воинство и ратуй за нас, и предводи нас, и руководствуй нас во всякой брани за душу нашу, за спасение наше, за вечность нашу, устрояя нам победу над всяким грехом и всяким демоном. О, пресвятый Архангеле, мы отчаянно немощны перед демонской силой вражией, аще ты не поспешишь к нам на помощь божественною своею силою. С тобою мы всегда будем побеждать во всех бранях за душу нашу, за спасение наше и вечность нашу, а без тебя мы беспомощно будем низвергаться из падения в падение, из греха в грех, из ада в ад. Сего ради буди всегда с нами, не оставляй нас за грехи и скверны наши, но, любя нас божественной любовью, научи нас возненавидеть грех и все греховные похоти и исполнить свои души благоуханием евангельских добродетелей. Темже убо души наши тебе предаем, пресвятый Первоангеле Божий; молим тебя и умоляем, наставляй нас всегда на пути, ведущие в Царство Небесное, да вкупе с тобою вечно славим всемилостивого Спаса нашего – пресладкаго Господа Иисуса Христа, и Его всечеловеколюбиваго Отца, и всеблагаго Утешителя Духа, Имже подобает слава и благодарение ныне и присно и во веки веков. Аминь[149].

Путь богопознания. Главы из православной аскетики и гносеологии

Проблема личности и познания по учению святого Макария Египетского

Введение

Проблема познания все более настойчиво и неодолимо заявляет о себе как о главной проблеме философии и науки. Происхождение сознания и прочих способностей познания заключено в мучительную тайну. Любознательные паломники истины в смиренном или в мятежном состоянии духа обходят вокруг нее, тогда как жуткие водопады тайн низвергаются на них со всех краев неба, а бездны чудес грохочут под их ногами в беспокойной утробе земли, всегда чреватой неслыханными загадками и неожиданностями. В этом мире за один день паломника истины встретит и настигнет намного больше тайн, чем его легкие способны вдохнуть частиц воздуха за тысячу дней. И каждая из этих тайн пристально всматривается в око его души, смотрит на него своим страшным, своим огромным глазом без зрачка. Лишенный покоя паломник истины уходит в себя и в себе самом ищет объяснение этих тайн, но вместо объяснения он находит там истину о том, что и сам он – несказанная тайна, что и самая природа его познания по своей таинственности и загадочности превосходит все таинственное и загадочное в мире сем. Как только паломник истины войдет в себя, в свои внутренние бездны, для него тут же становится ясно, что самое главное и самое нужное – это, прежде всего, познать самого себя, природу своего духа, природу своего познания. Посему это стало главной проблемой не только для приверженцев гносеологического идеализма и критицизма, но для поборников гносеологического материализма и догматизма. Тайна познания все более и более сводится к тайне организации человеческой личности и ее способностей познания. Все более проявляется чувство, и – хотим ли мы того или нет – приходится признавать, что в таинственную сущность человеческой личности, как в собирающую линзу, стекаются лучи всех физических и метафизических мистерий. Тайна познания разрастается в бесконечно сложную тайну личности. Происхождение, границы и критерии познания исчезают в неисследимой мистерии чудно изваянной личности человека. И проблема личности становится центральной гносеологической проблемой.

Но когда речь идет о проблеме личности, тогда, в силу самой логики этой проблемы, внимание человека должно остановиться на самой

интересной и самой притягательной личности, шествовавшей когда-либо по нашей планете, – на Личности Богочеловека Христа. Своей непреодолимой притягательностью она, подобно магниту, привлекает к себе всех искренних мучеников мысли и неутомимых паломников истины; к ней таинственно стекаются все проблемы человеческого духа, к ней так или иначе склоняются и человеческая личность, и человеческое познание.

Что значит и что может значить Личность Богочеловека Христа для человеческой личности и человеческого познания, мы попытаемся показать через изложение учения Макария Святого и Великого, этого богомудрого паломника Истины.

I. Человеческая личность до грехопадения

Когда люди живут во грехе, им трудно представить человека до греха и без греха. В поисках безгрешного человеческого оригинала нужно начать с человека, каков он есть во грехе. Святой Макарий так и поступает. Он постепенно – слой за слоем – счищает с таинственной сущности человеческой личности грех, оседавший на ней на протяжении истории. И под всеми этими наслоениями находит безгрешный оригинал, богозданный оригинал человеческой личности. На этом безгрешном оригинале выстроена вся личность Адама до грехопадения. Она вся живет, обращается и пребывает в Божественном Слове. Слово, обитающее в ней, делает ее личностью. Оно – главная творческая сила в Адаме до падения. Обитая в Адаме, Слово делает Адама способным к познанию, налагает на него Свой отпечаток, передает ему Свой характер. Не только самое познание как таковое, но и границы, и мерило познания Адама находятся в Божественном Слове. Одним словом, для Адама до падения «Слово было всем: и знанием (ведением, γνῶσις), и ощущением, и наследием, и учением»[150]. Слово – не только творческая сила познания Адама, но и предмет его познания. Можно сказать, «Слово было всем» и для познания Адама до грехопадения.

Логосным характером своей личности Адам до своего грехопадения входил в свет Троичного Божества. Всю безгрешную полноту своей личности он мог проявить лишь в категории Троичности. Это происходило оттого, что он был сотворен *по образу Божию.* В этом богообразии души Адама и состоит безгрешная суть личности, ее таинственная сущность.

Своим богообразием человек – Адам – представляет божественную значимость, превосходит всю тварь и удостаивается чести быть местом упокоения Божия[151]. «Человек драгоценнее всех тварей... не только

видимых, но и невидимых, то есть служебных духов. Ибо об Архангелах Михаиле и Гаврииле не сказал Бог: *сотворим по образу и подобию Нашему*, но сказал об умной человеческой сущности, разумею бессмертную душу»[152]. Величие бессмертной человеческой души происходит от ее богообразия; она велика и величественна Богом, поэтому она – «престол славы» Его[153]. В душе святой Макарий видит «сродство Бога с человеком и человека с Богом»[154]. Величие Бога отражается в богозданной душе, ибо она есть «тварь умная, исполненная лепоты, великая и чудная, прекрасное подобие и образ Божий»[155]. Сотворенная Троичным Богом душа Христо-образна, так как сотворена по образу Слова, второго Лица Святой Троицы[156].

Сотворенный таким, человек по своей душе («ψυχή») представляет собой некую богочеловечность. Разумеется, ее ни в коем случае нельзя отождествлять с исторической Личностью Богочеловека Христа. Она лишь заключает в себе замысел, содержание и порядок человеческой личности: Бог, т. е. Божий образ, и человек, т. е. в Божием *образе* дан божественный элемент как имманентное содержание человеческой личности, как реальность Бесконечного, а в *подобии* дана беспредельная возможность к бесконечному Богоуподоблению всего человеческого.

Богообразие души ни в коем случае не означает того, что сущность души тождественна сущности Бога[157]. Святой Макарий решительно отвергает это и ясно говорит, что нет ничего общего между природой Божией и природой души. «Душа не от Божия естества и не от естества лукавой тьмы»[158]. Душа – не Бог, но цель ее – стать общницей в жизни Божией (ζωῆς Θεότητος μετασχεῖν)[159]. Она сотворена, чтобы жить во свете Троичного Божества; в этом ей помогает третье Лицо Святой Троицы – Дух Святой, ибо при сотворении Бог дал Адаму крылья Духа Святого, чтобы они несли его, куда Дух желает[160]. Дух Святой действует в Адаме, как в пророках, и научает его, как пророков[161]. Христообразие личности Адама соблюдается творческим действием Святого Духа. Но это участие Святого Духа в жизни Адама абсолютно естественно, ибо Адам сотворен не только по образу Христа, но и «по образу Духа» (κατ ̓ εἰκονα τοῦ Πνεύματος)[162]. Это значит, что душа Адама не только Христо-образна, но и Духо-образна.

Тот факт, что душа сотворена богообразной, не только свидетельствует о троичном характере личности Адама, но и указывает на то, что она может жить лишь в сфере Троичного Божества. Анализируя личность Адама, наученный Богом Макарий ясно показывает, что ее богообразная сущность – это центр и ее души, и воли, и познания, и тела.

Сотворенная Богом «по образу Божию», душа не своя, а Божия. Она живет не от себя и не собой, а от Бога и Богом. Всю свою жизнь она почерплет «не из собственного своего естества, но от Самого Божества, от собственного Духа Его, от собственного света Его»[163]. Она получает от Бога «духовную пищу, и духовное питие, и небесные одеяния»[164]. Жизнь души – это не что иное, как «таинственное и неизреченное общение с небесным Царем»[165]. Метафизическая и непреходящая ценность души – в ее троичном богообразии, которым она простирается в над-ангельские высоты и возлетает превыше смерти, в бессмертие[166]. В этом непреходящая и объективная ценность и самого познания. Оно истинно, непогрешимо и здраво, если возникает из богообразной сущности души, если ею живет и руководствуется. Не только возможность, но и самая действительность человеческого самопознания сосредоточивается в богообразии души. Кратчайший и самый надежный путь к истинному Богопознанию лежит через истинное самопознание. Святой Макарий это решительно утверждает в следующих словах: «Кто возмог познать достоинство души своей, тот может познать силу и тайны Божества»[167].

«У души много составов, хотя она и одна»[168]. О четырех действиях души святой Макарий особо упоминает и называет их «самыми царственными силами души»; таковые суть: воля, совесть, ум и сила любви[169]. Все части души составляют одно органическое целое, сохраняемое богообразной сущностью души. Каждая из этих частей находится в подчиненном положении к душе как единому целому и из ее троичного богообразия черпает свою творческую силу.

Ум (νοῦς) – это «душевное око»[170]. Им душа провидит тайны Божества и тайны богозданной твари. «Престол Божества есть ум наш, и наоборот, престол ума – Божество»[171], поэтому он как царь «управляет своей душой и телом»[172]. Богообразие ума соблюдает человеческую личность в единстве и содержит ее во свете Троичного Божества, вне Которого жизнь онтологически невозможна.

Воля своей сущностью коренится в богообразной природе души. Она свободна, ибо человека сотворил Бог, Который Сам свободен. Свобода воли заключается в свободе выбора между добром и злом[173]. Богообразие души одинаково проявляется и в уме, и в воле[174]. Лишь как единое целое душа является носителем полного богообразия; а каждая ее часть – выражение этого богообразия, поскольку с ней органически связана. Душа присутствует во всех частях человеческой личности; она – не только внутри в человеке, но и около человека (вне человека)[175]. Она облечена в тело, как в прекрасное одеяние[176]. Тело – ее орудие[177].

Личность Адама до грехопадения представляла собой идеальное, гармоничное целое, созидаемое и оживотворяемое троичным богообразием души. Личность обусловлена Божественной Троичностью; где ее нет, там нет и личности. Это богообразие и делало Адама безгрешным, «чистым от греха»[178] и бесстрастным (ἀπαθής)[179]. Безгрешность и бесстрастие дают возможность к созиданию безгрешного и бесстрастного познания. Вся личность живет и действует богообразно. В каждой своей мысли, в каждом своем чувстве, в каждом своем действии она присутствует всем своим существом. Господь пребывает в ее ведении, в ее вере, в ее любви, в ее мудрости[180]. У нее и ведение – добродетель, также как и вера, и любовь – добродетели «по образу Духа»[181]. Бог сотворил ее без порока; сотворил ее «по образу добродетели Духа»[182]. Для нее совершенно естественно и нормально – жить в добродетелях Святого Духа. Над всей ее жизнью царствует Бог с престола ее богообразного ума. Ее безгрешный ум растет к Богу из познания в познание как из добродетели в добродетель. Главный предмет ее безгрешного познания – это Бог и богозданная тварь. Божественное Слово делает ее способной к познанию горнего мира, с которым она пребывает в сродстве в силу своего богообразия, и физического мира, которому она сродна посредством своего тела. На всех своих ступенях и жизнь, и познание человеческой личности до грехопадения были безгрешными, чистыми и богообразными.

II. Распад личности

1. Учение о грехе

До грехопадения целостность своей личности и гармонию всех ее физических и метафизических составов Адам сохранял через уподобление Богу своего существа: с помощью всей устремленной к Богу деятельности своего ума, своей воли, своего сердца и своего тела. Всю свою многообразную жизнь он формировал «по образу Божию». Он мыслил Богом, чувствовал Богом, действовал Богом, жил Богом; и тем самым становился совершенным человеком. Человек в нем Богом возрастал и совершался. Всегда будучи путеводим Богом, он пребывал вне опасности перестать быть человеком. Напротив, в нем было зримо идеальное равновесие между Богом и человеком. Все в нем совершалось по некоему Богочеловеческому порядку и плану. Бог всегда на первом месте, а человек – на втором; Бог действует, человек со-действует. В этом Богочеловеческом синергизме проявлялось все смиренное, божественно

смиренное величие личности Адама до грехопадения.

С появлением греха утрачивается богочеловеческий порядок человеческой личности; человек отпадает от Бога; центр личности смещается; равновесие нарушается; Бого-человеческий образ жизни заменяется образом, чуждым человеческому естеству; гармония личности утрачивается, и в ней наступает хаос; человек теряет мир в своем существе и начинается борьба между его физическими и метафизическими составляющими. Весь человек поврежден: от метафизической вершины своей души до физического основания своего тела. Святой Макарий глубоко чувствует весь переворот, вызванный грехом в человеке. Он видит в этом непосредственное вмешательство самого духа зла и уничтожения – сатаны. Грехом сатана воссел на престоле ума, сердца и тела Адама как на своем собственном престоле[183]. Преступлением заповеди Божией душа обезобразила весь свой образ[184]. «Адам, преступив заповедь, погиб двояко; потому что утратил, во-первых, чистое, прекрасное, по образу и подобию Божию созданное достояние природы своей, а во-вторых, самый образ, в котором, по обетованию, состояло все его небесное наследие»[185]. Преступлением заповеди Божией Адам утратил полноту своей жизни; перестал жить и начал влачить жалкое существование. Своим грехом, своими худыми мыслями и помыслами он «погиб для Бога»[186]. «Но, – добавляет святой Макарий, – не говорим, что человек всецело утратился, уничтожился и умер; он умер для Бога, живет же собственным своим естеством»[187]. Ибо что такое на самом деле грех? Это обезбоживание человека, изгнание Бога из человека. Грехом человек становится одиноким, оставляет Бога, живет не Богом, а собою, «собственным своим естеством», – по точному определению святого Макария, очень четко устанавливающему природу греха. Грехом центр человеческой личности переносится из Творца в тварь, из Существа самобытного в существо несамобытное. Грех весь заключен в стремлении вытеснить Бога из всего человеческого существа, уничтожить все богообразное в человеке. Святой Макарий подчеркивает это, когда говорит, что грех объял все существо Адама[188]. Грех стал атмосферой его жизни и его существа. С помощью греха человеком овладел сам отец греха – дьявол, и облекся в человека как в свою одежду. Человек грехом подпал не только под власть греха, но и под властительство дьявола. Ибо дьявол «осквернил и увлек к себе всего человека, душу и тело, и облек человека в человека ветхого, оскверненного, нечистого, богоборного, непокорного Божию закону, – в самый грех»[189]. С помощью греха дьявол облекся в душу человеческую[190]. Поэтому душу можно назвать «телом лукавой тьмы»[191]. Ибо Адам,

«преступил Божию заповедь и послушал лукавого змия, продал и уступил себя в собственность дьяволу»[192].

Грех Адама представляет собой неизмеримое падение, ниспадение со светлых высот ангельской безгрешности в мрачные пропасти дьявольской порочности. Поэтому падшего Адама жалеет Бог и оплакивает вся тварь: от Ангела до червя[193]. Вместе с Адамом пал человек вообще, ибо в Адаме неким таинственным образом потенциально, а отчасти и реально, содержится то, что составляет физическую и метафизическую сущность человека и человечества. Святой Макарий глубоко чувствует многостороннюю вовлеченность существа Адама в существо всего человечества[194]. Вселенскостью своего существа Адам присутствует во всем, что именуется человеком. Каждое его действие неминуемо является вселенским, соборным. Поэтому и грех его носит вселенский характер и по содержанию, и по последствиям. С его падением – падает все человечество[195]; с его преступлением – все человечество преступает границу богоданного закона и уклоняется в область беззакония[196]; оно оставляет жизнь «по образу Бога» и заменяет ее жизнью «по образу лукавства». Преступив заповедь Божию, Адам принял в себя закваску зла, а через наследие и все его потомки стали общниками этой закваски[197]. Некая сокровенная нечистота, некая всеобъемлющая тьма страстей вползла через преступление Адама во все человечество, в чистую природу человека, так что она помрачает и душу, и тело[198]. Таинственно и неощутимо грех вплетается в естество человеческое, действует через его мысли и дела, через его чувства и хотения и становится собственным человеку, а человек становится собственным греху.

В мистическую ткань личности Адама введены не только все люди, но и вся тварь. Он – некий вид живой мозаики, в которой сущностью своего бытия представлено каждое творение и в котором все они вкупе составляют один организм. От него зависит и жизнь, и смерть всех тварей. Когда он живет богообразной жизнью, живет вместе с ним и вся тварь; когда он в гармонии с Богом, в гармонии и вся тварь. Но точно также когда он падает, с ним падает и вся тварь. Его грех становится грехом всей совокупной твари; его боль становится ее болью, поэтому *вся тварь стенает и лучится* вместе с ним (Рим.8:22). Человек ввел грех во всю тварь, и через него этот грех пророс во всех видах тварного бытия. Сколько ни есть греха в твари, он – весь от человека и через человека. Грех возрастает человеком; чем грешнее человек, тем более наполняется грехом и окружающая его тварь. Все многочисленные комбинации греха и твари судьбоносно зависят от человека, от его греховной деятельности.

В своих сочинениях святой Макарий до тончайших подробностей анализирует грех и бдительно следит за человеком на всех ступенях греха, описывая все греховные состояния, через которые проходит человек. Он обращает особое внимание на отношения греха и души, греха и ума, греха и воли, греха и тела. Поэтому и мы, излагая его учение о грехе, будем придерживаться такого же порядка. Разумеется, невозможно провести ясные разграничительные линии между душой и умом, умом и волей, ибо они имеют одну и ту же сущность. Тайна человеческой личности особенно выражена в богообразном троичном единстве души, ума и воли; а тайна греха особенно сказует себя в собственном отношении к этому единству.

а) Грех и душа

Грех чужд и странен душе, – это исходная мысль святого Макария в размышлениях об отношении греха к душе. Грех и все орудия греха – злые страсти – полностью чужды человеческой душе[199]. Природа души богообразна, поэтому «порок есть нечто странное для нашей природы»[200]. Преступлением первого человека он вошел в нас, и мы его приняли, и путем навыка превратили в некий вид собственной природы[201]. Хотя зло чуждо и неестественно для природы нашей души, оно с течением времени стало для нас естественным. Оно постепенно распространялось по душе, проникало даже в самые сокровенные ее глубины и объяло все ее части[202]. Проникновение и укоренение греха в душе подобно укоренению большого дерева в глубине земли. Как дерево своими корнями прорастает в глубину земли, так и грех своими корнями проникает в таинственные глубины души[203]. Мрачный дух зла обвил грехом всю душу, все ее существо, и всю ее осквернил, всю пленил и ни одну ее часть не оставил свободной: ни помыслы, ни ум, ни тело, – и всю ее облек «в порфиру тьмы»[204]. Страсти зла и греха заразили всю душу[205]. Интимность души с грехом проявляется в ее блуде с дьяволом[206]. Бесстыдная интимность души с грехом – не что иное, как «блуд души с сатаной»[207]. «Бесплотная душа входит в общение с бесплотною злобою духа, т. е. дух входит в общение с духом и прелюбодействует»[208]. Блудодействуя с сатаной, «душа сраствoряется с пороком; и сатана чем-то одним делается с душею... посему-то *прилепляяйся сквернодейце едино тело есть с блудодейцею* (1Кор.6:16)»[209]. Так совершается некий вид воплощения греха в душе человеческой, и душа становится «телом тьмы»[210]. Следуя апостолу Павлу, святой Макарий называет обладаемую грехом душу «телом греха», «телом смерти»[211]. В нее облекается дух зла как в свое тело[212]. Грех так загадочно соединяется с душой, что самому человеку их разлучить невозможно[213].

Соединяясь с грехом, душа постепенно усвояет и все его свойства,

формирует себя ими, уподобляется творцу греха, роднится с ним и становится «сообщницею и сестрою демонов»[214]. Будучи некогда богообразной сообщницей Ангелов, душа через грех становится сообщницей дьявола; некогда будучи вся – светом, вся – глазом, она грехом ослепляет себя[215] и становится тьмою, ибо грех в своей сущности – это тьма[216]. Когда человек преступил заповедь Божию, дьявол всю его душу покрыл темной завесой[217]. Своим падением из безгрешного света во грех человек облек свою душу в горькую и злую тьму[218]. И там внутри в душе пресмыкается и ходит дух лукавства как творческий рациональный импульс (λογιστικὸν κινητικόν)[219]. Живя в душе, лукавство и нечистый дух делают и ее лукавой и нечистой[220], и она валяется в тине греха[221]. Так как грех – духовная проказа, то и душу он сделал прокаженной[222]. Неизлечимая язва греха разъедает каждую грехолюбивую душу[223]. Уязвленная грехом, душа походит на человека, которого разбойники оставили изъязвленным на пути из Иерусалима в Иерихон[224]. В грехе душа умирает. Когда человек впал в грех, он «умер страшной душевной смертью»[225], ибо грех – это жало смерти[226], через которое смерть изливается в душу.

Грех удерживает душу и ее помыслы в сфере смерти[227]. Здесь ее растлевают и повреждают нечистые духи[228]. Окованная грехами, душа утопает в бездне горечи и в глубине смерти – и там пребывает мертвой для Бога[229]. Расслабленная грехами, душа становится игрушкой в руках бесов[230]. Живя среди них в тьме смерти, она истлевает, и разлагается, и покрывается червями. Как мясо без соли загнивает, наполняется великим зловонием и в нем гнездятся черви, таким же образом и всякая душа, не осоленная Святым Духом, т. е. благодатью Божией, – загнивает, и наполняется великим зловонием лукавых помыслов и мрачных страстей, и преизобилует червями, ибо в нее закрадываются злые и страшные черви, т. е. лукавые духи и тёмные силы, которые пресмыкаются по ней, питаются ею, поедают и растлевают ее[231].

Несмотря на такое очевидное соединение греха с душой, святой Макарий все-таки ясно отделяет сущность греха от сущности души и учит, что грех и душа не соединяются существенно. Ибо с одной стороны самая сущность души, а с другой – самая сущность греха делают невозможным такое соединение. Сущность души в ее богообразии, а сущность греха – в несущем, учит святой Макарий. Это парадоксально, но зато – истинно и необходимо, так как это абсолютно исключает онтологический дуализм манихейства. «Ничего не знают утверждающие, что зло существенно (ἐνυπόστατον)»[232], сущностно, т. е. что оно имеет самостоятельную

сущность и самобытно существует. На самом деле зло – тем зло, что существует вне Бога, вне этой вечной и единственной самобытной Сущности. От отношения к Ней зависит определение всего в целом и в частности, включая и определение зла. В отношении к Богу, к Его бесстрастному Божеству, зло не-существенно, не-сущностно, несамобытно[233]. Оно «в небытии имеет бытие», как об этом говорит святой Григорий Нисский[234]. Зло в силу того и есть зло, что бытие свое оно основывает на небытии. Отсюда невозможно существенное соединение сущности души с не-сущностью греха. И когда кажется, что они соединяются самым близким образом, на самом деле они проникают одно через другое и живут совместно. Душа смешивается со злом не как «вино с водой, – говорит святой Макарий, – но так, как на одном поле растут и пшеница сама по себе, и плевелы сами по себе»[235]. Несмотря на все смешение души с грехом, все-таки и душа, и грех имеют свои собственные природы и остаются при них[236]. Своей индивидуальности не утрачивают ни грех, ни душа, но грех пребывает в душе «как другая душа»[237]. Их индивидуальность даже настолько сохранена, что «грех ежечасно беседует с душой, как человек с человеком»[238]. Душа греха влияет на богообразную человеческую душу, однако они не становятся одним целым, но душа человека принимает в себя «душу зла, т. е. энергию мрачных страстей греха»[239]. Душа греха подражает душе человеческой, чтобы легче ее соблазнить, ибо «грех, будучи духовного свойства, имеет, свой образ и преображается во многие виды»[240].

Через грех зло вошло в человека, а через человека – во всю тварь. Нет зла вне греха. Сколько ни есть зла в человеке и мире, все оно вошло в них через грехи. Грех и есть главное зло и источник всех зол. Святой Макарий это особенно выделяет и говорит, что грех – «корень всех зол» и что от него происходят все страдания и похоти душевные и все злые помыслы[241]. Воззрение на грех как на источник всех зол – это «одна из самых характерных, специфических особенностей христианской религии»[242].

б) Ум и грех

Сложный психический (душевный) аппарат человеческой личности постепенно эволюционирует во грехе; микробы греха заражают душу до последних глубин, проходят во все ее части, пока наконец не проникнут в ум, который есть «око души»[243]. Заражение грехом распространяется по всему уму; ум постепенно становится греховным. Волей усвояя грех, ум дает ход греху, пока тот не поработит и всю сущность ума[244]. Пораженный грехом от периферии до центра, ум облекается в дьявола и приобретает дьявольский образ[245]. Будучи обладаемым дьяволом и дьяволо-образным,

ум – не что иное, как «храм сатаны»[246], в котором воздается поклонение сатане и легионам бесов, наполняющих ум своим злосмрадием[247]. Будучи царственной частью души, оком души, которым зрится Божество, ум становится главной целью действия сатаны. Через преступление Адама он (дьявол) достигает своей цели, уязвляет и помрачает «ум, созерцающий Бога»[248]. И не только помрачает ум, но и ослепляет его[249]. Ослепляя и помрачая ум, сатана ослепляет и помрачает живое богоподобие человеческого естества[250]. Ибо сатана и демоны «разоряют и опустошают ум» – этого богообразного управителя человеческой личности[251]. На престол зараженного грехом ума восседает сатана, управляет им и всей человеческой природой[252]; он отверзает врата ума, через которые входят его служебные духи и становятся продуктивной энергией в глубинах ума[253].

Будучи некогда царем человеческой личности и всего естества, ум становится рабом греха, и в нем пресмыкается и гнездится змий греха[254], источающий из себя лукавство и разливающий его по уму[255]. Созерцая некогда неизреченные тайны Божии, ум теперь чувствует себя связанным узами греха и не может повиноваться Богу[256]; обладая до грехопадения богообразной свободой, ум мог беспрепятственно проникать в безгрешные области Божиих тварей; но теперь он начал рабствовать греху и его окружают «стены порока»[257], так что он не может никуда выйти за свои пределы или вырваться из границ лукавства. Он рабствует греху и зараженному грехом миру. «Мирские помыслы развлекают ум земным и тленным, не позволяют любить Бога или памятовать о Господе»[258]. Соблазненный лукавством, погруженный в море греховных тварей, ум любит земное и носит на себе чрезмерно тяжелое «ярмо зла»[259]. Зло тиранически и непрестанно порабощает ум миру сему и не дает ему через молитву возвыситься в надгреховные высоты[260]. Начиная с грехопадения Адама и вплоть до Христа личный и вообще человеческий ум заключен в затхлые границы сего мира, здесь он погрязает и задыхается[261] и «на земле имеет жительство свое»[262]. Сообразуясь и формируясь κατὰ τὴν εἰκόνα τοῦ κόσμου (*по образу мира),* ум наконец становится подобным миру (миро-подобным)[263]. Замыкаясь в себе непрестанно, ум разлагается, и во внутренностях его образуются огромные расселины и «горы превеликие»[264]. «Горы превеликие суть страсти», производимые бесами, обитающими во внутренних пределах пораженного грехом ума[265].

Нечистота ума – это естественное последствие сраствореннности ума с грехом. Обладаемый грехом ум усвояет все атрибуты греха, и греховная скверна пронизывает все его естество[266]. Полностью заражаясь грехом, ум

формируется κατ ̓ εἰκόνα τῆς ἁμαρτίας (*по образу греха*) и во всех своих проявлениях открывает свое грехо-образие. Грехо-образный, порабощенный грехом ум жительствует жизнью смерти, пребывает вне Бога, ибо иметь сраствореннyю с грехом сущность – значит умереть для Бога и жить для себя (в солипсизме) и собою[267]. Как и пораженная грехом душа, так и ее часть – пораженный грехом ум – через грех возрастают в смерть.

Таким образом, отношение греха к уму параллельно отношению греха к душе; срастворение души и ума с грехом и злом приводит к одному и тому же результату – к смерти, так как один-единственный, данный Богом закон властвует над всей человеческой душой: закон, по которому душа, жительствуя во грехе, живет вне Бога, без Бога и является мертвой; и ум как часть души, живя во грехе и вне Бога, – не что иное, как мертвый ум.

в) Воля и грех

Вне воли грех невозможен. Возможность и реальность греха вне (помимо) воли вовлекает человеческое сознание в челюсти самого ужасного метафизического чудовища – необходимости греха и зла. Необходимость греха и зла имела бы своим антитезисом необходимость добра, и тем самым личность была бы исключена из моральной сферы и подавлена в онтологическом и гносеологическом дуализме. Но этическая динамичность личности исключает всякое зло и грех за пределами воли[268]. Воля – это канал, через который зло вливается в человека. Она всегда принимает активное участие не только как со-причина, но и как проводник зла[269]. Воля несет ответственность за каждый грех, поэтому каждый грех наказуем[270]. Человеческому естеству дан не закон необходимости, а закон свободы выбора, чтобы он мог по своей воле избирать добро или зло[271]. Человек имеет «свободную волю» – τὸ αὐτεξούσιον θέλιμα[272], она дарована ему Творцом, чтобы он по свободному хотению стремился к добру и воздерживался от зла[273]. Творческое участие воли в преступлении Адама особо подчеркивает преподобный Макарий: «Адам совершил преступление по своей собственной воле – ἀφ ̓ ἑαυτοῦ ἰδίῳ θελήματι παρέβη – и послушался беса»[274]. Не только человек, но и все разумные существа, одаренные свободной волей и выбирают зло ἐκ τοῦ αὐτεξουσίου (*по самовластию, по самопроизволению*)[275], и все творят его ἰδίῳ θέληματι (*по собственной своей воле*)»[276].

Значимость свободной воли проистекает из абсолютной свободы Божества посредством богообразной сущности человеческой души[277]. Грехопадение необходимо включает в себя активное соучастие и со-причинность воли – и тем самым повреждает ее богообразие[278]. Начиная с

преступления Адама и далее заражение грехом человеческого и общечеловеческого естества прогрессирует по мере вольного усвоения греховности. Участвуя и в срастворении с грехом всех психофизических составляющих человеческой личности, воля и сама проходит через те же процессы соединения с грехом, эволюционно заражается грехом, который наконец объемлет всю ее сущность[279]. Поврежденность воли грехом настолько ужасна, что первое требование Христа и христианства – «никак не искать своей (греховной) воли»[280]. Возрастание в добродетели происходит «по мере отрицания воли мира»[281]. Умножение грехов является шествованием за своей зараженной грехом волей[282]. Человек своей собственной волей подвержен соблазнам зла[283]. Первая обязанность творческих сил души – это «не творить волю (греховных) помыслов»[284], ибо вся воля проникнута злом, вся в цепях зла[285]. У некоторых людей самовольное соединение с грехом доходит до абсолютной преданности дьяволу; они предают свою волю злу (лукавству), дружат и живут в мире с сатаной и не борются с дьяволом в своих мыслях[286].

Зараженная грехом воля проникает сквозь ум и доходит до его крайних глубин, поэтому поврежденный грехом ум не может (у христианина) претендовать на то, что его воля будет выслушана и исполнена[287].

Пользуясь своей сущностью в богообразной сущности души, воля приемлет в себя все последствия, проистекающие из смешения души с грехом и злом. Будучи существенной частью души, воля играет роль творческой (созидательной) или разрушительной силы. Роль творческой силы в созидании (построении) личности воля играет тогда, когда всю свою деятельность осуществляет κατ ᾽ ἐικόνα Θεου («по образу Божию»); в роли же разрушительной силы выступает, когда, будучи подвластна греху, разрушает, дезинтегрирует человеческую личность. Во всяком случае, и положительная, и отрицательная деятельность воли доказывают всю ее огромную важность в сфере всего того, что называется человеческой личностью.

г) Сердце и грех

Бесконечно таинственная тайна богообразной (богоподобной) души непостижимо со-проникается и срастворяется с тайной греха, с тайной беззакония. Анализ этой сугубой тайны затруднен духовностью ее природы, хотя в моментах объективации и грех, и душа пользуются телесной частью человеческой личности, служащей в качестве инструмента для физической реализации, для физической копии духовного оригинала и реальности.

Анализ учения преподобного Макария Египетского о грехе души требует в качестве своего физического аспекта рассмотрения учения о грехе (греховности) тела (плоти). – Тем органом, в котором совершается таинственный переход душевного в телесное и телесного в душевное, преподобный Макарий считает *сердце*[288], ибо с сердцем «со-проникается и срастворяется душа – συμπέπλεκται καὶ συγκέκραται ἡ ψυχή»[289]. Срастворение – «синкрасис, σύνκρασις» – души с сердцем переносит в сердце часть абсолютной богообразной значимости души, и «сердце владычествует и царствует над всем телесным органом»[290]. Но посредством «синкрасиса» (срастворения) с душой и сердце участвует не только в ее богообразной значимости, но и в ее греховности, так что «грех царствует над сердцем и проникает во все части.... и, таким образом, разливаясь, омрачает человека»[291]. Сердце содержит в себе и душу, и ум, и волю; поэтому понятие «сердце» синонимично понятиям «душа» и «ум»[292]. Зараженное грехом сердце включает и зараженную грехом душу, и ум, и волю, ибо «око сердца облегается вокруг покрывалом тьмы, огня мирского духа, и оно не позволяет как уму предстоять пред Богом, так и душе по собственной воле или молиться, или веровать, или любить Господа»[293].

Ум – это око сердца, которым сердце надзирает над своим огромным внутренним миром и жизнью, «ибо сердце – малый сосуд; но там есть змии, там есть львы, там есть дикие звери и все сокровища порока; там пути негладкие и стропотные, там пропасти; но там также и Бог, там Ангелы, там жизнь и царство, там свет и апостолы, там сокровища благодати, там есть все»[294]. Сердце имеет ум своим путеводителем[295], который ведет сердце по страшным противоречиям, гнездящимся в сердце[296]. «Сердце – непостижимая бездна»[297], в которой скрывается и гнездится змей греха[298]. Некая незримая и «тонкая сила тьмы» – наполняет сердце[299] и «бесконечное множество демонов»[300]. Их непрестанная греховная деятельность ведет к тому, что «истинная смерть – внутри, в сердце»[301]. Исполненное грехами, с поврежденной грехом душой и умом и волей, т. е. с мертвой душой, мертвым умом и волей, сердце – не что иное, как «гроб и могила»[302] и ад[303].

Так зараженность грехом личности простирается до ее полной дезинтеграции, до смерти, до адского состояния, ибо смерть – это не что иное, как дезинтеграция и обезличивание личности. И грех является той дезинтегрирующей силой, которая своим действием приводит человеческую личность в жалкое состояние распада.

Многосторонний и тщательный анализ и иллюстрацию этого

проводит преподобный Макарий в своих сочинениях, в которых он проницательно следит за таинственным возрастанием греха от его зачатия в человеческой личности до его полной зрелости. Показывая это, он неподражаемо передает постепенную дезинтеграцию рабствующей греху души и находящихся под игом греха ума, воли и сердца; он раскрывает также процесс постепенного разложения всех психофизических элементов человеческой личности, зараженных вносящими проказу бациллами греха и зла. Но разложение личности как индивидуума имеет своим необходимым последствием распад всех личностных составных элементов, входящих в качестве содержания и принципиальных творческих факторов в бытие всего человечества как целого. Процесс заражения грехом человечества простирается до определенной формы, до определенного образа (лика), до образа Каина. Все человечество разрастается в Каина, в его подобие[304]. Каин – это тип всечеловеческой зараженности грехом, «тип и подобие – εἰκὼν (образ) – всех грешников»[305]. Как некогда Каин, так и ныне все пронизанное грехом человечество живет «стеная и трясясь и пресмыкаясь по земле»[306]. Жизнь «по подобию Каинова лукавства» разлагает все человечество; в своей полноте это разложение стилизует себя смертью. Как евангельский Лазарь, все человечество пребывает во гробе, исполненном злосмрадия, ибо все человечество – это порождение падшего Адама, и все участвуют в этом злосмрадии[307].

Как и личность, дезинтегрировано все человечество, ибо грех разлагает его посредством всеобщей смерти.

2. Учение о грехе и гносеология

Дезинтегрированность (разложение) личности простирается на все составные части человеческого естества, а особенно на способность познания. Имевшее место до грехопадения целостное (интегральное) познание, проистекавшее из богообразной целостности личности, из здоровых, безгреховных гносеологических способностей, утрачивается по причине греха, который извращает все гносеологические способности. Греховный характер дохристианской души постулирует причастность греху и самого познания. Утрачивая через грехопадение данное Богом богообразное средоточие личности, человек тем самым теряет и гносеологическое (познавательное) средоточие, так как само человеческое грехопадение является (прежде всего), гносеологическим[308], ибо с его помощью человек переступает через поставленную Богом границу

познания, чтобы приобрести «познание добра и зла» вне Бога, пользуясь методом сатаны. А гносеологический метод сатаны выражен в трех словах: «Будете как боги». Выражаясь этической терминологией, – метод сатаны – это «высокоумие, гордоумие»[309]. Этим методом сатане удается принцип и метод своей жизни перенести и пересадить в человека, ибо без Бога жить «как боги» – значит жить «τῇ ιδίᾳ φύσει» («своим естеством». – *Примеч. пер.),* значит оторваться от Бога, умереть «ἀπὸ τοῦ Θεοῦ» («вдали от Бога». – *Примеч. пер.*)[310], ибо только Бог живет Своим собственным естеством, а все прочее живет, сопричащаясь Его жизни. Живя по методу сатаны и пользуясь высокоумием как методом познания, человек настолько заражает грехом свои способности познания, настолько извращает свои гносеологические орудия, что наконец становится гносеологическим язычником, который свои мысли замешивает в тине греха, обожествляет их, и они становятся для него идолами[311]. Утратив через грехопадение богообразный центр личности, гносеологический идолопоклонник усматривает свой центр в каждой своей обожествленной мысли. Поистине его мысли становятся «как боги», и он имеет столько центров, сколько у него идолопоклоннических мыслей, а имя им – легион. Гносеологическое язычество, провозглашающее каждую проникнутую грехом мысль богом – и есть та пагубная сила, которая лишает центра, разлагает, обезличивает человеческую личность. Ибо что есть грех в своей гносеологической сущности?

Грех – это «некая сатанинская рациональная сила и сущность»[312], «некая рациональная и мысленная (интеллектуальная) сила сатаны»[313]. И эта рациональная «сущность» сатаны сраствоpяется с рациональной сущностью человека, с умом, и «действует в уме»[314]. Интеллект сатаны (через присутствие греха) смешивается с интеллектом человека до некоего таинственного единства[315]; вся духовно-греховная «сущность» сатаны соединяется с духовной сущностью человека[316], объемлет всю сущность души, ума, воли и сердца[317], и «греховный ум», «греховный разум» сатана восседает, как царь, на троне человеческой личности – на уме, и обладает всем человеком, всеми его познавательными способностями, всеми понятиями и знаниями[318]. Поэтому каждое действие зараженной грехом личности, а в частности – каждое действие познания, есть продукт комбинированного человеческого духа с греховным духом сатаны. Мысли сатаны становятся одним целым с мыслями человека, становятся как бы «его собственными» мыслями, и ни одна человеческая мысль не является собственно и в частности только человеческой; она в то же время – и мысль сатаны[319]. Греховная человеческая душа имеет своим

гносеологическим источником «неизлечимую язву греха», из которой проистекают нечистые и худые мысли[320], и она сама по себе немощна, чтобы отыскать свои собственные мысли и отделить их от мыслей греха[321].

Гносеологическая деятельность сатаны обеспечена его преимущественно рационалистической природой, которая таинственно соединяется с природой человека. Поврежденная грехом логика, рабствующий греху рационализм являются сущностью его природы, абсолютно отсеченной от природы Божией; он поставляет свой центр в себе самом, живет собой, оправдывает и доказывает себя собой. Соединенная с его природой человеческая греховная природа его имитирует: она живет собой, не выходит из себя, не переступает границ своего зараженного грехом *я*, живет в себе, как во гробе, живет в себе в аду[322], по страшному слову преподобного Макария. Живя (лишь) в себе, человек живет собой, пожирает себя, питается самим собой, т. е. своей природой, сраствореной с природой сатаны. И что самое плохое, человек идолизирует себя, свои частицы, становится сам себе идолом и богом, т. е. собою заменяет Бога, становясь сам «как бог».

Корень греха, грех в своей метафизической сущности – в самодовольном самообосновании «Я = Я». «Грех – в нежелании выйти из состояния само-идентичности, из идентичности «Я = Я», или точнее: «Я». Фундаментальный грех, или корень всех грехов – в упорном нежелании выйти из самого себя, в утверждении себя как себя, без личного отношения к *другому*, т. е. к Богу и ко всей твари... Другими словами, грех – это та сила сохранения себя как себя, которая делает личность «само-истуканом»[323], идолом для себя, «объясняет» Я с помощью Я, а не с помощью Бога, и основывает Я на Я, а не на Боге. Грех – это то коренное пожелание, посредством которого Я утверждает себя в своей изолированности и отчужденности и делает из себя единственную точку реальности. Грех – это то, что скрывает от *Я* всю реальность, так как видеть реальность – это и значит выйти из самого себя и перенести свое Я в *не-я*, в другое Я, в видимое, т. е. *возлюбить*. Поэтому грех – это средостение, оставляющее Я между самим собой и реальностью... Грех – это непрозрачность, мрак, туман, мгла, тьма, почему и говорится: *Тьма ослепила ему глаза* (1Ин.2:11); и еще имеется много мест в Священном Писании, где *тьма* синонимична *греху*. Грех в своем беспримесном, конечном развитии, т. е. *геенна*, есть тьма, *отсутствие света*, мрак. Свет – это проявление реальности; напротив, тьма – это отчужденность, раздробленность реальности, невозможность проявления одного через

другое, невидимость одного из-за другого. Самое название *«Ад»,* или *«Аид»,* указывает на такой геенский разрыв реальности, на изоляцию реальности, на *солипсизм,* так как там каждый говорит: «Solus ipse sum»![324] В самом деле, *«Ад»* Ἅδης, *«Аид»* Ἀΐδης – первоначальный «Ἀΐδης» – происходит от ιδ (одинакового с русским *вид),* которое образует глагол ἰδ-εῖν, вид-еть, и a privativum. *«Ад* – это *то место, то состояние,* в котором нет видимости, которое лишено «видимости», которое не видно и в котором не видно»[325].

Рациональная сила сатаны поглощает рациональную сторону человеческого естества, и между ними заключается некий вид рационалистического завета (союза). Эта рациональная сила сатаны действует в человеческом уме, идентифицируется с его духом, производит познание и мысли, а человек думает, что это познание *естественное,* человеческое, порождаемое его собственным духом, и не подозревает, что оно – продукт деятельности сатаны[326]. Еще с момента грехопадения Адама сатана сделал грех творческим источником познания в человеке. Грех стал частью души и производит в сердце нечистые помыслы[327]. «Ежечасно душа порождает многие новые помыслы, но таковые также влагаются и злом, которое внутри. Душа же имеет много сокровенных помыслов, которые в тот же час производит и рождает; но и у самого зла много помыслов и предначинаний, и ежечасно оно порождает новые помыслы против души»[328]. Гносеологическое творчество обладаемого грехом ума – это не что иное, как слепое рабствование змию греха, порождающему в нем (злые) помыслы[329]. Грех царствует от Адама до пришествия Христова[330], царствует и над познанием, ибо пользуется всеми человеческими психофизическими силами как орудиями греха[331]. Грехом повреждены, извращены, срастворены с дьяволом познавательные способности человека, так что человек видит лукаво, слышит лукаво... и имеет сердце, замышляющее злое[332].

Все гносеологические силы действуют и проявляются через грех, поэтому и весь гнозис имеет грехо-образный характер. Посредством обладаемых грехом гносеологических способностей весь мир проявляется в категории греха. Причину и корень дезинтеграции твари необходимо искать в дезинтегрированной человеческой личности. Мир (греч. «космос») тварей своей жизнью копирует человека, имитирует его жизнь до мельчайших подробностей, до рабствования тлению и смерти[333].

Для преподобного Макария человек и мир тварей постоянно находят друг друга и движутся один к другому в правильной соразмерности. Физическая часть мира движется параллельно с метафизической;

метафизическая мистика личности объективируется, материализуется в мире тварей. Поэтому святой Макарий неустанно показывает духовный мир посредством образов из мира физического. Извращая всю человеческую природу, грех извращает и весь мир тварей. «Мир сей противится горнему миру, и век сей противоположен горнему веку»[334]. «Со времени преступления первого человека противление и явно, и тайно во всем овладело нами»[335]. Жизнью человеческой личности определена жизнь тварей. Хотел ли того человек или нет, мир тварей является неким неустанным фотографом, непрестанно снимающим самые тончайшие движения его души и тела. Мир тварей – это верный биограф человека, имеющий свой регистр всех его грехов и добрых дел. Но тяжелая и жалкая судьба тварей заключается в том, что тварь одновременно с человеком переживает всю его биографию, болеет его болезнями, заражается грехом вместе с ним, покрывается проказой его грехов и участвует в его страданиях.

Зараженный грехом до крайности человек и все его познание постоянно возмущается диким ветром греха[336]. Чистое богопознание невозможно для оскверненного грехом человека, ибо зло помрачило и ослепило его природу, так что он «не может видеть чистоты и тонкости Божества»[337]. Для плененного грехом сознания грехо-образное познание является логичным и естественным[338]. Между ним и Богом грех вырыл непреодолимые расселины и воздвиг непроходимые горы[339], настолько удалил его от Бога, что ему невозможно стало «познавать благо Творца»[340]. Ослепив око души – боговидный ум – грех направляет все познание в зло и страсти[341]. «Ум управляет колесницей души, держа узду помыслов»[342], – говорит святой Макарий, но, будучи ослеплен грехом, как ум может ею управлять, если он скитается по гносеологическим безднам самой человеческой личности и мира тварей? Будучи оком для различения добра и зла[343], ослепленный грехом ум абсолютно неспособен удовлетворить свою исконную жажду познания, увлекшую его в грехопадение, т. е. жажду познать добро и зло своей собственной природой, без посредничества Божия. Сущность греха и состоит в устранении Бога как Посредника между собой и тварью, в приступании к твари не через Творца, а через себя, в объяснении, апологировании твари не Творцом, а самою тварью или самим собой; одним словом, сущность греха – в бытии «вне Бога»[344]. Поэтому ум, пребывая во грехе, пребывает «вне Бога» и блудит[345], блудодействует с нечистыми силами, наполняющими его скверной[346], так что все произведенное им знание можно назвать знанием блудным, плодом и знанием незаконным.

Извращенные, помраченные грехом способности познания порождают мрачные мысли, мрачные чувства, и «смерть обдержит души Адама (т. е. рода человеческого), и душевные помыслы заключены во тьму»[347]. На ослепленные грехом очи души наброшена «завеса мрачная», и «дух зла» неустанно действует в ней как «λογιστικὸν κινητικόν»[348]. В ней грех – «источник, источающий нечистые помыслы»[349]. «Душу окружает целый лес помыслов, внушаемых сопротивною силою»[350]. Обладаемая грехом душа мучается «в болезни неведения, зла... и прочих греховных страстей»[351]. Ее познание болезненно, ибо рождается в утробе болезнетворных пороков[352]. Своей проказой грех пагубно растлевает орудия познания, которые неизбежно производят зараженные проказой знания. Прокаженная личность испускает зловоние через все поры, и самое познание проявляет себя через зловоние греха[353]. Злосмрадная закваска зла разрастается по всему психофизическому существу личности, пока не заквасит и не наполнит зловонием все ее содержание, всю атмосферу и все проявления[354]. Наполнен зловонием и сам ум[355], и тем самым отравлен основной орган познания. Разъедаемая злосмрадной проказой греха душа разлагается, тлеет, и Бог отвращает Свое лицо «от ужасного злосмрадия суетных помыслов мрака и страстей, обитающих в такой душе»[356]. Поэтому «нечистые мысли исполнены мертвых костей, и всякой нечистоты, и злосмрадия»[357]. В исполненной злосмрадием душе всего человечества живет и действует «некий мысленный (рациональный) мрак зла и смерти»[358], обладает всеми познавательными способностями и творчеством[359], так что люди помышляют, что нет Бога, поклоняются бездушному камню и не могут разумом постичь Бога[360]. Гносеологическое творчество греха многосторонне проявляется в философии, искусстве, поэзии, риторике, истории; одним словом – во всяком мастерстве и во всех науках, которые создают своими греховными гносеологическими орудиями порабощенные грехом люди, ибо «все сии упомянутые художники, обладаемые поселившимся внутри них змием, и не сознавая живущего в них греха, сделались пленниками и рабами лукавой силы – и никакой не получили пользы от своего знания и искусства»[361].

С помощью такого мистического истолкования участия греха в сфере общечеловеческих знаний преподобный Макарий доказывает, что без Христа и прежде Христа невозможно чистое, безгрешное, богообразное познание, при котором Божественное Слово (Логос) – это всё[362]. С утратой богообразного характера своей личности человек и все человечество теряет смысл жизни, логос жизни и познания. Через

грехопадение все становится бессловесным (ἄ-λογος, не-логосным); и самое познание лишается логоса. Развивая мысль святого Макария, можно сказать, что в этом греховном бессловесии находится корень гносеологического скептицизма, и особенно – гносеологического агностицизма. До грехопадения целостное (интегральное) познание сосредоточивается в Троичном Божестве – Едином Сущем; после грехопадения познание переносит свой центр в грех, который является единым (единственным) не-сущим, псевдо-сущим. Сосредоточивание познания в этой метафизической псевдо-сущности наводит нас на мысль, что в нем следует искать корень гносеологического релятивизма, самым характерным представителем которого является Кант со своей пресловутой «Ding an sich»[363] и проведением грани между феноменальным и ноуменальным миром. Происхождение наивного релятивизма кроется также и в мистических глубинах греховной души. Здесь значение материи гипертрофируется; человек, по необыкновенно глубокому замечанию преподобного Макария, прилепляясь к проникнутой грехом материи, возносится ею до «опьянения материей (до вещественного упоения)»[364].

Содержание и объем отношения учения о грехе к гносеологии обусловлены самой мистикой человеческой личности. Проблема личности включает в себя проблему познания; познание определяется личностью. Гносеологический рост порабощенной грехом личности проходит через вереницу всех зол[365], пока не достигнет своей гробовой, адской зрелости[366]. Этим завершается рост греховного познания; здесь его границы, здесь его и объем, и сфера, и атмосфера. Грех смерть могила ад устанавливают границы познания, через которые рабствующий греху человек перейти не может. Вся область познания стянута огненным поясом ада и смерти. Человек и человечество, отчужденные адским солипсизмом до ужаса, дезинтегрируются, и ео ipso[367] дезинтегрируются и все гносеологические орудия познания, и все познание. Все человечество переживает грех в его проявлениях и нюансах; все души задыхаются во чреве греха, как во чреве кита, ибо грех – это кит, «пожирающий души»[368]. Каждая душа и все души уязвлены неизлечимой раной; их не могут исцелить ни закон, ни пророки[369]. «Заблудшую и паршивую овцу – человека, покрытого проказой греха» – не могут излечить ни левиты, ни учители[370].

Из излагаемого преподобным Макарием Египетским учения о грехе необходимо следует вывод, что человек сам по себе весь расслаблен, поражен проказой, что он себя собой никогда исцелить не может, что

жизнью вне Бога он умертвил себя, что он – мертвец во гробе, полном злосмрадия, что он – (как) Лазарь во гробе, который не может сам себя воскресить, но имеет лишь немного силы, чтобы ожидать Того, Кто есть воскресение и жизнь. Что касается познания, сам по себе человек абсолютно не способен к чистому, цельному, существенному и богообразному познанию, ибо он весь дезинтегрирован грехом, весь «продан под грех»[371]. Человек эмпирически не способен быть полностью своим, ибо он весь пронизан «сущностью и разумом» сатаны, т. е. грехом. Когда человек мыслит, дьявол принимает активное участие в этом процессе. Тогда Je pense done je suis[372] означает Je pense done je suis et le diabie est[373]; тогда человеческая мысль – это не что иное, как психологическое доказательство бытия дьявола; тогда все творение, интерпретированное его мыслью, становится космологическим доказательством бытия дьявола. Для плененного грехом ума логичность, рациональность греха очевидна, ибо грех – это «логика», ratio[374] сатаны, и тем самым – продукт человеческой натуры[375].

Грех и познание сплавляются до некоей удивительной идентичности, становятся синонимами по отношению друг к другу; учение о грехе и гносеология комментируют друг друга, апологируют и оправдывают свое существование; для впавшего в грех гносеологического субъекта все объекты познания доступны лишь через категорию греха, ибо и в познании «грех царствует от Адама до пришествия Христа»[376].

III. Восстановление личности

1. Тайна Богочеловека Христа

Проблема реинтеграции (восстановления) личности исчерпывается проблемой освобождения от греха, так же как и проблема дезинтеграции исчерпывается проблемой поражения грехом. Решение проблемы сводится к устранению причины дезинтеграции – к устранению греха. Счистить налет греха с метафизической сущности личности, с «образа Божия»; разрушить, сбросить твердые струпья греха и извлечь нежное, богообразное зерно личности – значит возвратить человека в его целостное состояние до грехопадения, восстановить троичное богообразие (серб. «Бого-ликость») его естества и Бого-человеческий порядок, значит отроичить все содержание его личности. Существенно понятая проблема личности получает свое полное, окончательное решение в Святой Троице. В силу троичного богообразия («Бого-ликости») своего существа

человеческая личность стремится к Святой Троице. Вся природа, сущность, все силы личности обусловлены Троичностью. Тайна личности имеет своим источником тайну Святой Троицы, поэтому реинтеграция личности – дело Святой Троицы. Пришествие Христа – это многозначительное доказательство того, что жизнь и целостность человеческой личности онтологически невозможны без личного участия одного Лица Триипостасного Божества.

Погруженный в грандиозную тайну человеческой личности, преподобный Макарий Великий своей многоочитой душой благодатно созерцает укорененность ее троичного богообразия в тайне Троичного Божества. Пришествие Христа имеет целью возвращение человека к Святой Троице, дарование «человеческому естеству достоинства первозданного Адама»[377]. Через Святую Троицу человек возвращается к себе, находит себя, ибо смысл Христова пришествия – «возвращение нашей природы к себе (к первозданному состоянию) и восстановление»[378]. Во Христе человеку дана вся психофизическая реальность совершенной личности; в Лице Богочеловека человек зрит безгрешный оригинал своей души, зрит христообразную сущность своей личности, созданной «по Его образу»[379] и обретает себя совершенным. «В Себе... Господь показал каждому из нас именно его самого, в его нетленной первообразной красоте; как в чистом зеркале Он дал увидеть каждому святость его собственного непоруганного образа Божия. В “Человеке” или “Сыне Человеческом” явлена каждому вся полнота его собственной личности»[380]. Христос – «образ первозданной красоты... неизменный Образ»[381], в Котором каждое человеческое существо имеет свой первозданный и безгрешный образ (лик), свою собственную личность освященной и обоженной; в Котором каждому человеку дано быть общником превечного Образа Божия, чтобы каждый мог непоколебимо уверовать в троичное богообразие своей души и в то, что «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего»[382].

Исключительное совершенство, красота и чистота Личности Христа делает Ее абсолютным и незаменимым идеалом для каждой личности вообще. Только Он – воплотившаяся Абсолютная Чистота; смысл Его пришествия сосредоточивается «вокруг чистоты»[383], «ибо все люди – и евреи, и эллины – любят чистоту, но не могут очиститься»[384]. Бесконечное, идеальное совершенство личности как душевная и телесная реальность дана в Богочеловеке Христе[385]. До Христа Бог воздействовал на душевную часть личности; начиная с Христа Он постепенно соединяется со всем человеком: и с душевной, и с телесной частью его

личности[386]. Для того чтобы обожить и телесное содержание человеческой личности, Христос «собственный образ неизреченного света Божества Своего положил в теле ее»[387], во плоти, «воспринятой от Девы»[388]. Ипостасное единство Бога и человека в Лице Иисуса Христа и есть «единственное новое под солнцем»[389]. Личность Христова воплощает в Себе абсолютное равновесие между Божиим и человеческим, между естеством Божиим и естеством человеческим, ибо Христос единственное Лицо, единосущное с Богом Отцом и Богом Духом Святым и единосущное с человеком, т. е. Он – истинный Бог и истинный Человек, совершенный Бог и совершенный Человек, Он – Богочеловек. В Богочеловеке *вся полнота Божества телесно*[390] – и вся полнота человечества; в Нем человек стал Человеком и достиг конечной широты, долготы, глубины и высоты своей (до того времени) полностью разрушенной личности и стал Личностью. В Лице Богочеловека открыто Божие устроение и порядок личности, согласно которому вся жизнь личности протекает от Бога к человеку, но никак не наоборот, никак не «по человеку». До явления Богочеловека идея личности могла быть предугадываема как некая возможность; начиная с Него она – определенно данная реальность, бесконечная реальность и реальная бесконечность.

Над-умная, непостижимая тайна Христовой Личности своей бесконечной реальностью всегда была «камнем претыкания и камнем соблазна»[391], о который спотыкались все еретики. По существу все ереси прямо или косвенно представляют собой своего рода регистр человеческих соблазнов о Лице Христовом. Эти соблазны проистекали и проистекают из онтологической невозможности человеческого познания определить существенное отношение Христа к Богу Отцу и Богу Духу Святому и к человеческой сущности. Ибо все ереси покушаются и стремятся человеческим мышлением до-мыслить Того, Кто есть «Мудрость недомыслимая»[392]; ибо все они измеряют досточудное Лицо Богочеловека мерилом не богочеловеческим, а человеческим – «по человеку», и тем самым нарушают это единое равновесие Лица. Они либо чрезмерно выделяют Божественное естество Богочеловека либо человеческое, или отождествляют Его с тварью (прелагают в тварь), или делают трансцендентным. Единственным хранителем, ведающим Лицо Богочеловека Христа, является Православная Церковь, которая своим духоводимым вселенским умом и вселенской совестью глаголет чрез Вселенские Соборы и дает единственный правильный критерий для различения истинного Богочеловека Христа и христов ложных.

Христология наученного Богом Макария Великого основывается на

церковной христологии. Своей благодатно-мистической душой он проникает в недостижимые глубины Лица Христова, переживает там Его бесконечную мистику и создает свою опытную христологию. Его христология по своей чистоте и глубине представляет собой исключительный образец мистическо-опытного оправдания церковной христологии.

По святому Макарию Великому, «образ света несказанного»[393], бесконечно таинственный в Своем бесконечном Лице, «бесконечный, неприступный и несотворенный Бог»[394], непостижимым действием воплощения делает Себя доступным, видимым, телесным[395]. Христолюбивая душа святого Макария молитвенно и радостно созерцает доброту «неизреченной красоты... Лица Христова»[396], всецело погружается в тайне Его Лица и проникает до Его богочеловеческой сущности, до средоточия Его таинственной Ипостаси, до богочеловеческой безгрешности. Безгрешность, ставшая реальностью, воплощенная в сфере душевных и телесных категорий и возможностей, – это то единственно новое, которое своей неодолимой силой привлекает людей к Лицу Богочеловека Христа. «Тело новое и безгрешное не являлось в мире до Господня (Христова) пришествия»[397].

Появление безгрешного тела в мире тварей означает первый онтологический переход и мост между духовной сущностью Бога и сущностью тварей. .Явление безгрешного Богочеловека – это явление первой всецелой Личности, в Которой метафизическое и физическое соединяются до нераздельности, в Которой тайна Троичного Божества проявляет себя в сфере (в свете) физического, телесного, человеческого и человеческое – в сфере Божества. Богочеловек первый преодолел вырытую грехом пропасть между Богом и человеком, метафизическим и физическим, ибо по Своему Божественному естеству Он единосущен Отцу, по человечеству единосущен с нами. Через Него тварь существенно приступила к Творцу без посредства греха и безгрешным познанием познала Бога. Безгрешная сущность проникает все содержание Личности Богочеловека Христа, все Ее способности познания и тем самым делает Христа единственным средоточием и идеалом безгрешного познания.

В Лице Иисуса Христа тайна физического и метафизического становится святой тайной, становится благовестием. Здесь нет пропасти между этим и тем светом, между Богом и человеком, ибо в Нем осуществлено единство (монизм) личности, а тем самым – единство жизни и познания, абсолютная гармония телесного и душевного, идеальное равновесие духовного и материального. Оправдание и осмысление

(наполнение смыслом) телесного, тварного, человеческого (людского) дано в безгрешном теле Богочеловека, а также и примирение материального с духовным. Поэтому оправдать себя и тварь – значит соделать себя и тварь безгрешными, устранить грех из себя и вокруг себя. Но сделать это можно лишь Единому Безгрешному[398].

Именно безгрешное тело (телесность) Христа преподобный Макарий Египетский исключительно выделяет в качестве христологического центра и выводит из него все прочие категории. Из него он выводит и всю сотериологию, которая для него – не что иное, как личное и опытное усвоение и переживание безгрешной сущности Христовой Личности.

Безгрешное тело есть Христово непобедимое спасительное оружие, которым Он побеждает сатану[399]. Всю спасительную мощь и все аргументы в борьбе с сатаной Христос выводит из факта Своей безгрешности, безгрешности Своего распятого тела, ибо в Нем – «жизнь, искупление, святость»[400]. Мертвый змей, которого воздвиг в пустыне Моисей и который победил живых, – это прообраз тела Господня. Ибо тело, воспринятое Господом от Девы Марии, пригвожденное ко кресту и воздвигнутое, умершее на кресте – победило змия, живущего и гнездящегося в сердце человечества[401].

Таинство (тайна) спасения сводится к победе воплощенной Безгрешности над олицетворенным грехом и злом. Вся икономия спасения сводится к безгрешному телу Богочеловека, Который Своим распятым, мертвым, но *безгрешным телом* побеждает смерть змия греха сатану, и тем самым возводит тайну спасения к парадоксальной антиномии: «мертвое тело победило живого змия»[402]. Эта над-умная антиномия и есть «θαῦμα μέγιστον» – «чудо величайшее»[403], через которое человеческая плоть (тело) приобретает безгрешность, становясь неразрывной частью Личности Богочеловека[404]. «И сие чудо для евреев соблазн, а еллинам безумие»[405]. Распятый Христос – *Победитель смерти*, – измеренный зараженными грехом гносеологическими мерилами евреев и еллинов, становится скандальной[406] и безумной антиномией, которую можно принять лишь подвигом над-рациональной веры, ибо вера – это единственное гносеологическое око, которое может объять бесконечную тайну распятого Христа и ясно узреть, что Он поистине – *Божия премудрость и Божия сила*[407]. Будучи Богочеловеческой и безгрешной «Премудростью Божией» Христос является мерилом мудрости и светом, освещающим пределы жизни и смерти; но будучи и безгрешной Силой Божией, – Он есть «жизнь и искупление»; и Он – Жизнь – повелевает сатане «освободить души из ада и возвратить их Ему»[408].

Искупительный подвиг Христов бесконечно таинствен в своей драматичности, ибо для нас он представляет собой личную встречу и диалог воплощенной Безгрешности с олицетворенной все-греховностью, Христа с сатаной. Услышав повеление Христа вывести души из ада, сатана приходит в величайшее возбуждение, он «приходит к служителям своим, собирает все силы, затем приносит рукописания и говорит: “Сии вот повиновались слову моему, и вот как поклонялись мне люди!” Но Бог, праведный Судия, и здесь показывает правду Свою и говорит ему: “Повиновался тебе Адам, и овладел ты всеми сердцами его (т. е. потомством его. – *Примеч. ред.*); повиновалось тебе человечество. Что же делает здесь тело Мое? Оно безгрешно. Тело первого Адама стало должным тебе, и по праву ты удерживаешь его рукописания. О Мне же все свидетельствуют, что Я не согрешил; ничем тебе не должен. Все свидетельствуют о Мне, что Божий Я Сын... Посему искупаю тело, проданное тебе первым Адамом, уничтожаю твои рукописания; Я отдал долг Адамов тем, что распят и снисшел во ад. И повелеваю тебе, ад, тьма и смерть, исторгни заключенные души Адама”. И таким образом, лукавые силы, вострепетав, отдают заключенного Адама»[409].

Искупление зараженного грехом человечества, причастного смерти Адама, определено безгрешным Лицом Богочеловека. Адам олицетворяет подпавшее под грех человечество, Христос – освобожденное от греха. Все содержание и все человеческие силы содержатся в Богочеловеке, в Его Богочеловеческой безгрешности. Все человеческое (людское), весь мир тварей, все духовное и весь мир духов – представлены в Лице Иисуса Христа как бы в миниатюре, в зародыше и в органическом соединении, так как «πάντα ἐν αὐτῷ συνέστηκε» («все в Нем существует»)[410], ибо Он один синтезирует все тварное и духовное, все видимое и невидимое[411]. Отсюда следует, что осмысление и оправдание чего бы то ни было духовного или тварного зависит от их участия в безгрешной Личности Богочеловека Христа. Только Безгрешный освобождает от греха, и тем самым спасает, оправдывает и искупает. В Едином Безгрешном все содержание человеческого естества: весь ум, все сердце, вся воля, все тело, вся душа, – восходят к безгрешности, к обожению.

Безгрешность Личности Христа доказывают три свидетельства: Божие[412], человеческое[413] и сатаны[414]. В отравленной грехом атмосфере человечества Богочеловек сохраняет Свою безгрешность Божественностью, ибо Он «бесстрастен и все содержит»[415], ибо Он – Абсолютное Добро (Благо), «а Благо не оскверняется и не помрачается»[416], так как тьма не может объять Бога, ибо Бог вездесущ, и

зло не может осквернить Богочеловеческой Чистоты[417].

Христос – это первая бесстрастная по природе Личность[418], в Которой страсти не являются посредниками между Богом и человеком, но Бог непосредственно соединяется с человеком до ипостасного единства. В Нем вечный идеал личности осуществлен телесно, вечный идеал и вечный смысл. Всецелостью Своей Личности Он спасает всю личность человека, ибо Господь един по существу (κατ ̓ οὐσίαν), а многоименитым (πολυώνυμος) Он стал для спасения человеческого[419]. Христос означает *спасение* через освобождение от греха, потому что без Него никто не может спастись[420]; и «ни в ком другом люди не находят спасения и упокоения»[421]. Богочеловек содержит в Себе все человеческое (людское) без остатка, содержит как одно из естеств Своего Лица; и любой человеческий поиск смысла, умного покоя, оправдания чего бы то ни было человеческого – тяготеет к Нему; любое всеусердное желание разрешить роковую проблему человеческой личности всей природой своего бытия устремляется к Нему. Своей богообразной Личностью Христос привлекает богообразную сущность человеческой личности; Своей безгрешной Богочеловеческой душой привлекает зараженную грехом богообразную человеческую душу; Своим умом привлекает подпавший под грех ум; Своей волей привлекает рабствующую греху волю; Своим безгрешным телом привлекает погрязшее во грехе тело человеческое. Для полноты спасения, для спасения не отдельных фрагментов, а всей личности, воплощение Слова становится самой насущной необходимостью в икономии спасения[422]. Через воплощение Слова Святая Троица открывает миру домостроительство спасения. «Слово было послано и воплотилось; и, сокрыв Божество Свое, чтобы подобным спасти подобное, положило душу Свою на кресте»[423]. Слово воплощается, чтобы Своим богообразием спасти от греха богообразную душу человека, чтобы отделить ее от греха, ибо «один Бог может отъять от нас грех»[424], чтобы ее очистить, чтобы соделать безгрешной. Только безгрешная душа велика пред Богом[425]. Но освободить душу от греха, «искоренить грех и присущее ему зло – может быть совершено только Божиего силою. Ибо не дано (οὐκ ἔξεστι “не в состоянии”) и невозможно человеку искоренить грех собственною своею силою. Бороться с ним, противиться, наносить и принимать язвы – в твоих это силах; а искоренить – Божие дело»[426].

Христос и пришел ради этого[427], так как ясная цель воплощения Христова – это освободить богообразную человеческую душу от греха, соединить Христо-образную сущность человеческой личности со Христом, чтобы «подобное подобным спасти», обожить, о-Богочеловечить.

«Беспредельный, неприступный и несозданный Бог воплотился по бесконечной и недомыслимой благости Своей... чтобы можно Ему было войти в единение с видимыми Своими тварями, как, например, с душами святых и Ангелов, чтобы они возмогли *быть причастными жизни Божества*»[428]. Цель воплощения – обожение человека через соединение человеческого Божиего образа с Богом, через восстановление человеческой личности путем ее личного участия в Божием естестве, через соединение подобного с подобным[429]. Акт воплощения Второго Лица Святой Троицы – это абсолютное личное свойство Бога Сына[430]; но сам факт ипостасного единства Бога с человеком в Лице Богочеловека Христа абсолютизирует, делает всеобщим принцип воплощения, соделывает его средством всеобщего спасения, спасения личного и соборного. Боговоплощение приобретает соборный характер, переносится в тайну спасения каждой личности; спасение обусловливается воплощением Бога в естестве каждого отдельного человека; спасение становится не чем иным, как личным со-воплощением Богочеловеку Христу, срастанием всего содержания личности с Личностью воплощенного Бога[431]; спасение означает со-образование Христу, со-воплощение Христу, переживание Боговоплощения в себе.

Спасительная значимость Боговоплощения является мистической и опытной истиной для святого Макария. «Беспредельный и недомыслимый Бог по благости Своей умалил Себя, облекся в члены тела сего и укрыл Себя от неприступной славы; и по снисхождению и человеколюбию преображаясь, *плототворит Себя, входит в единение и восприемлет* святые, благоугодившие и верные души и... *бывает с ними един дух* – как говорится, *душа в душу*, и *ипостась в ипостась* (сущность в сущность), чтобы душа... могла жить в обновлении и ощущать бессмертную жизнь, и соделалась причастницею нетленной славы»[432]. «Христос воплощается в душах верных, срастворяется с ними, срастворяются душа с душой, сущность с сущностью и становятся одним духом»[433]. Умаляя Себя, воплощаясь, бесконечный Бог «уподобляет Себя святым и достойным верным душам... чтобы Невидимый был для них видим и Неосязаемый был осязаем»[434].

Таким образом, воплощение от Святой Девы представляется фактом, из которого проистекает и разрастается непрестанное воплощение Сына Божия в душах верных и святых[435]. Процесс восстановления личности совершается путем постепенного вочленения в живое, вечно живое Богочеловеческое Тело Христа Спасителя, до полного со-воплощения Христу, до полного соединения со Святой Троицей, до полного о-

троичения. При этом возрастание личности от обладаемого грехом солипсизма до безгрешного Христо-образия, до безгрешного о-троичения, до личного единства с Единым Безгрешным совершается путем всецелого усвоения и переживания веры, любви и надежды как этической триады (тройства). Сформированная, устроенная, возращенная всемогущей благодатной силой единосущной этической триады человеческая личность удостаивается наконец обрести решение своей мучительной проблемы в Святой Божественной Троице, удостаивается войти туда, «идеже празднующих глас непрестанный и неизреченная сладость»[436], и вечно жить, созерцая несказанную красоту Единосущной Божественной Троицы.

2. Усвоение этической триады (тройства)

а) Вера и надежда

Реальное усвоение этической триады как устроителя, восстановителя личности обусловлено сознанием полного банкротства всех зараженных грехом компонентов личности. Вся деятельность разъеденного грехом, дезинтегрированного ума, воли, души и тела сливается в неудержимое чувство абсолютной расслабленности и ужасающего, отчаянного бессилия. Все объятое грехом самосознание захвачено и порабощено страшным, неумолимым сознанием того, что человек онтологически и душевно немощен спасти себя самим собой, воскресить себя из гроба своего пораженного грехом самосознания. Отчаяние особенно усиливается, усугубляется неуклонным сознанием того, что все называемое человеком и человечеством – абсолютно бессильно, вследствие своей греховности, найти спасение от греха и его роковых последствий. Сжигаемый огнем этого ужасного сознания человек чувствует, что должен – в силу самой природы своей изуродованной богообразной личности – следовать устремлениям богообразного зерна своей души, выводящей его из отравленной грехом атмосферы и вводящей в сферу незримой безгрешной действительности, в сферу веры, в сферу этического тройства.

Через *веру* человек приходит в соприкосновение с новой действительностью, с новым образом и порядком жизни. Отрицательный момент веры состоит в весьма живом чувстве своего абсолютного банкротства, своей крайней духовной нищеты, а положительный момент заключается в бесконечной любви к единому Богатому, к Богу. Ибо что есть вера в сущности?[437]«Сущность веры – это нищета духовная и бесконечная любовь к Богу»[438]. Нищета духом – это «основа пути, ведущего к Богу»[439], «царского пути», ведущего в Царство Небесное[440].

Будучи сущностью веры, она постоянно осуществляет, делает осязаемой веру и все ее проявления, все ее возрастание от зерна горчичного до конечной зрелости. Нищета духом объединяет в себе сильнейшее чувство всеобщности греха и гнетущее сознание всеобщей болезненности, расслабленности, уязвленности грехом. «Та душа есть нищая духом, которая познает язвы свои, познает и окружающую ее тьму страстей и всегда просит избавления у Господа, переносит и труды, но не радуется ни о каком земном благе, полагается же на одного только прекрасного Врача и на Его врачевание»[441]. Вера – это око, которым душа зрит свою нищету и видит, как она по причине греха «нага и лишена общения Духа»[442] и как, «будучи под страшным окаянством греха, не может ничего, хотя истинно желает произвести плод правды Духа»[443]. Такая душа постоянно вопиет к Господу и усердно молит Его удостоить и ее истинной жизни[444].

Как сущность веры нищета духовная необходима в икономии спасения греховного человеческого естества, и преподобный Макарий Египетский особо это подчеркивает. «Необходимо понудить себя» – к нищете духом, к постоянному чувству своего падения. «Необходимо понудить себя, хотя бы сердце этого и не хотело»[445], – это становится путем веры и всех прочих добродетелей[446]. «Надобно всегда понуждать себя, даже против желания сердца»[447]. Человек должен принудить себя приступать ко Христу; но для того чтобы стать «обителью Христовой» и исполниться Духом Святым, «должно прежде всего крепко уверовать в Господа и всецело предать себя вещаниям заповедей Его и во всем отречься от мира»[448].

Подвигом веры человек без остатка предает себя Христу, всего себя поверяет Христу, а не себе самому[449], отрекается от всего своего телесного и душевного содержания и формы, отвергается от себя, от самой своей души. Отвержение себя – это по существу внутренний акт, непосредственно личный, субъективный акт, который объективно проявляется как акт отречения от мира[450]. Это двойное отречение составляет начало и проявление веры. Уверовать – значит отречься от своей души; а отречься от своей души – значит «ни в чем не искать своей воли»[451]. Подвигом веры «душа... отрешается от себя и воле ума своего не повинуется... но всю себя предает Господу»[452]. Вера – это личная встреча со Христом, первая личная встреча грешника с Безгрешным, встреча, которая необходимо означает отвержение себя (уязвленного грехом). *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя*[453]. Отвержение себя, отрицание себя является результатом существенного самопознания, познания полной зараженности грехом своего самосознания – результатом жгучего

сознания того, что самосознание стало грехо-сознанием, что мое я сраствореноо с грехом, что мое *я* – это «я» греха.

Разумеется, это лишь перевод на философский язык мистического опыта и ведения преподобного Макария, ибо, как он свидетельствует, змей сатана грех стал «второй душой с душой человека»[454]. Эта «вторая душа – ἑτέρα ψυχὴ», эта грехообразная душа помрачила, потеснила и почти заменила собой богообразную человеческую душу, выступила в качестве центра самосознания, центра личности, стала «его» собственной, стала живой сущностью его существа, стала его я, его «ἑαυτόν» *(им самим)*. Поэтому, по учению преподобного Макария, Господь Иисус Христос прежде всего и самым решительным образом требует от человека, чтобы тот «ἀρνεῖται ἑαυτον» (отвергся *себя*), чтобы «возненавидел душу свою»: «Всякий, кто не отвергнется себя и не возненавидит душу свою, несть Мой ученик»[455]. Грех сраствориlся с душой, сросся с душой, «стал ее частью»[456]; и любить душу – значит любить грех, который неминуемо порождает смерть. *Любящий душу свою погубит её*[457] . Ненавидеть свою грешную душу, ненавидеть себя, свое греховное «себя» – единственный путь для человека спасти (истинного) себя. «Самое главное оружие для борца и подвижника состоит в том, чтобы, вошедши в сердце, сотворил он брань с сатаною, возненавидел себя самого, отрекся от души своей, гневался на нее, укорял ее»[458].

Вера и есть бесконечная ненависть к «себе», к своей грехообразной душе, ко «второй душе» и бесконечная любовь к Богу. Подвигом веры уничтожается грехо-центризм личности, уничтожается «вторая душа» как центр личности, уничтожается грехообразное я, и центр личности переносится в Бога «Невидимого»[459]. Другими словами, уверовать – значит отвергнуться жизни *лишь по своему естеству* и перенести себя в естество Божие, «в вышний мир Божества»[460], перенести себя в жизнь Божества; выйти из себя и войти в Божество, выйти из своего «я» и войти в «не-я», в «Ты». Вера – это победа над эгоизмом и эгоцентризмом, так как подвигом веры побеждается греховный закон личности «я я», закон жизни собой. «Душе, истинно во Христа верующей, должно из нынешнего порочного состояния перейти в состояние иное, доброе, и нынешнее уничиженное естество изменить в естество иное, божественное, и соделаться естеством *новым*, при содействующей силе Святого Духа»[461]. «Душам нашим должно из настоящего состояния перейти в другое состояние и измениться – в божественное естество»[462].

Подвигом веры человек исходит из своего подверженного греху, плененного грехом естества и входит в естество Божие; он заменяет

Христом свое грехообразное «я», получает силу для преображения и изменения, силу стать «новой тварью во Христе»[463]. По богоданной икономии жизни ни тело, ни душа не живут своим собственным естеством, но Бог «устроил, чтобы они всю икономию жизни имели извне»; ибо, сотворив тело, Бог дал ему жить не собой и не от себя, а от того, что вне его, за его пределами, в природе[464]. «Если же ограничивается оно тем, что в его естестве, не заимствуя ничего отвне, то разрушается и гибнет. Таким же образом и душа, не имеющая в себе Божия света, сотворенная же по Божию образу... не из собственного своего естества, но от Божества Его, от собственного Духа Его, от собственного света Его восприемлет духовную пищу, и духовное питие, и небесные одеяния, что и составляет истинную жизнь души»[465]. «Горе телу, когда оно останавливается на своей природе, потому что разрушается и умирает. Горе и душе, если останавливается на своей природе... не имея общения с Божественным Духом; потому что умирает, не сподобившись вечной Божественной жизни»[466].

Вера – это истинное вложение, внесение себя в естество Божие, не феноменалистическое прикосновение к Божеству, а существенный акт; она – мост между человеческим и Божиим, между временным и Вечным. «Через веру» человек «общается с Богом»[467], «через веру» он и удостоивается «принять познание тайн Божественных»[468]. Подвигом веры человеческое естество (духовно) субстанциализируется, обогащается, ибо «человеческая природа, если бы оставалась обнаженною, какова она в себе, и не приняла в себя срастворения и общения природы небесной, то не совершала бы ничего хорошего, но пребывала бы по своей природе обнаженною и достойною укоризны за великую нечистоту»[469]. Для спасения от адского солипсизма человеческое естество должно оставить свое эгоцентрическое безумие и приступить с верой к Богу, чтобы принять от Него «некое чуждое своей природе добро», которое есть не что иное, как «сила Духа Святого» и «жизнь божественная»[470]. Поэтому для преподобного Макария Египетского мудрые – это те пять дев (в Евангелии), которые ищут и принимают «Странника своего естества», т. е. «подаваемую Свыше благодать Духа»[471], «освящение Духа»[472], а юродивые – это те другие пять, «оставшиеся при собственном своем естестве»[473].

Только подвигом веры побеждается то человеко-центричное безумие, когда человек остается, упорно остается (только) при своей природе, то сатанинское *«я я»*. Только подвигом веры человек может «переселиться из греховной тьмы во свет Христов»[474] и «облечься и принять в душу Духа

Небесного»[475]. Без веры и прежде веры человек угасает и умирает в ядовитом солипсизме; с верой он поверяет себя Богу, и Бог дарует ему «небесную веру, и человек делается сугубым человеком»[476]. Через веру человек усугубляет (удваивает. – *Примеч. ред.*) себя, связует себя с Богом; совершается таинственный процесс о-Бого-человечивания; подобное соединяется с подобным; *путем новым и живым*[477], путем «Крови» входит человек *в святилище* Лица Христова, входит в жизнь Троичного Божества (ср.: Евр. 10:19–22). Как человек приносит Богу части своего естества, так и Бог подобные Свои части сраствоpяет (соединяет) с душой человеческой, чтобы человек мог все чисто творить, и любить, и молиться[478]. «Через веру и усердие» каждый удостаивается стать «причастником (общником) Святого Духа»[479], общником Троичного Божества.

Будучи первой в этической триаде (тройстве), вера о-троичивает каждого, кто войдет в ее благодать. Подвигом веры человек сеет зерно своей личности в естество Триипостасного Божества; и в его глубинах совершается таинственный процесс освобождения, очищения богообразного зерна личности от струпьев и окаменелых слоев греха, совершается освобождение первоначальной, исконной, богообразной души от «второй души», от души греха. Верой человек обретает себя, богообразную сущность своей личности, троичный характер своей природы. Как? – Себя-сеянием, себя-погружением, себя-погублением Христа ради, *ибо кто хочет душу свою сберечь, то потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее*[480]. Душа, верой предав себя «истинному Архиерею – Христу, должна быть от Него закланною и умереть для своего мудрования и для худой жизни, какою жила, то есть для греха; и как жизнь оставляет жертву, должно оставить ее лукавство страстей. Как тело, когда из него выйдет душа, умирает и не живет уже тою жизнию, какою жило, не слышит, не ходит: так, когда небесный Архиерей – Христос – благодатию силы Своей предаст закланию и умертвит в душе жизнь для мира, умирает она для той лукавой жизни, какою жила, и уже не слышит, не говорит, не живет в греховной тьме; потому что лукавство страстей, как душа ее, по благодати выходит из нее»[481]. «Душа, желающая жить у Бога в вечном упокоении и свете должна приступить к истинному Архиерею Христу, претерпеть заклание и умереть для мира и для прежней жизни лукавой тьмы, преставиться же в иную жизнь для божественного воспитания»[482].

Ибо что есть вера в сущности? – Не что иное, как троичный подвиг абсолютного предания себя, крещения себя во имя Отца и Сына и Святого

Духа; сораспятие Христу, спогребение, крещение в Его смерть[483].

Вера – это начало о-троичения, залог восстановления изуродованного грехом троичного богообразия человеческой личности. Крестный путь и вера суть синонимы. Само-распятие, само-отрицание, само-пригвождение ко кресту Христову составляет путь спасения[484]. Вера как крестный путь, как само-распятие миру и распятие мира себе составляет содержание жизни апостола Павла[485]. Это же самое является и содержанием подвига веры каждого христианина[486]. «Страдать со Христом и спрославиться (принадлежит) лишь тем, которые распяли себя для вещей мира сего и носят на своем собственном теле язвы Господни»[487]. Сораспятие Христу, смиренное несение креста является «самым великим делом (подвигом) любомудрия (философии)»[488], философии благодатной, молитвенной, приобретенной долгими и трудными подвигами. Крест – это «оружие» Христово, которым Христос возделывает «запустевшую душу», счищает с нее «терния и волчцы лукавых духов и исторгает плевелы греха»[489]. Через само-распятие верой и крестное умирание человек оживляет себя, воскрешает себя. Через смерть в жизнь – такова над-умная антиномия подвига веры. «Если хочешь спасти себя, стань мертвым»[490]. *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно: а если умрет, то принесет много плода* (Ин.12:24)[491].

Подвигом веры брошенное в землю Божества зерно человеческой личности умирает, растворяется. Бог таинственно сбрасывает с него кору греха, отделяет богообразное от диаволо-образного, и оно постепенно возрастает, и достигает «в мужа совершенного»[492], и приносит много Богочеловеческих плодов.

По православному пониманию вера не есть ни исключительно действие воли, ни исключительно действие ума или сердца, а действие всей личности, действиеличность. Вера охватывает весь ум, всю волю, все сердце, все телесные и душевные составы личности, но ни ум, ни какая-либо иная часть личности не может объять всю веру. Ум – это часть веры, но вера никогда не является (лишь) частью ума. Ум может быть без веры, но вера никогда не может быть без ума (вне ума). Верующий должен веровать и умом; не верующий умом, но думающий, что он верует, прельщает сам себя губительной ложью. Ибо хотеть веровать вне ума, без ума и есть величайшее без-умие. Отношение веры к уму отличается своей специальностью и именуется термином «метания, μετάνοια», т. е. перенесение ума (νοῦς) в потустороннее, изменение ума; ум меняет атмосферу, изменяет и самого себя.

Начало веры и все ее возрастание органически связано и обусловлено

«метанией, μετάνοια» (*покаянием).* «Μετανοεῖται» (покайтесь), – этим словом *Иисус начал проповедовать и говорить* (Мф.4:17; Мк.1:15)[493]: «Μετανοεῖται», т. е. измените νοῦς, *ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф.4:17)[494]; измените обладаемый грехом, земной νοῦς, чтобы реально почувствовать и познать приближающееся Небесное Царство. Без этого Царство Небесное является (для человека) неосуществимым метафизическим сном; без этого начало веры невозможно, ибо это – путь, переданный Иисусом, «Начальником и Совершителем веры»[495]. Μετανοεῖται *и веруйте в Евангелие*[496], ибо вера в Евангелие невозможна без покаяния.

Необходимость «метании» в подвиге веры доказывает то, что центральный момент веры – гносеологический. Будучи главным объектом греха, ум νοῦς ео ipso[497] главный объект веры. Характер грехопадения κατ᾽ ἐξοχὴν гносеологический, и ему в качестве антитезы противостает гносеологический характер веры. Вера как гносеологический антитезис – это существенно гносеологический переворот, землетрясение, пробуждение «из самого глубокого сна неведения[498] отрезвление от «опьянения материей (вещественного упоения»[499]. Через веру νοῦς пробуждается от неведения, отрезвляется от упоения сраствореннοй с грехом материей, освобождается от рабства греху, преодолевает категорию греха, пробивается сквозь солипсистский эгоцентризм, выходит из эгоизма, из жизни по своему естеству, из душных трехмерных категорий пораженной грехом твари – и входит в Вечность, в Жизнь Божества, в Жизнь вечную, где (Христова) вечность является единственной категорией. «Христианин... должен, отрекшись от мира, из века сего, в котором с Адамова преступления погрязает и уловляется ум, преставиться и переселиться умом в век иной и мыслию пребывать в горнем мире Божества, как сказано: *Наше житие на небесех есть* (Флп.3:20)[500].

Подвигом веры νοῦς воскресает из мертвых, воскресает из гроба сатанизма, из гроба зараженной грехом человечности и возлетает «в Божественную атмосферу»[501]. «μετάνοια» (покаяние с верой) – это возвращение из противоестественного в естественное и от диавола к Богу»[502]. Подвигом веры νοῦς отрицает действующий ранее, до принятия веры, закон мышления, отвергает антропоцентричное мерило познания: «человек – мера всего», отвергается себя и предается Христу[503] – Богочеловеку.

Первый гносеологический момент веры заключается в отвержении проникнутого грехом гносеологического орудия, (ветхого) ума, и в ненависти к нему как к существенной части «второй души». Первое

требование веры – это борьба с (таким) умом, ибо «Господь требует от тебя, чтобы сам на себя был ты гневен, вел брань с умом своим, не соглашался на порочные помыслы и не услаждался ими»[504]. Самое главное оружие в борьбе с умом – это ненавидеть себя[505], распять ум[506], отречься от всякого человеческого гносиса (знания) и основанной на вере в человека мудрости, считать их «безумием» и себя рассматривать «безумным и бесчестным»[507]. Смирение ума – это самая насущная необходимость для новоначального в вере, (добровольное) порабощение Христу всех умственных сил[508] и абсолютное послушание как залог вечного спасения[509]. Путь и метод представляют собой антитезу (противоположность) грехопадению: там упорная, самонадеянная гордость, здесь смирение себя[510], там «*как бог*», здесь «как нищий», там гордо-мудрие, здесь смиренно-мудрие, там антропоцентризм и грехо-центризм, здесь Бого-центризм (теоцентризм) Христо-центризм.

Так совершается, поистине совершается существенная «переоценка всех ценностей» (Umwertung aller Werte)[511], переоценка всех критериев. Так через веру происходит преображение ума, переход ума в новую атмосферу, в Божественную реальность, переход из греха в безгрешность. *Все, что не по вере – грех*[512], ибо вера означает выход из себя за пределы своего естества, перенесение себя в иную реальность, что греху онтологически невозможно. Ибо грех – тем грех, что всегда остается в себе, не признает никакой реальности помимо себя, утверждает себя самим собой, солипсизируется вечно, верует только в себя и в отношении ко всему прочему олицетворяет неверие, безверие.

Приправленный горечью подвиг веры услаждается упоительно сладкой реальностью *надежды*. Вера отверзает врата надежде, а надежда делает веру живой и твердой для мужества в подвиге. Надежда происходит из существа веры, но вера тем вера, что надежда – ее сущность[513]; бытие первой безусловно обусловлено бытием второй. Первый член этической триады – *вера* – единосущна со вторым членом, с *надеждой*[514]. Поэтому вера, по природе своего единосущия с надеждой, вводит в подвиг и надежду. Без надежды слишком тяжелый подвиг веры завершился бы скепсисом; с надеждой горький подвиг самоотречения становится сладким. «Если не будет у человека пред очами радости и надежды, что приимет избавление и жизнь, то не возможет стерпеть скорбей и принять на себя бремя и шествие тесным путем»[515]. «Должно также христианину всякий день иметь упование, радость и чаяние будущего царства и избавления и говорить: “Если не избавлен я сегодня, буду избавлен наутро”»[516].

Только надежда как сущность спасения удерживает человека от того, чтобы не взорваться, не отозваться проклятием на отчаянную трагедию порабощенной грехом твари и вопиющий трагизм собственного греховного естества[517]. Как любое дело и предприятие в мире бывает *с надеждой* на хороший результат, так совершаются и подвиги ради Царства Небесного: человек с надеждой на просвещение очей своего сердца оставляет все житейское, предает себя молитвам и молениям, ожидая, что Господь придет, явит Себя ему и очистит его от греха[518]. Надежда – это оптимизм веры; она вдохновляет веру к подвигу в столь трагичном мире, к молитве за всю тварь и к познанию незримых глубин Божества[519].

В *вере*, которая надеется, и в *надежде*, которая проводит веру через болезненную скорбь и воздыхание твари, сокрыты все обетования и небесные блага, как в посеянном зерне сокрыт плод[520]. В сущности веры даны зачатки сущностей всех добродетелей, составляющих один гармонический единосущный организм. Из природы веры в силу органической необходимости произрастает молитва и смиренномудрие (смиренноумие).

б) Молитва и смиренномудрие

Молитва – это проницательный путевождь по бесконечной реальности, открытой верой. Мысли должны руководиться молитвой, этим «мудрым кормчим»; разум должен быть проникнут непрестанной молитвенностью, чтобы не был он соблазнен мятежными помыслами духа зла; вся душа должна порываться в молитве к вышнему пристанищу и предавать всю себя Богу, в Которого уверовала и Которого возжелала[521]. Молитвой собирается в Боге рассеянный грехом рассудок – «διάνοια» (разум), собирается и очищается от греха, поэтому необходимо «всю душу с телом предать молитвам»[522]. Молитвой побеждаются и порабощаются страсти[523], очищаются все орудия познания, освобождается от греха и исправляется совесть[524].

Очищение души совершается по мере возрастания молитвенности; лишь омолитвенный νοῦς (ум) может стать храмом Христовым. Поэтому «важнее всего – благоприятное постоянство в молитве», низводящее Господа в ум и оживотворяющее всю личность, ибо жизнь человеческой личности – это не что иное, как *«Господь в уме»*[525]. Молитва – воспитатель ума, умиритель ума в природе Божией, зодчий личности на основании Божества[526]. Через непрестанную чистую молитву ум возносится к Богу, пребывает в Нем и очищается[527]. Через молитву «в сподобившихся происходит общение в Божией святости, в духовной действенности, и союз умного расположения – как бы в неизреченной

любви ко Господу»[528]. Молитвенным подвигом ум срастворяется с вечностью; вечность становится категорией его природы и его атмосферой. Случается, что во время молитвы «внутренний человек с великим услаждением восхищается в молитвенное состояние, в бесконечную глубину оного века, так что всецело устремляется туда парящий и восхищенный ум. На это время происходит в помыслах забвение о земном мудровании, потому что помыслы насыщены и пленены Божественным и небесным, беспредельным, непостижимым и чем-то чудным, чего человеческим устам изречь невозможно. В этот час человек молится и говорит: «О, если бы душа моя отошла вместе с молитвою!»[529] Нередко во время молитвы человеческий ум «входит в покой, и в такой мере противостоящую стену злобы подкапывает он и углубляется под нее, что в итоге та разрушается, и человек входит в видение и мудрость, до чего не достигают сильные, или мудрые, или витии, и они не могут постигнуть или познать тонкость ума его; потому что занят он Божественными тайнами»[530]. Молитвой не только человек очищается и освобождается от греха, но и «демоны, крепкие, как твердые горы, пожигаются молитвою, как воск – огнем»[531].

Все добродетели составляют один неделимый организм; каждая из них срослась с себе подобной до единосущия, и «они суть разные части между собой», но молитва – это «регент (ликоначальница) в хоре (лике) добродетелей. Чрез нее испрашиваем у Бога и прочие добродетели»[532]. «Плоды же искренней молитвы суть: простота, любовь, смиренномудрие, постоянство, незлобие» и прочие добродетели[533]. Молитва с прочими добродетелями – это путь любомудрия (философии), путь праведности, приводящий к истинной цели[534]. «Глава же всякой добродетели... есть постоянное пребывание в молитве»[535]. «Дело молитвы выше всех других»[536]. Молитва – эта та *благая часть*, которую избрала Мария и которая *не отымется от нея*[537].

«Все добродетели между собою связаны, как звенья в духовной цепи, одна от другой зависят: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения, смирение от служения, служение от надежды, надежда от веры, вера от послушания, послушание от простоты»[538]. Добродетели возрастают одна через другую; если какая из них отторгнется от сущности прочих, то засыхает и увядает[539]. Жизнь каждой добродетели всецело соборна и существенно зависит от единосущия с прочими добродетелями. Личное усвоение какой бы то ни было добродетели – это глубоко соборный подвиг, так как он включает в себя усвоение прочих добродетелей, их единосущной природы[540]. Будучи

единосущной с остальными добродетелями, молитва соборна; через нее и человек делает себя соборным, распространяется и возрастает в прочих добродетелях. Одновременное и единосущное упражнение в добродетелях собирает душу, совершает таинственное сращение раздробленной грехом личности, составляет и выстраивает человека и делает его церковью – «экклесия»[541].

Но стяжание всех этих созидательных (устроительных) добродетелей совершается в подвиге самопонуждения. «Ко всему этому (ко всем добродетелям) должно принуждать себя»[542]. «Надлежит принуждать себя к молитве, если не имеет кто духовной молитвы; в таком случае Бог, видя, что человек столько подвизается и против воли сердца с усилием обуздывает себя, даст ему истинную духовную молитву»[543]. Бог «научает и дарует истинную молитву»[544]; «молитву чистую, духовную»[545] Он дает лишь тому, чей «ум утвержден в Боге»[546]. Стяжавший истинную молитву имеет «в разуме светильник Духа»[547], освещающий бесконечную и дивную тайну жизни. Непрестанная молитвенность необходима для человеческого разума, чтобы он без светильника Духа – без молитвы – не скитался по безднам низменных прелестей. Бог подает силы к непрестанной молитвенности, ибо Он дарует «молитву молящемуся»[548] – молитву, которая необходима и неопустительна в икономии спасения. *Все, чего ни попросите в молитве с верою, получите*[549].

Непрестанной молитвенностью приобретается смиренномудрие, смиренно-умие[550]. Возрастание в молитве посредством этического тройства сосредоточивается вокруг смирения ума как главного гносеологического орудия. Таинственное преображение ума сводится к освобождению ума от греховной категории гордости и к усвоению смирения как категории мышления. «Высокоумием и надменностью змий вначале низложил Адама»; «Христос, *зрак раба приим*, победил дьявола смиренномудрием»[551]. «И за сие-то смиренномудрие Христос был превознесен и посажен одесную Отца»; за высокомудрие (гордо-умие), за гордое *будете как боги* род Адамов был посрамлен, низведен в бесчестие[552]. Победа над гордо-умием возможна лишь через личное со-переживание Христова смиренномудрия как основополагающего правила жизни и познания. Молитвенное взыскание и созерцание Образа Христова – единственный путь, приводящий к смиренномудрию. «Воззри на Иисуса: от какой славы и до каких страданий и распятия нисшел Он, Божий Сын и Сам Бог!»[553]

В Лице Богочеловека Христа проявляется вечный Бог через смирение и кротость[554]. Поэтому смирение, смиренномудрие следует признать

необходимой категорией христианской жизни, «основанием христианства»[555], «признаком (знамением) христианства»[556]. Смирение – это мерило истинного христианина. Человек, «хотя бы и знамения творил он, и мертвых воскрешал, но если не признает души своей бесчестною и себя нищим духом и мерзким, окрадывается он злобою, и сам не знает того»[557]. «Истинные христиане смиренны денно и нощно»[558]; и «хотя таковы избранные и благоискусные пред Богом, однако же сами себя признают они весьма малыми и крайне неблагоискусными, и для них стало естественным и непременным делом почитать себя низкими или даже ничем»[559]. «Таковые христиане сами в себе не высоко ценят душу свою, но крайне уничиженными пребывают пред Богом и почитают себя рабами всякого человека»[560]. Хотя они и богаты благодатью Божией, христиане должны «быть смиренномудрыми и исповедовать нищету свою»[561]. Благодать сохраняется смирением; с потерей смирения теряется и благодать[562]. Насколько христолюбивая душа обогащается благодатью и откровениями, настолько больше смиряет себя[563]. Духоносные личности «в смиренномудрии духа столько унижают себя пред всяким человеком, что почитают себя самыми последними и меньшими из всех»[564].

Смиренномудрие – всецело личный подвиг, поприщем которого является содержание ума и мысленных способностей; обращенное к миру, к людям и тварям, объективированное, смиренномудрие есть смирение. Процесс возрастания личности посредством этической триады совершается не под контролем и тиранией обладаемого грехом ума, а под неусыпным водительством молитвы и смиренномудрия[565]. Только так человек может стать сыном Божиим[566]; только так можно на земле жить «жизнью ангельской»[567] и совершить «величайшее дело любомудрия»[568].

Смирением сохраняется данный Богом порядок личности и «смиренный никогда не падает. Куда и пасть тому, кто ниже всех?»[569] Смирение – это единственное оружие, которым побеждается дьявол[570]. Поэтому смирение – это необходимое условие спасения; поэтому «нужно принуждать себя к смиренномудрию перед всяким человеком»[571], «принуждать себя... хотя бы сердце того и не хотело»[572].

в) Любовь

Усвоение этической триады совершается таинственно путем длительного подвига существенного самоуничижения смирения себя), (духовного) перенесения себя из своей природы в природу Божества. Самоуничижительным подвигом смиренномудрия и покаяния ум исходит из узких теснин трехмерных категорий и входит «εἰς τὸν θεικὸν ἀέρα» (в божественный воздух); непрестанным самоуничижительным подвигом

молитвы вся личность постепенно погружается и сплавляется со всеми добродетелями, пока не достигнет самой сущности всех добродетелей, сущности Бога – любви. «Любовь больше молитвы»[573], больше всех прочих добродетелей, больше настолько, насколько Бог больше добродетелей, ибо «Бог есть любовь»[574]. Бог не только *имеет* любовь, но и *есть* любовь. «Ибо любовь – это не имя, а божественная сущность»[575]. Любовь есть не только «res Dei» (действие Божие), но и substantia Dei (сущность Божия), Его «esse» *(бытие)*[576] .

«Бог есть абсолютное Существо, ибо Он есть субстанциональное действие любви, действиесубстанция»[577], любовь – это специфическая Божественная сущность[578]; любовь – это Господь[579]; любовь – это φύσις (природа) Бога[580], в которой природа человеческой личности имеет свой прообраз, свой оригинал. Участием в любви как сущности и природе Божией человеческая природа очищается от всякого греха и освящается[581]. Молитва – это средство, смиряющее сущность человеческой природы и переносящее ее в природу Божества. Молитва вводит и любовь, «ибо кто ежедневно принуждает себя пребывать в молитве, тот духовною любовию к Богу воспламеняется к божественной приверженности (любви – εἰς ἔρωτα θεῖον) и пламенному желанию и приемлет благодать духовного освящающего совершенства»[582]. В молитве достойные приемлют мистическую силу, святое настроение и общение самого ума с Богом через несказанную любовь к Господу[583]. Имея молитву путеводжем и союзником, человеческий дух воспламеняется жаждой Господней любви, и горит желанием, и не перестает молиться пламенно и непрестанно[584].

Любовь приобретается молитвой[585]; онтогенетически любовь зависима от молитвы[586]. Любовь рождается из молитвы и возрастает с ростом молитвенности. Будучи сущностью Бога, любовь ео ipso сущность человека, сотворенного κατ᾽ εἰκόνα Θεοῦ *(по образу Божию)*. Кроме того, любовь – это единственное доброделание, которое своей субстанцией субстантивирует все прочие добродетели и соединяет их в единую сущность. Она – сущность всех духовных даров. Она – сущность и «союз» личности. Без нее человеческое «я» – ничто или по крайней мере хаотическая масса сенсаций. «Если я имею все дары... и отдам тело мое на сожжение, если я говорю языками ангельскими, а любви не имею, – то я *ничто*»[587]. «И если имею пророчество, и знаю все тайны и все познание, и если имею всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я *ничто*»[588].

Любовью человеческая личность освобождается от безличного «*ничто*» и приступает к личному Богу – Любви; она спасается от

страшного метафизического «*ничто*»; дезинтегрированная личность воссоединяется, ее составные части срастаются, связываются, приводятся в единую сущность; *союз совершенства*[589] – связывает, синтезирует личность совершенной любовью, любовью благодатной[590]; «совершенное»[591] – становится сущностью личности; любовь *никогда не перестает*[592] и делает человека одной сущности с «самой большой» добродетелью триединой этической триады, соделывая его способным к личному, теснейшему – «лицом к лицу»[593] – общению с Богом. Любовь дает существенное (действительное, истинное) познание Бога[594]; *«любящая сила души»*[595] – это центральное гносеологическое орудие богопознания: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь»[596].

Познание Истины прямо обусловлено пребыванием в любви как сущности и природе Божией. «Существенное познание Истины, т. е. приобщение самой Истины, есть, следовательно, реальное вхождение в недра Божественного Триединства, а не только идеальное касание к внешней форме Его. Поэтому истинное познание – познание Истины – возможно только чрез пресуществление человека, чрез обожение его, чрез стяжание любви как Божественной сущности»[597]. Или, другими словами, это означает полное личное усвоение и переживание «первой и большей заповеди» (любви)[598], с помощью которой человек только и может войти в природу Божию, в сущность любви, и стать *причастником Божеского естества*[599]. С помощью молитвенно-самоуничижительного подвига любви «все сердце, и вся душа, и весь разум»[600] переносятся в природу Божества, где таинственно совершается процесс μετουσίωσις (пресуществления), обожения, через участие в Божеском естестве.

Сорастворившись (соединившись) с Божественным Святым Духом, человек удостаивается истинного богопознания, и его око зрит то, *чего око не видело,* его ухо слышит то, *чего ухо не слышало,* и его сердце переживает как величайшую истину то, *что не приходило на сердце человеку*[601] . Любовью достигается новая сущность личности, новая природа; человек исходит из своей природы, проникает в другую природу и соединяется с ней до забвения своей собственной природы, ибо «кто достиг любви, связан и упоен ею, тот погружен и отведен пленником в иной мир, как бы *не чувствуя собственной своей природы*[602]. «Кто достигает совершенной любви, тот делается уже узником и пленником благодати»[603]. Достигший совершенной любви Христовой исполняется полнотой Божества[604]. Истинные христиане «исполнены Божеством»[605].

Молитвенно-мистическое соединение с Божеством преподобный

Макарий Великий характеризует как собирание себя, собирание своей души в Боге через обращенный к Богу подвиг любви[606]. Но главное усилие молитвенного делания любви сосредоточивается на собирании ума в Боге[607], на собирании в Боге «мыслей, рассеянных грехом»[608]. На этот устремленный к Нему молитвенный подвиг любви Господь отвечает Своей неизмерной любовью к человеку. «Господь... приходит к нам и собирает нас к Себе»[609] и «прелагает душевные помыслы, соделывает их божественными, небесными, добрыми»[610].

Любовь, жаждущая Христа, разрастается до неизмерности, жажда Христа переносит человека в сферу Богочеловеческой жизни, и «там имеет всегда свое пребывание ум, препобежденный божественною и небесною любовию и духовным желанием»[611]. Подвигом любви ум отрывается от всего земного, всецело предает себя Христу, обитает «вне всего материального, грубого и земного», чтобы сосредоточить все свое внешнее делание на взыскании разумной сущности души, на украшении души Духом Святым и на приобретении чистоты и святости Христовой[612]. Любовью ум приобщается к вечности, поэтому «ум должен быть всегда пригвожден к любви Христовой»[613]. Молитвенная Христо-образная любовь – единственная сила, очищающая ум от греха, освобождающая его от сатанинской категории греховности. Ибо «смерть и, так сказать, удавление лукавому, когда оказывается, что ум неразвлекаемо пребывает в любви Божией»[614].

Очищение от греха орудий познания, их преображение совершается через сращворение с Божественной любовью[615]. В любви человек обретает свою сущность, очищенную от греха и простую. Ибо как железо, или свинец, или золото расплавляется на огне, переходит из твердого состояния в жидкое, так и душа, которая в христолюбивом подвиге веры и надежды отреклась от мира и приняла небесный огонь Божества и любви Духа, расплавляется в огне любви, освобождается от всякого зла, от всякой страсти; все зло, весь грех отделяется от нее, *изгоняется прочь*, – и душа возвращается к своей богообразной и боголюбимой сущности, которую она имела прежде грехопадения[616].

Лишь усвоением этической триады как восстановителя (обновителя) личности и освободителя ее от греха человек «освобождается от всяких уз зла»[617] и удостаивается явления Христа[618] и явления Святой Троицы. «Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его и *явлюсь ему Сам*... Я и Отец придем к нему и обитель у него сотворим»[619]. В любви – вечная гносеологическая сила, низводящая Бога в душу, являющая Бога душе, делающая Бога зримым. Любовь – это Бого-явление,

явление Бога душе, тогда как вера – это человеко-явление, явление человека Богу. Переживание Божией любви как живой богообразной сущности личности делает человека чистым[620]. Любовью человек укореняется, успокаивается в природе Божества[621]: «Имеющий любовь не падает»[622]. Христо-образная любовь – это зодчий личности, таинственно ее созидающий, встраивая в нее все добродетели и делая их единосущными составами ее природы[623]. Любовь низводит Христа в сущность человеческой личности; Христос становится ее содержанием, содержанием ее «я». Он сорастворяется (соединяется) с ней до нераздельности[624]. Бесконечное усиление жаждущей Христа любви приобретает характер ревностной исключительности, которая красоту Христова образа абсолютизирует[625] и христолюбивую душу погружает «в бесконечную и ненасытную любовь к Господу»[626].

Преображенная Христовой любовью до последних и самых сокровенных тайников, личность всецело проникается любовью и все свое многогранное отношение к миру формирует и нормирует природой своей молитвенной и любящей сущности. «Первая и самая большая заповедь» (любви к Богу), став сущностью личности, обращенная к людям – проявляется в качестве «второй» заповеди (любви к людям). Из сущности первой выкристаллизовывается сущность второй заповеди[627]. Вторая заповедь – лишь видимое проявление первой, объективирование молитвенно приобретенной Божественной любви. «Искренняя любовь к брату» возможна лишь «через одну, и единственную, и первую заповедь, заповедь любви к Богу»[628]. Участие в Божественном естестве и любви как сущности Божией – это «первая и большая заповедь», «а вторая, подобная ей: люби ближнего своего как самого себя»[629], т. е. люби ближнего любовьюсущностью (ἀγάπη οὐσία), соединяющей сущности личностей и созидающей из двух одно единосущное существо. *Люби ближнего своего как самого себя,* очевидно, представляет собой антитезис и кажущуюся антиномию императиву веры, покаяния и смиренномудрия, выражающемуся в «ненавидь себя»[630]. Подвиг веры и смиренномудрия предписывает: «ненавидь себя», а подвиг любви: «люби... как себя».

Разрешение этой антиномии в сфере этической триады зависит от определения понятия «ἑαυτόν» (себя). «Ненавидь себя» значит – ненавидь «вторую душу», душу греха, которая настолько сраствориласъ с человеческим самосознанием, что получила свое индивидуальное «я»[631]. Во втором случае «ὡς σεαυτόν» (как себя) значит «σεαυτὸν», преображенное в любящих глубинах Божества; значит «σεαυτὸν», сотканное из души, ума и сердца, переживших полное преображение,

полное обожение в сокровищницах Божественной Троицы. Тогда «люби ближнего своего как самого себя» значит: люби ближнего своего, как любишь свое обоженное «σεαυτὸν», свой очищенный образ Божий, любишь его в Святой Троице. Лишь тогда становится ясным таинственное онтологическое единство первой и второй заповеди (о любви) и загадочная вторая заповедь получает свою реальную, абсолютную значимость.

Без любви к Богу невозможна и существенная любовь к людям. Первая заповедь (любви) – всегда первая, а вторая – всегда вторая. «Кто не любит Бога всей душой и всем сердцем, как может тот здраво и искренне прилагать попечение о любви к братиям, если во вторую входят дверью первой»[632]. Для того чтобы человек любил людей любовью, которая «никогда не перестает», это должно совершаться «от Бога»[633]: через личное переживание первой заповеди. «Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога»[634]. Богопознание непосредственно обусловлено онтогенетическим родством с Богом, рождением из любящей природы Божией и сущности. Источающая любовь сущность как источник познания – это единственный путь к существенному Богопознанию, а тем самым – и единственное спасение от плотского, релятивистского признания бытия Бога. «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь»[635]. Самопознание, познание человека онтогенетически зависимо от Богопознания, как вторая заповедь, (любви) онтогенетически зависима от первой.

Живое, существенное усвоение второй заповеди (любви к ближним) – это абсолютная необходимость в икономии спасения личности, как и усвоение первой (любви к Богу). «Невозможно спастись иначе, как токмо чрез ближнего»[636]. Знак богоданной любви – это благодатность. Благодать «пленяет ум в любовь Божию»[637]. Главное действие благодати Божией сосредоточено на исполнении личности любовью. «Как пчела тайно выделывает сот в улье, так и благодать тайно производит в сердцах любовь свою»[638]. Христианская любовь – Христо-образна, троична, духовна. Дух Святой научает человека истинной любви[639]. Эта духовная истинная любовь служит надежным свидетельством и критерием всех добродетелей и пороков[640]. Любовь – это не только сущность, но и госпожа всех добродетелей; они через нее входят в вечность и не перестают[641]. Любовью праведность становится матерью всех добродетелей[642]. Облагодатствованные личности, составившие себя из добродетелей, когда они сподобляются «большего упоения Божиего любовию»[643], становятся подобными бесплотным Ангелам, и плоть у них настолько легка и подвижна, что они мыслят ее как бы не существующей[644]; «иногда же,

горя Божественною духовною любовию ко всем человекам, в плаче и сетовании слезно молятся они о спасении всего рода человеческого... а иногда сладостно возгораются такою неописуемой любовию Духа, что, если бы можно, было, всякого человека укрыли бы они в сердце своем, не делая никакого различия между злым и добрым»[645].

Приобретение настолько совершенной, всеобъемлющей любви происходит через опытное применение к себе правила этического тройства: «χρὴ βιάζεσθαι ἑαυτόν». – «Надлежит... принуждать себя к любви, если кто не имеет любви»[646], надобно принуждать, хотя бы сердце того и не хотело[647]. «Если кто любит Бога, то и Бог сообщает (сраствоpяет) ему любовь Свою»[648]. «Не бывает того, чтобы любовь к Богу зародилась в нас просто и самодвижно, но сопряжено сие с многими усилиями и великими трудами, при содействии Христовом»[649]. Для того чтобы ум наполнился любовью к Богу, необходимо умствовать смиренно и кротко и всю свою деятельность проявлять через смиренномудрие и кротость ума[650]. Для того чтобы личность спаслась от иссушающего солипсизма и достигла идеальной полноты, необходимо, чтобы она срастворилась с благодатной, Христо-образной любовью, непрестанно и ревностно действующей через молитву[651].

3. Синергизм благодати и воли

Существенное усвоение этической триады как восстановителя личности является чистой психофизической невозможностью на основе зараженной грехом человечности (антропизма). Пропитанный грехом до последнего тайника своей природы, человек абсолютно не способен освободить себя от «уз... и тьмы бесов», т. е. действия тайных страстей[652], ибо свободная человеческая воля имеет силу противостоять диаволу», но не имеет силы полностью овладеть страстями[653]. «У человека есть желание (хотение») быть чистым, безукоризненным, неосквернённым, не иметь в себе порока, но всегда пребывать с Богом; но *сил на это у него нет*»[654] . «Человек сам собою не в состоянии избавить себя от противоречий, от скитания помыслов, от невидимых страстей и козней лукавого»; «сия же брань может быть прекращена благодатию и силою Божией»[655], синергизмом (содействием) своего человеческого хотения и Божия могущества, т. е. синергизмом воли и благодати. Сверхъестественная сила благодати дает человеческому естеству силы к подвигу очищения верой, надеждой и любовью[656]. Страшно обманывает себя тот, кто думает, что этот тяжелейший подвиг можно совершить лишь

своею собственною силою, без содействия Святого Духа[657], без соединения своей человеческой силы с благодатной силой Святого Духа[658]. «Кто останавливается на своей только праведности и думает сам себя избавить, тот трудится напрасно и вотще»[659].

Спасение прямо и существенно зависит от со-действия воли и благодати[660]. Путь ко спасению могут пройти те, кто постоянно насыщается благодатью Святого Духа и приемлет силу от Христа[661]. Спасительное возрастание через веру, надежду и любовь совершается по мере облагодатствования воли и взаимопроникновения воли и благодати. Удивительно тонкий и в то же время опытный анализ этого срастворения, сплавления воли с благодатью дает преподобный Макарий Египетский: подвиг спасения должен совершаться уравновешенным со-действием воли и благодати, которое мистически приводит этическое тройство в единую сущность с природой человеческой личности[662]. От душепагубного эгоцентрического солипсизма человеческий дух спасается *«при содействии Духа»*[663], спасается усвоением этического тройства, обращающегося и живущего в категории Бого-человечности, ибо соединенные благодать Божия и воля человеческая рождают в душе Бого-человеческое целое. Срастворение воли с благодатью не уничтожает индивидуальных характеристик природы воли[664]. Образец идеального равновесия благодати и воли, ипостасная норма их синергичного действия образно дана в отношениях Божественного и человеческого естеств и двух воль в Лице Богочеловека Христа[665]. Вся жизнь христианина таинственно формируется при со-действии благодати и воли и при реальном переживании Богочеловеческого содержания жизни Христовой[666]. Но это со-действие целиком основывается на свободном, непринужденном хотении воли принять благодать в качестве своего соработника. Божественная благодать не является принудительной, она не вынуждает волю[667]; придя к человеку, она не сковывает его воли и не принуждает его volens-nolens (хотел бы он того или нет) быть добрым, но дает место свободной воле, чтобы человек по своей воле мог сказать, соглашается ли он или не соглашается с благодатью Божией[668]. Благодать Божия является *побуждающей, а не принуждающей*, чтобы сохранилась свобода воли[669]. «Закон дан не естеству, но свободе произволения, которая может преклоняться и на доброе, и на худое»[670]. Благодать проявляется в человеке после многих испытаний (проверок) Духом Святым его воли и свободы выбора[671].

Процесс облагодатствования личности – это не что иное, как постепенное вытеснение греха из всех пораженных им частей души[672].

Человек постепенно возрастает через «меру и достоинство» благодати[673] и, возрастая, очищается от греха. Благодать – это сила, освобождающая от греха все содержание личности, ибо «благодатью выходят... злые страсти»[674]. Благодать иссушает источник греха, источник злых похотей[675]. Освобождая душу от греха, благодать сбрасывает с нее все струпы, всю пелену греха, очищает ее, и душа приемлет «свою собственную природу», возвращается к своей чистоте, которую имела прежде грехопадения, к своей богообразной сущности и Христо-образной красоте[676]. Лишь облагодатствованная душа является нормальной и естественной. Душа, после грехопадения обладаемая и проникнутая грехом «до своих глубочайших тайников», постепенно причащается благодати «по мере веры», пока благодать не обымет всю душу и не укоренится в ее сокровеннейших частях и помыслах, пока не овладеет всей душой и не воцарится в ней[677]. Через душу «благодать проникает во все части тела»[678] и тем самым очищает этот зараженный грехом физический состав человеческой личности.

Нормативный принцип благодатного подвига очищения себя от греха верой, надеждой и любовью состоит в гармонии, в согласии воли с благодатью[679]. Сим-фонический синергизм (со-трудничество) воли и благодати определяет отношение человека к миру[680]. Чем более личность приемлет благодати, тем глубже ее молитвенное любомудрие и смиренномудрие, ибо «благодать научает человека быть нищим духом» и говорить себе: *Аз есмь червь, а не человек*[681] . Воспринявшие благодать всегда пребывают в напряженном подвиге непрестанного смирения самих себя[682]. Чем более приемлют они благодати, тем более воспламеняется в них неугасимая жажда благодати[683], тем сильнее и напряженнее бывает их подвиг спасения себя, ибо никто не предохранен от падения. Все праведники до конца своей жизни шли путем узким и тернистым и угождали Богу; а павшие потому падали, что верили, что в них как принявших благодать нет греха[684]. Богообразная свобода воли – это одна из главных особенностей личности, поэтому «и у совершенных Господь взыскует душевного изволения на служение Духу»[685]. «И у совершенных была свобода воли, а не то, как неразумно говорят некоторые, что после благодати бывает отрешение и освобождение от забот»[686]. Синергизм воли и благодати необходим на всех ступенях подвига. «Человеческая воля есть, следовательно, существенная принадлежность; если нет воли, Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей. Посему совершение дела Духом (букв. «успешное действие Духа – ἡ τελεσιουργία τοῦ Πνεύματος) зависит от воли человека»[687].

Благодать, сраствoрившись с волей, «действует на пользу человеку»[688]. Премудрость Божия, будучи непостижимой и бесконечной, недомыслимо и неисследимо проявляет в роде человеческом домостроительство благодати посредством испытания свободы воли, чтобы открылись всем сердцем любящие Бога и переносящие ради Бога всякую опасность и труд[689]. Безблагодатная, лишь человеческая, антропоцентричная деятельность никогда не может составить чистой, идеально-безгрешной личности: «Если человек ограничится лишь своим деланием и не будет надеяться приять нечто странное природе своей (ξένον τῆς φύσεως αὐτοῦ – т. е. благодать Духа Святого), то он не может принести достойных плодов Господу»[690]. «Человеку надобно по собственному произволению возделывать землю сердца своего и трудиться; потому что Бог требует от человека труда, усилия и делания. Но если в душе его не дуют ветры Духа Святого, если не явятся Свыше небесные облака и благодатные дожди, чтобы орошать душу, весь труд человеческий нисколько не увенчивается плодом», ибо сам человек не может приносить плодов, достойных Господа, Богочеловеческих плодов, достойных Богочеловека Христа[691]. Чисто человеческая деятельность может творить добрые дела, но никогда эти дела не будут чистыми, совершенно чистыми от грехов[692]. Погружение в Бого-центричную «глубину благодати»[693] очищает личность от всякой скверны[694] и исполняет ее силой творить дела, благоприятные Богу[695]. Благодать просвещает, руководствует, умиротворяет, делает человека добрым, ибо все благодатное – божественно и над-небесно[696].

Облагодатствование всех психофизических составов личности – это дело молитвенного самоуничижения (само-смирения) верой, надеждой и любовью; душа вся сраствoряется с благодатью[697]; все орудия познания приемлют благодать и тем самым возвращаются к своей чистоте прежде грехопадения[698]. Соединение, сраствoрение благодатно человеком идет до некоего единосущия; благодать постепенно проникает содержание человеческой личности, срастается с ней, становится ее природой – естественно и пренасыщенно – сорастворяется с сущностью человека и становится с ним «как единая сущность»[699]. Но поскольку благодать – это «существенность истины» (сущность истины)[700], то существенного познания истины можно достичь, став одной сущностью с самой истиной. Когда благодать облагодатствует до конца все части человеческого естества, когда преисполняет все его орудия познания и «соделывает ум пленником любви Божией», тогда существенное познание истины становится реальным фактом[701]. Когда благодать облагодатствует весь ум,

тогда она «держит на руках ум и возносит на небеса, в совершенный мир, в вечное упокоение (отдохновение)»[702].

Составленная из этического тройства веры, надежды и любви путем согласованного (сим-фонического) действия благодати и воли, человеческая личность утончается и становится восприимчивой к тончайшему постижению сверхъестественных тайн. Иногда благодать наполняет такую личность разумом и несказанной мудростью, и познаниями Святого и неисследимого Духа, которые невозможно выразить языком и изглаголать устами[703]. Благодать не только опосредствует истинное самопознание, возвращая душу к ее истинной природе, она является и истинным гносеологическим орудием истиннного Богопознания. Лишь «силой Божией и действием благодати» человек может в истине познать Бога[704].

Благодать и благодатное познание являются специфическими христианскими особенностями. До Христа помраченное грехом око человеческой души не могло зреть «истинного небесного Отца, благосердой и доброй матери – благодати Духа, друзей и искренних своих – святых Ангелов»[705]. Начиная с Христа благодать становится необходимостью спасения и познания. Но благодать и истина в христианстве – это не дискурсивные, не трансцендентно-метафизические понятия, а живые, органические, единосущные части Личности Богочеловека[706]. Согласованное со-действие благодати и воли, составляя человеческую личность в тройстве веры, надежды и любви, переносит ее в теснейшие, личные отношения с Личностью Христа, и познание Истины необходимо проистекает из этих непосредственно личных отношений, так как Личность познается личностью. Облагодатствованная личность участвует во всем богатстве Истины Христа. Все исполненное благодатью пребывает в радости, наслаждается миром, хранит в себе любовь, обладает истиной[707].

IV. Обожение – Θέωσις – личности

Благодатно преобразуемая верой, надеждой и любовью человеческая личность постепенно формируется κατὰ Χριστόν *(по Христу*), усвояет Его Личность в качестве своей собственной, пока наконец сама не станет Христо-образной, пока не о-Бого-человечится, пока не обожится. Разумеется, переход из этического тройства в Божественное бесконечно таинствен и всегда над-аналитичен для любого человеческого и человеко-центричного разума. Здесь необходимо благодатно-мистическое

переживание самого факта. Преподобный Макарий Великий как раз служит исключительным образцом опытного переживания этого таинственного перехода из этической в Божественную Троицу. По его учению, этическое тройство – это посредник между человеком и Божественной Троицей; оно – некий вид предтечи, возвещающего о Божественной Троице; оно – этическое введение в метафизику (догматику) христианства. Через нее совершается этическое со-воплощение, сращение личности с Божественной Троицей; совершается процесс обожения, отроичения. Обожение – это высшая на земле ступень, которой достигает личность, восстановленная богочеловеческим этическим тройством. Преподобный Макарий сам опытно переживает и богодухновенно описывает благодатно-мистическое возрастание личности от эмбриона до совершенного человека.

Процесс обожения личности совершается всегда в категории Богочеловечности. Через этическое тройство Господь воплощается, соединяется со святыми и верными душами, вносит «душу в душу, сущность в сущность»[708], чтобы святые могли «причащаться жизни Божества»[709] – и жить новой, Богочеловеческой и бессмертной жизнью[710]. Глаголя Марии (сестре Лазаря) свои Богочеловеческие слова, Господь «дает ей некую сокровенную силу от Своей сущности»[711], и Его «слова вошли в сердце, стали душею в душе, духом в духе, и Божественная сила наполнила сердце ее»[712]. Существенное усвоение Христа соделывает людей святыми, обоженными. Святые еще в этой жизни «причащаются Христовой сущности и Христова естества»[713]. О-Бого-человечивание личности объемлет все ее психофизическое содержание; человек облекается в «нового и небесного человека – Иисуса Христа, и также опять в соответственность очам имеет свои очи, и в соответственность ушам – свои уши, и в соответственность главе – свою главу, чтобы всецелый человек был чист и носил на себе над-небесный образ»[714]. Приемля «небесный дар от ипостаси Божества» (из существа Божественного), христиане становятся «причастниками Божественного естества»[715]. «Для того пришел Господь, чтобы души наши изменить, воссоздать и соделать их, по написанному, причастницами Божественного естества, и в душу нашу вложить душу небесную, то есть Божественного Духа, путеводствующего нас во всякой истине, чтобы могли мы жить вечною жизнью[716]. Но душа становится общницей Божественного естества через благодатное перерождение себя верой, надеждой и любовью[717].

Всю природу человеческой личности Христос изменяет, обновляет и обожает, «смешивая ее со Своим Божественным Духом»[718]. Христо-

образие христиан простирается до того, что они становятся «помазанниками (христами) от единой, так сказать, с Ним сущности и единого тела»[719], *ибо Освящающий и освящаемые все от Единого*[720]. «Совершенные христиане... суть и сыны, и господа, и боги»[721]. Они опытно переживают жизнь как Богочеловеческую реальность. Через призму своей обоженной личности они зрят божественную суть тварей, они видят, что все созданное Богом – добро и что «всякая тварь Божия добра»[722].

Процесс обожения человеческой личности полностью носит органический характер: от богочеловеческого эмбриона до полной зрелости личность проходит через все фазы органического роста; «постепенно возрастает человек и приходит *в мужа совершенна, в меру возраста*»[723]. Богочеловеческое возрастание личности постулирует рождение от Бога. «Жизнь есть рождение от Бога свыше. Ибо без сего рождения душе невозможно жить, как говорит Господь: *Аще кто не родится свыше, не может видети Царствия Божия*»[724]. Всю икономию спасения Господь Иисус Христос сводит к рождению «от Его Божества»[725]. Любя «род человеческий как Свой собственный образ», Господь желает его «породить от Своего Божественного семени»[726]. Рождаясь из Богочеловека Христа, новорожденный (возрожденный) приобретает богочеловеческий характер и способности, он носит образ Христов, ибо в детях, рожденных от Христова семени, изображен, написан (во-образован) Христос[727]. Через генетическое родство со Христом человек обретает свой Божий образ в Богочеловеке, и Сам Христос является восстановителем, воссоздателем, зодчим личности: как «превосходный живописец – Христос в душах, которые в Него веруют и к Нему устремлены непрестанно, скоро по образу Своему живописует небесного человека, и от Духа Своего, от сущности неизглаголанного света Своего написует небесный образ и дает душе прекрасного и доброго Жениха ее»[728]. Бого-человеческая жизнь души прямо зависит от сосредоточения всех жизненных сил души в образе Христа. Душа мертва, если не имеет в себе «жизни души», т. е. если не носит «небесного образа Божественного света»[729]. Душа не имеет ценности, если не имеет образа небесного Духа в неизреченном свете, т. е. отпечатленного в ней Христа[730].

Христиане распознаются по тому, что имеют «образ Царя» Христа[731]. «Если кто не рожден от царственного и Божия Духа и не соделался небесным и царским родом и Божиим чадом... не может носить небесный и многоценный бисер, сей образ неизглаголанного света, т. е. Господа»[732].

Христианин – это таинственный синтез мира горнего и дольнего, мира физического и метафизического, ибо он носит в себе «образ небесного» человека[733]. «Небесный образ – Иисус Христос – таинственно ныне озаряет душу и царствует в душе святых»[734]. Христиане Духом Святым преобразуются в образ (лик) Христов[735], ибо Христос для сего и пришел[736]. Христианин совлекается древнего, дьяволо-образного человека и облекается в «небесного и нового Человека, то есть во Христа»[737]. Облечься во Христа, стать Христо-образным, написать в себе образ Христов, усвоить Его образ в качестве сущности своего естества – это и есть единственный и предвечный смысл личности[738]. «Соединенные с Божиим Духом уподобляются Самому Христу»[739]. Не христиане – те, которые не уподобились, не во-образились во Христа, не стали «причастниками Божественного естества» и не сраствори́ли (не соединили) своей природы с Солнцем Правды – со Христом[740]. Для того чтобы человек мог «прийти в возможность уподобиться благому и Божественному естеству и сраствори́ться благою и святою действенностью благодати»[741], ему необходимо подвизаться подвигом веры, надежды и любви. «Когда душа твоя будет в общении с Духом и небесная душа войдет в душу твою, тогда совершенный ты человек в Боге, и наследник, и сын»[742]. Духоносные христиане «внутренно исполнены Божеством»[743], ибо «от Господа свыше изливается в душу жизнь божественная»[744].

Обитая в человеке, Божество обожает человека, делает его богоносным и богообразным (Бого-подобным). «Силою Духа и вследствие духовного возрождения человек приходит в меру первого Адама и становится даже выше его; потому что делается обоженным (обожается человек – ἀποθεοῦται ἄνθρωπος)»[745]. Обоженный человек – это единственный естественный оригинал всего именуемого человеком; через обожение человек генетически породняется с Богочеловеком Христом, становится Его «братом и сыном»[746]. Поэтому христиане – это «сыны Адама небесного, новое рождение, чада Духа Святого, светоносные братья Христовы, подобные Отцу своему, Адаму духовному и светоносному»[747]. Божественная Троица – единственно вечно-новая; и сраствоpяясь (соединяясь) с Ней, человеческая личность становится и остается «новой тварью»[748].

Вся бесконечно сложная жизнь истинного христианина обращается и протекает в Троичности, ибо родившиеся от Бога горним рождением, рождением от Духа Святого, имеют в себе Христа, их освящающего и упокояющего; они всегда путеводимы Духом Святым, невидимо путеводимы к облагодатствованию в своей Христо-образной душе[749].

Через отроичение душа освобождается от несовершенства и, когда «взойдет к совершенству, совершенно очистившись от всех страстей и в неизреченном общении пришедши в единение и срастворение с Духом Утешителем, и, срастворяемая Духом, сама сподобится стать духом, – тогда делается она вся светом, вся – оком, вся – духом, вся – радостью, вся – упокоением, вся – радованием, вся – любовью, вся – милосердием, вся – благостью и добротою»[750]. «Душа, носящая в себе Бога, или, лучше сказать, носимая Богом... делается вся оком»[751]. Духоносные, отроиченные, Христо-образные люди имеют душу, составленную из добродетелей Духа Святого, «внутренно пребывая неукоризненными, непорочными и чистыми»[752]. Они становятся по благодати тем, что Бог есть по естеству[753], и все добродетели становятся для них «ὡς φύσις» (как бы природой)[754]. Человеческая личность срастается с Личностью Богочеловека Христа; Им распознается жизнь; Господь обитает в человеке и человек – в Господе, и «Сам Господь без труда творит в нем Свои собственные заповеди, исполняя его духовного плода»[755]. Такая личность наконец ощущает себя Христо-образной (Христо-подобной), обоженной, обогочеловеченной и всю суть своей жизни выражает таинственными словами святого и великого Павла: *Уже не я живу, но живет во мне Христос*[756].

Естественно, невозможно дискурсивно проанализировать таинственное, благодатно-мистическое срастворение (соединение) человеческой личности со Христом, и через Него – со Отцем и Духом Святым. Обогочеловечение – синоним отроичения. Возрастание личности через этическое тройство, ее формирование «по образу Божию», Христос таинственно совершает Духом Святым, пока ее не отроичит и не соделает «обителью» Святой Троицы[757]. Обожение, обогочеловечение проникает через все содержание личности: богообразный характер личности получает перевес, грех исчезает и человек возвращается в состояние безгрешного богообразия, которое он имел прежде грехопадения.

Процесс обожения охватывает и орудия познания. Освобождение их от греха через веру, надежду, любовь, срастворение (соединение) их без остатка с Божеством приводит их наконец к состоянию обоженности, обогочеловеченности, отроиченности. За процессом их обожения богомудро следит преподобный Макарий. Для полноты мы попытаемся особо изложить его учение об обожении главных орудий познания: души, ума и воли.

а) Обожение души

Через благодатно-мистическое тройство мистическо-личные

отношения души со Христом развиваются до брачной близости невесты и жениха. Христос становится Женихом души, а душа – «невестой Христовой»[758]. Вся объятая верой, надеждой и любовью душа горит «ненасытным духовным желанием стремиться к Небесному Жениху»[759]. До обращения ко Христу в вере, надежде и любви душа блудодействовала с сатаной, сейчас она «общается лишь с Небесным Женихом»[760], ибо она, уязвленная любовью, тоскует по Нему и умирает от желания прекрасного, разумного и мистического общения с Ним, общения святого и бессмертного[761]. Изъязвленную грехом душу человечества Бог «омыл и исцелил язвы» – и «привел ее к Небесному Жениху»[762]. Утвержденную в вере, надежде и любви душу Господь, «очистив от порока, какой есть в ней, приводит к Себе как непорочную и нескверную невесту»[763]. Через тесные брачные отношения душа приходит к познанию своей природы и своей цели, и Небесный Жених соделывает ее «не только храмом Божиим, но и дщерью царевой и царицей»[764]. Душа, имеющая в себе Христа, становится церковью Божией, и все ее силы и проявления сливаются в бесконечно изящную соборность, ибо душа вступает в сообразное единство с Небесным Женихом «и срастворяется с небесным»[765].

Мистическое срастворение (соединение) души-невесты с Женихом Христом совершается постепенно. Прежде всего Бог ее «оживляет из умерщвленности», затем «очищает ее от скверны» и принимает ее к Себе, изменяя ее постепенно, «пока не возрастит в собственный Свой возраст. Расширяет и возвышает ее до беспредельного и безмерного возрастания, пока не соделается непорочною и достойною Его невестою. Сперва рождает ее в Себе и Сам возращает, пока не восприимет она совершенной меры любви к Нему; потому что Сам, будучи совершенным Женихом, и ее, совершенную невесту, – приемлет в святое, таинственное и чистое общение брака, и тогда она воцаряется с Ним на бесконечные веки»[766], возвеселяется вместе с ним[767] и общается с Христом, «как общается невеста с Женихом»[768]. Бесконечная тайна брака души-невесты и Жениха Христа разрастается в вечную, великую тайну Церкви и Христа[769]. Созерцая эту бесконечную, эту блаженную тайну, душа преподобного Макария выливается в радостное восклицание: «О, какое тесное общение невесты с Небесным Женихом!»[770]

Срастворение (соединение) богообразной души с Христом совершается Духом Святым. Когда душа вся всецело в вере, надежде и любви посвящает себя Господу, когда всю Ему себя предает и непрестанно творит Его заповеди, тогда Дух Святой озаряет ее, и осеняет, и удостаивает «быть в единый со Христом дух и в единое срастворение»[771]. Через

срастворение со Христом человеческая душа становится поистине «как душа Господа»[772], а также и «Господь становится ее душой»[773]; и Господь, «селящий в небесном граде на престоле величествия на высоких, весь пребывает с душею в теле ее, потому что образ ее положил Он горе, в небесном граде святых Иерусалиме, а собственный образ неизреченного света Божества Своего положил в теле ее»[774].

Восстановленная верой, надеждой и любовью человеческая личность реально бесконечна, ибо своей богообразной душой она обитает в бесконечном Царстве прославленного Христа, но она и бесконечно реальна, ибо в ее теле в качестве души ее живет Образ Христа, эта единственная бесконечная реальность. «Он (т. е. Христос) служит ей (т. е. душе) во граде тела ее, но и она служит Ему во граде небесном»[775]. Став душою человеческой личности, «Господь, истинный Художник», перерабатывает сердце, тайно его обновляет, пока вновь не явится богообразная «красота души»[776], присущая ей до грехопадения. Благодатно и нравственно срастворенная со Христом, обитая в прославленном Христе, душа вся обретает себя, обращается и пребывает в сфере Святой Божественной Троицы; вся ее природа отроичена; все ее действие троично, богообразно, Христообразно[777]. Христообразный, богочеловеческий характер личности сохраняется через весь долговременный процесс духовного возрастания и достигает своей заключительной стадии, когда личность усвоит «всю полноту Христа» и возрастет *в мужа совершенного*[778].

Такая личность вся Христо-образна: и тело, и душа ее, все ее содержание источает Христо-образную красоту, ибо вся она объята, вся упоена «неизреченной красотой... лица Христова»[779]. Христос проникает до последних тайников души, изгоняет из нее последний атом греха и всю тьму страстей, изгоняет грех, эту единственную причину безобразия и мерзости, восстанавливает «бесстрастную и нетленную красоту» души[780] и соделывает ее престолом Своей Богочеловеческой славы[781].

Богочеловеческое бесстрастие души – эта одна из специфических особенностей Нового Завета. Христос воплотился, чтобы люди могли участвовать в Его бесстрастии[782]. «Для освящения и теснейшего бесстрастия обитает Спаситель в достойных, чтобы, будучи Сам бесстрастен, Он мог соделать бесстрастными принявших Его»[783]. «В совершенную меру бесстрастия» приходят души лишь Христо-образные, преизобилующие верой, надеждой и любовью и обоженные обитанием в таинственных благодатных глубинах Триипостасного Божества[784]. Цель благочестия – это очищение души и обитание Духа Святого через добрые

дела[785]. Но «полностью очистить душу» возможно лишь молитвенно-благодатным перерождением себя в вере, надежде и любви[786]. Через веру, надежду и любовь Дух Святой входит в душу человека, становится душой его души и делает его совершенным[787]. Лишь душа, сраствореннная (соединенная) с небесной душой, становится обителью Святой Троицы, «ибо *Божественная Троица вселяется в душе очищенной*[788], – потому что невместима для всякой твари, – но по мере способности и удобоприемлемости человека»[789]. В эту «совершенную меру христианства» приходит лишь святая, чистая, обогочеловеченная душа[790].

б) Обожение ума

Обожение ума достигается через соединение ума с умом Богочеловека. Вечный смысл человеческого ума – это «прийти в срастворение с Безначальным умом»[791]. Но такое соединение предполагает, что человеческий ум прошел через тяжелые подвиги веры, надежды и любви. Лишь когда он пройдет через эти подвиги, когда переработает себя верой, надеждой и любовью, лишь тогда человеческий ум удостаивается стать «одним духом с Господом»[792], обогочеловечиться. Если человек добровольно подвизается и допускает благодати Духа Святого облагодатствовать ум до конца и обитать в «самых глубоких глубинах его ума»[793], тогда Господь «соединяется с умом» и становится с человеком «одним духом, одним составом, *одним умом*»[794]. Облагодатствованный ум – ум, очищенный молитвой и сраствореннный со Христом, спасается от греховной ветхости (устарелости) и становится «новым умом»[795]. Господь «обновляет ум, исцеляет его от слепоты и глухоты неверия и неведения, возвращает ему здравие и проницательность»[796], вновь дарует ему целостность и сияние[797]. Из ада греховности и смерти Господь воскрешает умерщвленный ум, освобождает его от рабства сатане и возносит «в Божественный воздух»[798]. Если воскрешенный Христом ум без остатка предаст себя Христу, Христос настолько сраствоpяется с ним, что человек может «во владычественной силе души своей (в уме своем), как в зеркале, видеть образ Христов»[799]. Обоженный, обогочеловеченный, Христо-образный ум – это характерный признак святых, ибо они «умом своим причащаются Христовой сущности и Христова естества»[800].

О таком Христо-носном и Христо-подобном уме не мог знать ветхозаветный мир. Чистота ума – это новая реальность, принадлежащая Новому Завету, ибо лишь «крещение огнем и Духом очищает и омывает осквернненный ум»[801], ибо лишь «небесный меч обсекает излишество ума, т. е. нечистое краеобрезание греха»[802]. Христос – единственный

Уврачеватель, знающий и могущий исцелить «слепоту ума»[803] и очистить богообразную сущность ума от проказы греха. Совершенные христиане имеют помазанный ум, имеют обоженный ум, ибо они суть «боги» – ἐν Θεῷ[804].

Вечно чистый ум реально дан в Богочеловеке. Очистить ум человеческий возможно только единым Чистым и единым Безгрешным; поэтому лишь совершенные христиане, которых преподобный Макарий называет *богами,* достигают чистоты ума, со-воплощаясь со Христом. Чистота ума – это то единственное, что в христианстве можно назвать совершенством**,** так как совершенство – это не воздержание от видимых зол, а *«очищение ума»*[805], ибо «воздержание от худого не есть еще самое совершенство, разве вошел уже ты в уничиженный ум и убил змия, который таится под самым умом, во глубине помыслов... разве его ты умертвил и изринул из себя всякую бывшую в тебе нечистоту»[806].

Такая чистота ума любезна и евреям, и еллинам, но они не могут ее достигнуть, ибо она не иначе достигается, «как только с помощью Распятого за нас»[807]. Стяжавший эту чистоту свят и чист и не имеет зла в уме своем, и Дух Святой пронизывает все действие его ума[808]. Божественный огонь Духа Святого «делает ум чистым»[809]. Очищенный, обогочеловеченный, одухотворенный ум всегда обращается в сфере Троичного Божества. *«Совершенно очищенный ум* всегда видит славу Света – Христа и с Господом пребывает день и ночь, подобно тому, как тело Господне, соединившись с Божеством, всегда сопребывает с Духом Святым»[810].

Совершенно очищенный ум, Христо-образный и христоименный ум опытно переживает богочеловеческий характер Христовой жизни как самую очевидную реальность своего бытия. Обогочеловеченный, обоженный ум – это «престол Божества», но точно также и «Божество – престол ума»[811]. Господь Иисус Христос пришел свергнуть сатану с престола богообразного ума и сделать ум «Своим престолом», чтобы ум стал вечным престолом вечного Богочеловека[812].

в) Обожение воли

Составляя единосущную часть богообразной души, воля своей природой определена к самостоятельному прохождению всех ступеней развития души. Обожение души проявляется и через волю. Сраствояясь (соединяясь) с благодатью, воля обожается. От сатанизма и греховности волю излечивает лишь сраствоение с волей Божией[813]. В воле Божией человеческая воля обретает свою целостность, свое исцеление и непогрешимое путеводительство. Согласованное содействие воли и

благодати особенно проявляется через Христо-образное, Богочеловеческое действие. Обоженная, облагодатствованная воля всю свою деятельность определяет по образу Божию, т. е. по своей очищенной богообразной сущности. Но это предполагает личное участие Триипостасного Божества.

Христо-образную, духоносную личность Дух Святой вводит «во *всю волю Божию*»[814]. Насколько душа соглашается с волей Божией, настолько она способна к вечным, богочеловеческим делам, к служению Духу Святому[815]. По таинственным лабиринтам жизни человеческую личность проводит Дух Святой, сохраняя равновесие и гармонию между волей Божией и человеческой, ибо «только Дух Святой знает волю Господню»[816], «волю Христову»[817],.только Он учит человека познанию таинственной воли Божией, «ибо лишь Духу Святому известна воля Божия»[818]. «Без Духа Святого... никто не может разуметь волю Божию»[819].

Так для преподобного Макария Великого облагодатствование, обожение воли становится conditio sine qua non[820] истинной христианской жизни и существенного познания Истины.

г) Обожение сердца

Ясно то, что, по учению преподобного Макария Египетского, обожение личности сосредоточивается вокруг орудий познания, но ни в коем случае не исключает ее телесной части[821]. Обожение объемлет всю личность без остатка. Соединяясь с Богочеловеком, человек не утрачивает своей личности, ибо богочеловеческое равновесие обусловлено Самой Личностью Богочеловека Христа. Не только совершенный человек – «в Боге», но и Бог «в нем»[822]. Любое совершенство онтологически зависит от Троичного Божества. «Рожденное по Духу ...совершенно»[823]. Рожденный от Духа «имеет образ совершенства, в виде и в членах»[824]. «Совершенные христиане» удостаиваются «достигнуть степени совершенства», т. е. стать «*богами... по благодати*»[825].

Совершенствованию, благодатному возрастанию личности нет границ. Если допустить парадокс, то граница личности – в неимении границ; граница личности – это безграничность, бесконечность, вечность, Бог: «*Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*»[826]. Этими словами, по истолкованию преподобного Макария, Господь призывает Своих последователей потрудиться достигнуть «абсолютной чистоты»[827]. Эти слова Господа свидетельствуют о том, что можно достичь полной чистоты сердца и очищенным оком обоженного, богообразного сердца лицезреть Бога[828]. «Причастием совершенного и Божественного Духа» достигается «совершенное очищение от греха, освобождение от страстей беззакония и стяжание верха добродетели», т. е. достигается «очищение и

освящение сердца», и в очищенной богообразной сущности личности человек созерцает Бога и опытно переживает истину Христовых слов: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*[829].

«Сердце подлинно есть необъятная бездна», «и достигнуть чистоты сердца не иначе возможно, как чрез единого Иисуса»[830]. Чистое сердце становится «чертогом Христовым». «Ибо Царь Христос с Ангелами и святыми духами идет упокоиться там, и пожить, и походить, и основать Свое царство»[831]. Поэтому «со времени Христова пришествия Бог требует... чистоты сердца»[832]. Христолюбивая душа приемлет от Духа Святого «совершенное избавление от греха и тьмы страстей»[833], ибо только Дух Святой может «совершенно искоренить грех» и освятить все части, все составы человеческой личности[834]. Но по установленной Богом икономии спасения для достижения «совершенной чистоты» необходимо со-работничество духа человеческого и Духа Святого[835].

Соединившись с Духом Святым, человек возвращается «в первозданную чистоту», в чистоту, которой он обладал до грехопадения, ибо Дух Святой освобождает его от «чуждого нашей природе – от зла страстей», которые мы приняли «через непослушание первого человека»[836]. Огонь Духа Святого «очищает и освящает сердце»[837]. «Огнь сей прогоняет бесов и истребляет грех»[838]. «Душа, живущая в огне Духа и в Божественном свете, не потерпит никакого зла ни от одного из лукавых духов»[839]. «Бог наш есть огнь попаляющий»[840]; «Божественный и небесный огнь... производит в человечестве небесный образ»[841].

Когда человек растет ростом (возрастом) Христовым и возрастает *в мужа совершенного,* тогда совершенно побеждает смерть и дьявола[842]. Христоименитые, обогочеловеченные личности – это «победители дьявола»[843]; они, лишь они побеждают дьявола – этого единственного виновника греха и смерти. Пришествие Господа Иисуса Христа имеет целью освободить нас от сатаны и соделать «победителями смерти и греха»[844]. Подвижники, созидаемые Богочеловеком Христом, становятся «вне осквернителя заповедей Божиих»[845], вне сферы и власти дьявола. Они – во Христе, но и Христос – в них; для них Христос «все во всем»: «рай, древо жизни, бисер, венец, домостроитель, земледелец, страждущий, бесстрастный человек, Бог, вино, вода живая, овча, жених, воитель, оружие, – всяческая во всех»[846]. Такие подвижники носят в себе Христа; они не только христолюбивы, но и возлюблены Христом; они становятся «изящным домом» Святой Троицы[847]; и в их обогочеловеченной душе обитает Троичное Божество «как в Своем собственном доме»[848], ибо Господь Иисус Христос и пришел, чтобы человека соделать «Своим

собственным домом и храмом»[849]. «Познай себя как храм Божий»[850].

V. Гносеология обоженной личности

Обожение личности in ultima linea (в конечном счете) сводится к освобождению богообразной совести от греха, к освобождению богообразной сущности от сатанизма. Богозданное богообразие, Христо-образие восстанавливается посредством личного участия человека в живой Личности Богочеловека: душа воссоздается, сраствояясь (соединяясь) с Душой Христовой, сущность с Сущностью, ум с Умом, воля с Волей, сознание с Сознанием Христовым. Сраствоившись (соединившись) с Христовым сознанием, человеческое самосознание полностью очищается от сознания, пораженного грехом, оно обретает свою природу, свой оригинал, свой смысл в Христо-сознании и всю свою гносеологическую деятельность выводит из своего руководимого Христом самосознания. В акте самопознания такая личность чувствует и сознает себя Христо-образным целым; она знает себя Христом, опытно переживает истину о том, что сущность сознания богообразна, что само-сознание в своей сущности – это Бого-сознание, Слово-сознание (Логосо-сознание). Она переживает как величайшую тайну христианской гносеологии то, что в своей сущности самосознание – это Богопознание и что действительное и истинное Богопознание дано в богообразном самопознании, в познании себя как Божия образа.

Через познание себя, своего духовного устроения как образа Троичного Божества обоженная личность приходит к познаниям тайн Святой Троицы, «ибо кто возмог познать достоинство души своей, тот может познать силу и тайны Божества»[851]. «Наше естество – это тайна... Троицы»[852], поэтому «познай Троицу чрез троицу (из троицы, из тройства), которая в тебе»[853]. Богопознание – это составная часть самосознания; одно определяет и утверждает другое; самопознание самым фактом своего бытия свидетельствует о Бого-сознании. Идеальная реальность и реальный идеал нераздельно соединенных Бого-сознания и человеко-сознания представлены в Лице Богочеловека Христа, ибо они в Нем соединяются в одно неделимое Богочеловеческое «Я». Каждое действие Его познавательной деятельности есть продукт этого таинственного Богочеловеческого «Я». Отсюда и все христианское познание имеет своим единственным источником, критерием и сферой – Личность Богочеловека. Лишь приятием Богочеловека в качестве сути своего сознания человек может познать сущность своего самосознания и

быть спасенным от самопознания ложного, проникнутого и обладаемого грехом. Для сосредоточивающего свое самосознание во грехе (который единственно – вне Бога) Бог является неким ужасающим сопровождающим[854] объектом, чисто внешним (по-ту-сторонним). Поэтому путь Христов, путь Богочеловеческий начинается с внутреннего духовного соединения: душа соединяется с Душой, сущность с Сущностью, дух с Духом, пока Христос и человек не станут «одним духом», и тем самым самосознание человека не станет едино с Христо-сознанием и самопознание едино с Христо-познанием; когда сие совершится, тогда обогочеловеченная личность дерзновенно возглашает: *Живу уже не я, но живет, во мне Христос*[855]. Такая личность поистине переживает богочеловеческую истину: *Царство Божие внутрь вас есть*[856], т. е. Царство Божие – в вашей обогочеловеченной, в вашей христообразной душе; Бог – это не некий тиран и узурпатор, силою выдающий Себя за царя, а существенное Содержание вашей личности, вашей души, ума и воли, а тем самым – совершенно естественный Царь в царстве вашей богообразной души.

Отсюда воссоздание (восстановление) личности и познания сводится к непрестанному со-воплощению Христу; поэтому святой Макарий Египетский всю сотериологическую проблему сводит к воплощению Христа в душе спасаемой личности, к обогочеловечению спасаемого. Вся жизнь и все познание Христо-образной личности заключается в непрестанном устроении себя «по образу Божию»[857], в обогочеловечении всех психофизических составов и в сраствореннии самосознания с Христо-сознанием. Вся личность обращается, обитает и пребывает в категории богочеловечности. Но поскольку познание определяется устроением личности, то естественно заключить, что богочеловеческое, чистое познание – это органическая проекция, органическое излияние обогочеловеченной личности, обогочеловеченного сознания.

До Христа человеческое сознание и все человеческое познание было сраствореноо с грехом и обладаемо грехом. Начиная с Христа чистое сознание и чистое познание могут стать личными свойствами и живой реальностью для каждого, кто всецело сраствоирился (соединился) с Богочеловеком, со святым Его Телом – с Церковью. Вочленить себя в святое Тело Христово, стать сопричастником Церкви, оцерковить себя – значит сделать себя способным к чистому, богочеловеческому познанию. В благодатных глубинах Богочеловеческого организма – Церкви – сохраняется тайна личности и познания. Сопричастником этого Богочеловеческого Тела можно стать через подвиг веры, надежды и любви.

Когда вся личность воцерковится, тогда познание становится продуктом одновременного творчества всех обогочеловеченных гносеологических орудий, тогда в каждом акте познания участвует вся облагодатствованная, оцерковленная личность.

Если обращаться к генезису этого чистого, богочеловеческого познания, то усматривать его следует в этическом тройстве как содержании личности .и познания. Основанием такого познания является святое этическое тройство: вера, надежда и любовь[858]. В самой своей сущности познание – это не только гносеологический, но и этическо-онтологический акт, т. е. акт, в котором таинственно совершается сраствореиие (соединение) познающего с познаваемым, субъекта с объектом. Sub specie Christi (с точки зрения Христа) единственный метод реального познания заключается в со-воплощении субъекта с объектом через этическое тройство[859]. Познание Христа единственно возможно через со-воплощение Христу в этическом тройстве. Через этическое тройство входят в Божественное; через первое гносеологический субъект возрастает в познании второго. Отношение субъекта познания с объектом является сущностно этическо-религиозным. Лишь с помощью христианской, т. е. православной, гносеологии, а именно: путем этическо-религиозного совоплощения субъекта с объектом, можно перебросить мост через пропасть между мыслящим и мыслимым и избежать трагического бессилия гносеологического наивного реализма, трансцендентального эмпиризма[860], трансцендентального рационализма[861] и критицизма[862][863].

Возрастание личности через этическое тройство к Божественному имеет три главных гносеологических ступени. Первая ступень заключается в отречении от уязвленного и проникнутого грехом разума, от всей своей души, от всей своей личности. На этой ступени личность выражает себя в словах: Credo quia absurdum est (Верую, ибо абсурдно).

На второй ступени личность чувствует, что ее орудия познания очищаются верой, надеждой и любовью и становятся способными к реальному познанию объективной веры. На этой ступени она выражает себя словами: Credo ut inteligam (Верую, чтобы понять, постичь).

На третьей ступени вся личность обитает в сфере Божественной Троицы, очищается от всякого греха, обогочеловечивается и становится «вся – оком», радостно и с невыразимой любовью созерцающим тайны поклоняемого Божества. На этой ступени личность выражает себя словами: Intelligo ut credam (Понимаю, уразумеваю, чтобы веровать)[864].

Но последняя ступень ни в коем случае не может быть истолкована

как дискурсивное познание объекта веры, эта ступень – непосредственное, реальное, сознательное, благодатно-мистическое срастворение, соединение субъекта веры с объектом. Или, другими словами, субъект опытно переживает объект своей веры как сущность своей личности, чувствует, знает и видит себя как «образ Божий». Но на эту ступень возводятся лишь обоженные, обогочеловеченные, просвещенные, так как только «озаренные Божиим светом видят образ души»[865]. Видя богообразную сущность души, они приобретают самое реальное и самое точное познание человеческой природы; их психология поистине экспериментальная, и для них невозможна «Psychologie ohne Seele»[866] (-психология без души). Богообразную тайну души открывает им Дух Святой. «Ни мудрые своею мудростью, ни разумные своим разумом не могли постигнуть душевной тонкости или сказать о душе, что она такое; только при содействии Духа Святого открывается и приобретается понятие и точное ведение о душе»[867]. Духом Святым Христос открывает богообразную «тайну души», открывает теоцентричность ее природы, которая по значению онтологической необходимости всегда устремлена к Троичному Божеству, обретает в Нем свою цель, свой смысл, свое бессмертие и над-смертность[868]. Ум христолюбивой личности «всецело воспринимает на себя попечение и скорбь об изыскании духовной сущности души, всецело и с терпением пребывает в чаянии и ожидании наития Духа Святого»[869]. Христолюбивая душа старается непрестанно украсить свою богообразную сущность «предписанными в заповедях добродетелями, небесным благолепием Духа и общением в чистоте и святыне Христовой»[870]. Украшенная «духовной красотой» душа вся становится Христо-образной, и через каждое ее действие просиявает таинственная «красота Лица Христова»[871].

Через обожение ум приходит к познанию своей сущности, своей природы. Свой вечный, безгрешный оригинал он находит в Уме Богочеловека. Он приходит к непоколебимому убеждению в том, что его предвечное назначение – это быть престолом Троичного Божества и иметь это Божество царем всей своей деятельности. В этом, так сказать, пассивная сторона его назначения; активная же сторона – в вознесении себя в над-пространственные высоты Божества, в возведении себя на престол Божества и в царствовании с этого престола. «Ум – это престол Божества; Божество – престол ума»[872], в этом вечный смысл и вечная ценность ума. Христос пришел, чтобы свергнуть сатану с престола ума, сделать ум Своим престолом и воцариться на нем[873]. Самым ярким примером тому являются апостолы. Христос ниспослал на них Духа

Святого, и Он воцарился «на престолах их умов»[874]. Для святого Макария взятие Христом на Себя «грехов мира» имеет существенно гносеологическое значение. «Взял грех мира, то есть иссушил нечистый источник душевных помышлений»[875], нечистый источник, «источающий нечистые мысли»[876], ибо каждая душа имеет «неизлечимую язву греха, источник нечистых и худых помыслов»[877]. Язва греха неизлечима для каждого человека, но не для Богочеловека. «Лишь силою Иисуса иссушается тот источник, который источает нечистые помыслы». «Лишь Господу возможно» исцелить грехом уязвленный, грехом помраченный «ум, созерцающий Бога»[878].

Здравое, безгрешное, чистое познание – естественный плод исцеленного Христом ума, на престоле которого царствует Триипостасное Божество. Для каждого действия познания обогочеловеченная личность требует содействия и водительства Духа Святого, Духа Христова. Ибо как непостижимы величие Божие, великие дела Божии, так непостижимо и смирение Божие, «малые дела» Божии, входящие в икономию спасения[879], ибо всего Божиего *никто не знает, кроме Духа Божия*[880]. Так как Дух Святой – это «Дух Истины», то только Он наставляет святых *на всякую истину*[881] . В день Пятидесятницы Дух Святой сбросил «завесу зла» с душ апостолов, уничтожил «страсти», отверз «очи сердца», и «тогда их Дух исполнил премудрости и возвел в совершенство; Он научил их творению (-исполнению) воли Божией и наставлял на всякую истину; Он соделался в их душах владычественным и царственным»[882].

Для того чтобы человек стал способным к познанию тайн Триипостасной Истины, он должен прежде всего обогочеловечить свои ветхие орудия познания, обновить их, совлечься ветхого человека и облечься в нового, приобрести другие очи, уши, голову, руки и ноги[883], ибо «есть другие уши, и другие очи... равно как и другое разумение, и другая душа, т. е. сей Божественный и Небесный Дух, Который слышит и плачет (с нами), молится и познает и творит волю Божию в истине»[884]. «Всякий должен знать, что за очами сими скрываются внутренние очи и за этим слухом есть внутренний слух»[885]. Поэтому «стяжание Духа Святаго» (выражение преп. Серафима Саровского) – это насущнейшая потребность для каждого человеческого существа, ибо Он – Познающий, Он – Тот, Которым познают, Он возрождает орудия познания, Он и Сам – единственное вечное, непогрешимое «орудие» познания. Духоносцы имеют «другой ум – ἄλλον νοῦν», т. е. сраствореный (соединенный) с Духом Святым[886]. Сраствояя (соединяя) человеческое естество со Своим собственным Божественным Духом, Христос его изменяет, обновляет,

перерождает, из ветхого ума созидает новый ум, из ветхой души – новую душу, из ветхих очей – новые очи, из ветхих ушей – новые уши, из ветхого человека – нового человека, из ветхой твари – новую тварь[887]. Обновленной таким образом личности Дух Святой открывает тайны Божества, ибо лишь духоносной личности, т. е. личности, исполненной Духом Божиим, Сам Дух открывает тайны Божии, потому что только Он их знает[888].

Преподобный Макарий дает полное применение главному христианскому принципу познания: *Подобное познается подобным*, духовное – Духом. «Кто только имеет себе подобного небесного Божия Духа, тот и знает подобного ему», знает духовного и духовное, (знает), что от Духа Божия, от Бога»[889]. Тайна христианской гносеологии – в становлении «одним Духом (единым Духом)» с Духом Христовым, ибо только так можно познать чудесную тайну Личности Христовой[890]. Имеющий общение с Духом Святым «κατὰ πᾶσαν αἴσθησιν» («по всецелому чувству») достигает «совершенной меры бесстрастия»[891], удостаивается, что в его очищенной душе «обитает Божественная Троица», и тем самым опытно познает Вечную Истину и самое совершенство христианское[892]. Такая личность погружается в несказанные тайны Троичного Божества, ей Духом открываются *глубины Божии*[893] , и она входит в райское блаженство, из которого ее извергнул грех[894]. Ибо вечное райское блаженство испытывают «те, которые, будучи ведомы горячею любовью к добродетели, опытно и ощутительно (*опытом и чувством* - experientia et sensu) приобрели ведение (познание) небесных тайн Духа и имеют жительство свое на небесах»[895]. Эти благодатные подвижники опытно зрят то, *чего не видел глаз*, слышат, *чего не слышало ухо*, переживают то, *что не приходило на сердце человеку*, поэтому они «поистине мудрые, сильные, благородные и разумные»[896]. Эти истинные мудрецы опытно переживают любое действие откровения и познания как действие Духа Святого. В опытное переживание и познание совершенной тайны христианства входит «действием Божиим» («энергией Божией») всякая верующая душа, т. е. входит, когда в ней заблистает небесный свет откровения и сила Духа Святого[897].

Дух Святой просиявает, излучается из духоносных подвижников. Духоносные подвижники являются и духосветлыми. Свет Духа Святого просиявает не только через их мысли, но и через суть, сущность их сознания, их духовного устроения; «в их душах – постоянная и непрерывная *светозарность сущностного света*»[898]. «Сущностное озарение души силою благого Духа» необходимо в сфере познания, ибо

«при сем-то озарении и подается откровение всякого ведения и истинно познается Бог»[899]. Духосветлая личность, устроенная верой, надеждой и любовью, «вступает в единение с небесным Светом Нетленного Образа», избавляется от зараженного грехом гносеологического феноменализма и еще в сей жизни «приобретает в сущности познание (реальное, бытийное познание) всех небесных тайн»[900]. «Те, которые суть сыны света и служения Новому Завету в Духе Святом, ничему не научаются у людей, ибо научаемы Богом»[901]. В глубинах их сердец благодать Божия «написует законы Духа и наднебесные тайны»; они настолько стяжают благодать, что она «проникает во все члены тела» и «царствует над всеми членами и помыслами»[902]. Из духосветлых, причастных благодати гносеологических источников источается благодатное познание, которое одно только ведает тайны Божии, ибо «без Бога и от Него подаваемой силы невозможно соделаться причастником Божественных тайн и познать Божию премудрость или обогатиться Духом»[903]. «Светом Своего ведения» Господь Иисус Христос помазует духоносных подвижников[904] и изливает в них «вино жизни, новое учение Духа»[905], и они «в тайне научаются тому, чего не ведали»[906].

Возрастание в познании Вечной Триипостасной Истины всегда совершается в категории Бого-человечности и прямо определяется исторической Личностью Богочеловека Христа, «ибо Он есть ипостасная и *сущая (существенная) Истина*, и без сей Истины невозможно как познать Истину, так и улучить спасение»[907].

Христос – это существенная (субстанциальная) Истина и «путь в познание истины»[908], поэтому вне Его Личности и личного участия в Его жизни человеческое познание осуждено на рабствующий греху феноменализм, который необходимо перерастает в граничащий с отчаянием гносеологический солипсизм и пирроновский скептицизм.

Истина – это не дискурсивное, психическое или метафизическое понятие, а Вечная Личность, Истина Личность. И не только Истина - Личность, но и Истина Личность Богочеловека; и в этом все существенное различие между христианской, православной Истиной и всеми прочими внехристианскими «истинами» и их подобиями. И эта Истина Личность Богочеловека доступна обогочеловеченным личностям, ибо Она, «Сама Истина, ...открывается им и учит их: *Аз есмь Истина*»[909], Она их «вводит в познание Самой Истины»[910] и входит с ними «в единое общение»[911]. «Существенная Истина» – Христос – воплощается в их душах, проникает через всю их личность, и они становятся Христо-светлыми, «имеют просвещающего их Христа»[912], имеют «Самого Господа, воссиявающего в

сердцах их», и с Ним всю премудрость Божию[913].

Когда человеческая душа примет «душу света, т. е. силу Святого Духа»[914], когда ею овладеет свет Божества[915], тогда она переходит «из мрака зла в свет Христа»[916], и Христос, «весь Свет»[917], вселяется в нее, и она становится «вся светом»[918], «вся оком»[919], наслаждающимся созерцанием (лицезрением) «неизреченной красоты света Лица Христова»[920]. Христом осиянная личность иногда приходит как бы в молитвенное исступление, и тогда свет Христов, сияющий в ее сердце, «отверзает внутреннейший, глубочайший и сокровенный свет; почему человек, всецело поглощенный оною сладостью и оным созерцанием, не владеет уже собою, но бывает для мира как бы безумцем и варваром, по причине преизобилующей любви и сладости и по причине сокровенных тайн; так что человек, получив в это время свободу, достигает совершенной меры и бывает чистым и свободным от греха»[921]. Такие молитвенные исступления имеют огромное гносеологическое значение: в них личность чувствует всю бесконечность в себе и бесконечность вокруг себя; тогда она, вся объятая радостью, благодатно сливается с неизмеримой вечностью[922]; тогда она реально, на своем опыте переживает православную истину о том, что молитва – это путь познания, путь самого высокого познания.

Без обогочеловечения невозможно познание Богочеловеческих тайн Христовых. Для того чтобы человек стал способным к такому познанию, ему необходимо иметь Христа в центре своих познавательных способностей, иметь Образ (Лик) Христов в своем уме, чтобы ум служил Христу и носил в себе Его подобие[923]. Человеку необходимо всего себя просветить светом Христовым, ибо Христос и пришел для того, чтобы просветить человека Своим собственным светом и облечь его в небесные одежды Своего Божества[924]. Апостолы – исключительный тому пример. Они Христом становятся «очами и светом вселенной» и провидят Истину и смысл всей твари[925]. Без непосредственного Христова участия в каждом действии познания человеку невозможно видеть «чудеса Божии»[926]. Через обогочеловечение зараженные грехом орудия познания возвращаются к своей боготканной, нормальной, богообразной природе и приобретают способность к реальному познанию Истины. «Просвещенные Божественным светом духовно видят и распознают истинного друга, сладчайшего и многовожделенного Жениха – Господа»[927]; они «мысленно созерцают вожделенную и единую неизглаголанную красоту»[928]. Обогочеловеченной душе все является во свете богочеловечности, ибо строение и облик души придают форму познанию. Душа обладает оком,

она «облеклась оком, которым смотрит, и ухом, которым слышит, а подобно сему языком, которым говорит, и рукою; и, одним словом, всем телом и членами его облекшись, душа срастворяется с телом, вследствие чего и совершаются все жизненные отправления»[929].

Преподобный Макарий Египетский различает три главных ступени в развитии познания: чувство (ощущение), видение и просвещение – αἴσθησις, ὅρασις, φωτισμός[930]. Просвещение – высшая ступень, на которую познающий субъект восходит, когда свой ум просветит светом Христа и Духа Святого[931], когда его душу «просветит невещественный и Божественный огнь»[932]. Очищенный, просвещенный ум возвращается к своей первозданной чистоте, которую он имел до грехопадения, приемлет «свою собственную природу» и производит чистое, непорочное знание[933]. Такой ум зрит Господа, зрит, «ту славу, какую до преслушания видел отец наш Адам»[934].

Личности с просветленным, очищенным умом пленяются высшим миром и «созерцают тамошние красоты и чудеса»[935], они «очищенным умом непрестанно созерцают сияние Господа»[936]. Христос «действительно видим до дня воскресения» очами очищенной, облагодатствованной, духоносной души[937]. Святой человек, т. е. человек, совершенно очищенный и освященный, иногда в молитвенном восхищении зрит «горний град Иерусалим, светлые тамошние жилища и беспредельный и неизреченный свет»[938]. Божественный огонь Духа Святого «делает ум чистым, дабы он, восприняв *естественную способность видения*, непрестанно созерцал чудеса Божии»[939]. Границы познания размыкаются; откровение становится источником новых познаний, «великие дела и тайны Божии открываются душе»[940].

Откровение и познание становятся синонимами; границы познания сливаются с границами откровения; их сферы соединяются; безграничность становится границей познания; конечность познания возрастает в бесконечность. Путем со-действия подвига веры, надежды, любви и благодати Божественной Троицы бесконечность богообразной (-богоподобной) души избавляется от адского, греховного солипсизма; «стены порока, окружающие ум... разрушаются Божией силой»[941], и узкая категория зла перестает быть категорией познания, и сатана перестает быть креатором (творцом) познания[942].

Христообразная личность приемлет откровение как наивысший источник познания; поэтому для нее познание не имеет границ. Откровение раскрывает бесконечное множество безграничных возможностей, но эта безграничность не является неестественной, ибо она

согласуется с безграничностью богообразной души. Бог постепенно Своею силою возвращает душу, «расширяет и возвышает ее до беспредельного и безмерного возрастания... пока не возрастит в собственный Свой возраст»[943]. Тем самым онтологически уготовано бесконечное и безмерное возрастание в сфере познания. *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный,* – это действует и для познания. Обогочеловеченная, соединившаяся со Христом душа «настолько расширяется мыслью, что бывает повсюду»[944]. Но распространение познания до бесконечности, по существу, носит соборный, церковный характер, ибо лишь *со всеми святыми* человек может познать, *что широта, и долгота, и высота, и глубина* тайны Христовой[945].

Познание святой, взыскающей Христа души Сам Господь Иисус Христос возращает бесконечным ростом; Он «расширяет и распространяет мысли ума ее и в широту, и в долготу, и в глубину, и в высоту всей видимой и невидимой твари»[946]; и ум приходит к реальному познанию твари, прорывается сквозь зараженные грехом струпья, облекающие тварь, и достигает главного, богозданного ядра, ее безгрешной чистоты[947]. Христообразный человек в каждом человеке, под всеми наслоениями греха видит Христо-образную сущность его природы; он «взирает чистым оком и радуется о целом мире и всемерно желает почтить и полюбить еллинов и иудеев»[948]. Христообразная личность имеет «целью ума» познание Христа и Христо-образия всех людей, поэтому ее «ум совершенно не бывает занят ничем видимым»[949]и вещами, которые по сущности не добрые[950], но он весь – во Христе, он становится «одним умом» со Христом[951], и поэтому все его творчество – христообразно и богочеловечно.

Различие между истинными христианами и прочими людьми в основном – гносеологическое, ибо христиане имеют свой «ум и разум всегда на небе» и, «благодаря причастию и общению с Духом», созерцают «вечные блага»[952]. Христиане переносятся умом «в вышний мир Божества»[953]; на «голубиных крылах Духа Святого»[954] их душа возлетает «в небесные высоты»[955]. Христос дает христианам «крыла Святого Духа невозбранно воспарять в воздухе Божества»[956]. Окрыленная крыльями Духа Святого и «летящая по небесным высотам» душа христианская – «выше всего»[957]. Христиане «выше и лучше мира в том, что ум их и душевное мудрствование пребывают в мире Христовом и в любви Духа»[958].

Истинные христиане становятся «общниками духовного богатства и разума, которые не суть от мира сего»[959]. Они имеют обогочеловеченный ум, «другой ум»[960]; их мысли, их ум не колеблет «дикий ветер греха», но

«Божественное дыхание Духа Святого» тихо веет в их душах и освежает их, «проникает все существо души, и помыслы, и всю сущность, и все телесные члены прохлаждает и упокоевает Божественным и неизглаголанным упокоением»[961]. Так ум обретает свой мир и покой (-упокоение) в Троичном Божестве и в Нем «всегда имеет пребывание, препобежденный Божественною и небесною любовью и духовным желанием»[962]. Лишь духоносные, обоженные, Христо-образные христиане ведают и переживают умное успокоение и умную радость, ибо сущность их жизни – «Господь в уме»[963]. Лишь они имеют «в душе духовное богатство, источающее всякую благостыню слов, и дел, и помышлений Божественных, и неизглаголанных тайн»[964].

«Собирание ума» во Христе[965] духоносная личность совершает молитвенно-благодатным подвигом веры, надежды и любви; она не только имеет Господа в уме, но и ум свой – в Господе, и Господь «изменяет мысли души и делает их божественными, небесными, добрыми»[966]; и соединенный со Христом ум производит богочеловеческое познание. Духовное познание – это плод деятельного участия Духа Святого в творчестве ума[967], и «все мысли становятся небесными, чистыми и святыми, обращаясь в Божественной сфере»[968]. Только чистые мысли являются естественными, ибо они – божественные[969], а нечистые в то же время – и неестественные, ибо они – дьявольские, а дьявол – это единственная неестественность и противоестественность в природе. Нечистые и неестественные мысли in ultima linea (в конечном счете) – всегда от единственного нечистого и неестественного. Обогочеловеченный ум – это единственный естественный гносеологический путевождь, богомудро ведущий «колесницу души» по бесконечным пространствам тайн жизни[970]. А сам обогочеловеченный ум имеет своим вождем Духа Святого, открывающего е,му Божественные тайны[971] и непрестанно направляющего колесницу души к небесным и Божественным тайнам, к тайнам Троичного Божества[972].

Духовные личности погружаются в духовные, небесные тайны[973]; иногда «упоеваются невыразимым упоением тайн Духа»[974], «возвеселяемые и упоеваемые Духом, в упоении Божественными духовными тайнами»[975], так что не чувствуют они на себе и плоти, не чувствуют физической части своей личности[976]. Такие духоносные личности от Самого Господа приемлют «или дары исцелений, или ведения, или откровения»[977] и бывают исполнены «Божественной мудростью и разумением и *неисследимым ведением Духа*»[978].

Разумеется, все познание обогочеловеченной духоносной личности

всегда неминуемо обусловлено Лицом (Личностью) Богочеловека Христа, органическим соединением с Ним. *Без Меня не можете делать ничего*[979] – относится и к познанию. Ни один человек не может рождать чистое, богочеловеческое познание, пока он *органически* не соединится с Христом, пока его отношения с Христом не будут равны отношениям ветви с лозою[980]. Когда он соединит себя с Господом Иисусом Христом, «тогда Господь удостаивает тайн в святости и чистоте многой, дает ему небесную пищу и питие духовное»[981]. «Без Господа Иисуса Христа и действия Божественной силы невозможно *познать тайны и премудрость Божию,* или стать (духовно) богатым и христианином»[982].

Вся новозаветная гносеология ограждена Лицом Богочеловека; в ней все – лично и опытно; ни малейшее познание невозможно без личного участия в жизни Личности Богочеловека, без обогочеловечения. Богочеловеческая жизнь создает Богочеловеческую философию; жизнь предшествует философии; философия – это естественное излияние жизни; богочеловеческую, христианскую философию создают личности обогочеловеченные, христоносные, опытно переживающие Христа как сущность своей жизни и познания. *Философы* Божии – те, чей внутренний человек – т. е. весь ум, и душа, и сердце – исполнен Христом, имеют в себе Христа и наставляются Им[983]. Философы Божии – это единственные истинно мудрые[984]. Их философия – жизненная, опытная, благодатно-деятельная, а не повествовательная, не безблагодатная греческая философия, ибо «греческие философы учат словам»[985], проповедуют слова; их философия – это философия слова, лишенная опыта и благодати, небогодухновенная[986].

Философы Божии «созидаются Божественным ведением и Божией благодатью»-[987]. Они «умудряются благодатью в разумении чего-либо, в неизреченной мудрости и в ведении неиспытуемого Духа, чего невозможно изглаголать языком и устами»[988]. Благодатная, христианская жизнь создает благодатную, христианскую философию[989]. Поэтому святой – это единственный истинный философ, ибо «пребывающий в совершенном свете не желает зла, не мыслит зла – «рогоза»[990]. В душах святых неизгладимо отпечатан «боголикий образ (лик) Духа»[991], поэтому каждая их мысль, каждое чувство и вся их философия – боговидна, боголика. «Божественный и небесный Дух обитает в уме»[992] богообразных святых[993], и все их умное творчество носит на себе образ (лик) Духа Святого. Без обитания Духа Святого в человеческом уме каждый акт познания и все человеческое познание вообще сводится к грехообразному феноменализму, облеченному в «ризы кожаные». «Мудрые века сего –

Аристотель, или Платон, или Сократ – при основательном своем ведении уподоблялись большим городам, но опустошены были врагами (т. е. бесами), потому что не было в них Божия Духа»[994].

Новозаветный путь познания имеет глубоко личный характер; это опытный Бого-человеческий процесс органического срастания человека с Богочеловеком Христом. Бесконечная тайна этого пути заключается в Святом Таинстве Причащения. В этом Таинстве Объект веры и познания сраствоpяется с психофизическим организмом субъекта; в нем тайна познания переживается как Святое Таинство и Объект познания становится жизнью, становится телом и кровью субъекта. «Господь плототворит Себя и в пищу, и в питие, как написано в Евангелии: *Аз есмь хлеб животный... кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки*»[995]. «В Церкви... приносимы хлеб и вино, вместообразные Его (т. е. Христовой) Плоти и Крови, и причащающиеся видимого хлеба духовно вкушают Плоть Господню» – τὴν σάρκα (Тело) τοῦ Κυρίου[996] – и исполняются Божеством, и их души срастворяются (соединяются) с Духом Святым[997].

Через Святое Таинство Причащения (Таинство Евхаристии) Господь Иисус Христос воплощается в причастнике, становится для него вечной Жизнью, и он опытно достигает познания Христа[998]. «Господь бесконечен и непостижим... Бог ни для кого не постижим и не измерим, кроме тех, которые вкусили от Него же Самого»[999]. «Ἡ τοῦ Θεοῦ γεῦσις» (вкушение Бога) – это единственный путь к реальному познанию Бога и Христа[1000]. Без личного причащения Христу абсолютно невозможно познать тайну Его досточудной Личности, потому что Он – «Премудрость Божия» – «еллинам безумие»[1001]. Личный опыт – это единственный путь познания Христа[1002]. «Совершенная тайна христианства» познается опытно, лично[1003]. «Ибо христианство есть пища и питие. И чем больше кто вкусит его, тем более возбуждается сладостью ум, делаясь неудержимым и ненасытимым, более и более требующим и вкушающим»[1004].

Через евхаристическое (литургическое) соединение с Христом христианин опытно переживает Личность Богочеловека как полноту ведения и Истины. На место человека как критерия познания и истины вступает Богочеловек; на место гносеологического антропоцентризма – гносеологический теоантропоцентризм. Когда ум – «око души» – обогочеловечится, станет «единым духом, единым умом» с Господом Христом, тогда он приобретает способность различать добро и зло, истину и ложь[1005]. Этого достигают лишь «совершенные»[1006]. Их душа, став «вся оком, вся светом», зрит границы добра и зла, отличает чистое от нечистого[1007], Божие от дьявольского[1008].

«Имеющие в самом уме мир Христов и свет» способны распознавать утонченное гносеологическое действие сатаны и благодатное действие Бога в душе человеческой[1009], способны постичь «изощренность зла»[1010], «изощренность порока»[1011]. Для того чтобы человек мог жить праведной, христианской жизнью, он предварительно должен очистить царскую (владычественную) часть души – ум – и сделать его способным к распознанию добра и зла[1012]. «Много потребно борения и тайного невидимого труда (подвига), чтобы испытывать помыслы и изнемогшие чувства души нашей обучить долгим учением *в рассуждение добра же и* зла»[1013]. «Кто хочет христианскую жизнь с великою точностью вести в совершенстве, тот обязан всеми силами позаботиться прежде всего о смысле и о рассудке души (рассуждающей, различающей способности - facultatis intelligendi et discernendi), чтобы, приобретши способность в точности различать доброе и худое, во всяком случае распознавать, что в чистую природу привзошло несвойственного (противоестественного пара-физического) ей»[1014].

По Богочеловеческой икономии восстановления личности последний, заключительный момент обогочеловечения переносится в апокалиптику христианства. Относящееся к личности eo ipso относится и к познанию. Воскресение является заключительным моментом обогочеловечения личности и познания. Христо-образие души, стяжанное за время земной жизни обогочеловечением души в подвиге веры, надежды и любви, при воскресении будет перенесено на тело. «В какой мере сподобляется каждый за веру и рачительность стать причастником Святого Духа, в такой же мере прославлено будет в оный день и тело его»[1015]. Тогда «тела святых» будут светиться Духом Святым, «ибо всею лепотою светлости и красоты небесной соделается тогда для них Дух Божества, Которого еще ныне сподобились они приять в себя»[1016]. «Боговидный образ Духа», запечатленный в этой жизни в душах святых, при воскресении явится и в теле, и их тело станет «телом боговидным»[1017].

Воскресение тела будет полным осуществлением идеальной полноты личности: богообразная душа навеки соединится с богообразным телом, и идеальное равновесие между душой и телом будет восстановлено. Жизнь тела, жизнь плоти будет сообразной Христу и вечной, ибо тогда «жизнь Иисусова» явится «в смертной плоти»[1018]. «Небесный огнь Божества, который христиане еще ныне, в веке сем, приемлют внутрь себя, в сердце, действуя внутрь сердца их, когда разрушится тело, начнет действовать совне и снова сопряжет члены, совершит воскресение разрушенных членов»[1019]. Огнь сей – это «сила воскресения»[1020]; он «воскрешает

истлевшие тела»[1021].

«В воскресение все члены будут воскрешены и, по написанному, *влас не погибнет*... и все соделается световидным, все погрузится и преложится в свет и огнь»[1022]. Но личности не только не утрачиваются, но и восстанавливаются до чудесной полноты, ибо в воскресении «Петр остается Петром, Павел – Павлом, и Филипп – Филиппом; каждый, исполнившись Духа, пребывает в собственном своем естестве и сущности (ὑποστάσει личном бытии)»[1023]. Христообразные тела святых проходят через метаморфозы, через которые прошло и святое тело Господа Иисуса Христа. «Как тело Господа, когда взошел Он на гору, прославилось и преобразилось в Божескую славу и в бесконечный свет, так и тела святых прославляются и делаются блистающими. Ибо как внутренняя слава Христова в такой мере распростерта была и воссияла в теле Христовом, так, подобно сему, и во святых внутри сущая сила Христова в оный день будет изливаться вовне – на тела их; потому что еще ныне умом своим причащаются они Христовой сущности и Христова естества. Ибо написано: *и Святяй, и освящаемии от Единаго*[1024], и: *славу, юже дал еси Мне, дах им*[1025]. Как одним огнем зажигаются многие светильники, так необходимо и телам святых – сим членам Христовым – соделаться *одним и тем же с Самим Христом*»[1026].

Обогочеловеченные, обоженные и душой, и телом святые «прелагаются в Божественное естество и *соделываются* благими[1027], *богами* – θεοί и чадами Божиими»[1028]. Этим достигается последний, вечный смысл личности: вся душа и все тело навсегда становятся Христо-подобными, богоподобными; вечное блаженство личности наполняется вечной богоподобной жизнью, богоподобным ведением (знанием) и вечным созерцанием (зрением, видением) «несказанной красоты Лица Христова».

Заключение

Вышеизложенное учение преподобного Макария Египетского приводит нас к выводу о том, что тайна человеческой личности и познания невозможна и необъяснима вне Святой Троицы. Возможность, объем, границы и собственный критерий своего познания богообразная личность находит лишь в срастворении (соединении) с Триипостасной Истиной. От своего загадочного начала до не менее загадочного апокалиптического завершения богообразная природа личности тяготеет к Божественной Троице. Разобщенная (разрушенная) грехом, ввергнутая в адские ужасы

сатанинского солипсизма, богообразная (боголикая) сущность личности изливается в судорожных рыданиях в своем устремлении к Богу.

Духосветлый, христоносный Макарий Великий, этот чудесный духовидец человеческой природы, находит, что человеческая личность и на всех ступенях греховности (поражения грехом) в основе своей – теоцентрична, Христо-центрична и что свой вечный, богоданный смысл и полноту она обретает лишь в благодатно-таинственном сраствореии (-соединении) с Богочеловеком Христом. Но содержание, форма и путь к этому соединению (κρᾶσις) со Христом носят исключительно чисто благодатно-богочеловеческий характер, и нельзя подсовывать святому Макарию пантеистическое понятие κρᾶσις δι ̓ ὅλων стоиков[1029]. Мы видели, что «красис» (соединение) человеческой личности со Христом совершается в Духе Святом, которого не имеют не только стоики, но и величайшие нехристианские философы: Платон, Аристотель и Сократ. Для Бого-человеческого «красиса» абсолютно необходима историческая Личность Богочеловека Христа и благодатное со-действие Бога Духа Святого и Бога Отца.

Поэтому учение святого Макария о личности и познании во всей полноте носит богочеловеческий и благодатно-мистический характер. Его гносеологию, как нам кажется, лучше всего можно охарактеризовать как *богочеловеческий мистический эмпиризм.* Она вся основана на вере в Богочеловека и направлена к Нему, и в этом характерное отличие гносеологии святого Макария как специфической христианской гносеологии от внехристианских и нехристианских гносеологий, которые всегда сосредоточены на человеке и на вере в человека.

Лишь опытно переживая мистический процесс познания через приобщение к Богочеловеку, можно достигнуть благодатно-мистического оправдания возвещенного Христом (букв. «Христо-откровенного». – *Примеч. пер.*) догмата Троичности и ео ipso единственно возможного оправдания человеческой личности и познания. Такого оправдания достиг «*земной бог* – θεός ἐπίγειος»[1030], Макарий Святой и поистине Великий, и своей обоженной личностью он доказал центральный тезис своего учения о том, что в обоженной, обогочеловеченной, отроиченной душе «*обитает Божественная Троица»* (Святая Троица).

Гносеология святого Исаака Сирина

Введение

В европейской философии человек представляется более или менее в расчлененном виде. Он нигде не пребывает во всей полноте, в целости, в интегральности, но везде присутствуют его отдельные части и обломки. Нет такой философской системы, в которой человек не был бы раздроблен, и ни один мыслитель не может собрать его в единое целое. Наивный реализм сводит человека к органам чувств и через чувства – к вещам, к веществу, так что человек себе не принадлежит, но расточили его эти вещи. Рационализм выделяет в человеке разум, считает его главным источником истины и верховным мерилом всего, приписывает ему все ценности, абсолютизирует его, возводит его в идола, а все прочие психофизические силы человека недооценивает и пренебрегает ими. Критицизм – это, по существу, апология рационализма и сенсуализма; в конечном итоге он сводит разум, а тем самым и человека – к чувствам. Пантеизм и все монистические системы представляют мир и человека как некое множество острейших противоречий, которые никогда не могут составлять некоего логичного единства. У всех этих философских систем результат один: поверхностное, феноменалистическое познание мира и человека, символом которого являются «ризы кожаные».

Без оси, без центра представляется человек в феноменалистической философии, которая всегда относительна. На чем стоит мир, на чем человек? На чем зиждется ум, на чем созидается познание? Человек пытается объяснить себя с помощью вещей, но это ему никак не удается. Объясняя себя с помощью вещественных предметов, человек в конце концов и сам оказывается вещью, скатывается к веществу. Как бы и сколько бы он ни трудился, человек как приверженец феноменалистической философии не в состоянии доказать объективной реальности вещей, а тем менее – тот тезис, что вещи обладают истиной. Пытаясь объяснить человека человеком, философия занимается необычным делом: рассматривает зеркало в зеркале. В своем конечном завершении философия во всех своих направлениях гилоцентрична (т. е. обращена, направлена к вещественному: от греч. «ὕλη» – «вещество». – *Примеч. пер.*) и антропоцентрична. Из всего этого результат один: невозможность реального познания мира и человека.

Такой результат уводит философский человеческий дух в

сверхчеловеческие и сверхвещественные гипотезы. И он делает прыжок в сверхприроду. Делает его через идеализм. Но этот прыжок завершается скептицизмом, ибо философский идеализм сводит человека к мета-эмпирической реальности, которая не может ни проявляться, ни быть доказанной.

Своей трагической судьбой человек в релятивистской философии доказывает одно: истина трансцендентна человеку и веществу. Непреодолимая пропасть зияет между человеком и истиной. Человек с этой стороны пропасти, на этом берегу, и никак не может найти средство, которое бы его перенесло и высадило на тот берег, где обитает трансцендентная истина. Но на немощь с этой стороны отвечает всемогущество с той стороны. Трансцендентная истина переходит пропасть, высаживается на нашем берегу и является в чудесной Личности Богочеловека Христа. В Нем трансцендентная истина становится имманентной человеку. Он доказывает истину тем, что являет ее Собою. Доказывает не дискурсивно, не рационалистически, а Своей живой Личностью. Он не только обладает истиной, но и Сам есть истина. В Нем бытие и истина адекватны. Поэтому Своей Личностью Он определяет не только самую истину, но и путь познания истины: пребывающий в Нем – познает истину, и истина освободит его от греха, лжи и смерти (см.: Ин.8:32).

Бог и человек в Личности Богочеловека соединены нераздельно; человеческий разум не уничтожается, а возрождается, очищается, освящается, обожается, углубляется и становится способным к познанию богочеловеческих истин жизни. В Богочеловеке реально и ипостасно дана вся истина без остатка, вся абсолютная Истина. Поэтому только Он в роде человеческом и имеет, и дарует совершенное познание Истины. Человеку, жаждущему познания Истины, остается одно: со-воплотиться Богочеловеку, стать членом Его Богочеловеческого Тела – Церкви (см.: Еф.5:30, 3:6). Достигший этого приобретает *ум Христов* (1Кор.2:16), так что он Христом мыслит, Христом живет, Христом чувствует – и таким образом приходит к совершенному познанию Истины.

Для Христова человека антиномия разума не представляет собой неких непримиримых противоречий; они для него – лишь расселины, образовавшиеся вследствие землетрясения, вызванного первоначальным человеческим грехом. Соединяясь со Христом, человек чувствует, как эти расселина срастаются, как ум исцеляется, становится целостным, интегральным – и тем самым приобретает способность к совершенному познанию.

Истина объективно дана в Лице Богочеловека Христа. Путь к ее субъективному усвоению, т. е. опытно пройденный путь христианской гносеологии, мы находим у святых отцов, этих евангельских эмпириков и святых философов. Среди этих святых философов одно из первых мест занимает великий подвижник, святой Исаак Сирин. В своих сочинениях он с редким опытным знанием прослеживает и описывает процесс исцеления и очищения человеческих органов познания, возрастание человеческой личности в познании и органическую постепенность в опытном стяжании вечной Истины. Начала и пути православной гносеологии нашли одно из своих самых совершенных выражений в благодатно-опытной философии святого Исаака Сирина. Попытаюсь вкратце изложить вам основные черты этой гносеологии.

I. Болезнь органов познания

Характер познания обусловлен устроением, природой и состоянием органов познания. На всех своих ступенях познание органически зависит от органов познания. Человек – не творец Истины, поэтому акт познания – это акт усвоения уже объективно данной Истины. Это усвоение носит органический характер: оно подобно прививанию ветвей на лозе и жизни, получаемой ветвями от лозы (см.: Ин.15:1–6). Поэтому познание – это плод на дереве личности. Каково дерево – таков и плод; каковы органы познания – таково и познание.

Анализируя человека в его эмпирической данности, святой Исаак Сирин находит, что его органы познания больны. Зло (лукавство) – это болезнь, поразившая душу, а тем самым – все органы познания[1031]. Зло имеет свои органы чувств, это – страсти, а «страсти суть болезнь души»[1032]. Зло и страсти не принадлежат природе души; они – нанос[1033] и неестественный придаток к душе[1034].

Что такое страсти по своей природе? Они – «некая твердая сущность»[1035]. Причины страстей – это житейские вещи[1036]. Страсти – это жажда богатства, накопления вещей, плотское наслаждение, честолюбие, властолюбие, надмение благолепием власти, желание наряжаться и нравиться, искание человеческой славы, страх за тело[1037]. Все эти страсти имеют одно общее наименование: мир (греч. «космос»)[1038]. «Мир – это плотское житие и мудрование по плоти»[1039]. Страсти – это нападения, которые осуществляют на человека вещи мира сего; благодать – это единственная сила, могущая их отразить[1040]. Когда страсти вогнездятся в человеке, они искореняют его душу[1041]. Они смущают ум, наполняют его

фантастическими картинами и пожеланиями[1042], поэтому он и рождает иллюзорные мысли, полные смятения. «Мир – это блудница»[1043], пленяющая душу своими душегубительными прелестями, разоряющая ее целомудрие, уничтожающая богоданную чистоту, и душа, нечистая и сладострастная, порождает нечистое познание.

Больная душа, больной ум, больное сердце, больная воля, одним словом – больные органы познания могут порождать, создавать, производить лишь больные мысли, больные чувства, больные пожелания, больное познание.

II. Исцеление органов познания

Святой Исаак ставит ясный диагноз душе и ее органам познания, но точно также знает и врачевание, которое предписывает решительно и со всей убедительностью. Поскольку страсти – болезнь души, то и выздоровление души достигается путем очищения от страстей, от лукавства[1044]. Доброделание – это здравие души, тогда как страсти – это душевный недуг[1045]. Добродетели – это средства уврачевания, которые постепенно вытесняют болезнь из души, из органов познания; этот процесс протекает медленно и требует многого усердия и терпения[1046].

Душа опьянена страстями; здравие может к ней вернуться, если она, упражняясь в добродетелях, отрезвеет от этого опьянения[1047]. Подвиги добродетелей сопряжены со скорбями и печалями[1048]. Святой Исаак утверждает, что любая добродетель – это крест[1049]. Более того, скорби и печали – это причины добродетелей[1050], поэтому святой Исаак решительно предписывает человеку возлюбить прежде всего скорби и печали, дабы освободиться от вещей мира сего, чтобы ум не занимался миром. Ибо человек должен сначала освободиться от вещественного, чтобы мог родиться от Бога. Такова икономия благодати[1051], а тем самым – и икономия познания.

Если человек решится на уврачевание и оздоровление души, то должен прежде всего хорошо исследовать все свое существо, должен уметь отличить добро от зла, Божие от дьявольского, ибо это различение (греч. «диакрисис», ἡ διάκρισις) «выше всякой добродетели»[1052]. Усвоение добродетелей происходит постепенно и органически: одна усвояется другой, одна зависит от другой[1053], одна рождается из другой. «Каждая добродетель – это матерь другой добродетели»[1054]. Между добродетелями существует не только онтогенетический, но и хронологический порядок. Первая среди них – вера.

1. Вера

С подвига веры начинается уврачевание и исцеление души от страстей. Как только вера зародится в человеке, страсти начинают искореняться из души. Но пока душа не будет «упоена верою в Бога», пока она не приобретет живое чувство ее силы, она не сможет исцелиться от страстей, не может преодолеть материю (вещественное)[1055]. Отрицательный момент подвига веры состоит в освобождении от зараженной грехом материи, а положительный – в соединении с Богом[1056].

Душа, рассеянная чувствами по вещам мира сего, собирает себя подвигом веры, воздерживается от вещественного и вся пребывает в непрестанном чувстве жажды Бога. Это – основание всех благ[1057]. Освободиться от рабства проникнутой грехом материи – это главное условие преуспеяния в духовной жизни[1058]. Начало этого нового жизненного пути заключается в собирании мыслей в Боге, в непрестанном размышлении ума о слове Божием и в жительстве в нищете[1059].

Верою ум, рассеянный страстями, собирается, освобождается от чувственного и достигает мира и кротости мысли[1060]. Ум, живущий чувственно в мире чувственного, – болен[1061]. С помощью веры ум выходит из темницы мира сего, затхлой от греха, и входит в новый мир, где дышит чудесным новым воздухом[1062]. «Дремание ума» опасно как смерть, поэтому нужно верою возбуждать ум к духовному деланию[1063], в котором человек овладевает собою[1064], изгоняя из себя страсти. «Преследуй сам себя, и враг твой прогнан будет приближением твоим»[1065].

В подвиге веры от человека требуется, чтобы он совершал его с помощью над-умной антиномии веры: «Будь мертв в жизни сей и будешь жить после смерти»[1066]. Верою выздоравливает, исцеляется, приобретает благое умствование ум; душа становится непорочной, когда не занимается бесстыдно блудными помыслами[1067]. «Плотолюбие – признак неверия»[1068]. Вера освобождает ум от категории чувственного, отрезвляет его постом, и богомыслием[1069], и бдением[1070].

Невоздержание, полный желудок помрачает ум[1071], расстраивает его и рассеивает в фантастических мыслях и страстных похотях. В сластолюбивом теле не обитает богопознание[1072]. «Как от семени пота поста произрастает колос целомудрия, так от сытости – распутство и от пресыщения – нечистота»[1073].

Плотские помыслы и похоти возжигают в человеке мятежный пожар; средство против этого – погрузить ум в море тайн Священного Писания[1074]. Без освобождения от приверженности к вещественному душа

не может освободиться от мятежных помыслов; не может она также почувствовать мир в уме, если не умертвит чувств[1075]. Страсти помрачают мысли и ослепляют ум[1076]. Хаос в мыслях происходит от угождения чреву[1077].

Стыд и страх Божий удерживают колебание ума; лишение стыда и страха Божия колеблет весы разума, и они становятся превратными и неустойчивыми[1078]. Ум созидается исполнением заповедей Господних[1079] и перенесением страданий и скорбей[1080], а дела житейские помрачают ум[1081]. Собирая себя верою, человек пробуждает ум для Бога[1082] и молитвенным безмолвием очищает разум[1083], побеждает страсти[1084]. В безмолвии исцелевает душа, поэтому нужно понуждать себя к безмолвию, ибо оно производит в сердце некую сладость[1085]. Безмолвием человек входит в мир (умиротворенность) мыслей[1086].

Вера низводит мир в разум и тем самым устраняет мятежные помыслы. Грех – причина неспокойствия и брани в мыслях, а также войны человека с небом и людьми. «Умирись сам с собою, и умирятся с тобою небо и земля»[1087]. Прежде веры ум рассеивается по вещам мира сего; верою побеждается рассеянность ума[1088]. Блуждание, скитание мыслей вызывает в человеке демон блуда[1089]. Рассеянность глаз – действие нечистого духа[1090].

Верою ум утверждается в богомыслии; поэтому путь спасения – это постоянное памятование о Боге[1091]. Что рыба без воды, то ум вне памятования о Боге[1092]. Свобода истинного человека состоит в освобождении от страстей, в воскресении со Христом и в радости души[1093]. Страсти можно победить лишь упражнением в добродетелях[1094]. С каждой страстью необходимо бороться до мученичества[1095]. Первое и самое главное оружие в борьбе со страстями – это вера, ибо вера – свет ума, изгоняющий мрак страстей, и сила ума, изгоняющая болезнь из души[1096].

Вера носит в себе не только свое начало и свое бытие, но и начало, а с ним и бытие всех остальных богочеловеческих добродетелей, которые органически проистекают одна из другой и одна вокруг другой свиваются, подобно кольцам в стволе дерева. Если вера имеет язык, то это – молитва.

2. Молитва

Подвигом веры человек побеждает эгоизм, переходит границы своего я и вступает в новую, транссубъективную и трансцендентную реальность. В этой новой реальности действуют новые законы; прежнее перестает,

наступает все новое. Погружая в неизведанные глубины этой новой реальности, подвижника веры ведет и руководствует молитва, и он молитвою смотрит, молитвою чувствует, молитвою мыслит, молитвою живет.

Следя за человеческим умом на стезе веры, святой Исаак говорит, что ум ограждается и путеводствуется молитвой; каждая благая мысль претворяется молитвой в богомысль[1097]. Но и молитва – это трудный подвиг; она приводит в движение всю человеческую личность, и человек распинает себя в молитве[1098], распинает страсти и греховные помыслы, сросшиеся с его душой. «Молитва есть умерщвление похотливых мыслей плотской жизни»[1099].

Терпеливым усердием в молитве человек совершает весьма трудный подвиг, подвиг самоотречения[1100], необходимый в деле спасения. Молитва – это «источник спасения», ею приобретаются все прочие добродетели, все блага[1101], поэтому на упражняющегося в молитве подвижника нападают чудовищные искушения, от которых он молитвой обороняется и защищает себя.

Самый надежный страж ума – это молитва[1102]. Молитва разгоняет облака страстей и просвещает ум[1103]. Она низводит мудрость в разум[1104]. Признак совершенства – непрестанное пребывание в молитве[1105]. Духовная молитва переходит в исступление, в котором открываются тайны Троичного Божества и ум пребывает в сфере священного неведения, которое выше знания[1106].

Начатое верой исцеление органов познания продолжается молитвой. Границы человеческой личности все более и более расширяются; эгоцентризм постепенно уступает место теоцентризму.

3. Любовь

«Из молитвы рождается любовь»[1107], как из веры рождается молитва. Добродетели единосущны между собой, поэтому и рождаются одна от другой. Любовь к Богу – это признак того, что новая реальность, в которую вводят человека вера и молитва, намного лучше реальности, им предшествующей. Любовь к Богу и людям – это дело молитвы и веры. Вообще истинное человеколюбие невозможно без веры и молитвы.

В подвиге веры человек изменяет мир: из ограниченного он входит в безграничный, в котором живет не по закону чувственному, а по закону молитвы и любви. Святой Исаак особенно выделяет свое приобретенное благодатно-подвижническим опытом убеждение в том, что любовь Божия

приходит от молитвы. «Любовь есть плод молитвы»[1108]. Любовь можно вымолить у Бога, но ее нельзя никак приобрести без молитвенного подвига. Насколько человек верой и молитвой приобретает познание Бога, настолько «любовь – чадо познания»[1109].

Верою человек отрекается от закона эгоизма, отрекается от своей пораженной грехом души; любя душу, он ненавидит грех в душе; он трудится в молитве, чтобы закон эгоизма заменить законом теизма, чтобы страсти заменить добродетелями, чтобы жизнь по человеку заменить жизнью по Богу – и таким образом исцелить душу от греха и сделать ее здоровой. Поэтому святой Исаак учит: «Любовь Божия обретается в самоотвержении души»[1110].

Нечистота и болезнь души – это неестественные придатки к душе; они не являются составными частями ее естества, «ибо чистота и здравие души – царство души»[1111]. Душа, больная страстями, – это самая подходящая почва для взращивания ненависти, «а любовь может быть приобретена после душевного здравия»[1112].

Любовь – от Бога, *ибо Бог есть любовь* (1Ин.4:8); «стяжавший любовь облекается ею в Бога»[1113]. Бог не имеет границ, поэтому и любовь безгранична и не знает меры[1114]. Любящий Богом и в Боге одинаково любит всех без различия, и о таком человеке святой Исаак говорит, что он достиг совершенства[1115]. В качестве примера совершенной любви святой Исаак приводит желание святого Агафона: «Я желал бы найти прокаженного, чтобы взять его тело, а ему дать свое»[1116].

В царстве любви упраздняются антиномичные противоречия разума; подвижник любви предощущает райскую гармонию в себе и в мире Божием вокруг себя, ибо подвигом веры он вышел из своего эгоистического, солипсистского ада и вошел в рай божественных ценностей и совершенств. Святой Исаак говорит: «Рай – это любовь Божия, в которой сладость всех блаженств»[1117]. Ад – это не иметь любви Божией, и «мучимые в аду бывают мучимы бичом любви»[1118]. Когда некто приобретет совершенную любовь Божию, тогда он достигает совершенства[1119]. Поэтому святой Исаак советует: «Сперва должно приобрести любовь, которая есть первоначальное созерцание Святой Троицы»[1120].

Освобождаясь от страстей, человек постепенно освобождается от эгоистического, живущего лишь собою гуманизма и веры в человека, от самолюбивой и самообожающей «человечности», выходит из сферы губительного антропоцентризма и входит в сферу Троичного Божества, где в душу человеческую нисходит великий, Божественный мир, где

антиномии и противоречия из категории времени и пространства перестают быть смертоносными и где чувствуется победа над грехом и смертью.

4. Смиренномудрие

Вера имеет свой образ мышления, ибо имеет свой образ жизни. Христианин не только живет верою (см.: 2Кор.5:7), но и мыслит верою. Вера предлагает, предоставляет новую категорию мышления, через которую проявляется познавательная деятельность верующего человека. Эта новая категория мышления – смиренномудрие (ἡ σωφροσύνη). В безграничной реальности веры ум смиряется пред несказанными тайнами новой жизни в Духе Святом. Гордость ума уступает место смирению; гордоумие уступает место смиренномудрию. Каждую свою мысль подвижник веры ограждает смирением и тем самым уготовляет себе познание вечной Истины.

Почерпая силу из молитвы, смиренномудрие растет возрастом, которому нет конца. Святой Исаак учит, что молитва и смиренномудрие находятся всегда в правильной соразмерности: с совершенствованием молитвы все более усвояется смиренномудрие, и наоборот[1121]. Смирение – это сила, собирающая сердце[1122] и не дающая ему расточать себя в гордые мысли и похотливые пожелания. Смирение поддерживается и удерживается Духом Святым, и оно не только приближает человека к Богу, но и Бога к человеку[1123]. Более того, смиренномудрие – это причина воплощения Сына Божия, этого самого близкого соединения Бога с человеком: «Смиренномудрие делает Бога человеком на земле»[1124]. Смиренномудрие – это «украшение (одеяние) Божества, ибо вочеловечившееся Слово облеклось в него и через это приобщилось нам в теле нашем... и беседовало с нами лицом к лицу»[1125].

Смирение – это таинственная Божественная сила, даруемая лишь святым, лишь тем, которые совершенны в добродетели; и дается оно благодатью. Оно «содержит в себе все»[1126]. Благодатью Святого Духа «открываются тайны смиренномудрым»[1127], поэтому они совершенны в мудрости[1128]. «Смиренномудрый человек – источник тайн нового века»[1129].

Смиренномудрие и целомудрие (здраво-мудрие) – σοφρωσύνη – «уготовляют в душе залог Святой Троицы»[1130]. Целомудрие – последствие смиренномудрия; смирением ум исцеляется, становится здравым. «За смиренномудрием следует кротость и собранность в себя, т. е. целомудрие

чувств»[1131]. «Смиренномудрие украшает душу целомудрием»[1132].

Обращенный к миру, смиренномудрый человек всю свою личность выражает через смирение. В этом он подражает воплощенному Богу. «Как душа непознаваема и невидима телесными очами, так и смиренномудрый не познается среди людей»[1133]. И он не только не желает бросаться людям в глаза, но и, если это возможно, хочет совсем погрузиться внутрь в себя и соделаться «чем-то как бы несуществующим в твари, не пришедшим еще в бытие, вовсе не знаемым даже самой душой своей»[1134]. Смиренномудрый человек унижает себя перед всеми людьми[1135], но за это его прославляет Бог, «ибо где процветает смирение, там – источник славы Божией»[1136], там соцветие души расцветает в неувядаемый цвет.

5. Благодать и свобода

Личность Богочеловека Христа представляет Собой идеальный образец человеческой личности и познания. Она Собою нормирует и определяет весь процесс жизни христианина во всех направлениях. В Ней совершенно осуществлено таинство единства Бога и человека, а тем самым – и действие Бога в человеке и человека в Боге.

Богочеловеческий синергизм является существенным отличием деятельности христианина в мире. Здесь человек содействует Богу и Бог содействует человеку (см.: 1Кор.3:9). Действуя в себе самом и вокруг себя, христианин вносит в подвиги всю свою личность, но делает он этой может успешно делать лишь при непрестанном содействии Божественной силы – благодати. Нет мысли, о которой христианин может по-евангельски размышлять, нет чувства, которое он может по-евангельски ощущать, нет дела, которое он может по-евангельски совершить без благодатной помощи Божией. Здесь человек со своей стороны предоставляет волю, а Бог дарует благодать; из их совместного со-действия вырабатывается христианская личность.

На всех ступенях самосовершенствования благодать необходима христианину. Человек не может усвоить ни одной евангельской добродетели, если ему не споспешествует, не содействует благодать. В христианстве все благодатно и все добровольно, ибо все в нем – Богочеловеческое.

Святой Исаак особенно подчеркивает и выделяет Бого-человеческий синергизм человеческой воли и Божией благодати на протяжении всей жизни христианина. Благодать открывает человеку глаза на различение добра и зла, утверждает его мысли в Боге, открывает ему будущее,

наполняет его тайным светом[1137].

Чем более благодати уделяет Бог подвижнику веры, тем более ему открываются бездны и пропасти зла в мире и в людях. При этом Он все сильнее подвергает его искушениям, чтобы испытать богоданную силу благодати и чтобы человек почувствовал и понял, что лишь с помощью благодати он может победить и преодолеть самые страшные и самые соблазнительные искушения. Как только благодать узрит, что в человеческой душе зародилась самоуверенность и человек начал высоко мыслить о себе, она немедленно отступает от него, чтобы на него нашли искушения и чтобы он познал свою немощь и со смирением прибег к Богу[1138].

При со-действовании благодати Божией и своей воли человек в подвиге веры развивается в совершенное существо[1139]. Это происходит постепенно, ибо благодать входит в душу мало-помалу – κατὰ μικρὸν[1140]. Она особенно подается смиренным. Чем глубже смирение, тем обильнее и благодать. А в благодати – и мудрость. «Смиренномудрые приемлют мудрость от благодати»[1141].

Благодатная мудрость постепенно открывает смиренномудрым тайну за тайной, включая и тайну страдания. Смиренномудрые знают, почему человек страдает, ибо смысл страдания им открывает благодать. Чем более благодати имеет человек, тем яснее ему смысл страданий и искушений. Если человек лишит себя благодати по лености и грехолюбию, то от него отъемлется единственное средство, с помощью которого он может осмыслить и оправдать страдания и искушения.

6. Очищение

Путем преобразования себя с помощью благодатных подвигов человек постепенно вытесняет грехи и страсти из всего своего существа и из всех органов познания и таким образом исцеляется от губительных болезней и приобретает здравие. Исцеление органов познания от греха и страстей является в то же время и их очищением. При этом на главный орган познания – ум – обращается особое внимание, ибо его роль играет судьбоносное значение в царстве человеческой личности.

Ни в чем другом так не нужна молитвенная сосредоточенность и бдительность, как в трудах по очищению ума. На эти труды подвижник веры должен мобилизовать все свои силы, чтобы в евангельском, благодатном доброделании переработать и преобразить свой ум. В этом святой Исаак предоставляет нам свой богатый опыт.

По его опытному свидетельству, нечистота и грубость ума приходят от угождения чреву[1142]. Поэтому пост является первым средством очищения ума. По природе своей ум – тонкий и нежный[1143]; грубость – это неестественный осадок греха; в молитве ум утончается и становится чистым, прозрачным[1144]. Работая над собой, человек сбрасывает с ума твердую кору греха, утончает его и делает проницательным[1145].

Перерабатывая себя благодатными подвигами, человек приобретает чистоту ума и чистым умом входит в зрение тайн Божиих[1146]. «Очищение тела есть неприкосновенность к плотской скверне. Очищение души есть освобождение от тайных страстей, возникающих в уме. Очищение же ума совершается откровением тайн»[1147].

Лишь разум, очищенный благодатью, может дать чистое, духовное знание (ведение). «Пока разум не освободится от многих помыслов и не станет весь чистым, он не может быть восприимчив к духовному ведению»[1148]. Люди мира сего «не могут очистить ума, по той причине, что много познали зла. Немногие же в состоянии возвратиться к первоначальной чистоте ума»[1149].

Молитвенный труд очищает ум, просвещает его и наполняет светом истины[1150]. Добродетели, предводимые милосердием, дают уму мир и сияние[1151]. Очищение ума – это не некая работа диалектического, дискурсивного, теоретического рода, а благодатно-опытный, нравственный подвиг. Ум очищается постом, бдением, молчанием, молитвой и прочими подвигами[1152].

«Что есть чистота ума? Чистота ума – это просвещение Божественным вслед за упражнением в добродетелях»[1153]. Значит, чистота ума – это плод упражнения в добродетелях. Упражнение в добродетелях умножает благодать в человеке; соединение ума с благодатью очищает ум от нечистых помыслов[1154]. В подвигах ум святых становится чистым, прозрачным и проницательным[1155]. «Чистота души есть первоначальное дарование естеству нашему. Без чистоты от страстей душа не врачуется от недугов греха и не приобретает славы, утраченной преступлением. Если же кто сподобился очищения, т. е. душевного здравия, то ум его действительно и на самом деле приемлет в себя радость духовным чувством; ибо делается он сыном Божиим и братом Христовым»[1156].

Если человек победит страсти, то приобретает чистоту души[1157]. Помрачение ума бывает от немилосердия и лености[1158]. Добродетели – крылья ума, с помощью которых он воспаряет в небеса[1159]. Христос ниспослал апостолам Духа Святого, Который очистил и усовершил их ум, действительно умертвил в них ветхого человека, погрязшего в страстях, и

оживил нового, духовного, человека[1160].

Рассеянный в греховных и нечистых помыслах ум собирается молитвою, безмолвием и прочими добродетелями[1161]. Когда ум покаянием освободится от уз страстей, он сначала похож на бескрылую птицу, пытающуюся молитвой возвыситься над земными вещами, но не могущую, так как она пресмыкается по земле. Ум достигает этого после длительного упражнения в добродетелях, ибо с помощью добродетелей он собирает себя и окрыляет[1162].

Любовь Божия – это сила, собирающая ум[1163]. Чтение тропарей и кафизм, память о смерти и надежда на будущую жизнь собирают ум и не дают ему рассеиваться[1164]. Предназначение ума – быть царем над страстями[1165], властвовать над ощущениями[1166], быть кормчим чувств[1167].

Цель всех законов и заповедей Божиих – это чистота сердца[1168]. Господь воплотился, чтобы очистить и сердце, и душу от зла и возвратить их в первозданное состояние[1169]. Но между чистотой сердца и чистотой ума имеется известное различие. Святой Исаак пишет: «Чем разнствует чистота ума от чистоты сердца? Иное есть чистота ума, а иное – чистота сердца. Ибо ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы, т. е. если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства»[1170].

Сердце приобретает чистоту после многих печалей, скорбей, слез и умерщвления всего мирского[1171]. Плач очищает сердце от нечистоты[1172]. На вопрос, каков признак, по которому можно узнать, достиг ли некто чистоты сердца, святой Исаак отвечает: «Когда всех людей видит он добрыми и никто не кажется ему нечистым и осквернённым»[1173].

Чистота сердца и чистота ума приобретаются подвижничеством. «Подвижничество – матерь святости»[1174]. «Телесная добродетель в безмолвии очищает тело от вещественного в нем»[1175]. Но «телесные усилия без чистоты ума – то же, что и бесплодная утроба, и иссохшие сосцы. Они не могут приблизить к познанию Бога. Они утомляют тело, но не пекутся искоренить страсти в уме, и потому ничего не пожнут»[1176].

Признак чистоты – это радоваться с радующимися и плакать с плачущими, болеть с болящими и печалиться с грешными, радоваться с кающимися и соучаствовать в страданиях страдальцев, никого не изобличать и в чистоте ума своего видеть во всех – людей святых и добрых[1177].

Ум не может ни очиститься, ни прославиться со Христом, если тело не постраждет за Христа; слава тела – целомудренная покорность Богу, а

слава ума – истинное зрение Бога[1178]. Красоту целомудрия человек приобретает постом, молитвой, слезами[1179]. Чистота сердца и ума, исцеление ума и прочих органов познания – плод длительного упражнения в благодатных Бого-человеческих подвигах. В чистом уме подвижника веры бьет источник света, сладостью орошающий тайну жизни и мира[1180].

III

1. Тайна познания

Исцеление, очищение человеческих органов познания совершается в Бого-человеческом подвиге: при со-действии Божией благодати и человеческой воли. На долгом пути очищения и исцеления себя от страстей и самое познание становится все чище и здравомысленнее. На всех ступенях своего развития познание зависит от онтологической структуры этического состояния органов познания. Если человек упражняется в евангельском доброделании, то его органы познания, очищенные и исцеленные, пребывают в святости и чистоте. А чистое сердце и чистый ум производят чистое познание. Обращенные к Богу, очищенные и исцеленные органы познания способны к чистому и здравому богопознанию; а обращенные к твари они дают чистое и здравое знание о твари.

По учению святого Исаака Сирина, существуют два вида знания (ведения): знание, предшествующее вере, и знание, рождаемою верою. Знание, предшествующее вере, – это знание физическое, естественное (γνῶσις φυσικὴ), а от веры рождается знание духовное (γνῶσις πνευματικὴ). Естественное знание состоит в различении добра и зла, а духовное знание – это ощущение тайн, чувство сокровенного, зрение невидимого[1181].

Первая вера – это вера от слуха; ее дополняет, укрепляет, утверждает вторая вера, вера по созерцанию (πίστις τῆς θεωρίας), вера по видению[1182]. Освобождение от физического, естественного знания является условием для стяжания знания духовного[1183]. Последнее совершается верою, ибо в подвиге веры человека осеняет некая «неведомая сила»[1184], делающая его способным к духовному познанию. Если человек запутается в сетях естественного знания, выпутаться ему из них бывает тяжелее, нежели освободиться от железных оков; его жизнь – это жизнь на острие меча[1185].

Если человек пойдет путем веры, то должен будет оставить старые методы познания и не возвращаться к ним, ибо вера имеет свои собственные пути познания. Тогда физическое, естественное знание

прекращается и наступает духовное, ибо естественное знание – «противно вере. Во всех своих действиях вера – это нарушение законов познания, познания не духовного»[1186], а физического.

Главное отличие этого естественного знания заключается в том, что оно основывается на испытании и на своих методах исследования. А это признак сомнения в истине. Вера же требует чистого и простого образа мышления, далекого от какого-либо лукавства и метода изысканий. Они друг другу противятся. Дом веры – это младенческая мысль и простое сердце. Ибо сказано: *Прославляйте Бога в простоте сердца своего* (Кол.3:22) и *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф.18:3). А естественное знание противится и простоте сердца, и простоте мысли. Это знание действует и обращается лишь в границах естества. Вера же движется и обращается выше естества. Насколько человек отдается методам естественного знания, настолько его объемлет страх, и он не может от него освободиться. Если же он шествует вслед за верой, то быстро становится свободным и самостоятельным и как сын Божий свободно пользуется всем. «Возлюбивший веру сию как Бог распоряжается всяким тварным естеством, потому что вере дана возможность созидать новую тварь, по подобию Божию, как сказано: *восхоте* – и все явилось пред Тобою (ср.: Иов.23:13). Нередко она может все производить и из не-сущего – ἐξ οὐκ ὄντων. А ведение (знание) не может что-либо произвести без вещества – χωρὶς ὕλης. Оно не имеет власти над природой, а вера имеет... Многие по вере входили в пламень, обуздывали сожигающую силу огня и невредимо проходили посреди его, и по морю шествовали, как по суше. А все это выше естества, противно способам ведения и показано, что суетно оно во всех способах и законах своих... Вера восходит выше естества... Сии способы ведения пять тысяч лет, или несколько меньше, или и свыше сего управляли миром, и человек нисколько не мог подъять главы своей от земли и сознать силу Творца своего, пока не воссияла вера наша и не освободила нас от тьмы земного делания и суетного подчинения после тщетного парения ума... Ничего никогда не лишается тот, у кого сердце подкрепляется упованием веры. И когда ничего не имеет, всем владеет он верою, как написано: *вся, елика воспросите в молитве, верующе приимете* (Мф.21:22), и еще: *Господь близ. Ни о чем же пецитеся* (Флп.4:5–6)»[1187].

Для веры не существует естественных законов. Святой Исаак это ясно подчеркивает: *Все возможно верующему* (Мк.9:23), ибо нет ничего, что было бы невозможно Богу[1188]. Знание (ведение) запрещает своим ученикам приближаться к «чуждому природе (естеству)», к тому, что над

природой[1189].

Знание, о котором говорит святой Исаак, именуется в философии гносеологическим сенсуализмом, критицизмом и монизмом. Все эти три направления признают силу, реальность, действительность, критерий и объем познания лишь в границах видимой природы, насколько последние согласовываются с чувственными границами человеческих органов познания. Переступить границы естества и вступить в область сверхъестественного считается неестественным, нелогичным и невозможным и даже запрещено приверженцам упомянутых гносеологических направлений. Человек – прямо или косвенно – сведен к чувствам и абсолютно не может выйти за их пределы.

Но и это естественное познание, по учению святого Исаака Сирина, не следует отвергать или порицать. Только вера выше его. Оно может порицаться настолько, насколько пользуется разными методами, идущими против веры. Когда это знание соединится с верою, когда оно облечется в ее огненные мысли и приобретет крылья бесстрастия, тогда, после того как употребит другие методы, вземлется оно от земного в область своего Творца, в выше-естественное. «Сие ведение усовершается верою и приобретает силу восходить горе, ощущать то, что выше всякого ощущения, видеть оное сияние, неуловимое умом и ведением тварей. Ведение есть основание, с которого человек восходит на высоту веры и, как скоро достигает оной, более уже не нуждается в нем. Ибо сказано: ныне *от части разумеваем... Езда же приидет совершенное, тогда еже от части, упразднится* (1Кор.13:9–10). Итак, вера и теперь уже как бы пред очи представляет нам истину совершенства, и верою нашею разумеваем оное непостижимое, а не исследованием и силою ведения»[1190].

Дела праведности: пост, милостыня, бдение, чистота тела, любовь к ближнему, смиренномудрие сердца, прощение грехов, размышление о небесных благах, исследование тайн Священного Писания, размышление ума о самых совершенных делах и прочие добродетели – это ступени, с помощью которых душа воздвизается к высочайшей высоте веры[1191].

Существуют три духовных средства, с помощью которых ведение восходит и нисходит и в рамках которых обращается и изменяется. Это – «тело, душа и дух. Хотя ведение по природе своей одно, все-таки оно по отношению к сим трем областям мысленного и чувственного утончается и изменяет способы и делания своих мыслей... Ведение есть Божие даяние естеству разумных тварей, данное вначале, при их создании; и оно по природе своей просто и неделимо, как свет солнечный, но сообразно с

деланием своим (т. е. оно действует чрез тело, душу и дух) приобретает изменения и деления»[1192].

На первой ступени знание шествует за плотской похотью, заботится о богатстве, суете, украшениях, телесном покое, логической мудрости, – открывающей искусства и науки, и за всем прочим, чем увенчивается тело в сем видимом мире. Но всем этим знание становится противно вере; и оно называется голым знанием, – ибо исключает всякую заботу о Божественном и, по причине своей телесности и грубости, вносит в разум неразумную немощь, так что вся его забота сводится к этому миру. Оно надменно и гордо, ибо любое доброе дело приписывает себе, а не Богу. И то, что сказал апостол: *Знание надмевает* (1Кор.8:1), он сказал об этом знании, которое не проникнуто верой и надеждой на Бога, а не об истинном знании. Истинное, духовное знание в смирении возводит к совершенству души его стяжавших, как совершило оно Моисея, Давида, Исаию, Петра, Павла и прочих святых, которые в меру человеческого естества удостоились своего совершенного знания. И у таких святых знание всегда погружается в необычные созерцания, в Божественные откровения, в возвышенное зрение духовных вещей, в несказанные тайны; и они смотрят на душу свою как на прах и пепел. А плотское знание – и есть то, которое порицают христиане и считают его противным не только вере, но любому доброму деланию[1193].

Нетрудно увидеть, что на этой первой ступени познания, о которой говорит святой Исаак, находится почти вся европейская философия, начиная от наивного реализма и вплоть до эклектического панлогизма, и вся наука, начиная от атомизма Демокрита и до релятивизма Эйнштейна.

С первой ступени познания человек поднимается на вторую, когда начинает и телом, и душой упражняться в благих делах: в посте, в молитве, в милостыни, в чтении Священного Писания, в добром жительстве, в борьбе со страстями и в прочих. И все благие дела, все дивные настроения души на этой второй ступени познания устрояет и совершает Дух Святой, содействуя этому познанию. И оно открывает сердцу стези, ведущие к вере. Но и это знание телесно и сложно[1194].

Третья ступень познания – это ступень совершенства (τῆς τελειότητος). Когда знание воздвизается над земным, над всеми заботами по устроению земного, и начинает испытывать свои внутренние и невидимые мысли, и презирать то, от чего приходит лукавство страстей, и возвышает себя, и последует вере в заботе о будущей жизни и исследовании сокровенных тайн, – тогда самая вера поглощает это знание (ведение) и рождает его вновь, так что оно «всецело становится духом. Тогда может воспарять оно

на крыльях в области бесплотных, касаться глубин неосязаемого моря, представляя в уме Божественные и чудные действия правления в естествах существ мысленных и чувственных, и исследует духовные тайны, постигаемые мыслью простою и тонкою. Тогда внутренние чувства возбуждаются к духовному деланию сообразно состоянию, бывающему в оной жизни бессмертия и нетления, потому что еще в здешней, как бы в тайне оно прияло мысленное воскресение – в истинное свидетельство о всеобщем обновлении»[1195].

Таковы, по святому Исааку, три образа познания, с которыми связано все человеческое жительство в теле, в душе, в духе. С того момента, когда человек начинает отличать зло от добра, и вплоть до того, как он выйдет из этого мира, познание (познавание) его души осуществляется этими тремя способами[1196].

Первая ступень познания (ведения) охлаждает душу для дел шествия на пути Божием. Вторая согревает душу для скорого течения к тому, что находится на ступени веры. А третья – это упокоение от делания. Здесь ум наслаждается тайнами будущей жизни. Но так как естество не может еще совершенно возвыситься над состоянием омертвения и тягостью плоти и усовершиться в оном духовном ведении, то и это ведение не в состоянии послужить к совершенству без недостатка: не может человек и быть в мире мертвости, и – совершенно оставить естество плоти. Ведь пока человек живет во плоти, остается он в переходном состоянии от одного ведения к другому. При этом ему содействует благодать, но мешают демоны, ибо в мире сем несовершенном нет совершенной свободы. Всякое делание ведения (познания) состоит в подвиге и непрестанном упражнении; делание же веры не делами совершается, но исполняется духовными помышлениями, в чисто духовном действовании; и оно превыше чувств. Ибо вера утонченнее ведения, как ведение утонченнее вещей чувственных. Все святые, сподобившиеся обрести житие сие, силою веры пребывают в услаждении оным превышеестественным житием... Такая вера воссиявает в душе от света благодати, свидетельством ума подкрепляя сердце, чтобы не колебалось оно в несомненности надежды, далекой от всякой самонадеянности. И вера сия имеет духовные очи, которые видят сокрытые в душе тайны, невидимое и божественное богатство, сокровенное от очей сынов плоти и открываемое Духом Святым, Которого приемлют Христовы последователи (см.: Ин.14:16–17). Дух Святой – это сила, обитающая в человеке Христовом и оберегающая и защищающая и душу его, и тело от всякого зла. Сию-то силу ум светлый и духовный невидимо ощущает очами веры. Святые познают ее опытно тҏ

πείρᾳ[1197].

Чтобы еще более осветить тайну познания, святой Исаак дает новые характеристики ведения и веры. Ведение, которое занимается видимым и чувственным, называется естественным – φυσικὴ. Ведение же, пребывающее в области духовной и постигающее природу бесплотную, именуется духовным – πνευματικὴ; потому что оно приемлет ощущение духом, а не чувствами... А ведение, достигшее Божественного, именуется сверхъестественным – ὑπερ τὴν φύσιν, и оно непостижимо (недоведомо) и выше ведения. И созерцание сие душа приемлет не от вещества, которое вне ее, как в первых двух видах ведения, но сверх чаяния, невещественно, внутри ее самой, ибо, по слову Христову, *Царствие Небесное внутрь вас есть* (Лк.17:21), и нельзя ожидать его в известном видимом образе.

Первое ведение рождается от непрестанного занятия и рачительного обучения; второе же – от доброго жития и разумной веры, а третье приобретается одной верой, потому что ею упраздняется ведение (знание), дела приемлют конец и чувства делаются излишними для употребления[1198]. «Для тайн Духа, которые выше ведения и которых не ощущают ни телесные чувства, ни разумная сила ума, Бог дал нам веру, которой познаем только, что тайны сии существуют. Пришествием Утешителя Спаситель называет дарования откровения тайн Духа (см.: Ин.14:16), Которого прияли апостолы. Вера есть дверь тайн. Как телесные очи видят предметы чувственные, так вера духовными очами взирает на сокровенное. Когда человек войдет дверью веры, Бог вводит его в духовные таинства и в уме его отверзает море веры»[1199].

В духовном ведении участвуют все добродетели. Оно – плод упражнения в добродетелях[1200]. Вера производит страх Божий, страх пробуждает к покаянию и к упражнению в добродетелях. А от упражнения в добродетелях духовно рождается ведение[1201]. Это ведение, приобретенное долгим опытом и упражнением в добродетелях, – приятно и дает человеку великую крепость[1202]. Первое и самое главное предварительное условие духовного ведения – это здравая душа, здравый орган познания. Ведение есть порождение душевного здравия, а здравие души достигается продолжительным упражнением в добродетелях[1203]. Здравые душой – те, которые совершенны, и им подается ведение (знание)[1204].

Очень трудно, а во многом и невозможно, выразить словами тайну и природу познания. В мире людских понятий не существует такого определения, которое полностью исчерпывает эту категорию. Поэтому святой Исаак дает многочисленные и разнообразные определения

познания. Проблема познания его непрестанно мучит. Подобно огненному знаку вопроса, эта проблема постоянно пламенеет перед глазами святого подвижника. И он почерплет ответы из своего богатого благодатного опыта, приобретенного в трудных и длительных подвигах. Но самый глубокий и, по моему мнению, самый исчерпывающий ответ, который на этот вопрос мог дать человек, – это тот ответ, который святой Исаак дает в форме диалога.

«*Вопрос:* Что такое ведение?

Ответ: Ощущение бессмертной жизни.

Вопрос: Что такое бессмертная жизнь?

Ответ: Ощущение (себя) в Боге; потому что любовь от ведения, а ведение Бога есть царь всех пожеланий, и сердцу, приемлющему оное, всякая сладость на земле излишня. Ибо нет ничего подобного сладости познания Бога»[1205].

В соответствии с этим, познание – это победа над смертью, связь настоящей жизни с бессмертием, соединение человека с Богом. В самом акте познания присутствует нечто бессмертное, ибо им преодолевается ограниченность субъекта и совершается переход в область транссубъектного. А когда этим транссубъектным объектом является Бог, тогда тайна познания становится тайною тайн, исполненной непостижимой загадочности. Познание подобно некоей таинственной ткани, которую человек производит между собой и Богом на ткацком станке своей души.

Для человеческого познания проблема истины является чем-то самым непосредственным и самым важным. Здесь есть нечто неодолимо влекущее познание в таинственные бесконечности. И никогда не может быть насыщена алчба истины у человеческого познания – вплоть до того, как Сама вечная и абсолютная Истина не станет сущностью человеческого познания и оно в своем самоощущении не приобретет чувство Бога и в своем самопознании – познание Бога. А это дает человеку лишь Богочеловек Христос, единственное воплощение вечной Истины в мире человеческих вещей. Усвоение Богочеловека в качестве души своей души и жизни своей жизни навсегда исполняет человека вечной Истиной.

Что есть истина? На этот вопрос святой Исаак отвечает: «Истина есть ощущение по Богу...»[1206]. Другими словами, чувство (ощущение) Бога – это и есть Истина. Если в человеке это чувство имеется, то он имеет Истину и знает Истину. Если этого чувства нет, для него не существует и Истины. Такой человек может всегда искать Истину, но он ее не найдет, пока не приобретет чувство Бога, в котором – и чувство, и познание

Истины.

К ощущению и познанию Истины приходит тот человек, который, упражняясь в богочеловеческом доброделании, переработает и преобразит свои органы познания. Для него вера и познание во всем своем содержании являются одним неделимым органическим целым. Вера и познание взаимно дополняют и поддерживают друг друга. «Свет ума порождает веру, – говорит святой Исаак, – а вера порождает утешение надежды, надежда же укрепляет сердце. Вера есть откровение разума (разумения), – когда помрачится ум, вера сокрывается, и страх господствует над нами и отсекает надежду. Вера, преисполняющая разум светом, освобождает человека от гордости и сомнения и называется познанием и явлением истины»[1207].

Святой жизнью приобретается святое знание (ведение); чистоту этого святого ведения помрачает гордость[1208]. Свет истины усиливается или ослабевает от образа жизни[1209]. Ужасные искушения нападают на желающих жить духовной жизнью. Поэтому подвижник веры должен пройти через многие скорби и страдания, чтобы прийти к познанию истины[1210].

От беспорядочной жизни наступает смущение разума и рождается хаос в мыслях; от этого происходит помрачение в душе[1211]. Когда добрым жительством страсти будут удалены из души, когда с очей ума будет сброшена завеса страстей, тогда ум может зреть славу оного (горнего) мира[1212]. В добром делании душа возрастает, ум утверждается в истине и становится непоколебимым, готовым встретить и отразить все страсти[1213]. Освобождение от страстей бывает через распятие ума и распятие тела. И это делает человека способным зреть Бога. Ум распинается, когда из него изгоняются нечистые помыслы; а тело – когда из него искореняются страсти[1214]. В сластолюбивом теле не обитает познание Бога[1215].

С помощью доброго жительства приходят к истинному ведению, которое есть откровение тайн[1216] – и спасительное знание[1217]. Главная особенность этого знания – смирение[1218]. Когда ум пребывает в области познания истины, тогда прекращаются вопросы[1219] и на ум нисходит великий покой и мир; а мир разума называется совершенным здравием[1220]. Когда сила Святого Духа осеняет душу, тогда душа научается от Святого Духа[1221].

В философии святого Исаака Сирина гносеологическая проблема познания растворяется в онтологическо-этическую и в конце концов сводится к проблеме человеческой личности. Онтологическое, этическое и гносеологическое бытие и характер познания зависят от устройства

личности, особенно от устройства и состояния ее органов познания. В личности подвижника веры познание своей природой переходит в созерцание (видение).

2. Созерцание

В философии святых отцов слово «созерцание» – ἡ θεωρία – имеет онтологическо-этический и гносеологический смысл. Оно означает молитвенно-благодатное сосредоточение души на над-умных тайнах, которыми изобилует не только Троичное Божество, но и сама человеческая личность, а также и сущность богозданной твари. В созерцании личность подвижника веры живет превыше чувств, превыше категории времени и пространства; она ощущает живую, близкую связь с горним миром и насыщается откровениями, в которых обретает то, что *не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку* (1Кор.2:9).

В сербском языке нет такого слова, которое бы адекватно или хотя бы приблизительно соответствовало греческому слову ἡ θεωρία. Это греческое слово можно было бы перевести как «духовно гледанье» – «духовное зрение», «проматранье» – «проницательное видение», «удубливанье» – «углубление (в объект зрения)». Но лучше всего остановиться на церковно-славянском и русском слове «созерцание», так как оно полнее всего выражает смысл греческого слова ἡ θεωρία.

Свой огромный благодатный опыт, приобретенный в состоянии созерцания, святой Исаак пытается выразить словами, насколько человеческие слова могут охватить и выразить над-умные истины религиозного опыта и тем самым отчасти объяснить, что значит созерцание. Как свидетельствует его опыт, созерцание – это ощущение Божественных тайн, сокровенных в вещах и их причинах[1222]. Созерцание состоит в тонкой деятельности ума – и в Божественном размышлении, а также в пребывании в молитве[1223]. Оно просвещает разумную часть души[1224].

«Иногда же от молитвы рождается некое созерцание, и прерывает оно молитву уст, и молящийся в созерцании становится телом бездыханным, придя в восторг. Такое состояние называем мы молитвенным созерцанием... И опять в сем молитвенном созерцании есть мера и различение дарований, потому что мысль еще не переступила туда, где нет уже молитвы, в такое состояние, которое выше молитвы»[1225].

С помощью доброго, благодатного жительства подвижник веры приходит к созерцанию. «Начало сего делания состоит в следующем:

предварительно удостоверяется человек в промышлении Божием о человеке, просвещается любовью своею к Творцу и удивляется устроению существ разумных и великому о них попечению Божию. От этого начинается в нем сладость Божественная, воспламенение любви к Богу, возгорающейся в сердце и попаляющей душевные и телесные страсти... Затем, как вином, упоевается он Божественной любовью; расслабевают члены его, мысль его пребывает в изумлении, сердце его отводится в плен Богу... временами приходится ему не помнить о себе самом, что носит это тело, и не знает, в этом ли он мире. Вот начало духовного созерцания в человеке, а сие – начало всех откровений уму! И этим началом ум возрастает и укрепляется в сокровенном; им-то возводится к иным, превышающим человеческую природу, откровениям; одним словом, человеку сообщаются все Божественные созерцания и откровения Духа, какие приемлют святые в мире сем, и все дарования и откровения, какие только естество может познать в сей жизни»[1226].

«Добродетель ума смиряет душу и очищает ее от грубых губительных помышлений, чтобы не ими она занималась страстно, но паче пребывала бы в созерцании своем. Созерцание сие приближает ее к первозданной природе ума и называется созерцанием невещественным. Это созерцание – духовная добродетель, ибо оно возносит ум от земного, приближает его к первому созерцанию Духа, и сосредоточивает ум в Боге и в созерцании неизглаголанной славы, и отлучает ум от мира сего и от ощущения его»[1227]. «Духовное жительство – это деятельность без участия чувств. Оно описано святыми отцами. Как скоро умы святых приемлют оное, отъемлются вещественное созерцание и дебелость плоти и созерцание становится духовным»[1228].

Различны виды молитвы, говорит святой Исаак, но все они имеют одну цель: чистую молитву. «После чистой молитвы иной молитвы нет... А за сим пределом будет уже из-умление («восхищение» – ἔκπληξις), а не молитва; потому что все молитвенное прекращается, наступает же некое созерцание, и не молитвою молится ум... Иное дело – молитва, а иное – созерцание в молитве, хотя молитва и созерцание заимствуют себе начало друг в друге. Молитва есть сеяние, а созерцание – собирание снопов (рукоятей), при котором жнущий приводится в изумление неизглаголанным видением, как из малых и голых посеянных им зерен вдруг произросли пред ним такие красивые класы». В этом состоянии созерцания ум «переступает свои пределы и входит в оную область»[1229].

Преображенный молитвой и прочими подвигами, ум достигает чистоты и тогда ведает, что он божественно созерцает Бога, а не по-

человечески[1230]. «Кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа... Кто непрестанно назирает над своею душою, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе зарю Духа. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Господа своего внутрь сердца своего... Вот, если будешь чист, то внутри тебя небо, и в себе самом узришь Ангелов и свет их, а с ними и в них – и Владыку Ангелов... Душа доброго сияет паче солнца и ежечасно возвеселяется видением»[1231].

Когда человек после многих евангельских подвигов находит в себе богообразный центр своего существа, тогда он обретает и центр над-космического Божества в этом видимом мире, преодолевает время и зрит себя из вечности, видит себя превыше времени и пространства, бессмертным и вечным. В своей основе истинное самопознание – это и истинное Богопознание. Кратчайший путь между собой и Богом человек носит в богообразной природе своей души. Здесь и кратчайшее расстояние между человеком и Богом. Все пути человека к Богу могут завершиться беспутьями, только этот несомненно приводит к Богу. В своей философии святой Исаак особенно выделяет огромную важность самопознания. «Удостоившийся видеть себя самого больше удостоившегося видеть Ангелов»[1232].

Для того чтобы человек мог видеть свою душу, он должен прежде всего облагодатствовать свое сердце[1233]. Нечистые и помраченные души не могут видеть ни самих себя, ни друг друга. Этого они достигнут, если очистятся и возвратятся в первозданное состояние[1234]. Кто желает видеть Господа внутри себя, тот прилагает усилие очищать сердце свое непрестанным памятованием о Боге; и таким образом, при светлости очей ума своего, ежечасно будет он зреть Господа. Что бывает с рыбою, вышедшею из воды, то бывает и с умом, который выступил из памятования о Боге и парит в памятовании о мире... У чистого душею мысленная область внутри его; сияющее в нем солнце – свет Святой Троицы; воздух, которым дышат обитатели области сея, – Утешительный и Всесвятый Дух... а жизнь, и радость, и веселие их Христос, Свет от Света – Отца. Таковый и видением души своей ежечасно увеселяется и дивится красоте своей, которая действительно во сто крат блистательнее светлости солнечной. Это – Иерусалим и Царство Божие, внутри нас сокровенное, по Господнему слову (см.: Лк.17:21). Область сия есть облако Божией славы, в которое только чистые сердцем внидут узреть лице своего Владыки и озарить умы свои лучами Владычнего света... Не может человек узреть красоты, которая внутри его, пока не возгнушается всякою красотою вне

его... Кто целомудрен, смиренномудр, кроток, тот, как скоро станет на молитву, видит в душе своей свет Святого Духа, и радуется в блистаниях озарения светом Его, и веселится видением славы сего озарения»[1235].

Во свете Духа Святого человек может познать природу своей души. «По природе своей душа бесстрастна. Когда же в Священном Писании говорится о страстях душевных и телесных, да будет тебе известно, что говорится сие по отношению к причинам страстей; ибо душа по природе бесстрастна. Не принимают сего держащиеся внешней философии, а подобно им – их последователи (или, как бы можно было сейчас сказать, последователи материалистической, вещественной, сенсуалистической, феноменалистической философии). Напротив того, Бог богообразную часть души сотворил бесстрастной»[1236].

Существуют три состояния души: естественное, противоестественное и сверхъестественное. «Естественное состояние души есть ведение Божиих тварей, чувственных и мысленных. Сверхъестественное состояние есть возбуждение к созерцанию пресущественного Божества. Противоестественное же состояние есть движение души в мятущихся страстями, ибо страсти не принадлежат естеству души»[1237]. Страсть – это неестественное состояние души, а доброделание – естественное[1238]. Когда ум насыщается благодеяниями, особенно милосердием, тогда в душе отображается та святая красота, которой человек уподобляется Богу[1239]. В чистом сердце открывается «святая красота» человеческого существа; насколько человек умножает в себе эту святую красоту, настолько ему открывается красота Божиих созданий[1240].

Это показывает, что самопознание – лучший путь к действительному познанию природы и материального мира вообще. «Кто покорит себя Богу, – говорит святой Исаак, – тот близок к тому, чтобы покорилось ему все. Кто познал себя, тому дается ведение всего, потому что познать себя есть полнота ведения о всем»[1241]. Если человек смирит себя перед БОГОМ, перед ним смиряется тварь. Истинное смирение – это порождение познания, а истинное познание – это порождение искушения[1242], то есть оно приобретается в борьбе с искушениями.

Человеческое естество становится способным к истинному созерцанию, если упражнением в благих делах очистит себя от страстей. Истинное созерцание вещественных и невещественных природ и Самой Святой Троицы дает Христос. Это созерцание показал и научил ему людей Христос, когда в Своей Ипостаси совершил обновление человеческого естества и Своими животворящими заповедями проложил людям путь к истине. И человеческое естество лишь тогда становится способным к

истинному созерцанию, когда человек страданиями, исполнением заповедей и скорбями свергнет с себя ветхого человека. В этом случае ум приобретает способность к духовному возрождению, к созерцанию духовного мира и своего истинного отечества. Значит, созерцание нового мира духом откровения, в котором ум духовно наслаждается, бывает по действию благодати. «И сие-то созерцание бывает пищею ума, пока тот не укрепится и не придет в состояние приять созерцание высшее первого созерцания; потому что одно созерцание передает человека другому созерцанию, пока ум не будет введен в область совершенной любви. Ибо любовь есть вместилище духовного и водворяется в чистоте души. Когда ум станет в области любви, тогда действует благодать, ум приемлет духовное созерцание и делается зрителем сокровенного[1243].

Таинственное созерцание открывается уму после исцеления души[1244]. Духовного созерцания удостоиваются стяжавшие в доброделании чистоту души[1245]. «Чистота взирает на Бога»[1246]. Бога видят очистившие себя от греха и непрестанно размышляющие о Боге[1247]. Царство Небесное – это духовное созерцание. И оно пребывает не в действиях мысли, но может быть приобретено благодатью. И пока человек не очистит себя, он не в состоянии даже слушать о нем, ибо никто его не может приобрести изучением, а лишь чистотой сердца[1248]. Чистые мысли дает Бог за чистую жизнь[1249]. Чистота мыслей источается из труда и бдения над собой, а из чистоты мыслей – свет мышления. Отсюда благодать ведет ум к тому, над чем чувства не имеют власти, чему они не учат и от чего не научаются[1250].

В молитвенном бдении ум окрыляется, и возлетает к наслаждению Богом, и «плавает в ведении, превышающем человеческую мысль... Душа, трудящаяся над тем, чтобы пребывать в сем бдении и благоприлично живущая, будет иметь херувимские очи, чтобы непрестанно возводить ей взор и созерцать небесные тайны»[1251]. «Душа зрит истину Божию сообразно силе жительства, т. е. насколько человек живет верою... Если же созерцание истинно, то обретается свет, и созерцаемое усматривается близким к действительности»[1252]. «Видение Бога есть следствие познания Его, потому что видение Его не предшествует знанию Его»[1253].

Цель христианина – жизнь во Святой Троице и созерцание Святой Троицы. По учению святого Исаака, любовь – это первоначальное созерцание Святой Троицы. «Первою из тайн именуется чистота; она достигается исполнением заповедей. Созерцание же есть духовное созерцание ума, состоящее в том, что ум приходит в изумление и постигает, что было и что будет. Созерцание есть видение ума... При этом сокрушается и обновляется сердце, и человек... делается без зла,

приобучается к тайнам Духа и к откровениям ведения, восходя от ведения к ведению, и от созерцания к созерцанию, и от постижения к постижению, и обучается и укрепляется таинственно, пока не будет вознесен к любви, соединен с надеждою, и не водворится в нем радость, и не будет он вознесен к Богу и увенчан естественною славою своего сотворения... Таким образом ум очищается, и бывает с ним милость, и деятельно сподобляется он созерцания Святой Троицы»[1254]. «Ибо существуют три созерцания естеств, в которых ум возвышается, действует и упражняется: два созерцания естеств сотворенных, разумных и неразумных, духовных и телесных, и еще – созерцание Святой Троицы»[1255].

Подвижник веры, преисполненный несказанными богатствами созерцания, обращаясь к твари, выражает всю свою личность в любви и милости. «Он любит грешника, – говорит святой Исаак, – но ненавидит его дела»[1256]. Он весь соткан из смирения и милости, покаяния и любви. Он имеет милующее сердце ко всей твари. А что такое милующее сердце? «Это, – отвечает святой Исаак, – возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умиляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит он молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостию, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению в сем Богу»[1257].

Когда человек евангельскими подвигами перенесет себя из временного в вечное, когда живет в Боге, когда мыслит Богом, когда говорит *как от Бога* (2Кор.2:17), когда смотрит на мир sub specie Christi[1258], тогда мир является ему во всей своей первозданной красоте, и он взором своего чистого сердца проникает через осадок греха к богозданной сути тварей. Созерцание Святой Троицы в Ее таинственном и непостижимом бытии подвижник веры проявляет в этом мире временных и пространственных реалий через любовь и милость, через кротость и смирение, через молитву и печаль обо всех и обо всем, через радование с радующимися и плач с плачущими, через страдание со страждущими и покаяние с кающимися. Его жизнь в этом мире – это отблеск его жительства в потустороннем мире таинственных и незримых ценностей. Его мысли и дела в этом мире укоренены в мире оном, и из оного мира

почерплют они свою животворящую и чудотворную силу и крепость. Если пойти вслед за какой бы то ни было его мыслью, или чувством, или делом, или подвигом – мы всегда должны прийти к Святой Троице как к их главному Источнику. У него все совершается от Отца через Сына в Духе Святом. Самый яркий пример тому мы имеем в этом великом подвижнике Пресвятой Троицы, которому, как и святому Симеону Новому Богослову, с помощью благодатно-подвижнического опыта удалось дать нам самое ясное оправдание истины о Троичном Божестве и истины о богообразной троичности человеческой личности.

Заключение

В гносеологии святого Исаака Сирина царствует убеждение – о том, что проблема познания является в своей основе проблемой религиозно-этической. От своего зачатия до своей безграничной благодатной полноты познание зависит от религиозно-этического содержания и качества человеческой, личности. Прежде всего – от религиозно-этической преображенности и развития человеческих органов познания. Ясно одно: на всех своих ступенях познание зависит от религиозно-нравственного состояния человека. Чем совершеннее человек в религиозно-нравственном отношении, тем совершеннее и его познание. Человек таким и сотворен: в нем познание и мораль находятся всегда в прямом соответствии.

Несомненно, через добродетели человека познание приумножается, через пороки – умаляется. Познание походит на ткань, которую добродетели выделывают на ткацком станке человеческой души. А этот ткацкий станок души простирается на весь видимый и невидимый мир. Добродетели – не только творческие силы познания, но и принцип познания. Упражняясь в добродетелях и претворяя их в составные элементы своего существа, человек возводится от одного ведения к другому. Можно было бы сказать, что добродетели – это чувства познания. Переходя от одной к другой, человек восходит от познания к познанию.

От начальной добродетели – веры, и до заключительной – всеобъемлющей любви, простирается единый непрерывный путь: подвижничество. На этом долгом пути человек созидает себя, перерабатывает, преображает себя с помощью благодатных подвигов. Таким образом он исцеляет свое существо от недугов греха и неведения, восстанавливает целостность своей личности, устрояет целостность своего духа.

Человек, исцеленный и восстановленный с помощью религиозно-

нравственных сил, особенно выражает целостность своей личности через целостное познание. По евангельскому, православному пониманию святого Исаака Сирина, познание – это действие-подвиг всецелой человеческой личности, а не одной ее части, будь то разум, воля, тело или органы чувств. В каждом акте познания: в каждой мысли, в каждом чувстве, в каждом хотении – участвует весь человек всем своим существом.

Исцеленные благодатными подвигами, органы познания производят целостное, здравое познание, *здравое учение* (1Тим.1:10, 4:6; Тит.1:9). На всех ступенях развития это познание благодатно, ибо оно – плод синергичного творчества добровольных человеческих подвигов и благодатной силы Божией. В этом участвует весь человек и Бог. Поэтому святой Исаак непрестанно говорит о собранности души, ума, мыслей – собранности, достигаемой упражнением в Богочеловеческих евангельских добродетелях.

Однако эти добродетели отличаются от добродетелей всех прочих религий и философско-этических систем не только по содержанию, но и по методу. Евангельские добродетели имеют свое специфическое Богочеловеческое содержание и в нем – свой особенный Богочеловеческий путь их достижения. Своей беспримерно совершенной Богочеловеческой Личностью и своей беспримерно совершенной Богочеловеческой жизнью Господь Иисус Христос открыл нам и засвидетельствовал, что Богочеловеческий путь жизни – это единственный естественный и единственный нормальный путь жизни, а тем самым – и путь познания. Усвояя Богочеловеческую веру в качестве отправного положения всей жизни, человек тем самым приемлет ее и в качестве метода познания. Относящееся к вере касается и прочих Богочеловеческих добродетелей: любви, надежды, молитвы, поста, кротости, смирения и т. д. Ибо каждая из этих добродетелей становится в Христовом человеке живой творческой силой и жизни, и познания.

В Богочеловеческом принципе жизни и познания нет ничего нереального, абстрактного, гипотетичного. Здесь все предельно реально, так как все основано на опыте. Это происходит оттого, что в Лице Богочеловека Христа опытно и непосредственно дана трансцендентная Божественная реальность, а тем самым – и определение этой реальности. Человек благодаря Христову воплощению соделал телесной самую тонкую, самую далекую, совершенную реальность. Эта реальность не имеет границ, так как не имеет границ Личность Христова. Поэтому не существует пределов ни для человеческой личности, ни для человеческого

познания, ибо сказано и заповедано: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф.5:48). А это значит, граница личности и познания – это безграничность.

Личность Богочеловека Христа представляет Собой и действительно есть совершенное, идеальное осуществление Богочеловеческого монизма: естественен переход от Бога к человеку, от сверхъестественного к естественному, от бессмертной жизни – к жизни человеческой. Такой переход естественен и для познания, если по мосту веры, любви и надежды шествовать от человека к Богу, от естественного к сверхъестественному, от смертного к бессмертному, от временного к вечному; на этом пути открывается органическое единство этой жизни и жизни оной, мира сего и мира потустороннего, природы и над-природного.

Богочеловеческое познание интегрально, целостно, ибо на крыльях Богочеловеческих добродетелей подвижники беспрепятственно проходят через границы времени и пространства и входят в вечность. О таком интегральном познании мыслит святой Исаак, когда, определяя познание, он говорит, что оно – «чувство бессмертной жизни», и, определяя истину, свидетельствует, что истина – это «чувство Бога».

Относящееся к доброделанию относится и к познанию. Как «каждая добродетель – матерь другой добродетели» и матерь познания, так каждое познание – матерь другого познания. Одна добродетель порождает другую, побуждает к другой. Точно также каждое познание является основой и импульсом к последующему познанию.

Чем более упражняется человек в Богочеловеческих подвигах – добродетелях, тем более он познает Бога; чем более познает Бога, тем более подвизается. Богочеловеческий путь эмпиричен, практичен: *Кто хочет творить волю Божию, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно* (Ин.7:17). Это значит, опытным переживанием Христовой истины познается ее истинность и абсолютная незаменимость. Этот путь (метод) – эмпиричен, экспериментален, прагматичен. Познание истины дается не любопытному человеческому уму, а уму, упражняющемуся в богочеловеческих подвигах. Познание – это плод на древе богочеловеческих добродетелей, которое есть древо жизни. Познание – плод подвижничества. Ибо истинная христианская философия, православная философия – это Богочеловечёское подвижничество ума и всей личности человека. В ней всегда действует изумительное слово Спасителя: *Кто имеет, тому дано будет; а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь* (Лк.8:18).

Рассматриваемый в свете гносеологии святого Исаака Сирина, наивный реализм является трагически и пагубно наивным и не может дать реального познания мира, так как действует с помощью больных и извращенных органов познания. Между тем, Богочеловеческий реализм дает реальное познание мира и истины о мире, так как его орудия познания очищены, исцелены, обновлены и проникают в самую суть бытия и твари.

Рационализм считает разум непогрешимым органом познания. Поэтому в отношении ко всей совокупной человеческой личности рационализм является как бы анархическим отступником, как бы своевольным отщепенцем, который, оторвавшись от целого, не имеет ни полноты жизни, ни целесообразной деятельности. Он не в состоянии прийти к познанию Истины, так как в своей эгоцентричной отчужденности весь разбит, рассеян, покрыт трещинами. Истина же открывается уму очищенному, освященному, преображенному в Богочеловеческих подвигах.

Философский критицизм почти исключительно занимается изучением органов познания в их психофизической данности в категории человеческого. Кроме того, он изучает данные категории и условия познания. Но он нисколько не касается вопроса об оздоровлении, об исцелении, об очищении органов познания. Поэтому критицизм не может прийти к такому познанию Истины, которое могло бы удовлетворить человеческое естество в его поисках Истины. Критицизм по этой причине является не чем иным, как более осторожным рационализмом и сенсуализмом.

Философский идеализм исходит из трансцендентной реальности и таких критериев, существование которых он доказать не в состоянии. Основывая все на трансцендентных понятиях, он не может прийти к такому познанию Истины, которое необходимо человеческому естеству, чтобы по крайней мере отчасти утолить его изначальный голод вечной Истины и нетленной жизни.

Но всего того, чего не могут дать человеку разные гносеологические направления, дает ему православная философия, ее благодатно-подвижническая гносеология. Здесь перед человеческим познанием стоит вечная Истина во всей полноте своих бесконечных совершенств; и преподается Она освященному и облагодатствованному человеку. Ибо в Личности Богочеловека Христа трансцендентная Божественная истина стала имманентной человеку, объективно имманентной – стала для него вечноживой исторической реальностью. Для того чтобы человек сделал ее

своей собственной, субъективно имманентной, необходимо, чтобы он в подвиге Богочеловеческих добродетелей соделал Господа Иисуса Христа душой своей души, сердцем своего сердца, жизнью своей жизни.

[Сремские Карловцы, 1927]

Подвижнические и гносеологические главы

1. Как только вопрос коснется человеческой души, перед нами раскинется безбрежный океан ужасающей и Божественной таинственности. А если речь идет о грехе, то здесь немощнейшее человеческое познание приходит в трепет от его непостижимой тайны и силы. Душа человеческая в силу самого своего бытия постоянно как бы переливается через все границы нашего видимого, земного мира и утопает в потусторонних бесконечностях. Но точно также и грех. И одно, и другое – как бы не от этого мира, но от того. На самом деле так оно и есть: душа – от Бога, грех – от дьявола. Когда душа предает себя Богу и живет по Его законам, тогда ее жизнь постепенно преобразуется в рай. А когда душа поддается греху, ее жизнь исподволь превращается в ад.

2. Грех – это единственная неестественная категория в природе человека и космоса. Чужак, чужестранец, незваный пришелец, злодей, мучитель, убийца – вот что такое грех в каждом из нас. Но по своей разрушительности грех – это нечто и более страшное и горшее всего этого. Так что же он такое? Грех, в сущности – дьявол. По непревзойденному определению величайшего благовестника Христова, святого Иоанна Златоуста, «дьявол – это грех». Вот в этом и вся тайна греха, и вся сила греха, и весь ужас греха, и весь ад греха. Нет дьявола без греха, и не бывает греха без дьявола. Даже в самом малейшем грехе скрывается дьявол, бес. Как он ни мал, но это все-таки бес. Ведь дьявол не имеет милости к человеку. Когда грех созреет, он рождает смерть (см.: Иак.1:15). Вот конечный ужас греха: смерть. Опыт рода человеческого подтверждает: грех и смерть – это личные силы дьявола. С их помощью дьявол держит грехолюбивых людей в своих отвратительных объятиях. До каких пор? Пока не покаются. Когда человек покается, Бог его спасает.

3. В нашем земном мире огромна *тайна беззакония* (2Фес.2:7), тайна греха, тайна зла. В противовес тайне добра, вложенной в совесть человека и всегда своим жизненным нервом связанной с Источником всякого добра – с Богом, и причем – с Богом и Господом Иисусом Христом. Им она насыщается, им сохраняет себя в жизни и в своем бессмертии. Как Бог всяческих благ Он и пришел в наш земной мир, чтобы даровать нам уврачевание от всякого греха, от всякого зла, ибо нет зла вне греха. Как Единый Человеколюбец Он даровал ие только врачевство, но и всесильное средство, непогрешимо исцеляющее всякий грех в человеческом естестве. Этим всесильным средством является покаяние. Если человек отвергнет

это единственное лекарство, эту единственную вседейственную помощь, человеческое естество неминуемо завлекается в демонизм, в сатанизм, в самое бессмертное царство зла – в ад.

4. Через грех человек ссорится с Богом, враждует и воюет с Ним. Будучи главной дьявольской силой, грех не выносит ни Бога, ни чего-либо Божиего. Поэтому если он зародится в человеческой душе, то постепенно убивает в ней всякое добро: прежде всего – веру, затем молитву, любовь, пост, милость. Своим грехолюбием человек постепенно совершает самоубийство. Нет убийцы страшнее греха. Он вообще убивает все в человеке. Поэтому главная забота пробужденного человека – это убить грех в себе, а тем самым убить в себе и самого дьявола, убивающего нас грехом. Но как убить грех, как убить дьявола? Это может сделать лишь Богочеловек, Господь Иисус Христос, Который для этого и стал человеком. И делает Он это через нашу веру в Него, любовь к Нему, через наше покаяние перед Ним и нашу обращенную к Нему молитву.

5. Жизненный путь человека еще на земле простирается от ада до рая, от дьявола до Бога. В этом – и человеческое бессмертие, и вечность. Нераскаянный грех еще здесь, на земле, становится для человека невыносимым мучением: адом, бесконечным и безмерным адом. Гнев – один ад, гордость – другой, зависть – третий, сребролюбие, похоть, злоба – ад, ад, ад. Ибо в каждом грехе таится свой демон, а в каждом демоне – его собственный ад. Это происходит всегда, когда человеческой душой завладеет какой бы то ни было грех. Спасение души от этих адских мучений – одно, только одно: верою и собственным покаянием ввести в свою душу досточудного и всемилостивого Господа Иисуса Христа, разливающего по душе вечный райский мир и бессмертную радость. Только так человек обретает себя истинного, себя бессмертного, себя вечного.

6. Лишь Евангелие Христово знает в полноте тайну греха, природу греха и все, что он скрывает в себе. Евангельский блудный сын – совершенный пример раскаявшегося грешника (см.: Лк.15:11–32). Через его свободную волю в его жизни участвуют земля и небо, дьявол и Бог, рай и ад. Грех постепенно истощает человека, лишает его всего Божиего, парализует в нем все божественное и устремленное к Богу, пока наконец не ввергнет его в зловонные объятия дьявола. И тогда он пасет свиней своего господина – дьявола. А свиньи – это страсти, всегда ненасытные. И такая жизнь – это не что иное, как безумие, ис-ступление из себя, лишение разума. Ибо в потрясающей притче Господь говорит о блудном сыне: *Пришед же в себя* (Лк.15:17). Как? Покаянием. Да, человек от греха

становится безумным. Каждый грех, даже малейший – это всегда безумие души, выход души из себя. Покаянием человек возвращает себе разум, приходит в себя. И, придя в себя, он сразу же вопиет к Богу, бежит к Нему, взывает к небу: *Отче! согрешил против неба и пред Тобою* (ср.: Лк.15:21). А Отец Небесный? Он всегда безмерно человеколюбив: увидев сына, спешащего к Нему с покаянием, Он сжалился над ним, побежал навстречу, обнял его и начал лобызать. И приказал Своим небесным слугам, святым Ангелам: *Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка и заколите: станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться* (Лк.15:22–24). Так бывает с каждым и ради каждого кающегося грешника: ликование на небе всечеловеколюбивого Господа Бога и всех святых Ангелов.

Раскаянный грех приводит покаявшегося грешника в объятия Бога, в вечное Царство любви нашего Небесного Отца. Нераскаянный же грех рождает в душе человеческой ад, чтобы затем низвергнуть его в вечный ад дьявола.

Господи, дай нам покаяние.

7. Только ум, очищенный от страстей и греховной тьмы и освященный благодатью Святого Духа, может ощутить, постигнуть и возлюбить святое и жить им и для него. Лишь чистые могут познать Единого Чистого. *Блажени чистые сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф.5:8), – узрят прежде всего в святых, ибо Он в святых почивает. И узрят все божественное, рассеянное по всей твари Божией.

Каждый святой – Богоносец, в той самой полной мере, в какой это доступно человеку: ибо он Богом живет, Богом мыслит, Богом чувствует, Богом хочет, Богом делает. В нем – все от Бога, в Боге, ради Бога. Святые – это самое ясное, самое полное, самое совершенное Бого-явление, и потому – самое убедительное. Богочеловек Христос – совершенное Богоявление в образе человеческом: видимый образ Бога невидимого (см.: Кол.1:15). А Им и с Его помощью, в большей или меньшей мере, – и все Христо-носцы, прежде всего святые. Чем чище сердце и ум человека, тем более он чувствует и видит. Упорный грешник этого не замечает, ибо не видит, потому что грех ослепил очи его души, и очи сердца, и очи совести, так что он видя не видит, слыша не слышит, умствуя не разумеет. Поэтому люди так соблазняются святыми вообще.

8. Человеческая мысль, если она не завершится Богом, останется усеченной, незаконченной: она постепенно иссушается, увядает, пока наконец не увянет совсем. То же самое относится и к человеческому

чувству. Если оно не прикоснется к Богу, то также быстро поблекнет, замрет, пока напоследок не умрет совершенно. Этот закон действует и для человека в целом. Если его бытие не приведет его к Богу, то он остается ущербным, недовершенным; в нем постепенно умирает все великое и возвышенное, а остается мелкое и ничтожное.

Религиозность – это длительный процесс, в котором участвует весь человек со всем тем, что его делает человеком. Человек во всех своих религиозных переживаниях – это психофизическое существо. Бог стал человеком и явился как Богочеловек. Идеальное совершенство психофизического пребывает в Богочеловеческом: *Слово стало плотию* (Ин.1:14).

9. Знание и вера. Между ними клокочут бесчисленные мучения, страдания человеческого духа (см.: Еккл.1:13–18). Если что и доставляет мучение человеческому духу, то это знание. А также и вера? Да, и она. Здесь бесконечное число крушений. Но и спасенных. Знание и вера естественны и логичны по некоей тождественной силе. В сущности своей все знание основано на вере. На вере, если наше знание – нечто здравое, логичное, нормальное, достоверное. Мы приемлем мир таким, каким он представляется и кажется нашим органам познания, потому что веруем в наше человеческое познание, которое по природе своей является и невидимым, и неосязаемым.

Вера как орган познания постигает сущее выше разума и выше понимания для чувственного человеческого познания. Она имеет свое око, зрящее незримое. Но и взгляд веры, и познание веры простирается до известных границ. И тогда находящееся выше понимания хотя и оказывается непостижимым, но все-таки приятно, мученически приятно для верующей души.

Религиозное познание – это естественное познание, продолженное и расширенное верою и благодатью в сверхъестественное, но никак не в неестественное. Оно настольно над-рационально, что часто кажется иррациональным. Ведение о Боге проистекает из вложенного в нас религиозного чувства, или религиозной интуиции, а более всего – по благодати Богочеловека Христа.

10. Мудрости жизни научает философия Духа Святого, ибо она – мудрость и знание, благодатная мудрость и благодатное знание о природе существ; а средоточие этой мудрости – это знание Божественного и человеческого, видимого и невидимого. Философия Духа Святого – это в то же время *моральная* творческая сила, умножающая в человеке – через уподобление Богу в подвиге благодатного совершенствования –

божественную мудрость о Боге, мире и человеке. Этот этический характер православной философии подчеркивает святой Иоанн Дамаскин: «Философия – это уподобление Богу»; поэтому она – «искусство искусств и наука наук». Как животворная философия Духа Святого она – единственное искусство, которое из многосоставного и весьма сложного человеческого существа может изваять богообразную и христообразную личность; как наука Духа Святого она – единственная наука, могущая самолюбивое и пораженное смертью творение, именуемое человеком, научить препобеждать смерть и приобретать бессмертие. Поэтому православная философия – это «искусство искусств и наука наук».

11. Тайна Истины – не в вещественном, не в идеях, не в символах, а в Личности, в Личности Богочеловека Господа Иисуса Христа: *Я есмь Истина* (Ин.14:6), Истина совершенная, никогда не умаляющаяся, никогда не изменяющаяся, всегда одна и Та же в Своей совершенной полноте, всегда одна и Та же: вчера, сегодня и во веки Та же (см.: Евр.13:8). Все прочие истины источаются из Нее, как лучи из солнца, поэтому они бессмертны и вечны. Все догматы составляют, по существу, одну-единственную Истину: Богочеловека Господа Христа. Все они ведут к Нему, ибо исходят из Него; все они приводят к Нему, подобно тому как каждый солнечный луч приводит к солнцу.

12. Святые догматы – это вечные и спасительные Божественные истины: по животворящей силе Троичного Божества, от Которого они и проистекают; и в них – вся сила новой жизни по Христу, вся сила благодатной евангельской морали. Они поистине – *глаголы вечной жизни.* В силу того самого, что они – слова Христовы, которые *суть дух и жизнь* (Ин.6:63, 68). Новая жизнь во Христе вся соткана из догматических истин святого Откровения Святой и Животворящей Троицы.

13. Вечные догматические истины являются предметом веры; а вера – это подвиг, объемлющий всю человеческую, личность, а тем самым – и разум человека. Вера – тем вера, что вечные догматические истины Евангелия она претворяет в жизнь человека. Все евангельские добродетели во главе с верой – это небесный хлеб вечной жизни, питаясь которым, человек вводит себя в бесконечность, освящается, становится бессмертным, причащается благодати, совершенствует себя до конечных пределов своего богоподобия. Благодатная жизнь человека в Церкви неминуемо становится источником познания вечных догматических истин. Переживая их как сущность своей жизни, человек постигает их истинность, необходимость и спасительность для человеческой личности вообще. При этом можно ввести евангельский принцип и правило,

евангельский категорический императив: «Твори, чтобы познать». Ибо в этом смысл слов Спасителя: *Кто хочет творить волю Его, тот узнает* (γνώσεται) *о сем учении, от Бога ли оно* (Ин.7:17).

14. Все присущее Богочеловеку Христу осуществимо, воплотимо. Ибо в Господе Христе нет ничего абстрактного, ничего нереального; Его единственность заключается в том, что Он – воплощенный Бог и что в Нем как Таковом воплощены все Божественные истины. А если воплотился Бог и с Ним все Божественные истины, то значит, все они осуществимы, воплотимы в сфере человеческой жизни, и причем – в границах времени и пространства. Об этом свидетельствует весь Новый Завет и вся история Христовой Церкви и ее святых.

15. Так называемые логические доказательства бытия Бога: космологическое, телеологическое, онтологическо-психологическое, историческое, моральное и многие другие, сформировавшиеся с течением времени в религиозно-философском рационализме, – не могут в догматике Православной Церкви иметь ценности действительных доказательств, так как они основаны на принципах относительного, ограниченного, зараженного грехом разума и чувственных восприятий человека; истина же о бытии Бога не является для Церкви и Откровения логическим предположением, требующим доказательства посредством логических силлогизмов; напротив, она – истина, открытая Богом и потому несомненная. Как Божественная реальность и данность эта Истина не зависит от доказательств и логических обоснований разума. Логические доказательства насколько открывают Бога, настолько Его и сокрывают[1259].

16. Человеческое сознание имеет в себе нечто божественное. Оно настолько таинственно и загадочно в своей непосредственной данности, что никто меньший Бога не мог дать его человеку. В своей самой внутренней сути человеческое самосознание – это Бого-сознание. Ибо сознание, в сущности, – это дар Божий человеку. Человек не мог бы осознавать себя, если бы это не было ему дано от Бога.

17. К истинному и реальному Богопознанию и самопознанию человек приходит лишь путем деятельной любви. Любя Бога и людей, человек реально и опытно познает, что его душа является бессмертной и носит в себе образ Христов. Опыт деятельной любви как путь Богопознания и самопознания – это то чудесное благовестие, которым Богочеловек Христос одарил род человеческий. Шествуя по этому пути, человек быстрее всего обретает и Бога, и себя самого. А на беспутьях ненависти человек легко теряет и себя, и Бога. Возвещенный и опытно воплощенный Богочеловеком, этот путь Богопознания и самопознания навсегда остался

методом православной гносеологии.

18. В Богочеловеке Христе есть нечто высшее истины, благости и красоты. Он не только все это в абсолютном смысле, но и превосходит все это. В этом – Его исключительная притягательность. Все наилучшее в душе человеческой Христос привлекает к Себе неким неодолимым действием любви. Он дает человеческой душе все то, чего ей не могут дать ни «абсолютная истина», ни «абсолютное благо», ни «абсолютная красота», взятые особенно в их метафизической субстанциональности или логической оправданности.

19. Лишь один путь ведет к познанию Вечной Истины – это любовь. Приобретая любовь, которая есть сущность Божия, человек реально соединяется с Богом и таким образом приходит к совершенному познанию Вечной Истины. Любовь исполняет человека Богом. По мере исполнения себя Богом человек и познает Бога. Исполняясь Богом, человек просвещается, освящается, обожается и так становится способным к истинному познанию Бога. Путем усвоения и опытного переживания *первой и большей заповеди* – любви (Мф.22:37–39) – человек становится *причастником Божеского естества* (ср.: 2Пет.1:4). Божественная сила любви вводит всецелого человека в процесс обожения: у него обожается сердце, душа, ум и воля; «и все человеческое живет Богом, чувствует Богом, мыслит Богом, хочет Богом. При этом тайны Божества открывает ему Дух Святой, *Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (1Кор.2:11). А Дух Святой – это «Дух любви» и «Дух премудрости и разума», то есть Дух истинного ведения и Богочеловеческого познания.

20. Богочеловек соделал любовь сущностью и путем к познанию Бога и человека. Любовь – это не только чувство, но и сущность духа, души и воли. Она – главная творческая сила, которой новозаветная личность устрояет себя. Тайна изумительной Личности Христовой заключена в любви; в любви – и тайна новозаветной гносеологии. Богочеловеческая любовь – это новый путь познания. Ее категорический императив гласит: «Люби, чтобы познать». Истинное знание во всем зависит от любви: оно начинается в любви, растет любовью, достигает совершенства с помощью любви. «Я люблю» значит – «я знаю». Знание – это источение любви. Вся философия познания содержится в философии любви. Если человек любит той любовью, которая подобна любви Христовой, то он – истинный философ, ибо знает тайну жизни и мира. «Бог есть любовь»; и человек любовью становится человеком.

21. Когда христообразная личность обратит свою душу к твари, то вся проникается состраданием и молитвой. Она любит всю тварь, любит ее

состраданием и молитвой. Христообразная личность и восприемлет всю тварь не прямо, не собою, а через посредство Христа. Она приступает к твари Христом; смотрит Его оком, чувствует Его сердцем, мерит Его мерою. И так под корой греха она открывает безгрешную сущность твари.

Христообразная личность, путеводимая Христом по тайнам всего сотворенного мира, зрит Слово и Логику космоса и всякую тварь приемлет из руки Творца. Рассматриваемая в зеркале ее души, заболевшая тварь предстает в своей словесной безгрешности и красоте. Христообразной душе открывается последняя тайна твари, ибо она любит тварь. А возлюбленный всегда открывает свою тайну любящему. Христообразная личность взирает на природу не как на дикое чудовище, которое нужно немилосердно укрощать или побеждать (завоевывать, покорять), а как на больного, который нуждается в нежном милосердии, сострадании и любви. Для нее природа представляет собой не бездушную материю, требующую грубого обращения и безотчетного использования, а изящнейшую тайну Божию, которую следует молитвой миловать и любовью изучать. «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью» (Достоевский, «Братья Карамазовы»).

22. Проницательным оком своей молитвенной любви христообразная личность видит нетленную истину всякой Божией твари и обретает ее истинное место в логосной гармонии мира. Поистине «всякое творение Божие хорошо», и ничто не обречено на отвержение, если приемлется молитвенной любовью, ибо *освящается словом Божиим и молитвою* (1Тим.4:4–5).

Для чистых все чисто; а для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть (Тит.1:15). Для неверующего ума Ивана Карамазова все – дикий, проклятый и дьявольский хаос; для соединенного молитвою со Христом ума старца Зосимы и ума других любящих Христа героев Достоевского все – сладчайшая тайна Божия, только с горькой примесью греха; изгони грех – и все сразу же станет дивным и величественным. Лишь в Богочеловеке Христе вся тварь, видимая и невидимая, обретает свою вечную и абсолютную значимость, ибо *все Им и для Него создано* (Кол.1:16). В воплощенном Боге Слове всякая тварь обретает свою первозданную красоту, святость и

безгрешность.

23. Во всей твари нет ничего страшнее человека. Ибо он непостижимо простирается в бесконечность. Голова идет кругом у всех творений, имеющих силу мыслить о человеке. Философия о человеке трудна и для ангельских умов, печальна и для сердца Херувимов. Нигде нет конца человеческому бытию. Если же и есть конец, то этот конец – бесконечность. Горьки и ядовиты бесконечности человека. Кто не отравился ими, как только их почувствовал и чувством познал? Если ты с многострадальным Иовом посетил человеческие бесконечности, твое сердце должно было растаять от боли. Если ты их посетил с Шекспиром, то должен был впасть в безумие и опереться своей измученной душой – на чье плечо?..

Будем искренними до конца: если бы досточудный Господь Иисус Христос не воскрес и светом Своего Воскресения не осиял и не наполнил смыслом человеческие бесконечности, кто бы Творца такого существа, каковым является человек, не посчитал ненавистным мучителем?.. Но Единый Сладчайший кротко идет от одного до другого сердца, и Божественной нежностью услаждает горькую тайну человеческого бытия, и Собою заполняет его бесконечности. Поэтому для Христова человека любезны все человеческие бесконечности. Для него нет страха перед ними, так как все они исполнены Божественным Словом (Логосом), Божественным смыслом, Божественным все-смыслом. Ибо центр человеческого существа – в воскресшем и вознесшемся Господе Иисусе Христе, сидящем одесную Бога (см.: Кол.3:1). С воскресшим Богочеловеком бессмертие и вечность стали новой категорией человеческой жизни. Христиане тем христиане, что живут силою воскресения и по законам воскресения (см.: 1Кор.15:29–34). А это значит, они живут вечностью и ради вечности, ибо и тело, и душа сотворены для вечности, для богочеловечности.

24. Человек – это единственное существо среди всей твари, распростертое от рая до ада. Размах человеческих мыслей, человеческих чувств, человеческих настроений превосходит и ангельский, и дьявольский: превосходит ангельский, так как человек может ниспасть до дьявола; превосходит дьявольский, так как человек может возвыситься до Бога. Человек – всегда вечное существо, хочет ли он того, или нет. По всему, что ему присуще, струится некая загадочная вечность. Самим своим бытием человек предназначен к бессмертию и вечности. Только это бессмертие, эта вечность могут быть двоякими: добрыми или злыми, Божиими или дьявольскими. Человеку оставлена свобода и право выбора

между этими двумя бессмертиями, между этими двумя вечностями.

Когда начинается бессмертие человека? Начинается с его зачатия в утробе матери. А когда для него начинается рай или ад? – Начинается с его свободного выбора Божественного добра или дьявольского зла, Бога или дьявола. И рай, и ад для человека начинаются здесь, на земле, чтобы после смерти продлиться в той жизни на том свете. Что есть рай? – Рай есть чувство Бога. Если человек чувствует Бога в себе, он уже в раю. Где Бог, там и Царство Божие, там и рай. С тех пор как Бог Слово сошел на землю и стал человеком, рай стал самой непосредственной человеческой реальностью. Ибо где Господь Иисус Христос, там и рай. Поэтому святой Иоанн Кронштадтский говорит: «Когда Бог будет во всех мыслях, желаниях, намерениях, словах и делах человека, тогда приходит к нему Царствие Божие; он во всем видит тогда Бога: в мире мысли, в мире деятельности и в мире вещественном» («Моя жизнь во Христе»).

25. Сделать мысль причастной Божественному все-смыслу, Божественной логосности – значит преобразить ее в Бого-мысль. Также и чувство; если оно станет причастным Божественному все-смыслу, то преобразится в Бого-чувство. А Бого-мысли и Бого-чувства подобны Ангелам. Душа, исполненная ими, полна Ангелов. Это и делает ее раем. Постоянно чувствовать и постоянно сознавать Божественную логосность и божественную всезначимость мира – это и есть рай для человеческой души. Не иметь этого чувства и этого сознания – ад для души. Постоянство и бессмертие в чувстве и осознании Божественной логосности мира характеризует Ангелов и святых. Полное отсутствие этого чувства и этого сознания характеризует демонов и людей, закореневших во зле. Колебания в этом чувстве и в этом сознании – удел человеческой полу-веры. Рай состоит в постоянном и бессмертном чувстве и сознании Божественной логосности мира. А ад – в полном их отсутствии; дьявол тем дьявол, что абсолютно и вечно отрицает логосность и логичность мира. Для него – все бессмысленно, все неразумно, поэтому все нужно уничтожить. А человек поставлен на полпути между раем и адом, между Богом и дьяволом.

26. Каждая мысль и каждое чувство исподволь отводит души или в рай, или в ад. Если она словесна (логосна), то такая мысль связывает человека с Богом Словом, со Все-смыслом, со Все-ценностью; а это уже рай. Если же она исполнена бессловесия и противится Слову, то неминуемо связывает человека с бессмысленным, с лишенным смысла – с дьяволом; а это уже ад. Относящееся к мысли относится в той же мере и к чувству. Все начинается отсюда, с земли: и человеческий рай, и человеческий ад. Человеческая жизнь на этой планете – это грандиозная

драма: здесь постоянно сталкивается преходящее с вечным, смертное с бессмертным, зло с добром, дьявольское с Божиим.

27. В конечном итоге, невидимое – это сердце видимого, суть видимого. Будем искренними, все три мира: и космос, и земля, и человек – представляют собой некие невидимые силы, облеченные в материю. Видимая природа – это материальная проекция нематериальных, невидимых мыслей («логосов») Божиих. А человек – это то же самое и нечто намного то превышающее: человек – это видимая проекция невидимого образа Божия.

Любая вещь в мире сем – это как бы рамка, в которую Бог заключил какую-либо Свою мысль. А все вещи вкупе составляют роскошную мозаику мыслей Божиих. Шествуя от одной вещи к другой, мы как бы посещаем одну за другой Божии мысли, Божии начертания, во всей свежести и первозданности написанные на вещах. И идя от одного человека к другому, мы в каждом из них зрим образ Божий во всей его неповторимости. Ибо тогда как Бог в вещах заключил Свои мысли, в человека Он вложил Свой образ. Сказано в Святой Книге: *И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его* (Быт.1:27). Поэтому каждый человек – Бого-носец от утробы матери своей. Но образ Христов в душе своей человек разрушил грехом, помрачил страстями, обезобразил пороками. И чудный лик Христов он вымазал черной смолой страстей и отвратительным гноем сластолюбия. Но Премилостивый Господь Иисус Христос потому и стал человеком, «да Свой паки обновит образ, истлевший страстьми» (Догматик, глас 4). Он стал человеком, чтобы напомнить человеку о присущем ему образе Божием, о его Божественном происхождении и чтобы этот образ Божий в нем очистить от смрадного ила греха, от черной смолы страстей и омерзительного гноя похотей. Он, бесплотный Бог и Господь, восприемлет на Себя человеческую плоть и в нее заключает Свое Божество, чтобы показать людям, что плоть – рамка образа Божия (иконы Божией). Он, неописанный Бог и Господь, воплощается и в воплощении описывает Себя, написует Себя. Невидимый Бог, воплотившись, соделывает Себя видимым; неописанный Господь, воплотившись, описывает Себя плотию. Соединив в Себе Бога и человека, Господь Иисус Христос обновил образ Божий в человеке.

28. Лишь в Личности Богочеловека обрела свою значимость и личность каждого человека вообще. Ибо сущность личности каждого человека содержится в образе Божием. По учению и опыту Богочеловеческой Церкви, Церкви Православной, самое главное – это

найти образ Божий в человеке. Если ты найдешь его в человеке, то ты обрел его непреходящую ценность, его абсолютность, его незаменимость, его бессмертие и вечность. Часто образ Божий в человеке покрыт илом сластей и струпьями пороков, заглушен тернием страстей и грехов. Но предназначение православного христианина – счистить все это с образа Божия в душе человеческой, чтобы этот образ вновь заблистал своей божественной красотой. Если ты сделаешь это, то возлюбишь человека и во грехе его; ты никогда не будешь отождествлять грех с грешником и преступление с преступником; ты всегда сможешь отделить грех от грешника, осудить грех и помиловать грешника, как это сделал Христос с грешницей в Евангелии (см.: Ин.8:3–11). Вот, всемилостивый Господь осуждает грех, но не осуждает грешницу. Он как бы говорит: «Я не осуждаю твою богообразную душу, но осуждаю твой грех; ты – не то же самое, что и грех; в тебе есть божественная сила, могущая освободить тебя от греха»; *иди и впредь не греши* (Ин.8:11).

29. Сколько бы человек ни был влюблен в бури и грозы, он все-таки возжелает хотя бы на короткое время успокоиться в некоем тихом пристанище, где время не воюет с вечностью. Тогда его мысли, услажденные любовью от частых молитв, утонут в бесконечных лазурных глубинах. И всю его душу зальет одно желание: все свои мысли навсегда превратить в вековечные молитвы. Ибо мысли, не выливающиеся в молитву, – это сеятели бури, вызыватели грозы, творцы бунта. То же самое относится и к чувствам, если они не преобразуются в молитву.

Проклятие для человека – мысль, не желающая преобразиться в молитву, завершиться молитвой. Ужасно невыносимо иметь мысли, которые пред мистерией миров не переходят в молитвенное возбуждение и восхищение. Нет ничего изумительнее тех мыслей, которые при воззрении на Божии миры неощутимо вырастают в молитву.

30. Всему земному присуще нечто небесное; во всем естественном присутствует нечто сверхъестественное. В пшеничном зерне заключена частичка неба, ибо пока оно составилось, много небесного света, теплоты и лазури в себя впитало. Что-то звездное присутствует во всех растениях, во всех животных, во всех минералах, а тем более – во всем человеческом. Все в этом земном мире судьбоносно связано с тем небесным миром. Бесспорна истина: земля держится небом и существует небом; земля и все, что на ней. Одна и та же Сила содержит в бытии небесный и земной мир, естественное и сверхъестественное, видимое и невидимое. Переход естественного в сверхъестественное и сверхъестественного в естественное весьма таинствен и загадочен, он не подлежит контролю человеческого

пытливого духа. Через невидимые протоэлектроны и фотоны совершается переливание над-естественного в естественное, невидимого в видимое. А через таинственные фотоны души осуществляется переливание световых логосных сил Бога Слова (Логоса) в человеческое существо. Так, на самом деле нет четких границ между сверхъестественным и естественным, между невидимым и видимым. Во всем земном – много небесного.

31. Философия – это своего рода мученичество. Здесь мысль скитается по темным безднам и диким ущельям небытия и все-бытия. Поэтому философы – по большей мере печальные и – увлеченные люди.

Философы – часто и трагичные люди. Ведь их мысль долго и упорно штурмует космические тайны, пока наконец, подобно подстреленной птице, не упадет перед их последними твердынями.

Философы – иногда и отчаянные люди. Ибо мысль заводит их в такие лабиринты, из которых нет ни возврата назад, ни выхода впереди.

Философы – по временам и бунтующие люди. Ибо мысль у них возмущается при виде пугающей загадочности мира сего.

Философы – иногда саркастичные люди. Ибо их мысль не в состоянии найти ту каплю нектара, которая скрывается в соцветиях одушевленной и неодушевленной твари. И они питают себя горькой листвой грозных тайн, так обильно и буйно произрастающих на лугах наших печальных земных реальностей.

32. С ними, с философами, я в караване, блуждающем по бескрайним пустыням. И нам недостает воды, чтобы мы освежили душу, так как мысль наша утомилась, чего-то алчет и жаждет. И мы вкушаем песок и упиваемся им. О, сланые, горькие, страшные тайны, подобные песку... Скорбь это – быть философом. Ибо ты – в караване, который никак не может выйти из пустыни. Здесь человеческая мысль наконец в страшных мучениях издыхает от голода и жажды. А человек? – Отчаянное печальное существо, завершение серого песчаного холмика своего путевождя – мысли.

Впрочем, для человеческой мысли, измученной в пустыни мира сего, все-таки существует один выход. Да, только один выход! Это – Он, Богочеловек Христос. Он, Который мысль человеческую завершил Богом, Творцом мысли; Он, Который мысль человеческую, эту весть, преисполненную горечи, превратил в благо-вестие; Он, Который человека, это самое трагическое существо, совершил и до-вершил Богом. Он – чудесный и чудотворный Богочеловек: Бог человеческой мысли, Логос человеческой мысли, Логика человеческой мысли, Смысл человеческой мысли.

33. Разве человеческая мысль не есть самое кровожадное чудовище,

если не завершится и не усовершится Логосом мысли, Логикой мысли? Без Логоса мысли, без Смысла мысли человеческая мысль – это великая бессмыслица. Вы должны были это почувствовать, если серьезно размышляли о том, что такое мысль. Знаете, от такого размышления о природе мысли кровь стынет в жилах и мысль начинает как бы бредить и выходит за границы здравого рассудка. Истина, по-человечески реальная истина: лишь с Богочеловеком и в Богочеловеке человеческая мысль становится *игом благим и бременем легким* (ср.: Мф.11:30). Только Богочеловек открыл истинный путь для человеческой мысли – путь, ведущий в бессмертное совершенство и вечную жизнь. Этот путь заключается в следующем: человеческая мысль Богочеловеческими средствами должна развиться в Бого-мысль, человеческое чувство – в Бого-чувство, человек – в богочеловека по благодати.

34. Разум, живущий и выражающий себя во грехе, лукавстве и смерти, – это наказание Божие. Большой разум – большое наказание. С разумом, но без доброты и нежности человек – совершенный демон; ведь и демон – это большой разум без единой крупицы доброты и любви. Но и человек – то же самое, если у него нет этой любви и доброты. Человек разумный без доброты и сострадания – это ад для души и сердца, ад для всего человечества. Он разрушителен и саморазрушителен. По слову Святого Евангелия, *расточи гордыя мыслию сердца их* (Лк.1:51).

35. От каждого евангельского подвига в душе возникает как бы новое око, а от многих подвигов – многие очи, которыми душа смотрит и видит незримо и богочеловеческим судом оценивает все события в себе и в окружающем мире. Если человек подвизается в евангельском милосердии, то в его душе должно засветиться око, которое бы пристально взирало на все Христово и денно и нощно искало вечного и Богочеловечного. Если он подвизается в евангельской любви, евангельской молитве, евангельском посте и в прочих евангельских добродетелях, в его душе умножаются очи, взирающие на невидимое и зрящие Незримого. Лишь в подвиге евангельских добродетелей у человеческой души отверзаются очи на все Божие и вечное в мире временного бытия. Если душа не стяжает в себе евангельские добродетели, то остается слепой ко всему бессмертному и вечному и на этом, и на том свете (см.: 2Пет.1:3–9).

36. Наше – это возрастить и выпестовать в себе все вечное и Богочеловечное: развить в себе чувство и сознание вечной жизни до конечных границ. Для того Бог Слово и стал человеком, чтобы нас, людей, научить приобретать вечную жизнь в этом тленном мире. Наша вера – это не что иное, как непрестанная борьба за вечную жизнь, непрестанное

мученичество за вечную жизнь (см.: 1Тим.6:12). А земля – это поле битвы и место мучений, на котором мы претерпеваем муки и подвизаемся за вечную жизнь. В этом – наше призвание (см.: 1Тим.6:12). Мыслящий иначе – не Христов.

37. Нельзя выбрасывать из ума: человек лишь тогда становится способным рассматривать и познавать самого себя и окружающий мир с Божией точки зрения, оценивать его глазами Христа, измерять Богочеловеческой мерой, если он сам благодатными подвигами евангельской веры со-воплотится Богочеловеку Христу, станет *сонаследником., составляющим одно с Ним тело* (ср.: Еф.3:6), составной частью Его Богочеловеческого Тела – Церкви. Другими словами, если он воцерковится (войдет в соборную полноту Церкви) всем существом своим, всею душею своею, всем сердцем своим, всею силою своею и если он станет одно с соборною полнотою Церкви, со Христом, так что на мир будет смотреть святыми глазами Духа Святого. Все это достигается непрестанным благодатным упражнением в евангельских подвигах веры, любви, надежды, молитвы, поста, кротости, смирения, терпения и других. И происходит таинственное и благодатное срастание человеческой души и всего существа с Господом Христом, как ветвей с лозою (см.: Ин.15:1–6). Так человек становится самим собой, так он срастворяется с Церковью и со Христом.

38. *Написано: погублю мудрость мудрецов, разум разумных отвергну* (ср.: 1Кор.1:19). Что человеческое может выстоять перед силой греха и дьявола? Может быть, разум, или воля, или сердце? Все это немощнее тени и слабее паутины. Есть ли такая человеческая мудрость, которая не падет бездыханной перед страшной силой смерти и греха? Есть ли такой человеческий разум, который не будет насмерть поражен в борьбе с грехом, смертью и дьяволом? Нет такой человеческой мудрости, хотя бы то была и «мудрость мудрецов», которую не уничтожили бы смерть, грех и дьявол. Нет такого человеческого разума, хотя бы то был и «разум разумных», которым смерть, грех и дьявол не играли бы, как дети шариками. И разве эта мудрость – действительно мудрость, если она не может спасти человека от смерти и греха? И разве этот разум – истинный разум, если он не может найти для человека средство спасения от смерти, греха и дьявола? И «мудрость мудрецов», и «разум разумных» оставляют людей обезличиваться и погибать в смерти и смертном, во грехе и греховном, в дьяволе и дьявольском: Здесь беспомощность человеческой мудрости и человеческого разума почувствует каждый, кто попытается с их помощью решить проблему смерти и жизни и освободиться от греха и

смерти. И если он последователен и упорен, то должен прибегнуть к чему-то более сильному, нежели человеческая мудрость и человеческий разум. А в нашем человеческом мире этим более сильным является только Крест Христов. О сем и предупреждает богомудрый апостол, напоминая христианам слова Божии: *Написано: погублю мудрость мудрецов, разум разумных отвергну.* И поистине, крестом спасая мир от греха, смерти и дьявола, Господь наш Иисус Христос погубил (уничтожил) «мудрость мудрецов» и отверг «разум разумных». И установил Крест Свой как силу спасения, средство спасения и знамение спасения.

39. *Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего?* (ср.: 1Кор.1:20) – чтобы то оспорить и доказать, что не Крест Христов – та сила, которой мы спасаемся от греха, смерти и дьявола, а мудрость человеческая, и книжность человеческая, и не знающее границ человеческое мудрование. «Где мудрец», который бы нашел для нас врачевство от смерти и спас нас от греха; который бы объяснил нам тайну мира и человека; который бы поведал нам смысл жизни и смерти. «Где книжник», который бы нам все искусно описал и показал – и тем самым доказал бы спасительность человеческой книжности. «Где совопросник века сего», который бы все это осмыслил и логически нам обосновал – и таким образом возвестил бы спасительную миссию людской философии. И «мудрец», и «книжник», и «совопросник века сего» – не кто иные, как красноречивые и неумолчные свидетели человеческой немощи и человеческой беспомощности перед главными логическими и естественными вопросами человеческого духа. Они часто еще более умножают наши мучения от неведения, от немощи, от греха, от смерти, от беспомощности, словом – наши мучения от ада, который мы называем человеческим познанием, человеческим разумом, человеческим сердцем.

40. *Ибо , когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди* (Креста Христова) *спасти верующих* (1Кор.1:21). И в целом, и в частностях мир сотворен Богом Словом, Богом Премудростью, Который как Спаситель мира именуется и *Премудростью Божией* (1Кор.1:24, 30). Это значит, весь мир вокруг человека является зеркалом премудрости Божией и каждая тварь – неумолчный глашатай и проповедник этой премудрости. Находясь в этом Божием мире, человек поистине пребывает в «премудрости Божией», окруженный ею со всех сторон. И несмотря на все это, род человеческий, этот мир богообразных мудрецов, *мудростью не познал Бога,* хотя и обитал в *премудрости Божией,* то есть в творении Божием, которое все громогласно проповедовало своего Творца. Тьмою грехов

своих мы, люди, затворили от себя премудрость Божию, разлитую по всей твари и сокровенную в ней. А из Креста Христова воссияла вся Божественная премудрость вочеловечившегося Бога Слова, благодаря чему, верою в него, мы и познаем Единого Истинного Бога и Господа, и спасаемся от греха, смерти и дьявола. И каждый разумный и искренний человек должен признать: воистину Бог *юродством проповеди* Креста Христова спасает верующих. Крест и вера – вот средства спасения. Силу Креста можно почувствовать, если уверуешь в него, хотя бы то было и вопреки всем «логическим доказательствам», выдвигаемым человеческим разумом против этой веры. Если человек уверует в Крест, то постепенно проникается его спасительной силой и радостью спасения и по нему разливается премудрость Божия, исполняющая его истинным познанием Бога, силы Божией и премудрости Божией, а также познанием чудодейственного подвига Богочеловека: спасения мира Крестом. Лишь через спасение от греха, смерти и дьявола мы приходим к истинному богопознанию, а также к познанию человека и прочей твари. Ибо грех, смерть и дьявол источают из себя мрак и тьму, затворяющие от нас Бога и помрачающие творение Божие, чтобы мы не видели в нем премудрости Божией и силы Божией, которые бы привели нас к истинному Богопознанию, а также к истинному познанию человека и всей твари. Лишь очищенные от греха человеческие ум, сердце и душа способны истинно познать Бога, человека и окружающий мир. Крест в душе, Крест в сердце, Крест в уме – вот силы, очищающие нас от всякого греха и дарующие способность верою познавать Бога и премудрость Божию. А без веры в Крест нет ни спасения, ни Богопознания, ни знания о человеке.

41. *Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого... – Божию силу и Божию премудрость* (1Кор.1:22–24). – Иудеи просят знамения, а грекам (эллинам) нужна философия; им не до спасения от зла, греха и дьявола. Но лишь освобождение от всего этого дает все потребное для человека: силу и мудрость, знание и крепость, бессмертие и радость. А без того ни чудеса не приводят иудеев к спасению, ибо они не веруют Чудотворцу, ни человеческая мудрость не приводит еллинов к истинной Премудрости, ибо они не веруют в воплощенную «премудрость Божию» – в Богочеловека Христа. Первое условие для обретения истинной Премудрости: дух человеческий должен освободиться от прельщения, лжи, греха, т. е. от гордости, самодовольства, эгоизма, замкнутости в себе (см.: Ин.12:24). Божественная Премудрость подается лишь чистым сердцем, лишь людям святой жизни (см.: Мф.5:8; Иак.3:13). Эта Премудрость – дар Божий; *она,*

во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна (Иак.3:17). А такая мудрость – это лишь евангельская премудрость, достигаемая верою во Христа распятого и воскресшего и чистой и святой жизнью по вере.

42. *Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (1Кор.2:2). – Потому что Он – единственное Существо под небом, Которым люди могут спастись (см.: Деян.4:11–12). Знать сие – это обладать высшим знанием, единственно ценным и всеобъемлющим. Без этого не являются ли все человеческие знания пустым и немощным неведением? Ибо на самом деле они нисколько не помогают человеку в самом главном. Обладая всеми ими, человек – лишь бурлящее, грохочущее и призрачное «ничто» (см.: 1Кор.13:2). Если человек заглянет в себя, во все свои знания, то должен будет прийти в содрогание от своей ничтожности, как бы не-бытия, и от своей немощи. Но если он духовно пробудится, то почувствует, что означает Богочеловек Христос для рода человеческого: он ощутит Его Спасителем всего человеческого, всенаполняющим Смыслом и души, и тела, и знания, и чувства, и жизни, и смерти, и бессмертия, и вечности, всего видимого и невидимого. Эллинский дух – и по вере, и по философскому обожанию человека, человекопоклонству – полностью немощен и беспомощен, когда встает вопрос о спасении человека и мира. Более того, эта склонность сильно мешает эллинам правильно оценить Богочеловека Христа и принять Его как Единого Истинного Бога и Господа, Спасителя и Искупителя. Посему святой апостол и приходит в их среду (в среду эллинов в Коринфе) с решением быть *ничего не знающим среди них, кроме Иисуса Христа, и притом распятого.* Да, Распятого. А это значит: Спасителя, а не только Учителя; прежде всего – Спасителя, а затем Учителя. Как Спаситель Он Своею крестною смертью, Своим Воскресением, Своим Вознесением, всей Своей Богочеловеческой жизнью совершил спасение мира от греха, смерти и дьявола. Это и соделало Его единственным Учителем рода человеческого: ибо только Он и учит людей, и дает им Божественные силы побеждать грех, смерть и дьявола, благодаря которым они приобретают и уготовляют себе вечную жизнь. Поэтому Ему и имя: Иисус, что означает «Спаситель».

43. *Мудрость же мы проповедуем... но мудрость не века сего... но проповедуем премудрость Божию, в тайне сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей* (1Кор.2:6–7). Господь Христос как Богочеловек и есть та *Премудрость Божия* (1Кор.1:24, 30) и «слава наша». В Троичном Божестве Он – прежде мира сего, «прежде

всякого времени» (в русск. переводе: «прежде веков». – *Примеч. пер.*) предназначен быть вечным смыслом человеческого существа и его славой. И действительно, этой славой Он, вочеловечившись, прославил человека. *Всю полноту Божества* Своего внес Он в человека (ср.: Кол.2:9) и таким образом несказанно прославил человека. Как Богочеловек Он ввел человека в полноту Божественной жизни, Божественного бессмертия, Божественной вечности, Божественной славы: ибо вот, Он как Человек сидит одесную Бога Отца, в вечной Божественной славе. Человек сотворен с богочеловеческими начатками и возможностями. Они – в богообразии его существа. А богообразие проявляет себя в устремленности к Богу: в желании все свое совершить и завершить Богом, Богочеловеком: и душу, и тело, и сердце, и жизнь. Поэтому явление Бога Слова как Богочеловека соответствует вечным хотениям человеческого существа.

44. *А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проницает, и глубины Божии* (1Кор.2:10). За веру во Христа и любовь ко Христу Бог дает *Духа Своего Святаго,* Духа Истины, вводящего христолюбивую душу во всю истину о Богочеловеке Христе и открывающего ей все *глубины Божии,* которые в Нем. Дух Святой отверзает человеку очи, так что тот видит, *чего не видел глаз,* и слух, так что он слышит, *чего не слышало ухо,* и сердце, так что чувствует и познает, *что не приходило на сердце человеку* (ср.: 1Кор.2:9). В день Святой Пятидесятницы Дух Святой открыл апостолам всю Христову тайну, и с тех пор они ради Него шли на все виды смерти, подвергали себя всевозможным опасностям, претерпевали различные мучения. Оставшись навсегда в Церкви, Дух Святой и впредь открывает Христову тайну каждой христолюбивой душе (см.: Ин.14:16–17, 26, 16:13; Деян.4:31, 10:47, 11:15; Еф.1:17), Он – главный Апостол и Свидетель Христов (см.: Ин.14:16–26, 15:26). Он преподает боголюбивым душам самое совершенное знание о Господе Христе, какое только способно воспринять человеческое существо. Поэтому духоносный благовестник пишет христианам: *Вы имеете помазание от Святаго и знаете всё* (1Ин.2:20): знаете всё, что только может человек знать о Боге, о мире, о человеке, о жизни, о вечности. Лишь духоносцы знают тайну Богочеловека. Это прежде всего святые. Несомненно, каждый христианин через Святые Таинства становится духоприимцем и духоносцем. Но лишь святые удерживают в себе Духа Святого, творя евангельские добродетели и проводя евангельскую жизнь, а мы огорчаем Его грехами, да и изгоняем. Нося в себе Духа Святого, открывающего нм *глубины Божии,* которые в Иисусе Христе, святые отцы и являются единственными истинными и достоверными истолкователями Священного Писания и вообще

Божественного Откровения.

45. *Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего* (того, что в Боге – τὰ τοῦ Θεοῦ) *никто не знает, кроме Духа Божия* (1Кор.2:11). Человек – это закрытый мир, замкнутый универсум. Таким его делает его собственное самоощущение и самопознание. Без его волеизъявления никто не может в них проникнуть, кроме Всеведущего и Вездесущего Господа. Это его исключительная и неотъемлемая собственность. Вообще говоря, только это ему и принадлежит. Он себя познаёт и знает посредством внутреннего чувства и самопознания. Но в чем сущность этого внутреннего чувства и этого самопознания – он и сам не знает. Их тайна сокрыта в Боге Слове, как и всецелая тайна человеческого существа. Лишь воплощенный Бог Слово, Богочеловек Христос, открыл не только тайну Бога, но и тайну человека. Поэтому через посредство Богочеловека лучше всего и совершеннее всего познается человек. Когда человек живет Богочеловеком, его знание и о Боге, и о человеке возрастает в Богочеловеческом совершенстве. *Дух человека* – источник человеческого самопознания и знания, всего самоощущения и чувства. Только он знает, *что в человеке,* и от него зависит, откроет ли он это. Так и того, *что в Боге* никто не знает, *кроме Духа Божия.* Только Дух Божий знает, что в Богочеловеке Христе. Человек же лишь после личного освящения и соединения с Духом вводится в эти тайны Духа. Приобщаясь святой жизнью к Духу Святому, человек, по мере своего освящения, приобретает и знание о том, *что в Боге,* как и знание о том, *что в человеке.* Поэтому лишь святые духоносцы знают Бога и то, *что в Боге,* знают человека и то, *что в человеке.*

46. *Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога* (1Кор.2:12). – Вот тайна христианского Богопознания, тайна познания Христа. Дух Святой дает нашему духу силы, чтобы мы могли *знать дарованное нам от Бога.* Божие познается Божиим. Бог познается Богом – это апостольское и святоотеческое правило в христианской теории познания, гносеологии. Чем обильнее приемлет в себя человек Духа Божия, тем совершеннее знает он Бога и Божие. Лишь духоносцы знают в полноте, какие богатства, какие совершенства, какие святыни дарованы нам от Бога в Богочеловеке Христе. Как святые апостолы лишь Духом Святым познали это совершенно и ясно, так и каждый христианин. Это – закон, действующий для каждого человеческого существа. Поэтому духоносные отцы совершеннее всех знают Христа и по вдохновению Духа изъясняют Святое Евангелие, ибо

истолковывают его Духом Святым, открывающим им и *глубины Божии*.

А что такое «дух мира сего»? Это такое мировоззрение: мир сей – это всё и вся; им живут, им и умирают; в нем появляются, в нем и исчезают; кроме мира сего, иного мира не существует; кроме человека, не существует Бога; пребывающее в мире сем – это всё, а выше сего мира и вокруг него – ничто, ничто, ничто; человек своим существом возник и вырос из мира сего и в него весь снова возвращается, растворяется и истлевает. Поэтому «дух мира сего» не может знать ни Христа Бога, ни дарованного нам в Нем от Бога. «Дух мира сего» пребывает во властях мира сего, не познавших и не признающих Богочеловека и Спасителя во Христе Иисусе, Господе нашем; этот дух и в материалистах, и в рационалистах, и в гуманистах, и в папистах, и во всех тех, кто хочет низвести Богочеловека Христа до человека и представить христианство как человеческую философию, человеческую науку, человеческое явление, человеческое творение.

47. *Ибо я ничего не знаю собою* (1Кор.4:4). Даже и апостол Павел лишь через Богочеловека Христа начал познавать самого себя. Через познание Христа – к самопознанию! Да, это единственный путь. Богочеловеком мы познаём себя как человека, входим в страшную тайну существа, именуемого человеком, познаём, что он такое, откуда, для чего, куда движется. Лишь через посредство Богочеловека мы начинаем разуметь свой разум, свое сердце, свою душу, свое тело, и мир вокруг нас, и многие тайны Божии – святые, пресвятые, превозвышенные. Как человек, сам по себе, «ничего не знаю собою». Что знаю, – говорит Павел, – знаю Христом, живущим во мне: в моей душе, в моем разуме, в моем сердце, в моей жизни (см.: Гал.2:20). Им живет мое самопознание, мое знание и врастает в святые тайны Божиих миров. Я лишь теперь усматриваю, что самопознание правильно, истинно, бессмертно и вечно – лишь Им и в Нем. Ибо все, что познаю и знаю как несомненно истинное и действительное, познаю и знаю Им, а не собою.

48. Обратим внимание на смысл святого апостольского благовестия: *Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить познанием славы Божией в лице Иисуса Христа* (2Кор.4:6). Лишь когда Бог Своею благодатью зажжет свечу нашей души, «озарит наши сердца», тогда наше духовное зрение становится способным видеть вечную Божественную славу *в лице Иисуса Христа*, Богочеловека. Не видящий Бога *в лице Иисуса Христа* поистине слеп, поистине тьма ослепила очи его души. И он никогда ни в ком и ни в чем не найдет Истинного Бога, ибо нет Его вне Христа. Вместо этого он будет

провозглашать богами разные существа, явления или вещи. Если же человек через покаяние пробудится из своей страсти, из своего грехолюбия и отрезвит свою душу верой во Христа и любовью ко Христу, то сразу же узрит в Нем Бога и всю Божественную славу, насколько может подъять ее человеческое существо, к вечной своей славе.

49. Не можешь себя знать, знать точно и истинно, пока не посмотришь на себя Богочеловеческим оком Церкви и пока не измеришь себя Богочеловеческим мерилом Церкви. Ибо и ум наш не представляет собой непогрешимого мерила и непогрешимого судии: он подвержен многим немощам, несовершенствам, изъянам и помрачениям. Ему необходимо добровольно принести себя в жертву Господу Христу – Божественному Слову, Божественному Уму: через самоотверженный подвиг веры, любви, молитвы. И тогда чудодействующий Господь в Богочеловеческом Теле Своей Церкви преобразит его, обновит, освятит, введет в соборный Бого-человеческий ум Церкви. И лишь здесь, в этом Бого-человеческом уме Церкви, твой ум обретет себя, свою полноту, свое совершенство, свою святость, свою непогрешимость. Только *со всеми святыми* (Еф.3:18), в Церкви Христовой, мой ум становится соборным, воцерковленным, преображенным Богочеловеком, приобретает силу и крепость и ясно видит, опять-таки *со всеми святыми*, через них и с их помощью – свой вечный путь, свой вечный смысл, свою вечную ценность, свою вечную жизнь, свою вечную радость.

Без этого мой ум – пустое, почти бесконечное *ничто* (Гал.6:3); и весь я, со всецелой моей душой, и телом, и сознанием – непрестанное, бесконечное метафизическое, а также и физическое «ничто», пока я отделен от Того, Кто есть всё и вся для каждого существа: от Господа Иисуса Христа, Бога Слова, всецело воплощенного в Его Церкви. Ибо вне Богочеловека Христа я – весь смертен, весь «ничто», включая и физическое «ничто», так как именно физической частью своего существа я наиболее поражен тлением и подвержен видимой смерти. До тех пор пока моя человеческая мысль не преобразит себя Словом (Христом), она остается фантастическим призраком, прежде всего – для самой себя. Да, человеческая мысль бессмысленна, пока не наполнится смыслом, не преобразится (букв. «не станет логосной». – *Примеч. пер.*) Богом Словом – Господом Христом – в Его Церкви; пока не лишится бессловесия, не воцерковится, не станет соборной, святой, исполненной благодати, богочеловеческой.

50. Нет большего мучения (см.: Еккл.1:18), нежели мысль сама по себе! И нет большего ада, чем мысль сама в себе и сама с собой,

полностью отверженная от Творца и Бога мысли – от Господа Иисуса Христа, Бога Слова. Человеческая мысль без Господа Христа не может ни познавать себя, ни знать себя или окружающий мир. И если в своем воображении она думает, что что-то знает – *еще не знает так, как должно знать* (1Кор.8:2). Вообще говоря, все мыслительные способности находятся не в самой мысли, а в Боге Слове; от Бога Слова они и проистекают (см.: 2Кор.3:5). В этом – разумность мысли, и смысл мысли, и логичность мысли, и логосность мысли. Без этого она всегда бессловесное (букв. «лишенное логоса». – *Примеч. пер.*) привидение, немыслящее чудовище, которое само по себе непрестанно вьется по пустыням бессмысленного существования и бытия, приводящего в конце концов к небытию.

51. Своим Богочеловеческим подвигом спасения на земле Господь Иисус Христос благословил род человеческий *всяким духовным благословением* (Еф.1:3). Этим Он осуществил то, что в качестве определения Божия о роде человеческом существовало в Трисолнечном Божестве «прежде создания мира». Спасение, которое мы, христиане, стяжаем и приобретаем Спасителем, – это осуществление предвечного Божия замысла о нас, *так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира.* Избрал весь род человеческий как единое целое, а нас, христиан, и как отдельных верующих, предвидя, что мы с верой и любовью примем Спасителя и спасение. Это избрание ни в коем случае не означает Божия предопределения; оно – лишь Божие предведение и предвидение того, как кто из людей будет относиться к предлагаемому Им спасению. Ибо человеколюбивый Спаситель предлагает спасение всем, но принимает его лишь известное число людей. Принимают его те, которые добровольно решаются жить святой и непорочной жизнью во Христе и пред Христом. А такой жизнью можно жить лишь Духом Святым и в Духе Святом с помощью Святых Таинств и святых добродетелей, источающихся из Святых Таинств. Никого нельзя насильно принудить жить праведной и святой жизнью. Здесь все основано на свободной воле, на добровольном усилии и труде. Добродетели, святые добродетели нельзя навязать силой или неким предопределением, так как они, от начала до конца, – дело доброй воли.

52. Бог благодать *приумножил в нас во всякой премудрости и разуме* (разумении) (Еф.1:8). – Благодать в премудрости. Это облагодатствованная премудрость, премудрость божественная, логосная, бессмертная, вечная, только в границах нашей человеческой души. Обогащенный этой благодатной премудростью, христианин премудро живет на земле, избегая

греха, от которого душа теряет разум и начинает бредить. Ибо грех – это и есть безумие души, утрата ею разума. Благодать в разуме (разумении) – это Божественная сила, освящающая, преображающая и обоживающая: она освящает разум, преображает и обоживает его. И разум становится чистым, обновленным, преображенным, обоженным, и из него струятся божественные мысли, божественные рассуждения, божественные размышления. Пока он под властью греха, разум источает из себя тьму и мрак, убогие и худые помыслы, безумные, лишенные смысла мудрования, потому что грех царствует в человеке через многочисленные виды демонизма и глупые рассуждения. Зараженный грехом разум всегда находится под властью зла, а тем самым – и под мучительством дьявола. Облагодатствованный же разум всегда пребывает под властью Божественного блага, а тем самым – под владычеством Самого Бога всяческих благ – Господа Иисуса Христа.

53. Разум преображается благодатью с помощью Святых Таинств и святых добродетелей. Так, молитва своей святой силой наполняет разум благодатью; и соединенный с молитвой разум каждое свое рассуждение развивает и ведет по Божественным путям, так что его никогда не соблазняют мрачные беспутья. Точно также и любовь своей святой силой наполняет разум благодатью, так что тот с восхищением благовествует и оправдывает Христо-образную любовь ко всем людям и ко всем творениям. Так же действуют и смирение, и кротость, и пост, и все прочие евангельские добродетели: каждая своей святой силой преисполняет разум благодатью и тем самым преображает его, освящает, соединяет с Богочеловеком Христом, обожает, вводит в бессмертие и вечность – и дарует ему способности радостно и возвышенно жить во времени для вечного, для Божьего в человеке, для Бого-человеческого в людях, для Господа Иисуса Христа во времени и вечности и всем своим существом усвоять вечную Божественную Премудрость, явленную в Божественном Откровении.

54. Что Бог хочет сделать с этим миром? Какова в нем Божия цель? Чего хочет Бог от рода человеческого, от человека? Почему Бог сотворил такой мир и такого человека в нем? Этого не знает и не может знать никакая людская мудрость, никакой человеческий разум. Это могут знать и действительно знают лишь мудрость и разум, преисполненные Христовой благодати. «Богатство благодати» Своей Трисолнечный Господь и излил на нас, «открыв нам тайну Своей воли» в Лице Господа Иисуса Христа и в Его Богочеловеческом подвиге спасения: «тайну Своей воли» о нашем земном мире и о всех мирах, о человеке и о всех

человеческих существах. Несомненно, тайна неба и земли – в тайне воли Божией. Если бы Он нам этого не открыл, мы, люди, никогда бы не узнали и не открыли этой тайны, а тем самым для нас осталась бы закрытой и тайна нашей человеческой воли: для чего нам дана воля, чему она должна служить и как ею управлять. По предвечному благоволению Своему Бог открыл нам ту тайну, которую имел в Себе относительно мира и человека. А это благоволение всецело источается из безграничной Божией любви, по которой Бог и определяет от вечности все Свое отношение к роду человеческому.

55. Как возможно познать Господа Христа, Богочеловека, и Его неизреченное домостроительство спасения мира? Только *со всеми святыми* (Еф.3:18). В этом домостроительстве спасения и широта Божественно бесконечна и безгранична, и долгота, и глубина, и высота. А это – Сам Господь Иисус Христос, Богочеловек: воплощением Своим Он снизшел в преисподние места естества человеческого; погребением – в преисподние места ада; Воскресением и Вознесением – возшел с человеческим естеством превыше всех небес и вознес с Собою всех святых, всех Своих верных последователей; и Он возносит их непрестанно через святую жизнь в Святых Таинствах и святых добродетелях. *Глубины Божии* (1Кор.2:10) присущи всему в Богочеловеческом домостроительстве спасения Господа Христа: присущи Его широте, и Его долготе, и Его глубине, и Его высоте. В эти «глубины Божии» вводят нас и руководствуют по ним лишь святые духоносцы (см.: 1Кор.2:10–16), весь дух которых исполнен Духом Святым и Им водим и направляем. И мы лишь в благодатном общении «со всеми святыми» можем это разуметь, постепенно приращая то по мере нашей веры и наших евангельских подвигов. А эти святые духоносцы, где они? В Богочеловеческом Теле Христовом, в Церкви: в ее бесконечных Божественных глубинах, и широтах, и высотах, и долготах. Полностью соединенные с Богочеловеком благодатным соединением, они живут тем, что Его, имеют то, что Его, ведают Его ведением, ибо соборным умом Церкви умствуют, и соборным сердцем Церкви чувствуют, и соборной жизнью Церкви живут, и в соборной воли Церкви сосредоточено все их хотение. Все им принадлежащее прежде всего и всегда принадлежит Ему, и они всегда для себя свои лишь через Него и Им.

56. Апостол Павел говорит: *Да познаем любовь Христову, превосходящую всякое знание* (разумение) (Еф.3:19). От этого по душе подвижника веры разливается чудесное умиление, и он всем своим существом радостно ощущает эту истину: любовь Христова препобеждает

всякое знание, ибо она дарует душе такие блага, такие радости, такие блаженства, о которых никакое знание не может даже предполагать, а тем более не может обрести их и дать человеческому существу. Это чувство, и в нем познание всезначимости любви Христовой – дар Божий, откровение Божие для соборного жительства в Церкви «со всеми святыми». Ибо благодатная жизнь в Церкви «со всеми святыми» вводит нас в над-умное, над-человеческое, над-природное (сверхъестественное) познание. Чего? Божественной любви Христовой, выраженной в Его Богочеловеческом домостроительстве спасения, в Его Церкви.

57. Действительно, какой человеческий ум, какой человеческий разум и какое человеческое знание может познать, осознать, проникнуть в пресвятую тайну Церкви Спасителя, которая – не что иное, как весь Богочеловек Христос во всех своих Божественных и человеческих совершенствах и силах? Ум и разум человеческий, в какой бы то ни было человеческой данности и реальности, не могут основательно постичь, а тем более объять безграничные истины Богочеловеческого домостроительства спасения, осуществляемого в таинственном Богочеловеческом Теле Церкви Христовой. Здесь все преисполнено тайнами, и каждая из них неизмеримо и необозримо превосходит всякий ум и разум человеческий. А все эти святые и Божественные тайны Богочеловеческого домостроительства спасения и Его Богочеловеческого Тела Церкви сотканы из Божественной любви Христовой, бесконечной и безграничной во всех ее проявлениях. Эта Божественная, эта Богочеловеческая любовь непостижима и необъятна и всегда и во всем превосходит всякий сотворенный ум. От нее человеческое существо истаевает в умилении и как бы выливается в непрестанные «Осанна». Эта любовь является в то же время и источником истинного, Божественного, Богочеловеческого познания и знания (ведения). Отсюда вытекает исключительно новозаветный гносеологический принцип: *Любящий Бога знает Бога* (1Ин.4:7–8): знает Бога над-умным, над-разумным знанием, в котором участвует весь наш внутренний, богообразный и устремленный к Богу человек. И эту любовь человек приобретает и развивает в себе до неслыханных высот, лишь живя в Церкви «со всеми святыми», через Святые Таинства и святые добродетели. Ибо в таком благодатно-Богочеловеческом жительстве он исцеляет от грехолюбия и страстей душу, ум и сердце, наполняет их божественным здравием, так что они, исцеленные Христом, становятся способными к истинному Богопознанию и истинному ведению сверхъестественного и над-умного.

58. К *единству веры и познания* Христа (Еф.4:13) приходят лишь в

общении «со всеми святыми», лишь в соборной жизни «со всеми святыми», под верховным руководством святых апостолов, пророков, евангелистов, пастырей и учителей. А их свято наставляет и путеводит Дух Святой, начиная с Пятидесятницы и далее через все века до Страшного Суда. А Дух Святой и есть тот «один дух» в Теле Церкви (см.: Еф.4:4). В Нем и от Него и *единство веры и познания Сына Божия,* Господа нашего Иисуса Христа. Вся истина веры во Христа и познания Христа пребывает в Духе Истины, Который и вводит нас во всю эту истину, одну и единственную (см.: Ин.16:13, 15:26, 14:26). Он соединяет наше чувство Христа с соборным сердцем Церкви и наше познание Христа – с соборным познанием Церкви. Тело Церкви – одно и имеет *одно сердце* и *одну душу* (Деян.4:32). В это одно сердце – соборное сердце, в эту одну душу – соборную душу Церкви мы входим и с ними соединяемся благодатным действием Духа Святого, смиряя ум свой перед святым соборным умом Церкви и дух свой перед Святым Духом Церкви. И так приобретаем в себе непреходящее чувство и ведение того, что мы храним одну и ту же веру в Господа Христа со всеми святыми апостолами, пророками и праведниками. Храним одну и ту же веру в Господа и одно и то же познание о Господе.

59. Жизнь христианская, жизнь во Христе, в Его Церкви – это новая жизнь и новый образ жизни: весь человек живет Богом и в Боге. По существу, это вечная человеческая жизнь, жизнь божественная, жизнь совершенная, имеющая свои бесчисленные ступени. Здесь человек знает Бога и Истину Божию и живет в Них и ради Них; здесь человек знает и себя и переживает себя как существо богоподобное, бессмертное и вечное. В противовес этому стоит жизнь языческая, жизнь внехристианская. Она вся протекает *в праздности ума* (Еф.4:17): всю свою жизнь, все силы для жизни и все правила для жизни язычники выводят из ума своего, ума человеческого. А что находится в уме человеческом, что он содержит в себе? Ясно одно: ум человеческий не содержит в себе ни всеведения, ни всемогущества, чтобы мог снабдевать человека теми истинами и теми силами, которые необходимы для настоящей жизни в правде, истине и во всяком добре, а тем менее способен он дать все это для жизни бессмертной и вечной. Ум человеческий заключает в себе мысли, понятия, идеи. Но разве все они не тени и не иллюзии – пока не наполнятся Богом, Божией Истиной?

60. Ум человеческий поистине представляет собой пустыню, опустошение, пустоту, праздность, в которых человек питается призраками и миражами. Вместо бытия ум возлюбил небытие, вместо

жизни – смерть, и на этом он основывает себя и всю свою деятельность. Но как раз в этом состоит главное заблуждение человеческого ума, его тщета, суетность и праздность: ματαιότης (Еф.4:17). Две жизни: языческая, внехристианская – «в праздности ума» человеческого; христианская – в полноте Божества, в Богочеловеке, Который есть «полнота Божества» в образе человека (см.: Кол.2:9, 1:19). Живя Им и в Нем, мы живем умом Божиим, Словом Божиим и по праву возглашаем: *Мы имеем ум Христов* (1Кор.2:16).

61. Праздность, тщета, суетность ума человеческого возрастает до сатанинских размеров – гордостью. Ибо от гордости ум человеческий безумеет. Мысль, плененная гордостью, отрывает ум от его корня, от его источника – Бога Слова, и он утопает в призраках, в иллюзиях и самоуверенно считает свои иллюзии истинными и свои безрассудные помыслы мудрыми. Как только люди пойдут по пути гордости, они в мыслях тут же становятся безумными, так что «всякого приятия достойна» истина о таковых: *Называя себя мудрыми, обезумели* (Рим.1:22) и *расточи гордыя мыслию сердца их* (Лк.1:51). Гордо-умие заражает грехом, помрачает, попирает, делает ум человеческий сатанинским, и он источает из себя тщетные, праздные, суетные мысли и ложные умствования о Боге, о мире, о человеке. Это происходит оттого, что гордость с момента своего зарождения заимствует своей главной артерией жизненные силы у сатаны, который открыл, изыскал гордость и поставил ее верховным законом своего существования. Поэтому любое, даже малейшее, проявление гордости исподволь наполняет человека духом сатанинским, начиная прежде всего с ума. Ибо гордость сначала овладевает умными силами человеческого существа, становится в нем мыслящей силой; творческой силой его ума. Вообще любое проявление человеческой гордыни имеет происхождение от сатаны. Гордо-умие – главное отличие сатаны и осатанелых людей.

Опирающиеся на свой ум, заключенные в его теснины, гордые умом не хотят даже знать никого выше себя, не хотят знать и Бога: они Его или не признают, или сводят к какой-то слепой силе и вообще не могут правильно рассуждать и умствовать о Боге Творце или о мире как творении Божием. Поэтому Бог их и предал *превратному уму – делать непотребства* (Рим.1:28) и совершение этих злых дел еще и оправдывать извращенными рассуждениями своего поврежденного ума.

62. Живя без Бога, ум человеческий повреждается, истлевает, заражается грехом, поражается смертью, становится одним духом с сатаной. И приходит к тому, что действительно не желает знать Бога. Но,

не зная Бога, человеческий ум тем самым не знает ни себя самого, ни человека, ни окружающий мир. Такой о-без-боженный, утративший знание о Боге ум в то же время становится и бесчеловечным, утратившим все человеческое. Так, в конце концов, человек без Бога – это всегда человек без ума: *Рече безумен в сердце своем: несть Бог* (Пс.13:1). В силу самого отсутствия Бога в человеческом уме, а это значит – в силу самого отсутствия Истины в уме, ум тлеет, разлагается, становится διεφθαρμένος, и в нем естественно плодятся злые мысли, как черви в загнившем мясе (см.: 1Тим.6:5). Понятно тогда, что люди истлевшего, поврежденного, извращенного ума (см.: 2Тим.3:8) противятся истине, любой истине, а более всего – Вечной Истине: Христу Богу.

63. Богомудро познав природу человеческого ума, апостол Павел благовествует, что суетность ума – это занятие суетными вещами (см.: Еф.4:17–18). А что такое суета, если не все настоящее, о чем и говорит Екклесиаст: *Суета сует, все суета* (Еккл.1:2). Но скажет кто-нибудь: если все суета и везде суетность, что тогда вообще существует? Если это – дело Божие, как тогда оно – суета? И много подобных возражений по этому поводу. Но – отвечает святой Иоанн Златоуст – Екклесиаст не называет суетой дела Божия; ибо не суета – ни небо, ни земля; ни солнце, ни луна, ни звезды, ни тело наше. Все это *добро весьма* (Быт.1:31). Что же тогда суета? Сам Екклесиаст говорит: *Я посадил себе виноградники, завел у себя певцов и певиц, сделал себе водоемы; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех; собрал себе серебра и золота, и оглянулся я на все дела мои, и вот, всё – суета* (Еккл.2:4–11). И пророк говорит: *Человек... сокровиществует, и не весть, кому соберет я* (Пс.38:7). Поэтому суета сует – это великолепные строения, изобилие и преизбыток золота, множество слуг, гордость и славолюбие, мечтательность и надменность. Все это – суета: ибо это произошло не от Бога, но создано людьми. Как напрасно трудился бы человек, если бы наливал воду в худой сосуд, так и человек, предающийся суетным удовольствиям, льет воду в худой сосуд. Вообще суетным называется то, что не служит ничему долговременному. Посему апостол и сказал о людях-язычниках (не ведущих Бога), что они *поступают по суетности ума своего* (Еф.4:17) (Святой Иоанн Златоуст, Беседа 12 на Послание к Ефесянам).

64. У людей, не ведущих Бога, *помрачен разум* (Еф.4:18) – говорит апостол. Потому как они не имеют Бога в себе. Будучи *без Бога в мире* (Еф.2:12), они – в полном мраке; прежде всего – их разум. Ибо Сам Бог в разуме и есть свет разума; из Него исходит и разливается свет по всем мыслям, по всем рассуждениям, по всей деятельности разума. Если нет

Бога в разуме, то разум весь помрачен, весь погружен во мглу; он не знает, куда идет и куда ему вести человека. Неведение Бога влечет за собой неведение человека и его предназначения, неведение мира и его цели. Человек с помраченным разумом не знает ничего того, что надобно знать. Тьма не дает ему видеть ни Бога, ни человека, ни какую бы то ни было тварь в ее истинном бытии. Как ночью без света человек едва распознает очертания предметов или их вообще не видит, так и разум без Бога с трудом усматривает истину о мире и о вещах в мире или ее вообще не зрит. Это неведение Истинного Бога держит нехристиан далеко от жизни в Боге (см.: 1Фес.4:5). Поэтому они *отчуждены от жизни Божией* (Еф.4:18).

65. Вне жизни Божией (см.: Еф.4:18) везде смерть, онемение, оцепенение, тьма. Отсюда – и скованность разума для любой здравой деятельности. Разум вне Бога мертвеет, угасает и умирает. Отсюда – и «окаменелость сердца» безбожников (см.: Еф.4:18). Сердце, в котором нет Бога, – это все равно что камень: оно не чувствует ничего должным образом. Все чувства его – низменные, сухие, болезненные, убогие, короткие, мелкие, вялые, хромающие. И в безбожном помраченном разуме все мысли болезненные, немощные, безжизненные, подобные мертвецу. Лишь жительством в Боге сердце пробуждается к истинной жизни и начинает, с помощью Божией, непрестанно рождать бессмертные, святые, чистые чувства и ощущать (соощущать) истину Божию и в людях, и в вещественном мире.

66. Как христиане могут совлечься ветхого человека? Обновляясь *духом ума своего* (Еф.4:23). – Это значит, надобно изменить дух ума, настроение ума, навыки ума; изменить образ мышления, образ умственной деятельности. Словом, это значит: преобразить и обратить этого главного в нас безбожника, обратить и привести его от неведения Бога к Богу, от неверия во Христа ко Христу. А достигается это прежде всего подвигом веры, а вместе с ним – и прочими евангельскими подвигами любви, молитвы, поста, смиренномудрия, Бого-мудрия, здравомыслия, кротости, воздержания... Каждый из этих подвигов обновляет ум своими преображающими силами. И ум постепенно исцеляется от своих болезненных мыслей, от болезненных умствований, от болезненных понятий; постепенно выздоравливает, пока силою Христовой не исцелится и не выздоровеет полностью.

67. Исцеленный, освободившийся от болезни, *обновленный* ум становится творцом здравых, светлых, святых, божественных, бессмертных мыслей. Теперь он мыслит Богом, мыслит Христом. Бого-мыслие, Христо-

мыслие становится его постоянным настроением, его «духом», его способом мышления и образом действия ума. Поэтому святой апостол и возглашает от имени всех христиан: *Мы имеем ум Христов* (1Кор.2:16), так как обо всем мы мыслим Христом Богом. С изменением ума в человеке все изменяется и обновляется. Поэтому покаяние и называется в Евангелии μετάνοια (μετά – νοῦς), что означает: изменение ума, *обновление ума*.

68 *Мудрость – это жительствовать по-евангельски «осторожно», по-евангельски «точно» (см.: Еф.5:15). А безумие, безрассудство – это жить расточительно и беспечно, растрачивая душу на грехи и пороки. Мудрый – тот, кто здание своей души созидает на исполнении святых евангельских заповедей. Безумный же не устрояет дома своей души на Евангелии Спасителя. Все созидаемое Господом Христом преодолевает все бури и штормы, все непогоды, все искушения грехом и смертью, побеждает и самого дьявола. Все же устрояемое без Христа, вне Христа и вопреки Христу легко падает и разрушается, как только налетят вихри искушений, грехов и страстей, а особенно ураган смерти и демонизма (см.: Мф.7:24–27). Бесчисленны примеры мудрой, по-евангельски мудрой, по-евангельски «осторожной» жизни; прежде всего это – святые апостолы, святые мученики и все святые последователи Христовы, прежде всех – Сам Он – Господь Иисус Христос, являющий вечный и совершенный образец такого жительства. Примеры же безрассудной, расточительной жизни – это блудный сын, ленивый раб с одним талантом и все подобные им (см.: Мф.25:14–30; Лк.15:11–32).*

69. Вся воля Божия о роде человеческом и о каждом в отдельности человеке возвещена в Иисусе Христе, в Его Евангелии (см.: Еф.1:9). Каждый из нас может узнать у Него, что следует ему делать, чтобы достигнуть своего божественного предназначения в мире. Значит, разумный пред Богом человек – это тот, который знает волю Божию и творит ее; неразумный же пред Богом – тот, кто не знает воли Божией и не творит ее, так как не хочет ее знать и творить. Мудрый, богомудрый человек – слушающий заповеди Господни, и творящий их, и созидающий на них как на нерушимом основании дом своей души; безумен же пред Всемудрым и Всеблагим Господом не творящий сего, но желающий вне Господа обеспечить свою душу, свою жизнь, свое бессмертие, а в действительности созидающий дом своего бытия на песке.

70. Вера во Христа всегда сопровождается и любовью ко Христу. В подвиге веры и любви Христовой человек никогда не одинок, но всегда в общности *со всеми святыми* (Еф.3:18). Ибо и вера, и любовь приводят ко Христу Богочеловеку, и к тем, которые с Ним и в Нем, в Его соборном

Теле, в Церкви. Вместе *со всеми святыми* будучи исполнен этой Божественной верой и любовью, человек в действительности вместе с ними соборно исполнен во Христе *всею полнотою Божиею* (Еф.3:19). Принадлежащее Христу становится его собственностью. Христос – Богочеловек, и *в Нем обитает вся полнота Божества телесно* (Кол.2:9); эта полнота переходит теперь в собственность человека, который становится *причастником Божеского естества* (ср.: 2Пет.1:4). В нем как бы воплощается весь чудесный Богочеловек. Он в нем на самом деле воплощается через Таинство Святого Причащения, Он – Который есть всё и вся в Богочеловеческом Теле Церкви. И человек, пребывающий в любви Христовой, переживает полноту Церкви как нечто свое собственное, ибо *со всеми святыми* он стал ее составной частью, частью Тела Христова. А в теле каждая его частичка ощущает себя целым телом. Так и подвижник любви: все Тело Церкви – его, и он – весь в Теле Церкви; вся полнота Церкви принадлежит ему, и он весь принадлежит ей. Таким образом, он лично и действенно переживает *со всеми святыми* осуществление вечного замысла и цели Божией о мире: переживает Господа Христа как Церковь, которая есть *Тело Его, полнота Наполняющего все во всем* (Еф.1:23). А это и есть цель, поставленная Богом перед всеми людьми во главе с христианами: *исполниться всею полнотою Божиею* (Еф.3:19). Жительствуя в Богочеловеческом Теле Церкви, мы, христиане, приемлем все благое от этой полноты Божией и исполняемся ею (см.: Ин.1:16). Ибо, воплотившись, Господь Христос воспринятое Им на Себя человеческое естество без остатка исполнил *всею полнотою Божиею;* и как Таковой основал Церковь и непреложно остался в Церкви как в Своем Богочеловеческом Теле, Главой которого Он является, чтобы дать возможность и людям *исполниться всею полнотою Божиею.*

71. Мысль в человеке – это самая большая тайна, самое загадочное и наименее постижимое явление. Она – в теле, но вся бестелесна; когда хочешь найти ее конец, она открывает тебе свою бесконечность; а когда ищешь ее начало, то видишь как бы ее безначальность. Вообще говоря, ее начало безначально и конец бесконечен. Где ни прикоснешься к ней, она источит из себя мириады разноцветных бесконечностей. Человек все измеряет и оценивает мыслью; а мысль ничем не дает себя ни измерить, ни оценить, будучи над-телесной в теле, над-мирной в мире, над-природной (сверхъестественной) в природе, над-человеческой в человеке. И все это так, пока человек не свяжет свою мысль со Христом: верою в Него, любовью к Нему. Тогда мысль во Христе Богочеловеке обретает свое происхождение, жизнь, смысл, свое бессмертие и богочеловечность.

72. Христоносный и мудрый во Христе апостол Павел советует человеческой мысли – *мыслить то, что во Христе Иисусе* (см.: Флп.2:5). А во Христе Иисусе – Истинный Бог, Вечная Жизнь, Вечная Истина, Вечное Слово, Вечная Любовь, Вечная Правда и все Божественные совершенства; и еще; все человеческие совершенства, совершенный человек и совершенный Бог Богочеловек и все Его домостроительство спасения людей от греха, смерти и дьявола. Мысля *то, что во Христе Иисусе*, человеческая мысль исцеляется от всякого свойственного ей недуга: от всего смертного, от всего греховного, от всего демонического – и становится бессмертной, божественной и вечно молодой. Словом, она становится Бого-мыслью, Христо-мыслью и как таковая достигает своего апогея, своего величайшего совершенства, своего завершения в Божественной бесконечности, своей жизни – в вечной Божественной жизни, своей истины – в вечной Божественной истине. Ибо это – вечная пища для человеческой души, вся она Божественная и небесная; это – вечная жизнь для человеческой души, вся Божественная и беспредельная, это – вечный свет для человеческой души, весь Божественный и необъятный; это – вечная радость, вечное благовестие для человеческой души, все оно от Бога и приводит к Богу.

73. Всякая человеческая душа не завершена и несовершенна – пока ее не завершит и не совершит Христос Бог. Точно также и человеческая мысль остается недоразвитой и лишенной совершенства, пока она благодатью Христовой не преобразится в Христо-мысль, в Бого-мысль; поэтому и жаждет сего разбуженная душа христианина и денно и нощно рыдает в молитвах и слезах: Господи Сладчайший, преобрази каждую мою мысль в Бого-мысль! – И, повергаясь ниц, вопиет: Господи Всеблагий, каждое мое чувство преобрази в Бого-чувство!

74. В мире сем, и вообще на небе и на земле, для христианина существует лишь одна верховная ценность, верховная всеценность – Господь Иисус Христос, Богочеловек. И не только для христианина, но и для каждого человека, который духовно пробудился и увидел весь ужас человеческого бытия и его жизни в этом мире. Все земные ценности, учитываемые серьезно и беспристрастно, имеют в себе столько весомости и нетленной ценности, сколько имеют в себе Господа Христа. Без Него они – вообще не ценности. Только Господь Христос как Богочеловек дарует человеку Себя – Единого Истинного Бога неба и земли – и Собою и в Себе исполняет его всеми божественными совершенствами, каких не видел человеческий глаз, не слышало человеческое ухо и какие не приходили человеку на сердце (см.: 1Кор.2:9). Кроме того, Господь Иисус

Христос дарует человеку и все Божественные силы, с помощью которых человек претворяет все это в свою жизнь, в свою совесть, в свое бессмертие, в свою вечность, прилагая со своей стороны труд и ревность в святых добродетелях. Ибо быть христианином – значит непрестанно переживать Господа Христа через Святые Таинства и святые добродетели (см.: Флп.3:9–15).

75. Мы тогда христиане, когда наши сердца и наши мысли держим и храним в Господе Иисусе Христе, когда они постоянно в Нем (см.: Флп.4:7); тогда они превыше всякой смерти, ибо Всеблагий Господь наполняет их Своей всеспасительной, все-обожающей благодатью, дарующей им бессмертие. Сердца наши в Господе Иисусе! Это значит: все они исполнены Его любовью, Его истиной, Его правдой, Его вечностью. Все они – пребывают горе, на небе! Всегда обращенные к небу, особенно на святой литургии, когда их благодатная евхаристическая сила окрылит в молитвенном возгласе священнослужителя: «Горе имеим сердца»; горе – во Христе, и они всегда у нас будут наполнены райской сладостью, любовью, радостью, вечностью, Божественным миром, превосходящим всякое разумение (см.: Флп.4:7). – Мысли наши в Господе Иисусе! Это значит: каждая из них Им насыщается, Им живет, Им входит в бессмертие и вечность, Им блаженствует, Им умствует, Им возводится к Бого-мыслию, Им мыслит и пребывает в Бого-мыслии. Поэтому такие мысли недосягаемы и для самых крылатых призраков (букв. «для самой крылатой моли». – *Примеч. пер.*) отчаяния и сомнения, для любой смерти, для любого демона.

76. *Чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве* (Флп.1:8–9). Это – евангельская, Христо-образная, новая любовь от нового благовестия и новой заповеди (см.: Ин.13:34). Это – любовь Христова, любовь Божественная, любовь святая. Ее дарует Бог более всего за молитву. Она – более дар Божий, нежели подвиг человеческий. Как и каждый евангельский подвиг. «Любовь – от молитвы», – благовествует святой Исаак Сирин. Но и молитва от любви. Все евангельские добродетели органически связаны между собой и составляют одно тело: каждая из них живет во всех и все – в каждой; каждая зависит от всех и все – от каждой. А *соузом совершенства,* делающим их любезными друг другу, сращивающим и соединяющим их в единый совершенный организм, является любовь (Кол.3:12–14). Имеющий ее совершенной имеет и все прочие добродетели, так как именно она дарует непреходящую божественную ценность и вере, и познанию, и самопожертвованию, и правде, и терпению, и истине, и каждому

евангельскому подвигу (см.: 1Кор.13:1–3). *Чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании,* ибо лишь то познание, которое от любви, имеет вечную значимость и бессмертное бытие. По самой своей природе любовь – это Божественная сила познания: ею мы познаём и Бога, и человека, и всякую возлюбленную тварь, ибо ей, всемилосердной, открываются и тайна Бога, и тайна человека, и тайна всякой твари. Любовь неминуемо процветает познанием. С приращением любви растет и познание. Совершенная любовь дает совершенное познание. Познание же без любви – это словно глаз без зрачка, ухо без слуха, тело без духа. Такое познание надмевает, низвергает в гордость; а гордость убивает душу, как никто другой. Это такой порок, который верховного Ангела превратил в дьявола; а тем более человека: во что только он его не превращает (см.: 1Кор.8:1)!

77. *Все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего,* – говорит апостол Павел (Флп.3:8). Познать Христа, истинно узнать, Кто Он и что приносит человеку и роду человеческому, – вот знание, которое человек с радостью превращает во всеведение. Опыт святых свидетельствует: истинное познание Христа, в сущности, является всеведением. Ибо когда человек познает Христа как должно, то познает все необходимое для жизни и на земле, и на небе, познает и сей мир, и мир горний. И кто может дать людям такое познание: кто из богов, кто из людей, кто из героев, кто из гениев? Никто, никто, никто. Лишь познание Христа сообщает человеку единственное истинное знание (ведение) о Боге, о мире, о человеке, о жизни, о смерти, о зле, о дьяволе, о грехе, об истине, о правде, о любви, о великом и малом, о главном и второстепенном, о вечном и временном.

78. Как Единый Истинный Бог и Господь Богочеловек Христос являет Собой единственный истинный смысл человеческого существа и человеческого бытия. Поэтому святой апостол ради Него оставляет все. Буквально все: и свою прежнюю душу, и свою прежнюю совесть, и свое прежнее сердце, и свою ветхую истину и ветхую правду; и семью, и отечество, и народ, и веру, и философию, и науку. И еще сие: оставляет и землю, и небо, и небеса над небесами, и все, что в них и на них. Ибо все это бесконечно мало, чтобы могло быть смыслом и целью человеческого существа и его жизни. Все это апостол с радостью оставляет ради Господа Иисуса Христа, ибо в Нем он обрел нечто несравненно большее и драгоценнейшее всего этого: все совершенства и блага Истинного Бога, могущие стать и действительно становящиеся человеческими, потому что Сам Истинный Бог во Христе стал человеком.

79. Познать Христа – это прежде всего познать силу воскресения Его и Его смерти (см.: Флп.3:10). Как? Переживая их как свои собственные. Ибо человек становится христианином, переживая Христа. Иного пути нет. Все Христово через личное переживание превратить в свое, – так становятся христианами и так познаётся Христос. Познание Христа всегда проистекает от переживания Христа. Ты познаешь Христову любовь, если опытно будешь ее переживать; точно так же познаётся и Христова истина, и Христова правда, и участие в Христовой смерти, и Христовы страдания, и Христова смерть, и Христово Воскресение; это относится ко всему Христову, от самого малого до самого великого. «Силу воскресения Его» познаешь, если воскресишь себя из гроба грехолюбия и начнешь ходить в новой жизни, как тот, который еще в этой жизни воскрес с Господом Иисусом Христом и жил Им, Воскресшим (см.: Кол.3:1). Он, Воскресший, Вечноживой и Всемогущий, дает людям силы жить на земле новой жизнью, жизнью святой и богообразной.

80. *Мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Флп.4:7). – Сердце иметь во Христе, соблюдать во Христе – такое сердце со всех сторон окружено Господом Христом, всецело живет Им и в Нем: все его чувства возникают, растут и совершенствуются внутри, в Господе; не удаляются от Него и не скитаются вне Его. И постепенно все чувства развиваются в чувства Христовы. Отсюда в них – мир Христов, мир Божий.

Соблюдет сердца ваши и помышления – τὰ νοηματα – *ваши во Христе Иисусе*. Греческое слово νοήμα значит: разум, интеллект, мысль. *Помышления во Христе* – это святые мысли. Они происходят из разума, освященного Христом. Как освящается разум? Жительством человека в святых евангельских таинствах и в святых евангельских добродетелях. Такое жительство исцеляет разум от его главной болезни – гордо-умия – и исполняет его вечным здравием: смиренномудрием. От освященного разума – святые мысли; от разума во Христе – мысли во Христе. Мы соблюдаем свои мысли во Христе, когда мыслим то, *что во Христе* (Флп.2:5), когда имеем Христовы мысли. Господь Иисус Христос стал человеком, чтобы показать людям, что значит – настоящий человек, что значит – истинная жизнь, истинная мысль, истинный разум. Настоящий человек – это Бого-человеческий человек, истинная жизнь – Бого-человеческая жизнь, истинная мысль – Бого-человеческая мысль. Лишь жительство во Христе соблюдает наши мысли во Христе, преображая каждую мысль – в Христо-мысль, в Бого-мысль. А мысли человеческие и человеческий разум вне Христа, что бывает с ними? – Они слепнут, так

что ничего не видят, что следует видеть, и ничего не знают так, как надобно знать. От непринятия Христа, от неверия во Христа слепнут мысли, слепнет и разум неверующих (см.: 2Кор.4:4, 3:14). И в этой тьме они повреждаются и истлевают, расточаясь и разлагаясь чаще всего в аморальной жизни (см.: Рим.1:28–32; 2Тим.3:8; Тит.1:15).

81. Так как жизнь христианина – это жительство в Божественной святыни и доброделании, ему необходимо исполниться *познанием воли Божией во всякой премудрости и разумении духовном* (Кол.1:9). Для такого жительства, которое во всем бессмертно, бесконечно и вечно, необходимы бессмертные, бесконечные и вечные силы Божии. Совершенствование в таком жительстве зависит от Бога, дающего силы, и от нас, употребляющих эти силы. Он никому их не навязывает, но дает каждому по его молитве и ревности: по ревности в евангельских подвигах, в творении воли Божией, в исполнении заповедей Божиих. Насколько мы понуждаем себя к евангельской жизни, настолько Господь и дает нам силы к тому, чтобы и самые подвиги стали для нас легкими и радостными, как свидетельствуют нам об этом святые подвижники и все святые.

82. Лишь возвышенная, евангельская премудрость знает всю волю Божию. Ибо для жительства в Боге даруется премудрость от Бога (см.: Иак.3:13, 17). Так и разум духовный, противоположный чувственному разуму, даруется лишь за жительство в Духе Святом. А в духовном разуме – духовное разумение тайн Божиих (см.: 1Кор.2:7, 10–15). И премудрость Божественная, и разум духовный проистекают от присутствия Духа Святого в душе человеческой (см.: Деян.6:3, 10; 1Кор.12:8). И лишь в такой премудрости и в таком разуме пребывает полное познание воли Божией. Христос – *Премудрость Божия, Премудрость от Бога* (1Кор.1:24, 30). Святой апостол благовествует: *Мы проповедуем премудрость, которая в совершенных,* т. е. в духоносцах, и мы Духом Святым знаем *дарованное нам от Бога* (1Кор.2:6, 10, 12). Ибо Дух Святой – это *Дух премудрости и откровения* (Еф.1:17): Он дарует познание о Христе и обо всем Христовом, дарует в полноте познание всей воли Божией (см.: 1Кор.12:3–11).

83. Все сокровищницы Божественной премудрости и духовного разума находятся в святом и соборном разуме Церкви, через посредство которого христиане и приходят к *познанию тайны Бога и Отца и Христа* (Кол.1:26, 2:2–3). Они «сокрыты» в этом разуме и открываются лишь живущим святой и соборной жизнью в Церкви, вместе «со всеми святыми» (см.: Еф.3:18–19).

84. *Со внешними обходитесь благоразумно* (букв. «живите мудро». –

Примеч. пер.) (Кол.4:5), т. е. с нехристианами – говорит святой апостол. Христиане живут мудро, если живут по Евангелию Господа Иисуса Христа, Который есть *Премудрость Божия* (1Кор.1:24, 30). Вне этого – *невежество безумных людей* (1Пет.2:15), язычество (неведение Бога), незнание истины о Боге и человеке. Что не от Христа, этой единственной истинной и вечной Премудрости, то – поистине безумие и безрассудство, потому что люди обычно становятся безумными и теряют рассудок от страстей и греха. В своей сущности грех – это главное безумие человеческой души. Грехолюбие – это всегда безумство души пред Богом. Лишь любовь ко Христу и человеколюбие во Христе наполняет душу Божественной премудростью.

85. Лишь жительствуя мудростью во Христе, люди божественно и мудро используют время жизни, данное им от Бога; божественно и мудро *искупают время* (ср.: Кол.4:5). В грехах и страстях мы расточаем данное Богом время, препровождаем его смерти и безумию зла. А время жизни дано нам, чтобы мы им заработали бессмертие и божественную вечность. Оно должно быть введением в вечность. В этом его истинное, Божественное предназначение. Наполняя его бессмертным и вечным, мы его искупаем, выкупаем у всего смертного, тленного, греховного, безумного, бессмысленного. Лишь жительствуя «мудро», т. е. Христом, мы искупаем время; живя любым иным образом, мы им злоупотребляем и прожигаем его. Ибо и время сотворено Богом Словом и для Бога Слова (см.: Ин.1:3; Кол.1:16). Его логосность и логичность как раз и заключается в том, чтобы оно служило Богу Слову – Господу Христу, чтобы приводило к Нему и передавало Ему все, что имеет и носит в себе. Время дано нам для того, чтобы мы его превратили в вечность, жительствуя «мудро»: во Христе и Христом. Своим логосным существом время вошло в Богочеловеческое Тело Христово, Церковь, и здесь обрело свое извечное предназначение и Божественное осуществление. Это особенно происходит в святой литургии, через Святую Евхаристию. С помощью Святых Таинств и святых добродетелей в Церкви время перерабатывается, преображается в вечность. Ибо Церковь – это как бы чудотворная Божественная «мастерская», «кузница времени», в которой временное превращается в вечное, смертное – в бессмертное, тленное – в нетленное.

86. Жизнь на земле имеет происхождение с неба; жизнь человеческая имеет происхождение от Бога. Исконные корни жизни каждого человеческого существа и всех существ вкупе сокрыты в неизмерных глубинах неба и в трисолнечных бесконечностях Трисвятого Божества. Тайна жизни самого малого и самого большого, самого простого и самого

сложного существа – в сущности своей свята, небесна, логосна, троична. Пребывая в жизни, каждое живое существо находится тем самым в постоянной связи с Первоисточником жизни, любой жизни – с Богом Словом. Каждое живое существо по-своему переживает и развивает свою логосность, в силу самого своего бытия. Несомненно, человек – это самое сложное существо на земле, поэтому он так сложно и драматично переживает свою жизнь. И когда человек последовательно ищет тайну своей жизни, она его неминуемо уводит в горние небесные миры, к Богу и всему Божиему.

87. Вся тайна, святая тайна нашей человеческой жизни – не в нас, людях, а в Боге и Господе на небесах. Поэтому Небесный Бог и стал человеком, и явился на земле как Богочеловек Иисус Христос, чтобы объяснить нам тайну жизни и научить нас главной, самой основной истине: о том, что жизнь человеческая, от начала до конца, вся от Бога, в Боге, к Богу, ради Бога. Самым лучшим, самым совершенным и самым очевидным примером тому является сама жизнь Богочеловека Христа. Его жизнь на земле – это жительство всеобъемлющее; ибо в нем каждый человек может найти всю полноту, все совершенство, все бессмертие, всю вечность своей жизни; и через это и в этом – всю ее логосность, логичность, божественность и оправданность. Без Богочеловека Христа человеческая жизнь всегда остается мучительной, болезненной, скорбной; иногда же она предстает как жуткая, свирепая, невыносимая тайна, поглощающая всего человека. Только Им, Богочеловеком, человеческая жизнь побеждает всякую смерть и все смертное – и тем самым уготовляет себе вечную радость и на земле, и на небе. Тогда, только тогда имя ее бессмертию – вечная радость, и ее вечности – вечное блаженство.

88. Христиане знают, как должно жить в этом мире и повсюду, где обитает человеческое. Они знают это Богочеловеком, Который не только научает их, *как должно поступать и угождать Богу* (букв. «как должно жить Богом». – *Примеч. пер.*) (1Фес.4:1), но и дает им Божественные силы действительно жить так, дает им эти силы через Святые Таинства и святые добродетели. Через Святое Крещение мы становимся Христовыми, так как в этом начальном Святом Таинстве полностью облекаемся во Христа (см.: Гал.3:27): полностью исполняемся Им и живем Им – совершенным и Всемогущим Богом. А прочие Святые Таинства и святые добродетели все более нас утверждают и совершенствуют в этой Бого-человеческой жизни, так что мы непрестанно растем *возрастом Божиим* (Кол.2:19), пока не возрастем *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф.4:13), пока полностью не преобразим себя по подобию Христову, пока

не изобразится в нас Христос (см.: Гал.4:19), то есть пока мы полностью не о-Бого-человечимся, не станем богочеловеками по благодати.

89. Истинные христиане – не во тьме, ибо имеют «свет жизни», который никакая тьма не может ни объять, ни угасить, если только они его постоянно поддерживают верой, и любовью, и молитвой, и постом. Для нас, христиан, в этом мире может быть лишь одна неожиданность: грех; неожиданность и опасность. Ибо мы знаем, что грех – это, по существу, единственное неестественное и противоестественное в этом Божием мире, и потому он – неожиданность для богообразного существа Божия, для человека; и еще мы знаем, что грех – весь от сатаны, и потому он – единственная опасность для человека в мире сем, во всех его уголках. Мы знаем Господом, мы знаем Его Святым Евангелием, чего хочет от нас Бог, но знаем также и что замышляет против нас сатана, *ибо нам небезызвестны его умыслы* (2Кор.2:11). Но против дьявола мы выставляем всеоружие Божие, которым нас досточудный Господь Христос вооружает в Церкви Своей: Святые Таинства и святые добродетели. Мы через них бдим и несем стражу, сражаемся и воинствуем – и мужественно побеждаем всех духов злобы поднебесной (см.: Еф.6:11–18), побеждаем их Богочеловеком Христом, пребывающим в нас через святые благодатные Таинства и святые благодатные добродетели.

90. Истинные христиане не только имеют истинный свет, но они – и *сыны света* (1Фес.5:5), ибо все они духовно родились от Единого Истинного Света, от Единого Истинного Бога и Господа Иисуса Христа (см.: Ин.1:9–13). Да, Истинный Бог есть в то же время и Истинный Свет. И с тех пор как Истинный Бог посетил наш земной мир, в нем и пребывает Истинный Свет. Поэтому и сказано в Святом Евангелии[1260]: *Истинный Свет уже светит* (1Ин.2:8). Господь Христос – Истинный Свет, потому что ни тьма смерти, ни тьма ада не могли Его ни помрачить, ни угасить. Единственный Свет, Который ни тьма смерти не могла угасить, когда Господь мертвый лежал во гробе, ни тьма ада покрыть, когда Господь со Своей человеческой душой сошел в ад и благовествовал Свое Евангелие сущим во аде. А все прочие так называемые «светы» в человеческом мире – ложны, ибо каждый из них угашается, если ничем иным, то смертью. Поэтому лишь Господь Христос в роде человеческом мог по праву сказать о Себе: *Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Ин.8:12). Всё, что не Христос и не от Христа, собственно говоря, и образует тьму в человеческом мире. Лишь шествуя за Христом, Который есть Свет всему миру, люди могут знать пути в этом мире, знать, куда этот мир грядет, к какому концу и к какому

завершению.

91. Единственный выход из нашей человеческой и мирской тьмы – это вера в «Истинный Свет» – в Богочеловека Христа, и жизнь по этой вере. Отсюда только истинная вера во Христа истинно насыщает светом и *просвещает.* В ней – истинное *просвещение,* единственное и единое, ибо оно осиявает все пути в Бессмертную Истину, в Бессмертную Правду, в Бессмертную Любовь и ведет по этим путям в Царство Небесное, в Царство Божие. Кто истинно просвещен? Тот, кто живет истинной верой Христовой. Ибо он живет истинным, неугасимым, незаходимым светом, превращающим всякую ночь в день и озаряющим всякую тьму.

92. Вера наша – это все наше кафолическое, соборное, всецелостное отношение к Богу, а через Него – и ко всем Его творениям. По вере твоей Бог сказует тебе Себя, но и тебя самого тебе открывает; ибо лишь когда Богом и из Бога воззришь ты на себя, то узришь и познаешь себя во всей истине. Точно также когда Богом и из Бога воззришь на творение Божие, то только тогда познаешь его тайну, и смысл, и ценность, ибо Бог откроет внутреннюю логосную тайну каждой твари, откроет ее твоей вере: вере, вручившей душу твою Господу как Творцу и Господину мира, Который и наставляет всякую тварь на пути Богом предназначенного ее бытия и жительства. Верою всецелое человеческое существо растет к Богу: растет его душа, растет сознание, растет воля; и благодатью Божией распростирается по всей твари, так что человек веры чувствует всю тварь как нечто свое, как часть себя – что на самом деле и есть, ибо вся тварь логосна. И при этом человек возрастает во всех бессмертных божественных качествах, оставаясь всегда при своей человеческой природе. Поэтому нет меры совершенствованию христианина: единственная мера – безмерность, единственный конец – бесконечность.

93. Нам, людям, как существам земнородным, прежде всего подается на земле жизнь во времени, чтобы время сделало нас причастниками вечности и через Бого-человечность Христову высадило на берег вечности Божественной. Крещеные Церковью во имя Отца и Сына и Святаго Духа мы еще здесь, на земле, во времени и пространстве, живем Божественной вечностью и ощущаем через благодатную Бого-человечность, как в нас зарождается и произрастает вечная жизнь. Духовными чувствами, которыми мы это непрестанно ощущаем, являются святые Богочеловеческие добродетели: вера, любовь, надежда, молитва, пост, смирение, целомудрие (здравие ума) и прочие.

Вера высаживает наше существо на берег Христовой вечности через Христову благодатную Бого-человечность. Точно также и

Богочеловеческая любовь высаживает наше существо на берег вечности; то же самое делает и каждая Богочеловеческая добродетель, и каждое Богочеловеческое Святое Таинство, начиная с Таинства Святого Крещения, вводящего нас во все прочие Святые Таинства и святые добродетели. Вообще каждый христианин, жительствуя во времени, живет вечным, ибо живет Бого-человечным, Христовым.

94. Мы, христиане, Христом знаем все самые основные истины о мире и жизни: знаем их из Его Откровения, из Его Святого Евангелия. Мы ясно знаем, откуда мир и для чего он сотворен, откуда и для чего человек, откуда и для чего жизнь. Все это – от Бога Слова – от Бога Премудрости, и для Бога Слова – для Бога Премудрости (см.: Ин.1:3–4; Кол.1:16; Евр.2:10); и всецелым своим существом все это чудесным образом – в Нем (см.: Кол.1:17). Поэтому все это внутренне связано и соразмерно составлено в одно премудрое целое, так что неустанно светится неизреченной Божественной премудростью и целесообразностью. Речь идет о Божественном замысле о мире, предвечно определенном Троичным Божеством и осуществляемом во времени и пространстве от Отца через Сына в Духе Святом, с конечной целью: *дабы все небесное и земное соединить под главою Христом* (Еф.1:4–10), соединить в Его Богочеловеческом Теле, в Церкви, которая есть *полнота Наполняющего все во всем* (Еф.1:23). Поэтому каждое человеческое существо, от начала до конца, во всем полностью зависит от Богочеловека Христа; все, присущее Богочеловеку, в своем конечном счете принадлежит и человеку и определяет для него и ценности, и их судьбоносное значение на этом и на том свете. Если рассмотреть истинную, нетленную, непреходящую ценность человека, она – вся в Богочеловеке; то же самое относится и к вечной человеческой правде, и к вечной человеческой любви, и к вечному человеческому благу, и к вечной человеческой жизни, и к вечной человеческой радости, и к вечному человеческому блаженству, – все это только в Богочеловеке.

95. Из Пресвятого Евангелия мы знаем, что наш земной мир и наша жизнь окончатся со вторым *пришествием Господа нашего Иисуса Христа* (ср.: 2Фес.2:1). Потому что Его второе Пришествие – это естественное продолжение Его первого пришествия: Сеятель придет в качестве Жнеца, чтобы собрать земную пшеницу; Небесный Сеятель, Небесный Жнец – один и Тот же Господь, Богочеловек Иисус Христос. Поэтому для нас, христиан, жизнь на земле – это не что иное, как путь ко Господу Христу, к Его второму Пришествию, путь к Нему через Его Святое Евангелие: через Его истину, правду, и любовь, и жизнь. Со всех сторон света, из всех

изгибов времени мы путешествуем ко Господу Христу, чтобы всем нам в день Его второго Пришествия собраться пред Ним и чтобы каждый получил по своим делам.

96. Огромна, безмерна свобода человека, если он может по своей воле отвергнуть Бога. Он, творение Божие, может отвергнуть Бога! В этом – и его божественное величие, и его сатанинская погибель: если он придет к Богу, к своему Творцу, то он божественно велик и величествен; если же выберет сатану, своего убийцу, то он – по-дьявольски жалок и отвратителен. Это тем более относится к человеку после пришествия в мир Богочеловека. Ибо в Богочеловеке наиболее очевидно для человеческих чувств и наиболее убедительно для человеческого ума, для человеческого сознания и сердца явился и оправдал Себя Бог и Господь, единственный истинный Спаситель рода человеческого. И если человек, несмотря на явление в мир Богочеловека, и после этого может отвергнуть Бога, то воистину его свобода и грандиозна, и самостоятельна, и независима. А от нее зависит весь человек, вся его жизнь и вся его вечность. Отвергая Богочеловека Христа, люди не имеют извинения в этом основном грехе – во грехе всеобъемлющем, так как к роду человеческому не может прийти ни более совершенный Бог, ни более совершенный Человек, ибо таковые не существуют.

97. То, что для человеческой мысли – будь она греческой, римской, индийской и какой-либо другой – было и осталось идеалом или идеей, абстракцией и категорией потусторонней, с воплощением Бога Слова, Богочеловека Христа, стало жизнью, нашей земной жизнью. За Логосом и Логикой жизни не нужно идти в мир оный, ибо Логос и Логика жизни – здесь, среди нас. Мы имеем Слово жизни (см.: 1Ин.1:1), поэтому знаем Логику жизни, цель жизни, смысл жизни. Если мы не знали начала жизни, то вот Оно – Бог Слово; Оно – то, «что было от начала – ἀπ ̓ ἀρχῆς». Жизнь – это не нечто бессмысленное; напротив, это с самого начала нечто Божественно логичное. А грех – это сила, которая отовсюду изгоняет логосность, все лишает Божественной логики и логичности, Божественного смысла и осмысленности. Грех – это единственный фактор, лишающий жизнь ее смысла. В Богочеловеке истинная «жизнь явилась» в нашем мире смерти и псевдо-жизни. Лишь в Нем «мы видели» истинную жизнь, «видели», что такое жизнь; видели и видим, что истинной является только вечная жизнь (см.: 1Ин.1:2). Это более всего присуще Богочеловеку. Весь Богочеловек и все Ему присущее дышит и светится вечной жизнью: нет такой Его мысли, которая не проистекает из вечной жизни и не возвращается в нее; то же самое относится и к каждому

Его слову, и делу, и чувству. И все это становится нашим, человеческим.

98. Нет Бога, кроме Троичного Божества. Кто не признает Христа Богом, тот – язычник и безбожник. Признающий же Христа Богом знает Бога, знает все. Признающий это верует в Троичное Божество, ибо Господь Иисус Христос как Сын Божий приводит каждого Своего последователя к Своему Небесному Отцу. Если отрицается Сын, то в то же время отрицается и Отец, ибо Отец – потому Отец, что имеет Сына. А Господь Христос всей Своей жизнью на земле самым явным образом доказывает, что всё в Нем – Божественно, что Он по всем Божественным свойствам – весь от Бога Отца, будучи образом Его Ипостаси. Святой Богослов благовествует: *Всякий, отвергающий* (ὁ ἀρνούμενος) *Сына, не имеет и Отца; а исповедующий* (признающий – ὁ ὁμολογῶν) *Сына имеет и Отца* (1Ин.2:23). Отношение ко Христу определяет отношение человека к Богу. Ибо нет Бога, кроме Христа и Его Бога Отца и Духа Святого – ни на небе, ни на земле, ни под землей. С самого начала Евангелие Христово – это Евангелие Святой Троицы и о Святой Троице. Человек становится христианином, если примет это Евангелие и остается христианином, если живет этим Евангелием и если оно твердо пребывает в нем. А через Евангелие в человеке обитает, пребывает, живет Сама Святая Троица; Она и дает человеку силы жить по-евангельски. А жизнь христианина – это его постоянное личное общение с Отцом и Сыном и Святым Духом через посредство Святых Таинств и святых добродетелей. Вхождение во Святую Троицу (букв. «во-троичение». – *Примеч. пер.*) и отроичение – это непрестанный благодатный подвиг христианина.

99. Образец любви и человеколюбия, и при этом самый совершенный, всесовершенный образец, – это Спаситель, Господь Иисус Христос. Спасение – это продолжение Христовой любви через всех верующих в Него людей. Мы Христовой любовью, Христовым человеколюбием спасаемся от греха, смерти и дьявола. Любовь низводит Бога в душу, так что человек живет Им – и таким образом зрит Бога, Который никаким иным образом не зрим. Бог любовью стал человеком, воплотился, вочеловечился. Так и человек: любовью обожается, становится «причастником Божеского естества», «богом по благодати». Невидимый Бог любовью становится воплотимым, видимым. Ибо Божественная любовь – это сила воплощения: Любящего она переносит в возлюбленного, воплощает Его в нем; их жизни соединяются в одну жизнь, их души – в одну душу, их сердца – в одно сердце. И они чувствуют себя одним целым, хотя и остаются двумя отдельными личностями. Это относится и к членам Церкви: взаимной любовью они воплощаются друг в друге, каждый во всех

и все – в каждом; точно также они и мыслят, и чувствуют, и действуют совместно, соборно, *со всеми святыми* (Еф.3:18). Об этом и сказано в Деяниях святых апостолов: *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа... все у них было общее* (Деян.4:32). – Опытным переживанием Христовой любви человек вселяет Бога в свою душу, живет Им, мыслит Им, чувствует Им, действует Им; одним словом – «Бог в нем обитает». Поэтому Бог для него – это самое непосредственное его переживание, самая непосредственная реальность, самый очевидный опыт. А когда Бог обитает в человеке, то делает любовь человека совершенной. Ибо из Него постепенно разливается по человеческой душе Божественная любовь, возращающая ее во всесовершенную любовь через все святые добродетели, пока наконец она не преисполнит все существо человека. И человеческое существо не знает тогда предела любви, ибо «Бог есть любовь», поэтому Божественная любовь и не имеет пределов. Бог любовью обитает в душе человеческой. И человек любовью обитает в Боге и в людях. Тайна Богочеловеческой Церкви – вся в Богочеловеческой любви.

100. Войдя Сам в нашу жизнь, Богочеловек ввел в нее и Духа Святого (см.: 1Ин.4:13). Спаситель на Тайной вечери обещал Своим ученикам, а через них – и всем Своим последователям, что Дух Святой будет свидетельствовать о Нем (см.: Ин.15:26). И подлинно это обетование исполнилось: Господь Христос дает Духа Святого Своим последователям, и Дух Святой наполняет их чувством и ведением того, что Христос – Богочеловек и Спаситель, что Он всем Своим существом, всеми Своими святынями и всеми Своими святыми силами остался в Церкви и пребывает в ней и что мы, пребывая в Церкви, пребываем в Нем – через Его святыни и Его святые силы. Поэтому святой Иоанн Богослов благовествует, что жизнь во Христе – это жизнь в Духе Святом, жизнь в Святой и Нераздельной Троице. Дух Святой дает нам духовное зрение, которым мы видим, что Бог Отец послал Сына спасти мир. Так вся Святая Троица участвует в спасении мира. Как бы ни приступали мы ко Господу Иисусу Христу и Его домостроительству спасения, мы всегда чувствуем и видим, что Он – Сын Божий, посланный от Самого Бога Отца совершить дело спасения мира. Это особенно ощутили и увидели очевидцы воплощенного Сына Божия, поэтому и сей Его святой очевидец, Иоанн Богослов, возглашает: *И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Своего Спасителем миру* (1Ин.4:14). Господь Христос в Своем бесконечном человеколюбии совершил спасение мира – по благоволению Отца и при содействии Духа Святого. Христос окончательно засвидетельствовал и осуществил спасение человека Духом Святым,

Духом Истины. Им Он постоянно об этом свидетельствует и в жизни Церкви, ибо Дух Святой – душа Церкви. Он – Носитель главного свидетельства об Иисусе как Сыне Божием и Спасителе, ибо Он непрестанно, через все века, спасает в Церкви всех верующих в Господа Иисуса Христа. Он, Дух Истины, открывает нам, сказует, свидетельствует всю истину об Иисусе, Богочеловеке и Спасителе. Это – Дух Святой, Утешитель, Дух Истины, и Самая Истина, и Сам Бог и Господь Животворящий, наставляющий каждого человека в Церкви лично и всю Церковь соборно на всякую истину и вводящий их во всю Истину (см.: Ин.14:26, 16:13).

Отрывки из произведений отца Иустина

Апрель 1923

О духе времени

В нашей хаотичной современности одно божество все более вытесняет все прочие божества, все настойчивее навязывает себя в качестве единого бога, все беспощаднее истязает своих почитателей. Это божество – дух времени. Перед ним денно и нощно падают на колени измученные жители Европы, принося ему в жертву свою совесть, свою душу, свою жизнь и свое сердце. Оно имеет своих жрецов, жрецов фанатичных, сделавших нашу несчастную Европу жертвенником, на котором непрестанно приносится в жертву ее тело. Однако их страстный фанатизм пронизывает и все остальные континенты, пытаясь и их превратить в жертвенники своего бога. Но прежде чем им удастся сплавить души всех континентов в бурное «Осанна» их богу, мы поставим их бога на испытание и проверим его.

Их бог – дух времени – слишком сложен, выстроен из самых разнородных элементов. Он содержит в себе все противоречия современной жизни: культуру и цивилизацию, философию и науку, католицизм и протестантизм. Объемлет он в себе весь трагизм и весь комизм такой жизни, какова она есть. И, живя в духе времени, человек скитается по пропастям всех этих непримиримых противоречий. Но самое страшное в этом то, что налицо систематически организованное восстание против человеческой личности. Дух времени связывает личность своей авторитарной тиранией, механизирует ее: ты – винтик в жуткой системе машин современности, а потому и живи, как винтик; ты – клавиша расстроенного пианино наших дней, потрясаемого духом времени, а потому и живи, как клавиша. Детерминизм, выливающийся в фатализм, – вот самое главное средство, которым дух времени властвует как бог: все зависит от среды, от окружения, но только не от личных подвигов. Все, что ты делаешь, делаешь не ты, а среда через твое посредство; если совершишь преступление, то виновен не ты, а окружение, в котором ты находишься. – Но все это, переведенное на язык славянской искренности, гласит: все позволено, т. е. разрешены все пороки, все злодеяния, все преступления, все грехи, потому что все происходящее случается в силу непреложных законов необходимости.

Наша планета немилосердна, испокон веков она была гробницей и для богов, и для людей. Многих богов внесла она в свой помянник, но еще не было столь бессмысленного бога, как дух нашего времени: ведь в нем Европа обоготворила все свои болезни, все свои грехи, все свои пороки и

преступления. А то, что это и в самом деле так, Европа удостоверила людоедской войной дня вчерашнего, доказывает она это и не менее людоедским миром дня сегодняшнего. Это может видеть даже каждое насекомое, не зараженное духом нашего времени, и это способен лицезреть любой человек, проникающий Христовым оком в хаос нашей современности...

Тайна добра и зла

Тайна зла не меньше тайны добра. Таинственность первой зачастую более привлекательна, чем таинственность второй. А человек любит таинственность в любом выражении. Нет такой вещи в мире, которую человек может объяснить всю без остатка и сказать: вот вещь, в которой не содержится тайна и вокруг которой отсутствует таинственность. Из каждого явления в мире, из каждой вещи во вселенной всегда остается нечто такое, чего человек не может заключить в клетку своего разума. Нет такой ни химической, ни алхимической лаборатории, в которой мир можно было бы настолько перекипятить, что из него испарилась бы вся таинственность. Под этим тяжелым голубым колоколом, называемым небом и покрывающим землю – нет ничего простого, ничего нетаинственного. С какой бы позиции мы ни рассматривали мир, он свивается в знак вопроса. Тайна зла и тайна добра состязаются в этом мире, и причем через посредство человека. Если бы не человеколюбивый Господь, поддерживающий равновесие, мир давно сорвался бы в хаос. Тайна зла искусно соблазнительна, она очаровывает человека до влюбленности в нее, до героического рвения, так что человек с энтузиазмом приносит себя в жертву всесожжения своей великой и страшной любви. Тайна добра смиренна и кротка, она поругана и оплевана на земле, и потому меньше тех, кто влюблен в тайну добра, а больше пристрастившихся к тайне зла. И давно бы тайна добра была погребена в могиле, если бы Господь Иисус Христос не воскрес и не явил в Своей воскресшей Личности всю Свою умилительную благость и несказанную красоту...

Современное арианство

Арианство еще не обрело своей могилы; ныне оно современнее и распространеннее, чем когда-либо. Словно душа, разлито оно по телу сегодняшней Европы. Разгребите ее культуру – на дне ее таится арианство: ведь все сведено к человеку – все, включая и Богочеловека Христа. На закваске арианства поднялась и пропиталась ею и философия Европы, и наука, и цивилизация, и отчасти религия. Повсюду и систематически Господь Иисус Христос низводится к человеку. Богочеловека постоянно развоплощают, непрестанно совершая дело Ария. Кантовская «религия в границах чистого разума» есть не что иное, как новое издание арианства. Обратите мерило Канта ко Христу – как вы думаете, что получится? – Получится Христос-человек, Христос-мудрец, но никогда не Христос-Богочеловек. Приложите критерий Бергсона ко Господу Христу – и у вас едва ли выйдет нечто большее, чем обычный человек. Так и первый критерий, и второй, да и все критерии всех философий по человеку сводят Богочеловека Христа к человеку. Европейская наука не отстает от философии в своем арианском отношении ко Христу. Во многих своих поборниках протестантизм превзошел в арианстве и самого Ария. Разного рода социны[1261] и шлейермахеры[1262] – это мощные соперники Ария в развоплощении воплощенного Бога. Папизм своей этикой во многом обязан Арию; чувствует ли он, какая метафизика стоит за этой страшной этикой? – Все это вкупе сумело заразить арианством широкие европейские массы. Кому не известно вульгарное арианство нашей интеллигенции; кому только многие наши интеллигенты не заявляли со всей серьезностью: Христос – это великий человек, мудрый человек, величайший философ, но ни в коем случае не Бог.

Откуда сегодня столько арианства? – Оттуда, что человек стал мерилом всех вещей, всех существ видимых и невидимых. Измеряя собою все, человек по-европейски смело отвергает и отбрасывает все то, что шире, выше и бесконечнее человека. Узкое мерило сужает Бого-человека до человека. Обруч греха стягивает горделивый разум человека, так что тот не видит и не признает никакой реальности, большей, чем сам он. Над-умный подвиг веры в Богочеловека Христа разрывает этот обруч и отверзает разум к бесконечным реальностям. Первый Вселенский Собор раз и навсегда определил роль разума в изъяснении Личности Богочеловека Христа: его роль – послушническая. В христианстве вера ведет, разум водим; познание – это плод веры, действующей через любовь

в надежде.

Современный европейский релятивизм – весь под эгидой арианства. Метафизический релятивизм породил релятивизм этический. Нет ничего абсолютного ни над миром, ни над человеком, ни в мире, ни в человеке, ни вокруг мира, ни вокруг человека. Но от этого современного релятивизма, как и от релятивизма древнего, арианского, спасает только вера в Богочеловечество Господа Иисуса Христа, в Его единосущие с Богом Отцом, спасает чудотворящее слово.

Испытай свою веру, проверь ее; критерий – единственный: Символ веры. Если твоя вера в какой бы то ни было части не подходит под Символ веры – то ты еретик. Если отвергаешь ты его – то ты не Христов, ты антихристов, ты Иудин, ведь Церковь именует Ария «вторым Иудой»...

Атеистическая школа

Наша школа планомерно сужает человека, умаляет его, снижает, потому что систематически изгоняет из него все вечное, все символизирующее бесконечность и бессмертие, все носящее в себе глубину и высоту, и поэтому наш интеллигент превратился в человечка, в человека ущербного, ущемленного, неполного и отчаянно неподготовленного. Явно прилагаются все старания Аргуса, чтобы замуровать человека во временное и преходящее, в посюстороннее, в то, что досягаемо для чувств, а все прочее изгнать из человека в ту страну, откуда не возвращаются. Потому наш интеллигент и стал временным и тленным, потому и мысли у него недальновидные, и чувства болезненные, и желания безжизненные. Разлил он душу по местам мелким, где излияния души не могут не застояться. Обездушенные школой, эти роботы релятивизма – когда проснутся они к высшему смыслу жизни, ко Христу, и где Его отыщут?..

Священнослужитель

Священнослужитель должен, в первую очередь, себя переработать, чтобы мог он «перерабатывать» других; надлежит ему, прежде всего, свою душу украсить красотой Святого Духа, чтобы силен был он на богослужении сиять этой красотой; подобает ему первым себя оживить Христом, чтобы мог он и других оживлять, и в первую очередь себя преобразить молитвой, чтобы был он способен и других пробуждать к молитве. К тому же должен он, прежде всего прочего, стяжать чувство и сознание, что святая литургия – это искусство превыше всех искусств, дабы удостоился он стать инициатором небесного искусства на сей помраченной планете; надлежит ему сначала пожаром веры возжечь самого себя, дабы мог он и других зажигать верой. Ведь льдом нельзя зажечь ничего, а тем паче – веру. Святой жизнью приобретается святое знание, святой опыт предваряет познание святых истин, познанию Христа предшествует жизнь во Христе. «Надо сначала себя очистить, а затем других [очищать], – учит святой Григорий Богослов, – надо сначала себя преобразить премудростью, а затем других учить мудрости; надо сначала самому стать светом, а затем других просвещать; надо сначала себя приблизить к Богу, а затем других приближать; подобает, прежде всего, себя соделать святым, а затем других учить святости»...

Из неопубликованных проповедей отца Иустина

Чему учат детей в школах?

Чему на улицах? Чему, чему? – дьяволу! Чтобы попирал он все Божие, все Христово! Вот образчик воспитания в сегодняшних школах – ты не смеешь даже упомянуть о Христе, ведь Христос – это, дескать, вымысел – да, да! Этого и хочет дьявол, чтобы, то есть, не было Бога в человеческом сердце, чтобы этот мир был не Божиим храмом, а сумасшедшим домом дьявола. Да он и в самом деле превратился в дом умалишенных. Разве не видите, разве не замечаете, как один народ сходит с ума вслед за другим, как все бросились друг на друга, все грабят, все требуют, все отнимают друг у друга – и все им мало. Чем же стал этот мир? – Ареной действия дьявола, его вотчиной! Ведь чему нас учат, чему поучает нас Европа? – Что эта жизнь должна быть без Христа, без Бога. А потому эта жизнь и становится чем? – Сумасшедшим домом, именно так! Восстали все на каждого и все на всех! Всем всего мало, все мало да мало, а ведь этот богатый и прекрасный Божий мир, этот Божий храм сколь величествен, сколь обилен для каждой души – всеми присущими ему божественными силами. Только открой свою душу Богу, а не дьяволу. Изгони из себя грех, очисти себя от самолюбия. Все захлебнулись – все, помышляя только о земных богатствах, о благосостоянии, о приисках, о заводах... А душа, а души – что с ними? Где душа европейского человека? Где души? Все разнежилось в страстях и похотях мира сего, в его наслаждениях. Все души заблудились, все ринулись в грех, все обезумели в усладах. Мало удовольствий, мало наслаждений людям, дайте еще больше! И все делается, все творится, все расточается! Все! Дабы только устроить для людей как можно больше удовольствий, а это означает – избиение душ! Души умирают и гибнут. Тысячи и тысячи, миллионы душ погибают в наслаждениях, в наслаждениях дьявольских, в страстях и похотях мира сего...

Введение во храм Пресвятой Богородицы, 1965

Почему этот мир не хочет Христа?

Почему этот мир не хочет такого праведного человека, каков святой Иоанн Креститель? Почему его, величайшего среди рожденных женами, люди гонят и убивают? И почему в этом мире люди гонят людей Христовых? – Потому что они свидетельствуют, что дела этого мира злые. Вспомните Спасителя, как объяснял Он Своим гонителям, почему они Его гонят? Фарисеи, саддукеи, почему гонят они Мессию, Бога, пришедшего в этот мир спасти человека, спасти человеческий род от смерти, от дьявола, от всех бесов и от ада. А люди гонят Его, и гнали, и насмехались над Ним. Говорили, что в Нем бес. «Ненавидит Меня этот мир», – свидетельствует Спаситель. Почему? *Потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы.* Когда о бесчисленных нынешних фарисеях и саддукеях ты свидетельствуешь, что их дела злы, тогда они ненавидят тебя, и гонят тебя, и гонят Христа, Который в тебе. Ибо зло в этом мире не терпит Христова добра. Вспомните о Христе в Евангелии: великая, и страшная, и тяжкая истина – этот *мир лежит во зле*. Во зле лежит мир. И откуда, и почему ты, христианин, ожидаешь, чтобы этот мир тебя обнимал и целовал, если ты творишь дела евангельские. Нет, не хочет он Христа, не хочет и тебя, христианин. Он гонит тебя, преследует со всех сторон, подбрасывает тебе свои «чудеса». Но ты – Христов, если только этому радуешься, если радуешься тому, что тебя гонят за Христа и что этим ты спасаешь себя, уготовляя себе вечную жизнь. Человек, ты и вправду в этом мире сотворен для того, чтобы получить вечную жизнь. Для того Господь Иисус Христос, Бог пришел в этот мир и стал человеком, чтобы уготовать и даровать нам вечную жизнь...

Усекновение главы святого Иоанна Крестителя, 1966

Примечания

[1] - Архим. Д-р Иустин Попович. Святосавле как философия жизни. Фототип. издание. Валево, 1993. С. 9 (из предисловия епископа Николая Велимировича).

[2] - Об истории г. Вране, упоминаемого еще во времена Неманичей, см. работы на сербском языке: Хаджи-Василевич. Й. К истории города Вране. Белград, 1896; Новакович С. С Моравы на Вардар / Годовщина Н. Чупича. XIII. 1893) и др.

[3] - Это могло быть, вероятнее всего, во время восстания Карагеоргия против турецкого ига в Сербии, а возможно, и ранее.

[4] - Уменьш. от Анастасий (серб.).

[5] - Из этой монастырско-семинарской школы Св. Стефана возле г. Вране вышло более сорока священников.

[6] - Соборная церковь Святой Троицы во Вране была построена в 1843 году, но вскоре разорена турками, затем вновь отстроена в 1859 году и существует поныне. Еще со времени святых Неманичей во Вране находилась церковь во имя свт. Николая, бывшая под управлением монастыря Хиландар. Церковь неоднократно разрушалась и вновь отстраивалась.

[7] - О св. Прохоре и его монастыре см. Жития святых (19 октября) и монографию священника Петра Гагулича. «Монастырь Св. Прохора Пчиньского». Ниш, 1965 (на сербск. языке).

[8] - О благочестивых жителях Вране см. книги Б. Станковича «Из древнего Евангелия» и «Божии люди» (на сербск. языке).

[9] - Даже медики не могут отрицать того факта, что от святых, мощей св. Прохора Пчиньского происходят чудеса исцелений; однако они пытаются объяснить их на основе рационализма (см.: Михайлович Д. Развитие здравоохранения во Вране со времени царствования Неманичей до середины XX века, Вране, 1969 [на сербск. языке]; как он утверждает, «лечение было по большей части внушено верой»).

[10] - К этому времени относится и следующее событие, которое сам о. Иустин однажды смиренно нам рассказал. Как-то летом он, будучи профессором университета, направился из Вране в монастырь св. Прохора Пчиньского. Поскольку путь в монастырь пролегал через горы и был нелегким, он нанял упряжку волов. На пути они настигли некую старицу, шедшую в монастырь пешком. Остановив повозку и подозвав старицу, он

предложил ей поехать вместе с ним, ибо и они едут ко святому отцу, но получил от нее такой ответ: «Спасибо тебе, сынко, но я нищая». Отец Иустин сказал ей на то, что она не будет платить, так как волов нанял он, на что та ему ответила: «Не в том дело, сынко, – я нищая потому, что не имею ничего другого принести святому отцу, кроме сего труда» (т. е. паломничества в монастырь пешком через горы). «Тогда я, – говорил нам смиренно про себя Авва, – ударил себя ладонью по лбу – а он был у меня широким и высоким, – и сказал себе: “Эх, Иустине, Иустине, стал ты профессором богословия, а набожности этой старицы еще не стяжал”». Немедленно после этого он заплатил крестьянину за упряжку и отпустил его назад, а сам пешком пошел вместе со старицей в монастырь святого отца. – Ко святому отцу он всю жизнь питал великую любовь и благоговение. В тяжелые минуты своей жизни он особенно молился этому святому, как, например, в июне 1923 года, когда в «Молитвенном дневнике» появляются такие строчки: «В последнее время душа моя молитвенно рвется ко св. Прохору Пчиньскому: теплеет сердце мое, когда молитвенно его призываю».

[11] - В описании развития просвещения во Вране Радош Требьешанин (Три первых десятилетия гимназии во Вране / Враньский Гласник. 1970. Кн. 6. С. 65–155) причисляет к ученикам Враньской гимназии (между 1881 и 1914) и Иустина Поповича, архимандрита и профессора Богословского института в Белграде, но это не точно, если только писатель не имеет в виду его обучение в течение первых четырех лет в той же школе.

[12] - Кроме иеромонаха Николая, известными преподавателями Белградской семинарии тогда были также: протоиерей Стефан Веселинович – ректор, сингелы Доментиан и Досифей (впоследствии епископы), профессоры Анастасий Попович, Веселии Чайканович, Борислав Лоренц, Стеван Мокраняц и др.

[13] - Частичные данные об этом можно найти в «Годовых отчетах» семинарии Св. Саввы в Белграде за те годы (1905–1914).

[14] - Весьма характерным в этом отношении является стихотворение одного из школьных приятелей, посвященное Благое, в котором приятель призывает его «оставить печали» и «радоваться жизни». Благое был жизнерадостным и трезвым юношей («В богозданной и логосной сущности своей жизнь – это рай; мир – это благовестие Божие», – напишет он в ранней работу о Достоевском), но устремления и порывы его души, стремящейся ко Христу, превосходили пространства и границы мира сего, границы земной жизни и ее временных и чаще всего горьких радостей.

[15] - Об этом нам свидетельствуют и первая, и вторая книги о. Иустина о Достоевском, ибо они действительно представляют собой, как некто это верно отметил, не столько введение в Достоевского, сколько «введение в православное понимание мира и жизни», «пламенную проповедь Православия и призыв к Церкви и вере», призыв к православному подвигу истинного и вечного спасения во Христе Богочеловеке. (См. рецензию на первую работу о. Иустина «О религии и философии Достоевского» в журнале «Путь», Париж, 1927, № 8, с. 149–153, написанную русским богословом Львом Зандером.)

[16] - Имеется подобное этому, но совершенно от него независимое свидетельство одного из духовных чад о. Иустина, который осенью 1966 года имел во сне следующее видение: св. Златоуст в келье о. Иустина; о. Иустин кладет поклоны, а св. Златоуст благословляет его и говорит: «Вот мой угодник».

[17] - Наиболее показательными с этой точки зрения являются его необычайно содержательные, со множеством биографических элементов тексты Предисловия и Послесловия к изданиям Житий святых в 1954 и 1962 годах. Задолго до этого, еще в 1922 году, он требовал ввести Жития святых в качестве регулярного предмета в семинариях (см.: Христианская жизнь. 1923. № 3 [на сербск. языке]). – Он был прежде всего человеком Церкви Христовой; она для него означала святое соборное житие со всеми святыми, Первенец среди которых – Христос, «Перворожденный между многими братиями».

[18] - Кроме того, он проникался великой любовью к своим ученикам, о чем повествует краткая заметка в «Молитвенном дневнике» (1925 г. – Навечерие Богоявления): «Два ученика ночью покинули школу, оставив мне трогательное письмо; служа утреню, я много плакал о них. Как тяжело вести через жизнь других, а еще тяжелее – себя».

[19] - Стоядин в то время изучал право в Белграде. Возвращаясь с друзьями на поезде из Белграда во Вране 1 июня 1912 года, он высунулся наружу, когда поезд проезжал село вблизи Вране, где было семейное имение Поповичей, каким-то непонятным образом выпал из окна и, ударившись головой о железный мост, разбился насмерть. Погребен на городском кладбище, где впоследствии рядом с ним были похоронены его родители (Спиридон † 1.1.1939 и Анастасия † 28.1.1945).

[20] - Ужасы эпидемии тифа потрясающим образом описывает писатель Добрица Чосич в третьей книге исторического романа «Время смерти». Он пишет главным образом о госпитале в Валеве, тогда как центральный

госпиталь находился в Нише.

[21] - «Поздравляю тебя с тем, что ты счастливо вышел из болезни», – написал Благое на открытке один из его друзей.

[22] - Некоторые военные чины, по-видимому, намеревались и эту группу молодых семинаристов направить на фронт, однако мудрый председатель сербского правительства Никола Пашич не утвердил такого предложения, так как понимал, что после войны они будут необходимы сербскому народу.

[23] - Хотя о. Иустин всю жизнь тайно желал и готовился пострадать за Сладчайшего Господа Иисуса Христа, он трезво понимал то мудрое и смиренное правило мученичества, которое св. Григорий Богослов выражает следующими словами: «Правило мученичества состоит в следующем: да не спешим сами, по своей воле, на страдания, щадя сим и самих мучителей, и слабейших в вере; однако, когда нас поведут на страдания, да не бежим от них и да не отрекаемся. Ибо если то первое показывает дерзость, это второе являет малодушие». – В своей христианской жизни о. Иустин никогда не был ни дерзким, ни малодушным. Он не вдавал себя самовольно в гонения и страдания, но когда они его постигали, всегда радовался. И мы знаем, что он немало пострадал за свою честную и исправную христианскую жизнь.

[24] - Традиция направления сербских богословов в российские духовные академии существовала уже двести лет. В Петрограде незадолго до этого учился и старший товарищ о. Иустина по семинарии – сингел Демосфен (Илич), с которым он переписывался и о котором говорил, что в Белградской семинарии научился от него многому доброму. Впоследствии он за него особо молился и до конца жизни поминал его на святой литургии.

[25] - Кроме работы о Достоевском, начатой, вероятно, уже в это время, впоследствии о. Иустин напишет и ряд статей об отдельных выдающихся русских людях, среди которых и статья «О рае русской души» (1939), посвященная св. Иоанну Кронштадтскому.

[26] - Это явление было ночью в сентябре 1936 года. Св. Серафим в священнических одеждах подошел к о. Иустину во сне, и Авва с радостью пошел ему навстречу, простирая к нему руки и желая к нему прикоснуться. На этом св. Серафим тихо удалился. «На душе мне от этого было и радостно, и грустно, – записал потом о. Иустин, – радостно, что я его видел, и грустно, что он так быстро исчез». – Отмечая это, мы считаем, что данное явление св. Серафима о. Иустину было призывом к новым

подвигам и добродетелям. – Позднее о. Иустин написал дивное житие св. Серафима, куда включил и знаменитую беседу этого святого «О цели христианской жизни», переведенную ранее епископом Николаем.

[27] - Хотя о. Иустин никогда не был «кабинетным» человеком, он с детства много читал. Из упомянутых тетрадей и заметок видно, что и в Оксфорде он читал много, прежде всего святых отцов, как восточных, так и западных, как монашеско-аскетических, так и великих отцов-богословов. Кроме того, он читал лучшие богословские работы своего времени, работы по философии и истории, литературные и поэтические произведения. Уже тогда он владел шестью иностранными языками, классическими и современными. С другой стороны, что бы ни читал о. Иустин, все он измерял Священным Писанием. Но, конечно, больше всего – молился.

[28] - Еще перед этим отвержением его диссертации о. Иустин на некоторое время отказался жить и содержаться за счет колледжа и сам зарабатывал себе на жизнь на одном из заводов Бирмингема.

[29] - Некоторые из своих молитвенных и слезных подвигов, известных полностью только Богу, о. Иустин частично отмечал в «Молитвенном дневнике». Кроме того, и его письма и труды не в меньшей мере проникнуты подвижническим настроением и носят отпечаток глубокого личного опыта.

[30] - Позднее он объяснял, что докторская степень православному богослову необходима не ради людской суеты или так называемой «чистой науки» (она не есть гарантия истинного богословия), но ради мира, в котором мы живем, и сложившейся психологии людей, часто считающих, что формальный авторитет, приобретаемый докторской степенью, и самим суждениям о предмете изучения сообщает большую достоверность.

[31] - В иеродиакона о. Иустин был рукоположен в мае 1920 года, вероятно, в один из коротких приездов из Греции в Сербию. Он очень любил иеродиаконское служение и служил постоянно.

[32] - Еще будучи иеродиаконом, о. Иустин перевел с греческого языка на сербский Божественную литургию св. Иоанна Златоуста и опубликовал ее в Сремских Карловцах в 1922 году. – В том же году он писал в одной из статей: «Святая литургия всегда была центром и сердцевиной каждой истинно православной души. Загляните в душу православных святителей и подвижников, и вы увидите, что они сотканы из литургических переживаний. Переживание литургических тайн как сущности своей личности – это единственный путь, созидающий из обычных людей –

богочеловеков, из грешников – святых».

[33] - Пространное извлечение из «Молитвенного дневника» приведено в этой книге.

[34] - Один из его учеников при написании впоследствии введения к его книге «Бездны философии» в духовном смысле неправильно, а тем самым и несправедливо, объяснил умную и духовную борьбу о. Иустина с помыслами и искушениями, охарактеризовав это как «отражение трагедии мыслящего человека» или даже как «неукротимый вихрь бунтующей мысли, пригвождающей к ужасному кресту сомнения». Самый лучший ответ на такое неправильное понимание духовной борьбы представляет собой самая статья о. Иустина (в той же книге) «Бунт клещей».

[35] - Мирское имя св. Саввы Сербского.

[36] - Несколько раз в течение этих лет у молодого, несущего тяжелый подвиг поста и слез иеродиакона, а затем иеромонаха Иустина из горла шла кровь, вследствие разрыва известных капилляров. Из-за этого в июне 1921 года он три недели провел в больнице. Впрочем, здоровье, будучи плодом его всегда умеренного аскетизма, сослужило ему хорошую службу в течение жизни.

[37] - До настоящего времени (т. е. до 1980 г. – Примеч. пер.) полностью опубликовано лишь его «Толкование на Святое Евангелие от Матфея».

[38] - Известно, что в течение этих первых лет по возвращении на родину он прочитал ряд лекций по Священному Писанию в женском христианском союзе в Белграде и в женской христианской общине на богословском факультете. Что же касается проповедей, то проповедовал он повсюду, где только служил, а служил он очень часто и в разных местах нашей страны. Прихожане охотно слушали его проповеди. Его знаменитую проповедь на Великую Пятницу Бранислав Нушич внес в антологию мирового проповедничества.

[39] - Текст этого предложения опубликован в журнале «Христианская жизнь», 1923. № 3.

[40] - Опубликован в «Отчете» Битольской семинарии за 1932–1933 годы.

[41] - Так, 15 июня 1925 года о. Иустин записал в «Дневнике»: «В келье молился за выпускников: да ведет и наставляет их Господь через всю жизнь: плач и слезы многие и скорбь, что расстаюсь с ними». – Кто почувствовал силу отцовства и молитв о. Иустина, тому легко было в случающейся иногда строгости увидеть его отеческую заботу о благе

своих воспитанников.

[42] - Появление в Сербии Богомольческого движения после Первой мировой войны вызвало различные толки и объяснения этого народного религиозного движения. Одним из первых, кто правильно и по-святоотечески трезво оценил значение этого движения и предупредил о возможных опасностях его уклонений в заблуждения, если ему не поможет сама Церковь, был о. Иустин (см. его статьи «Современное религиозное движение в нашем народе» / Христианская жизнь. 1922. № 3 и «Внутренняя миссия нашей Церкви», которую приводим в данной книге). Сразу, в самом начале, он всем сердцем поддержал желание истинных богомольцев иметь своим духовным вождем епископа Охридского Николая.

[43] - См.: Христианская жизнь. 1923. № 1–2.

[44] - Это краткие статьи «Славный пред Богом» и «Он – среди них» (см.: Христианская мысль. 1935. № 8; 1936. № 7–8), а также обширная лекция «Тайна личности митрополита Антония» (см.: Богословие. 1939. Тетр. № 1).

[45] - Речь идет о «Христианской жизни», одном из наших лучших довоенных журналов. По этому поводу характерна его исповедь в «Молитвенном дневнике»: «Из-за ужасной перегруженности “Христианской жизнью” мои молитвы сведены к половине. Чувство самоосуждения меня разъедает: не для моей души эта работа. Тоскую по одиночеству и молитве». Кроме «Христианской жизни» до войны о. Иустин сотрудничал также в следующих журналах и газетах: «Христианская мысль», «Христианское дело», «Перекресток», «Светосавле», «Богословие», «Православие», «Пастырский голос», «Вестник», «Отчизна», «Идеи» и др.

[46] - В журнале «Христианская жизнь» имелась рубрика «Со стола редактора», в которой, наряду с анализом событий церковной и светской жизни, сугубое внимание уделялось жизни и страданиям Православной Церкви в России, причем особенно в 1927 году.

[47] - См. рубрику «Со стола редактора» в № 1 за 1925 год.

[48] - Непосредственным поводом к этому послужило его «Открытое письмо Святейшему Синоду», опубликованное в «Христианской жизни», № 10 за 1924 год.

[49] - После указания о. Иустина на то, что деятельность тогдашнего ректора семинарии приносит ей большой вред, и заключения направленных по этому поводу проверочных комиссий, указанный ректор

был отправлен на пенсию. И хотя все обвинения, выдвигаемые ректором против о. Иустина в свою защиту, оказались ложными, о. Иустин «по долгу службы» был перемещен в Призрен.

[50] - Статья называлась «Apologia de via mea» («Защита моего пути»), См.: Христианская жизнь. 1927. № 8–9.

[51] - Отец Иустин сожалел и об изменении календаря (введении нового стиля) в отдельных Православных Церквах, о поспешности и методах введения этого изменения. Он назвал это своеобразным «молитвенным расколом» и «нарушением молитвенной соборности».

[52] - Комментируя один из современных ему римо-католических призывов к православным – прийти и подчиниться римскому папе, – о. Иустин пишет: «И наши православные пророки отчасти знают и отчасти пророчествуют. Знают они вашу тайну и чудные пророчества изрекают. Слышали ли вы их? Если нет, то прислушайтесь к ним. Мал человек, слишком мал, будь он и папа, чтобы мы могли оставить Богочеловека и прийти к человеку. Мы слишком углубили и обнажили третье дьявольское искушение, чтобы нас могли им соблазнить. Папо-поклонство – человекопоклонство – вызывает горькую усмешку в сострадательной православной душе, и она денно и нощно молится Сладчайшему Господу, чтобы всех человекопоклонников повел Он по пути Богочеловеческой истины в Богочеловеческую жизнь... Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем римо-католику войти в таинственное царство Православной Церкви. За всеми их риторическими и схоластическими рассуждениями о человеке в конце концов человек для них – это механизм, который можно запустить в работу и привести в движение, если только заведет его главный механик из Рима» (Христианская жизнь. 1927. № 5–9).

[53] - Хотя о. Иустину не довелось съездить на Святую Гору, он поддерживал духовные связи с этим духовным и подвижническим центром Православия, что и понятно, ибо он имел тот же дух. Он сам говорил нам, что ему случалось познакомиться с некоторыми святогорцами, проезжавшими через нашу страну, как, например, архимандрит о. Кирик, чьи духовные поучения и подвижнические советы Авва весьма ценил и вспоминал всю жизнь. Один такой краткий душеполезный совет он нам часто повторял и рекомендовал. Он состоит в том, что почти во всех обстоятельствах нужно молиться этой краткой святой молитвой: «Господи, прости меня и помоги мне».

[54] - Об этом своем миссионерском пребывании в Прикарпатье в

течение года о. Иустин также оставил заметки, которые он вел, вероятно, с целью представления отчета Святейшему Синоду.

[55] - В день св. пророка Илии 1931 года на Мукачевскую кафедру торжественно возведен владыка Иосиф, а затем эту кафедру занимал преосвященный Дамаскин (позднее митрополит Загребский).

[56] - Об этом сохранилась переписка. Отъезд о. Иустина в Варшавский университет, по всей видимости, не состоялся из-за того, что, после того как ему предложили кафедру Догматики и он без колебаний согласился, это предложение было изменено: вместо кафедры Догматики ему была предложена кафедра Нравственного богословия.

[57] - Об этом свидетельствует сам Глубоковский в письме о. Иустину (в мае 1932 г.); вообще он состоял с о. Иустином в переписке и сотрудничал в «Христианской жизни».

[58] - Известные низкопробные выпады и блестящие отповеди в защиту личности о. Иустина можно прочитать в газете «Глас Валева» от 13.XII.1934 и 13.1.1935.

[59] - О том, что «Догматика» о. Иустина использовалась в преподавании Священного Писания в ряде американских университетов, имеются письменные свидетельства профессора протоиерея Георгия Флоровского и епископа Николая (оба из США).

[60] - В это же самое время о. Иустин писал и против некоего «X.Y.Z.», который в рождественском номере «Политики» хулил Личность Господа Иисуса Христа. Неопровержимая критика о. Иустином безбожного очернения величайшей под солнцем святой Личности была опубликована в газете «Идеи» № 12 от 17.1.1935. – Еще раньше в «Христианской жизни» № 10 за 1923 год о. Иустин писал против некоего Николаевича, который в журнале «Мысль» ополчался против св. апостола Павла, что о. Иустин назвал обычной «сказкой» и «фальсификацией» личности и учения апостола Павла.

[61] - См.: Христианская жизнь. 1926. № 10–12.

[62] - Речь идет о 1935–1937 гг., когда сербское правительство пыталось ратифицировать подписанный 25.07.1935 г. в Риме конкордат с Ватиканом, ставивший Сербскую Православную Церковь в фактическую зависимость от Рима. Однако взрыв возмущения сербского народа и поистине исповеднический подвиг Святейшего Патриарха Варнавы сорвали эти планы. – Примеч. пер.

[63] - Букв. «келлии».

[64] - В тот же вечер в ряде святогорских монастырей совершались заупокойные поминовения о. Иустина. Весть о упокоении о. Иустина быстро донеслась и до Америки. В православной Академии Св. Владимира, почетным доктором которой был о. Иустин, ректор Академии о. Александр Шмеман с профессорами и студентами совершил парастас в самый день погребения о. Иустина, в тот же час, когда в монастыре Челие совершалось отпевание. В течение этих дней парастасы были отслужены и во многих монастырях и церквах Греции.

[65] - Это письмо было опубликовано в афинской церковной газете «Ортодоксос типос», № 355 от 4 мая 1979 г.

[66] - Перевод тропаря с греч. языка (глас 8).

[67] - Мощи святителя Саввы были сожжены турками в 1595 г. в Белграде.

[68] - Эти несколько слов о Расколе добавлены в 1964 г.

[69] - Страшно сказать (лат.). – Примеч. пер.

[70] - Образ жизни; способ существования (лат.). – Примеч. пер.

[71] - «Городу (т.е. Риму) и миру»; на весь мир, всем и каждому (лат.). – Примеч. пер.

[72] - Прошу всех братьев-христиан не верить никакому моему иному заявлению, которое было бы противно этому.

[73] - Этот текст под замысловатым названием «Серна в потерянном рае» опубликован в конце сборника статей о. Иустина «Бездны философии» (Мюнхен, 1957) (на сербск. языке).

[74] - Текст «Молитвенного дневника» после упокоения о. Иустина был найден среди его старых книг и тетрадей. При жизни он о нем никогда не упоминал. «Дневник» велся с начала 1921 (в то время о. Иустин учился в Афинах) по конец 1925 года и представляет собой каждодневное монашеское правило отца Иустина; написан он в тетради весьма мелким почерком, со множеством сокращений, так что читать его очень трудно. В данной книге приводится лишь отрывок из «Молитвенного дневника» (первая половина января 1921 г.), т. е. собственно его начало, возможно и наиболее характерное, так как оно содержит в себе намного больше молитвенных размышлений, отмеченных в течение января 1921 года.

[75] - В итоге (лат.). – Примеч. ред.

[76] - Молитвенное воздыхание святого фактически означает – из-за меня, человека, вся тварь мучается и находится в нынешнем плачевном состоянии; пусть чрез меня же. путем очищения и постепенного

приближения к Богу (обожения), она освободится и приведена будет от рабства тлению в свободу славы чад Божиих (см.: Рим.8:21–23). О том, что вместе со святыми, соделавшимися причастниками Божеского естества по благодати, изменялась и природа, и животные, свидетельствуют многочисленные жития угодников Божиих. – Примеч. ред.

[77] - Здесь подвижник использует образные выражения. Как известно, в церковной традиции голубь – один из символов Святого Духа, Третьей Ипостаси Пресвятой Троицы. Символ же есть связь с тем, что он собой символизирует (голубь – посредник между Духом Святым и духом человеческим, говорит преп. Иустин). Дух Святой – Дух Животворящий; как замечают в своих писаниях святые отцы, именно Дух Святой завершает сотворение видимого мира в добре и красоте (свт. Афанасий Великий; свт. Василий Великий; преп. Ефрем Сирин). Своими нетварными Божественными энергиями Дух Святой пронизывает все сотворенное. Отсюда – в своей сути (идее, логосе) «душа твари» имеет «голубиное незлобие». – Примеч. ред.

[78] - Третьего не дано (лат.). – Примеч. ред.

[79] - В конечном итоге (лат.). – Примеч. ред.

[80] - Противоречие в определении, внутреннее противоречие (лат.). – Примеч. ред.

[81] - Однажды один из учеников спросил о. Иустина, почему он не напишет своей исповеди, на что о. Иустин ответил; «Все, что я написал, – это моя исповедь». Стословия (сотницы) о. Иустина не являются цельным произведением; они составлены из его отдельных заметок в тетрадях или на листочках бумаги, но знаменательно то, что они охватывают всю его подвижническую жизнь и являются существенным автобиографическим материалом к всестороннему пониманию интеллектуального и духовного образа блаженно упокоенного о. Иустина во всем его Христо-подобии. Для нас они, согласно премудрому Соломону (см.: Прем.6:12–19), представляют собой живые свидетельства Божественной жизни и Божественной премудрости, или, как сказал бы о этом сам о. Иустин, Богочеловеческой жизни и Богочеловеческой премудрости.

[82] - Отроичение – введение в полноту Божественной жизни через воплощение и обожение человеческой природы Христом, что не устраняет коренного различна между Божественным и человеческим естеством. – Примеч. ред.

[83] - «Под видом, под формой»; под углом зрения (лат.). – Примеч. ред.

[84] - Эпиклеза, наше постоянное эпиклетическое, молитвенно-

просительное предстояние в жизни, молитвенное призывание Духа Святого. – Примеч. ред. оригинала.

[85] - Церковь реформированная всегда реформируема (лат.). – Примеч. пер.

[86] - К (лат.). – Примеч. ред.

[87] - В сербском оригинале употреблено слово «видело», т. е. «свет». Поэтому для более точной передачи смысла мысли о. Иустина послужил бы следующий перевод начала означенного предложения: «Видеть человека и его смысл можно только в «ви-де-ле» Слова...»; общий корень слов подчеркивает неразрывное единство передаваемого ими смысла. Подобный же смысл передается русским глаголом «зреть» и сербским существительным «зрак», т. е. «луч». Еще более ярко такое единство смысла проявляется в церковнославянском языке. – Примеч. пер.

[88] - То есть в Свято-Архангельской обители Челие. – Примеч. пер.

[89] - Знаменитый монастырь на Косове. – Примеч. пер.

[90] - Современный «экуменизм» происходит от средне-латинского oecumenicus – «вселенский», которое в свою очередь от греческого οἰκουμένη – «обитаемая земля». Отсюда видно, какое смешение понятий произошло в так называемом «экуменическом движении», где гипертрофировано, чрезмерно раздуто понятие «вселенский», т. е. Вселенская Церковь понимается как совокупность различных исповеданий, из которых каждое обладает лишь частицей «истины», и, таким образом, «всецелой истиной» обладает лишь экуменический коллектив (последнее слово наиболее уместно, ибо оно точнее других передает сущностный характер современного «единения вер»). – Примеч. пер.

[91] - Таково приблизительное число протестантских деноминаций, заявивших о своем участии во Всемирном Совете Церквей. – Примеч. ред.

[92] - Мирское имя святителя Саввы Сербского. – Примеч. пер.

[93] - Часть сохранившегося письма иеродиакона Иустина от 4 августа 1921 года, направленного из Сербии в Оксфорд, одному из учившихся там друзей. Названия писем принадлежат редакторам оригинала.

[94] - Отрывок из письма Матильде Б., преподавателю гимназии (12 янв. 1939 г.).

[95] - Письмо русскому иеромонаху Киприану (Керну), бывшему преподавателю Битольской семинарии, члену Миссии в Святой Земле (Вране, 922 авг. 1929 г.).

[96] - Письмо христианке после отпевания ее матери (16 дек. 1968 г.).

[97] - Письмо журналисту М. М. (22 янв. 1966 г.).

[98] - Письмо священнику (13 февр. 1956 г.).

[99] - Письмо духовному сыну по случаю рукоположения (26 нояб. 1964 г.).

[100] - Письмо брату-христианину (16 янв. 1962 г.).

[101] - Письмо студенту богословия Михаилу (1 марта 1962 г.).

[102] - Письмо будущему монаху (перед Рождеством, 25 дек. 1964 г.).

[103] - И впоследствии, в 1971 и 1977 гг., отец Иустин писал о несвоевременности созыва к проведения Всеправославного Вселенского Собора в условиях настоящего времени. (Эти тексты опубликованы почти на всех основных европейских языках, а не только на сербском.) (См.: Вестник РХД, № 122. – Примеч. пер.) Отрицательное отношение отца Иустина к созыву и проведению Вселенского Собора в таких условиях является более критикой метода работы и поведения тех, кто этот «Собор» подготавливает, нежели отрицанием возможности и вообще потребности проведения Собора в Православной Церкви. – Примеч. ред. оригинала.

[104] - Письмо студенту (24 янв. 1965 г.).

[105] - Молитва простого крестьянина Радисава, о которой идет речь, гласит: «Господи, даруй мне искру Твоего Всемогущего пламени». – Примеч. ред. оригинала.

[106] - Образ жизни (лат.). – Примеч. ред.

[107] - Способ познания (лат.). – Примеч. ред.

[108] - Название известной книги немецкого философа Ф. Ницше. – Примеч. ред.

[109] - Письмо монаху Григорию (16 нояб. 1966 г.).

[110] - Письмо монаху (суббота Сырной седмицы, 14 марта 1964 г.).

[111] - Письмо духовному чаду (27 мая 1972 г.).

[112] - Письмо студенту (19 нояб. 1968 г.).

[113] - В конечном итоге (лат.). – Примеч. ред.

[114] - Противоречие в определении, внутреннее противоречие (лат.). – Примеч. ред.

[115] - Письмо докторанту богословия (перед Рождеством, 1966).

[116] - Кенозис (от греч. κένωσις) – в широком смысле означает снисхождение Бога Слова к людям, когда Он благоволил вместо образа Бога принять на Себя образ раба и вместо Божественной жизни жить

жизнью богочеловеческой (см.: Флп.2:7). Преп. Иустин же в данном отрывке употребляет выражение «кенозис» в необычном смысле, говоря о самоумалении и смирении человеческой души пред Богом. – Примеч. ред.

[117] - Письмо братии монастыря Рача (в день св. Филарета Милостивого, 1953).

[118] - Письмо игумении Сарре и сестрам монастыря Челие (в день св. Никиты Халкидонского, Лесковац, 1953).

[119] - Письмо игумении Сарре и сестрам монастыря Челие (в день св. великомученицы Евфимии, 1955, монастырь Девич).

[120] - Письмо сестрам монастыря Челие (Лесковац, 27 авг. 1964 г.).

[121] - Письмо сестрам монастыря Челие (Лесковац, 12 мая 1976 г.).

[122] - Письмо монахине-иконописице (накануне памяти св. пророка Илии, 1966 г.).

[123] - Письмо духовному чаду (10 авг. 1970 г.).

[124] - Письмо бывшему ученику, впоследствии священнику (на второй день Рождества, 1961).

[125] - Последнее письмо родной сестре Стойне и племяннице Наде, посланное из монастыря Челие в Лесковац (в день св. Иоанна Златоуста, 1979).

[126] - Проповедь в 15-ю Неделю по Пятидесятнице, на Св. Евангелие от Матфея, гл. 22, ст. 35–46, в монастыре Челие в 1961 году. Как и большинство проповедей о. Иустина, эта проповедь произнесена без предварительно написанного текста (кроме конспекта главных мыслей на двух листах). Проповедь записывалась от руки, с известными естественными пропусками и погрешностями передачи слов о. Иустина, но в целом отражает содержание выраженных им духовных мыслей.

[127] - Проповедь произнесена в 1964 году в монастыре Челие.

[128] - Проповедь произнесена в 1974 году в монастыре Челие (в тот год праздники Входа Господня в Иерусалим и Благовещения Пресвятой Богородицы приходились на один день).

[129] - Ср.: Ибо тварь с надеждою ожидает откровение сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее (т. е. человека), в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучается доныне (Рим.8:18–22). – Примеч. ред.

[130] - Это одна из редких предварительно полностью написанных проповедей о. Иустина (сохранилась в рукописи с датой: Успение

Пресвятой Богородицы, 1963).

[131] - Эта проповедь тоже предварительно написана (на рукописи стоит дата: 1225 сент. 1945 г.)

[132] - Это одно из рождественских посланий (написано и разослано перед Рождеством 1967 г.), которые о. Иустин рассылал своим духовным чадам, друзьям и благотворителям обители. Такие же послания он рассылал к празднику Светлого Христова Воскресения.

[133] - Рождественское послание (1970).

[134] - «Воплощение Бога в человека» – в этом месте и далее равнозначно «вочеловечению». – Примеч. ред.

[135] - Пасхальное послание (1968).

[136] - Пасхальное послание, составленное по просьбе блаженно почившего епископа Сремского Макария и сохранившееся в рукописи (1961).

[137] - Руководствуясь желанием проследить весь жизненный путь о. Иустина и его деятельность и в этой области, приводим здесь одну из его ранних статей (впервые опубликованную в журнале «Христианская жизнь» за 1923 год, № 9, а также на греч. языке в сборнике его статей «Человек и Богочеловек», Афины, 1969).

[138] - Ср.: Флп.2:6–8. – Примеч. ред.

[139] - Статья опубликована в газете «Пастырский голос» (Крагуевац) 21 марта 1937 г.

[140] - Статья опубликована в № 9 «Христианской жизни» за 1924 год в память старого школьного друга, священника из Баиной Башты, содержит в себе много автобиографических данных.

[141] - Ср.: Деян.20:35. – Примеч. ред.

[142] - Статья-некролог опубликована в журнале: Православие (Белград). 1938. № 1–2. С. 66–69.

[143] - Ср. высказывание Ф. М. Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, а ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Ч. 1. С. 63). – Примеч. ред.

[144] - Статья сохранилась в рукописи и до настоящего времени не опубликована (написана, вероятнее всего, во время последней войны, перепечатана в монастыре Челие 3 февр. 1956 г.).

[145] - «К вящей славе Божией» (лат.). – Примеч. ред.

[146] - Волей или неволей, хочешь или не хочешь (лат.) – Примеч. ред.

[147] - Из молитв, составленных о. Иустином для богослужебного употребления (чаще всего это молитвы в конце акафиста), приводим здесь молитву св. Архангелу Михаилу, защитнику Святочелийской обители. Составлена в 1956 году и напечатана в «Житиях святых» за ноябрь месяц.

[148] - См.: Послания святого апостола Павла к Ефесянам и Колосянам, а также Евр.12:22. – Примеч. ред.

[149] - Молитва имеет надписание: «Сию молитву составил всегрешный архимандрит Иустин в день св. Вознесения Господня 1956 года в монастыре св. Челие». – Примеч. ред. оригинала.

[150] - Macar. Aeg. Нот. XII, 7. / PG. T. 34 Col. 560D.

[151] - Hom. XV, 22. Col. 589D.

[152] - Ibid. Ср.: XI, 5. Col. 548B; XXVI, 1. Col. 676A; XXX, 7. Col. 725C; XV, 43. Col. 605A.

[153] - Hom. I, 2. Col. 452A. Ср.: XV, 43. Col. 605A-B.

[154] - Hom. XLV, 5. Col. 789C.

[155] - Hom. I, 7, 457B. Ср.: XX, 8. Col. 656A.

[156] - Hom. XX, 8. Col. 656A.

[157] - Hom. L, 4. Col. 816B.

[158] - Hom. I, 7. Col. 457B. Ср.: col. 460D; L, 4. Col. 816B.

[159] - Hom. IV, 9. Col. 480A.

[160] - Hom. VI, 11. Col. 516C. Ср.: XLVII, 2. Col. 797B.

[161] - Hom. XII, 8. Col. 561A. Ср.: I, 10. Col. 460D.

[162] - Hom. XLVII, 15. Col. 796C. Ср.: XX, 8. Col. 656A.

[163] - Hom. I, 10. Col. 460D. Ср.: IV, 7. Col. 477C.

[164] - Ibid.

[165] - Hom. IV, 15. Col. 484B.

[166] - Hom. XV, 41. Col. 605B; De libert. mentis, 32. Col. 965AB; Hom. XVI, 13. Col. 624A; XX, 8. Col. 656A; XXVII, 1. Col. 693B.

[167] - Hom. XXVII, 1. Col. 693B.

[168] - Hom. XV, 34. Col. 600A.

[169] - Hom. I, 3. Col. 452C.

[170] - Hom. VII, 8. Col. 528B. Ср.: XL, 5. Col. 765B.

[171] - Hom. VI, 5. Col. 521B. Ср.: XXVI, 23. Col. 689C.

[172] - Hom. IV, 3. Col. 473C.

[173] - Hom. XV, 21. Col. 592A; XV, 38. Col. 604AB; XXV, 1. Col. 668B.

[174] - Неточно утверждение др. Й. Штоффельса о том (см. его работу «Die mystische Theologie, Makarius des Aegypters». Bonn, 1908. P. 83–94), что св. Макарий считает, что богообразие души состоит лишь в свободе воли.

[175] - Hom. XII, 12. Col. 564.

[176] - Hom. IV, 3. Col. 473C.

[177] - Hom. XII, 4. Col. 560A; II, 1. Col. 464AB; IV, 1. Col. 473A.

[178] - Hom. XXVI, 1. Col. 676B.

[179] - Hom. XLIX, 5. Col. 812B.

[180] - Hom. XLVI, 6. Col. 796C.

[181] - Ibid. 5.

[182] - Ibid.

[183] - Hom. VI. Col. 5, 521B. Ср.: XV, 25. Col. 592D; II, 1. Col. 464B.

[184] - Hom. XI, 4. Col. 548A.

[185] - Hom. XII, 1. Col. 557A.

[186] - Ibid. B.

[187] - Ibid. 2. Col. 557B. Ср.: XLVI, 3. Col. 793B: «Несправедливо иные, введенные в обман лжеучением, утверждают, что человек решительно умер и вовсе; не может делать ничего доброго». Ср.: III, 6. Col. 472B.

[188] - Hom. XI, 4. Col. 548A.

[189] - Hom. II, 2. Col. 464C.

[190] - Hom. I, 7. Col. 457A.

[191] - Ibid. B.

[192] - Ibid. A.

[193] - Hom. XXX, 7. Col. 725C.

[194] - Hom. XI, 11–13, 552D-553D. Ср.: Athanas. Alex. De decret. Nic. syn. 8 / PG. T. 25. Col. 437C; Idem. Or. contr. arian. 2, 48 / PG. T. 26. Col. 249C; Greg. Nyss. De orat. Dom. / PG. T. 44. Col. 1184; см. с. 66 работы проф. Й. Штигльмайера «Sachliches und Sprachliches bei Makarius von Aegypten». Innsbruck, 1912.

[195] - Hom. XLVIII, 5. Col. 812B.

[196] - Hom. V, 1–3. Col. 496A. Ср.: VI, 5. Col. 521B; XI, 5. Col. 548BC.

[197] - Hom. XXVI, 2. Col. 664AB.

[198] - De patientia et discr. 9. Col. 872D.

[199] - II Ep. Col. 412C.

[200] - De elev. mentis, 5. Col. 893A.

[201] - Hom. IV, 8. Col. 477C; De elev. mentis, 5. Col. 893A.

[202] - Hom. XLI, 1. Col. 768C; XV, 20–21. Col. 589B; L, 4. Col. 820C; De custod. cordis, 11. Col. 832A.

[203] - Hom. XLI, 1. Col. 768C.

[204] - Hom. II, 1. Col. 464B; XI, 4. Col. 548A.

[205] - Hom. II, 1. Col. 464B.

[206] - II Ep. Col. 416C. Ср.: Steffels. Op. cit. P. 112.

[207] - Hom. XXVI, 13. Col. 684A.

[208] - Hom. XV, 26. Col. 593D.

[209] - Hom. XVI, 2. Col. 613C.

[210] - Hom. I, 6. Col. 456D.

[211] - Hom. I, 7. Col. 457AB.

[212] - Ibid. A.

[213] - Hom. II, 3. Col. 464D.

[214] - Hom. XXVI, 13. Col. 684A.

[215] - Hom. XX, 7. Col. 653C.

[216] - Hom. XXVIII, 4. Col. 713A; XLVII, 5. Col. 812B; De libert. mentis, 11. Col. 944A.

[217] - Hom. XVII, 3. Col. 625B.

[218] - Hom. XXX, 7. Col. 725C; XI, 11. Col. 552D.

[219] - Hom. XLII, 3. Col. 772A; XXVIII, 4. Col. 712D.

[220] - Hom. XVI, 7. Col. 617D.

[221] - Hom. XI, 4. Col. 548A.

[222] - Hom. XLIV, 4. Col. 781B.

[223] - Hom. XX, 4. Col. 652C.

[224] - Hom. XXX, 7. Col. 725C.

[225] - Hom. XLVII, 6. Col. 800B.

[226] - Hom. XV, 47. Col. 609B.

[227] - Hom. XI, 11. Col. 552D.

[228] - Hom. XXVII, 2. Col. 693C.

[229] - Hom. XI, 12. Col. 553C; XLI, 1. Col. 768C.

[230] - Hom. XLV, 5. Col. 789A.

[231] - Hom. I, 5. Col. 456AB.

[232] - Hom. XVI, 1. Col. 613B.

[233] - Ibid.

[234] - Greg. Nyss. De anima et resurrect. / PG. T. 46. Col. 93B; Ср.: Idem. In Ekklesiast. Hom. VII / PG. T. 47. Col. 725AB. Мысль о несущественности (несубстанциональности) зла отстаивают: Свт. Афанасий Великий (Or. contr. gen. 4 и 7 / PG. T. 25; De inkar. Verbi, 7 / Ibid.), св. Иоанн Лествичник (Scala paradisi. Cap. XXVI / PG. T. 88. Col. 1048D), св. Максим Исповедник (Quaest. ad Thalas.: Mali defin. / PG. T. 90, Col. 253A-C); св. Иоанн Дамаскин (De fide orth. IV, 20 / PG. T. 94. Col. 1196C); св. Мефодий Олимпийский (PG. T. 18. Col. 264A) и многие другие.

[235] - Hom. XVI, 1. Col. 613B.

[236] - Hom. II, 2. Col. 464D.

[237] - Hom. XV, 35. Col. 600A.

[238] - Hom. XI, 15. Col. 556C. – В своей работе (p. 114–116) Штоффельс отождествляет содержание выражения κρᾶσις у св. Макария с содержанием стоического выражения κρᾶσις δὶ ὅλων. На самом деле учение о грехе, излагаемое св. Макарием, основывается на учении о грехе, переданном св. апостолом Павлом, которое полностью находится за пределами какого-либо влияния стоического учения о грехе. Это утверждение Штоффельса с этимологическо-филологической стороны успешно опровергает Штигльмайер (op. cit. p. 65), указывая на употребление выражений κρᾶσις и μῖξις души с грехом у св. Григория Нисского, Оригена и св. Мефодия Олимпийского.

[239] - Hom. I, 6. Col. 456D. Ср.: II, 2. Col. 464B.

[240] - Hom. XVI, 7. Col. 617D.

[241] - Ibid. 4. Col. 616C.

[242] - Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. СПб., 1907. Кн. 2. С. 27.

[243] - Hom. VII, 8. Col. 528B. Ср.: De custod. cordis, 6. Col. 825A.

[244] - Hom. II, 1. Col. 464B.

[245] - Ibid.

[246] - Hom. XXVI, 19. Col. 708A.

[247] - Ibid. B.

[248] - Hom. XX, 4. Col. 652C. Ср.: Hom. XL, 5. Col. 765B: Ср.: Hom. XL, 5. Col. 765B: «Ум есть всадник (буквально «удерживающий поводья»), он

впрягает колесницу души, сдерживая бразды помыслов». Hom. XXVI, 1. Col. 676B: «Ум омрачен сатаной». Hom. XXVII, 8. Col. 700A: «Грех омрачает ум».

[249] - Hom. V, 25. Col. 492C.

[250] - Hom. XXVI, 1. Col. 676B.

[251] - Hom. XV, 31. Col. 597C. Ср.: Ibid. 34. Col. 600A.

[252] - Hom. VI, 5. Col. 521B.

[253] - Hom. XI, 11. Col. 553A. Ср.: Hom. XV, 21. Col. 589C; Ibid. 49. Col. 609B.

[254] - De custod. cordis, 1. Col. 824A. Ср.: De elev. mentis, 20. Col. 908A; Hom. XVIII, 15. Col. 633B.

[255] - Hom. XVIII, 13. Col. 632C.

[256] - Hom. V, 6. Col. 505A; De patientia et discr. 5. Col. 869A.

[257] - Hom. L, 3. Col. 817C.

[258] - Hom. XV, 15. Col. 585B.

[259] - Hom. V, 6. Col. 504C.

[260] - Hom. XVI, 6. Col. 617A. Ср.: Hom. XI, 7. Col. 549A.

[261] - Hom. XXIV, 1. Col. 661D.

[262] - Hom. IV, 6. Col. 477B.

[263] - Hom. V, 4. Col. 479C. Ср.: De patientia et discr. 5. Col. 869A.

[264] - Hom. XV, 25. Col. 593A.

[265] - Hom. XV, 50. Col. 609C.

[266] - Hom. XLVII, 1. Col. 797A.

[267] - Hom. XVI, 11. Col. 620D.

[268] - Isaac Sir. Sermones XXVIÏ «Не существует никакого зла, которое бы было (находилось) вне свободной воли и могло бы быть наблюдаемо по своему собственному существу в природе имеющих бытие существ».

[269] - De custod. cordis, 12. Col. 833D.

[270] - Ibid.

[271] - De libert. mentis, 3. Col. 937C.

[272] - Hom. XXIX, 1. Col. 716BC. Ср.: Ibid. 2D.

[273] - II Ep. Col. 412AB.

[274] - Hom. XII, 8. Col. 561B.

[275] - Hom. XVI, 1. Col. 613A.

[276] - Ibid. Ср.: Hom. XVII, 2. Col. 693D.

[277] - Hom. XV, 23. Col. 592A.

[278] - Hom. XV, 40. Col. 604A.

[279] - Hom. II, 1. Col. 464B.

[280] - II Ep. Col. 421D. Ср.: Hom. II, 3. Col. 465A; De perfect, in Spirit. 8. Col. 848A.

[281] - Hom. XXI, 5. Col. 657C.

[282] - Hom. V, 6. Col. 504C.

[283] - Ibid.

[284] - Hom. VI, 3. Col. 520C. Ср.: Hom. IX, 1. Col. 532D.

[285] - Hom. V, 6. Col. 504C.

[286] - Hom. XXVI, 2. Col. 693CD.

[287] - Hom. V, 6. Col. 505B.

[288] - Hom. XV, 20. Col. 589B.

[289] - Ibid. 35. Col. 600B.

[290] - Ibid. 20. Col. 589B.

[291] - Hom. XV, 21. Col. 589B.

[292] - Hom. XXVI, 23. Col. 689C. Ср.: Hom. XLIII, 3. Col. 773A. – Здесь термином νοῦς (ум) заменяется термин καρδία (сердце), и преп. Макарий приводит слова Спасителя (Мф.6:21) следующим образом: «Где сокровище ваше, там будет и ум ваш». – Ср. также: Hom. XXXI, 1. Col. 728D; De custod. cordis, 1. Col. 824A.

[293] - De patientia et discr. 5. Col. 869A.

[294] - Hom. XLIII, 7. Col. 776D.

[295] - Hom. XV, 33. Col. 597C.

[296] - Hom. V, 6. Col. 501D.

[297] - De patientia et discr. 1. Col. 824A.

[298] - Hom. XI, 9. Col. 549C. – Ср.: Hom. XVIII, 15. Col. 633B.

[299] - Hom. XXXII, 10. Col. 740C.

[300] - Hom. XLIII, 7. Col. 777A.

[301] - Hom. XV, 39. Col. 601D. Ср.: Ibid. 32. Col. 597B.

[302] - Hom. XI, 11. Col. 552D.

[303] - Ibid. Col. 553A. Ср.: De elev. mentis, 1. Col. 936C.

[304] - Hom. V, 3. Col. 496D.

[305] - De patientia et discr. 20. Col. 881AB. Ср.: Быт.4:12.

[306] - Ibid.

[307] - Hom. XXX, 8. Col. 725D-728A.

[308] - Hom. XII, 8–9. Col. 561 BC.

[309] - Hom. XXVII, 6. Col. 697A. Ср.: De chant. 3. Col. 909B.

[310] - Hom. XI, 2. Col. 557B.

[311] - Ibid. 13. Col. 545D.

[312] - Hom. XV, 49. Col. 609B.

[313] - Hom. XXIV, 3. Col. 664D. – Этим определением преп. Макарий Египетский исчерпывает всю гносеологическую сущность греха. Зараженный грехом разум, извращенная грехом логика – «сущность» сатаны, с помощью которой он апологирует себя и оправдывает свое существование. – В новогреческом издании, с согласия о. Иустина, здесь добавлено и следующее предложение в качестве объяснения: «Грех – это единственное противо-естественное, со стороны прившедшее в естество состояние и пара-логическая дьявольская сила». – Примеч. ред. оригинала.

[314] - Hom. XV, 49. Col. 609B.

[315] - Hom. XVI, 2. Col. 613C.

[316] - Hom. XV, 28. Col. 593D. Ibid. 34. Col. 600AB.

[317] - Hom. II, 1. Col. 464B.

[318] - Hom. VI, 5. Col. 512D; XI, 7. Col. 549A. – И здесь в новогреческом издании добавлено следующее предложение: «Грех не есть некая онтологическая сущность (“усия”), ибо он не есть нечто бытийно (ипостасно) существующее, но он есть “псевдо-усия”, “пар-усия” (“при-сутствие”) разрушающего дьявольского действия». – Примеч. ред. оригинала.

[319] - Hom. XV, 25. Col. 593A.

[320] - Hom. XX, 5. Col. 652C. Ср.: Ibid. 5. Col. 652D; Hom. XLVII, 7. Col. 777A.

[321] - Hom. XI, 4. Col. 548A.

[322] - De libert. mentis, 1. Col. 936C; Hom. XI, 11. Col. 552D.

[323] - Канон великий свт. Андрея Критского, в четверг первой седмицы Великого поста, песнь 4, тропарь 7: «αὐτείδωλον» – «самоистукан».

[324] - Я есмь сам собой (лат.). – Примеч. ред.

[325] - Флоренский Павел, священник. Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 177–178.

[326] - Hom. XV, 39. Col. 609B. Ср.: Hom. XXVIII, 19. Col. 708A; II Ep. Col. 412A.

[327] - Hom. XV, 35. Col. 600B.

[328] - Hom. XL, 5. Col. 765B.

[329] - De custod. cordis, 1. Col. 824A; De elev. mentis, 20. Col. 908A. Ср.: Hom. XV, 48. Col. 609Ä «Зло, как отверстие источника, всегда источает из себя струю».

[330] - II Ep. Col. 413C.

[331] - Рим.8:21.

[332] - Hom. II, 2. Col. 464C. Ср.: Тит.1

[333] - Рим.8:21.

[334] - Hom. XXIV, 1. Col. 661D.

[335] - Hom. XXI, 2. Col. 656D. Ср.: Ibid. 4. Col. 657A.

[336] - Hom. II, 4. Col. 465B.

[337] - Hom. VII, 2. Col. 524D.

[338] - Hom. XV, 39. Col. 609B.

[339] - Hom. XV, 25. Col. 592D.

[340] - De patientia et discr. 18. Col. 880A.

[341] - Hom. XX, 4. Col. 652CD; Hom. XXV, 3. Col. 668D; Hom. VII, 8. Col. 528B.

[342] - Hom. XL, 5. Col. 765B.

[343] - De libert. mentis, 3. Col. 892B.

[344] - II Ep. Col. 436A.

[345] - Ibid.

[346] - Hom. XLVII, 1. Col. 797A.

[347] - Hom. XI, 11. Col. 552D.

[348] - Hom. XLII, 3. Col. 772A.

[349] - Hom. XX, 4. Col. 652C. Ср.: Hom. XVI, 7. Col. 617D.

[350] - Hom. VI, 3. Col. 520C.

[351] - Hom. V, 26. Col. 492D.

[352] - Ibid. 25. Col. 492C.

[353] - Hom. XXIV, 4. Col. 665A; Hom. XXVII, 19. Col. 708B.

[354] - Hom. XXIV, 2–4. Col. 664A-665A. Ср.: Hom. XXX, 8. Col. 725D: «Лазарь, которого воскресил Господь, этот Лазарь, исполненный великого зловония, почему никто не мог приблизиться к гробу его, был образом Адама, принявшего в душу свою великое зловоние и наполнившегося чернотою и тьмою». Ср.: Hom. XXX, 8. Col. 728A.

[355] - Ср.: Hom. XXX, 8. Col. 725D.

[356] - Hom. I, 5. Col. 456A.

[357] - Hom. XVI, 7. Col. 617D.

[358] - Hom. V, 3. Col. 497A. Ср.: Hom. XLIII, 7. Col. 777A; De elev. mentis, 13. Col. 901 A.

[359] - Hom. VI, 5. Col. 521D.

[360] - Hom. XXIV, 2. Col. 664B.

[361] - Hom. XLV, 2. Col. 785D-788B. Ср.: Hom. V, 1. Col. 496A.

[362] - Hom. XII, 7–8. Col. 560D-561B.

[363] - Вещь в себе (нем.). – Примеч. ред.

[364] - Hom. XXIV, 5. Col. 665B. Ср.: Ibid. 2. Col. 664A; Hom. V, 3. Col. 497A.

[365] - Hom. XV, 1. Col. 764A; De custod. cordis, 9. Col. 828A.

[366] - Hom. XI, 11. Col. 552D-553Ä «Гроб и могила для тебя – сердце твое. Когда гнездятся там князь лукавства и ангелы его, когда пролагают там стези и пути, по которым бы сатанинские силы проходили в ум твой и в помыслы твои; тогда не ад ли, не гроб ли, не могила ли, не мертвец ли ты пред Богом?» Ср.: De libert. mentis, 1. Col. 936C.

[367] - Тем самым, в силу этого (лат.). – Примеч. ред.

[368] - Hom. XV, 50. Col. 609D. Ср.: Книга пророка Ионы, гл. 2.

[369] - Hom. XXX, 8. Col. 728A.

[370] - Hom. XLV, 3. Col. 780C. Ср.: Hom. XLVIII, 3. Col. 809D. Ср.: Лк.10:31–35.

[371] - Рим.7:14.

[372] - Я мыслю, следовательно, я существую (фр.). – Примеч. ред.

[373] - Я мыслю, следовательно, я существую и существует диавол (фр.). – Примеч. ред.

[374] - Мышление, разум (лат.). – Примеч. ред.

[375] - Hom. XV, 39. Col. 609B; Hom. XXVIII, 19. Col. 708A.

[376] - II Ep. Col. 413C; De patientia et discr. 4. Col. 868C. Ср.: Рим.5:12–14.

[377] - De libert. mentis, 34. Col. 965D.

[378] - Ibid.

[379] - Ibid. Col. 968A. Ср.: Hom. XVI, 10. Col. 620A.

[380] - Флоренский Павел, священник. Цит. соч. С. 230. Ср.: Зарин С. М.

Цит. соч. Т. 2. С. 72.

[381] - Greg. Nazianz. Or. XXXVIII, 13 /PG. T. 36. Col. 325B.

[382] - Прем.2:23.

[383] - Hom. XVII, 15. Col. 633B.

[384] - Ibid. Ср.: Hom. XLV, 3. Col. 788C.

[385] - De charit. 7. Col. 913CD-916A; Hom. XXXI, 4. Col. 729D-732A.

[386] - Hom. VI, 5. Col. 521D.

[387] - Hom. XLVI, 4. Col. 793D: «Собственный образ неизреченного света Божества Своего положил в теле».

[388] - Hom. VI, 5. Col. 521B.

[389] - Об этом святой Иоанн Дамаскин пишет: «Христос, будучи совершенным Богом, делается совершенным человеком, и совершается дело, новейшее из всего нового, дело, которое одно только – ново под солнцем и чрез которое открывается беспредельное могущество Божие. Ибо что – больше того, что Бог сделался человеком?» (De fide orth. Ill, 1 / PG. T. 94. Col. 984B).

[390] - Кол.2:9.

[391] - 1Пет.2:8.

[392] - Так молитвенный дух Церкви именует Христа и с умилением молится: «Иисусе, Мудросте недомыслимая... помилуй мя!» – Акафист Иисусу Сладчайшему, икос 7.

[393] - Hom. XXIII, 1. Col. 660C.

[394] - Hom. IV, 9. Col. 480A.

[395] - Ibid. 10–13. Col. 480B-481D. – Прежде чем начать повествование о непостижимо таинственной Личности воплощенного Бога, святой Макарий делает краткое и смиренное вступление: «Намереваюсь же, по мере сил своих, изречь некое тонкое и глубокомысленное слово». Ibid. 9. Col. 480A.

[396] - Hom. I, 2, Col. 452B.

[397] - Hom. XI, 9. Col. 549D.

[398] - Hom. II, 3. Col. 464D-465B; Hom. Ill, 4. Col. 469C.

[399] - Hom. XI, 10. Col. 552AB.

[400] - Ibid. 10. Col. 552A.

[401] - Ibid. 9. Col. 549C. Ср.: Чис.21:8–9; Ин.3:14.

[402] - Ibid. 10. Col. 552A.

[403] - Ibid. 9. Col. 549C.

[404] - Ibid. 9. Col. 549D.

[405] - Ibid. 10. Col. 552A. Ср.: 1Кор.1:23.

[406] - В греческом оригинале Христос – «σκάνδαλον» для иудеев. – Примеч. ред.

[407] - Ibid. Ср.: 1Кор.1:24.

[408] - Ibid.

[409] - Ibid. 10. Col. 552BC. Ср.: Hom. XXX, 9. Col. 728B: «Для того Он благоволил много пострадать, предав тело Свое на смерть и искупив нас от рабства». Ср.: Hom. XXXVIII, 3. Col. 700B; De patientia et discr. 9. Col. 873A.

[410] - Кол.1:17.

[411] - Кол.1:17–20; Еф.1:10; Ин.1:3–4.

[412] - Hom. XI, 10. Col. 552B: «С высоты небес пришедши на землю, засвидетельствовал глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный (Мф.3:17)».

[413] - Ibid. Иоанн свидетельствует: Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира. И еще Священное Писание: Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его; Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего (Ин.1:29; 1Пет.2:22; Ин.14:30).

[414] - Ibid. Христос говорит сатане: «И ты, сатана, сам свидетельствуешь о Мне, говоря: вем Тя, кто еси, Сын Божий; и еще: что нам и Тебе, Иисусе Назарянине, пришел еси семо прежде времене мучити нас (Мф.8:29)».

[415] - Hom. XVI, 5. Col. 616D.

[416] - Ibid.

[417] - Ibid. Col. 617A.

[418] - II Ep. Col. 409C. Ibid. Col. 417C.

[419] - Ibid. col. 417AB. Ср.: Hom. XVII, 15. Col. 633C. Господь именуется: дверью, путем, хлебом, секирой и т. д.

[420] - Hom. III, 4. Col. 469C; Hom. XVII, 1. Col. 624B; Ibid. 15. Col. 633C.

[421] - Hom. XLV, 1. Col. 785C. Ср.: De elev. mentis, 11. Col. 897D. Ibid. 20. Col. 908B; Hom. IV, 19. Col. 488A.

[422] - Точно и ясно выражает эту идею св. Иоанн Дамаскин: «Так и в вочеловечении единого из Святой Троицы, Бога Слова, говорим, всё и совершенное естество Божества в одной из Своих Ипостасей соединилось со всем человеческим естеством, а не часть с частью» (De fide orth. Ill, 6 / PG. T. 94. Col. 1004AB).

[423] - Hom. XV, 44. Col. 605BC.

[424] - Hom. II, 3. Col. 464D-465AB.

[425] - Makar. Aeg. Apophtegm. 7 / PG. T. 34. Col. 245A. Ср.: Hom. XXXVIII, 5. Col. 761B.

[426] - Hom. Ill, 4. Col. 469C. Ср.: Hom. XXVII, 22. Col. 709B: «Душа может противиться греху, но не может без Бога победить или искоренить зло». – Ср.: De charit. 31. Col. 933D; Hom. XXVI, 24. Col. 692B.

[427] - Hom. Ill, 4. Col. 469C.

[428] - Hom. IV, 9. Col. 480A; Hom. XLIV, 9. Col. 785A. Ср.: loan. Damasc. De fide orth. IV, 1 / PG. T. 94. Col. 1137B.

[429] - Такое понимание воплощения находит своих сильных представителей в св. Иринее Лионском, св. Григории Богослове и св. Иоанне Дамаскине. Первый в сочинении «Против ересей» (V, 16, 2) пишет: «Невидимо было Слово, по образу Которого создан человек. Поэтому он (человек) и легко утратил подобие. Когда же Слово Божие сделалось плотию, Оно подтвердило то и другое, ибо и истинно показало, Само сделавшись тем, что было Его образом, и прочно восстановило подобие, делая человека чрез видимое Слово соподобным невидимому Отцу» (PG. T. 7. Col. 1167–1168A). – Св. Иоанн пишет (De fide orth. IV, 4), что Сын Божий «принимает худшее, разумею – наше естество, для того чтобы чрез Себя и в Себе восстановить бывшее по образу и по подобию, а также научить нас добродетельной жизни» (PG. T. 94. Col. 1108B). Св. Григорий Богослов говорит: Бог Сын «воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить» (Or. XLV, 10 / PG. T. 36. Col. 636A).

[430] - То есть свойственно только Сыну Божию. – Примеч. ред.

[431] - Ср.: Зарин С. М. Цит. соч. Т. 2. С. 46–47.

[432] - Hom. IV, 10. Col. 480B. – Цитата под № 51 имеет тот же сотериологический смысл и значение.

[433] - De elev. mentis, 6. Col. 893D. Ср.: Hom. XLIV, 9. Col. 785A.

[434] - Hom. IV, 11. Col. 480D.

[435] - Ср.: Попов И. В. Мистическое оправдание аскетизма в творениях преп. Макария Египетского / Богословский вестник. 1904. Т. 3. С. 556–559. Профессор Попов особенно выделяет эту сторону учения преп. Макария и говорит, что его учение о непрестанном воплощении является единственным в своем роде в патриотической литературе (Цит. соч. С. 559. Примеч. 1). – В своем исследовании о преп. Макарии (Ibid. P. 120) Штоффельс мимоходом напоминает об этом многозначительном факте;

как он утверждает, св. Макарий «die historische Erl Eosung als Typus der Rettung jeder Einzelseele darstellt».

[436] - Молитвы утренние, молитва 5.

[437] - Ср.: Евр.11:1.

[438] - II Ep. Col. 421C. Мф.5:3.

[439] - Hom. XXVII, 23. Col. 709C.

[440] - Ibid.

[441] - De chant. 16. Col. 921 B. Ср.: Hom. XXIX, 7. Col. 720C.

[442] - Hom. XVIII, 2. Col. 636C.

[443] - Ibid. Ср.: Рим.7:18; Hom. XX, 1. Col. 649C.

[444] - Hom. I, 10. Col. 460C.

[445] - De custod. cordis, 13. Col. 836C.

[446] - Hom. XVIII, 3. Col. 636C; Hom. XIX, 3. Col. 644D; De custod. cordis, 13. Col. 837BC. Ibid. 14. Col. 841A.

[447] - De custod. cordis, 13. Col. 836C. Ср.: Hom. XIX, 7. Col. 688C.

[448] - Hom. XIX, 1. Col. 641D. Ср.: De custod. cordis, 13. Col. 836C.

[449] - Hom. XVI, 9. Col. 620C.

[450] - De patientia et discr. 22–23. Col. 884AB; Hom. V, 6. Col. 501BC; II Ep. Col. 42ID; Hom. XXI, 4–5. Col. 657CD.

[451] - II Ep. Col. 42ID. Ср.: De perfect, in Spirit. 8. Col. 848. Ср.: Greg. Nyss. De inst. Christ. / PG. T. 46. Col. 297C: «Отрицание души, что означает нигде не искать своей воли, но воли Божией».

[452] - Hom. V, 6. Col. 505AB. Ср.: Ibid. Col. 501BC.

[453] - De patientia et discr. 22. Col. 884A Мф.16:24.

[454] - Hom. XV, 35. Col. 600A.

[455] - Ibid. Так, преп. Макарий приводит слова Спасителя: Лк.14:33. Ср.: Hom. V, 6. Col. 501B; De patientia et discr. 23. Col. 884A; De libert. mentis, 32. Col. 965C.

[456] - Ibid. Col. 965B.

[457] - Ibid. Col. 965A Ин.12:25.

[458] - Hom. XXVI, 12. Col. 681D.

[459] - Евр.11:1.

[460] - Hom. XXIV, 1. Col. 661D-664A.

[461] - Hom. XLIV, 5. Col. 781B.

[462] - Ibid. 8. Col. 784C.

[463] - Hom. XXIV, 1. Col. 777D-778A 2Кор.5:17.

[464] - Hom. I, 11. Col. 460C.

[465] - Ibid. Col. 460D.

[466] - Hom. I, 11. Col. 461B.

[467] - De patientia et discr. 8. Col. 872B.

[468] - Hom. X, 1. Col. 541 A.

[469] - Hom. XXXII, 6. Col. 737B. Ср.: Hom. XXVI, 19. Col. 688A.

[470] - Hom. XXIV, 5. Col. 665B.

[471] - Hom. IV, 6. Col. 476D.

[472] - Ibid. Col. 477A.

[473] - Ibid. Col. 476D. Ср.: Hom. XXVI, 19. Col. 688A; De elev. mentis, 4. Col. 892D-893A.

[474] - Hom. I, 9. Col. 460A.

[475] - Ibid.

[476] - Hom. XV, 22. Col. 589C. По преп. Макарию начало веры зависит от человека, а возрастание и совершенствование – от Бога. Связанная «оковами тьмы, возложенными на нее духами злобы», душа «не может ни любить Господа, ни сколько желает веровать». Hom. XXI, 2. Col. 656D. Ср.: Apophtegm. 20. Col. 249A.

[477] - Евр.10:20.

[478] - Hom. XV, 22. Col. 589CD: «Как ты от членов своих принесешь Ему дар, так и Он, подобно сему, от собственных Своих членов уделит душе твоей, чтобы все тебе делать, и любить, и молиться чисто».

[479] - Hom. V, 8. Col. 513B.

[480] - Мф.16:25; Лк.9:24.

[481] - Hom. I, 6. Col. 456C.

[482] - Ibid. 8. Col. 457C.

[483] - Рим.6:3–4; Гал.3:27.

[484] - Hom. XLV, 1. Col. 785C. Ср.: De libert. mentis, 32. Col. 965C: «Надлежит совершенно, всецело притечь к Богу, к Нему прилепиться и распяться душею и телом, ходя во всех святых Его заповедях». Ср.: Евр.12:2; Мк.16:16.

[485] - Hom. I, 6. Col. 456C: Мне мир распяся, и аз миру Гал.6:14.

[486] - II Ep. Col. 417C: «Должны мы... пригвоздить ко кресту страсти греха».

[487] - Ibid. Col. 420B. Гал.6:17.

[488] - Ibid. Col. 421 AC.

[489] - Hom. XXVIII, 3. Col. 712C.

[490] - Apophtegm. 23. Col. 252A.

[491] - Ин.12:25.

[492] - Hom. XV, 41. Col. 604C.

[493] - Мф.4:17; Мк.1:15.

[494] - Мф.4:17.

[495] - Евр.12:2.

[496] - Мк.1:15.

[497] - Тем самым, в силу этого (лат.). – Примеч. ред.

[498] - Hom. XXIV, 5. Col. 665C.

[499] - Ibid. Col. 665B.

[500] - Hom. XXIV, 1. Col. 661D-664A. Флп.3:20.

[501] - Hom. XI, 12. Col. 553B. Ср.: Hom. XLIX, 3. Col. 813C.

[502] - Св. Иоанн Дамаскин: «Покаяние есть возвращение из противоестественного в естественное и от дьявола к Богу» (De fide orth. IV, 4 / PG. T. 94. Col. 976A).

[503] - Hom. XLV, 1. Col. 785C; De charit. 24. Col. 928B.

[504] - Hom. Ill, 3. Col. 469C.

[505] - Hom. XXVI, 12. Col. 68ID.

[506] - Hom. XV, 42. Col. 604D: Христиане «знамение креста имеют в уме и сердце».

[507] - De patientia et discr. 15. Col. 877B.

[508] - Hom. IX, 11. Col. 537D-540A.

[509] - Евр.5:8–9; Рим.5:19.

[510] - Hom. XXVII, 23. Col. 709C.

[511] - Переоценка всех ценностей, – принцип, провозглашенный Фридрихом Ницше. – Примеч. ред.

[512] - Рим.14:23.

[513] - Евр.11:1.

[514] - 1Кор.13:13.

[515] - Hom. XXVI, 11. Col. 681C. Hom. V, 6. Col. 512B; II Ep. Col. 437A.

[516] - Hom. XXVI, 11. Col. 681B.

[517] - Рим.8:18–27.

[518] - Hom. XIV, 1. Col. 569D-572A.

[519] - Евр.11:1.

[520] - Hom. V, 6. Col. 512B.

[521] - II Ep. Col. 436A.

[522] - Ibid. Col. 436B.

[523] - Apophtegm. 7. Col. 236A.

[524] - II Ep. Col. 433C.

[525] - Hom. Ill, 3. Col. 469B.

[526] - Hom. VI, 3. Col. 520BC; De orat. 3. Col. 886Ä Непрестанной молитвой человек побеждает «неустройство (и непостоянство) ума».

[527] - Hom. XV, 13. Col. 584C.

[528] - Hom. XL, 2. Col. 764B. Ср.: De orat. 1. Col. 853A.

[529] - Hom. VIII. Col. 528CD. Ср.: Hom. XII, 17. Col. 568C.

[530] - Hom. XV, 15. Col. 585B.

[531] - Hom. XLIII, 3. Col. 773C. Ср.: De custod. cordis, 4. Col. 824CD.

[532] - 1 Ep. Col. 432BC. Ср.: Hom. XL, 2. Col. 764B.

[533] - Ibid. Col. 436B.

[534] - Ibid. Col. 436BC.

[535] - De custod. cordis, 8. Col. 828A. Ср.: De oral. 1. Col. 853A.

[536] - De orat. 2. Col. 853B. Ср.: De oral. 14. Col. 864D: «Дело молитвы и служения слову, совершаемое надлежащим образом, выше всякой добродетели и заповеди».

[537] - Лк.10:42. De orat. 14. Col. 865A.

[538] - Hom. XL, 1. Col. 764A. Ср.: De custod. cordis, 8. Col. 825D; De perfect, in Spirit. 15. Col. 852B.

[539] - De orat. 5. Col. 856C; Hom. XDC, 4. Col. 645AB.

[540] - De libert. mentis, 18. Col. 949CD; De orat. 5. Col. 856D.

[541] - Так преп. Макарий истолковывает слова апостола Павла в церкви хощу пять словес умом моим глаголати (1Кор.14:19): «Церковь можно разуметь в двух видах: или как собрание верных, или как душевный состав. Посему когда Церковь берется духовно – в значении человека – тогда она есть целый состав его; а пять словес означают пять общих добродетелей, которые делятся на многие виды и назидают целого человека. Как тот, кто глаголет о Господе, пятью словесами объемлет всю мудрость, так тот, кто последует Господу, пятью добродетелями назидает великое благочестие; потому что добродетелей сих пять, но они объемлют собою и все прочие. Первая – молитва, потом воздержание, милостыня,

нищета, долготерпение; все они, будучи совершаемы по желанию и произволению, суть словеса души, глаголемые Господу и слышимые сердцем». Hom. XXXVII, 8. Col. 756AB.

[542] - Hom. XIX, 6. Col. 645D.

[543] - Ibid. 3. Col. 645A. Ср.: Ibid. 8. Col. 648D. Ibid. 9. Col. 649A; II Ep. Col. 433C; Hom. XIX, 5. Col. 645C: «Надлежит приневоливать и нудить себя к молитве и против хотения сердца своего».

[544] - Hom. XXXI, 4. Col. 729D.

[545] - Hom. XXXIII, 2. Col. 741C. Ср.: De libert. mentis. 18. Col. 949CD.

[546] - Hom. XXXIII, 1. Col. 741B. Ibid. 2. Col. 741D.

[547] - II Ep. Col. 436C.

[548] - Ibid. Col. 433C.

[549] - De patientia et discr. 8. Col. 872A Мф.21:22.

[550] - II Ep. Col. 436B.

[551] - Hom. XXVII, 5. Col. 696D.

[552] - De custod. cordis 12. Col. 832C. Ср.: De charit. 3. Col. 909B.

[553] - De custod. cordis 12. Col. 832C. Ср.: Hom. XXVI, 25. Col. 692C; De charit. 31. Col. 936AB. Ibid. 3. Col. 909C; II Ep. Col. 425C.

[554] - De custod. cord. 13. Col. 836D.

[555] - Ibid. 10. Col. 829B. Ср.: De charit. 30. Col. 933B.

[556] - Hom. XV, 37. Col. 601B.

[557] - Ibid. Col. 601A. Ср.: Hom. XXVI, 11. Col. 681B.

[558] - Hom. XXVI, 17. Col. 685B.

[559] - Hom. XXVII, 4. Col. 696C; De custod. cordis, 12. Col. 832D; Hom. XVI, 12. Col. 62IB.

[560] - De charit. 3. Col. 909B; Apophtegm. 20. Col. 249A.

[561] - Hom. XV, 27. Col. 593C.

[562] - Hom. XLI, 3. Col. 769B; Hom. XV, 27. Col. 593C.

[563] - Hom. X, 4. Col. 541D-544B.

[564] - Hom. XVIII, 8. Col. 640C. Ср.: Hom. XXXVIII, 4. Col. 761A; II Ep. Col. 425B.

[565] - II Ep. Col. 424C; Hom. X, 1. Col. 540D-541A.

[566] - De patientia et discr. 15. Col. 877B.

[567] - II Ep. Col. 425B.

[568] - Ibid.

[569] - Hom. XIX, 8. Col. 648D.

[570] - Apophtegm. 11. Col. 245C: «Проходя однажды из болота в свою келлию, авва Макарий нес прутья, и вот встретил его дьявол на дороге с серпом и как ни пытался его ударить, не мог. И сказал ему (дьявол): «Много мучений от тебя, Макарий, потому что нет против тебя силы. Ибо вот, делаемое тобою и я делаю: ты постишься, и я пощусь; бдишь, и я не сплю. Есть только одно, в чем ты меня побеждаешь». И спросил его авва Макарий: “Что же это такое?” И тот ответил: «Твое смирение. Потому и не могу я (ничего) против тебя”». Ср.: Apophtegm. 35. Col. 258B.

[571] - Hom. XIX, 1. Col. 644A. Ср.: Ibid. 5. Col. 645C.

[572] - Ibid. 8. Col. 648D.

[573] - loan. Cimacus. Scala paradisi. Cap. XXVI / PG. T. 88. Col. 1028B: «Любовь больше молитвы».

[574] - 1Ин.4:8, 4:16: Бог есть Любовь. Ср.: Hom. VII, 1. Col. 524C.

[575] - Sym. J. Theol. Divinorum amorum liber. Cap. XXXVII / PG. T. 120. Col. 592: «Nam charitas non est nomen, sed divina substantia» («Ведь любовь есть не имя, но Божественная сущность» (лат.). – Примеч. ред.). Ср.: Idem.. Orat. XXV. Col. 423C: «Charitas Deus est, et non creatura» («Бог есть любовь и не есть творение» (лат.). – Примеч. ред.).

[576] - loan. Cassian. Collat. XVI. De amititia / PL. T. 49. Col. 1027C.

[577] - Флоренский Павел, священник. Цит. соч. С. 71.

[578] - Makar. Aeg. Hom. VII, 1. Col. 524C.

[579] - De elev. mentis, 5. Col. 893B.

[580] - Ibid.

[581] - Ibid.

[582] - Hom. XL, 2. Col. 764B.

[583] - De orat. 1. Col. 853A.

[584] - II Ep. Col. 432C.

[585] - De orat. 2. Col. 853B; II Ep. Col. 432C; Hom. XL, 2. Col. 764B.

[586] - II Ep. Col. 436B. Ср.: Зарин С. М. Цит. соч. Т. 2. С. 444.

[587] - Hom. XXVI, 16. Col. 685A. 1Кор.13:1–2.

[588] - 1Кор.13:2; Hom. XXVII, 14. Col. 704B.

[589] - Кол.3:14.

[590] - Hom. XXVI, 16. Col. 685AB.

[591] - 1Кор.13:10.

[592] - 1Кор.13:9.

[593] - 1Кор.13:12.
[594] - II Ep. Col. 428A.
[595] - De custod. cordis, 8. Col. 825C.
[596] - 1Ин.4:8.
[597] - Флоренский Павел, священник. Цит. соч. С. 74.
[598] - Мф.22:38; Мк.12:30; Лк.10:27.
[599] - 2Пет.1:4.
[600] - Мф.22:37.
[601] - Hom. XXVII, 17. Col. 705AB. 1Кор.2:9.
[602] - Hom. XXVII, 16. Col. 705A.
[603] - Hom. XXVI, 16. Col. 685AB.
[604] - Ibid. 15. Col. 684D.
[605] - Ibid.
[606] - Hom. XXXI, 2. Col. 729A; Hom. XXXIII, 4. Col. 744B.
[607] - Hom. XXXI, 2. Col. 728D; II Ep. Col. 429B.
[608] - Ibid. 2. Col. 729A.
[609] - Ibid. 3. Col. 729C.
[610] - Ibid. 2. Col. 729B.
[611] - Hom. IV, 15. Col. 484C. Ср.: Hom. V, 6. Col. 500BC.
[612] - Hom. IX, 10. Col. 537BC.
[613] - Hom. XLV, 1. Col. 785C.
[614] - De perfect, in Spirit. 13. Col. 849D.
[615] - II Ep. Col. 429B.
[616] - Hom. IV, 14. Col. 481D-484A. Ср.: De elev. mentis, 9. Col. 896C: «Душа, сподобившаяся вместить в себе силу свыше и оный Божественный огнь, имея в членах своих сраствореннyю любовь небесного Благого Духа, совершенно отрешается от уз порока».
[617] - Hom. IV, 13. Col. 481D. Ср.: De charit. 26. Col. 928D.
[618] - Hom. IV, 13. Col. 481C.
[619] - De charit. 5. Col. 912C Ин.14:21, 14:23.
[620] - Hom. XV, 15. Col. 585Ä «Если имеешь таковую любовь, то ты чист».
[621] - Ср.: Еф.3:17–19.
[622] - Hom. XXVII, 14. Col. 704B. Ср.: Hom. V, 6. Col. 500D.
[623] - Ср.: Кол.3:10–14.

[624] - Hom. IX, 9. Col. 537AB.

[625] - Hom. V, 6. Col. 500BD. Ср.: Hom. I, 2. Col. 452B.

[626] - Hom. XI, 4. Col. 544A. Ср.: Ibid. 2. Col. 541B.

[627] - De perfect, in Spirit. 11. Col. 848D-849A. Ср.: Мф.22:37–40.

[628] - Ibid. 13. Col. 849D.

[629] - Мф.22:39.

[630] - См. выше, в разделах о вере, надежде, молитве и смиренномудрии.

[631] - См. выше, в разделах о вере и надежде.

[632] - II Ep. Col. 428A. Ср.: De perfect, in Spirit. 11. Col. 848D-849A.

[633] - 1Ин.4:7.

[634] - Там же.

[635] - 1Ин.4:8.

[636] - Hom. XXXVII, 3. Col. 752C.

[637] - Hom. VII, 3. Col. 525B. Ср.: Hom. XXVI, 18. Col. 686D.

[638] - Hom. XVI, 7. Col. 617C.

[639] - Hom. XIX, 8. Col. 648D; Hom. XXXI, 4. Col. 729D; Hom. V, 5. Col. 497D.

[640] - De orat. 5. Col. 856D; De perfect in Spyrit. 13. Col. 849D.

[641] - De perfect, in Spirit. 6. Col. 845D.

[642] - Hom. XXXVII, 3. Col. 752C.

[643] - De charit. 9. Col. 916C.

[644] - Ibid. 6. Col. 912.

[645] - De charit. 6. Col. 912D-913A.

[646] - Hom. XIX, 3. Col. 644D. Ср.: Apophtegm. 2. Col. 261C; De custod. cordis, 13. Col. 857C.

[647] - Hom. XIX, 3. Col. 644D.

[648] - Hom. XV, 22. Col. 589C.

[649] - II Ep. Col. 425D. Ср.: De perfect, in Spirit. 11. Col. 848D.

[650] - De perfect, in Spirit. 13. Col. 849CD.

[651] - II Ep. Col. 425C.

[652] - Hom. XXI, 3. Col. 657A.

[653] - Hom. XXV, 1. Col. 668B.

[654] - Hom. II, 3. Col. 465A.

[655] - Hom. XXI, 4. Col. 657A. Ср.: Hom. II, 3. Col. 465B. Ср.: Hom. II, 3.

Col. 464D-465AB.

656 - II Ep. Col. 437AB.

657 - Hom. XXIV, 5. Col. 665B.

658 - Ibid.

659 - Hom. XX, 3. Col. 652A. Ср.: Hom. I, 11. Col. 461B; De charit. 19. Col. 925A.

660 - De perfect, in Spirit. 1. Col. 841C. Ibid. 3. Col. 844B.

661 - II Ep. Col. 432A.

662 - Hom. XXIV, 5. Col. 665CD.

663 - Hom. XXI, 5. Col. 660A.

664 - Hom. XXIV, 5. Col. 667A.

665 - Ср.: Катанский А. Л. Учение о благодати Божией в творениях древних святых отцов и учителей Церкви до блаженного Августина. СПб., 1902. С. 14–15.

666 - Ср.: Зарин С. М. Цит. соч. Т. 2. С. 75.

667 - De custod. cordis, 12. Col. 833D.

668 - Ibid. Col. 836A.

669 - De libert. mentis, 3. Col. 937B. Ср.: Hom. XV, 25. Col. 592D.

670 - De libert. mentis, 3. Col. 937C: «Закон дан не естеству, но свободе произволения, которая может преклоняться и на доброе, и на худое».

671 - Hom. IX, 1. Col. 536C.

672 - De custod. cordis, 11–12. Col. 832A-833D; Hom. XII, 4. Col. 560A.

673 - Hom. XVI, 12. Col. 621C.

674 - Hom. I, 6. Col. 456C.

675 - Hom. XVI, 4. Col. 616C; Hom. IX, 13. Col. 540D.

676 - Hom. XVII, 3. Col. 625B.

677 - Hom. XLI, 1–2. Col. 768C-769A.

678 - Hom. XV, 20. Col. 589B.

679 - Hom. XXVII, 18. Col. 705C. Ibid. 9. Col. 700AB; Hom. XV, 36. Col. 600D.

680 - De charit. 22. Col. 925B.

681 - Hom. XI, 3. Col. 557D.

682 - De custod. cordis, 9–10. Col. 819AC.

683 - Hom. XI, 1. Col. 541AB.

684 - Hom. XXVI, 25. Col. 692B; De elev. mentis, 16. Col. 904C.

[685] - De elev. mentis, 16. Col. 904C.

[686] - Ibid. Ср.: Hom. XVII, 8. Col. 629Ä «Поелику некоторые утверждают, что при благодати душе уже не о чем заботиться, то Бог и в совершенных требует душевной воли на служение Духу, чтобы действовали согласно с благодатью (с Духом)». Ср.: Ibid. Col. 628D; Hom. XV, 36. Col. 600CD.

[687] - Hom. XXXVII, 10. Col. 757A.

[688] - Hom. XIII, 5. Col. 532A. Ср.: De charit. 12. Col. 920A; Hom. XXVII, 42. Col. 701D; Hom. XVIII, 9. Col. 640D; De charit. 9. Col. 916B; Hom. XXXII, 10. Col. 740D; Hom. VIII, 2. Col. 529A.

[689] - Hom. XXIX, 1. Col. 716B.

[690] - Hom. XXVI, 19. Col. 688A.

[691] - Hom. XXVI, 10. Col. 681 A. Ibid. 19. Col. 688B.

[692] - Hom. XXVI, 21. Col. 688C: «Собственно твое, что сам ты делаешь, хотя и хорошо и Богу благоприятно, однако же не чисто». Ср.: Hom. XVIII, 2–3. Col. 636BD.

[693] - Hom. XI, 6. Col. 765D.

[694] - Hom. XVIII, 2–3. Col. 636BD.

[695] - Hom. XV, 5. Col. 580B.

[696] - Hom. XXXVIII, 4. Col. 761A.

[697] - Hom. XLV, 9. Col. 785B.

[698] - Hom. XLVII, 4. Col. 796AB.

[699] - Hom. VIII, 2. Col. 528D-529A. Ср.: De charit. 9. Col. 916B; Hom. XII, 3. Col. 557B.

[700] - Hom. VII, 3. Col. 525B.

[701] - Ibid.

[702] - Hom. XVI, 12. Col. 621C.

[703] - Hom. XVIII, 9. Col. 640D.

[704] - Hom. XXIV, 5. Col. 665C. Ср.: Hom. XV, 4. Col. 577C.

[705] - Hom. XXVIII, 4. Col. 712D.

[706] - Ср.: Ин.1:14–16; Hom. VII, 3. Col. 525A; De libert. mentis, 9. Col. 941C.

[707] - Hom. VII, 3. Col. 525A.

[708] - Hom. IV, 10. Col. 480B. Ср.: De elev. mentis, 6. Col. 893D.

[709] - Hom. IV, 9. Col. 480A.

[710] - Ibid. 11. Col. 480C; De elev. mentis, 6. Col. 893D.

[711] - Hom. XII, 16. Col. 568B.

[712] - Ibid.

[713] - Hom. XV, 38. Col. 601 C.

[714] - Hom. II, 4. Col. 465D. Ср.: II Ep. Col. 416A.

[715] - Hom. XXXIX, 1. Col. 701C.

[716] - Hom. XLIV, 9. Col. 785A.

[717] - Ibid. Col. 785B.

[718] - Hom. XLIV, 1. Col. 780A.

[719] - Hom. XLIII, 1. Col. 772C.

[720] - Ibid. Евр.2:11.

[721] - Hom. XVII, 1. Col. 624BC. Ср.: Hom. XXVIII, 3. Col. 696B; души святых суть «цари и господа и боги». Ср.: Hom. XLIV, 5. Col. 781B.

[722] - II Ep. Col. 412C 1Тим.4:4.

[723] - Hom. XV, 41. Col. 604BC.

[724] - Hom. XXX, 3. Col. 712D Ин.3:3.

[725] - Ibid. 2. Col. 721D.

[726] - Ibid. 2. Col. 721 CD.

[727] - Hom. XIV, 4. Col. 572CA.

[728] - Hom. XXX, 4. Col. 724B.

[729] - Ibid. 5. Col. 724D.

[730] - Ibid. 5. Col. 724C.

[731] - Hom. XXXVIII, 1. Col. 757D. Ср.: Hom. XII, 13. Col. 564D; Hom. XXX, 5. Col. 724D.

[732] - Hom. XXIII, 1. Col. 660C.

[733] - Ibid. Col. 660D. Ср.: II Ep. Col. 416A.

[734] - Hom. II, 5. Col. 468A.

[735] - De libert. mentis, 21. Col. 956. Ср.: Hom. V, 10. Col. 516B.

[736] - Ibid. Col. 956D.

[737] - Hom. XLII, 3. Col. 772A.

[738] - Рим.8:29; 2Кор.3:18; Гал.4:19; Hom. XXV, 4. Col. 669B; De perfect, in Spirit. 11. Col. 848A.

[739] - De charit. 7. Col. 913C.

[740] - Hom. XXV, 5. Col. 669D.

[741] - Hom. XXIV, 6. Col. 665D.

742 - Hom. XXXII, 6. Col. 737BC: «Когда твоя душа вступит в общение с Духом (Святым) и небесная душа войдет в душу твою, тогда совершенный ты человек в Боге, и наследник, и сын (Божий)».

743 - Hom. XXVI, 15. Col. 684D.

744 - Hom. XXIV. Col. 665D.

745 - Hom. XXVI, 2. Col. 676BC.

746 - Hom. XIV, 3. Col. 572B.

747 - Hom. XVI, 8. Col. 620A.

748 - Hom. XII, 17. Col. 568CD.

749 - Hom. XVII, 7. Col. 640A.

750 - Hom. XVIII, 10. Col. 641 A. Ср.: De elev. mentis, 12. Col. 900C; De charit. 7. Col. 913CD; Hom. XXX, 2. Col. 741D.

751 - Hom. XXX, 2. Col. 741D.

752 - Hom. XVIII, 10. Col. 641AB. Ср.: De chant. 7. Col. 913D.

753 - Hom. XIX, 6. Col. 648A.

754 - Ibid.

755 - Ibid. Ср.: De custod. cordis, 13. Col. 840A; Hom. XII, 5. Col. 560C; II Ep. Col. 425B; Hom. XV, 31. Col. 597A; Hom. XXVII, 1. Col. 693B.

756 - Гал.2:20. Ср.: De libert. mentis, 11. Col. 944A.

757 - De charit. 5. Col. 912BC.

758 - De libert. mentis, 4. Col. 937D.

759 - Hom. X, 1. Col. 541B.

760 - II Ep. Col. 416C.

761 - Ibid. Col. 416CD.

762 - Hom. XV, 47. Col. 608C. Ср.: Hom. XLVII, 14. Col. 805C; Hom. XXVII, 3. Col. 696A.

763 - Hom. XXXIII, 4. Col. 744B.

764 - II Ep. Col. 417A.

765 - Hom. XII, 15. Col. 565D.

766 - Hom. XLVII, 17. Col. 808BC.

767 - De charit. 8. Col. 916A.

768 - Hom. XXXVIII, 5. Col. 761B.

769 - Ibid.: «Ибо сказано: тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа и в непорочную душу». Ср.: Еф.5:32.

770 - Hom. XXV, 8. Col. 673A.

[771] - Hom. IX, 12. Col. 540AB. Ср.: Hom. XLVI, 3. Col. 793C: «Ибо когда душа прилепляется ко Господу, и Господь, милуя и любя ее, приходит и прилепляется к ней, и разумение ее непрестанно уже пребывает в благодати Господней, тогда душа и Господь делаются единый дух, единое срастворение, единый ум (мысль, мышление)».

[772] - De libert. mentis, 12. Col. 944D.

[773] - Ibid. Col. 944C: «Господь делается как бы душею».

[774] - Hom. XLVI, 4. Col. 793D.

[775] - Ibid.

[776] - Hom. XVI, 7. Col. 617C.

[777] - De charit. 7. Col. 913CD; Hom. XVIII, 10. Col. 641AB.

[778] - De charit. 7. Col. 913D-916A.

[779] - Hom. I, 2. Col. 452B.

[780] - De charit. 16. Col. 921BC.

[781] - Hom. XXXIII, 2. Col. 741D; De elev. mentis, 12. Col. 900C.

[782] - II Ep. Col. 417C.

[783] - Ibid. Col. 409C.

[784] - Hom. X, 2–5. Col. 541B-544C; De charit. 27. Col. 929B.

[785] - II Ep. Col. 433A.

[786] - Ibid. Col. 436AB.

[787] - Hom. XXXII, 6. Col. 737BC.

[788] - De charit. 28. Col. 929D-932A.

[789] - Ibid. Col. 932A.

[790] - Ibid. Col. 932C. Ср.: Hom. XXXII, 6. Col. 737B.

[791] - De patientia et discr. 18. Col. 880C.

[792] - Hom. X, 11. Col. 540A.

[793] - De libert. mentis, 12. Col. 944C.

[794] - Hom. XLVI, 31. Col. 793C.

[795] - Hom. XLIV, 1. Col. 780A.

[796] - Hom. V, 25. Col. 492C.

[797] - Hom. XXV, 5. Col. 669C.

[798] - Hom. XI, 11–12. Col. 553AB.

[799] - Hom. XXV, 3. Col. 668D.

[800] - Hom. XV, 38. Col. 601C.

[801] - Hom. XXXII, 4. Col. 736D.

[802] - Hom. XLVII. Col. 797A.
[803] - De elev. mentis, 11. Col. 900A.
[804] - Hom. XVII, 1. Col. 624BC; De elev. mentis, 13. Col. 900D.
[805] - De elev. mentis, 20. Col. 905D.
[806] - Hom. XVII, 15. Col. 633B. Ср.: De elev. mentis, 20. Col. 908A.
[807] - Ibid. Col. 663C. Ср.: De elev. mentis, 20. Col. 908B.
[808] - Hom. XVII, 13. Col. 632C.
[809] - Hom. XXV, 10. Col. 673C.
[810] - Hom. XVII, 4. Col. 625CD.
[811] - Hom. VI, 25. Col. 521B.
[812] - Ibid. Col. 521BC.
[813] - II Ep. Col. 421D-424A.
[814] - Hom. XVIII, 11. Col. 641B.
[815] - Hom. XVII, 8. Col. 629A.
[816] - Hom. XIX, 9. Col. 649A.
[817] - De custod. cordis 14. Col. 841A.
[818] - De charit. 11. Col. 917B.
[819] - Ibid. 14: Col. 920D.
[820] - Необходимым условием (лат.). – Примеч. ред.
[821] - II Ep. Col. 413A; Hom. X, 4. Col. 544B.
[822] - Ibid. Col. 409C.
[823] - De patientia et discr. 12. Col. 873D.
[824] - Ibid. 11. Col. 873C.
[825] - Hom. XVII, 1. Col. 624BC. Ср.: Ibid. 2. Col. 624D; Hom. VIII, 4. Col. 529CD: «Иной, богатый благодатью, всегда, день и ночь, стоит в совершенной мере, будучи свободен и чист, всегда пленен (благодатью) и возвышен (выспрен)».
[826] - Мф.5:18.
[827] - De orat. 11. Col. 861 A.
[828] - Ibid. Ср.: Hom. X, 4. Col. 544B; De patientia et discr. 9. Col. 873A.
[829] - De perfect, in Spirit. 2. Col. 844A.
[830] - De elev. mentis, 21. Col. 908AB.
[831] - Hom. XV, 33. Col. 597C.
[832] - Hom. XIII, 1. Col. 696B.
[833] - Hom. X, 4. Col. 544B.

[834] - De chant. 31. Col. 933D.

[835] - Hom. XXIV, 5. Col. 665B.

[836] - Hom. IV, 8. Col. 477CD. Ср.: De elev. mentis, 5. Col. 893B; II Ep. Col. 412C; Hom. XV, 53. Col. 613D.

[837] - Hom. XIV, 7. Col. 573D.

[838] - Hom. XXV, 10. Col. 673C.

[839] - Hom. XXX, 6. Col. 725B; De elev. mentis, 7. Col. 896A.

[840] - De elev. mentis, 7. Col. 896A.

[841] - Hom. XI, 2. Col. 515C.

[842] - Hom. Ill, 5. Col. 472A. Еф.4:13.

[843] - Ibid.

[844] - Hom. XXVI, 22. Col. 689B.

[845] - De custod. cordis, 7. Col. 825B.

[846] - Hom. XXXI, 4. Col. 729D-732A.

[847] - Hom. XLIX, 4. Col. 816A.

[848] - Ibid. Ср.: Hom. XXX, 7. Col. 725BC.

[849] - Hom. I, 7. Col. 457A.

[850] - II Ep. Col. 416A.

[851] - Hom. XXVII, 1. Col. 693B. Ср.: Hom. XXXII, 11. Col. 741Ä «Божество повсюду, везде обретаешь Его. Если ищешь на небесах, то и там обретается в помыслах Ангелов. Если ищешь на земле, и здесь обретается в сердцах людей».

[852] - Greg. Nyss. Quid sit, ad imag. et ad simil. / PG. T. 44. Col. 1337C. – В этом сочинении свт. Григория находится самым тщательным образом разработанное православное учение о том, что реальное Бого-познание, познание Троичного Божества обусловлено реальным самопознанием, познанием себя как образа Троичного Божества. Св. Григорий пишет: «Бог сотворил тебя по образу и подобию Своего Троичного существа, который (образ) познается как триада и единосущная монада, на которую если будешь благоговейно взирать, то, как бы в некоем зеркале и форме, найдешь все то, что было благочестиво (правильно) возвещено (открыто) о Боге» (col. 1341 A).

[853] - Greg. Nyss. Ibid. Col. 1340BC. Ср.: Athanas. Alex. De inkar. Verbi / PG. T. 26. Col. 116AB; Maximus Conf. Loci commun. / PG. T. 91. Col. 968B: «Точное познание себя дает тебе достаточное руководство к познанию Бога».

[854] - Также «надзирающим». – Примеч. пер.

[855] - Гал.2:20.

[856] - Лк.17:21.

[857] - Ср.: Несмелое В. И. Наука о человеке. Казань, 1898. Т. 1. С. 292–294.

[858] - Ср.: Clem. Alex. Strom. IV, 7 / PG. T. 8. Col. 1265B: «Логическое знание (познание) – то, основанием которого являются святые три: вера, надежда, любовь».

[859] - Ср.: Еф.3:16–19, 4:11–16; 2Пет.1:3–9.

[860] - Главными представителями этого направления являются Бэкон, Локк, Гоббс, Беркли, Юм.

[861] - Типичные представители этого направления – Декарт, Спиноза, Лейбниц.

[862] - Самым знаменитым представителем этого направления является Кант.

[863] - В этой части своего учения (познание – не только гносеологический, но и этико-онтологический акт) преп. Иустин близок к ранним славянофилам (А. С. Хомякову, И. В. Киреевскому) и в особенности к свящ. Павлу Флоренскому: ср.: Флоренский Павел, священник. Столп и утверждение Истины. М., 1914. – Примеч. ред.

[864] - Ср.: Флоренский Павел, священник. Цит. соч. С. 61–63. В греческом тексте нет приведенных здесь латинских изречений (и пояснительных предложений к ним); они взяты из указ. соч. свящ. П. Флоренского. – Примеч. ред. оригинала.

[865] - Hom. VII, 6. Col. 528A. – Сам преп. Макарий во время молитвы видел человеческие души, возносимые Ангелами на небо. – Vision, de sanct. angel. Col. 224A-229A.

[866] - «Psychologie ohne Seele» – психология без души – общая методологическая установка так называемой «физиологистской» школы немецкого ученого В. Вундта (конец XIX – нач. XX в.). Не отрицая прямо религиозных представлений о душе, она вынесла их за рамки своих исследований. Как писал русский последователь школы Вундта психолог Г. Челпанов, «хотя психология, как обыкновенно принято определять ее, и есть наука о душе, но мы можем приняться за изучение ее «без души», т. е. без метафизических предположений о сущности, непротяженности ее, и можем в этом держаться примера исследований в области физики» (Челпанов Г. Психология и школа Сб. ст. М., 1912. С. 9). Преп. Иустин

очень тонко и глубоко замечает, что для христианина, опытно переживающего истины веры, психология без души невозможна. – Примеч. ред.

867 - Hom. XLIX, 4. Col. 816B. Ср.: Hom. XV, 14–15. Col. 585B; Hom. XI, 4. Col. 548A.

868 - Hom. I, 2. Col. 452AB; Hom. XLIX, 4. Col. 816BC.

869 - Hom. IX, 10. Col. 537C.

870 - Ibid. Col. 537BC.

871 - Hom. I, 2. Col. 452B.

872 - Hom. VI, 5. Col. 521B.

873 - Ibid. Col. 521C.

874 - Ibid.

875 - Hom. XX, 5. Col. 652. Ср.: Ibid. 6. Col. 653B.

876 - Ibid. 4. Col. 652C.

877 - Ibid.

878 - Hom. XX, 4–5. Col. 652CD.

879 - Hom. XXXII, 7. Col. 737C.

880 - De chant. 11. Col. 917C; 1Кор.2:11.

881 - Ibid. Col. 917B Ин.16:13.

882 - Ibid. Col. 917C.

883 - Hom. II, 2. Col. 464C.

884 - De charit. 11. Col. 917AB.

885 - Hom. XXVIII, 5. Col. 713A.

886 - Hom. XV, 9. Col. 581B; De charit. 23. Col. 925D.

887 - Hom. XLIV, 1. Col. 780A.

888 - De charit. 23. Col. 928A.

889 - Hom. IX, 8. Col. 536D. Ср.: Hom. XV, 44. Col. 605C.

890 - De charit. 24. Col. 928B.

891 - Ibid. 26. Col. 929A.

892 - Ibid. 28. Col. 929C-932B.

893 - Hom. XXXVII, 6. Col. 753C.

894 - Ibid. 7. Col. 753D.

895 - De charit. 17. Col. 921D.

896 - Ibid. Col. 924A. Ср.: De elev. mentis, 7. Col. 896A.

897 - De libert. mentis, 21. Col. 956A.

[898] - Ibid. 22. Col. 956D. Ср.: De chant. 21–22. Col. 925BC.
[899] - De libert. mentis, 23. Col. 957B.
[900] - Ibid. 24. Col. 957B. Ср.: De charit. 26. Col. 929B. Ibid. 7. Col. 913C.
[901] - Hom. XV, 20. Col. 589A. Ср.: Hom. XLVI, 6. Col. 796C.
[902] - Hom. XV, 20. Col. 589AB.
[903] - De elev. mentis, 15. Col. 904B.
[904] - Hom. XLIV, 1. Col. 780A.
[905] - Ibid. 2. Col. 780B.
[906] - Hom. XII, 17. Col. 568C.
[907] - De elev. mentis, 21. Col. 908B.
[908] - II Ep. Col. 417B.
[909] - Hom. XII, 17. Col. 568C.
[910] - Ibid. 18. Col. 569A.
[911] - Ibid.
[912] - De charit. 6. Col. 912C. Ср.: Hom. XIV, 2. Col. 572A.
[913] - Hom. XVIII, 1. Col. 636A.
[914] - Hom. I, 6. Col. 456D.
[915] - Ibid. 7. Col. 457B.
[916] - Ibid. 9. Col. 460A.
[917] - De patientia et discr. 1. Col. 865C.
[918] - Hom. I, 2. Col. 452A. Ср.: Ibid. 4. Col. 453B.
[919] - Ibid. 2. Col. 452A.
[920] - Ibid. Col. 452B.
[921] - Hom. VIII, 3. Col. 529CD.
[922] - De charit. 8. Col. 916A.
[923] - Hom. XXV, 3. Col. 668D.
[924] - Hom. XXXIV, 2. Col. 745A.
[925] - Hom. I, 4. Col. 453C.
[926] - II Ep. Col. 416A.
[927] - Hom. XXXVIII, 5. Col. 713B. Ср.: Ibid. 4. Col. 713A.
[928] - Hom. XXXVIII, 5. Col. 713B.
[929] - Hom. IV, 9. Col. 480AB. Ср.: De elev. mentis, 6. Col. 893CD.
[930] - Hom. VII, 5. Col. 525D.
[931] - Ibid.

[932] - Hom. XXV, 9. Col. 673AB.
[933] - De elev. mentis, 13. Col. 901AB.
[934] - Hom. XLV, 1. Col. 785D.
[935] - De elev. mentis, 13. Col. 901B.
[936] - Ibid.
[937] - Hom. II, 5. Col. 468A.
[938] - De elev. mentis, 20. Col. 905C.
[939] - Hom. VII, 5. Col. 525D.
[940] - Ibid.
[941] - Hom. L, 3. Col. 817C.
[942] - Ibid.
[943] - Hom. XLVII, 17. Col. 808B.
[944] - Hom. XLVI, 4. Col. 796B.
[945] - Ibid. 5. Col. 796B.
[946] - Ibid.
[947] - II Ep. Col. 412C.
[948] - Hom. VIII, 6. Col. 532C. Ср.: Hom. XV, 8. Col. 581A.
[949] - De custod. cordis, 13. Col. 836C.
[950] - Ibid. 3. Col. 824B.
[951] - Hom. XLVI, 3. Col. 793C.
[952] - Hom. V, 4. Col. 497AB. Ср.: Hom. VII, 1. Col. 524C; Hom. V, 27. Col. 493D; De elev. mentis, 2. Col. 892B; De charit. 23. Col. 925D.
[953] - Hom. XXIV, 1. Col. 661D. Ср.: De charit. 17. Col. 924A.
[954] - Hom. II, 3. Col. 465A.
[955] - Hom. XLIV, 5. Col. 781C.
[956] - Hom. XLVII, 2. Col. 797B. Ср.: Hom. V, 11. Col. 516BC.
[957] - Hom. XXX, 6. Col. 725B.
[958] - Hom. V, 4. Col. 497C.
[959] - Hom. IX, 7. Col. 536C.
[960] - Hom. V, 11. Col. 516D.
[961] - Hom. II, 4. Col. 465C. Ср.: Hom. IV, 11. Col. 481A.
[962] - Hom. IV, 15. Col. 484C.
[963] - Hom. Ill, 3. Col. 469B.
[964] - Hom. XVIII, 5. Col. 637BC.

[965] - Hom. XXXI, 1. Col. 728D-729A.

[966] - Ibid. 2. Col. 729B.

[967] - Hom. XXVII, 12. Col. 701C.

[968] - Hom. XLIX, 3. Col. 813C.

[969] - Hom. XV, 26. Col. 593A.

[970] - Hom. XL, 5. Col. 765B.

[971] - Hom. I, 3. Col. 453A.

[972] - Hom. I, 9. Col. 460AB. Ср. Ibid.: «Святые души носятся и путеводствуются Духом Христовым, Который правит, куда Ему угодно. И когда угодно Ему, – носятся в небесных помыслах».

[973] - Hom. XV, 42. Col. 604D.

[974] - De charit. 6. Col. 912D.

[975] - Hom. XVIII, 7. Col. 640B.

[976] - De charit. 6. Col. 912D.

[977] - Hom. XI, 7.

[978] - De charit. 6. Col. 913B.

[979] - Ин.15:6.

[980] - Ин.15:6.

[981] - Hom. XIV, 3. Col. 572C.

[982] - Hom. XVII, 10. Col. 629C.

[983] - Hom. XVII, 10. Col. 629D.

[984] - Ibid. Col. 629C.

[985] - Ibid. Col. 629D.

[986] - De elev. mentis, 15. Col. 904B.

[987] - Ibid.

[988] - Hom. XVIII, 9. Col. 649D.

[989] - Apophtegm. 8. Col. 236A.

[990] - II Ep. Col. 416A.

[991] - De elev. mentis, 25. Col. 957C.

[992] - Hom. XXVI, 23. Col. 689C. Ср.: Hom. XVII, 1. Col. 624C.

[993] - И по свт. Григорию Паламе (Theoph. / PG. T. 150. Col. 956. Ср.: Ibid. Col. 957C): «Святые чрез общение в Духе (Святом) богоподобными» становятся.

[994] - Hom. XVII, 1. Col. 769C.

[995] - Hom. IV, 12. Col. 481B.

[996] - Hom. XXVII, 17. Col. 705B. См.: Tixeront. Histoire des Dogmes. T. 2. P. 174.

[997] - Ibid.

[998] - Ср.: Hom. IV, 11. Col. 480D.

[999] - Hom. XXVI, 17. Col. 685BC.

[1000] - De charit. 2–3. Col. 909AB.

[1001] - De charit. 1–2. Col. 908C-909A 1Кор.1:18.

[1002] - Ibid. 21–23. Col. 925CD; De elev. mentis, 18. Col. 904D-905A; Hom. XVII, 12. Col. 632AB; De charit. 12. Col. 920D.

[1003] - De libert. mentis, 21. Col. 956A.

[1004] - Hom. XVII, 13. Col. 632C.

[1005] - De custod. cordis, 6–7. Col. 825A. Ср.: Hom. VI, 3. Col. 520: De elev. mentis, 13. Col. 901BC; De perfect, in Spirit. 13.

[1006] - De libert. mentis, 27. Col. 960C.

[1007] - Hom. XV, 49. Col. 609B.

[1008] - Hom. I, 24. Col. 452A-453C. Ср.: Hom. V, 1. Col. 476A.

[1009] - De patientia et discr. 13. Col. 876BD. Ср.: Hom. XXXIV, 1. Col. 744C; Hom. XVI, 5. Col. 616D-617B; Apophtegm. Col. 240B.

[1010] - Hom. I, 4. Col. 820B.

[1011] - De patientia et discr. 18. Col. 880C.

[1012] - De elev. mentis, 3. Col. 892B.

[1013] - De custod. cordis, 7. Col. 825A.

[1014] - Hom. IV, 1. Col. 472D.

[1015] - Hom. V, 8. Col. 513B. Ср.: Ibid. 9. Col. 513C; De elev. mentis, 2. Col. 892B; Hom. II, 5. Col. 468B; De patientia et discr. 29. Col. 889A; De elev. mentis, 1. Col. 889C.

[1016] - Hom. V, 9. Col. 513D.

[1017] - De libert. mentis, 25. Col. 957C.

[1018] - Hom. V, 7. Col. 513A.

[1019] - Hom. XI, 1. Col. 544D.

[1020] - Hom. XXV, 10. Col. 673D.

[1021] - Hom. XI, 1. Col. 545A.

[1022] - Hom. XV, 10. Col. 581C.

[1023] - Ibid. Col. 58ID.

[1024] - Евр.2:11.

[1025] - Ин.17

[1026] - Hom. XV, 38. Col. 601C.

[1027] - Греч. χρησοί «благие», как это стоит в издании Migne. Но в новых изданиях, сделанных на основании более точных рукописей, стоит: χριστοί «христы», т. е. святые «становятся христами». – Примеч. ред. оригинала.

[1028] - Hom. XXXIV, 2. Col. 745B.

[1029] - Как это делает Й. Штоффельс в своем труде, см. в особенности с. 78 и 156.

[1030] - Apophtegm. 32. Col. 253B: «Говорили об авве Макарии Великом, что стал он, как написано, земным богом».

[1031] - Ἐπιστολὴ 4. P. 380. Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου, Τὰ εὑρεθέντα ἀσκιτικά, ἔκδ. Νικηφόρου τοῦ Θεοτόκη, ἐν Λειψίᾳ 1771, ἀνατυπούμενα ἐπιμ. Ἰωακεὶμ Σπετσιέρη, Ἀθῆναι 1895. Все примечания даются по этому изданию (на русском языке). – Примеч. ред.

[1032] - Там же. Слово 83. С. 317.

[1033] - Там же.

[1034] - Слово 82. С. 314.

[1035] - Слово 69. С. 271.

[1036] - Слово 6. С. 32.

[1037] - Слово 30. С. 132.

[1038] - Там же. С. 131.

[1039] - Там же. С. 132.

[1040] - Слово 38. С. 164.

[1041] - Слово 26. С. 112.

[1042] - Слово 56. С. 227.

[1043] - Слово 85. С. 329.

[1044] - Слово 86. С. 354.

[1045] - Слово 83. С. 317.

[1046] - Ср.: Слово 38. С. 164.

[1047] - Ср.: Там же. С. 165.

[1048] - Слово 37. С. 161.

[1049] - Слово 19. С. 73.

[1050] - Слово 27. С. 119.

[1051] - Слово 1. С. 5, 2.

[1052] - Слово 7. С. 33. Ср.: Слово 26. С. 109; Слово 18. С. 64.
[1053] - Слово 46. С. 190.
[1054] - Слово 68. С. 270.
[1055] - Слово 1. С. 2.
[1056] - Ср.: Слово 23. С. 90.
[1057] - Ср.: Слово 26. С. 109.
[1058] - Слово 34. С. 150.
[1059] - Слово 1. С. 2.
[1060] - Слово 5. С. 23. Ср.: Слово 1. С. 3.
[1061] - Слово 25. С. 106.
[1062] - Слово 15. С. 54.
[1063] - Ср.: Слово 26. С. 115.
[1064] - Там же. С. 111.
[1065] - Слово 30. С. 127.
[1066] - Слово 44. С. 184.
[1067] - Слово 1. С. 3–4.
[1068] - Слово 26. С. 116.
[1069] - Там же. С. 109. Ср.: Слово 38. С. 165.
[1070] - Слово 29. С. 125.
[1071] - Слово 34. С. 147.
[1072] - Слово 56. С. 223.
[1073] - Слово 69. С. 272.
[1074] - Слово 1. С. 4.
[1075] - Слово 5. С. 23.
[1076] - Слово 26. С. 111.
[1077] - Слово 56. С. 221.
[1078] - Слово 1. С. 4.
[1079] - Слово 36. С. 160.
[1080] - Слово 30. С. 129.
[1081] - Слово 2. С. 10.
[1082] - Слово 3. С. 14.
[1083] - Слово 23. С. 93.
[1084] - Слово 41. С. 172.
[1085] - Слово 34. С. 149.

[1086] - Слово 15. С. 55.
[1087] - Слово 30. С. 127.
[1088] - Слово 5. С. 21. Ср.: Слово 26. С. 110.
[1089] - Слово 2. С. 9. Ср.: Слово 43. С. 180.
[1090] - Слово 26. С. 112.
[1091] - Слово 5. С. 26.
[1092] - Слово 30. С. 127.
[1093] - Там же.
[1094] - Слово 68. С. 269. Ср.: Слово 81. С. 310.
[1095] - Слово 38. С. 166. Ср.: Слово 44. С. 184; Слово 56. С. 230.
[1096] - Слово 12. С. 49.
[1097] - Слово 35. С. 155.
[1098] - Там же. С. 151.
[1099] - Слово 69. С. 272.
[1100] - Там же.
[1101] - Слово 21. С. 83.
[1102] - Слово 49. С. 205.
[1103] - Слово 14. С. 53.
[1104] - Слово 35. С. 155.
[1105] - Слово 85. С. 346.
[1106] - Слово 32. С. 140.
[1107] - Слово 35. С. 156.
[1108] - Слово 69. С. 272.
[1109] - Слово 38. С. 164. Ср.: Слово 84. С. 326.
[1110] - Слово 69. С. 272.
[1111] - Письмо 4. С. 378.
[1112] - Там же. С. 367.
[1113] - Слово 81. С. 308.
[1114] - Слово 58. С. 236.
[1115] - Слово 43. С. 180.
[1116] - Слово 81. С. 308. Ср.: Письмо 4. С. 374.
[1117] - Слово 72. С. 282.
[1118] - Слово 84. С. 326.
[1119] - Слово 85. С. 348.

[1120] - Письмо 4. С. 387.
[1121] - Слово 21. С. 83.
[1122] - Там же.
[1123] - Слово 21. С. 84.
[1124] - Слово 56. С. 229.
[1125] - Слово 20. С. 76.
[1126] - Там же. С. 79.
[1127] - Там же. С. 80. Ср.: Слово 23. С. 97; Слово 37. С. 160.
[1128] - Слово 20. С. 79.
[1129] - Слово 43. С. 176.
[1130] - Слово 58. С. 236.
[1131] - Слово 81. С. 312.
[1132] - Слово 23. С. 93.
[1133] - Слово 81. С. 311.
[1134] - Там же.
[1135] - Слово 5. С. 28.
[1136] - Там же. С. 29.
[1137] - Слово 19. С. 72.
[1138] - Там же.
[1139] - Там же. С. 73. Ср.: Слово 46. С. 192–193.
[1140] - Слово 57. С. 233.
[1141] - Слово 46. С. 193.
[1142] - Слово 26. С. 111.
[1143] - Слово 8. С. 36.
[1144] - Слово 35. С. 154
[1145] - Слово 9. С. 41.
[1146] - Там же.
[1147] - Слово 19. С. 63.
[1148] - Там же. С. 70.
[1149] - Слово 44. С. 183.
[1150] - Слово 23. С. 97–98.
[1151] - Там же. С. 91.
[1152] - Слово 83. С. 320. Ср.: Слово 86. С. 353.
[1153] - Слово 83. С. 319.

[1154] - Слово 11. С. 46.
[1155] - Слово 81. С. 310.
[1156] - Слово 86. С. 354.
[1157] - Письмо 4. С. 377.
[1158] - Слово 30. С. 129.
[1159] - Слово 56. С. 228.
[1160] - Письмо 4. С. 390.
[1161] - Слово 14. С. 53. Ср.: Слово 23. С. 99.
[1162] - Слово 56. С. 228. Ср.: Слово 23. С. 102.
[1163] - Слово 24. С. 104.
[1164] - Слово 68. С. 269.
[1165] - Слово 32. С. 137.
[1166] - Слово 8. С. 37.
[1167] - Слово 31. С. 134.
[1168] - Слово 32. С. 134.
[1169] - Письмо 4. С. 367.
[1170] - Слово 83. С. 319–320.
[1171] - Там же. С. 320.
[1172] - Слово 85. С. 342.
[1173] - Там же. С. 341.
[1174] - Слово 16. С. 56.
[1175] - Слово 17. С. 59.
[1176] - Слово 56. С. 222.
[1177] - Слово 58. С. 239.
[1178] - Слово 16. С. 57.
[1179] - Там же.
[1180] - Слово 34. С. 150.
[1181] - Слово 18. С. 64–65.
[1182] - Там же.
[1183] - Слово 19. С. 69.
[1184] - Там же.
[1185] - Там же. С. 71
[1186] - Слово 62. С. 250.
[1187] - Там же. С. 250–252.

[1188] - Там же. С. 253.
[1189] - Там же.
[1190] - Там же. С. 254.
[1191] - Там же. С. 254–255.
[1192] - Там же. С. 255.
[1193] - Слово 63. С. 256–258.
[1194] - Слово 64. С. 258.
[1195] - Слово 65. С. 259–260.
[1196] - Там же. С. 260.
[1197] - Там же. С. 260–262.
[1198] - Слово 66. С. 262–263.
[1199] - Слово 72. С. 281.
[1200] - Слово 44. С. 183.
[1201] - Слово 18. С. 65.
[1202] - Слово 48. С. 198.
[1203] - Слово 38. С. 164.
[1204] - Слово 44. С. 185.
[1205] - Слово 38. С. 164.
[1206] - Слово 69. С. 272.
[1207] - Слово 58. С. 240.
[1208] - Слово 61. С. 249.
[1209] - Слово 84. С. 323.
[1210] - Слово 57. С. 233.
[1211] - Слово 78. С. 299.
[1212] - Слово 19. С. 62. Ср.: Письмо 4. С. 382.
[1213] - Слово 83. С. 318. Ср.: Слово 85. С. 335.
[1214] - Слово 30. С. 130.
[1215] - Слово 56. С. 223.
[1216] - Слово 37. С. 161.
[1217] - Слово 5. С. 19.
[1218] - Слово 5. С. 31.
[1219] - Письмо 4. С. 383.
[1220] - Слово 58. С. 234.
[1221] - Слово 56. С. 227.

[1222] - Слово 30. С. 131.
[1223] - Там же. С. 129.
[1224] - Там же. С. 130.
[1225] - Слово 31. С. 134.
[1226] - Слово 40. С. 169–170.
[1227] - Слово 17. С. 59.
[1228] - Там же. С. 61.
[1229] - Слово 32. С. 135.
[1230] - Слово 35. С. 154.
[1231] - Слово 43. С. 176.
[1232] - Слово 34. С. 153.
[1233] - Слово 73. С. 291.
[1234] - Слово 67. С. 265.
[1235] - Слово 43. С. 177–178. Ср.: Там же. С. 182.
[1236] - Слово 82. С. 314.
[1237] - Слово 83. С. 316.
[1238] - Там же. С. 317.
[1239] - Слово 1. С. 6.
[1240] - Письмо 3. С. 366.
[1241] - Слово 16. С. 58.
[1242] - Там же. С. 59. Ср.: Слово 44. С. 186.
[1243] - Письмо 4. С. 389.
[1244] - Там же. С. 383.
[1245] - Там же. С. 370.
[1246] - Там же. С. 383.
[1247] - Слово 19. С. 70. Ср.: Слово 35. С. 154.
[1248] - Там же.
[1249] - Слово 25. С. 105.
[1250] - Слово 30. С. 131.
[1251] - Слово 29. С. 123. Ср.: Там же. С. 124; Письмо 4. С. 364.
[1252] - Письмо 4. С. 388.
[1253] - Слово 16. С. 58.
[1254] - Письмо 4. С. 387.
[1255] - Там же. С. 384.

[1256] - Слово 5. С. 30.

[1257] - Слово 81. С. 306.

[1258] - Из Христа, глазами Христа (лат.). – Примеч. ред.

[1259] - Подробнее о так называемых доказательствах бытия Бога см.: Лега В. П. Философия Плотина и патристика: взгляд с точки зрения современной православной апологетики. М.: ПСТБИ, 2002. С. 100–108; а так же: Кудрявцев-Платонов В. Д. Лекции о доказательствах бытия Бога. Сергиев Посад. 1895; Рождественский И. П. Христианская апологетика. Основное богословие. СПб., 1884. Т. 1. С. 314–327. – Примеч. ред.

[1260] - Так у преп. Иустина. В действительности цитируемый текст относится не к Евангелию, а к Соборным Посланиям. – Примеч. ред.

[1261] - Социане или социниане – протестантское антитринитарное учение, названное по имени его основателя Фауста Социна (1539–1604). Отвергая догмат о Святой Троице, социане считали Иисуса Христа истинным, настоящим человеком, но одаренным Божественными свойствами: Свою Божественную силу Христос получил от Бога Отца. – Примеч. ред.

[1262] - Шлейермахер Фридрих (1768–1834) – знаменитый немецкий философ, теолог и проповедник. – Примеч. ред.

Содержание

Собрание творений. Том 1 На Богочеловеческом пути. Путь Богопознания преподобный Иустин (Попович), Челийский 1
Жизнеописание отца Иустина 2
Погребение отца Иустина и сорокадневное поминовение 52
Речь архимандрита Марка из г. Висбаден на погребении отца Иустина 56
Проповедь игумена Святогорского монастыря Григориат архимандрита Георгия на сорокадневном поминовении отца Иустина 57
Могучий дуб Православия 59
Преподобному отцу Иустину 60
Правда о Сербской Православной Церкви в коммунистической Югославии 61
В память об отце Иустине 62
I. Об отношении Церкви к властям 63
II. Сербская Православная Церковь в коммунистической Югославии 73
Постепенная ликвидация Церкви 77
Гонение на Сербскую Православную Церковь 81
Не сотрудничество – а сосуществование 85
Космическая ложь 87
Дописано в августе 1969 года 89
На Богочеловеческом пути 90
Серна в потерянном рае73. Исповедь 91
Молитвенный дневник74 97
Подвижнические и Богословские главы 106
Стословие первое81 106
Стословие второе 121
Стословие третье 141
Из писем 151
1. Христообразное сердце мира93 152
2. Любодейство или самоотверженная любовь94 155
3. Не дышать без молитвы95 156

4. Православная вера – наивысшее богатство96 158
5. Кьеркегор и евангельское смиренномудрие97 159
6. Образ истинного священника98 161
7. Благодать священства99 163
8. Загадочная притча Спасителя100 164
9. Святая печаль по усопшим101 167
10. Будущему монаху о соединении ума с молитвой и о Всеправославном Соборе102 169
11. Святость Камю без Бога104 171
12. Философия по Христу109 173
13. Превращение дня в святые четки110 175
14. Жизнь преображать в жизнь во Христе111 176
15. Богочеловеческое развитие (эволюция)112 178
16. Человек и Богочеловек115 180
17. Монашеская жизнь: пост и молитва117 183
18. Херувимская бдительность и проницательность118 185
19. Под покровительством святого Красника Девичского119 187
20. Человек на девяносто девять процентов с неба120 189
Непрестанно молиться121 191
22. Святое иконописное Евангелие Византии122 192
23. Искание себя, богочеловеческого123 194
24. Евангельская забота о ближних124 196
25. Прощание с родной сестрой125 197
Из проповедей 198
Проповедь о двух наибольших заповедях126 199
Проповедь в день Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна127 204
Проповедь в день святого Благовещения Пресвятой Богородицы и Входа Господня в Иерусалим128 211
Проповедь на освящении обновленного храма130 216
Проповедь на отпевании доброй христианки131 221
Рождественские и пасхальные поздравления 224
Совершенный Бог и совершенный Человек. Христос родися!132 225
Бог вошел в недра человеческой жизни133 227
Христово воскресение – победа над смертью135 230
Люди – это вечные братья, вечные собратья136 232
Из статей 236

Из статей 236
Внутренняя миссия нашей Церкви. (Осуществление Православия)137 237
Основная истина Православия – Богочеловек139 244
Подвижник наших горьких дней140 (В память почившего отца Сретена Вунчича) 248
Малая свеча на могиле большого друга142 (Памяти Бранислава Нушича) 253
Об убийстве144 257
Из богослужебных текстов 261
Молитва святому Архангелу Михаилу147 261
Путь богопознания. Главы из православной аскетики и гносеологии 263
Проблема личности и познания по учению святого Макария Египетского 264
Введение 264
I. Человеческая личность до грехопадения 265
II. Распад личности 268
1. Учение о грехе 268
2. Учение о грехе и гносеология 278
III. Восстановление личности 285
1. Тайна Богочеловека Христа 285
2. Усвоение этической триады (тройства) 293
3. Синергизм благодати и воли 310
IV. Обожение – Θέωσις – личности 314
V. Гносеология обоженной личности 325
Заключение 339
Гносеология святого Исаака Сирина 341
Введение 341
I. Болезнь органов познания 343
II. Исцеление органов познания 344
1. Вера 345
2. Молитва 346
3. Любовь 347
4. Смиренномудрие 349
5. Благодать и свобода 350
6. Очищение 351
III 354

III 354
1. Тайна познания 354
2. Созерцание 362
Заключение 368
Подвижнические и гносеологические главы 373
Отрывки из произведений отца Иустина 419
О духе времени 420
Тайна добра и зла 422
Современное арианство 423
Атеистическая школа 425
Священнослужитель 426
Из неопубликованных проповедей отца Иустина 427
Чему учат детей в школах? 428
Почему этот мир не хочет Христа? 429
Примечания 430